This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav 392.10

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XXXIV. № 8—АВГУСТЪ. 1894 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Часть II—неоффиціальная.

I. Ученіе о преступленіи по Литовскому Статуту. Соин., удост. юрид. факульт. золотой медали.—Б. студ. **І. Малиновскаго** 1—51

II. Кровь и ея измѣненія въ болѣзняхъ. — Прив.-доц. **И. И. Георгіевскаго** 1—74

III. Исторія проказы въ Терской области (съ рисунк.). —Проф. **Г. Н. Минха** . 63—168

Критика и библіографія.

IV. Старые поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ. — Проф. **А. Н. Гилярова** . 227—305

Прибавленія.

I. Наблюденія Метеорологической обсерваторіи У-та Св. Владиміра въ Кіевѣ, издаваемыя проф. **П. И. Броуновымъ** (съ картою) . . . . . 1—16

II. Курсъ химической технологіи (съ рисунками).— Проф. **Н. А. Бунге** . . 257—288

III. Объявленіе о подпискѣ на „Этнографическое Обозрѣніе“ . . . . . I—II

КІЕВЪ.
1894.

121

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ

ИЗВѢСТІЯ.

206
1944

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 8—АВГУСТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
В. І. Завадзкаго. Большая-Васильковская улица, д. № 29—31.
1894.

P Slav 392.10

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY

THIS LIBRARY OF CONGRESS DUPLICATE

51*17

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра

Ректоръ *Ѳ. Фортинскій.*

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть II—неоффиціальная.

I. Ученіе о преступленіи по Литовскому Статуту. Сочиненіе, удост. юрид. фак. зол. медали.—Б. студ. **І. Малиновскаго** 1—51

II. Кровь и ея измѣненія въ болѣзняхъ. — Прив.-доц. **И. И. Георгіевскаго** . . . . . 1—74

III. **Исторія проказы въ** Терской области (съ рисунками). — Проф. **Г. Н. Минха** . . . . . 63—168

Критика и библіографія.

IV. Старые поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ. — Проф. **А. Н. Гилярова** . . . . . 227—305

Прибавленія.

I. Наблюденія Метеорологической обсерваторіи Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ, издаваемыя профессоромъ **П. И. Броуновымъ** (съ картою) . . . . . 1—16

II. Курсъ химической технологіи (съ рисунками).—Профессора **Н. А. Бунге** . . . . . 257—288

III. Объявленіе о подпискѣ на „Этнографическое Обозрѣніе". I—II

УЧЕНІЕ О ПРЕСТУПЛЕНІИ ПО ЛИТОВСКОМУ СТАТУТУ.

Подъ именемъ Литовскаго Статута мы разумѣемъ три законодательныхъ памятника XVI вѣка: а) Литовскій Статутъ 1529 года (Старый Статутъ); б) Статутъ вел. кн. Литовскаго 1566 года (Волынскій Статутъ) и в) Статутъ вел. кн. Литовскаго 1588 года. Всѣ три Статута находятся въ непосредственной связи между собою: первый Статутъ послужилъ источникомъ для второго, а второй для третьяго; поэтому содержаніе перваго Статута уясняется и получаетъ дальнѣйшее развитіе въ послѣдующихъ Статутахъ. Принимая во вниманіе такое отношеніе этихъ памятниковъ другъ къ другу, мы называемъ ихъ редакціями Литовскаго Статута [1]) и разсматриваемъ совмѣстно содержаніе ихъ, указывая каждый разъ—находится данное постановленіе въ одной, двухъ или во всѣхъ трехъ редакціяхъ, а въ послѣднихъ двухъ случаяхъ—какимъ видоизмѣненіямъ подвергалось это постановленіе. Такой методъ избавитъ насъ отъ повтореній, неизбѣжныхъ при разсмотрѣніи постановленій каждаго Статута отдѣльно, а также дастъ намъ возможность указать и историческое развитіе различныхъ институтовъ уголовнаго права.

Вслѣдъ за изданіемъ Статута 1566 года совершилась унія Польши и Литвы (1569 г.). Нѣкоторыя конституціи, появившіяся послѣ уніи, имѣли общеобязательный характеръ для Польши и Литвы. Ограничивая предѣлы нашей работы изложеніемъ уголовныхъ постановленій Лит. Ст., мы совершенно не касаемся этихъ конституцій. Кромѣ того мы не считали необходимымъ расширять предѣлы нашей работы въ

[1]) Статутъ 1529 г.—I ред. Лит. Ст.; Ст. 1566 г.—II ред. Лит. Ст. и Ст. 1588 г.—III ред. Лит. Ст.

данномъ случаѣ и по слѣдующимъ соображеніямъ: съ одной стороны, относительно нѣкоторыхъ конституцій является гадательнымъ вопросъ о томъ, имѣли ли они обязательный характеръ и для Литвы; съ другой стороны, законодатель, несомнѣнно, включилъ въ III ред. Лит. Стат. и уголовныя постановленія конституцій, обязательныхъ для Литвы,—конечно, въ измѣненномъ и переработанномъ видѣ.

ОБЩЕЕ ПОНЯТІЕ О ПРЕСТУПЛЕНІИ.

Въ Литовскомъ Статутѣ употребляются слѣдующіе термины для обозначенія понятія—преступленіе: „выступъ," „злочинство," „кривда," „шкода," „збытокъ," „кгвалтъ," „вина." Всѣ эти термины указываютъ на различныя стороны одного и того же понятія.

Преступленіе, какъ нарушеніе нормы.

Терминъ „выступъ" соотвѣтствуетъ современному термину—преступленіе и указываетъ на нарушеніе запрещеннаго, на переходъ черезъ недозволенную границу. Что же нарушаетъ преступникъ? При нѣкоторыхъ преступленіяхъ отвѣтъ на этотъ вопросъ вполнѣ ясенъ. Преступникъ нарушаетъ „уставу" или „заказъ" короля, а потому называется „выступный съ тое уставы." Существуетъ, напримѣръ, „устава:"

> „ижъ жаденъ панъ и нихто с подданыхъ нашихъ своюльне въ дворехъ нашихъ у великомъ князстве Литовскомъ, ездячи дорогами, не мають се становити и стацей на себе и на кони свои з дворов нашихъ брати, ставовъ, сажовокъ и озеръ нашихъ волочити" (III, I, 35).

Нарушеніе этой „уставы" („естли бы хто напротивко той уставе нашой учинилъ") называется „выступомъ." Въ большинствѣ случаевъ такой „уставы" нѣтъ, а преступленіе все таки называется „выступомъ," преступникъ—„выступнымъ." Въ Лит. Стат. нѣтъ отдѣльныхъ постановленій, предписывающихъ не убивать, не оскорблять, не наносить ранъ, не красть и т. д. (подобно еврейскому законодательству, гдѣ есть такія постановленія: не убей, не украдь, не прелюбодѣйствуй...). Въ Лит. Стат. уголовныя постановленія выражаются въ большинствѣ случаевъ въ такой формѣ: „кгды бы забилъ..... кгды бы ра-

нилъ..... кгды бы укралъ....—таковый выступца маеть каранъ быти.“ Въ этихъ случаяхъ преступникъ нарушаетъ („выступаетъ“) то требованіе, тотъ запретъ, который выраженъ въ диспозитивной части уголовнаго закона. Всѣ тѣ требованія, запреты, нарушеніе которыхъ составляетъ преступленіе, современная теорія называетъ нормами. Нѣкоторыя нормы — суть общеизвѣстныя правила, прочно укоренившіяся въ народномъ сознаніи и не нуждающіяся въ отдѣльномъ опредѣленіи ихъ законодателемъ. Дѣятельность законодателя по отношенію къ такимъ нормамъ ограничивается угрозой наказаніемъ въ случаѣ ихъ нарушенія („естли бы забилъ... кгды бы ранилъ... таковый каранъ быти маеть...“) и опредѣленіемъ условій наказуемости этихъ нарушеній („ранилъ... примушоный в обороне и за початкомъ оного ранъного... отъ навезки воленъ будеть... хто кого пригодне ранилъ, а не в обороне виненъ будеть его водлугъ статуту навезати“). Къ этимъ нормамъ относятся нормы, охраняющія безопасность жизни, тѣлесную неприкосновенность, владѣніе имуществомъ (впрочемъ, есть и положительныя нормы, охраняющія владѣніе имуществомъ. III, I, 35; III, X, 19; I, XII, 11 и др.). Бытіе такихъ нормъ узнается изъ диспозитивной части уголовнаго закона. Есть такія нормы, которыя требуютъ точнаго опредѣленія въ законодательствѣ; только при этомъ условіи нарушеніе ихъ можетъ быть объявлено дѣяніемъ запрещеннымъ, недозволеннымъ; таковы, напримѣръ: „о порадку прыхоженья сторонъ до суду“ (III, IV, 53); „о повинъности яко вси обыватели тутошнего паньства службу земскую служити маютъ“ (I, II, 1; II, II, 1; III, II, 1); „о погамованьи хоженья и стрелянья непотребного зъ ручницъ и зъ луковъ при дворе нашомъ господарскомъ и при кождомъ враде нашомъ судовомъ“ (III, I, 10). Такія нормы опредѣляются законодателемъ въ особыхъ постановленіяхъ, которыя въ Лит. Стат. носятъ названіе „заказа,“ „уставы.“ „Выступъ“—общее названіе преступленія, какъ нарушенія нормы, независимо отъ того, получила или не получила эта норма форму „уставы.“

Если бытіе нормы, нарушеніе которой составляетъ преступленіе, узнается только изъ диспозитивной части уголовнаго закона или изъ особыхъ положеній закона, это значитъ, что господствуетъ принципъ „nullum crimen sine lege.“ Этотъ принципъ, конечно, не могъ быть строго проведенъ въ законодательствѣ XVI вѣка. Всѣ три редакціи Лит. Стат. въ принципѣ признаютъ господство закона; но въ I ред.

законодатель, сознавая неполноту „писанныхъ правъ," указываетъ судьямъ на обычай, какъ на дополнительный источникъ права (I, VI, 37); II ред. признаетъ источникомъ права только законъ и не упоминаетъ объ обычаѣ (II, IV, 30); III ред. снова предусматриваетъ неполноту закона (III, IV, 54). Несомнѣнно, что въ судебной практикѣ того времени встрѣчались преступленія, непредусмотрѣнныя Лит. Стат.; такія преступленія являются нарушеніемъ не закона, а обычая. Въ 30 арт. IV разд. III ред. Лит. Стат., озаглавленномъ: „што маютъ судити воеводове, старостове и державцы....." перечисляются такія преступленія, постановленій о которыхъ не находимъ въ Лит. Стат.: „чародѣйство," „трутизна," „пожога дома або гумна" (въ III, XI, 18 рѣчь идетъ только о поджогѣ шляхетскихъ домовъ).

Преступленіе, какъ дѣяніе противоправное, грѣховное и безнравственное.

Переходя къ болѣе точному опредѣленію преступнаго дѣянія, мы должны указать на характеръ нормъ, неисполненіе которыхъ запрещено. Преступленіе есть нарушеніе нормъ права, юридическихъ нормъ. Но въ III ред. Лит. Стат. (отчасти въ I и II ред.) преступному дѣянію сообщается характеръ безнравственнаго и грѣховнаго дѣянія. Это не значитъ, что всѣ безнравственныя и антирелигіозныя дѣянія обложены уголовными наказаніями. Лит. Стат. знаетъ одинъ только видъ преступленій противъ вѣры — совращеніе въ магометанство или іудейство; между тѣмъ какъ въ „Уложеніи царя Алексѣя Михайловича" и въ „Правахъ, по которымъ судится малороссійскій народъ" этимъ преступленіямъ посвящены особые отдѣлы [1]); въ кодексахъ же западно-европейскихъ, современныхъ Лит. Стат., религіозныя преступленія имѣютъ первенствующее значеніе (наряду съ преступленіями противъ нравственности и политическими). Что касается преступленій противъ нравственности, постановленія о которыхъ содержатся въ Лит. Стат., то въ этихъ преступленіяхъ преобладающее значеніе имѣетъ ихъ противообщественный характеръ (непотребство, какъ ремесло, сводничество, какъ ремесло) или нарушеніе личныхъ правъ („квалтъ невесты").—По общему правилу моментомъ, опредѣляющимъ преступность дѣянія, является противоправность его:

[1]) Улож. ц. Ал. Мих. Глава I: о „богохульникахъ и о церковныхъ мятежникахъ," Пр. по к. с. м. н. Глава II: „о чести Божіей."

преступленіями называются и дѣянія, безразличныя съ точки зрѣнія религіи или нравственности; напримѣръ: „хто бы кому на войне, будучи у войску, позычилъ до оказу пописаного коня, зброи и всякое брони“ (III, II, 15); „вывоженье прыправъ военъныхъ до земли непріятельское“ (III, III, 48); „переховыванье, общованье съ выволанцами и чьсти отсужоными“ (III, XI, 68). Въ то же время очень многія преступленія суть дѣянія грѣховныя и безнравственныя. Имѣя въ виду эту сторону преступленій, Лит. Стат. указываетъ какъ на ихъ противоправность, такъ и на грѣховность и безнравственность. Съ одной стороны преступленіе—нарушеніе нормы права—„выступъ,“ съ другой стороны—„злой учинокъ,“ „злочинство;“ преступникъ—„выступца“ и „злочинца;“ преступники—„злые люди“—противополагаются „добрымъ людемъ рыцерскимъ.“ Преступленіе грѣхъ: дѣтоубійца долженъ „вызнавать явный грѣхъ свой;“ убійствомъ на поединкѣ „панъ богъ бываетъ обрушонъ.“ Съ этой же точки зрѣнія указываются слѣдующіе мотивы къ изданію уголовныхъ законовъ:

„ради то видячи, абы въ панстве нашомъ христіанскомъ всякая учтивость и поважность, поволанью христіанскому належачая, была захована“... (III, XI, 60);

„уставуемъ хотячи то мети вечными часы, ижъ бы поданные наши подъ росказаньемъ нашимъ мешкаючи, учтиве жили, зысковъ спросныхъ Богу и людемъ почстивымъ обрыдныхъ не наследовали.“ (III, XIV, 31).

Содержаніе преступнаго дѣянія.

а) *Преступленіе, какъ „кривда.“* Терминъ „кривда“ употребляется въ Лит. Стат. для обозначенія посягательствъ на охраненные нормами права блага и интересы частныхъ лицъ:

„естли бы ся кому стала якая кривда въ кгвалтехъ, наездахъ, боехъ, ранахъ, забойствахъ, грабежахъ и въ иныхъ якихъ речахъ“ (III, IV, 44).

Въ чемъ же сущность „кривды“?

Въ своей конкретной формѣ каждое преступленіе противъ частныхъ лицъ является дѣяніемъ, причиняющимъ идеальный вредъ или имущественный ущербъ частнымъ лицамъ. Такъ, напримѣръ, воровство всегда причиняетъ имущественный ущербъ („шкоду“) потерпѣвшему:

„коли бы што въ кого вкрадено, а видитсе ему шкода отъ которого села а шкодника своего не ведаетъ“ (II, XIV, 1).

Потерпѣвшій—„укривжоный“ долженъ быть вознагражденъ за вредъ и убытки, причиненные ему преступнымъ дѣяніемъ. Въ Лит. Стат. установлены денежныя взысканія въ пользу „укривжоного:“ дѣти убитаго получаютъ „головщину,“ раненный или оскорбленный—„навязку,“ „ушкожоный,“ т. е. потерпѣвшій ущербъ имущественный,—„шкоду,“ „накладъ.“

Сущность „кривды“ въ нѣкоторыхъ случаяхъ исчерпывается заключающимся въ ней имущественнымъ ущербомъ; послѣдствія „кривды“ въ этихъ случаяхъ ограничиваются вознагражденіемъ потерпѣвшаго за убытки. Такой характеръ имѣютъ: пользованіе чужимъ неоккупированнымъ имуществомъ, истребленіе чужого неоккупированнаго имущества, укрывательство бѣглой „челяди:“

„А естли бы хто стрельцовъ послалъ у чужую пущу, або самъ таемне зверъ побилъ, тогды маеть за кождое звера платити“ (III, X, 1).

„Кгды бы хто чию челядь невольную вывелъ, або ведаючи заказъ въ себе переховывалъ...., повиненъ тую челядь отыскати, а одыскавши тому пану отдати. А гдѣ бы не могъ одыскати або не хотелъ, будеть повиненъ тую челядь самъ ценою платити и шкоду оправити отъ того часу, отъ которого ему тая челядь не робила“ (II, XII, 10).

Въ I ред. Лит. Стат. взглядъ на преступленіе исключительно съ точки зрѣнія вреда, ущерба, причиненнаго частному лицу, проводится даже относительно незначительныхъ преступленій съ сложнымъ объектомъ. Въ маловажныхъ посягательствахъ на блага и интересы, охраняемые, какъ достояніе всего общества, Лит. Стат. усматриваетъ только причиненіе вреда частнымъ лицамъ:

„Коли бы хто данъ былъ у казнь нашу господарскую, або в которую иную в некоторой суме осажоной, або о которое иное обвиненье, а онъ бы которому оного виноватца въ руки поданого своею неопатрностью с казни выпустилъ, тотъ маеть самъ тую суму або шкоду заплатити, въ которой былъ посажонъ“ (I, I, 13).

Лжесвидѣтели подвергаются пыткѣ и, если будутъ уличены, то „за несправедливое свядецтво свое мают тому шкоды платити“ (I, VI, 27).

„А естли бы оного судью узнано, иж не водле права писаного всказалъ, мает ему шкоды и накладъ оправити, а тотъ судъ нивошто обернути“ (I, VI, 1).

Этотъ первобытный грубый взглядъ сохранился въ Лит. Стат. только относительно правонарушеній незначительныхъ. Въ преступленіяхъ болѣе важныхъ къ моменту вреда, ущерба присоединяется другой моментъ — вторженіе въ сферу частныхъ правъ. Каждому человѣку, живущему въ государствѣ, принадлежитъ извѣстная сумма

правъ, охраняющихъ его личные и имущественные блага и интересы. Преступникъ вторгается въ сферу принадлежащихъ частному лицу правъ, причиняя вредъ благамъ и интересамъ этого лица. „Укривжоный“ въ этомъ случаѣ, кромѣ вознагражденія за вредъ и убытки, долженъ получить удовлетвореніе за нарушеніе его субъективнаго права; такое удовлетвореніе является въ Лит. Стат. въ видѣ возмещенія убытковъ въ двойномъ размѣрѣ („шкода совито,“ „грабежъ з навезкою“) или въ видѣ особыхъ штрафовъ („вина,“ „кгвалтъ“):

„Естли бы шляхтичъ чиихъ людей пограбилъ на торгу, при церкви и на добровольной дорозе, таковый маеть стороне ображоной вины заплатити 6 рублей грошей а грабежъ з навезкою отдати“ (III, XI, 4).

Запрещается охота на „чужихъ кгрунтахъ,“ пока хлѣбъ стоитъ въ полѣ. „А хто бы въ томъ часе полюючи кому шкоду учинилъ, тогды таковый ушкожоному вины 3 копы грошей заплатити и шкоду нагородити повиненъ будетъ“ (III, X, 18).

„Кгды бы ся трафило воднымъ путемъ везучи якии товары с пригоды судно се розбило, або стонуло при чіемъ, кольвекъ берегу... А хто бы хотѣлъ въ томъ оннымъ стонулымъ трудность задавати, тогды тотъ будеть повиненъ всю шкоду, што будеть на томъ шкодовати, совито оправити“ (II, IX, 21).

Моментъ вторженія въ сферу правъ частнаго лица съ особенной очевидностью обнаруживается въ преступленіяхъ, называемыхъ въ Лит. Стат. „кгвалтами.“ „Кгвалтами“ называются во 1) имущественныя посягательства, совершаемыя „кгвалтовне,“ „кгвалтовнымъ обычаемъ.“ Термины „кгвалтовнымъ обычаемъ,“ „кгвалтомъ,“ „кгвалтовне“ употребляются обыкновенно въ Лит. Стат. какъ названія общеизвѣстныхъ понятій. Но въ нѣкоторыхъ артикулахъ ясно указывается, что „кгвалтовный“ образъ дѣйствій означаетъ употребленіе физической силы надъ личностью:

„Коли бы хто кому жито пожалъ, або жатое побралъ, або побилъ, потопталъ а вдарилъ самого, або человека, або которого кольвекъ стану, таковый маеть платити кгвалтъ 12 рублей грошей, а естли возметъ безъ бою, тотъ маеть шкоду платити з навезкою“ (III, IX, 23; II, IX, 14; I, VIII, 16).

„Естли хто чужіе сеножати у своей пущи кгвалтомъ покоситъ и вытискаючи того отъ его сеножатей бой учинитъ, тогды повиненъ будетъ кгвалту платити 12 рублей грошей и битыхъ навезати, а естли не будетъ бою а хотя сеножати чужие покоситъ, або кошеное побереть, тогды повиненъ будеть сено з навезкою платити“ (III, X, 4; II, X, 4; I, IX, 5).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ обстановки, при которой совершается преступленіе, видно, что „кгвалтовный“ образъ дѣйствія означаетъ употребленіе физическаго насилія, или, быть можетъ, психическаго принужденія:

„Кому бы шкода стала въ чиемъ дому, або кгвалтъ на дорозе, або где инде“...

„А естли бы безъ заповеди и переема въ кого тую челядь нашолъ а тотъ бы ему не хотелъ тое челяди его безъ позему выдати, а взялъ на немъ позем кгвалтомъ“ (I, XII, 7).

Обстановка, при которой возможно совершеніе этого преступленія, указываетъ, что преступникъ долженъ былъ прибѣгнуть къ физическому насилію или психическому принужденію. 2) Моментъ вторженія въ сферу частныхъ правъ съ особенной силою обнаруживается въ нѣкоторыхъ случаяхъ вслѣдствіе особенныхъ свойствъ объекта преступнаго посягательства. Преступленія съ такими объектами называются тоже „кгвалтами.“ Сюда относятся посягательства на недвижимое имущество. Споръ о владѣніи недвижимымъ имуществомъ можетъ быть разрѣшенъ только судомъ: „мають се правомъ спирати, а не кгвалтомъ,“ — этотъ принципъ находимъ во всѣхъ редакціяхъ Лит. Стат. „Кгвалтомъ“ называется всякое самоуправство относительно владѣнія недвижимымъ имуществомъ:

„Пакли бы шляхтичъ шляхтичу границу сказилъ . . . . . таковый маеть заплатити образоному дванадцать рублевъ грошей“ (III, IX, 18).

„А естли бы хто перекопалъ реку ку шкоде своего суседа . . . . . повиненъ стороне жалобливой кгвалту 12 рублей заплатити“ (III, IX, 20).

За неявкой одной стороны на судъ, другая сторона получаетъ „увязанье,“ т. е. вводъ во владѣніе спорнымъ имуществомъ. „А естли бы тотъ упоромъ своимъ въ тую землю або въ люди вступалъ черезъ увязанье тыхъ судей, маетъ позванъ быти ку праву, а право маетъ за то на немъ всказати кгвалтъ и наклады“ (I, VIII, 25).

„Кгвалтомъ“ называется самоуправство также и въ слѣдующемъ постановленіи:

„естли бы хто кому побралъ стадо свирепъе на его, або на своей земли, або на чией кольвекъ грабежъ, або на испашы, тотъ маеть платити кгвалтъ и шкоду, штобы стало тому стаду подлугъ уфалы нижей поисаное. Бо не маеть за испашъ стада брати, бы и засталъ на испаши але маеть то стадо отогнати до пана чие стадо а испашъ маеть обвести сторонними людьми“ (I, VII, 2).

Произведенный нами анализъ частныхъ преступленій позволяетъ слѣдующимъ образомъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ: въ чемъ заключается сущность „кривды“? Въ правонарушеніяхъ незначительныхъ сущность „кривды“ исчерпывается заключающимся въ ней имущественнымъ ущербомъ („шкодой“); въ болѣе важныхъ правонарушеніяхъ „кривда“ содержитъ въ себѣ два момента: вредъ или ущербъ и вторженіе въ сферу субъективныхъ правъ; второй моментъ

обращаетъ на себя вниманіе въ особенности въ преступленіяхъ, называемыхъ „кгвалтами.“

б) *Преступленіе, какъ „вина.“* Терминъ „кривда“ обозначаетъ содержаніе преступленія съ точки зрѣнія потерпѣвшаго. Важнѣйшія преступленія противъ личности и имущества разсматриваются въ Лит. Стат. съ точки зрѣнія потерпѣвшаго и съ общественной точки зрѣнія. Съ общественной точки зрѣнія преступленіе есть противодѣйствіе господству права въ государствѣ („спротивенье праву посполитому“), посягательство на охраняемый правомъ порядокъ общежитія („взрушенье покою посполитого,“ „ображенье покою посполитого“). Преступленіе, какъ посягательство на правопорядокъ, обложено уголовными наказаніями, примѣняемыми къ преступнику въ интересахъ всего общества. Общественная сторона преступленія выражается въ Лит. Стат. терминомъ „вина“ („вина розбойная,“ „вина злодейская,“ „вина кгвалтовная“ и т. д.). „Квалтовникъ,“ совершившій убійство при нападѣ, не только причиняетъ „кривду,“ (за что уплачиваетъ „головщину“ дѣтямъ или родственникамъ убитаго,) но и нарушаетъ норму права, охраняющую неприкосновенность жизни гражданъ, и является врагомъ существующаго правопорядка; онъ одновременно посягаетъ на интересъ частный и на интересъ общественный, при чемъ нарушеніе интереса частнаго служитъ только средствомъ для нарушенія интереса общественнаго: „забилъ и тымъ покой посполитый взрушилъ.“ Нарушеніе общественнаго интереса обусловливаетъ примѣненіе къ „кгвалтовнику,“ совершившему убійство, уголовнаго наказанія—смертной казни. Самовольно лишившій шляхтича свободы причиняетъ заключенному „кривду,“ но сверхъ того нарушаетъ норму права, показывая такимъ образомъ неуваженіе къ праву, ставя свой произволъ выше требованій права, охраняющаго свободу гражданъ отъ самовольныхъ посягательствъ; Лит. Стат. очень ясно различаетъ эти двѣ стороны преступленія: виновный долженъ вознаградить заключеннаго за всѣ убытки и уплатить ему „кгвалтъ“ и „навезку“ за насиліе и оскорбленіе; сверхъ того „за своволенство такое и легкое поваженье права и покою посполитого, еще повиненъ будетъ таковый выступный везенье чверть року самъ утерпети у вежи на дне на головники постановленой“ (III, XI, 28).

Посягательства на блага и интересы, охраняемые какъ достояніе всего общества, могутъ заключать въ себѣ „шкоду;“ въ одномъ пре-

ступленіи можетъ заключаться посягательство на личное и общественное благо. „Кривда“ и „шкода“ въ этихъ преступленіяхъ имѣютъ второстепенное значеніе, главное же значеніе имѣетъ „вина.“ Нанесеніе побоевъ на судѣ заключаетъ въ себѣ „кривду“ по отношенію къ потерпѣвшему и вредъ общественный, какъ оскорбленіе судебнаго мѣста. Эти двѣ стороны даннаго преступленія различаются уже въ I ред. Лит. Стат.: „коли бы хто на другого рукою сягнулъ, попхнулъ, торгнулъ, або вдарилъ передъ судомъ а не ранилъ а тымъ сягненьемъ суду кгвалтъ вчинилъ“ (I, VI, 21). Кромѣ удовлетворенія потерпѣвшаго, виновный подвергается уголовному наказанію: „маеть вины заплатити 12 рублей“ (I ред.), „за вину седети 6 недель“ (II и III ред.). Оказавшій сопротивленіе „вряду“ произвести „увязанье“ его имѣнія послѣ судебнаго рѣшенія не только „въ совитую заруку впадаеть,“ но еще подвергается выволанію и конфискаціи оставшагося (за удовлетвореніемъ противной стороны) имущества „за тую вину ижъ вряду нашому не поступилъ увязанья, яко за спротивенье праву посполитому и зверхности нашой господарской“ (III, IV, 95). Насильственно освободившій осужденнаго на смертную казнь преступника „самъ и с помочниками своими, яко бунтовники и взрушители права посполитого, горломъ и отсуженьемъ почстивости карани быти мають, а шкоды и наклады стороне жалобной за доводомъ нагородити и заплатити таковые винни будуть“ (III, IV, 31).

Въ маловажныхъ общественныхъ правонарушеніяхъ моментъ „вины“ не обращаетъ на себя вниманія. Законодатель запрещаетъ такія правонарушенія подъ угрозой не уголовнаго наказанія, а другихъ невыгодныхъ для нарушителя послѣдствій; напримѣръ, маловажныя нарушенія нормъ, охраняющихъ правильное отправленіе правосудія, ведутъ къ постановкѣ заочнаго приговора, къ вознагражденію противной стороны за убытки.

в) *Заключеніе.* Различные взгляды Лит. Стат. на содержаніе преступнаго дѣянія представляютъ различныя ступени въ развитіи уголовно-правовыхъ воззрѣній. Слабому развитію правовыхъ воззрѣній соотвѣтствуетъ частноправный взглядъ на преступленіе: содержаніе преступнаго дѣянія опредѣляется признакомъ внѣшнимъ, рѣзко бросающимся въ глаза,—вредомъ для частнаго лица. Затѣмъ въ содержаніи преступнаго дѣянія усматривается еще одинъ признакъ, болѣе скрытый,—вторженіе въ сферу частныхъ правъ; преступленіе все таки

остается нарушеніемъ интересовъ частнаго лица. На высшихъ ступеняхъ государственной жизни сознается отвлеченная природа преступнаго дѣянія, какъ посягательства на правопорядокъ. Въ Лит. Стат. всѣ важнѣйшія преступленія считаются посягательствомъ на правопорядокъ, а потому обложены уголовными наказаніями. Но и относительно этихъ преступленій старинный взглядъ не потерялъ своего значенія. Въ уголовныхъ постановленіяхъ Лит. Стат. можно прослѣдить борьбу стариннаго взгляда на преступленіе — съ точки зрѣнія частнаго лица, и позднѣйшаго — съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ. Эта борьба отразилась въ разрѣшеніи Лит. Стат. уголовно-правовыхъ вопросовъ, логически связанныхъ съ вопросомъ о содержаніи преступнаго дѣянія: 1) о порядкѣ возбужденія уголовнаго преслѣдованія, 2) объ оцѣнкѣ преступныхъ дѣяній, 3) о положеніи обвиняемаго и потерпѣвшаго передъ уголовнымъ правосудіемъ, 4) о примѣненіи наказанія къ преступнику.

1) Въ Лит. Стат. возбужденіе уголовныхъ исковъ, по общему правилу, принадлежитъ частнымъ лицамъ; въ особыхъ артикулахъ излагаются условія возбужденія уголовныхъ исковъ („доводъ кгвалту, злодейства...“). Этотъ старинный порядокъ преслѣдованія преступниковъ, вполнѣ умѣстный при частноправномъ взглядѣ на преступленіе, остался въ Лит. Стат., не смотря на существованіе новыхъ воззрѣній на преступленіе. Новыя воззрѣнія на преступленіе, какъ на нарушеніе интересовъ всего общества, требуютъ, чтобы возбужденіе уголовнаго преслѣдованія принадлежало государству и выполнялось его органами ex officio. Въ Лит. Стат. только преслѣдованіе особенно важныхъ преступниковъ вмѣняется въ обязанность должностнымъ лицамъ въ случаѣ отсутствія частныхъ обвинителей. Мужъ убиваетъ жену или жена убиваетъ мужа; дѣти или родственники отказываются отъ уголовнаго преслѣдованія убійцы; тогда судъ, помимо дѣтей и родственниковъ, производитъ слѣдствіе и наказываетъ виновнаго („врядъ нашъ маеть того особливо перестерегати и с пильностью выведати“ III, XI, 6). Мать умертвила своего незаконно-прижитаго ребенка; нѣтъ лица, заинтересованнаго въ преслѣдованіи преступной матери; Лит. Стат. постановляетъ:

> „а въ таковой речи вряды наши кгородские и местские, маютъ выведанье чинити и того постерегати, а дознаныхъ и правомъ переконаныхъ карати“ (III, XI, 60).

Преслѣдованіе преступниковъ, избѣгнувшихъ суда и наказанія, производится должностными лицами безъ участія частнаго обвинителя.

„Кгвалтовникъ," совершившій убійство при находѣ и убѣжавшій до суда, объявляется „выволанцемъ;" „а естли бы по выволанью оного кгвалтовника або забойца належенъ былъ въ томъ панъстве нашомъ, тогды и на томъ вряде, где будеть постижонъ, маеть быти каранъ яко кгвалтовникъ, а не будеть ли хто стояти або фольдровати, тогды врядъ нашъ, маючи певную ведомость о томъ мужобойцѣ або кгвалтовнику, маеть также на томъ вряде своемъ поймавшы, скарати" (II, XI, 4).

2) Взглядъ на преступленіе, какъ на вредъ, обусловливаетъ объективную оцѣнку преступленій—по количеству вреда; взглядъ на преступленіе съ общественной точки зрѣнія характеризуется субъективной оцѣнкой преступленій—по количеству злой воли. Въ Лит. Стат. находимъ и субъективную и объективную оцѣнку преступленій. Въ зависимости отъ экономической цѣнности блага или интереса находится важность посягательства на него; напримѣръ, наказуемость кражи опредѣляется, между прочимъ, и цѣнностью украденной вещи:

„Естли где паробки крадуть въ околицу, а з лицомъ ихъ поймають... которое лицо будеть стояти полтину грошей, тогды маеть быти каран яко злодей, а естли ж полтины лицо стояти не будеть, маеть з бонды его шкода плачона быти або лицо вернути а за навезку пугами бити" (I, XIII, 1).

Нѣкоторые блага и интересы не допускаютъ экономической оцѣнки, вредъ, причиняемый имъ, невознаградимъ; законодатель въ уголовныхъ постановленіяхъ дѣлаетъ оцѣнку такихъ благъ: оцѣнивается человѣческая жизнь, здоровье, честь; цѣнность личныхъ благъ зависитъ отъ соціальнаго положенія, пола. Цѣнностью блага опредѣляется не только величина вознагражденія въ пользу потерпѣвшаго, но и уголовное наказаніе; напримѣръ, за убійство въ „звадѣ" шляхтича виновный уплачиваетъ головщину и подвергается тюремному заключенію на 1 годъ и 6 недѣль, за убійство же „простого стану чоловека"—только уплачиваетъ головщину, которая значительно меньше шляхетской головщины (III, XI, 10).

Лит. Стат. знаетъ и субъективную оцѣнку преступленій, различая дѣянія умышленныя и случайныя („пригодныя"); съ субъективной оцѣнкой мы познакомимся ниже.

3) При взглядѣ на преступленіе съ общественной точки зрѣнія, главная задача уголовнаго правосудія—раскрытіе преступленія и наказаніе преступника; при частноправномъ взглядѣ на преступленіе,

главную роль играютъ интересы потерпѣвшаго. Въ уголовныхъ постановленіяхъ Лит. Стат. нельзя не замѣтить постоянной заботы законодателя о томъ, чтобы потерпѣвшій былъ вознагражденъ. Принципъ: „ни хто ни отъ кого въ невинъности своей ранъ теръпеть не повиненъ," выраженный относительно нанесенія ранъ, настойчиво проводится въ Лит. Стат. относительно всѣхъ преступленій, причиняющихъ вредъ частному лицу. Основаніемъ вознагражденія невиннопострадавшаго служитъ не виновность лица, а вредъ: и за случайное убійство или нанесеніе ранъ уплачивается головщина или навязка. Обязанность вознаградить потерпѣвшаго падаетъ прежде всего на самого преступника. Преступникъ могъ быть неизвѣстенъ, могъ скрыться по совершеніи преступленія; потерпѣвшій все таки не оставался безъ удовлетворенія: изъ имущества скрывшагося преступника взыскивалась извѣстная сумма въ пользу потерпѣвшаго. Обязанность вознаградить потерпѣвшаго иногда падала на другихъ лицъ: глава семьи уплачивалъ „навезки, шкоды и кгвалтъ" за преступленія, совершенныя членами семьи; „панъ" уплачивалъ „кгвалтъ, головщину и шкоды" за преступленія своего „слуги," убѣжавшаго послѣ совершенія преступленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодатель указываетъ, что привлеченный къ отвѣтственности и присужденный къ удовлетворенію потерпѣвшаго, не виновенъ въ совершеніи преступленія; указываются и основанія, по которымъ на привлеченнаго къ отвѣтственности возлагается все таки обязанность удовлетворить потерпѣвшаго; удовлетворивши потерпѣвшаго, онъ можетъ искать истиннаго преступника („а собе винного искати"). Въ „вечерней звадѣ" совершено убійство или нанесены раны; во время „звады" одинъ изъ присутствующихъ потушилъ свѣчу, и преступникъ, пользуясь темнотой, скрылся; потушившій свѣчу долженъ вознаградить потерпѣвшаго: „жемъ я во той зваде, говоритъ потерпѣвшій, раненъ, а не ведаю отъ кого, за причиною твоею, же сь свечу загасилъ." „Отповедникъ" (лицо, угрожавшее совершить преступленіе) привлекается къ отвѣтственности, если истинный преступникъ неизвѣстенъ; на судѣ „отповедникъ" можетъ доказать свою невинность; тѣмъ не менѣе онъ присуждается къ удовлетворенію пострадавшаго: „тогды неха нихто ся ни на кого не пофаляетъ, а нехай тую шкоду предся отправуетъ, а собе винного ищетъ" (I, VII, 17).

„Невинно-пострадавшій долженъ быть вознагражденъ“ — этотъ вполнѣ понятный принципъ твердо укрѣпился въ народномъ правовоззрѣніи и потому постоянно и строго проводится законодателемъ. „Преступникъ долженъ быть найденъ и подвергнутъ уголовному наказанію“ — принципъ новый, не успѣвшій укорениться въ правовыхъ воззрѣніяхъ общества; въ проведеніи этого принципа законодателемъ мы не видимъ уже такой настойчивости и постоянства. Часто повторяющееся въ Лит. Стат. выраженіе — „винного собе искати“ указываетъ на то, что законодатель не заинтересованъ въ раскрытіи преступленія, въ отысканіи истиннаго преступника. Найденъ трупъ „человека перееждчого и безъплеменного, которого головщины искать не будеть кому;“ органами судебной власти производится слѣдствіе; окрестные жители должны стать „на копе“ и присягнуть, „ижъ сами не суть причиною того забитого и о таковомъ забойцѣ не ведають;“ неприсягнувшіе „повинни головщину сами платити, а собе винного искати.“ Такимъ образомъ слѣдствіе приводитъ не къ отысканію истиннаго преступника для примѣненія къ нему уголовнаго наказанія, а къ взысканію головщины.

4) Уголовное наказаніе — институтъ, установленный въ интересахъ всего государства. Преступникъ, присужденный къ извѣстному наказанію, долженъ этому наказанію подвергнуться, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда законодатель допускаетъ непримѣненіе наказанія по соображеніямъ уголовной политики. Во всѣхъ 3 редакціяхъ Лит. Стат. указываются случаи избѣжанія уголовнаго наказанія. Посредствомъ выкупа можно было избѣжать смертной казни. Въ 6 арт. XIII разд. I ред. читаемъ: „злодея явного отъ шибеницы своими пенезми откупилъ;“ эти слова повторяются во всѣхъ редакціяхъ Лит. Стат. въ раздѣлѣ „о злодѣйствѣ;“ „тотъ маеть окупити горло свое,“ говорится во всѣхъ редакціяхъ Лит. Стат. въ артикулѣ „о порубанье гаю;“ во всѣхъ редакціяхъ находимъ и слѣдующее постановленіе: „естли бы хто о злодейство, або о которое злочинство на каранье горла черезъ врядъ права посполитого всказанъ былъ, а въ томъ караньи горло свое пенезми откупилъ“ (III, XI, 56). Рядомъ съ выкупомъ во всѣхъ редакціяхъ Лит. Стат. указывается другой способъ избѣжанія смертной казни: „або се отъ того каранья отъ страченья горла черезъ приятелей своихъ або гостей знакомыхъ выпроханъ былъ“ (III, XI, 56; II, XI, 33; I, VII, 30). Третій способъ избѣжанія смертной

казни—пощада осужденнаго преступника со стороны потерпѣвшаго; объ этомъ способѣ говорится въ артикулахъ „о злодѣйствѣ:“ „естли бы кому злодея правомъ поконаного на смерть выдано, а онъ бы не скаралъ“ (III, XIV, 13; II, XIV, 10; I, XIII, 6, 25). Сюда же относятся слѣдующіе случаи: за изнасилованіе опредѣлена смертная казнь, но отмѣна смертнаго приговора зависитъ отъ воли потерпѣвшей, — она можетъ выйти замужъ за преступника (III, XI, 12); отъ воли оскорбленнаго мужа зависитъ преданіе или непреданіе смертной казни жены, согласившейся на похищеніе ея постороннимъ (III, XIV, 29). Одно мѣсто I ред. Лит. Стат. указываетъ, что случаи пощады преступника потерпѣвшимъ были нерѣдки, что смертная казнь замѣнялась невольничествомъ: „кгды бы на смерть сказаны кому окроме злодейства, а они бы просили того, кому сказаны, же бы ихъ не губилъ, а давши бы ся въ неволю, а онъ бы ихъ не вбилъ, таковые въ неволю мают даны быти“ (I, XI, 13), этого постановленія уже нѣтъ во II и III ред.—Понятны тѣ соображенія цѣлесообразности, изъ коихъ исходитъ законодатель, допуская помилованіе преступника жертвой изнасилованія или помилованіе преступной жены оскорбленнымъ мужемъ. Всѣ остальные случаи избѣжанія смертной казни—отголоски старинныхъ правовыхъ воззрѣній. Если примѣненіе къ преступнику уголовнаго наказанія зависитъ отъ его состоятельности и возможности дать за себя выкупъ или отъ произвола частныхъ лицъ, въ обществѣ, слѣдовательно, не укоренились еще взгляды на преступленіе, какъ на нарушеніе общественныхъ интересовъ, какъ на общественное зло, на преступника, какъ на врага существующаго правопорядка („домовый непріятель“—по выраженію Льва Сапѣги), вести борьбу съ которымъ обязано государство въ лицѣ органовъ судебной власти.

Новые взгляды на преступленіе, какъ на нарушеніе общественныхъ интересовъ, выразились въ томъ, что законодатель въ случаяхъ особенно важныхъ преступленій настойчиво требуетъ, чтобы преступникъ понесъ заслуженную кару. Политическій преступникъ не могъ избѣжать наказанія: „таковому жаденъ привилей, а ни зацность, а ни достоенство не маеть помогати, а ни ся онъ имъ щитити можеть, абы ся не мелъ справовати и где будеть правомъ поконанъ, абы не мелъ каранъ быти“ (III, I, 4). Назначая смертную казнь за сопротивленіе властямъ, Лит. Стат. употребляетъ слѣдующее выраженіе: „въ жадную

лимитацыю того не впущаючи, кгды позваный станеть, горломъ его карати кажемъ“ (III, IV, 95). Супругоубійца „безъ милости маеть быти каранъ“ (III, XI, 6). Совратившій христіанина въ магометанство или іудейство „безъ жадного милосердія на горле огнемъ маеть быти каранъ“ (II, XII, 5; III, XII, 9).

СОСТАВЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Въ каждое преступленіе входятъ слѣдующіе признаки: субъектъ, объектъ и самое дѣяніе. Совокупность этихъ признаковъ въ наукѣ уголовнаго права носитъ названіе состава преступленія.

СУБЪЕКТЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Человѣкъ, какъ субъектъ преступленія.

Нарушеніе благъ и интересовъ, охраняемыхъ нормами права, возможно со стороны силъ природы:

„Естли бы хто кому заставилъ коня або вола безъ року, а въ томъ часе, поколь оное заставы не окупить, тотъ конь або волъ здохнеть безъ причины ображенья, ижъ бы робечи имъ не порвалъ и не забилъ, або голодомъ не уморилъ“ (III, VII, 29).

Такой вредъ, причиняемый стихійными силами природы, составляетъ происшествіе, событіе; въ область же преступленій входятъ только человѣческія дѣянія. Преступленіемъ называется нарушеніе благъ и интересовъ, какъ результатъ дѣятельности человѣка. „Естли бы река кгвалтомъ инуды пошла,“—это происшествіе, за которое никто не можетъ подлежать отвѣтственности; напротивъ, „естли бы хто перекопалъ реку умысльне ку шкоде соседа своего,“ то виновный подлежитъ наказанію. Животныя не могутъ совершать преступленій; животныя могутъ причинять вредъ; отвѣтственность за вредъ, причиняемый животными, падаетъ на хозяина или на другихъ лицъ. Хозяинъ долженъ „всю шкоду, черезъ быдля або пса вчиненую, платити

и оправити." „Кгды бы кого песъ уелъ съ чьего присчванья,"— въ этомъ случаѣ собака является такимъ же орудіемъ, какъ „шпага, шабля..."; натравившій собаку „повиненъ его (потерпѣвшаго) навезати, яко бы его ранилъ" (III, XIII, 13). Иное заключеніе можно вывести изъ слѣдующаго постановленія, повторяющагося во всѣхъ редакціяхъ Лит. Стат.: если бы хозяинъ не повѣсилъ звонка на „коня васниваго," и конь изувѣчилъ бы кого нибудь,— „тогды тотъ конь за то ображоному выданъ быти маеть... Естли бы быдля человека образило, тогды тое быдля тому, кого образило, выдано быти маеть" (III, XIII, 14; II, XIII, 14; I, XII, 16). Конечно, выдача животнаго— имущественный ущербъ для хозяина. Но возможна и другая точка зрѣнія на это постановленіе. Выдача животнаго—остатокъ стариннаго взгляда на преступленіе: вредъ причиненъ животнымъ, животное и выдается потерпѣвшему.

Вообще же субъектомъ преступленія можетъ быть только человѣкъ; преступленіе есть дѣяніе человѣка; эта сторона преступленія выражается въ Лит. Стат. терминомъ „учинокъ."

Условія невмѣняемости.

Не всякій человѣкъ, совершившій запрещенное дѣяніе, можетъ быть субъектомъ преступленія; бываютъ состоянія, устраняющія, выражаясь терминами науки уголовнаго права, вмѣняемость. Изъ такихъ состояній Лит. Стат. указываетъ только на несовершеннолѣтіе; что касается другихъ состояній, извѣстныхъ современнымъ законодательствамъ, то въ Лит. Стат. они не имѣютъ значенія условій невмѣняемости.

Несовершеннолѣтіе. По отношенію къ уголовной вмѣняемости несовершеннолѣтіе считается до 14 лѣтъ по II ред. Лит. Стат. и до 16 лѣтъ по III ред.; въ I ред. не упоминается о несовершеннолѣтіи. Несовершеннолѣтній не можетъ быть преступникомъ. Лит. Стат. указываетъ на слѣдующій случай: если бы несовершеннолѣтній былъ „обвиненъ о злодейство, або приведенъ былъ з лицомъ, тогды таковому про молодость летъ его не маеть быти поличоно за злодейство." Такимъ образомъ „молодость летъ" является условіемъ невмѣняемости. Не считая преступными дѣяній, совершенныхъ несовершеннолѣтними, Лит. Стат. не признаетъ возможнымъ примѣненія къ послѣднимъ уголов-

ныхъ наказаній (несовершеннолѣтній „не маеть быти до ката въ руки и на муку даванъ“). Но такъ какъ дѣянія несовершеннолѣтняго, не заключая въ себѣ преступности, могутъ приносить вредъ частнымъ лицамъ, то вознагражденіе потерпѣвшаго составляетъ необходимое послѣдствіе и этихъ дѣяній: за кражу, совершенную несовершеннолѣтнимъ, родители или родственники его уплачиваютъ потерпѣвшему „шкоду з навезкою“ изъ того имущества, которое приходится на долю несовершеннолѣтняго; въ случаѣ несостоятельности несовершеннолѣтній отдается „на выслугу поки бы то заслужилъ, чимъ зашкодилъ.“

Однако въ Лит. Стат. указывается и условіе, при наличности котораго несовершеннолѣтіе ведетъ только къ уменьшенной уголовной отвѣтственности; это условіе—рецидивъ, именно—многократный рецидивъ („естли бы въ кольку злодействахъ и при лицы былъ дознанъ“). Отличительная черта отвѣтственности малолѣтнихъ рецидивистовъ состоитъ въ томъ, что законодатель предоставляетъ суду опредѣленіе ея. По II ред. и родъ и степень наказанія зависятъ отъ усмотрѣнія суда („таковыхъ врядъ маеть карати водле зданья своего“), въ III ред. законодатель опредѣляетъ родъ наказанія (тѣлесныя наказанія), предоставляя усмотрѣнію суда степень его („таковыхъ врядъ маеть карати водле зданья своего не горъломъ, але якимъ караньемъ на теле“). Постановленіе Лит. Стат. о „молодости летъ“ вообще относится и къ „шляхтячу летъ зупольныхъ не маючему“ и къ „детемъ людей простыхъ, летъ недорослыхъ.“

Психическія болѣзни. „Шаленными“ называются люди, которые „з допущеньемъ Божіимъ отъ розуму отъшедши;“ соотвѣтствующій терминъ въ русскомъ языкѣ—сумасшедшій. Въ Лит. Стат. не выдержанъ взглядъ на отвѣтственность „шаленыхъ“ за совершенныя ими дѣянія. „Шаленые,“ подстрекнутые къ совершенію преступленія, не подлежатъ наказанію; подстрекатель несетъ всю отвѣтственность за преступленіе, физическимъ исполнителемъ котораго явился „шаленый.“ Въ этомъ постановленіи проводится взглядъ на „шаленство,“ какъ на условіе невмѣняемости: „шаленый“—физическое средство для выполненія преступленія. „Шаленые“ подвергаются наказаніямъ за преступленія, совершенныя ими самостоятельно, но не на общихъ основаніяхъ. „Шаленые“ подвергаются тюремному заключенію за убійство или нанесеніе ранъ:

„пакли бы шаленый з везенья вирвавшися кого ранилъ або забилъ, тогды за забитого у вежи на дне рокъ и шесть недель, а за раны у льжейшомъ везенью полърока седети маеть."

При помѣшательствѣ возможны такъ называемые свѣтлые промежутки (lucida intervalla). „Шаленые" подвергаются болѣе строгимъ наказаніямъ за преступленія, совершенныя ими въ періодъ „шаленства," но послѣ свѣтлаго промежутка:

„где бы хто шалевши а за ся ку здравію и розуму зупольному пришолъ, а потомъ бы ся то ему отновило, же бы за ся почалъ шалети и въ томъ шаленствѣ кого забилъ, тогды такій вжо горломъ и заплатою головщизны каранъ будеть."

Основаніемъ отвѣтственности „шаленого" въ послѣднемъ случаѣ выставляется непринятіе мѣръ предосторожности:

„бо тотъ ведаючи до себе такий припадокъ, повиненъ около себе опатръность и сторожу мети и меръне се ховати."

Такимъ образомъ шаленые наказываются за непринятіе мѣръ предосторожности и наказываются слишкомъ жестоко. Это средневѣковая варварская черта въ Лит. Стат. Домовъ для умалишенныхъ не было, а между тѣмъ необходимы были противъ нихъ мѣры охраны, потому что, какъ выражается Лит. Стат., „шаленые звыкли людемъ раны задавати, а часомъ и забойства чинити." „Шаленые" состоятельные отдавались подъ надзоръ „приятелей и слугъ," которые должны были держать ихъ „въ замкненью моцномъ и подъ сторожою доброю;" „шаленые" несостоятельные содержались „у везенью" при городскомъ судѣ или „на именьяхъ панъскихъ." Если же надлежащія мѣры не были приняты, и шаленый, „вырвавшись," какъ выражается Лит. Стат., совершалъ преступленія, то подвергался наказанію: за убійство—тюремному заключенію и даже смертной казни (при условіи существованія свѣтлыхъ промежутковъ).

Въ 4 арт. I разд. III ред. Лит. Стат. терминъ „шаленство" употребленъ не въ смыслѣ сумасшествія. Рѣчь идетъ о заочномъ оскорбленіи короля словесно или письменно; не привлекается къ отвѣтственности и не подлежитъ наказанію „хто з глупства або шаленства въ томъ выступилъ." Выраженіе „з глупства або шаленства" слѣдуетъ перевести въ данномъ случаѣ—„по глупости или по простотѣ."

О психическомъ разстройствѣ, какъ основаніи невмѣняемости, упоминается въ постановленіи о ложномъ доносѣ. Отецъ, потрясенный убійствомъ сына, обвиняетъ въ этомъ преступленіи человѣка не-

виннаго; ложный обвинитель не подвергается наказанію, ибо дѣйствуетъ „з великого и значного жалю.“ Это постановленіе находимъ только во II ред. Лит. Стат. (II, XIV, 30).

Опьянѣніе не исключаетъ вмѣняемости; по воззрѣніямъ Лит. Стат. и въ состояніи опьянѣнія возможно дѣяніе умышленное: „хто бы з зуфальства, або опильства, або умысльне то учинилъ,“—говорится въ 15 арт. XI разд. III ред.

Состояніе аффекта тоже не исключаетъ вмѣняемости. Напротивъ, убійство въ состояніи аффекта („з гнева а запаметалости сердца злого“) считается квалифицированнымъ. Это убійство называется умышленнымъ, состояніе аффекта считается признакомъ особой напряженности злой воли; на это указываетъ даже оружіе, при помощи котораго совершается убійство въ состояніи аффекта: „ножомъ, пуйналомъ, кгинчаломъ або якимъ инымъ до бою незвыклымъ начинаньемъ забилъ.“ За убійство въ состояніи аффекта опредѣляется въ Лит. Стат. смертная казнь посредствомъ четвертованія.

ОБЪЕКТЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Норма права, какъ объектъ преступленія.

Преступленіе, какъ нарушеніе нормы права, совершается посредствомъ посягательства на охраняемые нормой блага и интересы. Съ этой точки зрѣнія непосредственный объектъ преступленія—конкретное благо, конкретный интересъ, истинный же объектъ преступленія—норма права. Посягательства на блага и интересы, не охраняемые нормами права—дѣянія непреступныя и ненаказуемыя. Жизнь каждаго гражданина охраняется нормами права; въ то же время Лит. Стат. указываетъ на классъ лицъ, убійство которыхъ не считалось преступленіемъ, — это „выволанцы.“ „Выволанцы“ были лишены покровительства законовъ („с права того, с которого вси подъданые его королевское милости веселятъ, онъ веселиться не маетъ“); неприкосновенность жизни „выволанца“ не охраняется нормами права, а потому лишеніе жизни „выволанца“ ненаказуемо.

Существуютъ основанія, исключающія преступный характеръ посягательствъ на блага и интересы, охраняемые нормами права. Такимъ

основаніемъ по Лит. Стат. служитъ необходимая оборона и, конечно, исполненіе закона. О другихъ обстоятельствахъ, уничтожающихъ неправомѣрность запрещенныхъ дѣяній, упоминается въ Лит. Стат. только въ отдѣльныхъ случаяхъ; сюда относятся: крайняя необходимость, осуществленіе частнаго права, согласіе пострадавшаго.

Необходимая оборона. Основаніемъ необходимой обороны по Лит. Стат. служитъ какъ субъективная, такъ и объективная сторона дѣянія. Обороняющійся дѣйствуетъ „у вобороне примушоный, за початкомъ его“ (т. е. нападающаго); дѣятельностью обороняющагося руководитъ принужденіе, а не злая воля. Но Лит. Стат. указываетъ случаи необходимой обороны, гдѣ такого принужденія нѣтъ; таково, напримѣръ, убійство „утекаючого злодея.“ Гораздо бо́льшее значеніе въ необходимой оборонѣ имѣетъ объективная сторона. Въ необходимой оборонѣ нарушаются права „кгвалтовника,“ „злодея“ или посягающаго на жизнь, здоровье; дѣятельность обороняющагося, обусловленная преступнымъ посягательствомъ потерпѣвшаго при необходимой оборонѣ, вполнѣ правомѣрна.

Дѣятельность обороняющагося должна имѣть извѣстные предѣлы, за которыми она теряетъ правомѣрный характеръ.

а) Необходимая оборона возможна при условіи противозаконности нападенія. Необходимая оборона противъ „кгвалтовника и помочниковъ“ его, противъ „злодея,“ противъ посягающаго на жизнь и здоровье, противъ похитителя жены—дѣяніе непреступное и ненаказуемое. Необходимая оборона невозможна въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нападающій дѣйствуетъ на какихъ нибудь законныхъ основаніяхъ; напримѣръ, оборона противъ обороны—дѣяніе неправомѣрное. Собственникъ поля нападаетъ на воровъ, крадущихъ хлѣбъ на его полѣ; всѣ его дѣйствія противъ воровъ оправдываются необходимой обороной; напротивъ, воры за убійство или нанесеніе ранъ самому хозяину, защищающему свое имущество, или его слугамъ подлежатъ наказаніямъ на общихъ основаніяхъ (III, XIV, 26).—Необходимая оборона предполагаетъ незаконность нападенія съ одной стороны и защиту съ другой. Не можетъ быть необходимой обороны „въ звадѣ.“ Между тѣмъ Лит. Стат. указываетъ слѣдующій случай (III, XI, 22): зачинщикъ „звады“ посредствомъ „звады“ приводитъ въ исполненіе преступное намѣреніе—убить противника; но послѣдній, „боронечи здоровья своего,“

убиваетъ зачинщика „звады.“ Рядомъ съ этимъ въ предыдущемъ артикулѣ (III, XI, 21) указывается такой случай:

„шляхтичъ другому шляхтичу добровольную дорогу заселъ, хотечи его умисльне убити або ранити, а тотъ, боронечи горла своего, того хто заселъ забилъ.“

Чѣмъ отличается 1-й случай отъ 2-го? Въ обоихъ случаяхъ убійство совершается „у вобороне за початкомъ оного забитого,“ но въ 1 случаѣ убитый вступилъ въ „зваду,“ во 2—устроилъ засаду; 1-й случай разсматривается какъ неумышленное убійство: убійца не подвергается уголовному наказанію, но уплачиваетъ головщину („отъ горла и везенья воленъ будетъ,“ только „пред се головщину повиненъ будетъ заплатити“); 2-й случай разсматривается какъ необходимая оборона, исключающая всякую отвѣтственность обороняющагося („отъ горла, головщины, везенья и отъ шкодъ воленъ будетъ“). Что „звада“ исключала возможность необходимой обороны, видно также изъ 25 арт. XI разд. III ред.: „въ якой звадѣ слуга пана своего боронечи кого забилъ або ранилъ;“ въ случаѣ такого убійства или нанесенія ранъ, господинъ уплачиваетъ головщину или навязку.

б) Второе существенное условіе необходимой обороны—дѣйствительность опасности. Опасность наступаетъ тогда, когда нападающій выразилъ въ какихъ нибудь опредѣленныхъ дѣйствіяхъ преступное намѣреніе. Убійство „кгвалтовника“ оправдывается необходимой обороной, „естли тотъ забитый кгвалтовникъ наехалъ, або нашолъ, а стало се за початкомъ того забитого“ (III, XI, 19); необходимой обороной оправдывается убійство вора „на злочинстве при лицу въ дому своемъ,“ убійство устроившаго засаду при условіи—„ижъ тую головщину вчинилъ боронечи живота своего за початкомъ того забитого“ (I, VII, 16); „покуты и каранья не повиненъ терпети“ убившій или нанесшій рану „у вобороне примушоный“ тому человѣку, который „своволне далъ прычыну словы, и рукою, и початокъ учинилъ“ (III, IV, 62). Какими признаками можно опредѣлить окончаніе опасности? Окончаніе опасности и возможность примѣненія необходимой обороны не совпадаютъ съ окончаніемъ преступнаго дѣянія со стороны нападающаго. Оборона возможна до тѣхъ поръ, пока обороняющійся не потерялъ того блага, противъ котораго направлено нападеніе. Воръ укралъ вещь и убѣгаетъ; преступное дѣяніе окончено; но хозяинъ украденнаго имущества можетъ нагнать вора („на дорозе або где инде полемъ або лесомъ утекаючого злодея погонити“). Въ понятіе необхо-

димой обороны входятъ какъ насильственныя дѣйствія противъ вора, застигнутаго „на злочынстве при лицу въ дому," такъ и противъ „злодея утекаючого." Эти насильственныя дѣйствія оправдываются необходимой обороной до тѣхъ поръ, пока „злодѣй" не пойманъ и пока онъ сопротивляется поимкѣ („а онъ бы пойматися не далъ"). Моментъ поимки вора обусловливаетъ собой окончаніе опасности; дѣятельность частнаго лица прекращается, пойманный „злодѣй" отдается въ руки правосудія. Всякое насильственное дѣйствіе противъ пойманнаго вора — дѣяніе преступное и наказуемое: „естли бы хто злодея поймавши и до вряду не ведучи в дому в себе, або на дорозе правомъ непоконавшы мучылъ, таковый также повиненъ его совито навезати, потомъ у права з нимъ уступити" (III, XIV, 21).

в) Необходимая оборона возможна при защитѣ какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ правъ. Въ Лит. Стат. упоминается объ оборонѣ противъ „кгвалтовника," „злодея," посягающаго на жизнь и здоровье, на честь, на неразрывность и святость семейнаго союза.

г) Необходимая оборона возможна и при защитѣ чужихъ правъ. Ненаказуемо убійство „кгвалтовника" не только „господаремъ домовымъ," но и „гостемъ, который въ томъ дому або господе стоитъ;" „утекаючого злодея" потерпѣвшій преслѣдуетъ съ сосѣдями. Защита правъ государства и причиненіе при этомъ вреда посягающему на эти права поставляется въ особую заслугу гражданина: „а хто бы такового здрадцу утекаючого забилъ, або живого до насъ и вряду нашого привелъ, такового почстивости то шкодити не маетъ, але еще за то годенъ будетъ ласки нашое господарское" (III, I, 17).

д) Лит. Стат. указываетъ только на два вида вреда, наносимаго нападающему при необходимой оборонѣ—убійство и раны. Соразмѣрности между нападеніемъ и защитой Лит. Стат. не устанавливаетъ: при защитѣ имущественныхъ правъ ненаказуемо нанесеніе ранъ и даже убійство.

е) Наконецъ, послѣднее условіе необходимой обороны—соблюденіе нѣкоторыхъ процессуальныхъ требованій. Убившій при необходимой оборонѣ обязанъ немедленно извѣстить объ этомъ сосѣдей и ближайшій „врядъ судовый;" трупъ долженъ быть освидѣтельствованъ вознымъ съ понятыми и затѣмъ представленъ въ судъ; на судѣ приносится присяга, что убійство совершено при наличности опасности. Раненный при необходимой оборонѣ долженъ быть немедленно пред-

ставленъ „до вряду;“ продержавшій раненнаго въ своемъ домѣ сутки („черезъ день и черезъ ночь“) подвергается отвѣтственности за нанесеніе ранъ („виненъ будеть его навезати водле стану“); а если бы раненный впродолженіе сутокъ (3 дней—по I ред.) умеръ въ домѣ ранившаго, то послѣдній уплачиваетъ головщину.

Крайняя необходимость. Слѣдующія два постановленія Лит. Стат. относятся къ тому институту, который въ наукѣ уголовнаго права носитъ названіе крайней необходимости:

1) „Хто бы тежъ замокъ нашъ непріятелю здрадою подалъ, кроме причины голоду кгвалтовного.“ Сдача замка непріятелю—важное политическое преступленіе, но „голодъ кгвалтовный“ служитъ основаніемъ ненаказуемости этого дѣянія (III, I, 3).

2) „Пакли бы хто кому пса забилъ отъ руки киемъ або якою бронею себе боронечи не пометомъ а ни стрельбою, таковый за оного пса ничого платити не повиненъ“ (III, XIII, 13). Основаніемъ ненаказуемости истребленія чужого животного служитъ оборона отъ его нападенія. Доказательствомъ того, что животное умерщвлено при оборонѣ въ виду наличной опасности, служитъ характеръ употребленнаго при этомъ оружія: умерщвленіе палкой или другимъ находящимся въ рукахъ оружіемъ свидѣтельствуетъ, что опасность дѣйствительно угрожала; наоборотъ, употребленіе огнестрѣльнаго оружія указываетъ, что животное умерщвлено не въ оборонѣ („пакли бы хто кому пса умысльне, а не отъ руки забилъ або застрелилъ“). Виновный въ послѣднемъ случаѣ долженъ вознаградить хозяина животнаго.

Осуществленіе частнаго права. Въ Лит. Стат. находимъ слѣдующіе случаи ненаказуемости посягательствъ на чужія права при осуществленіи своего права:

1) Воръ, пойманный съ поличнымъ при кражѣ „на торгу,“ можетъ быть задержанъ и подвергнутъ тюремному заключенію. Это посягательство на свободу является дѣяніемъ правомѣрнымъ при условіи, что заключенный до истеченія 4 дней будетъ представленъ на судъ. Если бы до истеченія 4 дней не явилось лицо, подвергнувшее другого заключенію, то заключенный освобождается, уплачивая „потуремное,“ а затѣмъ можетъ судебнымъ порядкомъ искать на отдавшемъ его въ заключеніе возмещенія убытовъ а также удовлетворенія за оскорбленіе и лишеніе свободы („яко бы битъ былъ за зелженіе и везенье свое“ (III, XIV, 4).

2) Совершилась кража. Потерпѣвшій можетъ взять вознаго и понятыхъ и произвести обыскъ у кого нибудь. Такой обыскъ—вторженіе въ сферу чужихъ правъ; съ внѣшней стороны онъ напоминаетъ „находъ," поэтому производящій обыскъ долженъ „пана або врадника обослати оповедаючи тое, абы не розумелъ кгвалтовного наеханья" (III, XIV, 5).

3) Дозволенные случаи самоуправства: грабежъ человѣка, пойманнаго при порубкѣ лѣса (подъ условіемъ послѣдующаго судебнаго разбирательства дѣла о порубкѣ и доказательства, что грабежъ произведенъ дѣйствительно при порубкѣ), раскопаніе гребли, присыпанной владѣльцемъ противоположнаго берега рѣки.

Согласіе потерпѣвшаго. При многихъ имущественныхъ правонарушеніяхъ указываетъ Лит. Стат. на тотъ признакъ, что дѣяніе совершено „безъ воли" хозяина имущества, какъ на условіе преступности этихъ нарушеній; слѣдовательно, отсутствіе признака „безъ воли," т. е. согласіе потерпѣвшаго („воля") на нарушеніе его имущественныхъ правъ, придаетъ этимъ нарушеніямъ правомѣрный характеръ. Что касается личныхъ преступленій, то согласіе потерпѣвшей уничтожаетъ преступный характеръ изнасилованія. (См. ниже, стр. 56).

ПРЕСТУПНОЕ ДѢЯНІЕ.

Для бытія преступленія необходимо, чтобы субъектъ сталъ въ извѣстныя отношенія къ объекту, необходимо—„дѣяніе" преступное. Преступное дѣяніе есть прежде всего какое нибудь событіе, какъ результатъ дѣятельности человѣка (лишеніе жизни, похищеніе вещей, нанесеніе ранъ...); съ другой стороны въ этой дѣятельности проявляется преступная воля дѣятеля. Поэтому въ преступномъ дѣяніи различаются двѣ стороны: внутренняя—преступная воля и внѣшняя—преступное дѣйствіе.

Преступная воля.

Преступленія раздѣляются въ Лит. Стат. на умышленныя и неумышленныя. Термины „умыслне" и „неумыслне" употребляются въ Лит. Стат. какъ названія общеизвѣстныхъ понятій; иногда указываются

тѣ или иные признаки ихъ. Эти признаки, съ одной стороны, анализъ отдѣльныхъ видовъ преступленій, съ другой — помогутъ намъ выяснить понятіе объ умышленныхъ и неумышленныхъ дѣяніяхъ по Лит. Стат.

Умыселъ. Первымъ элементомъ умысла служитъ сознаніе. Дѣятельность преступника въ умышленномъ дѣяніи есть дѣятельность сознательная. „Коли бы хто листы або печати наши фалшовалъ, або ихъ ведомо пожывалъ, таковый мает кожды каранъ быти фалшеръ огнемъ“ (I, I, 5); виновный знаетъ, что находящіеся у него „листы“ поддѣльны, тѣмъ не менѣе онъ пользуется ими; въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ дѣяніемъ умышленнымъ. Вступленіе въ бракъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства — уголовно наказуемое дѣяніе только при условіи знанія со стороны вступающихъ въ бракъ о существованіи родства между ними: „хто понялъ ведоме умысльне жену ве крови собе повинную“..., „жона ведаючи о кревности замужъ пошла;“ напротивъ, вступленіе въ бракъ вслѣдствіе „неведомости о той кревности“ — не преступно. Двоеженецъ во всякомъ случаѣ подвергается смертной казни; съ его стороны предполагается сознательная дѣятельность. Женщина же, согласившаяся на бракъ съ женатымъ, подвергается такому же наказанію при условіи,— „естли бы ведаючи о другой жоне его живой, замужъ за него пошла“ (III, VI, 22). За укрывательство „злочинцовъ, разбойниковъ, злодеевъ явныхъ, людей выволаныхъ“ наказанію подвергается тотъ, „хто бы ведаючи и знаючи ховалъ;“ если же обвиняемый въ укрывательствѣ докажетъ на судѣ „неведомость о декрете нашомъ, або сказанью врядовомъ, або же бы того человека незнаючи переховывалъ,“ то освобождается отъ отвѣтственности („будетъ отъ того воленъ“ III, XI, 36).

Во всѣхъ указанныхъ нами случаяхъ „неведомость“ относится къ фактическимъ обстоятельствамъ, обусловливающимъ преступность дѣянія. „Неведомость“ возможна также относительно запрещенности дѣянія — невѣдѣніе закона. Конечно, при нарушеніи нормъ общеизвѣстныхъ, составляющихъ коренныя условія общественной жизни, не можетъ быть и рѣчи о вѣдѣніи или невѣдѣніи закона. Но Лит. Стат. заключаетъ въ себѣ много такихъ нормъ, бытіе которыхъ узнается только изъ закона; по отношенію къ такимъ нормамъ знаніе или незнаніе ихъ имѣетъ громадное значеніе въ вопросѣ о виновности нарушителя ихъ. Появляется въ III ред. Лит. Стат. новое постановленіе—

запрещеніе поединковъ подъ угрозой уголовнаго наказанія; облагая наказаніемъ нарушеніе этого запрещенія, Лит. Стат. не касается вопроса о знаніи или незнаніи его виновнымъ („а естли бы хто надъ сее право и уставу нашу вызвавши кого на поруку"... III, XI, 14). Запрещеніе носить огнестрѣльное оружіе при королевскомъ дворѣ можетъ быть неизвѣстно всѣмъ; между тѣмъ Лит. Стат. угрожаетъ наказаніемъ всякому, „хто бы надъ сюю уставу и заказъ нашъ смелъ з ручницою до двору нашого приходити." И во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ Лит. Стат. выражается такимъ образомъ: „хто бы надъ сюю уставу и заказъ нашъ... розсказанье короля учинилъ...," не касаясь вопроса о томъ, зналъ виновный о существованіи „уставы," „заказа," „розсказанія," или не зналъ. Во II ред. Лит. Стат. есть артикулъ, посвященный опредѣленію наказанія за преступленія, совершенныя въ военное время противъ мирныхъ жителей со стороны „людей жолнерскихъ пенежныхъ драбовъ," между которыми могли быть иностранцы, естественно, незнакомые съ законами великаго княжества Литовскаго; въ концѣ артикула читаемъ: „ведже сесь артикулъ и постановленіе наше Статутовое заграницей, або на местцахъ при даванью пенезей маемъ казати служебнымъ оповедати, абы се неведомостью не вымовляли" (II, II, 26). Наконецъ, въ одномъ артикулѣ (не относящемся, впрочемъ, къ уголовному праву) находимъ слѣдующее положеніе: „забегаючи мы тому, абы нихто непослушенства своего праву посполитому неведомостью покрывати не могъ уставуемъ..." (послѣ этого слѣдуетъ постановленіе „о заплате сумы пенезей с права сказаной" (III, IV, 43).

Изложенныя соображенія приводятъ насъ къ тому заключенію, что Лит. Стат. свойственно положеніе римскаго права „ignorantia juris semper nocet."

Второй существенный признакъ умысла хотѣніе.

„Хотѣніе, какъ элементъ умысла, предполагаетъ возбужденіе къ дѣятельности или мотивъ, постановку цѣли, выборъ намѣренія и обрисовку плана" [1]). Эти моменты хотѣнія въ однихъ преступленіяхъ сливаются, въ другихъ ясно различаются.

„Кгды бы которая белая голова не жывучи въ стане малжонскомъ але вшетечне се и нерадне справуючи, и такъ плоду набывшы, а потомъ для встыду або боязни

[1]) Таганцевъ. Лекціи по рус. угол. пр. Часть общая. Выпускъ II, стр. 664.

каранья тотъ плодъ сама або черезъ кого иного истратила и о смерть приправовала“ (III, XI, 60).

Мотивъ преступнаго дѣянія въ данномъ случаѣ—стыдъ или страхъ наказанія; цѣль — избавить себя отъ незаконно-прижитаго ребенка; намѣреніе—убить ребенка; не указывается только планъ,—какимъ способомъ убить. Въ слѣдующемъ опредѣленіи состава преступленія указывается намѣреніе и планъ:

„кому жъ кольвекъ отъ кого трафило, жебы явне змоцнившися албо таемне самъ черезъ себе або черезъ слуги поданые свои кого другого взялъ до везенья своего человека невинного, правомъ непереконаного“ (III, XI, 28).

Отдѣльные моменты хотѣнія сообщаютъ тотъ или иной характеръ преступному дѣянію и оказываютъ вліяніе на степень преступности и наказуемости его.

Мотивъ не оказываетъ вліянія на степень преступности и наказуемости дѣянія. Убійство незаконнорожденнаго ребенка остается убійствомъ независимо отъ того, какими мотивами руководилась преступная мать—чувствомъ стыда, страхомъ наказанія или иными побужденіями; убійство на поединкѣ обложено смертной казнью, не взирая на то, что убійца защищалъ поруганную честь; убійство слугой господина—квалифицированный видъ убійства независимо отъ того, какими мотивами руководился убійца и т. д. Мотивъ можетъ свидѣтельствовать объ умышленности или неумышленности дѣянія. На мотивъ указывается, какъ на признакъ умышленности: „хто бы умысльне з вазни у пущи... огнемъ пожаръ пустилъ.“ Напротивъ, доказательствомъ неумышленности служитъ то обстоятельство, что „не мели тые особы промежку себе первей никоторое вазни и зайстя“ (II, X, 17; III, X, 17; III, XI, 23). Дурную семейную жизнь Лит. Стат. выставляетъ мотивомъ супругоубійства: „кгды бы з ненависти а немилости на обе две стороны мужъ яко и жона, будучи въ ростырку з якихъ кольвекъ причинъ одинъ другого приправовалъ о горло, замордовалъ, або струлъ;“ для примѣненія наказанія къ супругоубійцѣ кромѣ „слушныхъ прычынъ того мордерства або трутизны,“ необходимо еще „выведанье у суседовъ околичныхъ о зломъ якомъ мешканью и незгоде ихъ;“ если фактъ совершенія убійства обвиняемымъ констатированъ и найденъ мотивъ, который могъ побудить обвиняемаго къ совершенію убійства, то судъ можетъ заключить, что имѣетъ дѣло съ дѣяніемъ умышленнымъ.

Цѣль иногда служитъ основаніемъ преступности дѣянія. Поѣздка въ непріятельскую землю „зъ якое прыгоды припалое"—дѣяніе дозволенное (III, I, 12); бѣгство въ непріятельскую землю „умысломъ злымъ на здраду а ку шкоде намъ Господару и речи посполитой"—уголовное преступленіе (III, I, 6). Цѣль можетъ служить основаніемъ для различія видовъ преступленій: наѣздъ причисляется къ личнымъ преступленіямъ на основаніи цѣли—„хотечи его забити." Цѣль можетъ служить доказательствомъ умышленности дѣянія: брато- или сестроубійство можетъ быть и дѣяніемъ неумышленнымъ, но брато- или сестро-убійство „в надею именья приходячого" считается дѣяніемъ умышленнымъ и карается смертною казнью.

Планъ преступнаго дѣянія служитъ отличительной чертой для состава однихъ преступленій и безразличенъ для состава другихъ. „Таемный злодейскій обычай"—отличительная черта кражи, „кгвалтовный" образъ дѣйствій — наѣзда, нападеніе „на дорозе"— разбоя. Напротивъ, одинаково караются—„пакли бы хто кгвалтомъ бобры побилъ" или „злодейскимъ обычаемъ выкралъ," „явне змоцнившися албо таемне до везенья взялъ" и т. д. Иногда способъ дѣйствій опредѣляетъ степень преступности и наказуемости дѣянія; напримѣръ, убійство или нанесеніе ранъ „здрадливымъ потаемнымъ обычаемъ"—преступленія квалифицированныя: способъ дѣйствій въ данномъ случаѣ свидѣтельствуетъ объ особенномъ коварствѣ преступника. Способъ дѣйствій можетъ служить доказательствомъ умышленности дѣянія. Поврежденіе чужого имущества „неумысльне, с пригоды" противополагается поврежденію имущества „злодейскимъ обычаемъ;" вообще, „кгвалтовный" и „таемный" образъ дѣйствій указываютъ на умышленность дѣянія.

Главнымъ основаніемъ для опредѣленія юридическаго характера дѣянія служитъ намѣреніе. Причиненіе смерти другому лицу составляетъ преступленіе противъ жизни—„забитье," независимо отъ того, какими мотивами руководился убійца, какую цѣль поставилъ себѣ и какими способами дѣйствовалъ. Намѣреніе имѣетъ также главное значеніе при опредѣленіи наказуемости дѣянія. При равенствѣ прочихъ условій, убійство считается болѣе тяжкимъ преступленіемъ и обложено болѣе строгими наказаніями, чѣмъ изувѣченіе или нанесеніе ранъ (III, XI, 16—17).

Таковы элементы хотѣнія.

Въ понятіе умысла входитъ сознаніе и хотѣніе, умышленнымъ дѣяніемъ называется дѣяніе сознательное и желаемое. Лит. Стат. обыкновенно отдѣльно указываетъ на эти два существенные признака умысла. Въ одномъ случаѣ умышленными называются дѣянія сознательныя (III, XI, 36; III, V, 22); въ другомъ—желаемыя (III, XI, 1; III, XII, 1); иногда указывается одновременно и на сознаніе и на хотѣніе, иногда на отдѣльные моменты хотѣнія.

Неумышленность. 23 арт. XI разд. III ред. Лит. Стат. озаглавленъ такъ: „о неумысльномъ а пригодномъ мужобойстве.“ Въ этомъ артикулѣ приведено 5 случаевъ неумышленнаго убійства. Анализъ этихъ случаевъ выяснитъ намъ понятіе неумышленности по Лит. Стат.

1 случай. Охотникъ, стрѣляя въ птицу или въ звѣря, убиваетъ человѣка. Этотъ случай убійства по современной теоріи, можно отнести и къ случайному дѣянію, и къ винѣ неосторожной; границей служитъ возможность сознанія и предвидѣнія результатовъ дѣянія. Охотникъ въ чащѣ лѣса стрѣляетъ въ птицу, сидящую на верхушкѣ дерева, и убиваетъ человѣка, скрывавшагося между вѣтвями. Заяцъ пробѣгаетъ по полю, на которомъ косари косятъ сѣно; охотникъ стрѣляетъ и убиваетъ косаря. Если мы предположимъ въ 1 и 2 случаѣ отсутствіе преступнаго намѣренія совершить убійство, все таки 1 случай—дѣяніе случайное, 2—вина неосторожная.

2 случай. У каменьщика или плотника вырывается изъ рукъ кусокъ дерева, кирпичъ или камень и убиваетъ проходящаго. При описаніи этого случая Лит. Стат. употребляетъ слово „необачне,“ т. е. по неосторожности, по неосмотрительности („дерево, цеглу, камень необачне упустилъ и кого тымъ забилъ“.) Но при какой обстановкѣ дѣйствовалъ убійца и можно ли было потребовать отъ него осторожности и осмотрительности? Этого вопроса Лит. Стат. не касается.

3 случай. Кто нибудь рубитъ дерево; топоръ спадаетъ съ рукоятки и наноситъ смертельную рану близко стоящему человѣку. Какъ въ 1 и 2 случаяхъ, Лит. Стат. и здѣсь не указываетъ, при какой обстановкѣ совершилось убійство? была ли возможность, при соблюденіи осторожности, избѣжать его?

4 случай. Подрубленное дерево падаетъ на стоящаго близко человѣка и убиваетъ его. При описаніи этого случая употреблено въ Лит. Стат. выраженіе „з неведомости.“ Рубившій дерево зналъ, конечно, что въ концѣ концовъ оно упадетъ и можетъ убить человѣка,

стоящаго подъ нимъ, но онъ не зналъ, что подъ деревомъ стоитъ человѣкъ; могъ ли онъ предвидѣть это и принять мѣры предосторожности? Лит. Стат. объ этомъ не упоминаетъ.

5 случай. Человѣкъ стрѣляетъ въ цѣль; пуля беретъ направленіе въ сторону и наноситъ смертельную рану человѣку, проходящему въ то время по другой сторонѣ горы. Стрѣляющій не предвидѣлъ, что пуля возьметъ направленіе въ бокъ и нанесетъ рану человѣку, котораго онъ, быть можетъ, и не видѣлъ. Съ другой стороны, возможно, что стрѣляющій зналъ недостатки своего ружья и видѣлъ прохожаго.

Въ указанныхъ случаяхъ можно видѣть дѣянія случайныя, но при извѣстной обстановкѣ ихъ можно причислить и къ винѣ неосторожной. Лит. Стат. не указываетъ, при какой обстановкѣ совершаются эти дѣянія. Лит. Стат. называетъ эти дѣянія неумышленными или случайными („о неумысльномъ а пригодномъ мужобойствѣ"), при чемъ дѣлаетъ слѣдующую характеристику ихъ: они совершаются „с пригоды, а не с хути, не з вазни, але з неведомости..... а не мели бы тые особы промежку себе первей никоторое вазни и зайстя ино для такового пригодного мужобойства," т. е., невольный убійца не имѣлъ причинъ желать смерти убитаго, убійство совершилось только благодаря случайному стеченію обстоятельствъ, помимо воли и сознанія убійцы. Въ приведенной характеристикѣ случайныхъ или неумышленныхъ дѣяній законодатель старается исчерпать всѣ признаки случая, но при этомъ опускаетъ тотъ признакъ, который отличаетъ случай отъ неосторожности, — отсутствіе возможности предвидѣнія вредныхъ послѣдствій дѣянія. Неумышленныя дѣянія называются случайными; случай отожествляется съ неумышленностью и противополагается умыслу. Это противоположеніе умысла и случая („пригода") проводится во многихъ артикулахъ Лит. Стат.: „с пригоды, а не з умыслу тое забойство стало"—такъ опредѣляется неумышленное убійство во II ред. Лит. Стат. (II, XI, 27); о неумышленномъ поврежденіи чужого имущества говорится: „неумысльне с пригоды попсовалъ" (III, X, 13).

Итакъ къ неумышленнымъ дѣяніямъ по Лит. Стат. относятся прежде всего дѣянія случайныя. Къ неумышленнымъ дѣяніямъ относятся также нѣкоторые случаи дѣяній неосторожныхъ.

Вина неосторожная. Современная теорія характеризуетъ неосторожныя дѣянія слѣдующими двумя признаками: 1) отсутствіемъ со-

знанія и предвидѣнія, 2) возможностью сознанія и предвидѣнія. Неосторожная вина въ высшихъ степеняхъ приближается къ умыслу, въ низшихъ—къ случаю.

Лит. Стат. не знаетъ особой категоріи неосторожныхъ дѣяній. Дѣянія, имѣющія всѣ признаки вины неосторожной, относятся въ Лит. Стат. то къ умышленнымъ, то къ неумышленнымъ дѣяніямъ. Мы видѣли уже, что случаи, приведенные въ 23 арт. XI разд. III ред., смотря по обстановкѣ, могутъ быть отнесены и къ неосторожнымъ дѣяніямъ. Лит. Стат. сообщаетъ имъ характеръ случайныхъ дѣяній.

Всѣ встрѣчающіеся въ Лит. Стат. случаи неосторожныхъ дѣяній можно свести къ 3 категоріямъ:

а) Неосторожное дѣяніе можетъ быть слѣдствіемъ другого дозволеннаго дѣянія. Таковъ неосторожный поджогъ лѣса (III, X, 17):

„а естли бы хто неумыслне прачучи новину, або сеножати, або до дерева бортного озеръ сеножатей ходечи, або пастухи пасучи быдло, або роботы лесные справуючи, або в ловехъ будучи неопатрностью своею, або з якои инои пригоды пожаръ пустилъ.“

Въ этомъ постановленіи неосторожность („неопатрность“) смѣшивается съ случайностью („пригода“) и вмѣстѣ съ нею подводится подъ одно понятіе неумышленности. Сюда же можно отнести причиненіе увѣчья или смерти на пыткѣ. Если пытка не привела къ признанію, и пытаемый на пыткѣ умеръ или получилъ увѣчья, то предавшій пыткѣ подлежитъ такой же отвѣтственности (по I и II ред., по III—болѣе строгой), какъ за неумышленное убійство или изувѣченіе.

б) Неосторожныя дѣянія могутъ быть результатомъ другихъ запрещенныхъ дѣяній. Сюда относятся: 1) Преступленія, совершенныя въ „звадѣ.“ Послѣдствіемъ „звады“ можетъ быть нанесеніе ранъ или убійство. I ред. Лит. Стат. относитъ преступленія, совершаемыя въ „звадѣ,“ къ неумышленнымъ дѣяніямъ. Убійство, совершаемое въ „звадѣ,“ отожествляется съ случайнымъ убійствомъ: „естли бы шляхтичъ шляхтича забилъ у звадѣ або которою пригодою“ (I, VII, 29). II ред. не даетъ названія убійству въ „звадѣ,“ но наказаніе опредѣляетъ менѣе строгое, нежели за умышленное убійство. III ред. различаетъ убійство въ „звадѣ,“ совершенное зачинщикомъ, и убійство въ „звадѣ,“ совершенное обороняющимся; въ 1 случаѣ убійство умышленное, во 2—неумышленное. Зачинщикъ сознательно направляетъ свою дѣятельность, предвидитъ результаты „звады“ и желаетъ насту-

пленія этихъ результатовъ; убійство, совершенное имъ,—дѣяніе умышленное. Убійство, совершенное обороняющимся,—дѣяніе нежелаемое и ненамѣренное („неумыслне, але в обороне забилъ"), хотя легко предвидимое; послѣдняго обстоятельства Лит. Стат. не принимаетъ во вниманіе. 2) Лишеніе жизни при нанесеніи ранъ. Часто очень трудно отличить, было ли нанесеніе ранъ самостоятельнымъ преступленіемъ или покушеніемъ на убійство, было ли у преступника прямое намѣреніе убить или же у него было намѣреніе только нанести раны, а смерть раненнаго—нежелаемое, хотя предвидимое, послѣдствіе ранъ? Лит. Стат. отожествляетъ прямое убійство и причиненіе смерти посредствомъ нанесенія ранъ („а где бы отъ тое раны умеръ або заразъ забитъ былъ, тотъ горло и почстивость тратитъ"... III, I, 9). Умышленное нанесеніе смертельной раны карается такъ же, какъ умышленное убійство. 3) Такой же характеръ имѣетъ лишеніе жизни при самовольномъ лишеніи свободы. Лишившій шляхтича свободы наноситъ ему побои, оскорбляетъ его, моритъ голодомъ, причиняетъ увѣчья, и, наконецъ, заключенный умираетъ. Лит. Стат. не входитъ въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, было ли у виновнаго намѣреніе лишить жизни заключеннаго или же смерть его нежелаемое послѣдствіе побоевъ, увѣчій, голода? Лит. Стат. постановляетъ: „а естли бы до смерти заморилъ везеньемъ, маетъ быти каранъ яко мужобойца;" а такъ какъ лишеніе свободы, побои, увѣчья въ данномъ случаѣ дѣянія умышленныя, то и за причиненіе смерти въ заключеніи виновный карается какъ за умышленное убійство. 4) Травленіе собаками. Возможно травленіе собаками изъ шалости, въ шутку; но возможно и съ намѣреніемъ причинить вредъ здоровью другого лица. Лит. Стат. не знаетъ этихъ разграниченій. Лит. Стат. не видитъ умысла въ этомъ дѣяніи, а потому назначаетъ только „навязку" въ пользу укушеннаго собакой.

в) Неосторожныя дѣянія, совершенныя лицами, которые по своему положенію должны проявлять особую внимательность и осмотрительность, относятся къ дѣяніямъ умышленнымъ. Изъ тюремнаго заключенія убѣгаетъ „вязень," который „на горло седелъ" (т. е. былъ приговоренъ къ смертной казни и находился въ тюремномъ заключеніи до приведенія приговора въ исполненіе). Отвѣтственность падаетъ на тюремнаго смотрителя, который долженъ присягнуть, „же тое утеченье стало се безъ рады, ведомости, фолькги его и не за неопатрностью

его або недбалостью;“ принеся такую присягу, тюремный смотритель только вознаграждаетъ частнаго истца; отсюда выводъ: если бы „вязень“ убѣжалъ вслѣдствіе „неопатрности або недбалости“ тюремнаго смотрителя, то отвѣтственность послѣдняго не ограничилась бы удовлетвореніемъ частнаго истца. „Прокураторъ“ долженъ внимательно относиться къ интересамъ своего кліента; если бы онъ „умыслне ку шкоде кому што у права недъбальствомъ своимъ упустилъ,“ то подвергается наказанію (тюремному заключенію на 4 недѣли); „недбальство“ прокуратора равносильно умыслу. Господинъ, уплачивая вознагражденіе потерпѣвшему отъ кражи, совершенной его убѣжавшимъ слугой, приноситъ очистительную присягу: „ижъ тотъ злодей утекъ або лице згинуло безъ рады, ведомости, фолькги и не за неопатрностью або недбалостью его;“ въ данномъ случаѣ „неопатрность або недбалость“ равносильна „ведомости,“ слѣдовательно, и умышленности.

Заключеніе. Литовскій Стат. различаетъ двѣ формы виновности—умыселъ и неумышленность. Дѣянія называются умышленными при наличности сознанія („ведомости“) и хотѣнія; гдѣ нѣтъ сознанія и хотѣнія, тамъ—случай („пригода“); дѣянія случайныя въ Лит. Стат. называются неумышленными. Литовскій Стат. не знаетъ вины неосторожной, какъ особой формы виновности; въ одномъ случаѣ неосторожность равносильна умыслу („умыслне з недбалости“), въ другомъ мѣстѣ неосторожность равносильна случаю и относится къ неумышленности („неумыслне за неопатрностью“). Словомъ, средней ступени между умысломъ и неумышленностью Лит. Стат. не знаетъ.

Умышленныя преступныя дѣянія обложены уголовными наказаніями; дѣянія неумышленныя наказаніями не обложены. Неумышленныя дѣянія могутъ причинять вредъ частнымъ лицамъ; такъ какъ невинно потерпѣвшій во всякомъ случаѣ долженъ быть вознагражденъ, то „пригода,“ неумышленность не исключаютъ необходимости вознаградить потерпѣвшаго.

Виновный въ „неумыслномъ а пригодномъ мужобойстве“ —„на горле и везеньемъ каранъ не будетъ, ведьже головщизну водле стану забитого детемъ або близкимъ его заплатити повиненъ будетъ“ (III, XI, 23).

„Хто бы кого неумыслне ранилъ....., мы бачечи, ижъ нихто въ невинности своей терпети ранъ не маеть сказуемъ, ижъ тые раны жалобнику мають быти справованы.“ (I, VII, 28; II, XI, 25; III, XI, 24).

Преступное дѣйствіе.

Осуществленіе преступной воли въ дѣйствіи. Для бытія преступнаго дѣянія необходимъ переходъ преступной воли изъ области мышленія во внѣшнюю дѣятельность; преступнаго дѣянія не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока преступная воля находится въ сферѣ нашего психическаго бытія. Внѣшняя дѣятельность имѣетъ различныя ступени. Лат. Стат. знаетъ: обнаруженіе преступной воли, покушеніе и совершеніе преступленія.

Обнаруженіе преступной воли. Преступная воля можетъ быть обнаружена въ формѣ угрозы совершить преступленіе; такая угроза въ Лит. Стат. носитъ названіе „похвалки“ или „отповѣди,“ угрожающій называется „отповедникомъ.“ Въ Лит. Стат. „отповѣдь“ считается самостоятельнымъ преступленіемъ, съ которымъ мы познакомимся при изложеніи полицейскихъ правонарушеній.

Преступная воля можетъ быть обнаружена въ какихъ нибудь внѣшнихъ дѣйствіяхъ, подготовляющихъ возможность осуществленія преступнаго намѣренія. О такихъ приготовительныхъ дѣйствіяхъ Лит. Стат. упоминаетъ въ постановленіяхъ о политическихъ преступленіяхъ:

„Намъ господару на здоровье стоялъ або речъ посполитую здрадити и ку упадку привести хотелъ, а на то ся готовалъ и усажалъ (и на тое ся важылъ и готовалъ“ II ред.).

„Коли бы хто змову, або спикненье, або бунтъ учинилъ на здоровье наше господарское, хотя бы панъ Богъ ховалъ, ижъ бы оная змова не была учинкомъ пополнена.“

Одного обнаруженія преступной воли въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ достаточно для бытія нѣкоторыхъ политическихъ преступленій.

Покушеніе. Покушеніе слѣдующимъ образомъ описывается въ Лит. Стат.:

„а естли бы не забилъ а ни ранилъ, одно брони противъ пану своему добылъ“ (III, XI, 9);

„пакли бы корда, меча, або шабли и якое кольвекъ брони въ обычай звады добылъ, а хотя бы не ранилъ“ (III, IV, 62);

„а хотя бы хто торгнувшися на кого а добывши брони передъ нами не забилъ и не ранилъ никого“ (III, I, 9).

Изъ приведенныхъ опредѣленій видно, что покушеніе по Лит. Стат. характеризуется 2-мя признаками: 1) Покушеніе есть начало осуществленія преступнаго намѣренія. Преступное намѣреніе направлено

на нанесеніе ранъ; обнаженіе оружія—покушеніе—есть начальный моментъ того дѣйствія, посредствомъ котораго это намѣреніе можетъ быть приведено въ исполненіе. 2) Преступное намѣреніе на ступени покушенія еще не осуществлено; результаты, къ достиженію которыхъ стремился преступникъ, не достигнуты: „не забилъ," „не ранилъ."

Лит. Стат. упоминаетъ только о покушеніи на преступленія противъ жизни и тѣлесной неприкосновенности. Покушеніе обложено членовредительнымъ наказаніемъ — усѣченіемъ руки. Объективнаго вреда покушеніе не причиняетъ, а потому лицо, на жизнь или здоровье котораго совершено покушеніе, вознагражденія не получаетъ. Но въ покушеніи выразилась преступная воля, а потому виновный въ покушеніи несетъ личное наказаніе.

Оконченное преступленіе. Преступленіе считается оконченнымъ, когда преступное намѣреніе приведено въ исполненіе: „забилъ," „ранилъ," „укралъ"... Достиженіе или не достиженіе преступникомъ намѣченной имъ цѣли не оказываетъ вліянія на моментъ окончанія преступленія. Бѣгство въ непріятельскую землю „умысломъ злымъ на здраду а ку шкоде речи посполитой" считается оконченнымъ преступленіемъ съ момента бѣгства преступника; находъ съ цѣлію убійства („хотечи его забити") считается оконченнымъ преступленіемъ и въ томъ случаѣ, если онъ окончился нанесеніемъ ранъ или причиненіемъ имущественнаго ущерба.

Причинная связь. Есть преступленія, для состава которыхъ достаточно одного дѣйствія, независимо отъ тѣхъ результатовъ, какіе это дѣйствіе можетъ имѣть. Напримѣръ, ношеніе огнестрѣльнаго оружія при королевскомъ дворѣ обложено наказаніемъ, хотя бы виновный никого не убилъ и не ранилъ. Въ другихъ случаяхъ для состава преступленія необходимы результаты, послѣдствія извѣстныхъ дѣйствій. Отвѣтственность дѣятеля въ такихъ случаяхъ возможна при условіи существованія причинной связи между дѣйствіемъ и результатами. Лит. Стат., при опредѣленіи преступнаго дѣянія, иногда въ одномъ словѣ указываетъ и на дѣйствіе и на результатъ дѣйствія: „забилъ," „ранилъ;" иногда отдѣльно указывается дѣйствіе и результатъ, при чемъ ясно, что дѣйствіе—причина, а результатъ—слѣдствіе: „камень упустилъ и кого тымъ камнемъ забилъ," „ранилъ а отъ тое раны умеръ," „до смерти заморилъ везеньемъ," „естли бы только ударилъ, а раны не было," „огнемъ пожаръ пустилъ и шкоду въ попаленью

дерева починилъ" и т. д. Между дѣйствіемъ и результатомъ должна быть непосредственная связь для того, чтобы къ субъекту можно было примѣнить наказаніе за результатъ. „Ранилъ а отъ тое раны умеръ:" нанесеніе ранъ было причиной смерти, и ранившій подлежитъ отвѣтственности за убійство. Между моментомъ нанесенія ранъ и моментомъ смерти раненнаго проходитъ извѣстный промежутокъ времени, впродолженіе котораго раненный подвергается дѣйствію какихъ нибудь постороннихъ привходящихъ силъ. Вліяніе привходящихъ силъ различно: они могутъ оказать вліяніе на смерть лица, независимо отъ нанесенія ему ранъ; успѣшность ихъ дѣйствія можетъ быть обусловлена существованіемъ ранъ; наконецъ, они могутъ не оказать никакого вліянія на послѣдовавшую смерть раненнаго. Лит. Стат. не входитъ въ разсмотрѣніе тѣхъ различныхъ дѣйствій, какія могутъ имѣть привходящія силы. Во всѣхъ ред. Лит. Стат. есть артикулъ, предусматривающій дѣйствіе привходящихъ силъ и носящій совершенно формальный характеръ. „Битый або раненый („або охроменый") после ранъ ездилъ або ходилъ по колаціямъ, по торгахъ и по корчмахъ, пилъ по беседахъ и седелъ." Затѣмъ наступаетъ смерть раненнаго. Существованіе извѣстнаго промежутка, впродолженіе котораго раненный подвергался дѣйствію привходящихъ силъ, освобождаетъ ранившаго отъ отвѣтственности за причиненіе смерти:

„хотя тежъ и отъ битья и лежалъ и вмеръ, и отъ битья и отъ ранъ вмеръ, тогды оный, который ранилъ, не маетъ головщизны платити, толко раны." (I, VII, 10).

III ред. дѣлаетъ исключеніе, которымъ отвѣтственность нанесшаго раны увеличивается. Это исключеніе чисто формальное: наличность привходящихъ силъ устраняетъ отвѣтственность ранившаго за послѣдующую смерть раненнаго только въ томъ случаѣ, если смерть послѣдовала по истеченіи 24 дней отъ нанесенія ранъ; если же раненный умеръ до истеченія 24 дней, то нанесшій раны подлежитъ отвѣтственности за убійство (III, XI, 53).—Между моментомъ нанесенія ранъ и моментомъ смерти раненнаго проходитъ извѣстный промежутокъ времени, но раненный не подвергается дѣйствію привходящихъ силъ; нанесшій раны подлежитъ отвѣтственности за убійство:

„Пакли бы хто такъ шкодливе былъ раненъ, ижъ бы не могъ быти живъ," ранившій „маетъ быти черезъ насъ або врядъ нашъ дворный шлюбомъ завязанъ до росправы, поки тотъ ранный с тыхъ ранъ або умереть або жывъ зостанеть, а естли бы отъ тыхъ ранъ умеръ, тогды тотъ, который ранилъ, горломъ, маетъ быти каранъ а головщизна совитая плачона будетъ" (III, I, 9).

ТИПЫ ПРЕСТУПНЫХЪ ДѢЯНІЙ.

Содѣяніе и бездѣйствіе.

Норма права можетъ запрещать гражданамъ совершеніе какихъ нибудь дѣйствій; напримѣръ, запрещается ношеніе оружія при королевскомъ дворѣ, запрещаются поединки, запрещается причиненіе вреда жизни и здоровью другого лица и т. д. Нарушеніе такихъ нормъ права называется въ теоріи преступнымъ содѣяніемъ (delictum commissionis). Лит. Стат. знаетъ и нормы права другого рода. Нормы права могутъ предписывать гражданину какія нибудь положительныя дѣйствія; напримѣръ, законъ требуетъ исполнять приговоры суда, являться за „позвами“ на судъ, нести военную службу и т. д. Нарушеніе такихъ нормъ называется въ теоріи преступнымъ бездѣйствіемъ (delictum omissionis).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ преступное содѣяніе и преступное бездѣйствіе различаются характеромъ дѣятельности виновнаго. Виновный совершилъ что нибудь—„кгды бы учинилъ“—преступное содѣяніе; виновный не сдѣлалъ чего нибудь—„не учинилъ“ („панъ справедливости укрижовному не учинилъ“)—преступное бездѣйствіе. Но характеръ преступной дѣятельности не всегда служитъ отличительной чертой содѣянія или бездѣйствія. Убійство — содѣяніе, но убійца и тотъ, кто „везеньемъ заморилъ;“ поджогъ—содѣяніе, но отвѣтственность за поджогъ можетъ пасть и на тѣхъ, которые, „стоявши на пущи станомъ, огню на стане своемъ не загасили“ (II, X, 17). Съ этой точки зрѣнія терминъ „учинилъ“ употребляется и по отношенію къ преступному бездѣйствію. Хорунжій не донесъ гетману о томъ, что какой нибудь „земянинъ“ не принимаетъ участія въ военномъ походѣ; хорунжій подвергается наказанію, если будетъ доказано — „ижъ то умыслне учинилъ“ (III, II, 17).

Совокупность преступленій.

Преступное дѣяніе можетъ состоять изъ одного акта; напримѣръ, убійство, нанесеніе ранъ, кража. Преступное дѣяніе можетъ состоять изъ нѣсколькихъ актовъ, состоящихъ въ такомъ отношеніи, что каждый актъ въ отдѣльности составляетъ особое преступленіе, но для бытія даннаго преступленія, какъ delictum sui generis, необходимо

соединеніе этихъ актовъ; таковъ разбой по Лит. Стат., состоящій изъ посягательства на личность и ограбленія имущества.

Лит. Стат. знаетъ также совокупность преступленій.

Одно и то же преступленіе можетъ быть мысленно раздѣлено на части, изъ которыхъ каждая представляетъ отдѣльное преступленіе (идеальная совокупность). Убійство человѣка, обезпеченнаго „кглейтомъ,"—преступленіе противъ жизни и „згвалтованье кглейту;" нанесеніе ранъ „стрельбою" на королевскомъ дворѣ—преступленіе противъ тѣлесной неприкосновенности и нарушеніе запрещенія носить оружіе на королевскомъ дворѣ. Преступныя дѣянія подобнаго рода обложены въ Лит. Стат. болѣе строгими наказаніями: нанесеніе ранъ „стрельбою" на королевскомъ дворѣ карается смертной казнью, а потерпѣвшій получаетъ двойную „навязку," между тѣмъ какъ вообще за нанесеніе ранъ опредѣлено тюремное заключеніе и „навязка" (Ср. III, I, 10 и III, XI, 27).

Нѣсколько преступленій можетъ быть совершено посредствомъ отдѣльныхъ дѣйствій, имѣющихъ связь между собою (реальная совокупность). „Чужоложникъ" убиваетъ оскорбленнаго мужа (III, XIV, 30); воры, застигнутые хозяиномъ при кражѣ хлѣба на полѣ, убиваютъ или ранятъ хозяина или его слугъ (III, XIV, 26); при грабежѣ „коня шляхетскаго" наносятся раны или побои слугамъ (III, XIII, 3); „згвалтовникъ" при находѣ убиваетъ, ранитъ, насилуетъ женщинъ, оскорбляетъ словомъ или дѣйствіемъ, грабитъ имущество (III, II, 18, III, XI, 1). Наказаніе при такой совокупности преступленій опредѣляется на различныхъ основаніяхъ. а) Преступникъ подвергается наказанію только за одно преступленіе; это наказаніе поглощаетъ наказанія за всѣ прочія преступленія. Воръ, убившій хозяина украденнаго имущества, подвергается наказанію только какъ убійца (III, XIV, 26). б) Наказаніе налагается болѣе строгое, нежели за каждое преступленіе въ отдѣльности. За „чужоложство" опредѣлена смертная казнь; за умышленное убійство шляхтича — смертная казнь (и головщина); за убійство „чужоложникомъ" оскорбленнаго мужа (шляхтича)—смертная казнь, лишеніе чести [и головщина] (III, XIV, 30). в) Потерпѣвшій получаетъ вознагражденіе за весь вредъ, причиненный ему. За грабежъ „коня шляхетскаго"—виновный долженъ „коня конемъ навезати и шкоду оправити;" сверхъ того за нанесеніе при грабежѣ ранъ или побоевъ слугамъ—„слугъ навезати водлугъ статуту" (III, XIII, 3);

„кгвалтовникъ“ обязанъ „кгвалтъ и раны платити, а грабежи з навезкою поворочати и всю шкоду добре оправити“ (III, XI, 43).

Рецидивъ.

Рецидивомъ называется повтореніе преступленія во 2-й, 3-й разъ и т. д. Для бытія рецидива требуются слѣдующія условія: а) Рецидивъ возможенъ относительно одного и того же преступленія: „повторе укралъ,“ 2, 3, 4-й разъ „спотварилъ“ (III, IV, 105). б) Рецидивъ возможенъ тогда, когда виновный уже наказанъ за совершеніе преступленія въ 1 разъ; эта мысль вполнѣ ясно выражена въ артикулѣ „о каранью зводницъ“ (III, XIV, 31): „а где бы ся и по такомъ каранью тымъ же спроснымъ зыскомъ жывили, тогды врядъ такихъ на горле карати маеть.“ Напротивъ, обвиненный въ 1 разъ въ многократномъ повтореніи одного и того же преступленія, не подвергается болѣе строгой отвѣтственности:

> „илекроть будетъ тотъ на домъ, або на гумно наежджати, або по дорозе грабити, тотъ за кождымъ своимъ наездомъ або по дорозе бранемъ маеть кгвалтъ платити.“ (Ш, II, 18; II, II, 14, 20).

Рецидивъ служитъ основаніемъ для примѣненія къ преступнику болѣе строгаго наказанія: „хто бы первый разъ з битвы утекъ, таковый имѣнье тратить, пакли тежъ и другий разъ з битвы утекъ, почтивость свою тратить (II, II, 14).

Кромѣ рецидива преступленія, Лит. Стат. указываетъ еще на рецидивъ обвиненія, процессуальный рецидивъ. При извѣстныхъ условіяхъ процессуальный рецидивъ служитъ основаніемъ для примѣненія къ обвиняемому уголовнаго наказанія. (См. ниже: „процессуальныя особенности иска о злодействе“).

СОУЧАСТІЕ.

Въ Лит. Стат. находимъ слѣдующія формы соучастія: совиновничество, главное виновничество и пособничество, подстрекательство, необходимое соучастіе, прикосновенность.

Совиновничество.

Совиновничествомъ называется такая форма соучастія, когда всѣ соучастники являются равно виновными въ преступленіи:

„естли бы колько персонъ шляхетскихъ о одного шляхтича забитье обвинено было....., а сторона жалобная не вызволяючи ни одного з нихъ, але всихъ, колько ихъ будеть, поприсегнула.“ (III, XI, 29).

Отвѣтственность совиновниковъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ въ Лит. Стат.: а) Всѣ совиновники подвергаются одинаковому наказанію. За убійство шляхтича при находѣ или разбоѣ „людьми простого стану“ всѣ совиновники подвергаются смертной казни (III, XI, 39); за „злодейство“ тоже подвергаются смертной казни всѣ совиновники („за злодейство тотъ злодей або и колько ихъ будетъ, мають горломъ караны быти...“ III, XIX, 14); одинаковая отвѣтственность совиновниковъ возможна была и въ другихъ случаяхъ, кромѣ разбоя, находа и кражи: „кгды бы чьихъ кольвекъ подданыхъ злодеевъ або розбойниковъ и якихъ кольвекъ злочинцовъ поймано, а они бы, идучи на смерть, врадника своего поволали“ (III, XIV, 19). б) За убійство шляхтича въ „звадѣ“ смертной казни подвергается 1 шляхтичъ—совиновникъ или 3 нешляхтича (7 по II ред.); остальные совиновники уплачиваютъ головщину и подвергаются тюремному заключенію на 1 годъ и 7 недѣль. За убійство шляхтича въ „звадѣ“ въ III ред. Лит. Стат. опредѣлена—смертная казнь и уплата головщины; при совиновничествѣ 1 шляхтичъ или 3 (7) нешляхтича, подвергаются уголовному наказанію (смертной казни), остальные совиновники должны уплатить головщину и кромѣ того подвергаются еще дополнительному наказанію—тюремному заключенію. Въ Лит. Стат. не указывается, какими способами изъ всѣхъ совиновниковъ избирался 1 шляхтичъ или 3 (7) нешляхтича для преданія смертной казни. Во всякомъ случаѣ, подвергая нѣкоторыхъ совиновниковъ болѣе строгому наказанію, законодатель не руководится степенью ихъ виновности: въ принципѣ признается равная отвѣтственность всѣхъ совиновниковъ („водле правъ христіанскихъ винни бы тые вси горло дати“); строгое проведеніе этого принципа повело бы къ жестокости наказаній, а потому Лит. Стат. „занехавши срокгого права“ отступаетъ отъ него (III, XI, 29; II, XI, 12; I, VII, 8). в) Въ Лит. Стат. есть примѣръ отвѣтственности совиновниковъ одновременно какъ совиновниковъ и какъ единичныхъ преступниковъ. Воры „змоцнившися того пана самого будь слугу и подъданыхъ его при его жъ збожью забили;“ общая отвѣтственность всѣхъ соучастниковъ состоитъ въ слѣдующемъ: „повинни кгвалтъ платити 12 рублей грошей и раны подъданымъ оправити;“

кромѣ того каждый подвергается наказанію за то преступленіе, которое онъ самъ совершилъ:

„а естли бы шляхтича забито, тогды маеть горломъ каранъ быти водле покоманья стороны жалобливое, кому вина будеть дана, а кгвалтъ и шкода з именья ихъ платити“ (II, XIV, 25).

Главное виновничество и пособничество.

Кромѣ главныхъ дѣятелей, главныхъ виновниковъ, въ преступномъ дѣяніи могутъ принимать участіе другіе лица,—пособники, оказывающіе то или иное содѣйствіе главному виновнику. Пособники называются въ Лит. Стат. „помочниками;“ главные виновники особаго названія не имѣютъ и называются различно въ различныхъ случаяхъ: „кгвалтовникъ,“ убійца.

О главныхъ виновникахъ и „помочникахъ“ Лит. Стат. упоминаетъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) При „кгвалтовномъ находѣ на домъ шляхетскій“ различаются—„кгвалтовникъ и его помочники.“ О „кгвалтовникѣ“ Лит. Стат. выражается, какъ о главномъ дѣятелѣ: онъ „кгвалтомъ нашолъ, забилъ, ранилъ, шкоду учынилъ.“ О „помочникахъ“ есть только краткое замѣчаніе: „помочникомъ“ называется тотъ, „хто з нимъ на томъ кгвалте будеть.“ Но, конечно, дѣятельность „помочниковъ“ не ограничивалась пассивнымъ присутствіемъ при находѣ. „Кгвалтовнику“ принадлежитъ преступный замыселъ, составленіе плана, „кгвалтовникъ“ дѣйствуетъ для достиженія собственныхъ цѣлей; „кгвалтовникъ“ приводитъ въ исполненіе свое преступное намѣреніе лично и сверхъ того при содѣйствіи „помочниковъ,“ которые не только присутствуютъ при находѣ, но и убиваютъ, грабятъ и т. д.; поэтому противъ „помочниковъ,“ какъ и противъ „кгвалтовника,“ возможна необходимая оборона (III, XI, 19). Слуги „помочниками“ не считаются. б) Такой же характеръ имѣютъ, очевидно, „помочники“ и при родителеубійствѣ. Сынъ, посягнувшій на жизнь родителей,—главный виновникъ; лица, оказывающіе ему содѣйствіе — „помочники.“ в) Главный виновникъ (вслѣдствіе какихъ нибудь мотивовъ) рѣшается освободить присужденнаго къ смертной казни преступника; для осуществленія своего намѣренія, онъ пользуется содѣйствіемъ „помочниковъ“ (III, IV, 31). На основаніи приведенныхъ случаевъ можно установить слѣдующее различіе между главными виновниками и „помочниками:“ и тѣ

и другіе принимаютъ равное участіе въ совершеніи преступленія; но главнымъ виновникамъ принадлежитъ преступное намѣреніе, они дѣйствуютъ для достиженія своихъ цѣлей; „помочники"—содѣйствуютъ главнымъ виновникамъ. При находѣ „кгвалтовникъ" подвергается болѣе строгому наказанію, нежели „помочники;" въ остальныхъ случаяхъ главный виновникъ и его „помочники" подлежатъ равной отвѣтственности (вѣроятно, вслѣдствіе особенностей указанныхъ случаевъ—квалифицированное убійство, преступленіе противъ управленія). г) „Помочниками" называются въ Лит. Стат. лица, дѣятельность которыхъ ограничивается совѣтами или дѣйствіями, предшествующими преступленію и облегчающими совершеніе его („радою помочью причины до такого злого учинку оному давалъ"... „умыслне отправуючи кого на мужобойство або який иный злый учинокъ... подъпомогъ коньми, зброею, людьми альбо пенезьми"). Уличенный въ такого рода дѣятельности долженъ представить на судъ главнаго виновника—исполнителя преступленія; въ противномъ случаѣ подвергается такому наказанію, какому подвергаются „помочники" при находѣ; но можетъ и впослѣдствіи отыскивать истиннаго преступника.

Подстрекательство.

Преступная дѣятельность можетъ быть распредѣлена между соучастниками: одни дѣйствуютъ только интеллектуально, другіе—физически; первые называются интеллектуальными виновниками или подстрекателями, вторые физическими виновниками. Интеллектуальному виновнику принадлежитъ составленіе преступнаго намѣренія и возбужденіе, подстреканіе другого—физическаго виновника—осуществить это намѣреніе; средствами подстреканія служатъ: изъявленіе воли, приказаніе, позволеніе, наставленіе и т. д. („з направы, причины, росказанья, порады... учинилъ"). Такимъ образомъ интеллектуальный виновникъ, или подстрекатель, осуществляетъ свое преступное намѣреніе физическими силами другого лица („з направы своее черезъ кого кольвекъ иного забойство учинилъ"... III, I, 25).

Отвѣтственность интеллектуальнаго и физическаго виновника слѣдующимъ образомъ опредѣляется въ Лит. Стат.: а) И физическій и интеллектуальный виновникъ подвергаются равному наказанію. За

убійство незаконно прижитаго новорожденнаго ребенка преступная мать и исполнительница ея воли предаются смертной казни (III, XI, 60); за убійство „здрадливымъ потаемнымъ обычаемъ“—„самъ тотъ, хто направилъ, яко тотъ, хто то учинилъ, каранъ быти маетъ“ (III, XI, 17). б) Интеллектуальный виновникъ одинъ подвергается наказанію. При отсутствіи физическаго виновника, отвѣтственности подлежитъ только интеллектуальный: „кгды бы кому в чиемъ дому шляхетскомъ або по дорозе с причины и направы господаря домового бой, раны або якіе шкоды сталисе,“ то „господаръ домовый“ долженъ вознаградить потерпѣвшаго, а самъ можетъ искать совершившаго преступленіе („раны и шкоды своими властными пенезьми платити и оправовати, а собе тыхъ кгвалтовниковъ або шкодниковъ, хто бы то учинилъ, искати“ III, XI, 41). На интеллектуальнаго виновника падаетъ вся отвѣтственность также въ томъ случаѣ, когда исполнителемъ, физическимъ виновникомъ, былъ „шаленый“ (III, XI, 35). в) Интеллектуальный виновникъ—господинъ, физическій виновникъ—слуга. Въ артикулахъ, относящихъ сюда, обыкновенно дѣло представляется въ такомъ видѣ, что слуга, совершившій преступленіе „з росказанья, позволенья, порады“ господина, убѣгаетъ; господинъ самъ подвергается наказанію („маеть тотъ панъ самъ каранъ быти тымъ, чымъ тотъ выступца мелъ быти каранъ.“ III, XI, 37). Противоположный случай представляетъ слѣдующее постановленіе: „хто послалъ стрельцовъ у чужую пущу..... если бы стрельца поймано надъ звѣромъ убитымъ въ пущы,“ то вся отвѣтственность падаетъ на слугу—„стрельца,“ исполнившаго волю господина (III, X, 1; II, X, 1; I, IX, 1). На основаніи указанныхъ случаевъ отвѣтственности интеллектуальныхъ и физическихъ виновниковъ приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) И интеллектуальный и физическій виновникъ привлекаются къ отвѣтственности и подвергаются наказанію при преступленіяхъ важныхъ: дѣтоубійство, убійство „здрадливымъ потаемнымъ обычаемъ“ и др. Законодатель вполнѣ ясно сознаетъ общественный характеръ такихъ преступленій и оцѣниваетъ ихъ съ точки зрѣнія субъективной виновности; съ этой точки зрѣнія виновными являются—какъ исполнитель преступленія, такъ и подстрекатель. 2) Въ посягательствахъ менѣе важныхъ законодатель видитъ прежде всего „кривду“ или „шкоду,“ а потому къ отвѣтственности привлекаетъ причинившихъ своими дѣяніями „кривду“ или „шкоду,“ т. е. физическихъ виновниковъ. Хотя

самовольная охота обложена тюремнымъ заключеніемъ (III ред.) и даже смертною казнью (I и II ред.), но въ Лит. Стат. это преступленіе не оцѣнивается еще съ точки зрѣнія субъективной виновности; къ отвѣтственности не привлекается господинъ, пославшій „стрельца у чужую пущу.“ 3) Физическій виновникъ неизвѣстенъ; въ такомъ случаѣ интеллектуальный виновникъ долженъ удовлетворить пострадавшаго, а самъ получаетъ право искать „кгвалтовниковъ и шкодниковъ“ (III, XI, 41; II, XI, 20; I, VII, 18).

Совершенно не упоминается объ отвѣтственности физическаго виновника при убійствѣ послѣ „заруки“ и при убійствѣ вознаго слугами „з росказанья пана.“ Въ указанныхъ случаяхъ законодатель главное вниманіе обращаетъ на отвѣтственность лица, на которое выданъ „заручный листъ“ и къ которому посланъ возный. Преслѣдуя эту цѣль и опредѣляя отвѣтственность этихъ лицъ, какъ интеллектуальныхъ виновниковъ, законодатель опускаетъ изъ виду отвѣтственность физическихъ виновниковъ.

Необходимое соучастіе.

Лит. Стат. знаетъ такія преступленія, для бытія которыхъ необходима совокупная дѣятельность нѣсколькихъ лицъ, Сюда относятся: дуэль, похищеніе замужней женщины, „чужоложство,“ двоеженство, бракъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства. Каждый изъ указанныхъ случаевъ носитъ свои особыя характеристическія черты, которыя будутъ указаны нами при обозрѣніи отдѣльныхъ видовъ преступленій.

Прикосновенность.

Въ Лит. Стат. находимъ слѣдующіе виды прикосновенности: попустительство, недонесеніе о готовящемся преступленіи, укрывательство преступниковъ, пользованіе плодами преступленія. Нѣкоторые случаи прикосновенности образуютъ въ Лит. Стат. самостоятельныя преступленія, и намъ необходимо будетъ упомянуть о нихъ еще разъ при анализѣ отдѣльныхъ видовъ преступленій.

Попустительство. Лит. Стат. указываетъ нѣсколько случаевъ, когда лица, на обязанности которыхъ лежитъ предупрежденіе преступленій, надзоръ за исполненіемъ требованій закона, допускаютъ

нарушеніе таковыхъ требованій. На обязанности должностныхъ лицъ („воеводъ, старостъ, державецъ, войтовъ"...) лежитъ надзоръ за употребленіемъ торговцами правильныхъ, закономъ установленныхъ мѣръ и вѣсовъ. Если бы оказалось, что торговцы „за позволеньемъ або подойзреньемъ самого вряду нашого инакшыхъ меръ надъ тую уставу ку крывде чыей ужывали," то „врядъ" подвергается отвѣтственности, какая опредѣлена за употребленіе неправильныхъ мѣръ и вѣсовъ (III, III, 36). Королевскій чиновникъ, позволившій королевскимъ „поддаными" содержать „покутные корчмы," подвергается такой же отвѣтственности, какая опредѣлена за содержаніе „покутныхъ корчемъ" (III, XIV, 33).

Недонесеніе о преступленіи. Лит. Стат. не требуетъ отъ гражданъ доносить о преступленіяхъ, не считаетъ доносовъ—гражданской обязанностью. Напротивъ, въ Лит. Стат. проводится та мысль, что доносы—общественная язва, для борьбы съ которой извѣстны два средства: не признаніе тайнаго доноса и угроза лжедоносчику тѣмъ же наказаніемъ, какому могъ бы подвергнуться обвиняемый. Такому воззрѣнію нисколько не противорѣчитъ обѣщаніе награды за донесеніе о готовящемся политическомъ преступленіи. Награда въ данномъ случаѣ—справедливое возмездіе со стороны государства за предостереженіе отъ угрожавшей ему опасности. Лит. Стат. не требуетъ отъ каждаго гражданина, какъ обязанности, доносить о готовящемся политическомъ преступленіи; предусматривается только случай такого доноса, при чемъ обѣщанію награды за справедливый доносъ противопоставляется угроза тяжкимъ наказаніемъ, если доносъ окажется ложнымъ:

> „А хто бы въ насъ передъ учинкомъ милуючи пана Бога и пана своего и речъ посполитую справедливе перестерегъ або объявилъ таковые речи, тотъ маетъ ласку нашу господарскую мети и чти и повышенья годенъ будетъ" (III, :, 4)... „Естли бы такимъ явнымъ сведецтвомъ не довелъ самъ отсуженьемъ почстивости и горломъ маетъ быти каранъ" (III, I, 5).

Дѣйствительнымъ противорѣчіемъ, непослѣдовательностью является угроза наказаніемъ совершеннолѣтнимъ сыновьямъ политическаго преступника за недонесеніе о преступныхъ замыслахъ отца. Лит. Стат. различаетъ совершеннолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ сыновей политическаго преступника, „ведомыхъ и неведомыхъ здрады отцовское." Смертной казни, лишенію чести и конфискаціи имущества подверга-

ются „сынове такового здрайцы дорослые, которые бы тежъ оказались быти ведомыми тое здрады отцовское.“ Основаніе отвѣтственности выражено въ словѣ „ведомый,“ при чемъ подразумѣвается—„и не донесшій.“ Доносчики получали награду; такими доносчиками могли быть, конечно, и взрослые сыновья, знавшіе о преступныхъ замыслахъ отца. Это варварское постановленіе, очевидно, основано на предположеніи, что взрослые сыновья могутъ знать о преступныхъ замыслахъ отца скорѣе, чѣмъ кто нибудь другой, и понимать всю важность доноса. Такое чисто формальное соображеніе, совершенно игнорирующее чувства семейной привязанности, не выдерживаетъ критики. Такой же характеръ имѣетъ отвѣтственность купившаго имѣніе у человѣка, оказавшагося впослѣдствіи политическимъ преступникомъ. Купившій имѣніе остается собственникомъ купленнаго имѣнія, если присягнетъ, что „онъ тое рады его не ведалъ;“ въ противномъ случаѣ подвергается наказанію. Если бы купившій имѣніе, зная о преступныхъ замыслахъ продавшаго ему имѣніе, воспользовался этимъ знаніемъ — донесъ о готовящейся измѣнѣ, то получилъ бы награду. Слѣдовательно, наказаніемъ обложено въ данномъ случаѣ недонесеніе о готовящемся преступленіи. Впрочемъ, Лит. Стат. въ каждой редакціи измѣняетъ взглядъ на отвѣтственность купившаго имѣніе у измѣнника: I ред. опредѣляетъ конфискацію всего имущества; II ред.—конфискацію только купленнаго у измѣнника имѣнія; III ред. совсѣмъ не касается вопроса о томъ, зналъ купившій имѣніе о готовящейся измѣнѣ или не зналъ; онъ долженъ только доказать, что имѣніе дѣйствительно куплено имъ, послѣ чего остается собственникомъ этого имѣнія.

Лит. Стат. указываетъ только одинъ случай наказуемаго недонесенія о совершившемся преступленіи,—недонесеніе хорунжаго гетману о томъ, что какой-нибудь „земянинъ“ не принимаетъ участія въ военномъ походѣ; но это—самостоятельное преступленіе по военной службѣ. Недонесеніе о совершившемся преступленіи со стороны частныхъ лицъ ненаказуемо.

Укрывательство преступниковъ. Въ понятіе укрывательства преступниковъ входитъ всякаго рода дѣятельность, направленная къ скрытію преступника и къ освобожденію его отъ уголовнаго правосудія. Лит. Стат. извѣстны слѣдующія формы такой дѣятельности: „переховываньe“ преступниковъ, т. е. дача убѣжища преступнику въ своемъ

домѣ или имѣніи, пріемъ преступника на службу („дому або в именью своемъ переховывалъ... або за слугу у себе ховалъ...“ III, XI, 36; ...„в дому своемъ альбо на именью осадивши домомъ ховалъ або мешкати допустилъ,“ III, XIV, 13); допущеніе бѣгства преступника до суда или даже содѣйствіе бѣгству (господинъ „фолькгуючи служебнику своему поймати его не хотелъ або не могъ, а онъ за тымъ утекъ...“ III, XI, 25); выкупъ преступника, осужденнаго на смертную казнь („явного злодея отъ шибеницы своими пенезми откупилъ,“ III, XIV, 13); пощада „выданного на смерть злодея“ (III, XIV, 13). Такой же характеръ имѣютъ — препятствованіе должностнымъ лицамъ при поимкѣ приговореннаго преступника (III, IV, 32) и освобожденіе осужденнаго преступника (III, IV, 31); но эти дѣянія выдѣляются въ самостоятельныя преступленія противъ судебной власти. „Переховыванье,“ выкупъ или непреданіе смертной казни „приличного злодея“ не обложено уголовнымъ наказаніемъ; укрыватель только уплачиваетъ „шкоду“ пострадавшему, если укрываемый совершитъ кражу. Укрывательство же „злочинцовъ, розбойниковъ, злодеевъ, явныхъ выволанцевъ, якихъ кольвекъ або чьсти отсужоныхъ“ обложено такимъ наказаніемъ, какому долженъ былъ подвергнуться укрываемый „злочинца.“ Отвѣтственность господина, допустившаго побѣгъ своего слуги—преступника или способствовавшаго таковому побѣгу, отожествляется съ интеллектуальнымъ виновничествомъ; господинъ несетъ полное наказаніе, опредѣленное за то преступленіе, которое совершилъ его слуга (III, XI, 37).

Пользованіе плодами преступленія. Пользованіе вещами, добытыми преступной дѣятельностью другого („речей злодейскихъ ведомо ужывалъ...“) со стороны семьи преступника ведетъ только къ обязанности вознаградить потерпѣвшаго или къ отдачѣ на отработокъ, въ случаѣ несостоятельности. Пользованіе плодами преступленія со стороны другихъ лицъ равносильно укрывательству преступника и обложено тѣмъ наказаніемъ, которое опредѣлено за самое преступленіе (III, XI, 36).

Условія прикосновенности. Прикосновенность предполагаетъ бытіе какого-нибудь преступленія, въ совершеніи котораго прикосновенные участія не принимали. Преступность прикосновенныхъ обусловлена преступностью виновнаго въ главномъ дѣяніи: совершеннолѣтніе сыновья подвергаются наказанію за недонесеніе только въ томъ случаѣ,

когда преступленіе отца ихъ будетъ доказано („а то бы на него слушне и справедливе было переведено"); „переховываніе" преступниковъ имѣетъ мѣсто послѣ „перевода права и обволанья такого сказанья або выволанья." Но примѣненіе наказанія за главное дѣяніе не обусловливаетъ примѣненія наказанія за прикосновенность: прикосновенные могутъ быть наказаны независимо отъ наказанія главныхъ преступниковъ; напримѣръ, государственный измѣнникъ убѣжалъ, а лицо, купившее у него имѣніе, подвергается наказанію. Съ субъективной стороны для бытія прикосновенности необходима умышленность дѣйствій со стороны прикосновеннаго. Укрыватель подвергается наказанію „естли бы ведоме и знаючи ховалъ;" наказанію за недонесеніе подвергаются сыновья „ведомые о здрадѣ отцовской;" семья преступника должна вознаградить потерпѣвшаго за пользованіе завѣдомо краденными вещами („тыхъ речей краденыхъ ведаючи ихъ быти крадеными уживали").

Заключеніе. Вопросъ о соучастіи постоянно обращаетъ на себя вниманіе законодателя; постановленія по этому вопросу разбросаны въ различныхъ раздѣлахъ Лит. Стат. Внимательный анализъ этихъ постановленій показываетъ слѣдующее: а) Въ нѣкоторыхъ артикулахъ Лит. Стат. совершенно ясно различаетъ типы соучастниковъ (III, I, 24; III, XI, 17, 29, 39). б) Въ другихъ артикулахъ смѣшиваются различные типы соучастниковъ: интеллектуальное виновничество смѣшивается съ укрывательствомъ (III, XI, 37); укрывательство, пользованіе плодами преступленія и пособничество составляютъ, повидимому, одну форму соучастія (III, XI, 36); интеллектуальное виновничество смѣшивается съ пособничествомъ (III, XI, 35). в) Такая же неопредѣленность замѣчается въ вопросѣ о наказуемости соучастія: укрыватель только уплачиваетъ „шкоду" потерпѣвшему (III, XIV, 13); укрыватель подвергается тому наказанію, какому долженъ подвергнуться укрываемый преступникъ.

Эти особенности указываютъ на невозможность представить все ученіе о соучастіи по Лит. Стат. въ строгой системѣ.

КРОВЬ И ЕЯ ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ БОЛѢЗНЯХЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ предстоящихъ чтеніяхъ мы излагаемъ вамъ современное ученіе о крови, какъ нормальной, такъ и патологически измѣненной въ болѣзняхъ, и о способахъ ея изслѣдованія.—При этомъ всѣ недостаточно еще выясненные вопросы, а равно всѣ очень сложные способы изслѣдованія не войдутъ въ программу этихъ чтеній; мы ограничимся возможно полнымъ изложеніемъ только главнѣйшаго, имѣющаго постоянное примѣненіе въ клиникѣ, и необходимаго для васъ, какъ практическихъ врачей въ будущемъ.

Прежде всего насъ интересуетъ вопросъ, какое мѣсто въ ряду медицинскихъ наукъ слѣдуетъ отвести гэматологіи, ученію о крови.

„Будущее принадлежитъ гэматологіи. Она принесетъ намъ рѣшенія великихъ нозологическихъ задачъ“, такъ начинаетъ свой знаменитый огромный трудъ о крови французскій ученый Hayem [1]).

Дѣйствительно, значеніе крови, какъ ткани, въ организмѣ, можно сказать, преобладаетъ надъ значеніемъ всѣхъ другихъ тканей.

Непрерывная доставка крови извѣстныхъ качествъ, съ содержаніемъ кислорода является непремѣннымъ условіемъ жизни клѣтокъ организма; клѣтка умираетъ въ самое короткое время, разъ она лишается крови; для гибели, впрочемъ, анатомическихъ элементовъ не требуется даже полнаго лишенія крови или перерыва кровянаго тока; достаточно только, чтобы протекающая кровь не содержала кислорода.—Кровью разносится, однако, по тѣлу не одинъ только кисло-

---

[1]) Hayem. Du sang et de ses altérations anatomiques. Paris. 1889.

родъ, а и всѣ питательныя вещества, органическія и минеральныя, поступающія извнѣ и соотвѣтственно измѣненныя пищевареніемъ.—Точно также, кромѣ гликогена печени, въ кровь поступаютъ въ извѣстныхъ органахъ (testiculi, gl. thymus, thyreoidea) нѣкоторыя химическія вещества, ближе неизвѣстныя, но безспорно необходимыя для правильной функціи всего организма, главнымъ образомъ центральной нервной системы.

Такимъ путемъ кровь разноситъ съ собою жизнь, элементы, необходимые для развитія и поддержанія жизненныхъ явленій въ клѣткахъ и тканяхъ, и ея непрерывающееся участіе есть неизбѣжно требуемое условіе самаго существованія организма.

Выдающееся значеніе крови при этомъ не ограничивается доставкой кислорода и матерьяловъ для возстановленія клѣточной протоплазмы; она же, прямымъ путемъ и при посредствѣ лимфы, освобождаетъ живую клѣтку отъ продуктовъ ея жизнедѣятельности, ненужныхъ и ядовитыхъ, которые должны быть безъ перерыва удаляемы для сохраненія жизни. Кровь воспринимаетъ ихъ и несетъ къ органамъ выдѣленія.

Отсюда ясно, сколь сложной представляется роль крови; она играетъ роль посредника между протоплазмой клѣтокъ и внѣшнимъ міромъ. Все, что изъ внѣшняго міра воспринимается клѣткой, все—что отдается клѣткой наружу,—все проходитъ черезъ кровь.—Это общеніе крови съ внѣшней средой нигдѣ однако у высшихъ животныхъ не происходитъ прямо, непосредственно, а совершается при помощи многоразличныхъ периферическихъ аппаратовъ, правильность жизни и функціи которыхъ тоже цѣликомъ зависитъ отъ состава крови.

Вообще связь между состояніемъ крови и отдѣльныхъ органовъ тѣла представляется весьма тѣсной. Всякое болѣзненное измѣненіе крови и кроветворительныхъ органовъ (селезенка, лимфатическія железы, костный мозгъ) отражается на состояніи всего организма, какъ то видимъ при хлорозѣ, гэмофиліи, лейкэміи и аденіи. Точно также всевозможныя заболѣванія органовъ и разстройства ихъ функцій немедленно вызываютъ многоразличныя измѣненія въ крови.

Эта чувствительность, эта отзывчивость крови тѣмъ болѣе рѣзко выражена, что кровь отнюдь не представляетъ только индифферентную посредствующую среду, не играетъ при этомъ только пассивную роль, а является самостоятельной живой тканью въ постоянно измѣняющемся

состояніи; какъ ея химическія составныя части, такъ и форменные элементы безпрерывно разрушаются и безпрерывно возстановляются.—Одна эта вѣчная смѣна свидѣтельствуетъ уже о той большой физіологической роли, которую играетъ кровь во всѣхъ внутриорганическихъ процессахъ.

Изъ приведеннаго вамъ должно быть ясно, какъ велико для врача въ его практической дѣятельности близкое знакомство съ кровью въ ея нормальномъ и болѣзненно измѣненномъ состояніи.—Но съ другой стороны, вамъ можетъ показаться страннымъ, почему же въ программы клиническихъ курсовъ входятъ подробныя изслѣдованія разныхъ отдѣленій и выдѣленій, напр. мочи, кала, и такъ мало сравнительно говорится про кровь. Причина тому лежитъ въ самой исторіи вопроса.

Правда, уже древніе врачи знали про значеніе крови для жизненныхъ процессовъ. Гиппократъ назвалъ ее по этой причинѣ flammula vitalis. Съ 1628 года, съ появленія знаменитаго сочиненія Гарвея, „Анатомическое изслѣдованіе о движеніи сердца и крови въ животныхъ“, мы уже знаемъ про кровь и кровеобращеніе.—Но только съ изобрѣтеніемъ оптическихъ увеличительныхъ инструментовъ явилась возможность приступить къ изученію нормальной анатоміи крови. Первый—Swammerdan видѣлъ въ 1658 г. красные шарики въ крови лягушки. Въ 1661 г. Malpighi видѣлъ ихъ въ брыжжейкѣ ежа, но принялъ ихъ за жировыя зернушки. Въ 1673 г. Loevenhoock приписалъ кровянымъ тѣльцамъ ихъ истинное значеніе и доказалъ постоянную наличность ихъ въ крови человѣка и высшихъ животныхъ позвоночныхъ.—Въ 1770 г. Hewson описалъ въ крови бѣлые шарики, лейкоциты. Затѣмъ съ конца прошлаго столѣтія и до половины нынѣшняго гэматологія оставалась въ забвеніи и не развивалась. Около этого времени особенныхъ успѣховъ достигла патологическая анатомія съ Вирховымъ во главѣ; при изслѣдованіи патологическихъ измѣненій въ органахъ, какъ причины болѣзней, было снова обращено вниманіе и на кровь, и въ 1847 г. Virchow открылъ первую опредѣленную форму болѣзней крови—лейкэмію. Въ 1855 г. Pollender описалъ сибиреязвенную палочку въ крови человѣка и животныхъ. Въ 1873 г. найдена спирилла возвратной горячки (Obermeyer). Къ 1880 г. относится первое описаніе паразита перемежающейся лихорадки (Laveran).—Въ нормальной крови открыта третья форма элементовъ (Hayem, Bizzozero).—Изобрѣтены легко примѣняемые въ клиникѣ способы счисленія кровяныхъ шариковъ и опре-

дѣленія количества гэмоглобина.—Начато и энергично продолжается изученіе качественныхъ измѣненій въ кровяныхъ тѣльцахъ, красныхъ и бѣлыхъ, давшее высокоцѣнные результаты въ патологіи и въ практической медицинѣ.

Такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ только изслѣдованіе крови открываетъ намъ истинную причину болѣзни, напр. нахожденіе паразитовъ при сибирской язвѣ, при f. recurrens, intermittens.

Въ другихъ случаяхъ только свойства крови позволяютъ поставить дифференціальный діагнозъ, напр. при лейкэміи, псевдолейкэміи, хлорозѣ, перниціозной анэміи.

Въ цѣломъ рядѣ болѣзней изслѣдованіемъ крови опредѣляется вѣроятное дальнѣйшее теченіе процесса.

Наконецъ при многихъ заболѣваніяхъ, особенно связанныхъ съ упадкомъ питанія, результаты лѣченія больнаго раньше и вѣрнѣе другихъ путей обнаруживаются въ крови.

Вообще, за послѣдніе годы морфологія, физіологія и патологія крови разработаны настолько, что близкое знакомство съ этой отраслью медицинской науки обязательно для каждаго практическаго врача.

Раньше чѣмъ говорить объ измѣненіяхъ крови въ болѣзняхъ представляется необходимымъ возстановить вкратцѣ основныя положенія нормальной морфологіи и физіологіи крови. Только при предварительномъ отчетливомъ знакомствѣ съ нормальными свойствами крови можно правильно распознать и оцѣнить встрѣчающіяся уклоненія.

Общія свойства нормальной крови.

Кровь есть жидкость весьма сложнаго химическаго состава, не прозрачная, краснаго цвѣта. Состоитъ она изъ жидкой части—плазмы, въ которой взвѣшены три рода форменныхъ элементовъ: красные шарики (гэматіи, эритроциты), бѣлые шарики (лейкоциты) и гематобласты (Hayem) или пластинки (Bizzozero).

Кромѣ этихъ форменныхъ элементовъ въ каждомъ препаратѣ крови замѣчаются въ плазмѣ въ большемъ или меньшемъ количествѣ свободныя зерна разнаго вида:

1. Одни состоятъ безспорно изъ жира. Это очень маленькіе шарики, 1—2 μ въ поперечникѣ, и окружены тонкой бѣлковой оболоч-

кой. Въ нормальной крови ихъ бываетъ мало; значительно больше—въ крови новорожденныхъ, обильно питающихся молокомъ и вообще при діэтѣ богатой жирами.

2. Другія зерна—бѣлковаго характера; они блѣдны, безцвѣтны, мелки, вполнѣ растворяются отъ уксусной кислоты. Прежде ихъ считали продуктами распаденія красныхъ или бѣлыхъ шариковъ. Теперь мы на нихъ смотримъ, какъ на измѣнившіяся въ выпущенной крови пластинки.

3. Есть еще зерна своеобразнаго вида. Въ нормальной крови они встрѣчаются исключительно рѣдко. Въ патологическихъ-же случаяхъ, особенно при лейкэміи, ихъ легко найти въ крови. По внѣшнему виду они вполнѣ подобны тѣмъ тѣльцамъ, что въ изобиліи находятся въ кроветворныхъ органахъ; это—малые, 2—4 μ въ діаметрѣ, безцвѣтные шарики, очень сильно преломляющіе свѣтъ, напоминающіе большія жировыя зерна, но не окрашивающіеся отъ осміевой к. въ черный цвѣтъ.

Красные шарики содержатъ красящее вещество—гэмоглобинъ, краснаго цвѣта, каковой придаютъ и всей жидкости, хотя плазма сама по себѣ почти безцвѣтна. Красный цвѣтъ крови представляетъ нѣсколько оттѣнковъ. Алый цвѣтъ артеріальной крови зависитъ отъ соединенія красящаго вещества съ кислородомъ, т е. отъ оксигэмоглобина. Чѣмъ меньше кислорода содержитъ кровь, тѣмъ она становится темнѣе, принимая темно-синій, красноватый, т. наз. венозный цвѣтъ; этотъ цвѣтъ крови обусловливается возстановленнымъ, свободнымъ отъ кислорода гемоглобиномъ, но онъ совершенно независимъ отъ углекислоты, въ изобиліи содержащейся въ венахъ. Кровь, лишенная кислорода, представляется дихроичною, т. е. при падающемъ свѣтѣ она представляется темнокрасною, при проходящемъ—зеленою. Употребляемая для изслѣдованія кровь изъ укола пальца имѣетъ свойства венозной крови.

Вкусъ крови соленый отъ солей, содержащихся въ плазмѣ.

Отъ присутствія летучихъ жирныхъ кислотъ крови свойственъ особый запахъ, усиливающійся съ прибавленіемъ сѣрной кислоты.

Удѣльный вѣсъ крови у мужчины въ среднемъ 1059; у женщины при меньшемъ содержаніи гэмоглобина и красныхъ шариковъ онъ нѣсколько ниже, въ среднемъ 1056. Въ общемъ, величина его очень постоянна, и у всѣхъ лицъ одного пола почти одинакова (среднее

колебаніе ±0,003). Подъ вліяніемъ различныхъ моментовъ, напр. обильнаго питья или сухояденія, или обильнаго потѣнія—концентрація крови измѣняется, но лишь временно и быстро выравнивается.

Болѣе стойко колеблется *уд. вѣсъ крови при болѣзняхъ*; самая тяжелая часть крови—красные шарики и ихъ гэмоглобинъ. Поэтому во всѣхъ случаяхъ уменьшенія числа шариковъ или гэмоглобина—уд. вѣсъ падаетъ; наирѣзче это выражено при хлорозѣ, гдѣ часто содержаніе гэмоглобина падаетъ до minimum'а. Уд. вѣсъ при хлорозѣ нерѣдко бываетъ 1030. Возрастаніе уд. вѣса крови при лѣченіи есть первый признакъ улучшенія здоровья.

Тоже явленіе наблюдается и при всѣхъ формахъ малокровія съ обѣдненіемъ гэмоглобиномъ: послѣ кровопусканій, кровотеченій, при разныхъ худосочіяхъ.

Интересный фактъ отмѣченъ у чахоточныхъ: у нихъ даже въ тяжелыхъ случаяхъ кровь обнаруживаетъ не только нормальный, но даже сравнительно высокій удѣльный вѣсъ. Отчасти это можетъ быть объясняется тѣмъ, что малокровіе такихъ больныхъ есть просто уменьшеніе общей массы крови равномѣрно,—жидкости и твердыхъ частей вслѣдствіе истощенія; отчасти-же тутъ учавствуетъ и другой моментъ.

Дѣло въ томъ, что всякое увеличеніе числа кровяныхъ тѣлецъ повышаетъ уд. вѣсъ крови; а такое увеличеніе наблюдается всегда въ венозной крови на периферіи при всѣхъ разстройствахъ кровеобращенія съ замедленіемъ кровянаго тока, какъ напр. у сердечныхъ больныхъ и при развитой чахоткѣ. Въ такихъ случаяхъ поэтому изслѣдованіе венозной крови взятой съ периферіи значенія имѣетъ мало и не указываетъ на состояніе всей массы крови.

Наоборотъ при анэміи нефритиковъ соотвѣтствіе между уд. вѣсомъ и содержаніемъ въ крови гэмоглобина отсутствуетъ; плотность крови понижается болѣе ожидаемаго, благодаря водяночнымъ свойствамъ плазмы.

Повышеніе уд. вѣса крови описано также послѣ ожогъ, зависимо отъ выпотѣнія изъ крови жидкости.

Клиническихъ способовъ опредѣленія уд. вѣса крови существуетъ 2. а) Прямое опредѣленіе посредствомъ капиллярнаго пикнометра. Пикнометромъ служитъ съуженная на обоихъ концахъ волосная трубочка въ 12 ц. длинны и 1,5 млм. ширины, вмѣстимостью въ 0,1 куб. ц. Съ обычными предосторожностями наполняютъ ее водой въ 38° и взвѣ-

шиваютъ на химич. вѣсахъ; затѣмъ наполняютъ ее кровью, всосанной изъ укола пальца,—и снова взвѣшиваютъ. Частное отъ дѣленія вѣса крови на вѣсъ воды представляетъ уд. вѣсъ крови. Способъ этотъ требуетъ сложной обстановки, очень большой аккуратности, но деетъ оч. точные результаты.

б) Непрямое опредѣленіе взвѣшиваніемъ капли крови въ другой жидкости извѣстнаго удѣльнаго вѣса.

Весьма удобенъ способъ Hammerschlag'a [1]). Берется смѣсь хлороформа, удѣльный вѣсъ котораго меньше крови, и бензола—съ большимъ уд. вѣсомъ. Въ стаканчикъ (1 дециметръ высоты и $^1/_2$ дециметра поперечника) наливается до половины смѣсь съ удѣльнымъ вѣсомъ 1050—1060. Затѣмъ стеклянной трубочкой, съ подъ прямымъ угломъ загнутымъ концомъ и каучуковымъ мѣшечкомъ на другомъ концѣ, берется кровь изъ пальца черезъ уколъ. Трубочка вертикально вносится въ середину смѣси и сжиманіемъ колпачка изъ трубки выгоняется капля крови. Кровь въ этой смѣси не расходится, а сохраняетъ форму капли. Капля или опускается, т. е. ея уд.-вѣсъ выше уд. вѣса смѣси, или поднимается—въ обратномъ случаѣ, или остается на томъ-же уровнѣ—при равенствѣ уд. вѣса смѣси и крови. Въ первомъ случаѣ прибавляютъ бензола, во второмъ—хлороформа, и получается смѣсь, въ которой капля не измѣняетъ своего положенія. Опредѣляютъ ареометромъ уд. вѣсъ смѣси, который есть и уд. вѣсъ крови.

Авторы, работавшіе этимъ способомъ, нашли его достаточно точнымъ.

Реакція крови, какъ и почти всѣхъ тканевыхъ жидкостей, всегда щелочная, вслѣдствіе содержанія Na_2PO_4 (Maly). Но какъ при физіологическихъ, такъ и при патологическихъ состояніяхъ, реакція эта подвержена значительнымъ колебаніямъ; такъ—щелочность уменьшается уже съ выходомъ крови изъ сосуда, вслѣдствіе образованія кислоты при распаденіи красящаго вещества красныхъ шариковъ; при свертываніи или долгомъ стояніи получается даже кислая реакція. Изъ физіологическихъ моментовъ надо отмѣтить усиленную мышечную дѣятельность, ослабляющую щелочность крови въ силу поступленія въ нее кислотъ, образующихся въ работающихъ мышцахъ.—

---

[1]) Zeitschrift f. klin. Med., XX.

Продолжительное употребленіе соды увеличиваетъ щелочность крови; употребленіе кислотъ—уменьшаетъ. Кровь женщинъ и дѣтей обнаруживаетъ болѣе слабую щелочную реакцію, чѣмъ мужчинъ.—Во время пищеваренія она выше, чѣмъ при пустомъ желудкѣ.

Патологически отмѣчено уменьшеніе щелочности крови при сахарномъ мочеизнуреніи, при ревматизмѣ, лейкэміи, при лихорадочныхъ состояніяхъ, при отравленіи ядами, дающими распадъ красныхъ шариковъ, при холерѣ. При послѣдней болѣзни Cantani [1]) даже находилъ при жизни еще кислую реакцію крови.

По изслѣдованіямъ Jaksch'a [2]) нормальная щелочность крови соотвѣтствуетъ $2,_6$—$3,_0$ mlgr. на 1 куб. цент. По Couard'у $2,_{07}$—$2,_{76}$ mlgr. Другіе авторы получили значительно отличныя цифры.—Вообще не смотря на существованіе *нѣсколькихъ способовъ количественнаго* опредѣленія щелочности крови, безупречнымъ не признается ни одинъ въ настоящее время.

Качественно щелочность крови опредѣляется лакмусовой красной бумагой, при чемъ примѣняется особый пріемъ въ виду тоже краснаго цвѣта крови. Слабо красноватую бумагу предварительно основательно пропитываютъ растворомъ поваренной соли; затѣмъ обмакиваютъ ее нѣсколько разъ въ испытуемую кровь, послѣ чего быстро прополаскиваютъ ее въ соляномъ растворѣ, чтобы приставшая кровь не скрыла реакціи. Вся эта процедура повторяется нѣсколько разъ. На мѣстѣ прикосновенія крови остается синій цвѣтъ реакціи.

Общая масса крови у человѣка по вѣсу въ среднемъ равна $^1/_{13}$ вѣса тѣла.

Приготовленіе препаратовъ крови.

Для изученія морфологическихъ элементовъ крови требуется приготовленіе микроскопическихъ препаратовъ. Въ виду особой нѣжности и ранимости кровяныхъ шариковъ приготовленіе препаратовъ должно совершаться по извѣстнымъ правиламъ.

Сущность пріема—взять каплю крови, помѣстить ее на предметное стекло и, покрывъ покрывательнымъ, изслѣдовать подъ микроскопомъ. Этотъ въ сущности столь простой пріемъ требуетъ однако цѣлаго ряда предосторожностей въ виду указанной малой стой-

[1]) Centralblatt. f. die medic. Wissenschaften 1884, № 22

[2]) Zeitschr. f. klin. Medicin. 1887, XIII, 350.

кости кровяныхъ элементовъ по выходѣ ихъ изъ сосуда. При правильномъ изслѣдованіи крови должны быть выполнены слѣдующія условія: кровь должна лежать тонкимъ однообразнымъ слоемъ, не встрѣчая влажности и постороннихъ тѣлъ; элементы должны быть охранены отъ всякаго механическаго насилія; должно предупредить возможность испаренія.

При клиническомъ изслѣдованіи кровь берется обычно изъ пальцевъ руки. Выгода этого пріема та, что палецъ удобно можетъ быть дезинфицированъ и, пользуясь всегда кровью изъ одного источника, мы получаемъ возможность сравненія результатовъ.

Конецъ пальца, лучше лѣвой руки, обмывается тщательно водой помощью щетки и хорошо обсушивается. Обмыванія карболовой кислотой, алкоголемъ или эѳиромъ излишни, такъ какъ въ случаѣ неполнаго удаленія этихъ веществъ съ кожи, форменные элементы выпускаемой крови рѣзко измѣняются. Въ верхушку пальца на боковой сторонѣ дѣлается уколъ прокаленной на спиртовой лампѣ и охлажденной толстой острой иглой или ланцетомъ. Выступающая капля крови берется для изслѣдованія или въ жидкомъ видѣ, или для приготовленія сухаго препарата.

Въ первомъ случаѣ до верхушки капли слегка притрогиваются предметнымъ стекломъ, приставшую капельку возможно быстро накрываютъ покровнымъ стекломъ и края послѣдняго въ предотвращеніе высыханія препарата тотчасъ обводятся вазелиномъ. Передъ употребленіемъ стекла должны быть тщательно вымыты сперва разведенной сѣрной кислотой, а затѣмъ водой; вытертыя, они просушиваются надъ пламенемъ спиртовой лампы и только по полномъ охлажденіи употребляются.

При приготовленіи препарата надо остерегаться взять слишкомъ много крови,—тогда слой будетъ толстъ и препаратъ неудобенъ для наблюденія; слишкомъ мало крови брать тоже нельзя, такъ какъ тогда быстро наступаютъ измѣненія элементовъ отъ высыханія.

Вмѣсто прикосновенія предметнымъ стекломъ къ крови можно перенести каплю ея съ пальца на стекло очень тонкой стеклянной палочкой, предварительно обеззараженной.

И при принятіи всѣхъ указанныхъ предосторожностей иногда въ кровяныхъ шарикахъ наступаютъ измѣненія отъ одного уже давленія покрывательнымъ стекломъ. Въ предупрежденіе этого Науем

предложилъ особаго устройства камеру, такъ называемую cellule argentée. Верхняя сторона предметнаго стекла покрыта амальгамой серебра, при чемъ въ серединѣ оставлено небольшое пространство въ формѣ диска (4—6 mlm. въ поперечникѣ) свободное отъ амальгамы для помѣщенія капли крови. Вокругъ диска сдѣланъ кольцеобразный каналъ, довольно глубокій, 2 mlm. шириною; его назначеніе принимать въ себя избытокъ крови, не помѣстившейся на поверхности диска. Смыслъ этого прибора состоитъ въ томъ, что въ области диска стекла отстоятъ одно отъ другаго на толщину слоя амальгамы, а потому лежащіе здѣсь кровяные элементы совершенно не подвергаются давленію.

По наружному краю жолоба обводятъ вазелиномъ. Стеклянной палочкой переносится капля на дискъ и немедленно покрывается возможно тонкимъ покрывательнымъ стекломъ. Тогда слегка давятъ на 4 угла этого стекла и получаютъ требуемый для изслѣдованія слой крови.

Для предупрежденія преждевременнаго измѣненія элементовъ крови удобно также обработать кровь реактивами, фиксирующими клѣточные элементы въ самый моментъ выступленія крови изъ укола. Для этого служитъ 1% растворъ осміевой кислоты или жидкость Флемминга. Капля реактива помѣщается на верхушку пальца и уколъ производится черезъ слой жидкости.

Еще предпочтительнѣе приготовленіе сухихъ препаратовъ крови, которые могутъ сохраняться неопредѣленно долгое время.

По Hayem'y дѣло ведется такъ: мѣры предосторожности принимаются тѣже, что и для препаратовъ жидкой крови и вся операція производится возможно быстро. Дѣлаютъ уколъ пальца. Одинъ слегка надавливаетъ ниже мѣста укола; другой, держа предметное стекло большимъ и вторымъ пальцемъ лѣвой руки, принимаетъ на стекло каплю крови въ моментъ ея выхода изъ ранки и быстро размазываетъ ее тонкимъ слоемъ помощью стеклянной палочки; палочка держится правой рукой и проводится по стеклу одинъ разъ вдоль изнутри кнаружи т. е. отъ пальцевъ руки къ свободному краю стекла. Затѣмъ сильно помахиваютъ стекломъ въ воздухѣ, пока кровь не засохнетъ. Весь успѣхъ зависитъ отъ быстроты работы. Высушивъ на воздухѣ препаратъ покрываютъ стеклышкомъ и по угламъ закрѣпля-

ютъ параффиномъ. При этомъ способѣ форменные элементы крови совершенно сохраняются безъ измѣненія.

Болѣе употребителенъ способъ приготовленія сухихъ препаратовъ крови на покровныхъ стеклахъ.

Соблюдаются всѣ указанныя мѣры предосторожности и дѣлается уколъ пальца. Небольшая капелька выходящей крови принимается на покровное стекло, которое держится коротким широкимъ пинцетомъ; быстро накладывается безъ всякаго давленія сверху другое покровное стекло тоже помощью пинцета; кровь располагается тонкимъ слоемъ между обоими стеклами. Тогда быстро въ горизонтальномъ направленіи одно стекло сдвигается, а не снимается съ другаго и получаются два препарата крови. Раздѣленіе стеколъ надо производить быстро, ранѣе чѣмъ наступитъ свертываніе фибрина, которое очень затрудняетъ раздѣленіе. Стекла берутся пинцетами, а не пальцами во избѣжаніе вреднаго вліянія тепла и влажности рукъ на выпущенную кровь, на выступленіе гэмоглобина изъ красныхъ шариковъ; также надо остерегаться чтобы дыханіе не дѣйствовало на препаратъ.

По желанію можно пользоваться нѣкоторыми видоизмѣненіями этого способа.

Можно, принявъ каплю крови на стекло, не покрывать его другимъ, а лишь ребромъ втораго провести одинъ разъ черезъ каплю вдоль по стеклу.

Можно для того-же пользоваться малой волосяной кисточкой.

Получивъ такія стекла съ тонкимъ слоемъ крови, оставляютъ препараты сохнуть на воздухѣ, что совершается весьма быстро, въ нѣсколько минутъ.

Для болѣе точнаго изслѣдованія обыкновенно прибѣгаютъ еще *къ окрашиванію сухихъ препаратовъ крови*. Для этого требуется предварительное фиксированіе препаратовъ, чтобы они не смывались со стекла при погруженіи въ красящія жидкости.

1) Простѣйшій способъ есть дѣйствіе жара.

На особую мѣдную пластинку, снизу нагрѣваемую (по Эрлиху) или въ обыкновенной металлической печкѣ располагаются на стеклѣ сухіе препараты крови и держатся при температурѣ 110°—130° впродолженіе 1—2 часовъ.

2) При желаніи быстрой фиксаціи можно ограничиться проведеніемъ препаратовъ черезъ пламя спиртовой лампы разъ 5—6, какъ

мы то дѣлаемъ при фиксаціи мокроты. Способъ этотъ однако мало удовлетворителенъ: при неизбѣжно разной толщинѣ слоя крови на стеклѣ полнаго правильнаго фиксированія не происходитъ; нѣкоторыя части теряютъ способность воспринимать окраску; красные шарики значительно измѣняются.

3) Для той же цѣли можетъ служить погруженіе препаратовъ на 30 мин. въ смѣсь равныхъ частей абсолютнаго алкоголя и эфира (Никифоровъ). Можно употреблять и одинъ абсолютный алкоголь, но тогда надо держать въ немъ препараты 1 часъ.

4) Тоже достигается дѣйствіемъ паровъ осміевой кислоты. На открытое горлышко бутылки съ осміевой кислотой кладется стекло кровью внизъ. Черезъ нѣсколько минутъ препаратъ фиксированъ. Надо только знать, что послѣ указаннаго пріема нельзя употреблять нѣкоторыхъ красокъ, напр. gentiana-violett.

Вообще-же послѣ такой обработки можно примѣнять почти всѣ способы окраски крови безъ того, чтобы вызвать какія-либо измѣненія въ видѣ и строеніи форменныхъ элементовъ и при полномъ сохраненіи ими своей способности къ окрашиванію.

Для общаго обозрѣнія простой и вѣрный способъ окраски предлагаетъ *Габричевскій*: послѣ фиксаціи стекло погружается въ 1% растворъ эозина въ 60° спиртѣ, на половину разбавленный дестиллированной водой передъ употребленіемъ; въ немъ препаратъ остается 3—5 мин. Вынувъ, особенно тщательно промываютъ въ водѣ, чтобы удалить всю лишнюю краску; затѣмъ на 20—30 сек. стекло кладется въ водный насыщенный растворъ Methylenblau, тоже на половину водой передъ употребленіемъ разбавленный. Послѣ промывки въ водѣ, заключаютъ въ канадскій бальзамъ и разсматриваютъ въ микроскопѣ при среднемъ увеличеніи. Правильнѣе, раньше заключенія въ бальзамъ посмотрѣть въ каплѣ воды препаратъ, чтобы судить объ удачѣ окраски. Methylenblau можно замѣнить гэматоксилиномъ, оставляя въ немъ препараты 1 минуту.

Красные шарики представляются отъ эозина красными; бѣлые—безцвѣтны, а ядра ихъ различной интенсивности сини; эозинофильная зернистость—малиновая.

Для той же цѣли весьма поучителенъ способъ *Rieder'a* [1]).

---

[1]) Atlas der klinisch. Mikroskopie d. Blutes. 1893. Leipzig.

Фиксированные сухіе препараты крови обработываются сперва насыщеннымъ растворомъ эозина въ 5% карболь-глицеринѣ. Для этого 1—2 капли краски помѣщаются на нѣсколько часовъ между каждыми двумя покрывательными стеклами. Затѣмъ они промываются въ водѣ и окрашиваются въ нѣсколько минутъ гэматоксилиномъ Böhmer'a или Delafield'a, наполовину разбавленнымъ водою. Затѣмъ слѣдуетъ выполаскиваніе въ водѣ, высушиваніе на воздухѣ и заключеніе въ канадскій бальзамъ. Эритроциты и эозинофильныя зерна дѣлаются ярко красны, ядра лейкоцитовъ—темносини, митозы и ядра красныхъ шариковъ еще болѣе темно-синими.

Свертываніе крови.

Кровь, выпущенная изъ сосуда, какъ вамъ извѣстно, черезъ нѣкоторое время свертывается съ выдѣленіемъ фибрина. По предмету настоящихъ чтеній излишне касаться теорій о сущности этого процесса и о способахъ образованія фибрина; слѣдуетъ только весьма подробно ознакомиться съ микроскопической картиной, представляемой свернувшейся нормальной кровью. Отчетливое знаніе этой картины важно, такъ какъ при различныхъ болѣзненныхъ процессахъ она измѣняется весьма рѣзко, и эти измѣненія ея могутъ служить при рѣшеніи многихъ вопросовъ практической медицины.

Если изслѣдовать каплю нормальной крови подъ микроскопомъ, то мы замѣчаемъ прежде всего, что красные шарики обнаруживаютъ большую наклонность складываться другъ съ другомъ своими широкими сторонами, образуя такъ называемые *монетные столбы*. Столбы эти разнообразно взаимно соприкасаются, образуя какъ-бы рядъ полуострововъ. Между ними остаются широкія плазматическія пространства, какъ бы моря, свободно между собою сообщающіяся. Въ этихъ моряхъ помѣщаются разсѣянно отдѣльные бѣлые шарики въ маломъ числѣ, очень немного красныхъ тѣлецъ и гэматобласты изолированные или собранные въ кучки. Спустя нѣкоторое время по изготовленіи препарата кровь подвергается свертыванію, выдѣляется фибринъ Можно видѣть, какъ, наичаще отъ мѣста положенія гэматобластовъ, будто отъ центровъ, появляются отходящія въ разныя стороны тонкія волоконца, истончающіяся на продолженіи и теряющіяся; въ другихъ мѣстахъ они встрѣчаются съ другими волоконцами и образуютъ очень нѣжную сѣть.

Въ нормальной крови какъ волоконца, такъ и образуемая ими сѣть, являются столь тонкими и нѣжными, что безъ особыхъ пріемовъ остаются почти невидимы.

Для большей ясности можно помѣстивъ каплю крови въ центрѣ стекла и покрывъ покрывательнымъ стекломъ, оставить препаратъ на нѣсколько часовъ во влажной камерѣ для завершенія свертыванія крови. Послѣ съ одного бока покрывательнаго стекла кладутъ каплю воды, оставляя препаратъ еще на нѣсколько минутъ во влажной камерѣ, а затѣмъ прикасаются къ другой сторонѣ покрывательнаго стекла кускомъ фильтровальной бумаги; такимъ путемъ заставляютъ воду пройти черезъ свертокъ крови, унося съ собой почти всѣ красные и бѣлые шарики и оставляя фибринную сѣть. Когда промываніе окончено, то воду замѣняютъ какой нибудь красящей жидкостью и тогда фибринная сѣть представляется окрашенной.

Если изслѣдуется картина свертыванія крови патологичлской, то вниманіе обращается на слѣдующіе пункты:

1. На общее расположеніе столбовъ красныхъ шариковъ и лежащихъ между ними плазматическихъ пространствъ.
2. На распредѣленіе гэматобластовъ (пластинокъ) изолированно или большими или меньшими скопленіями.
3. На видимое количество бѣлыхъ шариковъ.
4. На время протекающее отъ приготовленія препарата до появленія фибринной сѣти.
5. На свойство сѣти т. е. на толщину и количество нитей.

Почти каждый болѣзненный процессъ сказывается болѣе или менѣе рѣзко въ измѣненіяхъ картины свертыванія крови; особенно же характерна она бываетъ при воспалительныхъ острыхъ заболѣваніяхъ и при глубокомъ малокровіи, при кахексіяхъ.

Воспалительный типъ. Красные шарики собраны въ толстые столбы, тѣсно сдвинутые и частью смѣшанные; образуются большія скопленія шариковъ, края которыхъ мало извилисты. Эти скопленія почти всѣ между собою связаны и окружаютъ плазматическія пространства неправильной формы и очень малаго объема по сравненію съ нормой; окруженныя со всѣхъ сторонъ эти пространства имѣютъ видъ не морей, а озеръ. Внутри ихъ различается необычно большое число бѣлыхъ шариковъ разныхъ видовъ. Гематобласты тоже собраны въ скопленія, гораздо большія чѣмъ въ нормѣ. Черезъ нѣкоторое

время, всегда значительно большее обычнаго, въ углахъ озеръ показываются перекрещивающіяся нити фибрина; затѣмъ быстро вездѣ появляются такія-же нити, слагающіяся въ сѣтку, занимающую всѣ озера и настолько густую, что скрываетъ вполнѣ скопленія гэматобластовъ. Сѣтка состоитъ изъ очень многочисленныхъ и толстыхъ нитей; въ мѣстѣ отхода отъ гэматобластовъ нить имѣетъ видъ шипа съ толстымъ концомъ до 2 μ въ поперечникѣ, а тонкій—свободный конецъ теряется въ сѣткѣ.

Такими особенностями отличается свертываніе крови при всѣхъ воспалительныхъ процессахъ въ организмѣ. Степень выраженности ихъ стоитъ въ извѣстномъ отношеніи къ степени развитія воспаленія, къ характеру его, распространенію и быстротѣ теченія.

Въ наиболѣе рѣзкой формѣ этотъ типъ является при крупозной пневмоніи и при остромъ суставномъ ревматизмѣ. Отсутствіе характерной картины при крупозной пневмоніи дѣлаетъ даже сомнительнымъ распознаваніе.

Въ менѣе интенсивной во всѣхъ отношеніяхъ формѣ типъ этотъ наблюдается при всѣхъ острыхъ экссудативныхъ воспаленіяхъ оболочекъ слизистыхъ, серозныхъ и кожи: бронхитъ, плевритъ, перитонитъ, рожа, нагноеніе при оспѣ, гастритъ, энтеритъ.

Діагностическое значеніе его состоитъ въ способности указанія развитія осложненій. Если напр. при тифѣ, не дающемъ увеличенія фибрина, получается описываемый типъ,—слѣдуетъ навѣрно ожидать какихъ нибудь воспалительныхъ осложненій.

Изъ подвидовъ воспалительнаго типа замѣчательны случаи съ очень большими скопленіями гэматобластовъ на первомъ планѣ.

Встрѣчаемся мы съ этимъ явленіемъ при двухъ различныхъ условіяхъ:

а) Въ періодѣ критическаго паденія t° при крупозной пневмоніи и при остромъ суставномъ ревматизмѣ. Здѣсь замѣчается рѣзкое паденіе числа бѣлыхъ шариковъ и огромныя скопленія гематобластовъ, въ видѣ шиповатыхъ шаровъ. Черезъ нѣсколько часовъ наступаетъ кризисъ и предсказаніе хорошо.

б) Въ другихъ случаяхъ дѣло идетъ о переходѣ острой болѣзни въ хроническую. Здѣсь одновременно съ накопленіемъ гэматобластовъ число бѣлыхъ шариковъ не падаетъ, скопленія гэматобластовъ удерживаются надолго. Долго длится и

воспалительный типъ крови, переходя постепенно въ кахектическій.

Кахектическій типъ свертыванія крови въ развитой своей формѣ представляетъ полную противуположность типу воспалительному. Красные шарики сложены въ малые неправильные монетные столбы, иногда состоящіе только изъ нѣсколькихъ элементовъ; многіе изъ столбовъ лежатъ свободно въ широкихъ плазматическихъ пространствахъ, не связанные другъ съ другомъ; много красныхъ шариковъ лежитъ по одиночкѣ; величина ихъ рѣзко различна. Въ плазматическихъ пространствахъ видно очень мало элементовъ. Фибринная сѣть тонка, скудна, менѣе развита чѣмъ въ нормѣ; замѣчается только по сосѣдству съ гэматобластами.

Этотъ типъ наблюдается въ застарѣлыхъ хроническихъ болѣзняхъ, при общихъ истощеніяхъ организма, въ позднихъ стадіяхъ бугорковой и раковой кахексіи.

Красныя кровяныя тѣльца. Гэматіи. Эритроциты.

1) Общія свойства.

Нормальный красный шарикъ средняго возраста человѣка имѣетъ en face видъ круглаго диска съ закругленными утолщенными краями и центральнымъ вдавленіемъ, а въ профиль—видъ бисквита или палочки съ утолщенными и закругленными концами; ядра не содержитъ. Форма его очень правильна, неизмѣнна и типична: въ нормѣ онъ всегда дисковиденъ и двояковогнутъ.

Гэматіи гомогенны, но такъ какъ на периферіи они толще, чѣмъ въ центрѣ, то, если въ фокусѣ микроскопа лежитъ центръ,—онъ представляется свѣтлымъ кругомъ съ темной каймой. Съ положеніемъ микроскопа видъ центра мѣняется: когда объективъ удаляется, центръ становится темнымъ, а кайма свѣтлой.—Нормально, интенсивность окраски всѣхъ шариковъ одинакова. Діаметръ краснаго шарика въ среднемъ считается 7,5 μ; толщина по краямъ—2,5 μ, и въ центрѣ—1,9 μ. Но и въ нормальной крови не всѣ эритроциты одного размѣра. Наует различаетъ шарики троякой величины; большіе—въ среднемъ 8,5—9 μ; средніе—7,5 μ; малые 6,5—6 μ. На 100 шариковъ приходится приблизительно 75 среднихъ и по 12,5 большихъ и малыхъ. Изслѣдуя внимательно препаратъ крови всегда удается найти

нѣсколько очень малыхъ шариковъ, меньше 6 μ—globules nains, клѣтки-карлики, и нѣсколько очень большихъ, больше 9,5 μ—globules geants клѣтки—великаны. Для нормальной крови считается характернымъ крайняя бѣдность этими исключительными элементами обоего рода. Общее содержаніе значительно измѣненныхъ по величинѣ шариковъ не должно превышать 20% общаго числа красныхъ шариковъ, видимыхъ въ полѣ микроскопа, чтобъ кровь могла считаться нормальной.

Интересны также физическія свойства эритроцитовъ: они клейки, упруги и тягучи. Они легко слипаются между собою и съ тѣлами встрѣчающимися, измѣняютъ свою форму и, освободившись, снова возвращаются къ прежнему виду. Ихъ клейкость такъ велика, что, плавая въ плазмѣ, они легко складываются въ цѣлые столбы подобные монетнымъ. Это есть физіологическое качество, такъ какъ обнаруживается не только въ выпущенной крови, но и въ циркулирующей въ сосудахъ въ случаѣ застоя.

Если ихъ осторожно разнимать, то они оказываются какъ-бы связанными нитями, очень тонкими, эластическими, которыя разрываясь, наконецъ, тѣсно сливаются съ существомъ шарика, т. е. состоятъ изъ вещества самого шарика. Тоже бываетъ при встрѣчѣ съ посторонними тѣлами и при свободномъ кровеобращеніи въ сосудахъ: можно видѣть, какъ такая нить идетъ отъ сосудистой стѣнки и на ней въ родѣ маятника колеблется токомъ крови красный шарикъ.

Кромѣ липкости красные шарики обладаютъ и эластичностью. Описанныя нити, разорвавшись, интимно сливаются съ шарикомъ, сохраняющимъ свою нормальную форму. Этой-же эластичности шарики обязаны тѣмъ, что могутъ проникать въ капилляры, болѣе ихъ узкіе, и продвигаться между другими элементами; при этомъ они очень прихотливо могутъ временно измѣнять форму, то вытягиваясь въ видѣ груши, палки, плоской пластинки, и всетаки послѣ всѣхъ этихъ превращеній на свободѣ принимаютъ свою основную форму.—Эластичность тоже является физіологическимъ свойствомъ шариковъ, такъ какъ въ живой крови, въ сосудахъ всѣ эти явленія выражаются рѣзче, чѣмъ въ выпущенной.

2 Измѣненія эритроцитовъ искусственныя.

Пока эритроциты сохраняютъ свои физіологическія свойства, поверхность ихъ остается гладкой и форма двояковогнутой. Какъ толь-

ко въ шарикѣ начинается разложеніе,—онъ измѣняется: становится шероховатымъ, бугристымъ, двояковогнутость исчезаетъ, дискъ становится шаромъ.

Эти измѣненія наступаютъ въ шарикахъ при умираніи, при дѣйствіи различныхъ агентовъ, и, наконецъ, случайно при приготовленіи препаратовъ крови обычными пріемами въ случаѣ несоблюденія необходимыхъ предосторожностей. Причины: большая влажность атмосферы, загрязненіе и влажность стеколъ, болѣе или менѣе значительныя насилія при изготовленіи тонкаго слоя, присутствіе постороннихъ частицъ въ препаратѣ, загрязненіе или влажность пальца на мѣстѣ укола.

При этомъ шарикъ принимаетъ *а, шаровидную форму*. Она является въ двухъ видахъ: гэматіи сферическіе темные и гэматіи сферическіе блѣдные.

Первые представляются въ видѣ шариковъ меньше нормальныхъ, но сильнѣе окрашенныхъ. Сущность процесса—уменьшеніе объема съ сохраненіемъ того-же количества гэмоглобина. Вторые тоже являются въ видѣ шариковъ блѣдно-желтоватыхъ съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, съ неясными контурами, размѣра чаще нормальнаго. Одни изъ нихъ долго видимы, другіе скоро исчезаютъ изъ поля зрѣнія. Сущность процесса—потеря гэмоглобина постепенно до полнаго выдѣленія.

Если при изготовленіи препарата крови дыханіе рта касается крови или стеколъ, то непремѣнно образуется нѣкоторое количество этихъ формъ. Такъ-же точно, если на стекло попадетъ какое нибудь влажное тѣло, кругомъ него сейчасъ наступаютъ подобныя измѣненія шариковъ.

Кромѣ влажности, играющей безспорно видную роль, тоже вызываетъ и всякое насиліе, напр. надавливаніе стекломъ. Шарикъ принимаетъ форму б, *шиповидную, тутовой ягоды*. Поверхность шарика дѣлается неровной, покрывается выступами, какъ бы шипами. Способъ развитія этой формы ближе неизвѣстенъ, но мы знаемъ, что ни въ живой крови въ сосудахъ, ни въ выпущенной при соблюденіи предосторожностей такихъ формъ не встрѣчается. Встрѣчается еще в, *раздробленіе и сплющиваніе* гэматій. Если на одну часть крови производится сильное давленіе, то нѣкоторые шарики дробятся и каждый изъ кусочковъ превращается въ шарикъ гладкій или шиповатый, то хорошо окрашенный, то чаще блѣдный. Тогда можно думать, что въ

одномъ мѣстѣ имѣется скопленіе мелкихъ шариковъ, микроцитовъ, какъ это и случалось.

Также если шарикъ сплющивается въ пространствѣ меньшемъ своей толщины,—онъ становится больше, теряетъ рѣзко окраску и можетъ быть принятъ за обезцвѣченнаго большаго шарика, макроцита. Наблюдается, наконецъ, т. наз. *г, зубчатая форма.* При ней по краю шарика являются фестоны или зубцы. Въ нормальной крови это есть признакъ начавшагося свертыванія крови: фибринныя нити пристаютъ къ гэматіямъ; послѣ, при сотрясеніи препарата, отрываясь, они оттягиваютъ отдѣльные участки кровянаго шарика въ видѣ зубцовъ.

Кромѣ этихъ измѣненій красныхъ шариковъ, вызываемыхъ искусственно, несоблюденіемъ требуемыхъ предосторожностей при приготовленіи препаратовъ, мы встрѣчаемъ въ болѣзняхъ цѣлый рядъ патологическихъ уже измѣненій эритроцитовъ. Такъ, 1, измѣняется численное ихъ содержаніе и отношеніе къ бѣлымъ; 2—измѣняется форма и величина шариковъ; 3—измѣняется окраска гэмоглобиномъ; 4—въ тяжелыхъ случаяхъ являются новые виды шариковъ, необычные для нормальной крови: красные шарики съ ядрами, эритрокаріоциты, и красные шарики съ вакуолами; 5—резистентность крови, т. е. свойство сопротивляться дѣйствію различныхъ агентовъ измѣняется, ослабѣваетъ.

1. Количественныя измѣненія красныхъ шариковъ.

Данныя многочисленныхъ авторовъ о числѣ красныхъ шариковъ въ единицѣ объема крови здороваго человѣка средняго возраста приблизительно совпадаютъ.—Въ среднемъ у мужчины считается 5 милліоновъ шариковъ въ 1 кб. милм. крови (6,1 мил. Graeber и 4,0 мил. Malassez); у женщины—около 4,5 милліона.

Эти цифры подвержены нѣкоторымъ колебаніямъ уже при физіологическихъ условіяхъ. Число шариковъ больше у жителей деревни, у людей сильныхъ, чѣмъ у горожанъ и людей слабыхъ; больше у употребляющихъ животную пищу, меньше у вегетаріанцевъ; при употребленіи жирной пищи число гэматій замѣтно возрастаетъ; смѣшанная діэта, богатая азотомъ и жиромъ, наиболѣе способствуетъ увеличенію содержанія форменныхъ элементовъ въ крови. У новорожденныхъ, помимо отличій химическихъ и морфологическихъ, количество шариковъ увеличено, достигая въ первые дни жизни до 5,5 милл. Въ дѣтскомъ

возрастѣ, въ періодѣ роста, количество шариковъ падаетъ, спускаясь въ среднемъ до 4. 200.000. Въ старости также наблюдается нѣкоторое паденіе, не переходящее однако за 4,5 милл.

При патологическихъ состояніяхъ колебанія въ числѣ красныхъ шариковъ наблюдаются въ гораздо болѣе широкихъ предѣлахъ.

Увеличеніе числа шариковъ—крайне рѣдко.

Продолжительное сухояденіе, т. е. воздержаніе отъ жидкости увеличиваетъ число шариковъ почти вдвое (4, 5 милл. и 8,5 милл. 4,7 милл. и 7,2 милл.)—Тоже наблюдается при всѣхъ болѣзняхъ, сопряженныхъ съ большими потерями жидкости, какъ при поносахъ, при потѣ; напр. при бурныхъ опорожненіяхъ кишечника при азіятской холерѣ, насчитывали до 6,5 милл.—Указывали, что въ этомъ же направленіи дѣйствуетъ усиленная мышечная работа и долгое пребываніе на высокихъ горахъ.

Всѣ приведенные случаи увеличенія числа эритроцитовъ являются однако только относительными, а болѣзненныхъ формъ, обусловленныхъ polycythaemia, избыткомъ крови, не существуетъ. На оборотъ, уменьшеніе числа кров. шариковъ, anaemia, oligocythaemia весьма часто является существеннымъ элементомъ болѣзни и нерѣдко самою сущностью ея.

Уменьшеніе числа эритроцитовъ наблюдается, во первыхъ, послѣ прямыхъ потерь крови, если потеря обильна, произошла быстро и шарики не успѣли возстановиться. Такія высшія степени малокровія наблюдаются при раненіяхъ, при внутреннихъ кровотеченіяхъ (тифъ), при кровавой рвотѣ, при легочномъ кровотеченіи, при родахъ и выкидышахъ у женщинъ. При извѣстной величинѣ потери наступаетъ смерть. Уже содержаніе 1 милл. шариковъ очень опасно, но описаны случаи, гдѣ дѣло не дошло до смерти и гдѣ найдено въ одномъ случаѣ 800.000 шариковъ (Bérier), а въ другомъ даже 143000 (Quincke). Вообще организмъ нашъ широко приспособляется, и можно видѣть людей, работающихъ для жизни при содержаніи менѣе 2 милл. шариковъ (Hayem). При этомъ надо замѣтить, что случаи большихъ однократныхъ потерь менѣе опасны въ отношеніи развитія малокровія, чѣмъ случаи мелкихъ, но часто повторяющихся кроветеченій, напр. при ракѣ матки, при язвѣ желудка и т. п.

Далѣе смертельное злокачественное малокровіе развивается въ случаѣ присутствія глистовъ (Anchylostomum duodenale, Filaria san-

guinis, Botriocephalus latus), если не принято во время должныхъ мѣръ. Въ одномъ случаѣ при Botriocephalus latus Шапиро [1]) нашелъ 837 тыс. шариковъ только при 3% гэмоглобина.

Всякое лихорадочное состояніе тоже уменьшаетъ число кров. шариковъ пропорціонально интенсивности, и особено продолжительности; при лихорадкѣ бываетъ усиленное распаденіе красныхъ шариковъ, какъ объ этомъ можно заключить по уменьшенію удѣльнаго вѣса и общаго ея количества, такъ и по химизму мочи. Кромѣ того и отсутствіе аппетита въ большинствѣ лихорадочныхъ заболѣваній не остается безъ вліянія на шарики, уменьшая ихъ нарожденіе.

Наконецъ, почти всякое хроническое заболѣваніе ведетъ за собой разстройство питанія и уменьшеніе числа гэматій. Особенно рѣзко вліяніе разныхъ кахексій (раковая, бугорчатая, цинга). Тутъ кромѣ недостатка питанія, возможныхъ кровотеченій, надо имѣть въ виду возможность интоксикаціи продуктами жизнедѣятельности соотвѣтственныхъ нисшихъ организмовъ. При высшихъ степеняхъ злокачественнаго малокровія не рѣдко находили не больше 350 тыс. красныхъ шариковъ.

Діагностически важно, что въ началѣ всѣхъ хроническихъ анэмій наблюдается уменьшеніе числа гэматій безъ замѣтныхъ измѣненій морфологическихъ. Въ первичныхъ же болѣзняхъ крови уже съ самаго начала обращаютъ на себя вниманіе измѣненія самихъ шариковъ.

Способы счисленія красныхъ шариковъ.

Для сужденія о колебаніяхъ количества красныхъ шариковъ въ крови необходимо предварительно ознакомиться съ аппаратами и способами для счисленія шариковъ употребляемыми.

Кровь настолько богата форменными элементами, что счисленіе ихъ въ естественной средѣ невозможно. Поэтому опредѣленное количество крови передъ изслѣдованіемъ разбавляется тоже опредѣленнымъ количествомъ индифферентной жидкости, ни въ чемъ не измѣняющей форменныхъ элементовъ крови.

Капля такой разведенной крови переносится въ счетную камеру извѣстной вмѣстимости и помощью микроскопа сосчитываются

---

[1]) „Врачъ“. 1887, № 5.

красные шарики. Зная степень разведенія крови и емкость счетной камеры, нѣтъ ничего легче, какъ опредѣлить содержаніе красныхъ шариковъ въ 1 кб. милл. крови.

Таковъ въ общихъ чертахъ принципъ производства счисленія гематій во всѣхъ употребительныхъ для этого приборахъ.

Таковы: приборъ Hayem et Nachet во Франціи и приборъ Thoma—Zeiss'a въ Германіи. Въ Россіи болѣе пользуются вторымъ приборомъ.

Гематиметръ Hayem'a. Онъ состоитъ изъ частей, служащихъ для разведенія крови въ извѣстной пропорціи, и изъ особой счетной камеры.

Для приготовленія смѣси имѣются двѣ градуированныя пипетки; малая—для крови, большая—для жидкости. Одна сторона первой уплощена для удобства чтенія на ней отмѣтокъ 2—2,5—3—4—5 кб. мил. емкости. Конецъ, которымъ присасывается кровь,—пріостренъ; другой конецъ—цилиндрическій, имѣетъ шарообразное расширеніе и соединенъ на концѣ съ каучуковой трубочкой. Другая пипетка обыкновеннаго устройства имѣетъ отмѣтки 250 и 500 кб. милл. емкости. Отмѣренныя кровь и жидкость для разбавленія сливаются въ маленькую чашечку и основательно смѣшиваются лопаточкой.

Индифферентной жидкостью для разбавленія крови безъ измѣненія или растворенія элементовъ ея служитъ т. н. жидкость Hayem'a, Liquor A, какъ онъ ее называетъ. Составъ ее:

Rp. Aq. destill. 200,0
Natrii chlorati p. 1,0
Natri sulfurici p. 5,0
Hydrargyri bichlor. cor. 0,5.

Кромѣ жидкости Hayem'a для тойже цѣли употребляются: 3% растворъ ClNa, 15% растворъ Magnes. sulfur, 5% растворъ Natri sulfur; т. наз. жидкость Pacini:

Rp. Hydrargyri bichlor. cor. 2,0
Natrii chlorati 4,0.
Glycerini 26,0.
Aq. destillatae 226,0.

Передъ всѣми ими, однако, имѣетъ преимущество liquor A, такъ какъ наименѣе измѣняетъ форму и цвѣтъ красныхъ шариковъ.

Техника приготовленія смѣси слѣдующая: въ большую пипетку набираютъ 500 кб. милл. Liq. A и выливаютъ въ стаканчикъ. Затѣмъ вымывъ и осушивъ конецъ пальца, производятъ уколъ; къ выступающей крови прикладываютъ заостренный конецъ малой пипетки; кровь проникаетъ внутрь канала и по волосности сама поднимается на нѣкоторую высоту. Установка на желаемой высотѣ достигается сжиманіемъ каучуковой трубочки, надѣтой на свободный конецъ пипетки; можно достичь того-же и присасываніемъ ртомъ. Такимъ образомъ набирается 2 кб. милл. крови. Эту кровь переносятъ въ стаканчикъ, гдѣ уже налито 500 кб. милл. Liq. A. Сперва кровь выдувается черезъ каучуковую трубку, а затѣмъ двукратно всасывается въ трубку Liq. A, и такимъ образомъ пипетка достаточно промывается отъ приставшей къ ней крови. Затѣмъ взбалтываніемъ стекляной лопаточкой достигается равномѣрное смѣшеніе обѣихъ жидкостей.

Тогда переносятъ каплю смѣси въ счетную камеру и приступаютъ къ счисленію форменныхъ элементовъ.

Счетная камера въ гэматиметрѣ устроена такъ: на поверхности плоскаго предметнаго стекла въ средней его части припаяно малое покровное стекло, толщиною въ $^1/_5$ mlm.; центръ этого стекла кругообразно въ 1 цент. поперечника вырѣзанъ. Такимъ образомъ имѣется на предметномъ стекла круглая кверху открытая полость глубиною въ $^1/_5$ mlm.

Каплю смѣси помѣщаютъ въ центръ этой полости и осторожно накрываютъ покрывательнымъ стекломъ, края котораго для большей неподвижности смочены немного снизу слюной. Покровное стеклышко, прикасаясь къ крови, превращаетъ каплю въ слой толщиной въ $^1/_5$ mlm. Капля не должна быть велика и занимать всю полость, а вездѣ кругомъ должна сохранить кольцо воздуха.

Послѣ этого препаратъ кладется на особую металлическую пластинку и укрѣпляется скобками. Пластинка въ средней своей части имѣетъ круглое отверстіе съ винтовой нарѣзкой для принятія цилиндрической трубки, расположенной между столикомъ микроскопа и зеркаломъ. Въ нижней части этой трубки помѣщена сѣтка съ дѣленіями на квадраты, а на верхнемъ концѣ, на уровнѣ предметнаго столика—система чечевицъ. Расположены онѣ такъ, что изображеніе начерченной на нижнемъ концѣ трубки сѣтки съ дѣленіями переносится на уровень положенія предметнаго стекла, а значитъ, и на уровень изслѣдуемаго слоя смѣси.

Благодаря такому остроумному приспособленію, сдѣланному оптикомъ Nachet, въ гэматиметрѣ мы получаемъ въ одной плоскости очень отчетливую картину сѣтки съ квадратными дѣленіями и кровяные элементы, лежащіе въ жидкости.

Сѣтка съ дѣленіями, начерченная на нижнемъ концѣ трубы, представляетъ правильный квадратъ, каждая сторона котораго равна $^1/_5$ mlm; большой квадратъ раздѣленъ на 16 мелкихъ квадратовъ.

Опредѣляютъ число шариковъ въ большомъ квадратѣ. Для этого, давъ постоять препарату, чтобы шарики успѣли осѣсть, считаютъ шарики по очереди во всѣхъ 16 малыхъ квадратахъ. Чтобы не пропустить и тоже не счесть дважды одинъ и тотъ-же шарикъ, существуетъ правило общее для всѣхъ приборовъ, что къ каждому квадрату относятся всѣ шарики, лежащіе внутри его, не касаясь линій дѣленія, и тѣ шарики, что лежатъ на верхней и лѣвой дѣлительныхъ линіяхъ квадрата; шарики-же, лежащіе на правой и нижней дѣлительныхъ линіяхъ, не относятся уже къ наблюдаемому квадрату.

Для полученія точныхъ результатовъ требуется сосчитываніе не одного большаго квадрата, а 5—6, при томъ съ наибольшей видимой разницей въ содержаніи шариковъ; изъ полученныхъ чиселъ выводятъ среднее и приступаютъ къ вычисленіямъ.

Положимъ, мы нашли среднее для большаго квадрата—165 шариковъ. Большой квадратъ имѣетъ всѣ три измѣренія по $^1/_5$ милл., значитъ объемъ его $\frac{1}{5}\times\frac{1}{5}\times\frac{1}{5}=\frac{1}{125}$кб. милл. Значитъ въ цѣломъ куб. миллим. будетъ шариковъ не 165, а 165×125. Но такъ какъ мы брали не чистую кровь, а разведенную, то истинное число шариковъ будетъ больше въ число разъ разведенія. У насъ въ стаканчикѣ есть 2 кб. милл. крови и 494 кб. милл. Liq. A (6 милл. идутъ на смачиваніе трубки) т. е. всего 496 кб. милл. и въ ней крови 2 кб. мл. Значитъ ея разведеніе 1: 248. Отсюда истинное число шариковъ въ 1 кб. млм. крови$=165\times125\times248=5\ 115.000$. Упрощенный способъ счисленія по Hayem'у есть прямо умноженіе средняго числа шариковъ въ большомъ квадратѣ на 31000, произведеніе изъ 125 и 248.— На такое упрощеніе имѣется полное право, такъ какъ степень разведенія крови всегда одна и таже, и объемъ квадрата—величина постоянная.

Счетный приборъ Thoma—Zeiss'a. Онъ состоитъ изъ двухъ глав-

ныхъ частей: 1) аппарата для отмѣриванія крови и для смѣшенія ея съ индифферентной жидкостью и 2) счетной камеры. Жидкостью для разведенія служитъ или Liq. A Hayem'a, или 3% растворъ поваренной соли (въ Германіи).

Приборъ для смѣшенія есть т. наз. смѣситель (melangeur) Potain'a: волосная трубка, вытянутая въ средней своей части въ полость овальной формы;—въ полости подвижно заключенъ маленькій стеклянный шарикъ. Нижній конецъ трубки пріостренъ; верхній соединенъ съ каучуковой трубкой. На волосной трубкѣ ниже полости нанесены дѣленія, изображающія десятыя доли единицы: 0,5—1; знакъ 1 стоитъ сейчасъ ниже полости. Сейчасъ надъ полостью стоитъ—101. Это указываетъ, что емкость полости превышаетъ емкость трубочки въ 100 разъ. Если, значитъ, взять крови до знака —1, а жидкости до 101, то мы получимъ разведеніе крови въ 100 разъ. Если взять крови только до знака—0,5, то получится разведеніе крови въ 200 разъ.

Для приготовленія смѣси поступаютъ такъ: по уколѣ пальца къ выходящей капли приставляютъ свободный конецъ смѣсителя и черезъ каучуковую трубку втягиваютъ кровь до знака—0,5; затѣмъ тщательно обтеревъ конецъ смѣсителя отъ приставшей крови, погружаютъ его въ жидкость для разведенія и набираютъ ее до знака—101. Такъ получается кровь, разведенная въ 200 разъ, что представляется удобнымъ для счисленія. Полное смѣшеніе достигается повторнымъ вращеніемъ пипетки и перемѣщеніемъ стекляннаго шарика въ полости.

Когда смѣсь приготовлена и тщательно размѣшана, то выдуваютъ черезъ каучуковую трубку первыя двѣ, три капли, какъ негодныя для изслѣдованія, потому что онѣ идутъ изъ нижней капиллярной трубки, представляя почти чистый соляной растворъ безъ крови.—Третья, четвертая капля помѣщается уже въ счетную камеру.

Счетная камера устроена слѣдующимъ образомъ: къ поверхности толстаго вполнѣ плоскаго предметнаго стекла припаяно покровное, въ центрѣ котораго находится круглое отверстіе; въ серединѣ образовавшейся черезъ это полости, открытой кверху, на предметное стекло припаивается круглая стеклянная пластинка въ формѣ диска, высота которой на $^1/_{10}$ млм. ниже краевъ покровнаго стекла. Вокругъ диска, между нимъ и краемъ отверстія находится глубокій кольцеобразный жалобъ.

По верхней поверхности диска нанесены дѣленія въ видѣ сѣти

изъ большихъ квадратовъ, ограниченныхъ двумя толстыми линіями. Каждый такой квадратъ одиночными линіями раздѣленъ еще на 16 малыхъ квадратовъ, каждая сторона которыхъ равна $^1/_{20}$ mlm.

Такъ какъ глубина камеры$=^1/_{10}$ mlm., то объемъ одного малаго квадрата будетъ$-\frac{1}{20}\times\frac{1}{20}\times\frac{1}{10}=\frac{1}{4000}$ кб. млм.

Самый порядокъ счисленія ведется такъ: уже годная капля смѣси крови съ жидкостью помѣщается на круглый дискъ съ дѣленіями и накрывается покровнымъ стекломъ, которое плотно прижимается по угламъ къ предметному. Покрывательныя стекла берутся не обыкновенныя, а болѣе толстыя, до 0,35 mlm. иначе оно можетъ изгибаться влеченіемъ капиллярнаго слоя жидкости. Если капля взята большая, то избытокъ помѣщается въ жолобѣ, но если жидкость проходитъ и между покрывательнымъ и предметнымъ стеклами, препаратъ долженъ быть передѣланъ.—Обождавъ 2—3 минуты, пока шарики равномѣрно осядутъ въ жидкости, приступаютъ къ счету ихъ по изложеннымъ правиламъ. Микроскопъ берется съ малымъ увеличеніемъ 200—300 напр. Hartnack 3 и 7, Reichert—4 и 6. Въ общемъ для вѣрнаго результата слѣдуетъ сосчитать до 1000 шариковъ. Расчетъ производится такъ: сосчитываютъ число шариковъ въ нѣсколькихъ большихъ квадратахъ и получаютъ среднее изъ нихъ; затѣмъ выводятъ среднее число шариковъ въ одномъ маломъ квадратѣ, положимъ 6. Это число надо умножить на 200 (разведеніе крови) и на 4000 (такъ какъ емкость малаго квадрата $\frac{1}{20}\times\frac{1}{20}\times\frac{1}{10}=\frac{1}{4000}$ кб. млм.) получимъ—4 800.000.

Кромѣ этихъ двухъ наиболѣе употребительныхъ приборовъ существуетъ еще много другихъ. При работѣ для всѣхъ требуются одни и тѣже предосторожности, прежде всего забота о самой тщательной чистотѣ. Всякій разъ по употребленіи всѣ трубочки промываются растворомъ ѣдкой или углекислой щелочи, водой, спиртомъ и эфиромъ; послѣ продуваются помощью резиноваго баллона. О приготовленіи стеколъ было говорено раньше; передъ началомъ работы всегда должно мягкой кисточкой почистить камеры отъ пыли.

Приборъ долженъ лежать строго горизонтально. Въ помѣщаемой въ камеру каплѣ смѣси не должно содержаться пузырьковъ воздуха.

2. Измѣненія по величинѣ и формѣ.

Эти измѣненія обыкновенно наблюдаются рядомъ съ уменьшеніемъ числа шариковъ, какъ общее выраженіе болѣзненнаго состоянія

крови. Собственно, только при острыхъ потеряхъ крови остающіеся шарики сохраняютъ первое время свои нормальныя свойства.

Величина эритроцита здоровой крови, какъ мы знаемъ, въ среднемъ 6—8 μ., и нормальность крови характеризуется тѣмъ, что въ ней лишь въ ничтожномъ числѣ встрѣчаются шарики-гиганты (выше 10 μ) и шарики-карлики (ниже 6 μ).—При болѣзненномъ-же состояніи крови измѣненія величины шариковъ выражаются какъ въ уклоненіи отъ средняго размѣра, такъ и въ процентномъ содержаніи въ крови этихъ разноизмѣненныхъ по величинѣ элементовъ.

При этомъ средній діаметръ шарика можетъ и уменьшаться, и увеличиваться.

Въ общемъ величина шариковъ уменьшается при высокой температурѣ, при септической лихорадкѣ, при отравленіи окисью углерода, при скопленіи угольной кислоты въ крови. На оборотъ, размѣры шариковъ увеличиваются при дѣйствіи холода и вообще средствъ, уменьшающихъ процессъ обмѣна, напр. подъ вліяніемъ хинина, алкоголя, избытка кислорода, при острой анэміи послѣ большихъ потерь крови.

Уменьшеніе *средняго* діаметра шариковъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ обязано спеціально ненормально большому содержанію въ крови очень мелкихъ шариковъ, микроцитовъ (6 μ.—3,5 μ.). Точно также при другихъ заболѣваніяхъ *средній* размѣръ шариковъ оказывается увеличеннымъ отъ избытка въ крови очень большихъ шариковъ, макроцитовъ (15 μ.—20 μ.). Иногда обѣ эти аномаліи встрѣчаются вмѣстѣ, чаще—раздѣльно. При этомъ, по Hayem'у, ненормальное увеличеніе числа микроцитовъ встрѣчается преимущественно въ случаяхъ малокровія, гдѣ предполагается усиленная регенерація форменныхъ элементовъ, напр. послѣ кроветеченій или въ періодѣ выздоровленія отъ острыхъ лихорадочныхъ болѣзней. Наоборотъ скопленіе большихъ шариковъ чаще встрѣчается въ тяжелыхъ случаяхъ малокровія и кахексій, гдѣ мы предполагаемъ, что возстановленіе крови затруднено, вяло и не полно, напр. при злокачественныхъ новообразованіяхъ, при тяжелыхъ хронич. болѣзняхъ печени, при пернициозной анэміи. При послѣдней болѣзни количество однихъ увеличенныхъ по размѣру кровяныхъ тѣлецъ можетъ возрастать до 20—30% общаго числа шариковъ крови. Laache [1]) приписываетъ

[1]) Die Anämie. Christiania, 1883.

этому измѣненію при послѣдней болѣзни большое значеніе: своей увеличенной поверхностью шарики до извѣстной степени какъ-бы компенсируютъ потери эритроцитовъ въ числѣ.

При наличности измѣненій въ числѣ и величинѣ красныхъ шариковъ всегда одновременно имѣются и измѣненія формы ихъ; при этомъ красные шарики могутъ представлять въ своемъ наружномъ видѣ поразительное разнообразіе.—Здѣсь слѣдуетъ замѣтить однако, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ нахожденія форменныхъ измѣненій шариковъ крови, мы имѣемъ дѣло вовсе не съ патологическимъ явленіемъ, а лишь съ случайными измѣненіями отъ несоблюденія нужныхъ предосторожностей при работахъ надъ кровью, особенно въ болѣзняхъ. Важное правило что, истинныя извращенія формы шариковъ, пресуществующія въ циркулирующей крови, всегда связаны съ удержаніемъ двувогнутости элемента; измѣненія существенно состоятъ въ потерѣ правильной дисковидной формы и въ появленіи разныхъ выступовъ и отростковъ изъ толстаго края элемента. Оставаясь двувогнутымъ, шарикъ становится овальнымъ, веретенообразнымъ, грушевиднымъ; боковые отростки придаютъ ему видъ молотка, реторты, наконецъ самыя причудливыя формы.

Наиболѣе подвергаются этимъ измѣненіямъ формы самые молодые экземпляры шариковъ; зрѣлые и гиганты—рѣже, хотя и они иногда принимаютъ овальную или грушевидную форму.

Это интересное измѣненіе наружнаго вида красныхъ тѣлецъ носитъ въ наукѣ названіе *пойкилоцитоза* (Quincke), и свойственно не одной какой нибудь болѣзни, а всякой глубокой анэміи, указывая на основное разстройство питанія крови. Особенно часто пойкилоцитозъ встрѣчается въ поздніе періоды раковой кахексіи, злокачественной анэміи, лейкэміи и при амилоидномъ перерожденіи органовъ.

3. Измѣненія окраски.

Эритроциты обязаны своимъ цвѣтомъ главной составной части—гэмоглобину, слѣды котораго открываются и въ плазмѣ крови; гэмоглобинъ есть соединеніе, содержащаго желѣзо, окрашеннаго гематина и особаго бѣлковаго тѣла близкаго глобулинамъ. Изъ свойствъ гэмоглобина намъ важно, что связь его съ эритроцитами не стойка; онъ легко выдѣляется, растворяясь въ плазмѣ крови (лаковая кровь) подъ

вліяніемъ цѣлаго ряда моментовъ,—какъ то вамъ извѣстно изъ физіологіи.—Важно далѣе значительное содержаніе въ немъ желѣза (0,42—0,5%), наличностью котораго обусловливается способность гэмоглобина связывать кислородъ, переходя въ оксигэмоглобинъ. Этотъ процессъ совершается въ легкихъ; соединеніе получается очень слабое и, проходя черезъ ткани, оксигэмоглобинъ отдаетъ имъ свой кислородъ, а кровь съ возстановленнымъ гэмоглобиномъ возвращается черезъ вены въ сердце и въ легкія, гдѣ снова насыщается кислородомъ. — Оксигэмоглобинъ даетъ водный растворъ свѣтло краснаго алаго цвѣта. Растворъ возстановленнаго гэмоглобина—дихроиченъ: при падающемъ свѣтѣ—краснаго цвѣта, при проходящемъ—зеленоватаго. — Растворъ оксигэмоглобина, изслѣдуемый спектроскопомъ, даетъ въ спектрѣ двѣ полосы поглощенія—болѣе рѣзкую около линіи D въ желтомъ полѣ и болѣе слабую широкую около линіи E въ зеленомъ полѣ. Растворъ возстановленнаго гэмоглобина въ спектроскопѣ даетъ лишь одну полосу поглощенія приблизительно въ серединѣ между полосами оксигэмоглобина.

У взрослыхъ мужчинъ, по достовѣрнымъ даннымъ, содержится 14—15% гэмоглобина; у женщинъ—при меньшемъ содержаніи числа шариковъ и гэмоглобина меньше 12—14%.

У здоровыхъ людей содержаніе гэмоглобина колеблется вообще пропорціонально колебаніямъ числа шариковъ; такъ оно уменьшается съ возрастомъ, при питаніи растительной пищей и т. д.

Значеніе гэмоглобина крови, какъ посредника между кислородомъ воздуха и тканями, такъ высоко, что понятенъ интересъ опредѣленія богатства данной крови гэмоглобиномъ.

Основываясь на параллелизмѣ колебаній въ количествѣ гэмоглобина и красныхъ шариковъ у нормальнаго человѣка, полагали, что однимъ счисленіемъ шариковъ можно ограничиться для сужденія о богатствѣ данной крови гэмоглобиномъ и о колебаніи его содержанія. — То, что справедливо для физіологическаго состоянія оказалось однако невѣрно при паталогическихъ условіяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обѣдненіе крови обѣими частями идетъ равномѣрно, но много чаще колебанія въ содержаніи гэмоглобина и числѣ шариковъ наблюдаются въ различной степени: то преобладаетъ обѣдненіе крови форменными элементами, то на первый планъ выступаетъ бѣдность гэмоглобиномъ. Такъ, напр., хлорозъ характеризуется преимущественно

уменьшеніемъ содержанія гэмоглобина въ красныхъ шарикахъ (oligochromaemia). Кровь поражаетъ своимъ блѣднымъ цвѣтомъ и блѣдножелтой окраской гэматій. Содержаніе гэмоглобина часто бываетъ уменьшено болѣе чѣмъ на $^1/_3$ т. е. остается лишь 50—60% нормальнаго количества. Barbacci [1]) для 28 случаевъ хлороза нашелъ среднее содержаніе 44% гэмоглобина.—Число же красныхъ шариковъ по достовѣрнымъ даннымъ, чаще, особенно въ первые періоды болѣзни, не уменьшается вовсе, или только незначительно. При нѣкоторыхъ-же болѣзняхъ встрѣчаются измѣненія совершенно иного характера. Такъ anaemia perniciosa progressiva отличается преимущественно уменьшеніемъ числа гэматій и крови вообще. Крови остается 4—5% вѣса тѣла вмѣсто нормальныхъ 8%. (Quincke) [2]). Число красныхъ шариковъ опускается до 1 милл. и ниже. Quincke находилъ 600000 ($^1/_8$ нормы) и даже 143000 ($^1/_{35}$ нормы). Общее количество гэмоглобина въ крови въ такихъ случаяхъ тоже конечно было уменьшено, но расчитывая его на число шариковъ, содержаніе его въ каждомъ шарикѣ оказывалось много повышеннымъ даже противъ нормы (R=1,7, Hayem). Обычный фактъ, что количество гэмоглобина при этой болѣзни уменьшается въ 3—5 разъ, а количество шариковъ въ 5—7 разъ (Афанасьевъ), [3]) такъ что каждое кровяное тѣльце содержитъ больше гэмоглобина въ $^5/_3$ или $^7/_5$ разъ, чѣмъ нормально.

Такое явленіе считается даже патогномоническимъ признакомъ для anaemia perniciosa.

Наконецъ въ 3-й группѣ болѣзней можно бываетъ прослѣдить въ крови, какъ при теченіи болѣзни одна форма разстройства смѣняется другой. Такъ, при цынгѣ (Вѣрюжскій) [4]) въ разгарѣ развитія болѣзни главныя измѣненія касаются числа шариковъ; въ тяжелыхъ случаяхъ находимъ только 20—40% шариковъ при 30—50% гэмоглобина.—Наоборотъ, въ періодѣ выздоровленія число шариковъ возрастало почти до нормы (96%), а содержаніе гэмоглобина не превышало 70—80%.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что количество гэмоглобина отнюдь не

---

[1]) Centralblatt für die medic. Wissenschaften, 1887 № 35.

[2]) Deutsch. Archiv für klinische Medicin, 1877, XX.

[3]) Реальная Энциклопедія Эйленбурга.

[4]) Врачъ 1889 г. № 7.

находится въ прямомъ отношеніи къ содержанію форменныхъ элементовъ въ паталогической крови.

Въ нормальной крови содержаніе гэмоглобина существенно зависитъ отъ величины элемента; всѣ они окрашены равносильно Въ патологическихъ же случаяхъ, гдѣ есть измѣненія формы и величины шариковъ, всегда отсутствуетъ вышеуказанное соотвѣтствіе между величиной шарика и богатствомъ его гэмоглобиномъ. При этомъ уменьшеніе окраски рѣдко касается всѣхъ элементовъ въ равной степени; по преимуществу оно распространяется на шарики съ измѣненной формой и размѣрами; большею частью наиболѣе обезцвѣченными представляются малые шарики. Большіе шарики и даже гиганты тоже могутъ быть блѣдны, бѣдны гэмоглобиномъ, но за то часто они содержатъ такое количество красящаго вещества, что значительно превышаетъ норму (Valeur individuelle—выше 1. *Hayem*).

Здѣсь умѣстно напомнить, что паталогическое ослабленіе окрашиванія элементовъ не имѣетъ никакой связи съ растворeніемъ гэмоглобина. Элементъ представляется вполнѣ нормальнымъ со всѣми присущими ему свойствами и только въ составѣ его является недостатокъ красящаго вещества, соединеннаго съ другимъ бѣлковымъ тѣломъ, составляющимъ такъ сказать, тѣло клѣтки и могущимъ удерживать при себѣ то или другое количество гэмоглобина.

Послѣ изложеннаго ясно, что точное изученіе разстройствъ крови не мыслимо безъ прямаго опредѣленія содержанія гэмоглобина. Въ цѣломъ рядѣ разстройствъ организма играетъ видную роль окислительная способность крови, цѣликомъ зависящая отъ количества содержащагося въ ней гэмоглобина.

Способы опредѣленія содержанія гэмоглобина.

Количественное опредѣленіе содержанія гэмоглобина въ крови производится при помощи особыхъ приборовъ, въ которыхъ опредѣленной концентраціи растворъ крови сравнивается съ цвѣтной скалой, показывающей разныя степени содержанія гэмоглобина. Это такъ наз. колориметрическій или хромометрическій способъ, вполнѣ примѣнимый въ клиникахъ. Болѣе точенъ способъ спектроскопическій, требующій лабораторной обстановки. Опредѣленіе количества гэмоглобина основано на неодинаковомъ отношеніи къ цвѣтамъ спектра растворовъ крови различной концентраціи.

Наиболѣе употребительны—способъ Fleischl'я въ Германіи и

Россіи и способъ Hayem'a во Франціи. Мы ограничимся только изложеніемъ этихъ двухъ способовъ, какъ наиболѣе употребительныхъ.

Гематометръ Fleichl'я [1]). Существенную часть прибора составляетъ стеклянный клинъ, окрашенный Кассіевымъ пурпуромъ. Клинъ этотъ вставленъ въ металлическую рамку и особымъ винтомъ перемѣщается вмѣстѣ съ рамкой въ горизонтальномъ направленіи. Надъ рамкой—неподвижный столикъ, снабженный въ серединѣ круглымъ отверстіемъ, на которое падаютъ лучи, отраженные зеркаломъ укрѣпленнымъ въ нижней части штатива столика. Въ отверстіе столика сверху вставляется стеклянный цилиндръ въ 1,5 цент. высотой, кверху открытый, имѣющій стеклянное дно и полость пополамъ раздѣленную перегородкой. Перегородка стоитъ такъ, что при движеніи клина, одна камера все время остается надъ клиномъ, а другая свободна. Для освѣщенія вмѣсто зеркала имѣется круглая гипсовая пластинка, на которую направляется свѣтъ. Сбоку отъ клина подъ столикомъ на краю рамы идетъ скала съ дѣленіями отъ 0 до 100, показывающими, соотвѣтственно различной толщинѣ клина, относительное въ процентахъ количество гэмоглобина въ испытуемой крови.

Производство наблюденія невозможно ни при дневномъ свѣтѣ, ни при электрическомъ, ни при керосиновомъ, а только при свѣчахъ, газѣ или масляной лампѣ. Это требуется для устраненія фіолетовыхъ лучей. Удобнѣе всего особая масляная лампа, низкая, чуть выше гипсовой пластинки, съ ширмой, допускающей свѣтъ только на пластинку и преграждающей его отъ окружающихъ частей и наблюдателя.

Объ камеры цилиндрической трубки помѣщаются въ отверстіе столика. Камера надъ клиномъ наполняется водой до краевъ; другая-же только на $^1/_4$ глубины.

Въ ту камеру, подъ которой не проходитъ клинъ, прибавляютъ кровь. Для этого, сдѣлавъ уколъ въ палецъ, въ выступившую каплю крови, погружаютъ одинъ конецъ стеклянной въ 8 mlm длинны и 6,5 кб. млм. емкости трубочки. Эта „автоматическая пипетка“ вставляется въ кровь не вертикально, сверху, а сбоку капли. Чтобы снаружи не приставала къ трубочкѣ кровь, слѣдуетъ, чтобы поверхность стекла была немного жирная, что и достигается сохраненіемъ этихъ трубочекъ въ кускахъ кожи, слегка смазанныхъ саломъ. По взятіи крови все же осматриваютъ поверхность стекла и если пристала кровь, удаляютъ ее пропускной бумагой.

[1]) Wiener medicinishe Jahrbücher. 1885—1886.

Въ приборѣ камера надъ клиномъ наполняется водой до краевъ; другая-же только на $^1/_4$. Пипетка съ кровью переносится въ эту камеру горизонтально и легкими движеніями по оси пипетки кровь выгоняется; вынувъ пипетку, поворачиваютъ ее надъ камерой вертикально, а другой рукой изъ большой пипетки промываютъ ее отъ оставшейся крови. По прополаскиваніи трубочки камера не должна быть наполнена больше $^3/_4$ для того, чтобы можно было свободно мѣшать, а также чтобы имѣть возможность сохранить на верху слой чистой воды; для этого по размѣшиваніи крови той-же кровяной трубочкой, капаютъ изъ водяной пипетки воду осторожно, не волнуя жидкости, до верху, чтобы не было никакого мениска.

Установивши такимъ образомъ приборъ, передвигаютъ винтомъ окрашенный клинъ и рамку въ ту и другую сторону, пока цвѣтъ жидкости въ камерѣ съ дестиллированной водой надъ окрашеннымъ клиномъ не сравняется по интенсивности съ окраской жидкости съ разведенной кровью въ другой камерѣ. Толщина соотвѣтственнаго мѣста клина опредѣляетъ богатство крови гэмоглобиномъ, и обозначена дѣленіемъ на скалѣ. Высшему дѣленію 100 соотвѣтствуетъ окраска, получаемая при опытахъ съ кровью вполнѣ здоровыхъ взрослыхъ мужчинъ.

По отзывамъ авторовъ, при соблюденіи всѣхъ указаній техники, результаты получаются очень точные; maximum ошибки=1%.

Хромометръ Hayem'a. Онъ состоитъ изъ двухъ кольцевидныхъ стеклянныхъ чашечекъ, раздѣленныхъ тонкой перегородкой, рядомъ поставленныхъ и припаянныхъ къ предметному стеклу. Полости чашекъ равной величины, вмѣстимостью нѣсколько больше 500 кб. млм., кверху открыты. Затѣмъ имѣется серія цвѣтныхъ круглыхъ бумажекъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ. Такъ какъ трудно пользоваться растворами чистаго гэмоглобина, то кружки скалы не соотвѣтствуютъ цвѣту титрованныхъ растворовъ гэмоглобина. Убѣдившись, что у взрослаго и здороваго человѣка количественное содержаніе гэмоглобина въ крови пропорціонально числу гэматій, Hayem за образецъ принялъ красный шарикъ крови. Каждый кружокъ, подложенный подъ чашечку съ водой, сообщаетъ слою воды цвѣтъ, который-бы ей дало извѣстное количество нормальныхъ красныхъ шариковъ.

№ 1	соотвѣтствуетъ	8,866,000	здоров. гэматій.
№ 2	„	9,973,000	„
№ 3	„	11,081,000	„

№ 4 соотвѣтствуетъ . . . . . 12,189,000 „
№ 5 „ . . . . . 13,297,000 „

Эти цифры указываютъ, что всякій растворъ крови, соотвѣтствующій напр. № 1, содержитъ тоже количество гэмоглобина, что даютъ 8,866000 здоровыхъ красныхъ шариковъ.

Способъ употребленія простъ. Прежде всего важно освѣщеніе. Работать надо въ комнатѣ съ окномъ на сѣверъ или на востокъ. Располагаются прямо передъ окномъ, но на нѣкоторомъ разстояніи, чтобы свѣтъ падалъ косо сверху, равно на обѣ чашки. Лучшее освѣщеніе даетъ сѣрое и бѣлое небо, самое худое—голубое безоблачное небо.

Пипеткой наливаютъ въ обѣ чашки по 500 кб. млм. дестиллированной воды и въ одну прибавляютъ нѣсколько кб. млм. крови и тщательно размѣшиваютъ тоненькой стеклянной палочкой.

Если берутъ здоровую кровь, то довольно 2—3 кб. млм. Въ патологическихъ случаяхъ берется тѣмъ больше, чѣмъ анэмія рѣзче: 4 кб. млм.—6—10—15. Пипетка вмѣстимость имѣетъ 5 кб. млм. Кровь каждый разъ берется новымъ уколомъ изъ пальца. Всѣ пріемы производятся быстро во избѣжаніе испаренія.

Сдѣлавъ смѣсь, помѣщаютъ чашку съ водой надъ цвѣтнымъ кружкомъ и именно справа, а чашечка съ кровью остается слѣва. Затѣмъ предохраняютъ чашечки отъ горизонтальныхъ лучей, дѣлая рукой вродѣ экрана между окномъ и приборомъ. Подъ приборъ кладутъ кусокъ Ватмановской бумаги, съ дырками, соотвѣтственно цвѣтнымъ кружкамъ.

Подбираютъ кружокъ, подходящій по цвѣту; повѣряютъ, подводя по очереди два сосѣдніе. Если цвѣтъ точно не подходитъ, берутъ среднее число.

Такъ получается результатъ, т. е. богатство шариками испытуемой крови, выраженное въ здоровыхъ шарикахъ. Положимъ, мы взяли 6 кб. млм. крови и подошелъ по цвѣту кружокъ № 4, соотвѣтствующій 12,189,000 шариковъ. Богатство шариками на 1 кб. млм. будетъ въ 6 разъ меньше, т. е. 2,031,333.

Этимъ однако изслѣдованіе не кончается; за нимъ слѣдуетъ счисленіе шариковъ крови. Положимъ, получили 3,774,000. Красящая сила для 1 кб. млм. крови и выраженная въ здоровыхъ шарикахъ, равна 2,031,333, то красящая сила одного шарика изслѣдуемой крови будетъ въ 3,774,000 разъ меньше 2,031,333, т. е. 0,53.

Эти величины, какъ всегда нужныя при работѣ, по Hayem'у обозначаются у него особыми буквами.

N—есть число шариковъ, сосчитанное въ одномъ куб. миллиметрѣ крови (3,774,000).

R—богатство гэмоглобиномъ численно здоровыми гэматіями выраженное--(2,031,333).

G—богатство гэмоглобиномъ отдѣльного шарика. (0,53).

4. Необычные виды красныхъ шариковъ.

Въ случаяхъ глубокихъ разстройствъ органовъ кроветворенія въ крови иногда находятся своеобразно измѣненныя формы красныхъ шариковъ, то представляющія какъ бы недоразвитыя кровяныя тѣльца, какъ бы среднее между зародышевой и зрѣлой формой—ядерные красные шарики, эритрокаріоциты,—то наоборотъ, клѣточные элементы съ явленіями преждевременнаго наступленія обратнаго развитія, дегенераціи—красные шарики съ вакуолами въ протоплазмѣ.

А. Красные шарики съ ядрами; эритрокаріоциты. Они встрѣчаются лишь рѣдко при разныхъ видахъ крайняго малокровія особенно при лейкэміи. Въ нормѣ они существуютъ въ крови зародыша и въ костномъ мозгу и селезенкѣ взрослыхъ животныхъ.

Въ препаратахъ жидкой крови они не различаются; послѣ высушиванія-же въ нихъ рѣзко отлично отъ другихъ эритроцитовъ выступаетъ ядро; въ виду того, что часто оно бываетъ скрыто гэмоглобиномъ, требуется примѣненіе окрашиванія. Берутъ обычно эозинъ и метиленовую синьку, или эозинъ и гэматоксилинъ; ядро окрашивается въ синій цвѣтъ, протоплазма въ красный.

Элементы эти состоятъ изъ тѣла и ядра. Форма ихъ бываетъ различна: то кругла, то яйцевидна, то неправильно четыреугольна, то веретенообразна, и никогда не представляетъ двояковогнутости.—Тѣло кажется гомогеннымъ, равнонасыщеннымъ гэмоглобиномъ, но очень рѣдко окрашиваніе достигаетъ степени окрашиванія нормальныхъ гэматій. Размѣры элементовъ различны, отъ 5—16 μ, т. е. до величины самыхъ большихъ шариковъ-гигантовъ; наичаще они превосходятъ размѣры краснаго шарика, но чѣмъ сильнѣе выражены измѣненія крови, тѣмъ чаще встрѣчаются микро—и макрокаріоциты. Ядро клѣтки кругло или овально, безъ ядрышка, сильно зернисто и рѣдко лежитъ въ

центрѣ, а чаще съ края элемента, но всегда кругомъ охвачено протоплазмой. Величина ядра не стоитъ въ прямомъ отношеніи къ величинѣ элемента: иногда большой шарикъ имѣетъ малое ядро. а иногда малый шарикъ почти выполненъ ядромъ, въ 6—7 μ въ поперечникѣ.

Встрѣчаются эти элементы, какъ сказано, патологически только при крайнихъ степеняхъ малокровія и своимъ присутствіемъ обычно предвѣщаютъ близкій смертельный исходъ. Такъ бываетъ въ раковой кахексіи, въ anaemia perniciosa progres., въ постгэморрагическихъ анэміяхъ. При лейкэміи-же ихъ встрѣчаютъ и въ болѣе ранніе періоды при еще порядочномъ количествѣ красныхъ шариковъ (2—3 милл.).

Число ихъ велико не бываетъ, обычно 0,05—0,1—5,0% общаго числа бѣлыхъ шариковъ.

Во всякомъ случаѣ присутствіе въ крови взрослаго этихъ, такъ сказать, зародышевыхъ формъ указываетъ всегда на глубокое разстройство кроветворенія.

Б. Вакуолизація красныхъ шариковъ. Сущность явленія состоитъ въ томъ, что протоплазма красныхъ шариковъ не во всей своей массѣ представляется окрашенной гэмоглобиномъ; нѣкоторые участки ея безцвѣтны, рѣзко очерчены, имѣютъ самую разнообразную форму: круглую, яйцевидную, бисквита, трещины. Нерѣдко въ одномъ шарикѣ встрѣчается по нѣскольку такихъ мѣстъ. Если изслѣдовать кровь на сухихъ препаратахъ при окраскѣ эозиномъ, то картина становится еще рельефнѣе; рѣзко окрашены нормальные участки шарика и вовсе не окрашены вакуолы.

Такія измѣненія при anaemia perniciosa описывались очень давно и разно объяснялись. Въ настоящее время безспорно доказано, что это—участки протоплазмы, не содержащіе гэмоглобина, и что это явленіе стоитъ въ прямой связи съ качественными измѣненіями протоплазмы. Никольскій доказалъ экспериментально зависимость вакуолизаціи отъ измѣненія химизма крови. Впрыскивая подъ кожу животнымъ растворы хлористаго аммонія, онъ вызывалъ искусственно образованіе вакуолъ въ живой крови.

Встрѣчается эта форма при всѣхъ тяжелыхъ общихъ заболѣваніяхъ: при цынгѣ, маляріи (Вѣрюжскій [1]), лейкэміи, раковой кахексіи.

---

[1]) Врачъ 1889. № 31 и 32.

5. Измѣненія резистентности кров. шариковъ.

Общее правило, что форменные элементы больной крови оказываютъ меньшее сопротивленіе вліянію вредно дѣйствующихъ на нихъ агентовъ, чѣмъ элементы крови здоровой; но надо допустить, что и въ одной и той-же крови находятся элементы ослабленнаго сопротивленія и нормальнаго. Яновскій [1]) вливая въ сосуды живаго животнаго значительныя количества воды ($^1/_{12}$ вѣса тѣла), получалъ, понятно, гэмоглобинурію, т. е. часть гэмоглобина оставляла строму шариковъ и растворялась въ жидкости. При этомъ оказалось, что не всѣ красные шарики теряли нѣкоторую долю своего красящаго вещества, а, вѣроятно, извѣстное количество ихъ погибало вовсе; число шариковъ въ единицѣ объема крови становилось меньшимъ. Это явленіе было рѣзче выражено въ крови животныхъ старыхъ, чѣмъ въ крови молодыхъ.

Яновскій далѣе показалъ, что и выпущенная изъ пальца кровь обладаетъ тѣми-же свойствами. При смѣшеніи ея со слабыми соляными растворами часть кровяныхъ тѣлецъ быстро растворяется, другая же часть долго остается нормальной.

Изученіемъ того-же вопроса занимался Maragliano [2]). Онъ подвергалъ шарики крови здоровой и больной равносильному вліянію разныхъ агентовъ и сравнивалъ получаемые результаты.

Такъ вліяніе t^0—50°C не измѣняло видимо здоровые шарики даже черезъ 10 минутъ; шарики-же патологической крови черезъ 5 мин. представляли рѣзкія измѣненія.—Здоровая кровь высыхала черезъ 1 мин. и меньше и безъ измѣненій формы; больная кровь высыхала черезъ 2 мин. и больше и замѣчалось уродство ядеръ, обезцвѣчиваніе, появленіе зернистости.—Такая же разница оказалась при надавливаніи покрывательнаго стекла, при смѣшеніи крови съ разными растворами, рекомендуемыми для сохраненія крови.—Интересно приводимое Maragliano отношеніе къ краскамъ.

Чѣмъ болѣе кровяной шарикъ нормаленъ, тѣмъ больше сопротивленія оказываетъ онъ окрашиванію. Одинъ и тотъ-же растворъ метильвіолетта для окраски одного объема здоровой крови требуетъ

---

[1]) Труды Общ. Русск. врачей за 1883—84 г.

[2]) Berlin. klin. Wochenschr. 1887, № 43.

времени въ 2 раза больше, чѣмъ для окраски больной. Maragliano даетъ слѣдующія положенія:

1. Есть болѣзни, гдѣ шарики крови тяжело повреждены и всѣ они оказываютъ тогда меньшее сопротивленіе разнымъ вреднымъ вліяніямъ.

2. Хроническія пораженія, как Lues и Tuberculosis даютъ наибольшее уменьшеніе резистентности.

3. Лихорадка сама по себѣ мало измѣняетъ сопротивляемость.

4. Хронич. бол. печени, особенно циррозъ, такъ же сильно понижаютъ резистентность, какъ хроническія болѣзни.

5. Не при всѣхъ болѣзняхъ крови сопротивленіе уменьшается параллельно тяжести пораженія. Есть тяжелыя малокровія съ рѣзкимъ ослабленіемъ, есть и безъ него.

Бѣлыя кровяныя тѣльца. Лейкоциты.

Общія ихъ свойства. Бѣлыя кровяныя тѣльца, лейкоциты являются вторымъ морфологическимъ элементомъ крови. Описаны они въ крови впервые въ 1774 г. Hewson'омъ.

Разсматриваемыя въ микроскопъ они представляются въ видѣ протоплазматическихъ сферическихъ образованій съ поперечникомъ въ 5—20 μ (Ranvier) бѣлаго цвѣта, съ легкой зернистостью.—Если къ препарату прибавить каплю воды или, еще лучше, воды, слегка подкисленной уксусной кислотой, то протоплазма бѣлаго шарика набухаетъ и становится прозрачной.—Тогда замѣчаются два явленія: 1) зернистость протоплазмы и 2) наличность ядра въ шарикѣ.

1. *Протоплазма* состоитъ изъ однороднаго вещества, въ которомъ находятся многочисленныя зернышки, большею частью бѣлковаго характера, отчасти также жировыя. Зернышки бываютъ крупныя и мелкія. При сильныхъ увеличеніяхъ можно отчетливо замѣтить, что они обладаютъ быстрымъ колебательнымъ движеніемъ (Броуновское молекулярное).

2. *Ядро* содержится или одно круглой, овальной или иной формы, либо находятъ 3—4 ядра. Есть авторы, однако, не допускающіе множественности ядеръ; по ихъ ученію, это есть распаденіе лишь одного ядра на нѣсколько при умираніи клѣтки. При среднихъ увеличеніяхъ ядро представляется матовымъ однороднымъ; при большихъ же увеличеніяхъ окраска лейкоцитовъ реактивами указываетъ, что въ ядрѣ

есть два вещества: одно, сильно окрашивающееся, хроматическое по Flemming'у, а другое болѣе жидкое, неокрашивающееся, только въ перекладинахъ перваго заключенное—ахроматическое.

Изъ общихъ свойствъ бѣлыхъ шариковъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе:

1. *Сократительность ихъ протоплазмы, способность къ амебоиднымъ движеніямъ.* Сферическая форма присуща бѣлому шарику только при умираніи. Въ живомъ состояніи форма тѣлецъ весьма разнообразна и непостоянна, и всегда измѣняется вслѣдствіе того, что протоплазма ихъ нормально обладаетъ сократительностью. Наблюдаемое при соотвѣтственныхъ условіяхъ бѣлое тѣльце (t^0—30—40^0; кровяная сыворотка—естественная среда или физіологическій растворъ ClNa), не остается въ покоѣ, постоянно измѣняетъ свою сферическую форму, образуетъ перехваты и выпускаетъ отростки, при чемъ все тѣльце какъ бы ползетъ по стеклу.

Слѣдя за движеніемъ бѣлаго тѣльца, замѣчаемъ, какъ оно обходитъ встрѣчаемыя на пути препятствія, какъ оно протискивается между красными тѣльцами, какъ проползаетъ между стекломъ и какимъ нибудь постороннимъ тѣломъ.

Бѣлые шарики способны не только къ описаннымъ незначительнымъ передвиженіямъ, но и къ свободному движенію въ кровеносныхъ сосудахъ; при этомъ они могутъ оставлять его, выходить черезъ стѣнки, эмигрировать, при томъ не только въ волосныхъ сосудахъ, но и въ мелкихъ венахъ. При томъ это прохожденіе черезъ стѣнку не совершается черезъ устьица, stomata, не совершается также въ зависимости отъ кровянаго давленія (при низкомъ давленіи эмиграція живѣе). Лейкоциты исключительно собственными силами пронизываютъ ткань стѣнки. Такой же фактъ описанъ при наблюденіи ихъ движеній на стеклѣ (Лавдовскій): встрѣчая на пути гэматіи, они прорѣзываютъ ихъ и проходятъ.

Вообще, всѣ наблюденія говорятъ за то, что эмиграція лейкоцитовъ есть активный процессъ ихъ жизнедѣятельности. Движенія ихъ столь-же самостоятельны, какъ и движенія нисшихъ животныхъ—амебъ.

Интересно еще слѣдующее наблюденіе: при нормальномъ быстромъ теченіи крови въ сосудѣ всѣ лейкоциты, лежащіе въ центрѣ струи, всегда округлы и безъ отростковъ; всѣ-же лейкоциты, идущіе въ пристѣночномъ, медленнѣе движущемся слоѣ крови, измѣняютъ свою

форму, образуютъ отростки. Тоже происходитъ въ случаѣ замедленія теченія крови, застоя вообще: такъ въ патологическихъ случаяхъ, напр. въ воспаленныхъ тканяхъ, лейкоциты проявляютъ въ самой большой мѣрѣ свою жизненность и подвижность, массами эмигрируя черезъ стѣнки сосудовъ.

Въ связи съ сократительностью-же протоплазмы стоитъ и способность лейкоцитовъ кормиться—фагоцитозъ.

Дѣло въ томъ, что послѣ работы M. Schultze сталъ общепринятымъ фактъ, что лейкоциты, не теряя своей жизнеспособности, могутъ поглощать приведенныя съ ними въ соприкосновеніе постороннія тѣла въ мелкораздробленномъ состояніи, какъ карминъ, молоко. Есть даже области въ организмѣ, въ которыхъ лейкоцитами физіологически поглощается жиръ,—это ворсинки кишечнаго канала.

Мечниковъ первый обратилъ вниманіе на высокое значеніе этой способности для организма. Онъ наблюдалъ, что лейкоциты, поглощая разныя частицы, уничтожаютъ въ тѣлѣ и вредныя вещества, напр. нисшіе организмы, бактеріи, и пришелъ къ убѣжденію, что въ лейкоцитахъ мы обладаемъ цѣлебной силой, которая способна оказывать противодѣйствіе микроорганизмамъ, проникающимъ въ кровь при зараженіи инфекціонными болѣзнями.

Что касается до роли лейкоцитовъ въ жизни организма, то надо сознаться, что вопросъ этотъ далеко еще не выясненъ. Слишкомъ недавно начали удѣлять ему должное вниманіе въ наукѣ. Лейкоциты поглощаютъ кислородъ, главный возбудитель ихъ амебоидныхъ движеній; благодаря имъ они захватываютъ жиръ, гликогенное вещество, вообще питательные элементы, которые они могутъ доставлять въ другія ткани. По Ranvier [1]) они содержатъ даже особый пищеварительный ферментъ. Благодаря подвижности, ихъ находятъ во всѣхъ тканяхъ организма: изъ лимфатическихъ полостей клѣтка переходитъ въ кровь; изъ нея въ интерстиціальную ткань органовъ и возвращается снова въ лимфатическіе пути. Весьма вѣроятно, что лейкоциты играютъ извѣстную роль въ окислительныхъ процессахъ въ тканяхъ; они несутъ съ собой къ нимъ кислородъ, доставляемый туда красными шариками лишь посредственно. Можетъ быть, они доставляютъ тканямъ и потребныя питательныя вещества и уносятъ продукты ихъ метамор-

[1]) Journal de l'anatomie, 1875.

фоза.—Какъ только лейкоцитъ лишается кислорода, онъ становится бездѣятеленъ и пассивно уносится лимфой въ кровь.

При патологическихъ условіяхъ лейкоциты оказываются чрезвычайно дѣятельны. Достаточно указать на ихъ участіе во всѣхъ воспалительныхъ процессахъ, при образованіи гноя, при новообразованіи нѣкоторыхъ тканей, особенно соединительной, при заживленіи ранъ, при образованіи отдѣленій на слизистыхъ и серозныхъ оболочкахъ, на фагоцитарную роль при заразныхъ болѣзняхъ.

Соотвѣтственно значительному участію лейкоцитовъ въ жизни организма при болѣзняхъ, и количество ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ огромно наростаетъ: они могутъ достигать числа, равнаго числу красныхъ, измѣняя даже обычный красный цвѣтъ крови на бѣловатый.

Къ этому смѣло можно прибавить также, что роль ихъ въ экономіи организма изложеннымъ не исчерпывается. Слишкомъ недавно подвергнутъ въ наукѣ этотъ вопросъ подробному изученію.

Раздѣленіе лейкоцитовъ.

Хотя описанныя свойства присущи всѣмъ бѣлымъ шарикамъ, но не въ одинаковой степени. Комбинація тѣхъ и другихъ свойствъ позволяетъ намѣтить особыя групы.

Большинство гистологовъ различаетъ два типа зависимо отъ характера зернистости клѣтокъ. У однихъ лейкоцитовъ протоплазма очень мелкозернистая, и ихъ называютъ однородными или гомогенными, у другихъ—крупнозернистая, и имъ дали имя зернистыхъ лейкоцитовъ.

Лавдовскій, отмѣтивъ болѣе энергичную подвижность у послѣднихъ, называетъ ихъ *быстродвижущимися*, а лейкоцитовъ гомогенныхъ—*медленнодвижущимися*.

Въ 1846 г. *Вирховъ* раздѣлилъ бѣлые шарики по предполагаемому мѣсту ихъ происхожденія на двѣ группы: а) лимфоциты—малые, одноядерные, скудно снабженные протоплазмой шарики, происходящіе изъ лимфатическихъ железъ; б) лейкоциты—большіе многоядерные съ значительнымъ содержаніемъ протоплазмы, происходящіе изъ селезенки и костнаго мозга.

Въ 1865 г. *Max Schultze* [1]) напечаталъ результаты своихъ на-

[1]) Archiv f. microscopische Anatomie. 1865, I.

блюденій надъ бѣлыми шариками съ помощью нагрѣвательнаго столика. Онъ принимаетъ четыре группы:

1. Элементы, меньше эритроцита (5 μ), съ однимъ большимъ ядромъ; протоплазмы мало; она мутна, безъ видимыхъ зеренъ. Шарики не имѣютъ амебоидныхъ движеній.

2. Элементы размѣрами больше; протоплазмы мелкозернистой тоже больше. Они мѣняютъ свою форму, давая отростки въ разныя стороны, но ползучими движеніями не обладаютъ.

3. Элементы—9—12 μ величиной, мелкозернисты обильно, имѣютъ много ядеръ, большею частью плохо видныхъ; обладаютъ большой подвижностью.

4. Элементы очень крупно зернистые, чѣмъ и отличаются отъ предъидущей группы.

Въ виду новыхъ данныхъ патологіи это дѣленіе не вошло въ общее употребленіе и осталось достояніемъ нормальной гистологіи.

Французскіе авторы (*Hayem* [1]). *Labadie-Lagrave* [2]), указавъ на большое разнообразіе формъ бѣлыхъ шариковъ и на существованіе переходныхъ формъ, высказываются противъ очень подробнаго раздѣленія. Они описываютъ три группы тѣлецъ:

1. Величина меньше краснаго шарика 6—7,5 μ сферической формы, съ очень большимъ ядромъ и узкимъ слоемъ протоплазмы.

2. Величина 7,5—10 μ; сферической формы, въ центрѣ лопастное ядро; сюда принадлежитъ большая часть лейкоцитовъ крови.

3. Величина—8—9,5 μ; характерна очень крупная зернистость, сильно преломляющая свѣтъ и занимающая $^2/_3$ или $^3/_4$ всего элемента. Зерна или безцвѣтны, или желтоваты.

Въ дѣлѣ классификаціи бѣлыхъ шариковъ наука особенно много обязана *Ehrlich'y* и его школѣ.

Въ 1884 г. опубликована работа ученика Ehrlich'a *Einhorn'a* [3]), въ которой приведено раздѣленіе лейкоцитовъ по Ehrlich'y на основаніи анатомической формы и микрохимическихъ свойствъ. 1 группа—лимфогенная. Элементы образуются въ лимфатическихъ железахъ и наз. *лимфоциты*. Ихъ два вида—малые и большіе.

---

[1]) L. c.

[2]) Traité des maladies du sang. Paris. 1893.

[3]) Ueber das Verhalten der Lymphocyten zu den weissen Blutkörperchen. Berlin. 1884. Diss.

Малые величиной съ эритроцита; ядро большое, круглое, выполняетъ почти всю клѣтку, неся только очень узкій слой протоплазмы вокругъ.

Большіе лимфоциты представляютъ только дальнѣйшую стадію развитія малыхъ. Они больше эритроцита, круглое ядро лежитъ въ центрѣ клѣтки, слой протоплазмы кругомъ шире.

Характеристично для обоихъ видовъ, что ядра особо интенсивно красятся всѣми щелочными анилиновыми красками. Той-же краской красится и протоплазма.

Вторая группа—міэлогенная. Элементы образуются въ костномъ мозгу. Клѣтки большія, круглыя, съ продолговатымъ ядромъ и особенно крупной зернистостью, иногда желтоватаго цвѣта. Эта зернистость хорошо окрашивается въ яркокрасный цвѣтъ эозиномъ, почему и клѣтки названы эозинофильными.

Третья группа—безцвѣтные шарики неопредѣленнаго происхожденія. Мѣстомъ образованія ихъ можетъ быть и костный мозгъ и селезенка. Въ этой группѣ Ehrlich различаетъ три вида.

1. *Большія одноядерныя клѣтки*, раза въ три больше краснаго шарика, богаты незернистой протоплазмой, съ круглымъ или овальнымъ ядромъ, которое крайне слабо окрашивается щелочными анилиновыми красками.

2. *Переходныя одноядерныя клѣтки*, дальнѣйшій стадій развитія первыхъ; по внѣшнему виду вполнѣ имъ подобны, только ядро изогнуто въ видѣ подковы и протоплазма слегка зерниста. Ядро окрашивается рѣзче.

3. *Многоядерныя клѣтки*, составляющія большинство бѣлыхъ шариковъ крови. Величиной они много меньше № 1 и 2 этой группы, но все же значительно превышаютъ красные шарики. Ядро полиморфно, представляется въ самыхъ разныхъ видахъ, иногда кажется состоящимъ изъ нѣсколькихъ частей. Ядра очень рѣзко окрашиваются, какъ ни въ одномъ видѣ кромѣ лимфоцитовъ.

Настоящее раздѣленіе бѣлыхъ шариковъ весьма просто и наглядно.

Дальнѣйшее упрощеніе однако еще предлагаетъ *Габричевскій* [1]), именно соединеніе первыхъ двухъ видовъ третьей группы въ одну группу переходныхъ лейкоцитовъ.

---

[1]) Очеркъ нормальной и патологической морфологіи крови. 1891, Москва.

Въ 1890 г. *Усковъ* [1]), прослѣдивъ исторію развитія бѣлаго шарика крови, предложилъ новую классификацію лейкоцитовъ; онъ размѣстилъ ихъ въ 3 группы—элементовъ молодыхъ, зрѣлыхъ и перезрѣлыхъ. Каждая группа дѣлится еще на виды, что даетъ въ общемъ 14 подраздѣленій.

Нельзя не признать, что номенклатура сложна и не вполнѣ ясна (напр. многоядерные шарики съ однимъ ядромъ), что, по заявленію автора, все таки остаются „шарики сомнительнаго вида". Поэтому, не касаясь высокаго научнаго значенія новой системы и рекомендуя обратиться къ подлиннику, я, имѣя въ виду задачу настоящихъ чтеній, не могу остановиться на ней достаточно подробно.

Одиннадцать основныхъ видовъ лейкоцитовъ распредѣляются въ слѣдующія группы:

a) *Лимфоциты*: 1, малые; 2, большіе. Протоплазма и ядро одинаково красятся. У первыхъ протоплазма кольцевидна; у вторыхъ напоминаетъ перстень и мѣстами имѣетъ выступы.

b) *Прозрачные шарики*: 3, малые; 4, большіе; 5, лопастные. Всѣ клѣтки богаты протоплазмой, не воспринимающей окраски. Ядро одиночно, разной формы, почти всегда лежитъ внѣ центра, красится крайне слабо.

c) *Переходные шарики*: 6, малые; 7, большіе; 8, лопастные. Они во всемъ подобны прозрачнымъ, но протоплазма и ядро довольно хорошо красятся; ядро окрашено рѣзче.

d) *Многоядерные шарики*, нейтрофилы: 9, съ толстыми ядрами; 10, одноядерные; 11, многоядерные.

Эти шарики составляютъ главное число бѣлыхъ шариковъ крови и обладаютъ наибольшей подвижностью. Они въ 2—3 раза больше эритроцитовъ. Ядро очень сильно окрашено и форма его самая разнообразная. Протоплазмы много; она зерниста и окрашена.

Кромѣ этихъ основныхъ формъ различаются еще шарики дырчатые, распадающіеся и эозинофилы.

Къ категоріи молодыхъ шариковъ относятся первые три вида; къ категоріи зрѣлыхъ—виды 4—8; къ категоріи перезрѣлыхъ—виды 9—11.

Изъ всѣхъ приведенныхъ системъ дѣленія лейкоцитовъ нормаль-

---

[1]) Кровь, какъ ткань. СПБ., 1890.

ной крови большинство наблюдателей принимаетъ классификацію Ehrlich'a.

Что касается до *относительнаго содержанія* различныхъ видовъ бѣлыхъ шариковъ въ нормальной крови, то мы имѣемъ слѣдующія данныя:

Ehrlich принимаетъ въ общемъ 25% лимфоцитовъ и 75%—многоядерныхъ. Einhorn (по классификаціи Ehrlich'a) считаетъ лимфоцитовъ—28% (малыхъ въ 2—4 раза больше, чѣмъ большихъ), одноядерныхъ—6%, переходныхъ—1%, многоядерныхъ—64%.

Hayem по своей классификаціи принимаетъ мелкихъ шариковъ—23%, большихъ—70% и зернистыхъ—7%.

Габричевскій находитъ лимфоцитовъ 20—25%; переходныхъ—5—10%; многоядерныхъ 70—80% и эозинофильныхъ 1—3%.

Усковъ по своей класификаціи пришелъ къ нѣсколько инымъ результатамъ. Онъ считаетъ молодыхъ—18%, зрѣлыхъ—8% и перезрѣлыхъ—75%.

Изученіемъ *происхожденія бѣлыхъ шариковъ* занималось очень много ученыхъ, но не пришли еще къ окончательнымъ результатамъ. Болѣе подробно разбираетъ этотъ вопросъ Усковъ.

Лейкоциты, уже по Вирхову, происходятъ изъ лимфатическихъ железъ, что подтверждено и экспериментально; вѣроятно, однако, мѣстомъ образованія ихъ служатъ всѣ скопленія аденоидной ткани, такъ какъ препараты изъ Мальпигіевыхъ тѣлецъ селезенки даютъ также лимфоциты (съ преобладаніемъ большихъ по Ускову)—Въ препаратахъ костнаго мозга лимфоциты найдены не были.

Прозрачные шарики найдены только въ костномъ мозгу и селезенкѣ, при томъ всѣ три вида; малые прозрачные должны быть приняты за основной видъ этого рода.

Тамъ же находятся и переходные шарики, какъ вполнѣ подобные прозрачнымъ и только по способности протоплазмы воспринимать окраску отличающіеся отъ нихъ; при этомъ въ костномъ мозгу больше встрѣчаемъ прозрачныхъ, чѣмъ переходныхъ; въ селезенкѣ находимъ обратное.

Что касается нейтрофильныхъ полиморфныхъ лейкоцитовъ, то ихъ не удается найти ни въ лимфатическихъ железахъ, ни въ селезенкѣ. Они встрѣчаются только въ кровяномъ ложѣ и, вѣроятно, являются продуктомъ одноядерныхъ; по крайней мѣрѣ, удавалось прослѣ-

дить на сухихъ препаратахъ крови всѣ переходы отъ малаго лимфоцита до вполнѣ созрѣвшаго многоядернаго лейкоцита. Слѣдовательно и мѣсто образованія этихъ клѣтокъ надо искать или въ сосудахъ, или въ тканяхъ тѣла.—Надо не забыть, что многоядерные элементы одарены наибольше подвижностью и фагоцитарной дѣятельностью; они же являются и блуждающими клѣтками по преимуществу.

На основаніи изложеннаго, по Ускову, основными формами бѣлыхъ шариковъ крови являются лимфоциты и малые прозрачные. Это самыя молодыя клѣтки; онѣ образуются въ кроветворныхъ органахъ и идутъ въ русло крови. Здѣсь при нормальныхъ условіяхъ организма онѣ чрезвычайно быстро подвергаются дальнѣйшему развитію, и въ концѣ переходятъ въ многоядерныя клѣтки. Этой крайней быстротой ихъ превращенія и объясняется, что, не смотря на то, что именно въ крови совершаются всѣ эти превращенія, мы въ ней при нормальныхъ условіяхъ находимъ лишь мало переходныхъ формъ, а главную массу представляютъ многоядерные элементы. Даже можно сказать больше: увеличеніе содержанія въ крови переходныхъ формъ служитъ намъ указаніемъ на начинающееся разстройство кроветворенія.

Какъ ни сложенъ вопросъ о раздѣленіи бѣлыхъ шариковъ, знаніе отдѣльныхъ видовъ ихъ, встрѣчающихся въ человѣческой крови, имѣетъ существенное значеніе для патологіи крови и для практической медицины.

Существуютъ болѣзни крови, въ которыхъ на первый планъ выступаютъ измѣненія бѣлыхъ шариковъ, напр. лейкэмія. Рѣшеніе вопроса о мѣстѣ пораженія (лимфатическія железы, селезенка, костный мозгъ) дается только изслѣдованіемъ крови и въ частности именно путемъ опредѣленія принадлежности переполняющихъ кровь бѣлыхъ тѣлецъ къ той или другой изъ описанныхъ группъ.

При цѣломъ рядѣ тяжелыхъ заболѣваній и кахексій наступленіе глубокихъ разстройствъ кроветворенія обнаруживается прежде всего появленіемъ въ крови патологическихъ недоразвитыхъ типовъ бѣлыхъ шариковъ.

Наконецъ, зная измѣненія бѣлыхъ шариковъ по зрѣлости и по происхожденію, мы можемъ сознательно отнестись къ тѣмъ различнымъ колебаніямъ ихъ, количественнымъ и качественнымъ, которыя всегда обращаютъ на себя наше вниманіе при изслѣдованіи крови во всякой почти болѣзни и при выздоровленіи отъ нея.

Анализъ красками по Ehrlich'у.

Бѣлые шарики крови кромѣ указаннаго разнообразія въ величинѣ, числѣ, формѣ ядеръ и количествѣ протоплазмы отличаются еще рѣзко по свойствамъ образующей ихъ протоплазмы.

Уже при простомъ изслѣдованіи мы замѣчаемъ, что одни элементы представляются слабозернистыми, въ другихъ—зернистость выражена ясно. Въ однихъ шарикахъ зерна протоплазмы крайне мелкія, въ другихъ—очень крупныя. Большинство зеренъ безцвѣтно; иногда-же, особенно крупныя зерна оказываются явственнаго желтоватаго цвѣта. Далѣе оказалось, что эти зернистости кровяныхъ шариковъ, различныя по формѣ, величинѣ, по преломленію свѣта, по растворимости въ жидкостяхъ, разнятся и по отношенію своему къ красящимъ веществамъ, т. е. представляются различными и по химическому составу.

Дѣйствительно, мы знаемъ изъ гистологіи, что различныя употребляемя нами красящія вещества отличаются разнообразіемъ своего дѣйствія на различные элементы. Зависимо отъ большаго сродства къ той или другой ткани, отъ стойкости, съ которой удерживается краска, отдѣльныя части могутъ быть разно покрашены. Мы различаемъ ядерныя краски (гэматоксилинъ, карминъ), окрашивающія только ядра, и фоновыя краски (эозинъ, пикриновая кисл.), окрашивающія протоплазму.

Подобное отношеніе краски безспорно указываетъ на различное химическое строеніе отдѣльныхъ частей клѣтки.

Эрлиху первому пришло на мысль испытать отношеніе зернистости бѣлыхъ шариковъ крови къ различнымъ красящимъ веществамъ. Результаты получились весьма интересные и дали новый критерій для распознаванія видовъ бѣлыхъ шариковъ. Оказалось, что химическая природа зернистыхъ лейкоцитовъ въ разныхъ шарикахъ бываетъ разная, даже въ одной крови, но въ отдѣльныхъ клѣткахъ извѣстнаго вида всегда остается при нормальныхъ условіяхъ одинакова и окрашивается извѣстнымъ образомъ. Случаи-же патологическіе сказываются именно тѣмъ, что нормально красящее вещество остается безъ дѣйствія, а зернистость получаетъ способность окрашиваться красками, остававшимися безъ вліянія при нормѣ.—Изъ чего слѣдуетъ выводъ, что въ патологическомъ состояніи химическій составъ протоплазмы измѣняется.

Эрлихъ зернистость лейкоцитовъ называетъ специфическими гра-

нуляціями бѣлыхъ кровяныхъ тѣлъ, разсматриваетъ ихъ какъ продуктъ специфической дѣятельности самыхъ клѣтокъ и раздѣляетъ по отношенію къ красящимъ веществамъ на 5 группъ. Въ основѣ дѣленія положена различная способность ихъ воспринимать тѣ или другія анилиновыя краски.

Употребляемыя краски суть среднія соли и имѣютъ нейтральную реакцію; но при окраскѣ препаратовъ въ однихъ случаяхъ красящее дѣйствіе зависитъ отъ кислоты, въ другихъ отъ основанія. Эрлихъ и различаетъ три рода красокъ.

1. Основныя краски, дѣйствующее начало которыхъ по химическому характеру—основаніе, соединенное съ бездѣятельной при окраскѣ кислотой, напр. фуксинъ и его производныя, сафранинъ, далія, метиленовая синька.

2. Кислыя краски, гдѣ окрашиваніе зависитъ отъ кислоты, въ составъ краски входящей при бездѣятельномъ основаніи, напр., эозинъ, соли пикриновой к., розанилинъ.

3. Нейтральныя краски, если окрашиваніе происходитъ при участіи и кислоты, и основанія красящаго вещества напр., смѣсь кислаго фуксина съ метиленовой синькой.

Изъ пяти видовъ зернистостей, первая, 1) α—зернистость окрашивается только кислыми красками, лучше всего эозиномъ. Клѣтки съ этой зернистостью наз. эозинофильными.

2) β—зернистость окрашивается и кислыми, и основными красками. Это амфофильная зернистость лейкоцитовъ, не встрѣчающаяся въ крови человѣка.

3) γ—зернистость окрашивается только основными красками. Это базофильная зернистость.

4) δ—зернистость есть тоже базофильная зернистость, но ея значеніе и случаи появленія въ протоплазмѣ мало еще выяснены.

5) ε—зернистость, нейтрофильная, окрашивается только нейтральными красками.

Эозинофильная зернистость Эозинофильныя клѣтки уже на свѣжихъ неокрашенныхъ препаратахъ выдаются по своей крупной, блестящей, сильно свѣтъ преломляющей зернистости; иногда зернышки кажутся желтоватаго цвѣта; величина и форма отдѣльныхъ зеренъ разная. Эозинофильныя грануляціи характеризуются тѣмъ, что жадно красятся всѣми кислыми красками, особенно эозиномъ, и тог-

да принимаютъ ярко малиновый цвѣтъ. Способность къ окраскѣ не теряется и послѣ обработки различными веществами: водой, алкоголемъ, глицериномъ, 1% осміевой к. и мн. др. Величина эозинофиловъ нормальной крови въ среднемъ равна таковой-же многоядернаго лейкоцита.

Для полученія окрашенныхъ сухихъ препаратовъ крови, обычно приготовленныхъ, рекомендуются слѣдующіе способы:

1. Обработка препарата насыщеннымъ растворомъ эозина въ глицеринѣ.

2. Окраска 1%—0,5% воднымъ растворомъ эозина въ продолженіи 10—20 мин. Тщательная промывка въ водѣ. Высушиваніе на воздухѣ. Заключеніе въ канадскій бальзамъ. Время обработки можно сократить легкимъ подогрѣваніемъ краски.

3. Алкогольный (70%) растворъ 1%—0,5% эозина окрашиваетъ въ 3—5 мин. Эритроциты красны; эозинофильныя зерна рѣзко выдаются въ видѣ яркокрасныхъ мелкихъ шариковъ.

Для двойной окраски хорошъ способъ, примѣняемый *Rieder*'омъ. Послѣ фиксаціи помѣщаютъ между каждыми двумя сухими препаратами по 2—3 капли насыщеннаго раствора эозина въ 5% карбольглицеринѣ и оставляютъ ихъ такъ на нѣсколько часовъ.

Послѣ ополаскиванія въ водѣ, препараты красятся нѣсколько минутъ въ гэматоксилинѣ Böhmer'a или Delafield'a, на половину разбавленномъ водой. Промываніе въ водѣ, высушиваніе на воздухѣ, заключеніе въ канадскій бальзамъ. Красные шарики и эозинофильныя зерна представляются ярко красными, ядра лейкоцитовъ—темносиними. Картина получается столь отчетливая, что даже митозы ясно различаются.

Тройная болѣе сложная окраска, предложенная *Ehrlich*'омъ производится такъ: берется 1,25 grm. эозина и смѣшивается съ 10 кб. ц. глицерина; отдѣльно готовится смѣсь 0,75 индулина и 10 кб. ц. глицерина. Обѣ смѣси сильно взбалтываются или растираются, оставляются стоять на нѣсколько часовъ; затѣмъ сливаются вмѣстѣ и въ смѣсь при постоянномъ помѣшиваніи присыпаютъ 0,5 aurantia въ сухомъ видѣ. Черезъ 1—2 сутокъ краска готова. Она не фильтруется, а наносится только на покровныя стекла съ препаратами. Послѣдніе держатся подъ краской отъ 3 ч. до сутокъ; послѣ промыванія и высушиванія разсматриваются въ канадскомъ бальзамѣ. Красные шари-

ки окрашены aurantia въ чистый желтый цвѣтъ, ядра индулиномъ въ темный, а эозинофилы—въ ярко-красный.

До недавняго времени принималось, по *Ehrlich*'у, что мѣсто происхожденія эозинофиловъ—красный костный мозгъ и что въ нормальной крови эозинофилы встрѣчаются лишь въ очень маломъ количествѣ, составляя 1—3% всего числа бѣлыхъ шариковъ.

При острыхъ лейкоцитозахъ содержаніе ихъ еще болѣе уменьшалось. Рѣзкое увеличеніе эозинофиловъ наблюдалось только при одной болѣзни—бѣлокровіи—лейкэміи и представляло какъ бы патогномоническій признакъ ея.

Въ настоящее время, однако, это исключительное значеніе эозинофиловъ поколеблено многочисленными работами. Доказано, напр., что и у больныхъ не лейкэмиковъ можно найти въ крови большое количество эозинофиловъ. Такъ, при бронхіальной астмѣ во время приступовъ авторы *Fink* [1]) (*Габричевскій* [2]) находили въ крови даже до 22% эозинофиловъ.—Тоже наблюдали *Müller u Rieder* [3]) въ крови другихъ больныхъ и иногда вполнѣ даже здоровыхъ людей.

Изслѣдованія названныхъ авторовъ показали, что и положеніе о костномозговомъ происхожденіи нормальныхъ эозинофиловъ крови, вѣроятно, неправильно.—Важно наблюденіе, что огромное число эозинофиловъ, постоянно находящееся въ костномъ мозгу, рѣзко отличается какъ величиной, такъ ядромъ, и физіологическими свойствами отъ эозинофильныхъ клѣтокъ крови. Величина клѣтки, форма ядра и окраска его у послѣднихъ вполнѣ подобны таковымъ-же у многоядерныхъ нейтрофиловъ, съ которыми они связаны и одинаковою способностью къ подвижности на нагрѣвательномъ столикѣ.—Эозинофилы же костнаго мозга гораздо большей величины, превосходятъ размѣры обычнаго лейкоцита въ 2 раза и болѣе; ядро не представляетъ правильной полиморфной фигуры, содержитъ меньше хроматина и красится слабѣе; подвижность на нагрѣвательномъ столикѣ или отсутствуетъ, или едва выражена.

Поэтому эозинофилы, находящіеся нормально въ крови, не мо-

---

[1]) Arch. f. experiment. Pathologie u. Pharmacologie. 1890. XXVIII.

[2]) Beiträge zur Kenntniss des Eiters u. des Sputums. 1890. Elberfeld.

[3]) Deutsch. Arch. f. klin. Medicin 1891. Bd. 48.

гутъ считаться формами, тождественными съ эозинофилами костнаго мозга, и эти двѣ группы должны быть строго различаемы.

Что касается до мѣста происхожденія эозинофиловъ крови, то *M. Schultze* полагаетъ, что они образуются въ кровяномъ руслѣ изъ мелкозернистыхъ лейкоцитовъ; ему приходилось видѣть нерѣдко такія типичныя переходныя формы—со всѣми свойствами мелкозернистыхъ клѣтокъ, но съ содержаніемъ эозинофильной зернистости. Кромѣ того *Renaut* [1]) *и Arnold* [2]) наблюдали прямое дѣленіе эозинофиловъ въ крови.

Большія-же костномозговыя эозинофильныя клѣтки никогда не встрѣчаются въ нормальной крови; только при тяжелыхъ разстройствахъ кроветворенія онѣ переходятъ вмѣстѣ съ другими элементами костнаго мозга (митозы, эритрокаріоциты) въ кровь и не рѣдко въ очень большомъ количествѣ. Наичаще мы видимъ это при лейкэміи, гдѣ и будетъ сказано о нихъ подробно.

Базофильная зернистость. Базофильная зернистость называется еще зернистостью тучныхъ клѣтокъ, такъ какъ тоже отношеніе къ основнымъ анилиновымъ краскамъ оказываетъ зернистость извѣстныхъ клѣточныхъ элементовъ соединительно-тканнаго типа, названныхъ Эрлихомъ тучными клѣтками.

У многихъ низшихъ животныхъ, у лягушки, у черепахи, и въ нормѣ кровь содержитъ шарики съ базофильной зернистостью. У человѣка-же, по *Erlich*'у, при здоровьѣ,—этихъ свойствъ лейкоциты никогда въ крови не встрѣчаются. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, однако, и у человѣка находили ихъ при здоровьѣ, хотя и въ маломъ количествѣ. Во всякомъ случаѣ наичаще и не рѣдко въ изобиліи они бываютъ въ крови при тяжелыхъ ея или кроветворныхъ органовъ заболѣваніяхъ, напр. при лейкэміи, anaemia perniciosa и т. п.

Базофильная зернистость отличается высокимъ сродствомъ къ основнымъ анилиновымъ краскамъ и переноситъ прибавленіе алкоголя и уксусной к. къ смѣси въ значительныхъ количествахъ. Этимъ ея свойствомъ и пользуются для изолированной окраски зернистости въ препаратѣ крови.

---

[1]) Arch. de Physiol. norm. et de Pathologie, 1881, VIII.

[2]) Arch. f. mikroscop. Anatomie, 1887, XXX.

Ehrlich даетъ слѣдующее предписаніе для окраски: смѣшивается 100 кб. ц. воды и 50 кб. ц. абсолютнаго алкоголя, насыщеннаго Dahlia. Когда съ осажденіемъ, жидкость станетъ прозрачна, то прибавляютъ 10—12 кб. ц. ac. acet. glacial.—Препараты остаются въ краскѣ нѣсколько часовъ. Затѣмъ слѣдуетъ ополаскиваніе въ водѣ, быстрая обработка 20% уксусной кисл., промываніе водой, высушиваніе на воздухѣ и заключеніе въ канадскій бальзамъ. Зернистость окрашивается отъ Dahlia въ синефіолетовый цвѣтъ, остальное все остается безцвѣтно.

Базофильная зернистость развивается только въ одноядерныхъ бѣлыхъ шарикахъ.

Нейтрофильная зернистость. Это наиболѣе распространенная зернистость въ нормальной крови человѣка. Нейтрофильная зернистость протоплазмы, какъ и полиморфизмъ ядра, указываетъ на полную зрѣлость лейкоцита. Поэтому въ здоровой крови всѣ многоядерные лейкоциты—нейтрофилы. Въ другихъ-же видахъ бѣлыхъ шариковъ этой зернистости при нормальныхъ условіяхъ не встрѣчается. Въ случаяхъ разстройства кроветворенія, первичныхъ или вторичныхъ, при разныхъ кахексіяхъ, нейтрофильная зернистость обнаруживается и въ элементахъ болѣе молодыхъ, напр. одноядерныхъ, какъ то и видимъ при лейкэміи.

Зернистость, эта очень мелка, требуетъ при изслѣдованіи очень большихъ увеличеній. Для полученія окраски существуетъ нѣсколько рецептовъ. Привожу рекомендуемый *Усковымъ.*

Насыщеннаго воднаго раствора Orange (G) 125 кб. ц.

Насыщеннаго въ 20% спиртѣ раствора кислаго фуксина—125 кб. ц.

Абсолютнаго алкоголя—75 кб. ц.

Къ смѣси при помѣшиваніи прибавляется насыщенный водный растворъ метиловой зелени—125 кб. ц.—Жидкость много мѣшается, стоитъ нѣсколько недѣль до употребленія. При окрашиваніи не фильтруется, а берется изъ верхняго слоя пипеткой.—Черезъ 1—3 минуты эритроциты окрашиваются въ оранжевожелтый цвѣтъ, ядра бѣлыхъ тѣлецъ дѣлаются зеленоваты, а нейтрофильная зернистость окрашивается въ интенсивно-фіолетовый цвѣтъ.

Для той-же цѣли очень пригодна, предложенная *Aronson*'омъ и *Philipp*'омъ, красящая смѣсь.

Приготовляютъ насыщенные водные растворы Orange G extra, Säurefuchsin, кристаллич. Methylgrün. Изъ прозрачной надъ осадкомъ жидкости берутъ и смѣшиваютъ: Orange 55 кб. ц., Säurefuchsin 50 кб. ц., Aq. destil. 100, Alcohol absol.—50. Къ смѣси приливаютъ Metyhlgrün 65, Aq. destil.—50, Alcoh. abs.—12. Жидкость стоитъ покойно до употребленія 1—2 недѣли. Окрашиваніе получается при дѣйствіи въ теченіе 1—2 часовъ на сухіе препараты.

Способы счисленія бѣлыхъ шариковъ.

Число бѣлыхъ шариковъ крови представляется весьма непостояннымъ. Оно подвержено очень большимъ колебаніямъ въ ту и другую сторону; иногда при этомъ колебанія идутъ параллельно съ таковыми же красныхъ шариковъ, но много чаще они происходятъ самостоятельно.

Въ виду важной роли бѣлыхъ шариковъ въ жизни организма понятною является необходимость имѣть возможность слѣдить, какъ за количественными колебаніями лейкоцитовъ, такъ и за отношеніемъ ихъ къ краснымъ.

Приблизительное понятіе о количествѣ бѣлыхъ шариковъ можно себѣ составить уже при простомъ разсмотрѣніи препарата крови подъ микроскопомъ съ малымъ увеличеніемъ. Такъ въ тонкомъ слоѣ крови при Hartnack'ѣ III и 8 въ полѣ зрѣнія видны 3—4 лейкоцита. Большее ихъ число уже внушаетъ подозрѣніе на патологическое увеличеніе количества бѣлыхъ шариковъ (лейкоцитозъ).

Особыхъ счетныхъ приборовъ спеціально для бѣлыхъ шариковъ не существуетъ. Съ нѣкоторыми измѣненіями въ техникѣ для этой цѣли пользуются описанными уже гэматиметрами Hayem'a [1]) и Thoma-Zeiss'a [2]).

При работѣ съ первымъ примѣняется таже индифферентная жидкость и тоже разведеніе, что и для красныхъ шариковъ, но въ виду много меньшаго числа бѣлыхъ шариковъ и неравномѣрнаго ихъ распредѣленія въ препаратѣ, рекомендуется просчитывать гораздо большее число квадратовъ.

---

[1]) L. c.

[2]) Virchow's Archiv, Bd. 87.

Hayem предлагаетъ такой порядокъ счисленія: влажная камера съ кровью помѣщается подъ микроскопомъ и затѣмъ предвигается въ одномъ направленіи, напр. слѣва отъ наблюдателя вправо, пока край капли крови, легко узнаваемый въ полѣ зрѣнія по темному контуру, не совпадетъ съ краевой темной чертой сѣтки. Тогда считаютъ число бѣлыхъ шариковъ въ большомъ квадратѣ и замѣчаютъ притомъ по группировкѣ тѣ красные шарики, что лежатъ на толстой краевой чертѣ квадрата съ лѣвой стороны. Затѣмъ передвигаютъ препаратъ еще слѣва направо, чтобы намѣченные красн. шарики слѣва заняли мѣсто на краевой чертѣ справа, гдѣ былъ прежде край капли. Опять считаютъ бѣлые шарики, лежащіе внутри квадрата и опять замѣчаютъ красные шарики слѣва на чертѣ квадрата. Снова передвигаютъ, считаютъ. Это однообразно повторяется до тѣхъ поръ, пока не появится темная круговая линія, указывающая на лѣвую границу капли крови.—Передвинувъ такъ препаратъ по одному направленію (слѣва на право) и сосчитавъ въ проходившихъ квадратахъ бѣлые шарики, дѣлаютъ то же самое въ направленіи перпендикулярномъ къ первому; устанавливаютъ препаратъ такъ, чтобы нижняя граца капли совпадала съ нижней темной краевой чертой квадрата, и передвигаютъ, считая бѣлые шарики по квадратамъ, до соприкосновенія верхней границы капли крови съ верхней толстой краевой чертой квадрата. Данныя содержанія лейкоцитовъ во всѣхъ квадратахъ слагаются, сумма дѣлится на число квадратовъ, получается средняя цифра, которая по правиламъ прибора умножается на 31.000, и получается число бѣлыхъ шариковъ въ 1 кб. млм. крови.

Способъ этотъ достаточно точенъ, но требуетъ много времени.

Съ приборомъ Thoma-Zeiss'a счисленіе шариковъ производится проще и скорѣе. Счетная камера остается таже, а смѣситель берется другой: емкость полости только въ 10 разъ превышаетъ емкость волосной трубки, т. е. кровь разводится только въ 10 разъ. Для того чтобы красные шарики не мѣшали счету бѣлыхъ Thoma совѣтуетъ брать для разведенія $^1/_3$ % растворъ ac. acetic. glacialis. Она вполнѣ растворяетъ красные шарики, не измѣняя бѣлыхъ. Смѣсь первое время мутна, а минуты черезъ 3—5 просвѣтляется, и тогда приступаютъ къ счету по квадратамъ бѣлыхъ шариковъ, совершенно также, какъ это дѣлается для красныхъ; только требуется счисленіе въ большемъ числѣ квадратовъ. Thoma совѣтуетъ досчитывать до 300 шариковъ.

При маломъ числѣ бѣлыхъ шариковъ Thoma предложилъ способъ счисленія шариковъ не по квадратамъ, а по полямъ зрѣнія.

Камеру устанавливаютъ такъ, чтобы все поле зрѣнія микроскопа было занято цѣлыми дѣленіями сѣтки. Діаметръ поля зрѣнія опредѣляется числомъ квадратиковъ, напр. 10; длинна каждаго квадратика въ приборѣ $= \frac{1}{20}$ mlm. то діаметръ поля зрѣнія $= \frac{1}{20} \times 10 = \frac{1}{2}$ mlm. Радіусъ поля зрѣнія равенъ половинѣ этой величины т. е. $= \frac{1}{4}$ mlm. Поверхность $\pi r^2 = 3{,}14 \left(\frac{1}{4}\right)^2 = \frac{3{,}14}{16}$ квадр. млм. А такъ какъ глубина камеры въ приборѣ $= \frac{1}{10}$ млм., то объемъ всего поля зрѣнія $= \frac{3{,}14}{16} \times \frac{1}{10}$, выраженный въ кубическихъ миллиметрахъ. Сосчитавъ число шариковъ и принявъ во вниманіе степень разведенія, мы опредѣляемъ легко число бѣлыхъ шариковъ въ 1 кб. млм. крови.

Въ данномъ способѣ *Усковъ* предлагаетъ нѣкоторыя измѣненія, именно: вмѣсто $\frac{1}{3}\%$ ac. aceticі glacialis, какъ жидкость для смѣшенія, онъ употребляетъ физіологическій растворъ поваренной соли (0,75%) съ прибавленіемъ $\frac{1}{3} - \frac{1}{2}\%$ ac. aceticі glac. Такая смѣсь будто-бы лучше сохраняетъ бѣлые шарики, и при ней ихъ насчитывается больше, чѣмъ при жидкости Thoma.

Здѣсь-же весьма умѣстно упомянуть еще объ одной жидкости крайне пригодной для счета бѣлыхъ шариковъ—о жидкости *Toison* [1]) При ея употребленіи всѣ лейкоциты окрашиваются въ синій цвѣтъ, а красные шарики не измѣняются, что очень удобно при опредѣленіи отношенія бѣлыхъ къ краснымъ шарикамъ. Составъ жидкости слѣдующій.

Aq. destillatae—160 кб. ц.
Glycerini n. utr. puri 30 кб. ц.
Natrii sulfur. p. 8 grm.
Natri chlorati 1 grm.
Methylviolett 5B—0,025.

[1]) Journal des sciences medic. de Lille. 1885. Zeitschrift für wissenschaftl Mikroskopie. 1885.

Готовится она такъ: 80 кб. ц. воды смѣшивается съ глицериномъ и въ смѣси растворяется methylviolett; въ другихъ 80 кб. ц. воды растворяютъ соли. Обѣ смѣси сливаются вмѣстѣ и фильтруются. Фильтрованная она идетъ для разведенія крови; черезъ 10 минутъ окрашиваніе элементовъ наступаетъ, черезъ 20 минутъ достигается maximum окраски. Перенеся каплю смѣси въ счетную камеру надо ждать полнаго осѣданія шариковъ нѣсколько дольше, чѣмъ съ другими жидкостями, такъ какъ благодаря глицерину уд. вѣсъ жидкости больше. Въ общемъ, способъ этотъ беретъ времени больше, но эта потеря вполнѣ окупается изящностью и наглядностью препарата.

Иногда бываетъ важно знать главнымъ образомъ взаимное отношеніе бѣлыхъ шариковъ къ краснымъ. Тогда примѣняется слѣдующій пріемъ. Съ обычными предосторожностями полученную черезъ уколъ пальца малую каплю крови переносятъ на предметное стекло, а сверхъ нея прибавляютъ каплю физіологическаго раствора поваренной соли и обѣ капли смѣшиваютъ. Покрывъ осторожно покровнымъ стекломъ, ждутъ нѣсколько минутъ, пока шарики осядутъ. Тогда препаратъ переносится подъ микроскопъ и съ малымъ увеличеніемъ (200—300) разсматривается. Очень удобно, если въ окуляръ между чечевицами вставить при этомъ т. наз. сѣтчатый окуляръ. Тогда поле зрѣнія представляется раздѣленнымъ на квадраты, въ которыхъ и сосчитываются красные и бѣлые шарики. Раздѣляя число красныхъ шариковъ на число бѣлыхъ получаемъ искомое отношеніе. Надо только остерегаться взять большую каплю крови; тогда элементы лежатъ слишкомъ густо и счетъ ихъ неудобенъ. Лучше тогда приготовить новый препаратъ.—Жидкость Toison и здѣсь вполнѣ умѣстна.

Число бѣлыхъ шариковъ крови.

Результаты счисленій количества бѣлыхъ шариковъ въ нормальной крови здороваго взрослаго человѣка у разныхъ авторовъ оказываются далеко не такъ согласны между собою, какъ то мы видѣли для красныхъ шариковъ.

Первый высчиталъ *Welker*. Онъ нашелъ въ 1 кб. м. крови 13,300 шар., а отношеніе къ краснымъ 1:350. Это невѣрное обозначеніе вошло во многіе учебники.

Другіе авторы считали въ 1 кб. м. отъ 4000—9000 шариковъ при отношеніяхъ 1: 357 (*Moleschott* [1]) и 1: 1500 (*Patrigeon* [2]).

За среднее число можно принять съ извѣстной достовѣрностью—6000—8000 въ 1 кб. м. при отношеніи 1: 500—800.

Огромная разница въ числахъ скорѣе всего объясняется различными физіологическими состояніями изслѣдуемыхъ, не принятыми во вниманіе.

Содержаніе лейкоцитовъ, какъ уже упоминалось, мѣняется значительно подъ вліяніемъ цѣлой массы условій даже физіологическихъ; возрастъ, время принятія пищи, характеръ сосуда, величина его, кровяное давленіе, скорость теченія крови,—все оказываетъ вліяніе на число лейкоцитовъ. Если прибавить еще, что существуетъ взглядъ, будто уже при выходѣ изъ сосуда часть бѣлыхъ шариковъ погибаетъ,—то будетъ понятно, что мы можемъ имѣть только приблизительныя среднія цифры.

Колебанія средняго числа бѣлыхъ шариковъ въ крови наблюдаются очень часто и въ сторону увеличенія, и въ сторону уменьшенія.

1. Увеличеніе числа лейкоцитовъ.

Еще *Virchow*, устанавливая понятіе о лейкэміи, указалъ на разницу между хроническимъ стойкимъ увеличеніемъ числа бѣлыхъ шариковъ крови, какъ при лейкэміи, и временнымъ скопленіемъ лейкоцитовъ, которое онъ называлъ лейкоцитозомъ. Первое есть самостоятельное страданіе, второе—симптомъ. Рѣшающимъ моментомъ, по Virchow'у, являлась разница въ степени наростанія лейкоцитовъ въ крови.—Теперь этотъ признакъ утратилъ свое значеніе. Какъ бываютъ безспорные случаи лейкэміи съ 15000 шариковъ и менѣе, такъ съ другой стороны извѣстны случаи инфекціонныхъ лейкоцитозовъ съ громаднымъ количествомъ бѣлыхъ шариковъ—до 100,000. Болѣе вѣрнымъ представляется другой гэматологическій критерій: лейкоцитозъ характеризуется временнымъ умноженіемъ лейкоцитовъ, притомъ формъ всегда существующихъ въ нормальной крови; при лейкэміи же, напротивъ, мы находимъ хроническое прогресивное наростаніе лейкоцитовъ,

---

[1]) Wiener med. Wochenschr., 1854. № 8.

[2]) Thèse de Paris. 1877.

различно качественно измѣненныхъ и въ формахъ, никогда въ нормальной крови не встрѣчающихся (элементы изъ костнаго мозга, одноядерные нейтрофилы, эритрокаріоциты и т. д.).

Что касается до лейкоцитоза въ частности, то различаютъ лейкоцитозъ физіологическій—увеличеніе числа бѣлыхъ шариковъ въ крови здоровыхъ людей при извѣстныхъ условіяхъ, и лейкоцитозъ патологическій—увеличеніе числа лейкоцитовъ вслѣдствіе болѣзни.

А. Лейкоцитозъ физіологическій. Уже во время пищеваренія, по большинству авторовъ, значительно возрастаетъ количество бѣлыхъ шариковъ крови.

Это увеличеніе начинается вскорѣ послѣ принятія пищи, достигаетъ maximum'а часа черезъ 3—4, возрастая процентовъ на 20; нормальное отношеніе видовъ шариковъ при этомъ обычно сохраняется. У здоровыхъ съ хорошимъ пищевареніемъ это увеличеніе сказывается рѣзче, чѣмъ у больныхъ съ слабымъ пищевареніемъ; наиболѣе рѣзко въ дѣтскомъ возрастѣ. По наблюденіямъ *Müller*'а [1]), пищеварительный лейкоцитозъ вовсе отсутствуетъ при хлорозѣ, анэміи и при патологическихъ измѣненіяхъ въ пищеварительномъ аппаратѣ, напр. при ракѣ желудка.

Причиной этого увеличенія, по однимъ является раздражающее вліяніе продуктовъ разложенія бѣлка, напр. пептона, на лейкоциты. Это подтвердили многіе авторы, находя лейкоцитозъ особенно выраженнымъ послѣ бѣлковой пищи. Другіе-же (*Hayem*) принимаютъ, что пища растительная и жирная, напр. молоко, особенно способствуетъ развитію лейкоцитоза.

Возможно и еще одно объясненіе пищеварительнаго лейкоцитоза. Ко времени развитія его—всасываніе пищевыхъ веществъ бываетъ уже значительнымъ; питательныя вещества, поступая въ лимфу, увеличиваютъ ея количество, и усиливаютъ ея теченіе, съ которымъ и выносится въ кровь изъ лимфатическихъ железъ большое число клѣтокъ, производя пищеварительный лейкоцитозъ. Разнородность элементовъ въ железахъ (лимфоциты) и въ крови (нейтрофилы) не говоритъ противъ такого предположенія, такъ какъ большинство ученыхъ (*Lövitt*, *Усковъ*, *Ehrlich*) допускаютъ переходъ лимфоцитовъ въ лейкоциты.

---

[1]) Prager medicin. Wochenschr. 1890, № 12—19.

2. Затѣмъ во время беременности, особенно во второй половинѣ, наблюдается лейкоцитозъ. Еще *Virchow* указывалъ на наростаніе числа бѣлыхъ шариковъ прямо по мѣсяцамъ и связывалъ этотъ фактъ съ увеличеніемъ емкости лимфатическихъ сосудовъ матки и съ большимъ оживленіемъ обмѣна и наростаніемъ поясничныхъ и паховыхъ лимфатическихъ железъ. Счисленія *Rieder*'а [1]) у 31 беременной дали числа для бѣлыхъ шариковъ внѣ пищеваренія (10—16.000), въ среднемъ 13000 шар. въ 1 кб. млм. крови. Почти третья часть лейкоцитовъ при этомъ одноядерны. Послѣ родовъ лейкоцитозъ возрастаетъ еще, доходя до 18—19000 шариковъ, и черезъ мѣсяцъ бываетъ еще равнымъ 8—9000.

3. Часто встрѣчается лейкоцитозъ у новорожденныхъ, сильнѣе всего на 3—4 день жизни, и достигаетъ двойной, тройной величины взрослаго (18000 *Hayem*; 19000 *Cadet* [2]). Въ ближайшіе дни съ паденіемъ вѣса тѣла ребенка падаетъ и лейкоцитозъ, доходя до числа шариковъ взрослаго человѣка, но ко 2-ой 3-ей недѣлѣ онъ снова появляется. У ребенка всегда число лейкоцитовъ выше, чѣмъ у взрослаго и держится на 7—9000 въ 1 кб. млм. крови.

Если принять во вниманіе, что у новорожденнаго бываетъ больше нормы и красныхъ шариковъ и гэмоглобина, то можно видѣть въ этомъ цѣлесообразное приспособленіе для приданія большей сопротивляемости организму, столь рѣзко мѣняющему свою среду и питаніе.

Б. Лейкоцитозъ патологическій. При болѣзняхъ, патологически, колебанія въ числѣ бѣлыхъ шариковъ достигаютъ еще большихъ размѣровъ.

Такъ на первомъ мѣстѣ лейкоцитозъ наблюдается въ цѣломъ рядѣ острыхъ заболѣваній; это т. наз. воспалительный лейкоцитозъ—состояніе, болѣе тщательно изслѣдованное только въ послѣднее время, но высокое значеніе котораго для дифференціальной діагностики и для прогноза несомнѣнно. Къ этой группѣ принадлежатъ не только чистыя воспаленія, но и всѣ заболѣванія, связанныя съ воспалительными процессами въ разныхъ органахъ, особенно, если въ страданіи принимаютъ участіе лимфатическія железы (*Virchow*). Таковы всѣ воспа-

---

[1]) Beiträge zur Kenntniss d. Leukocytose. Leipzig, 1892.

[2]) Etude physiologique sur les éléments figurés du sang et en particulier sur les hématoblastes. Th. d. Paris, 1881.

лительные процессы съ исходомъ въ нагноеніе и большинство инфекціонныхъ болѣзней: экссудативныя и гнойныя воспаленія серозныхъ оболочекъ (pleuritis, meningitis, peritonitis) рожа, osteomyelitis, туберкулезъ, оспа, сапъ, острый суставной ревматизмъ, острый нефритъ, f. recurrens. Въ среднемъ при этихъ болѣзняхъ находятъ 15—20.000 шариковъ въ 1 кб. млм. крови.

Наиболѣе рѣзко сказывается лейкоцитозъ при фибринозной пневмоніи. Увеличеніе числа шариковъ начинается уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ вступительнаго знобa, раньше чѣмъ обнаруживаются какія нибудь замѣтныя измѣненія въ легкихъ; быстро число лейкоцитовъ поднимается до 30—50.000 въ 1 кб. млм.; черезъ сутки оно нѣсколько падаетъ, но до самаго кризиса все остается повышеннымъ. По наблюденіямъ *Pick'*а [1]), лейкоцитозъ исчезаетъ за нѣсколько часовъ до кризиса, т. е. еще на высотѣ экссудативнаго процесса. По *Кикодзе*, дѣло стоитъ иначе: наканунѣ кризиса замѣчается новое приращеніе числа лейкоцитовъ, а затѣмъ уже вмѣстѣ съ температурнымъ кризисомъ наступаетъ и кризисъ кровяной: количество бѣлыхъ шариковъ рѣзко, вмѣстѣ съ t, падаетъ до нормы или даже ниже ея. Увеличеніе числа лейкоцитовъ при pneum. cruposa идетъ на счетъ многоядерныхъ элементовъ, перезрѣлыхъ; число одноядерныхъ даже уменьшается; число эозинофильныхъ клѣтокъ тоже не измѣняется. Многоядерныхъ имѣемъ до 90% вмѣсто 75% и лимфоцитовъ 9—10% вмѣсто 25%. Вмѣстѣ съ кризисомъ уменьшается и количество перезрѣлыхъ элементовъ въ крови (*Кикодзе* [2]).

Лейкоцитозъ развивается также и помимо всякаго воспаленія. Наиболѣе рѣзко видно это при кахексіяхъ напр. при злокачественныхъ новообразованіяхъ, особенно при ракѣ. При саркомѣ количество лейкоцитовъ повышается еще болѣе, а при эпителіомахъ—не измѣняется. Это фактъ большой важности для діагностики въ сомнительныхъ случаяхъ. (*Hayem et Alexandre* [3]). Въ одномъ случаѣ мелкоклѣточковой саркомы Hayem нашелъ 50.000 лейкоцитовъ, а въ случаѣ рака щитовидной железы—даже 70.000.—При многихъ изнурительныхъ болѣзняхъ, при длительномъ голоданіи съ явленіями втори-

---

[1]) Prager medic. Wochenschrift, 1890, № 24.

[2]) Патол. анатомія крови при крупозн. воспал. легкихъ 1890 Дисс.

[3]) De la leukocytose dans les cancers. 1887. These de Paris.

чной анэміи, при бугорчаткѣ, при длительномъ нагноеніи костей тоже замѣчается лейкоцитозъ.

Полагаютъ, что при этихъ условіяхъ происходитъ отравленіе организма черезъ всасываніе токсиновъ и лейкомаиновъ.

Далѣе лейкоцитозъ наблюдается послѣ тяжелыхъ кровепотерь.— Въ первые моменты съ уменьшеніемъ массы крови уменьшается и количество лейкоцитовъ наряду съ эритроцитами; но вскорѣ наступаетъ значительное наростаніе бѣлыхъ шариковъ (1:1), что объясняется усиленнымъ притокомъ лимфы, вымывающей лейкоцитовъ изъ лимфатическихъ железъ, гдѣ происходитъ живая ихъ регенерація.

Извѣстенъ также лейкоцитозъ предсмертный, агоническій. Онъ наблюдается при самыхъ разныхъ болѣзняхъ и стоитъ въ связи съ продолжительностью агоніи. Чѣмъ причинно вызывается онъ, съ точностью неизвѣстно. Можетъ быть, тутъ имѣетъ значеніе паденіе кровянаго давленія, а можетъ быть, и всасываніе какихъ либо токсическихъ продуктовъ. Во всякомъ случаѣ, передъ концомъ жизни замѣчается повышеніе въ крови числа бѣлыхъ шариковъ.

Мы говорили выше о пищеварительномъ лейкоцитозѣ, о воспалительномъ, о кахектическомъ, объ агональномъ. Можно еще вызвать лейкоцитозъ искусственно химическимъ дѣйствіемъ веществъ. *Pohl* [1]) доказалъ, что подъ вліяніемъ эфирныхъ маселъ, горькихъ средствъ, и нѣкоторыхъ алкалоидовъ (кромѣ хинина и коффеина) число бѣлыхъ шариковъ крови увеличивается. Это такъ сказать лекарственный лейкоцитозъ.

Далѣе изучалось (*Limbeck* [2]) дѣйствіе микробовъ на образованіе бѣлыхъ шариковъ крови. Найдено, что присутствіе низшихъ организмовъ значительно увеличиваетъ ихъ число: инъекція въ колѣно разводки staphylococcus aureus поднимаетъ въ первый же день число лейкоцитовъ крови до 30.000 и до 35.000 на второй. Механизмъ такого инфекціоннаго лейкоцитоза изученъ въ послѣднее время *Pernice u Alessi* [3]). Прививка патогеннаго микроба сейчасъ-же измѣняетъ количество лейкоцитовъ пропорціонально впрыснутой дозѣ. Число красныхъ шариковъ уменьшается. Изъ цѣлаго ряда испытанныхъ микробовъ (сибирская язва, тифъ, пнеймококкъ, столбнякъ, дифтеритъ,

[1]) Archiv für experiment. Pathologie u. Pharmacologie. 1888, XXV.

[2]) Grundriss einer klinischen Pathologie des Blutes. Jena. 1892.

[3]) Цитир. по Labadie Lagrave. Traité des maladies du sang. Paris. 1893.

холера) самымъ сильнымъ оказался staphylococcus pyogenes aureus. Количество бѣл. шариковъ при внутренней инъекціи возросло до 130 000; подкожное введеніе дало поразительное число—218.000 лейкоцитовъ.

Эти случаи говорятъ даже за возможность инфекціонныхъ лейкэмій.

II Уменьшеніе числа лейкоцитовъ.

Уменьшеніе числа бѣлыхъ шариковъ наблюдается гораздо рѣже увеличенія.

Такъ оно бываетъ при общемъ уменьшеніи крови въ первое время параллельно съ уменьшеніемъ эритроцитовъ.

Значительное паденіе числа бѣлыхъ шариковъ отмѣчено на высотѣ лихорадочнаго приступа болотной лихорадки (меньше 3000), причемъ съ паденіемъ t изсчезаетъ и это уменьшеніе, замѣняясь повышеніемъ (до 8000) (*Романовскій* [1]).

Затѣмъ описано уменьшеніе числа бѣлыхъ шариковъ при брюшномъ тифѣ.

По *Hayem*'у [2]) въ затяжныхъ случаяхъ количество лейкоцитовъ можетъ упасть до 2000; паденіе это рѣзко замѣтно въ концѣ третьей недѣли. Болѣе подробно изученъ этотъ вопросъ русскими авторами (*Усковъ* [3]) *Хетагуровъ* [4]). Уменьшеніе касается главнымъ образомъ перезрѣлыхъ элементовъ, нейтрофиловъ, многоядерныхъ шариковъ: ихъ остается иногда меньше 50%. Это явленіе достигаетъ maximum'а въ концѣ 2-ой и въ теченіе 3-ей недѣли. Съ 4-ой недѣли количество нейтрофиловъ начинаетъ снова возрастать, достигая нормы около 6 недѣли.—Одновременно наблюдается повышеніе процента молодыхъ элементовъ, лимфоцитовъ и главнымъ образомъ зрѣлыхъ, переходныхъ; количество послѣднихъ такъ возрастаетъ, что нормальное ихъ отношеніе къ молодымъ—1:3 замѣняется обношеніемъ—1:1,5.

Менѣе рѣзкое уменьшеніе числа бѣлыхъ шариковъ наблюдается при цингѣ, при anaemia perniciosa, при высшихъ степеняхъ глистнаго малокровія и, по нѣкоторымъ авторамъ, при кори.

---

[1]) Врачъ 1890 № 52.

[2]) l. c.

[3]) l. c.

[4]) Измѣненія крови при брюшномъ тифѣ Дисс. СПБ. 1891.

Совершенно своеобразно увеличеніе числа бѣлыхъ шариковъ при лейкэміи.

Здѣсь оно длительно, прогрессивно, достигаетъ крайнихъ предѣловъ и составляетъ сущность болѣзни. Въ развитыхъ случаяхъ число бѣлыхъ шариковъ бываетъ до 500,000 и болѣе въ 1 кб. млм. крови. Такъ какъ при этомъ одновременно рѣзко уменьшается и число эритроцитовъ, падая до 3—2 милліоновъ и ниже, то взаимное отношеніе бѣлыхъ шариковъ къ краснымъ вовсе извращается: вмѣсто нормальнаго отношенія 1:500—700 имѣемъ 1:20—10, даже въ случаяхъ средней тяжести; въ тяжелыхъ-же число бѣлыхъ можетъ стать равнымъ числу красныхъ. *Fleischer* видѣлъ отношеніе 1,15: 1,05; *Sörensén*—1,7: 1,1; *Sticker* даже 1:0,6.

Virchow въ своихъ работахъ о лейкэміи различалъ 2 основныя формы болѣзни: лимфатическую, если въ крови преобладаютъ лимфоциты и селезеночную при преобладаніи лейкоцитовъ. Допускалась и смѣшанная форма. Послѣдняя встрѣчается наичаще, чисто лимфатическая—всего рѣже. Позднѣе *Neumann* [1]), а также *Mosler* [2]) доказали, что есть формы лейкэміи съ преимущественнымъ пораженіемъ костнаго мозга и стали различать еще міэлогенную или медуллярную форму лейкэміи.

Въ настоящее время это дѣленіе большаго значенія не имѣетъ. Мы знаемъ, что мелкіе сходные съ лимфоцитами элементы всегда бываютъ въ крови и при пораженіи селезенки отъ гиперплязіи мальпигіевыхъ тѣлецъ ея; съ другой стороны крупные шарики бываютъ какъ селезеночнаго, такъ и костномозговаго происхожденія.

Болѣе важна безспорно доказанная *Ehrlich'ом* при лейкэміи наличность измѣненій бѣлыхъ шариковъ не только въ количественномъ отношеніи, но и въ качественномъ,—почему при распознаваніи этой болѣзни всегда желательно примѣненіе окрашиванія сухихъ препаратовъ крови.

Такъ не рѣдко встрѣчаются клѣтки съ базофильной зернистостью, въ нормальной крови почти отсутствующія.—Въ одноядерныхъ элементахъ открывается нейтрофильная зернистость, присущая только многоядернымъ шарикамъ въ нормѣ.—Извращается отношеніе лейко-

---

[1]) Arch. d. Heilkunde 1869, XI и XIV. Berlin klin. Wochenschr. 1878 № 6.

[2]) Berlin. klinische Wochenschr. 1876 № 49.

цитовъ одно и многоядерныхъ: на 100 шариковъ встрѣчается до 80 одноядерныхъ при 20 многоядерныхъ т. е. обратное тому, что наблюдается обычно.—Указаніе *Ehrlich'a* на высокое значеніе наростанія эозинофиловъ при лейкэміи, какъ доказано, представляется не совсѣмъ правильнымъ. Наростаніе нормальныхъ эозинофиловъ крови встрѣчается нерѣдко и помимо лейкэміи; для лейкэміи-же важно нахожденіе въ крови т. наз. Markzellen, мозговыхъ клѣтокъ, большихъ одноядерныхъ съ нейтрофильной зернистостью, которыя могутъ быть и эозинофильныя, но совершенно отличныя по своимъ свойствамъ отъ эозинофиловъ нормальной крови, какъ о томъ была рѣчь въ соотвѣтствующей главѣ.

Гэматобласты (Hayem). Пластинки (Bizzozero).

Гэматобласты являются третьимъ форменнымъ элементомъ нормальной крови, наряду съ красными и бѣлыми шариками.

Образованія эти—бѣлковой натуры, очень малой величины, отличаются крайней легкостью измѣненія и распаденія. Поэтому долгое время они оставались безъ должнаго изученія и причислялись къ зернистостямъ крови. Тѣже ихъ свойства, сильно затрудняющія наблюденіе, вѣроятно, причиной того, что и до сихъ поръ взгляды на гэматобласты у разныхъ авторовъ рѣзко противурѣчивы.

Только въ 1865 г. *M. Schultze* первый различилъ и описалъ ихъ, какъ особыя „зернистыя тѣльца", но собственно *Hayem* въ 1876 г. основательно ознакомился съ ихъ анатомическими и физіологическими свойствами. *Hayem* первый призналъ ихъ постоянное нахожденіе въ крови у всѣхъ позвоночныхъ при здоровомъ и больномъ состояніи и тщательнымъ изученіемъ опредѣлилъ ихъ роль въ организмѣ.

Hayem приписываетъ гэматобластамъ видное участіе при процессѣ свертыванія крови и при новообразованіи крови, принимая ихъ за ранній стадій развитія гэматій.

Я не имѣю возможности подробно излагать его разсужденія по этому вопросу, но приведу вкратцѣ основанія, побудившія его къ такому заключенію.

Прежде всего высокая ранимость и измѣнчивость гэматобластовъ безспорно говоритъ за то, что передъ нами элементы молодые,

недозрѣлые, съ незаконченнымъ еще химическимъ сложеніемъ.—Затѣмъ поражаетъ аналогія въ строеніи гэматобластовъ и гэматій: характерную форму диска встрѣчаемъ ясно выраженной у многихъ гэматобластовъ; у человѣка при безъядерныхъ гэматіяхъ и гэматобласты лишены ядра, а у животныхъ при гэматіяхъ съ ядромъ и гэматобласты снабжены имъ; обоимъ элементамъ присущи: нерастворимая строма, гомогенность, гладкость, одинаковость отношеній къ извѣстнымъ реактивамъ.—У обоихъ строма является опорой для другаго органическаго вещества.—Единственной разницей является содержаніе гэмоглобина въ гэматіяхъ, легко покидающаго однако ихъ при многихъ обстоятельствахъ. Но и гэматобласты, съ другой стороны, не всѣ вовсе лишены окраски. Въ патологическихъ случаяхъ, при малокровіи, въ крови легко наблюдаются элементы, переходные отъ гэматобластовъ къ гэматіямъ и мало отличимые отъ globules nains. Эти гэматобласты, большіе относительно по величинѣ, не представляются безцвѣтными, а содержатъ нѣкоторое количество красящаго вещества и оказываютъ большую стойкость при распаденіи. Наконецъ, въ болѣзняхъ наблюдается прямая связь въ колебаніяхъ числа гэматій и гэматобластовъ въ крови.

Несмотря на убѣдительность теоріи *Hayem*'а, особенно при чтеніи его работы, многіе авторы не согласны съ изложеннымъ взглядомъ на роль гэматобластовъ. Нѣкоторые (Neumann, Löwit) считаютъ ихъ даже за искусственный продуктъ распада форменныхъ элементовъ или производнымъ глобулина плазмы. Послѣ изслѣдованій *Bizzozero* [1]), *Лавдовскаго* [2]) и др., доказавшихъ присутствіе гематобластовъ въ живой циркулирующей крови животныхъ, этотъ взглядъ удержаться не можетъ.

Приготовленіе препаратовъ. Говорить о формѣ и видѣ гэматобластовъ трудно, въ виду того, что по выходѣ изъ сосуда они быстро измѣняются, образуя зернистыя кучки.

Въ общемъ описываютъ ихъ какъ безцвѣтные, 1,8 μ въ діаметрѣ элементы, формы самой разнообразной, кругловатой, овальной, дисковидной. Видѣть ихъ въ возможно неизмѣненномъ видѣ можно

---

[1]) Virchow's Archiv 1882. XC. Centralbl. f. medic. Wissensch. 1882.

[2]) Врачъ 1883 № 11.

только при извѣстныхъ приспособленіяхъ и только въ самый первый моментъ выхода ихъ изъ сосуда.

Наует предлагаетъ слѣдующій пріемъ: на тщательно очищенномъ предметномъ стеклѣ капельками параффина укрѣпляется на 4 углахъ покровное стеклышко, и такъ образуется капиллярное пространство для крови.

Стекло ставятъ въ фокусѣ микроскопа съ большимъ увеличеніемъ. Черезъ уколъ полученную каплю крови прямо съ пальца помѣщаютъ у края покровнаго стекла. Кровь быстро устремляется въ капиллярное пространство, но мѣстами въ немъ движется медленнѣе. Выбравъ такое мѣсто, его наблюдаютъ: между красными и бѣлыми шариками замѣчаютъ очень маленькія тѣльца, нѣжныя и блѣдныя, въ первое премя похожія на маленькіе красные шарики; но очень быстро они измѣняются, становятся шиповаты, прилипаютъ къ стеклу и собираются въ кучки, превращаясь въ зернистыя массы.

Эти послѣдовательныя измѣненія задерживаются низкой температурой, и потому наблюденіе бываетъ удачнымъ только на холоду при t около 0^0. Красные шарики складываются въ столбы, а вездѣ въ лакунахъ замѣчаются гэматобласты по нѣскольку. Они очень блѣдны, но видны отчетливо; нѣкоторые дисковидны, большинство шаровидны; многіе—вытянуты и имѣютъ вродѣ ножки; всѣ гомогенны, гладки съ поверхности, имѣютъ видъ коллоиднаго вещества.

Кромѣ холода есть нѣкоторые реактивы, фиксирующіе наряду съ другими элементами и гэматобласты. Сюда относится—1% водный растворъ осміевой кис. и смѣсь *Бицоцеро*: 1 ч. воднаго 1% раствора осміевой к. и 2 ч.—0,75% воднаго раствора поваренной соли.

Для окраски гэматобластовъ тотъ же авторъ рекомендуетъ растворъ 1 ч. метильвіолетта на 5000 частей физіологическаго раствора поваренной соли.

Афанасьевъ [1]) предлагаетъ особую пептонную жидкость для той же цѣли. Основаніемъ служитъ наблюденіе Schmidt—Mühlheim'a, что пептонъ, впрыснутый въ кровь, лишаетъ послѣднюю способности створаживаться. Составъ жидкости: aq. destillatae—100 кб. ц., метильвіолеттъ—0,01; чистаго сухаго пептона и поваренной соли поровну—

---

[1]) Врачъ, 1884, № 16; Deut. Arch. f. klin. Med., 1884 XXXV.

0,6. Такъ какъ жидкость эта быстро разлагается, то полезно прибавить къ ней на 100 кб. ц. 1 grm. какого нибудь противубродильнаго вещества, напр. камфоры. По приготовленіи жидкость кипятится, фильтруется и хранится въ колбахъ съ ватными пробками.

Что касается до техники, то достаточно, очистивши кожу пальца, помѣстить на него каплю жидкости и черезъ нее сдѣлаетъ уколъ. Лучше способствуетъ сохраненію растворъ осміевой к., чѣмъ метилвіолетта; при послѣднемъ часто получается осадокъ въ видѣ окрашенныхъ зернышекъ.

Для изслѣдованія гэматобластовъ въ виду ихъ блѣдности надо пользоваться хорошимъ объективомъ съ гомогенной иммерсіей. Полезно покрыть масломъ края покрывательнаго стекла, съ цѣлью предотвратить появленіе токовъ жидкости, которые могли-бы возникнуть вслѣдствіе испаренія.

Гэматобласты хорошо сохраняются и на препаратахъ сухой крови, при условіи быстрой работы. Такъ какъ они прилипаютъ къ стеклу, то ихъ надо искать въ мѣстѣ перваго прикосновенія крови къ стеклу.

Значеніе гэматобластовъ при свертываніи крови весьма велико и единогласно признается.

Если приготовить быстро, но съ осторожностью, препаратъ жидкой крови и разсматривать его при большомъ увеличеніи (800), то увидимъ обычную картину свертыванія крови. Въ лакунахъ вмѣстѣ съ бѣлыми шариками и отдѣльными красными лежатъ и гэматобласты. Они рѣдко видны изолированными, больше кучками и уже измѣненные; въ кучкахъ—периферическая часть уже мелкозерниста, а центральная болѣе прозрачна, сильнѣе преломляетъ свѣтъ и состоитъ еще изъ отдѣльныхъ тѣлецъ, склеившихся между собой. Первое измѣненіе гэматобластовъ въ выпущенной крови—нѣкоторое съеживаніе и выдѣленіе вокругъ какого-то вещества, чрезвычайно клейкаго, чѣмъ и обусловливается собираніе элементовъ въ кучки. Сперва всетаки отдѣльныя тѣльца ясны, затѣмъ все мутнѣетъ, сливается, и отъ краевъ этихъ скопленій отходитъ цѣлый рядъ тонкихъ отростковъ по различнымъ направленіямъ. Количество ихъ все увеличивается и скоро подъ микроскопомъ видна цѣлая сѣть нитей, всевозможно переплетающихся и видимо исходящихъ изъ гематобластовъ, такъ какъ всякій отростокъ представляется шире и толще въ мѣстѣ отхода и все истончается по мѣрѣ развѣтвленія.

Счисленіе гэматобластовъ. При счисленіи гэматобластовъ придерживаются тѣхъ-же правилъ и пользуются тѣми-же приборами, что для счета другихъ форменныхъ элементовъ крови. Разница лишь въ томъ, что требуется большее увеличеніе въ микроскопѣ.

Hayem, впрочемъ, беретъ камеру, имѣющую въ глубину не $^1/_5$ mlm., а только $^1/_{10}$ mlm.; покровное стеклышко берется болѣе тонкое. Чтобы при вычисленіи мочь пользоваться обычнымъ для инструмента множителемъ—31,000, надо брать на тоже количество сыворотки двойное количество крови, т. е. не 2 кб. млм., а 4. Для точности счисленія надо просмотрѣть по крайней мѣрѣ 40 большихъ квадратовъ.

Афанасьевъ при своей работѣ пользовался приборомъ Thoma-Zeiss'a и пептонной жидкостью. Она не измѣняетъ гэматіи, ядрамъ лейкоцитовъ придаетъ фіолетовую окраску и окрашиваетъ также слегка въ массѣ гэматобласты въ голубоватый цвѣтъ. Для точности требуется счисленіе во всѣхъ 16 большихъ квадратахъ сѣтки камеры.

Бицоцеро палагаетъ, что никакими приборами нельзя произвести точнаго счисленія гэматобластовъ: въ силу ихъ клейкости они пристаютъ къ стѣнкамъ разныхъ приборовъ при изслѣдованіи и теряются для счета. Онъ совѣтуетъ лучше примѣнить, указанный на—страницѣ пріемъ, т. е. опредѣлить въ каплѣ крови отношеніе числа красныхъ шариковъ къ числу гэматобластовъ, а затѣмъ, отдѣльно сосчитавъ число красныхъ шариковъ, вывести уже и число гэматобластовъ.

Количество гэматобластовъ. Въ этомъ направленіи извѣстны работы *Hayem*'а, *Cadet* и *Афанасьева.*

По *Hayem*'у въ среднемъ 1 кб. млм. здоровой крови содержитъ 250,000 гэматобластовъ, т. е. въ 40 разъ больше чѣмъ бѣлыхъ и въ 20 разъ меньше чѣмъ красныхъ.

Таблицы *Cadet*, составленныя изъ наблюденій у 108 здоровыхъ людей, показываютъ, что 2 раза найдено число ниже 200,000 и 4 раза выше 300,000. У одного и того-же лица при повторныхъ счисленіяхъ число колебалось между 240,000 и 290,000. Отсюда выводъ, что ненормальнымъ слѣдуетъ считать количество гэматобластовъ ниже 200,000 и выше 300,000 въ 1 кб. млм. крови.

Афанасьевъ даетъ тѣже цифры для предѣльныхъ колебаній. Найдено-же имъ въ 3 случаяхъ: 231,000—235,000—242,000.

Въ болѣзняхъ колебанія числа гэматобластовъ бываютъ громадны въ ту и другую сторону, отъ 50,000 до 850,000 въ 1 кб. млм. крови.

При этомъ характерно, что эти колебанія могутъ быть безпримѣрно рѣзки: за сутки число гэматобластовъ можетъ измѣниться вдвое и втрое.

Обѣдненіе крови гэматобластами наблюдается при длительномъ воздержаніи отъ пищи, такъ-же при лихорадочныхъ болѣзняхъ. Здѣсь вредно вліяетъ видимо сама лихорадка, такъ какъ съ прекращеніемъ ея еще до измѣненія діэты число гэматобластовъ замѣтно возрастаетъ. Особенно рѣзко уменьшеніе при затянувшемся брюшномъ тифѣ, гдѣ соединяются два момента: голоданіе и лихорадка. Передъ концомъ такихъ формъ болѣзни *Hayem* наблюдалъ 100,000 и даже 50,000 только.

Далѣе при anaemia perniciosa и при разныхъ кахексіяхъ, напр. раковой, незадолго передъ смертью наблюдается такое же большое паденіе числа гэматобластовъ, какъ выраженіе остановки продукціи этихъ элементовъ. Поэтому при этихъ болѣзняхъ рѣзкое паденіе числа гэматобластовъ всегда предвѣщаетъ близкій конецъ.

Есть однако случаи, гдѣ уменьшеніе числа гэматобластовъ можетъ быть благопріятнымъ. Это въ тѣхъ случаяхъ, всегда не рѣзкихъ, гдѣ одновременно замѣчается наростаніе количества гэматій.

Увеличеніе числа гэматобластовъ наблюдается часто. Оно бываетъ то временно, дня 2—3, составляя главный симптомъ т. наз. кровянаго кризиса, то увеличеніе остается прочно на долгое время.

Временное скопленіе гэматобластовъ въ крови наблюдается послѣ обильныхъ потерь крови и послѣ острыхъ болѣзней; тогда оно благопріятно, какъ выраженіе усиленнаго возрожденія крови, утраченной въ болѣзни. Такое наростаніе наблюдается и при критическомъ, и при литическомъ окончаніи болѣзни.

Стойкое и сильное увеличеніе гэматобластовъ наблюдается во многихъ хроническихъ болѣзняхъ съ глубокими разстройствами питанія во время ихъ теченія, напр. при лэйкеміи, при хлорозѣ. Число гэматобластовъ поднимается до 800,000—900,000 въ 1 кб. млм. крови. При этомъ обычно и сами гэматобласты измѣнены: многіе очень увеличены до 5—6 μ, нѣсколько окрашены гэмоглобиномъ и труднѣе распадаются въ выпущенной крови. Очевидно, что при этихъ болѣзняхъ развиваются въ крови какія-то условія, препятствующія дальнѣйшему созрѣванію гэматобластовъ и превращенію ихъ въ гэматіи.— Тутъ это увеличеніе наблюдается однако до наступленія тяжелой сте-

пени истощенія, а затѣмъ и количество гэматобластовъ начинаетъ падать.

8. Паразиты крови.

При нормальныхъ условіяхъ въ крови человѣка, какъ ткани, отдѣленной отъ внѣшняго міра, не встрѣчается никакихъ микробовъ ни безвредныхъ, ни патогенныхъ; но при нѣкоторыхъ общихъ заболѣваніяхъ болѣзнетворные зародыши проникаютъ наряду съ другими органами и въ кровь, гдѣ и могутъ быть открыты изслѣдованіемъ, какъ микроскопическимъ, такъ и путемъ посѣвовъ крови на разныхъ питательныхъ средахъ. Данныя, полученныя такимъ путемъ, нерѣдко могутъ служить въ практикѣ для установленія распознаванія болѣзни.

Изъ микроорганизмовъ, встрѣчающихся при клиническомъ изслѣдованіи крови въ нашемъ климатѣ, слѣдуетъ преимущественно имѣть въ виду: 1) спириллу возвратнаго тифа, 2) сибиреязвенную палочку, 3) бугорковую, 4) брюшнотифозную, 5) гноеродныхъ микробовъ и 6) гэмоплазмодію болотной лихорадки.

Общій способъ изслѣдованія крови на бактеріи мало отличается отъ обычнаго; только еще больше рекомендуется соблюденіе мѣръ предосторожности въ отношеніи чистоты и обеззараживанія. Прежде всего необходимо озаботиться о полной чистотѣ своихъ рукъ, во избѣжаніе искусственнаго загрязненія препарата. Кровь для наблюденія берется такъ-же изъ пальца руки. Палецъ предварительно обмывается щеткой мыльной водой, обеззараживается растворомъ сулемы (1:1000), тщательно омывается дестиллированной водой, алкоголемъ и эѳиромъ. Высушенный и согрѣтый палецъ укалывается предварительно прокаленной иглой. Первая капля удаляется иглой, вторая берется для изслѣдованія. Къ верхушкѣ ея, не касаясь тѣла, притрогиваются приготовленнымъ покровнымъ стекломъ или переносятъ каплю крови на стекло платиновой петлей. Покровное стекло обычно покрывается другимъ и быстро сдвигается. Затѣмъ производятъ высушиваніе препаратовъ на воздухѣ, что ускоряется помахиваніемъ при держаніи препарата высоко надъ пламенемъ лампы. Весьма важно дождаться полнаго высыханія. Несоблюденіе этого условія неизбѣжно сообщаетъ препаратамъ нѣкоторую мутность и неотчетливость.—За сушеніемъ препаратовъ слѣдуетъ фиксированіе ихъ съ цѣлью перевести бѣлковыя вещества въ нерастворимое состояніе. Это достигается или на-

грѣваніемъ, для чего стекло препаратомъ кверху проводится 5—10 разъ черезъ пламя спиртовой горѣлки,—или погруженіемъ препарата на 20—30 мин. въ смѣсь равныхъ частей абсолютнаго алкоголя и эѳира, что предпочтительнѣе.

По фиксированіи и охлажденіи препараты подвергаются окраскѣ основными анилиновыми красками, проявляющими особое сродство къ ядрамъ и бактеріямъ, какъ Gentianaviolett, Fuchsin, Methylenblau, Bismarkbraun и т. п. Краски берутся въ слабыхъ 1%—2% растворахъ. Дѣйствіе краски существенно усиливается:

1. Нагрѣваніемъ. Можно сперва краску подогрѣть въ пробиркѣ, а послѣ, наливъ на часовое стекло, примѣнить для окрашиванія. Можно также часовое стекло съ краской и плавающимъ на ней препаратомъ подогрѣть надъ пламенемъ до перваго появленія паровъ.

2. Прибавленіемъ щелочи. Охотно употребляется щелочной растворъ Methylenblau *Löffler*'а:

Концентр. алкогол. раствора Methylenblau—30 кб. ц.
Раствора (1:10000) ѣдкаго кали—100 кб. ц.

3. Смѣшеніемъ съ свѣжеприготовленной анилиновой водой.

Въ пробирку съ aq. destill. приливаютъ въ 1 цент. слой анилиноваго масла, сильно взбалтываютъ, фильтруютъ и къ фильтрату въ часовомъ стеклѣ прибавляютъ 2—4 капли алкогольнаго раствора Fuchsin'а или Gentianaviolett.

4. Прибавленіемъ 5% раствора карболовой к. по *Ziehl*'ю:

Употребительный составъ:

Fuchsin или Gentianaviolett 1,0.
Alcohol 10,0.
Ac. carbol. liquefacti 5,0.
Aq. destill. ad 100,0.

Окраска отдѣльныхъ бактерій.

1. *Спирилла возвратнаго тифа.*

Паразитъ этотъ открытъ *Obermeyer*'омъ въ 1873 г. во всѣхъ случаяхъ возвратнаго тифа, какъ причина болѣзни. Уже въ препаратахъ свѣжей крови онъ можетъ быть различаемъ при увеличеніи въ 300—500 разъ и представляется въ видѣ длинной (2—5 разъ больше поперечника краснаго шарика), очень тонкой спиральной бактеріи,

обладающей весьма большой подвижностью въ направленіи длинной оси тѣла; лежатъ спириллы или по одиночкѣ, или клубками, отличаются высокой чувствительностью: прибавленіе даже дестиллированной воды ведетъ за собой ихъ исчезновеніе. Онѣ скопляются въ крови передъ приступомъ и во время его; передъ паденіемъ-же температуры количество ихъ быстро падаетъ.

Окрашиваніе препарата собственно излишне. Красятся онѣ хорошо во всѣхъ водныхъ растворахъ основныхъ анилиновыхъ красокъ. *Günter* рекомендуетъ свой способъ. Сухіе препараты погружаются на 10 секундъ въ 5% уксусную кислоту для удаленія гэмоглобина изъ красныхъ шариковъ. Затѣмъ удаливъ уксусную к. сдуваніемъ и проведеніемъ препарата надъ открытой банкой съ амміакомъ, помѣщаютъ препаратъ на 10 мин. въ анилинововодный растворъ Gentianaviolett.

2. *Палочка сибирской язвы.* При общемъ заболѣваніи, чаще всего вслѣдъ за кишечнымъ или легочнымъ зараженіемъ бактеріи черезъ лимфатическую систему попадаютъ въ общую кровеносную и тамъ размножаются, помѣщаясь всегда между шариками крови, а не въ тѣлѣ ихъ.—По размѣрамъ эта бацилла представляется очень большой и достигаетъ величины краснаго шарика (5—8 μ); на неокрашенныхъ препаратахъ является въ видѣ совсѣмъ прозрачной палочки, неподвижной, съ слегка закругленными краями; въ видѣ сложныхъ нитей въ крови не бываетъ. Окраска производится всѣми слабыми (1—2%) щелочными анил. красками за 1—5 м., особенно Bismarkbraun и Methylenblau *Löffler*'а. Въ послѣдней жидкости препаратъ держится 5—10 мин., промывается въ $^1/_2$% растворѣ уксусной к. нѣсколько секундъ, и обмывается спиртомъ; высушивается и заключается.

3. *Палочка бугорчатки.* Изрѣдка при страданіи миліарной бугорчаткой, бациллы могутъ прорастать стѣнку кровеноснаго сосуда и попадать такимъ образомъ въ кровь. Еще легче это случается при пораженіи d. thoracicus.

Способы обнаруженія бугорковыхъ бациллъ въ крови тѣже, что мы употребляемъ при изслѣдованіи мокроты.

4. *Палочка брюшнаго тифа.* Тифозныя бациллы описаны впервые въ 1880 г. раздѣльно *Klebs*'омъ и *Eberth*'омъ. Главныя ихъ скопленія при болѣзни—въ Пейеровыхъ бляшкахъ и солитарныхъ фоликулахъ тонкихъ кишекъ; иногда-же у людей удавалось ихъ найти и въ крови (*Neuhaus*) приблизительно около конца второй недѣли бо-

лѣзни.—По виду это короткія ($^1/_3$ поперечника краснаго шарика) съ отчетливо закругленными концами, очень тонкія палочки, одаренныя значительной подвижностью; встрѣчаются въ крови только по одиночкѣ.—Бациллы тифа красятся очень хорошо и легко въ щелочи. Methylenblau *Löffler*'а и въ карболовомъ фуксинѣ *Ziehl*'я, но окрашиваніе удерживается слабо; поэтому промыванія алкоголемъ при окраскѣ избѣгаютъ.

5. *Гноеродные микробы.* Они встрѣчаются въ крови при общихъ септическихъ заболѣваніяхъ, при піэміи, при язвенномъ эндокардитѣ и т. п. Чаще всего наблюдается staphylococcus pyogenes aureus.—Окрашиваются обычно анилиновыми красками, а также по *Gram*'у.

6. *Amoebosporidium malariae.* Паразитъ, вызывающій малярію, открытъ *Laveran*'омъ въ 1880 г. и принадлежитъ къ простѣйшимъ споровиковымъ организмамъ, т. е. уже къ царству животному, наряду съ amoeba coli (*Лешъ*) при дизентеріи и съ описанными въ новое время паразитами въ раковыхъ опухоляхъ (*Подвысоцкій, Савченко*). Приведенное выше названіе всего больше подходитъ къ чужеяднымъ маляріи.

Являясь причиной болѣзни, паразиты эти находятся правильно въ каждомъ случаѣ маляріи, исключительно въ крови больныхъ, частью свободно въ плазмѣ, преимущественно-же въ тѣлѣ краснаго кровянаго шарика; здѣсь они ростутъ, уничтожая частично протоплазму шарика, поглощаютъ гэмоглобинъ, переводя его въ зернистый гэматинъ, размножаются и вызываютъ гибель краснаго шарика.

Amoebosporidium malariae представляетъ одноклѣточный организмъ разной величины и формы, съ ядромъ. Свободный въ крови паразитъ обнаруживаетъ амебоидныя движенія, мѣняетъ форму; иногда несетъ нѣсколько длинныхъ подвижныхъ отростковъ, т. наз. бичей.

Паразитъ лежащій въ красномъ шарикѣ, обусловливаетъ постепенное его обезцвѣчиваніе и скопленіе зернистаго пигмента, сперва неправильно разсѣяннаго, а ко времени споруляціи собирающагося въ центрѣ.—Въ періодѣ размноженія паразитъ состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ тѣлецъ, затѣмъ освобождающихся и служащихъ для новаго зараженія.

Указанныя формы паразита наблюдаются въ видахъ маляріи съ правильнымъ теченіемъ температуры и доступныхъ вліянію хинина.—Въ упорныхъ-же злокачественныхъ лихорадкахъ безъ правильнаго

колебанія температуры указаны еще иныя формы паразита, т. наз. Laveraniа или полулунныя тѣла.

Представляютъ-ли собою различныя формы отдѣльные виды гэмоспоридіевъ, или только разныя фазы развитія, не выяснено достовѣрно.

Препараты крови берутъ для изслѣдованія передъ приступомъ или во время начала самаго приступа, когда наблюдается наибольшее содержаніе въ крови гэмоспоридій.

Препараты обычно готовятся, сушатся, фиксируются и окрашиваются по *Хенцинскому* [1]) или *Романовскому* [2]).

1. Берется: концентр. воднаго раств. Methylenblau. . 40 grm.
0,5% (въ 60° алкоголѣ) раств. эозина. . . 20 grm.
Перегнанной воды. . . . . 40 grm.

Препаратъ остается въ краскѣ 24 часа и подлежитъ обычной обработкѣ.

2. Берется стараго насыщеннаго воднаго раствора Methylenblau 1 ч.
Анилиновой воды—1 ч.
1% воднаго раств. эозина—2 ч.

Окраска совершается за $^1/_2$ часа.

Пораженные красные шарики представляются или слабо окрашенными, или обезцвѣченными; внутри шариковъ замѣчаются посторонніе тѣла различной величины и формы, окрашенныя въ синій цвѣтъ; въ нихъ замѣчается скопленіе пигмента.

---

[1]) Къ ученію о микроорганизмахъ маляріи Дисс. 1889, Одесса.

[2]) Врачъ, 1892, № 15.

Матерьялы, касающіеся распространенія проказы въ Терской области.

(Продолженіе).

Станица Павлодольская.

Ст. Павлодольская поселена въ 1787-мъ году изъ казенныхъ крестьянъ Харьковской губерніи. Въ 1825 году зачислена въ линейное войско. При первоначальномъ поселеніи было 262 двора, съ населеніемъ въ 2129 душъ (1030 м., 1099 ж.). Въ 1848 году усилена 50 семействами изъ Харьковской губ.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869 года: 2995 душъ, изъ этого числа 2885 (1429 м., 1456 ж.) казаковъ и 110 (74 м., 36 ж.) посторонніхъ; дворовъ 419. По свѣдѣніямъ 1889 г.: 3732 (1884 м., 1848 ж.), исключительно русскихъ:

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Соколова Аксинья . .	59	М.	—	?	1851 VII	У Козл. не болѣла.
2	Соколова Настасья . .	27	К.	—	?	1862 I	У Козл. † давно. Наша справка по метр.
3	Сараевъ Гавріилъ . .	40	Н. Л.	1865	1848	1865	
4	Сараева Авдотья . .	73	К.	—	1856	1865	Въ метрикахъ нѣтъ.
5	Сараевъ Иванъ . . .	50	М.	—	1866	1873 VI	У К. указаній нѣтъ.
6	Мещерякова Ирина . .	40	Н. Л.	1865—1872	1864	1874 VII	
7	Колотилина Ирина . .	30	М.	—	?	1879 III	

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
8	Кузнецова Дарья . . .	45	М.	—	1875	1883 I	
9	Колотилинъ Филиппъ .	20	М.	—	?	1886 VI	
10	Сараевъ Илья . . .	32	М.	—	1875	1888 I	
11	Масліенкова Татьяна .	50	М.	—	1881	1890 XI	
12	Сигаевъ Иванъ . . .	32	М.	—	1879	1891 IV	

Случаи смерти отъ проказы ранѣе 1850 года мнѣ неизвѣстны. Какихъ либо пріютовъ для прокаженныхъ не существовало.

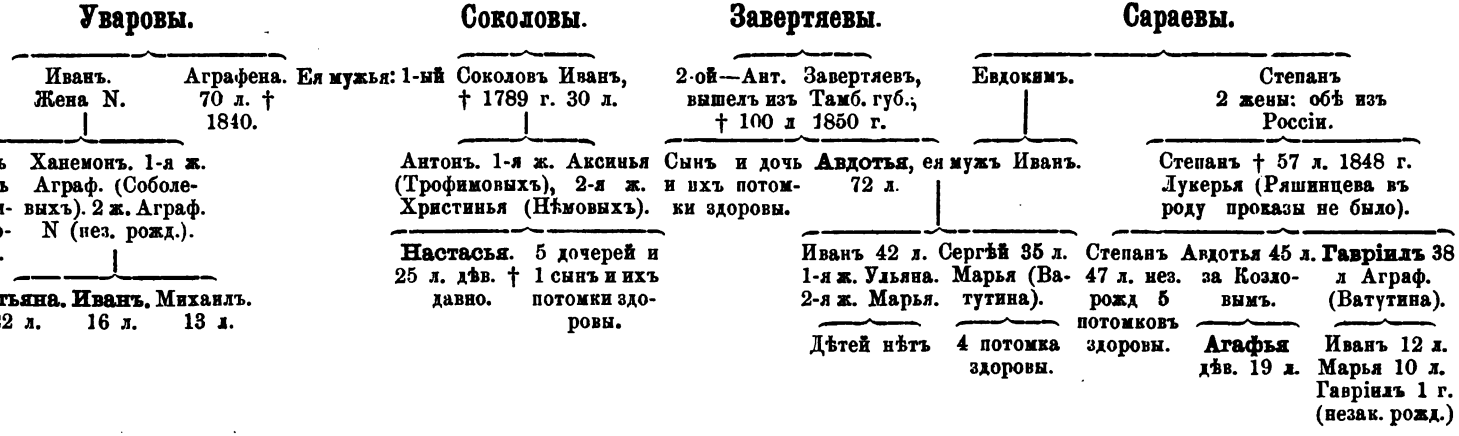
Семейства Соколовыхъ и Сараевыхъ: №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 10 списка.

Въ родословную таблицу Козловскаго (см. табл. VI) вошла и семья Уваровыхъ. Мы помѣщаемъ ее съ нѣкоторыми сокращеніями.

Козловскій не даетъ намъ никакихъ объясненій относительно представленной таблицы и только касается ея по поводу Авдотьи Сараевой (Завертяевой), обращая (стр. 71) вниманіе на то, что мать Авдотьи, „Аграфена (Уваровыхъ), находится въ кровной связи съ больными проказою, какъ видно изъ генеологической таблицы“. По поводу же Гавріила Сараева, прямо ссылается на таблицу, представляя такимъ образомъ читателю самому оріентироваться въ родственныхъ отношеніяхъ больнаго.

Семью Уваровыхъ мы пока оставимъ въ сторонѣ, ибо она жила въ Эссентукахъ, гдѣ мы и будемъ о ней говорить, а обратимся къ семьѣ Соколовыхъ.

Здѣсь мы должны будемъ внести въ таблицу К. двѣ поправки. Одна изъ нихъ несущественная, а именно: Авдотья Иванова Сараева была дочерью Соколова, а не Антона Завертяева. Другая поправка—существенная: Козловскимъ пропущено заболѣваніе 1-ой жены Антона Соколова, Аксиньи, и отмѣчена „умершею давно“ скончавшаяся въ 1862 году (слѣдоват. за 2 года до изслѣдованія Козловскимъ Авдотьи и Гавріила Сараевыхъ) дочь Аксиньи, Настасья. Вотъ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о двухъ указанныхъ больныхъ.


Уваровы.
Соколовы.
Завертяевы.
Сараевы.
Иванъ. Жена N.
Аграфена. 70 л. † 1840.
Ея мужья: 1-ый Соколовъ Иванъ, † 1789 г. 30 л.
2-ой—Ант. Завертяевъ, вышелъ изъ Тамб. губ., † 100 л 1850 г.
Евдокимъ.
Степанъ 2 жены: обѣ изъ Россіи.
Сынъ и ихъ потомки здоровы.
Ханемонъ. 1-я ж. Аграф. (Соболевыхъ). 2 ж. Аграф. N (нез. рожд.).
Антонъ. 1-я ж. Аксинья (Трофимовыхъ), 2-я ж. Христинья (Нѣмовыхъ).
Сынъ и дочь и ихъ потомки здоровы.
Авдотья, ея 72 л.
мужъ Иванъ.
Степанъ † 57 л. 1848 г. Лукерья (Ряшинцева въ роду проказы не было).
Татьяна. 22 л.
Иванъ. 16 л.
Михаилъ. 13 л.
Настасья. 25 л. дѣв. † давно.
5 дочерей и 1 сынъ и ихъ потомки здоровы.
Иванъ 42 л. 1-я ж. Ульяна. 2-я ж. Марья.
Сергѣй 35 л. Марья (Ватутина).
Степанъ 47 л. нез. рожд 5 потомковъ здоровы.
Авдотья 45 л. за Козловымъ.
Гавріилъ 38 л Аграф. (Ватутина).
Дѣтей нѣтъ
4 потомка здоровы.
Агафья дѣв. 19 л.
Иванъ 12 л. Марья 10 л. Гавріилъ 1 г. (незак. рожд.)

Аксинья Соколова (урожд. Трофимова) была первой женою Антона Соколова, сына Аграфены (Уваровыхъ), и несомнѣнно болѣла проказою. Болѣзнь ея въ рѣзкихъ и характерныхъ чертахъ передаютъ свидѣтели, знавшіе ее, а также ея и сынъ Егоръ. Были-ли, или нѣтъ заболѣванія въ семействѣ Трофимовыхъ,—я узнать не могъ, точно также какъ и опредѣлить точно время заболѣванія Аксиньи. Во всякомъ случаѣ, смерть ея точно констатирована въ метрикахъ, а именно въ іюлѣ 1851-го года, и притомъ „отъ крымки", т. е. отъ проказы. Семья ея въ то время, когда она болѣла, была большая: кромѣ Аксиньи, она состояла изъ 12 душъ, а именно—мужа, 2-хъ сыновей (изъ которыхъ старшій братъ женатъ и имѣлъ 4-хъ человѣкъ дѣтей) и 4-хъ дочерей, изъ которыхъ старшей, Настасьѣ, было (въ 1850 г.) 18 лѣтъ. Была ли отдѣлена Аксинья и принимала ли семья какія либо мѣры предосторожности,—у меня, къ сожалѣнію, не записано. О Настасьѣ Соколовой мы знаемъ только, что она болѣла проказою и записана въ метрикахъ умершею въ 1862-мъ году дѣвушкою.

Изъ семействъ Сараевыхъ мы прежде всего остановимся на семьѣ Степана и его жены Лукерьи.

У Степана Сараева, какъ видно изъ родосл. таб. Козловскаго, было 2 сына и дочь, причемъ старшій сынъ Степана отмѣченъ въ таблицѣ незаконнорожденнымъ. Это невѣрно: незаконнорожденными были младшіе дѣти Гавріилъ и Авдотья. Причина послѣдняго обстоятельства легко могла лежать въ болѣзни Степана, но о немъ я не могъ добыть никакихъ свѣдѣній,не нашелъ и въ метрикахъ времени его смерти. Какъ бы то ни было, изъ семейства Степана болѣли его сынъ и внучка, Козлова. Объ этой послѣдней мы не будемъ здѣсь говорить, ибо Козловы жили въ ст. Государственной, а остановимся на Гавріилѣ.

У Гавріила Сараева, по указанію Козловскаго (стр. 84, см. также приложеніе), болѣзнь стала обнаруживаться въ 1848 году „язвами на голени" (v. s. pemphigus), но пятна и бугры показались только въ 1852-мъ году. Тоже находимъ и въ „черновой" рапорта д-ра Богословскаго по начальству, а именно по поводу Козловой: „Гавріилъ заболѣлъ въ 1848-мъ г., болѣзнь обнаружилась ясно въ 1853-мъ". Тоже, наконецъ показываетъ и жена его Аграфена: мужъ, по ея указаніямъ, началъ болѣть какъ только женился, но заболѣлъ уже явно, послѣ того какъ у нея родилась дочь Марья (Марьѣ въ спискахъ за 1859 годъ значится 5 лѣтъ). До 1865 года Гавріилъ

Сараевъ оставался дома, отдѣленъ не былъ и жена, какъ говоритъ, его не остерегалась, даже ходила съ нимъ въ баню; сношенія съ нею онъ имѣлъ рѣдко и, послѣ того какъ онъ заболѣлъ, дѣтей отъ него не было. До болѣзни были сынъ и дочь: первый, во время войны пропалъ безъ вѣсти, вторая здорова замужемъ за Сальниковымъ и имѣетъ 4-хъ дѣтей, всѣ они здоровы. Въ маѣ 1865-го года Гавріила отправили въ Науръ, но въ томъ же году вернули и онъ вскорѣ умеръ. Свидѣтельница, черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти Гавріила, вышла за 2-го мужа—Алексѣя Соколова. Внѣшній видъ Аграфены, на что обращали мое вниманіе еще ранѣе нѣкоторые изъ допрошенныхъ мною лицъ, дѣйствительно нѣсколько подозрителенъ: лице ея нѣсколько одутловатое, красное, надбровныя дуги замѣтно утолщены и нависли нѣсколько надъ глазами, волосы на бровяхъ довольно рѣдки; но никакихъ другихъ явленій, оправдывающихъ подозрѣніе, что Аграфена больна проказою, не найдено: ни пятенъ на тѣлѣ, ни слѣдовъ pemphigus на излюбленныхъ мѣстахъ, ни анестезій. По указанію свидѣтелей: „она уже давно такая“. Слѣдуетъ замѣтить, что Сараевы были между собою сосѣдями.

Въ семьѣ Ивана Евдокимова Сараева первою заболѣла его жена Авдотья (урожд. Соколова).

По указанію Козловскаго, который осматривалъ ее въ 1864-мъ году, болѣзнь ея (пятна на лицѣ, насморкъ) обнаружилась въ 1856 году. Вызванный мною сынъ Авдотьи, Сергѣй, очень безтолковый и малопонятливый (если не притворялся таковымъ), могъ сообщить мнѣ о болѣзни матери очень мало, отговариваясь тѣмъ, что онъ во время ея болѣзни все больше былъ на службѣ. Все, что я могъ вывести изъ его указаній, это—то, что Авдотья, которую я въ церковныхъ метрикахъ не нашелъ, умерла вѣроятно въ 1865-мъ году. Семья Авдотьи въ то время, когда она болѣла, состояла: изъ мужа, который затѣмъ умеръ, чуть ли раньше ея, и двухъ сыновей: старшаго—Ивана и его жены Ульяны (послѣ смерти которой, еще при жизни матери, Иванъ женился на другой женѣ—Марьѣ) и младшаго—Сергѣя (свидѣтеля), у котораго были сынъ Илья и двѣ дочери (въ ст. спискѣ 1859 г. Ильѣ отмѣчено 2 г., Дарьѣ 9 и Авдотьѣ 4). Черезъ годъ послѣ смерти матери заболѣлъ сынъ ея Иванъ Сараевъ (шишки на лицѣ, сиплый голосъ—Сергѣй): онъ жилъ тогда съ женою и двумя малолѣтними дѣтьми (въ ст. спискахъ 1870 года отмѣчены: Осипъ 6 и

Анна 3-хъ лѣтъ), Сергѣй же жилъ со своею семьею, хотя и отдѣльно, но въ сосѣдствѣ.

Вскорѣ послѣ смерти Ивана (послѣдовавшей, по указаніямъ метрикъ, въ 1873-мъ году), а можетъ быть и раньше, заболѣлъ у Сергѣя сынъ Илья. Судя по указанію Сергѣя, а именно, что лице у Ильи не такъ было испорчено какъ руки, пальцы которыхъ были „скрючены", можно предполагать, не болѣлъ ли онъ нервной формою. Въ церковныхъ метрикахъ Илья отмѣченъ умершимъ въ 1888 году. Двѣ дочери Сергѣя, въ то время, когда болѣлъ Илья, были уже замужемъ. По указанію отца и знающихъ семью лицъ, обѣ дочери Сергѣя здоровы.

Относительно другихъ больныхъ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія.

Ирина Мещерякова. Свѣдѣній объ этой больной у Козловскаго нѣтъ, но есть указанія, касающіяся ея, въ скорбномъ листѣ Н. Л. и въ пришитой къ дѣлу „черновой" донесенія медицинскому начальству д-ра Богословскаго. Изъ этого послѣдняго документа мы видимъ, что „предки Ирины были изъ мужиковъ, изъ селенія Тумузлякъ, на Кумѣ" (не на Кумѣ, а на ея притокѣ Тумузловкѣ), „что теперь Ставропольской губерніи". Далѣе, что „ни у кого изъ ея предковъ, ни изъ предковъ мужа никто не болѣлъ проказою". Наконецъ, что она заболѣла черезъ 6 мѣсяцевъ, послѣ родовъ. Мещерякова была принята въ Н. Л. въ маѣ 1865-го года и содержалась тамъ до закрытія лечебницы въ 1872-мъ году. За отсутствіемъ мужа, допрошена была родная сестра послѣдняго. Она сообщила, что ни въ роду Мещеряковыхъ, ни Губиныхъ (Логина), изъ семьи котораго взята Ирина, больныхъ проказою не было. Далѣе, что когда Ирина была возвращена изъ Н. Л., то ее помѣстили въ отдѣльную хатку и никто не ходилъ къ ней, кромѣ свекрови, которая носила ей пищу. Составъ семьи Мещеряковой, не считая ея самой, какъ видно изъ станичнаго списка за 1870-ый годъ, былъ слѣдующій: отецъ и мать мужа; мужъ Иванъ и дочь Аксинья, 15 лѣтъ (изъ указанія д-ра Богословскаго въ 1865 году видно, что у Ирины было 5 человѣкъ дѣтей); братьевъ мужа: Алексѣя, его жены, и двухъ малолѣтнихъ и холостаго брата Егора 19 лѣтъ; итого изъ 9 душъ. Всѣ они остались здоровы. По указаніямъ метрикъ, Ирина умерла въ іюлѣ 1874-го года, 40 лѣтъ отъ роду.

Дарья Кузнецова. Ни у Козловскаго, ни въ документахъ Н. Л. свѣдѣній нѣтъ. По показанію одного изъ ея сыновей (показанію

очень неудовлетворительному, ибо, несмотря на самое мягкое отношеніе съ моей стороны къ свидѣтелямъ, этотъ послѣдній чуть не дрожалъ отъ страха), Дарья болѣла лѣтъ 7, 8; узнать же отъ свидѣтеля о связяхъ и отношеніяхъ ея матери не представлялось никакой возможности. Изъ показаній нѣкоторыхъ другихъ лицъ и станичнаго фельдшера видно, что Дарья—вдова—и до болѣзни и послѣ ея сильно распутничала. Умерла Кузнецова, какъ видно изъ метрикъ, въ январѣ 1883-го года, 45 лѣтъ, „отъ проказы". Семья Кузнецовой, какъ видно изъ станичнаго списка за 1880-ый годъ, состояла изъ нея и 4 дѣтей: двухъ сыновей, одного, 20 л., уже женатаго, другого холостаго, и двухъ дѣвушекъ 15 и 12 лѣтъ. Никто изъ нихъ, какъ говорятъ, не боленъ.

Колотилины Ирина (урожд. Рубанова) и Филиппъ Филипповъ. За невозможностью добыть свидѣтелей изъ семьи, допрошена сосѣдка, которая могла констатировать только фактъ, что прежде болѣла мать, а послѣ ея смерти заболѣлъ сынъ, что братья Колотилины Михаилъ и Филиппъ (отецъ больнаго) жили вмѣстѣ, но послѣ того, какъ заболѣла жена Филиппа, они отдѣлились, а когда умерла Ирина, то Филиппъ женился на другой. Въ метрикахъ оба отмѣчены умершими „отъ проказы": мать (Ирина) въ мартѣ 1879-го года, 30 лѣтъ; сынъ Филиппъ въ іюнѣ 1886-го года, 20 лѣтъ.

Массіенкова Татьяна. Родомъ изъ станицы Прохладной. Вышла за 1-го мужа Афанасья Сажина, а по смерти его за Массіенкова. Съ первымъ мужемъ Татьяна прожила 6 лѣтъ, и родила 3-хъ человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ двое умерли, а одна дочь жива, замужемъ и имѣетъ дѣтей. Отъ Массіенкова, который тоже умеръ, чуть ли не раньше я, у Татьяны было трое дѣтей, изъ которыхъ только одинъ живъ, здоровъ и живетъ въ работникахъ, ему теперь 16 лѣтъ. Заболѣла Татьяна лѣтъ за 9 или за 10 до смерти (такъ какъ родныхъ у Массіенковой никого нѣтъ, то допрошена была сестра перваго ея мужа, Анисья Савельева: лице у Татьяны было красное, голосъ сиплый, а на рукахъ и ногахъ—язвы и пузырки). О связяхъ Массіенковой, о томъ, не сносилась ли она съ кѣмъ либо изъ болѣвшихъ въ станицѣ, свидѣтельница ничего не знаетъ. Татьяна умерла (метрики) 50 лѣтъ, въ ноябрѣ 1890-го года.

Сигаевъ Иванъ Борисовъ. По показанію отца, Иванъ заболѣлъ 19-ти лѣтъ. Болѣзнь началась съ желтыхъ пятенъ на рукахъ,

которыя удивили больнаго тѣмъ, что на мѣстахъ пятенъ онъ потерялъ чувство. Спустя года 4 послѣ этихъ пятенъ у него стали выходить красныя пятна на лицѣ. Несмотря на болѣзнь, качество которой отецъ вначалѣ не подозрѣвалъ, онъ женилъ сына 19-ти лѣтъ; въ первый и второй годъ женитьбы онъ имѣлъ двухъ дѣтей, которыя однако умерли, а затѣмъ ихъ уже не было. До женитьбы Иванъ жилъ съ отцемъ вмѣстѣ, но затѣмъ отдѣлился и жилъ одинъ съ женою. Эта послѣдняя его не бросила и не брезгала имъ, а бывала съ нимъ даже вмѣстѣ въ банѣ. (Показаніе отца. Жена Ивана ни зачто не хотѣла придти и спряталась). Фельдшеръ станицы, очень расторопный и толковый человѣкъ, сообщилъ мнѣ, что Иванъ еще до женидьбы таскался, вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Алексѣемъ Сигаевымъ, у котораго по слухамъ въ станицѣ также показываются, будто бы, пятна, къ Дарьѣ Кузнецовой, пьянствовалъ съ нею и т. д., что товарищи Ивана даже предупреждали его не разъ, что онъ отъ нея заразится. Иванъ умеръ 32 лѣтъ, въ апрѣлѣ 1891-го года.

Въ виду слуховъ о заболѣваніи будто бы Алексѣя Сигаева, я вызвалъ и осмотрѣлъ его въ маѣ 1892-го года. Кромѣ красноты, исчезающей при давленіи, и легкой—какъ бы—припухлости кожи надъ бровьями я ничего не нашелъ у больнаго. Изслѣдованіе серозной жидкости, добытой путемъ укола кожи бровей на бациллы дало отрицательные результаты.

Приложенія.

23) Сараевъ Гаврінлъ.

Наблюденіе д-ра Козловскаго: примѣръ 19-ый, стр. 94 „lepra junctnrarum".

38 лѣтъ, слабаго сложенія, небольшаго роста. Въ дѣтствѣ былъ здоровъ. До 1848 года иногда чувствовалъ ломоту въ нижнихъ конечностяхъ; послѣ женитьбы въ 48-мъ году у него открылись язвы на лѣвой голени, но только въ 1852-мъ году проказа ясно обнаружилась пятнами и буграми на лицѣ и конечностяхъ.—St. praes Лице бугристое темнаго мѣднаго цвѣта; носъ разрушенъ; мягкое и твердое небо продырявлено (не было ли у больнаго ранѣе сифилиса?—продырявленіе нёба при проказѣ не встрѣчаются! авт.); небная зановѣска разъѣдена; дужки утолщены и задняя стѣнка глотки зерниста и усѣяна язвами. На туловищѣ и плечахъ пятнистая и пупырчатая темно-красная сыпь; на локтяхъ и колѣнахъ чешуйчатая, огрубѣлая, мѣдная, лоснящаяся кожица; предплечія и голени усѣяны сливными и раздѣльными буграми. На правой рукѣ 2-я фаланга большаго пальца уничтожена и здоровый (?) ноготь сидитъ на 1-ой; нѣкоторые пальцы обѣихъ рукъ утолщены, приняли коническую форму, потеряли гибкость въ суставахъ; 4-ый палецъ лѣвой руки сведенъ. На правой голени рубцы. На правой подошвѣ прободающая язва, обнаружившая головки плюсневыхъ косточекъ; большаго пальца нѣтъ, искрошенный ноготь его сидитъ на плюсневой кости; прочіе пальцы тоже укоротились, ногти отвалились и представляютъ открытыя язвы. Такое же изъязвленіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣло

мѣсто и на лѣвой стопѣ, но кончилось уничтоженіемъ первыхъ суставныхъ косточекъ и мизинца и удаленіемъ ногтей. У больнаго одышка и шумъ со вторымъ тономъ сердца усиленное сердцебіеніе. Ломота въ правой конечности; въ лѣвой тоже была, но кончилась, когда зажили язвы. Эрекціи есть. Съ женою, которая совершенно здорова, больной живетъ супружеской жизнью.

24) Сараева Авдотья.

Наблюденіе Козловскаго: примѣръ 12, стр. 71.

Первыя проявленія болѣзни замѣчены у больной въ январѣ 1856 года: выпаденіе волосъ на бровяхъ, утолщеніе кожи послѣднихъ, кое гдѣ красныя пятна на лицѣ и пораженіе носа.—St praes. (7 іюля 1864 г.). Больной 72 года. Она старообразна, но бодра. Регулы прекратились 20 л. т. н. Лице на первый взглядъ не представляетъ безобразія; цвѣтъ его темно-красный; кожа морщиниста, суха, но бугровъ и узловъ нѣтъ, волоса на бровяхъ отсутствуютъ; носъ шишкообразный, насморка нѣтъ; на uvula язвы; на задней стѣнкѣ глотки бугристости; голосъ сиплый. Катаракта обоихъ глазъ. На туловищѣ ни пятенъ, ни бугровъ. На тылѣ кистей кожа суха, мѣстами утолщена и въ ней прощупываются узелки; ногти искривлены, крошатся. Кожа бедра покрыта сухими пластинками; кромѣ того, на нижнихъ конечностяхъ, въ отдѣльныхъ мѣстахъ, темные рубцы. Стопы часто отекаютъ. У больной сердцебіеніе, систолическое втягиваніе и шумъ дуновенія на лѣво отъ грудины, въ 3-мъ межреберномъ промежуткѣ.

25) Ирина Мещерякова.

Скорбный листъ Н. Лечебницы, куда больная, 32 л., поступила 12 мая 1865 года.

Ирина 15 лѣтъ замужемъ. Послѣ послѣднихъ родовъ, мѣсяцевъ 6 т. н., у нея обнаружились слѣдующія явленія: лице ея приняло мѣдно-красный цвѣтъ и какъ будто припухло; на рукахъ ниже плечей и на ногахъ ниже колѣнъ, а также надъ поясницею кожа приняла желтоватый цвѣтъ и шероховатый видъ, явно отличаясь отъ остальной кожи, бѣлой, чистой и гладкой; на концѣ же конечностей кожа представляется нѣсколько сморщенной и какъ бы посыпанный мукою по складкамъ морщинъ. Болѣе никакихъ измѣненій нѣтъ. Прислана въ лечебницу послѣ осмотра въ Екатериноградскомъ госпиталѣ. Теченіе болѣзни: 1865 г. 11/VI отправлена въ Горячеводскъ, 19/VIII опухоль руки значительно спала, кожица сморщилась и мѣстами шелушится, краснота лица безъ перемѣны. Выписана по желанію изъ Горячеводскаго госпиталя. 21/VIII больная по возвращеніи изъ госпиталя находится въ томъ же состояніи, какъ и прежде. 1866. 14/I выписана изъ лечебницы домой (подписано д-ръ Козловскій). 1/VI больная возвращена снова въ лечебницу, по распоряженію войсковаго начальства (д-ръ Гродновскій). Кожа на лицѣ, рукахъ и ногахъ припухшая, красная, усѣяна твердыми бугорками, сидящими въ толщѣ кожи и подвижными вмѣстѣ съ нею. Краснота въ зѣвѣ и поверхностныя язвы; голосъ хриплый. 3/XI общее состояніе здоровья хорошо, бугорки не изъязвляются; припухлость и краснота кожи таже. 1867 г. 10/VIII выписана безъ всякого облегченія (подп. д-ръ Финкельштейнъ). 1868 г. 15/VIII бугорковъ на тѣлѣ по прежнему; они не изъязвляются и новыхъ не прибавляется. 1869 г. 5/VI язвы на твердомъ нёбѣ, задней стѣнкѣ глотки и твердые наросты на корнѣ языка; голосъ хриплый; голени и стопы ногъ сильно отечны (elephantiasis), кожа на нихъ суха, шелушится въ видѣ мелкихъ лоскутовъ. 2/IX изъязвленіе нёба безъ перемѣнъ; бугры на лицѣ увеличиваются и въ числѣ и объемѣ; общее состояніе порядочное. 1870. 4/I твердые бугорки на лицѣ по мѣстамъ изъязвляются. 2/III изъязвленіе бугорковъ на лицѣ усиливается. 1871 г. 3/III перемѣнъ незамѣтно, за исключеніемъ того, что бугорки тамъ изъязвляться въ большемъ числѣ. 1872 г. Изъязвленіе бугорковъ на лицѣ и слизистыхъ популъ на языкѣ. Голосъ хриплый; отечная опухоль ногъ. 23/V по закрытіи лечебницы отправлена къ роднымъ.

Станица Екатериногородская.

Въ 1777 году поселена изъ донскихъ казаковъ, жившихъ на Волгѣ между Камышинымъ и Царицинымъ, и тогда же зачислена въ составъ линейнаго войска. Въ 1847-мъ году усилена 52, а въ 1848-мъ 50 семействами изъ Харьковской губ. Станица эта была поселена при крѣпости Екатериноградѣ, сооруженной ген. фельдм. кн. Потемкинымъ. Въ 1785 г., при учрежденіи кавказскаго намѣстничества, Екатериноградъ былъ сдѣланъ губернскимъ городомъ и именовался таковымъ до 1802-го года, но въ этомъ послѣднемъ году, при раздѣленіи Т. О. на 5 уѣздовъ, на мѣсто Екатеринограда городомъ сдѣланъ Георгіевскъ.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869-го года: 2622 душъ, изъ нихъ казаковъ 2500 (1272 м., 1228 ж.), постороннихъ—122 (53 м., 69 ж.); дворовъ 335. Свѣдѣній за 1889 г. не имѣю.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Селивантьевъ Иванъ .	23	Н. Л.	1867	1863	1867 II	
2	Черниковъ Афанасій .	45	М.	—	?	1886 I	
3	Чеботарева Агафья. .	45	М.	- -	?	1889 V	

Селивантьевъ Иванъ. Свѣдѣній о немъ никакихъ не имѣю, кромѣ находящихся въ скорбномъ листѣ Н. Л. (см. прилож.), куда больной, заболѣвшій въ 1863-мъ году, поступилъ въ январѣ 1867-го года и умеръ въ томъ же году, 24-го февраля, 23-хъ лѣтъ отъ роду. Было бы интересно знать: находился ли Иванъ въ родствѣ съ Захаромъ Селивантьевымъ изъ Галюгаевской станицы?

Черниковъ Афанасій и Чеботарева Агафья. Посѣтивъ въ 1884-мъ году Терскую область, съ цѣлью изслѣдованія проказы, я нашелъ въ спискѣ прокаженныхъ медицинскаго областнаго управленія указаніе на двухъ больныхъ въ Екатериноградѣ, а именно—Черникова и Чеботаревой. По пріѣздѣ въ станицу, на мое желаніе видѣть больныхъ, атаманъ станицы сообщилъ мнѣ, что указанные больные его родственники: одна его жена, а другой братъ послѣдней. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждалъ, что они вовсе не больны проказою и, на заявленное мною все таки желаніе посѣтить ихъ,

отвѣчалъ такъ уклончиво, что я не счелъ себя вправѣ производить насильственный осмотръ въ домѣ атамана станицы. При посѣщеніи Екатериноградской станицы въ 1891-мъ году, я узналъ, что оба больные умерли. При этомъ справки о ихъ болѣзни оказались въ высшей степени разнорѣчивы: по указанію фельдшера оба болѣли проказою и были отдѣлены; тоже утверждали и многіе очень почтенные и заслуживающіе довѣрія жители станицы; братъ же больныхъ—Семенъ Андреевъ Черниковъ (лѣво-сторонній парезъ лица?!) отрицаетъ, по крайней мѣрѣ относительно Афанасья, что онъ боленъ проказою; что же касается сестры Агафьи, то онъ у нея не бывалъ. Оба и братъ и сестра жили: первый съ женою, вторая съ мужемъ – одинокими.

Приложенія.

26) Селивантьевъ Иванъ.

Изъ скорбнаго листа Н. Л., куда больной, 23 л., поступилъ въ январѣ 1867 го г.

До 1863-го года Иванъ пользовался полнымъ здоровьемъ. Зимою 1863-го года, послѣ простуды, появилась сильная ломота въ костяхъ обѣихъ голеней, а вѣсною 1863-го появились пузыри, наполненные водянистой жидкостью. Пузыри лопнули и на мѣстѣ ихъ образовались язвы. Эти послѣднія то заживали, то показывались вновь. Осенью 1865-го г. у него появились язвы въ глоткѣ и хриплость голоса. Въ томъ же году показались твердые бугорки на лицѣ и съ тѣхъ поръ болѣзнь постепенно развивалась далѣе.—St. praes. Больной высокаго роста, тѣлосложенія средняго. На лицѣ множество темно-бурыхъ бугровъ, безболѣзненныхъ, подвижныхъ и твердыхъ. На твердомъ нёбѣ неглубокія изъязвленія и бугорки, похожіе на слизистыя папулы; на миндалевидныхъ железахъ язвы неправильнаго очертанія, не глубокія. Голосъ охрипшій. На локтяхъ и предплечіяхъ обѣихъ рукъ обширные темные рубцы, вслѣдствіе бывшихъ здѣсь язвъ. На обѣихъ колѣнахъ и на передней поверхности голеней темно-бурые рубцы. Стопы обѣихъ ногъ опухшія, отечныя: палецъ оставляетъ углубленіе въ кожѣ. Кожа на стопахъ сухая и шелушится въ видѣ отрубей; подъ ногтемъ на большемъ пальцѣ язва. Таковыя же, небольшой величины и не глубокія, на кистяхъ обѣихъ рукъ. Голосъ постоянно хриплый. Общее состояніе здоровья удовлетворительно. Теченіе. 1867 года. 3/III больной жалуется на потерю аппетита, боль подъ ложечкою. 5/II ознобъ, ночью жаръ, утромъ испарина; общая слабость, потеря аппетита. 6/II ночью пароксизмъ повторился; потъ продолжается до сихъ поръ (3 ч. по полудни). 7/II ночью озноба не было, но потъ не прерывался до вчерашняго дня; больной слабѣетъ, жажда, головная боль. 8/II жаръ сдѣлался постояннымъ, упадокъ силъ; пульсъ малъ и частъ; боли подъ ложечкою и 4 жидкихъ стула; пота нѣтъ. 14/II жаръ и другія лихорадочныя явленія меньше, но силы больнаго упадаютъ, такъ что онъ едва можетъ сидѣть въ постели нѣсколько минутъ; испражненія еще жидки. 14/II лихорадки нѣтъ, но аппетитъ отсутствуетъ и силы больнаго не возстановляются. 20/II обморокъ, при попыткѣ дасть больному вертикальное положеніе. 25/II умеръ.

Вскрытіе. Кромѣ измѣненій въ глоткѣ, описанныхъ выше, съуженіе гортани, хрящи которой почти совершенно окостенѣли; изъязвленія слизистой оболочки дыхательнаго горла; tubercula miliaria въ верхушкѣ праваго легкаго. Въ органахъ брюшной полости—никакихъ измѣненій.

Д-ръ Гродиовскій.

Станица Прохладная.

Поселена изъ казенныхъ крестьянъ Курской губерніи въ 1773-мъ году, а въ 1825 г. зачислена въ линейное войско. Поселеніе заключало 185 домовъ, при 1490 (811 м., 679 ж.) жителяхъ и позднѣе усилено 74 семействами изъ внутреннихъ губерній.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869-го года: 2449, изъ этого числа казаковъ 2292 (1179 м., 1113 ж.) и 137 (94 м., 63 ж.) постороннихъ, дворовъ 242. По свѣдѣніямъ 1889-го года: 3461 (1772 м., 1689 ж.), изъ нихъ 21 (13 м., 8 ж.) армянъ и 8 (3 м., 5 ж.) другихъ національностей.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Клименко ? .	?	Н. Л.	—	?	—	
2	Клименко Семенъ . .	27	Н. Л.	1865—70	1858	1870 х	

Свѣдѣнія о Семенѣ Клименко мы имѣемъ въ скорбномъ листѣ Н. Л. (см. прилож.), изъ котораго видно: что у Клименки болѣла проказою мать, отецъ же и 3 брата здоровы, и что онъ боленъ 7 лѣтъ, поступилъ въ Н. Л. въ 1865 г. и умеръ въ октябрѣ 1870 года, 27 л. отъ роду.

У Клименки въ настоящее время въ Прохладной остались въ живыхъ только двое братьевъ: одинъ Никита, видѣть котораго мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось: по слухамъ у него по временамъ являются пузыри (?); другой братъ здоровъ. Что касается 3-го брата, Михаила, то онъ умеръ не отъ проказы и оставилъ здоровую семью.

Другихъ больныхъ проказою, на сколько я могъ узнать, въ Прохладной нѣтъ и не было.

Приложенія.

27) Клименко Семенъ.

Скорбный листъ Н. Л., куда больной поступилъ 22 л., 1 авг. 1865 года.

Боленъ 7 лѣтъ. Болѣзнь началась язвами на локтяхъ и колѣнахъ, а позднѣе на предплечіяхъ и голеняхъ и, наконецъ, около сочлененій кистей и стопъ; одновременно съ этимъ начали появляться бугорки на лбу и лицѣ.—St. praes. Кромѣ указанныхъ бугорковъ,

у больнаго залегаетъ носъ и голосъ временами становится сиплымъ; въ полости рта никакихъ измѣненій нѣтъ; половые органы здоровы; общее состояніе удовлетворительное. Теченіе. 1866-й годъ (д-ръ Гродновскій). 14/II все лице покрыто мѣдно-красными бугорками, мѣстами изъязвившимися. Носъ въ мѣстѣ соединенія костей съ хрящемъ нѣсколько вдавленъ. Голосъ хриплый. На твердомъ нёбѣ papulae mucosae и язвы. На рукахъ и ногахъ бугристая сыпь, какъ и на лицѣ. На правой голени двѣ большія язвы.—1867-ой годъ 12/VI отправленъ въ Горячеводскъ (подъ наблюденіе д-ра Финкельштейна). 10/VIII вернулся безъ перемѣнъ. Въ 1868-мъ году. Съ апрѣля по сентябрь язвы на рукахъ (локтяхъ) и ногахъ. Въ сентябрѣ лихорадка; далѣе, снова язвы то вновь обнаруживающіяся, то поджившія. 1869-ый годъ. 16/VI язвы на твердомъ нёбѣ почти слились; боль въ гортани; кашель сухой, удушливый; на внутреннихъ краяхъ обѣихъ стопъ язвы съ твердыми мозолистыми краями и блѣднымъ дномъ; общая слабость. 1870-ый годъ. 1/IX боль въ груди, одышка, затрудненное дыханіе, боли въ зѣвѣ и гортани, ослабленные дыхат. шумы въ заднихъ нижнихъ доляхъ; зарубцевавшіяся язвы на твердомъ нёбѣ появились вновь. 5/X снова появилась одышка, кашель, сильная боль въ груди. 10/X одышка увеличивается, сзади влажные хрипы. 17/X больной умеръ.

Станица Солдатская.

Населена въ 1787-мъ году дѣтьми пѣхотныхъ солдатъ и выходцами Харьковской губерніи. Въ 1825 г. поступила въ линейное войско. Въ 1836 и 49-хъ годахъ усилена 115 семействами крестьянъ Черниговской, Полтавской и Воронежской губерній. Донскихъ и Волжскихъ казаковъ въ станицѣ не селилось.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869-го года: 1491 душъ, изъ этого числа казаковъ 1478 (762 м., 716 ж.), постороннихъ—13 (6 м., 7 ж.); дворовъ 192; по свѣдѣніямъ 1889-го года—1977 (1027 м., 950 ж.), все русскіе.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Мажаровъ Иванъ . .	38	Н. Л.	1864—67	1860	1867 IV	Въ дек. 1865 г. выписанъ, въ іюн. 66-го снова возвращенъ въ Н. Л.
2	Попова Аграфена . .	46	Н. Л.	1870—72	1862	1872 II	
3	Можарова Авдотья . .	33	М.	—	?	—	Больна въ настоящее время.

Аграфены Поповой (ур. Строевой) мы здѣсь касаться не будемъ, а будемъ говорить о ней позднѣе: Строевы, ея родственники, жили въ Государственной станицѣ.

Мажаровы Иванъ и Авдотья. Свѣдѣнія объ Иванѣ Мажаровѣ мы имѣемъ изъ документовъ Н. Л., а именно изъ скорбнаго листа Ивана, а также изъ указаній д-ра Козловскаго (стр. 59). Изъ перваго документа мы видимъ, что Мажаровъ въ 1848-мъ году переселился въ Т. О. изъ Екатеринославской губ., Бахмутскаго уѣзда, Луганской волости; женатъ съ 1856-го года; имѣетъ дѣвочку 5 лѣтъ: жена и дочь здоровы; заболѣлъ въ концѣ 1860-го года. Изъ указаній Козловскаго видно, что Мажаровъ поступилъ въ Н. Л. не изъ Солдатской, какъ отмѣчено въ скорбномъ листѣ лечебницы, а изъ Государственной станицы (указаніе это, на которое я обратилъ вниманіе позднѣе, приводя въ порядокъ матерьялы, я не могъ повѣрить); далѣе, что Мажаровы дѣйствительно поселились сначала въ ст. Солдатской, гдѣ Иванъ и женился на Василисѣ Сеитовой, отъ которой, кромѣ умершаго ребенка, имѣетъ дочь Авдотью, 7 лѣтъ; наконецъ, что болѣзнь началась у Ивана въ 1859-мъ году. Личный мой допросъ жены Ивана, Василисы, не далъ мнѣ никакихъ указаній на источникъ заболѣванія мужа, по смерти котораго она вышла за солдата, отъ котораго имѣетъ нѣсколько человѣкъ дѣтей. Отъ перваго мужа, Ивана, у Василисы осталась только одна дочь, которая въ настоящее время больна. Дочь эта Авдотья, 33 лѣтъ отъ роду, была осмотрена мною (см. приложенія). На вопросъ о времени заболѣванія, Авдотья отвѣчала, что больна съ 15-ти лѣтъ; при дальнѣйшемъ однако изслѣдованіи выяснилось, что съ 15-ти лѣтъ у нея стали обнаруживаться мутиляціи (Авдотья больна первичной нервной формою), а пузыри, слѣды которыхъ въ видѣ рубцовъ въ обильномъ количествѣ находятся на локтяхъ и колѣнахъ, стали у нея показываться, по указанію матери, когда она была еще маленькой дѣвочкой, т. е. съ ранняго дѣтства.

Приложенія.

28) Аграфена Попова, ур. Строева.

Изъ наблюденій д-ра Козловскаго: примѣръ 4-ый, стр. 53.

До 1861-го года Аграфена была здорова. Мѣсячныя появились на 13-мъ году, безъ всякихъ болѣзненныхъ явленій. На 17-мъ году вышла замужъ и черезъ годъ родила сына, который скоро умеръ; болѣе не рожала. Лѣтомъ 1861-го года, послѣ купанья, показались красноватыя пятна по всему тѣлу. На слѣдующій годъ лице обрюзгло и потемнѣло, брови выпали, пятна стали шелушиться и сосѣди признали, что она больна „крымкою„.—St. praes. (іюль 1864-го года). Больной 48 л. тѣлосложеніе крѣпкое, ростъ высокій. Менструація давно прекратилась. Лице темно-багровое, безъ бугровъ; на щекахъ, лбу и носу мелкіе сосуды. Волосъ на бровяхъ нѣтъ. Носъ сине-багровый нѣсколько приплюснутъ; на-

сморкъ, длящійся около года. Въ зѣвѣ краснoты нѣтъ. На плечахъ и бедрахъ—пятна, сидящія и на предплечіяхъ и голеняхъ, но гораздо чаще; пятна эти представляются на нѣкоторыхъ мѣстахъ мѣдно-красными утолщеніями кожи, изрытой бороздками. Ладони и подошвы не шелушатся. На лѣвомъ берцѣ рубцы. На большихъ пальцахъ ногъ ногти изсохшіе потрескавшіеся. „Проказа въ этомъ случаѣ имѣетъ весьма медленное теченіе“ (?! за три года) „и, если болѣзнь останется при этомъ стремленіи, то до конца жизни не обнаружатся никакіе тяжелые припадки“.

Скорбный листъ Н. Л., куда больн. пост. 21 марта 1870 г. (Д ръ Гродновскій).

Начало то же, что и у Козловскаго.—St. praes. Тѣлосложеніе крѣпкое. Покровы лица красные; на щекахъ, лбу и носу темно-красные бугры, но мѣстами перешедшіе въ изъязвленіе. На предплечіяхъ и кистяхъ темно-бурыя пятна и такіе же бугорки, особенно на тыльныхъ поверхностяхъ. Тоже и на нижнихъ конечностяхъ и туловищѣ. Кожа на рукахъ и ногахъ сухая, ногти растрескавшіеся, ломкіе. Мѣсяца $1^1/_2$ т. н. появилась боль въ зѣвѣ, хриплость голоса, кашель. На нёбѣ и языкѣ папиллярные наросты и мѣстами изъязвленія. Общее состояніе удовлетворительное. Аппетитъ есть. Регулъ не имѣетъ 5 лѣтъ. Теченіе. Болѣзнь протекала безъ особыхъ перемѣнъ, кромѣ новыхъ изъязвленій бугорковъ на лицѣ, отмѣченныхъ въ апрѣлѣ и іюнѣ 1871-го года, и новыхъ бугорковъ, появившихся въ толщѣ кожи на тылѣ стопъ въ октябрѣ того же года. Въ январѣ 1872-го года отмѣчены—сухой кашель и боль въ гортани, а 7-го—лихорадка, упадокъ силъ, который, постепенно возрастая, кончился $^2/_{II}$ 72 г. смертью больной.

29) Иванъ Мажаровъ.

Изъ наблюденій д-ра Козловскаго: примѣръ 7-ой, стр. 59.

Осенью 1859-го года, послѣ простуды, у Мажарова припухли суставы рукъ и ногъ и около нихъ показались небольшія, темно-красныя пятна. Въ слѣдующемъ году онѣ умножились и нѣкоторыя перешли въ бугры, причемъ чесались и вслѣдствіе этого (?), обнажаясь отъ кожицы, превращались въ язвы, покрывавшіяся струпьями, или рубцовавшіяся. Со временемъ бугры и утолщенія кожи обнаружились и на лицѣ.—St. praes. (Май 1864-го года). Больному 35 л., тѣлосложеніе посредственное. Обильные бугорки (конопляное зерно, горошина), темно-краснаго цвѣта на лицѣ. Брови вылезли, волоса на усахъ и бородѣ рѣдки. На носу бугры, но форма его не пострадала. На основаніи языка крупные бугры. Дужки и миндалины утолщены. Мягкое нёбо и uvula обезображены буграми. Голосъ сиплый. На шеѣ, спинѣ и предплечіяхъ шелушащіяся темныя пятна. На лѣвомъ плечѣ крупные бугры, покрытые струпьями. Бугры и пятна находятся на бедрахъ и предплечіяхъ; на голеняхъ и тылѣ кистей обширныя утолщенія кожи. Около суставовъ пястныхъ, колѣнныхъ, голенно-стопныхъ находятся бугры или изъязвленные, или покрытые струпьями. Утолщенная и покрытая буграми кожа пальцевъ рукъ мѣшаетъ движенію въ суставахъ. Ногти на ногахъ искривлены и крошатся; на рукахъ—нѣтъ. Кожица на пяткахъ огрубѣла и отваливается пластами. Кожа мошонки нѣсколько утолщена; на головкѣ члена, у вѣнчика, нѣсколько небольшихъ бугорковъ. Отправленіе организма нормальны, исключая пота, который не отдѣляется даже послѣ Горячеводскихъ ваннъ, какъ водяныхъ, такъ и паровыхъ. „Половыя побужденія не уменьшены; больной имѣетъ сношенія съ женою до настоящаго времени“ (? больной съ февраля 1864-го года въ больницѣ), „но уже 5 лѣтъ жены не оплодотворяетъ. Микроскопическое изслѣдованіе сѣмени не открыло въ немъ никакихъ измѣненій“ (?).

Скорбный листъ Н. Л., куда больной поступилъ 3 февр. 1864-го года.

Anamn. и st. praes. приблизительно тѣже, что и у Козловскаго. Теченіе. 1864 г. $^3/_{VI}$ отправленъ въ Горячеводскъ, гдѣ по временамъ отмѣчены улучшенія ($^{17}/_{VII}$ сыпь на

лицѣ сдѣлалась блѣдною, нѣкоторые бугорки во рту и зѣвѣ исчезли). [23]/VIII возвращенъ въ лазаретъ. 1865-ый годъ. [30]/XII выписанъ изъ лечебницы д-ромъ Козловскимъ. 1866-ой годъ. [1]/VI возвращенъ въ лечебницу, по предписанію наказнаго Атамана Терск. каз. войска отъ 15 апрѣля. [2]/VI (д-ръ Гродновскій): все лице усѣяно бугорками темно-краснаго цвѣта; нѣкоторые изъ нихъ изъязвились и оставили плотные, безобразные рубцы; такіе же бугорки на колѣнахъ и около голенно-стопныхъ суставовъ обѣихъ ногъ. Носъ углубленъ. На нёбѣ много язвъ и нѣсколько бугорковъ, похожихъ на papulae mucosae. Голосъ хриплый, боли въ гортани. Общее состояніе довольно удовлетворительное, аппетитъ есть.

Болѣзнь безъ особенныхъ перемѣнъ (по временамъ то развитіе новыхъ язвъ, то заживленіе ихъ, боли въ гортани, усилившіяся зимою 1866-го года) протекала до [15]/III 1867 года, когда въ скорб. листѣ отмѣчена лихорадка. [16]/III лихорадки нѣтъ, общая слабость. [19]/III опухоль въ паху, которая вскрылась. [21]/III общая слабость. [30]/III силы больнаго падаютъ, бугорки на рукахъ начали изъязвляться. [3]/IV больной умеръ.

30) Авдотья Мажарова.

Мои личныя наблюденія (октябрь 1891 года).

Заболѣла, какъ мы уже видѣли, съ дѣтства; съ 15 лѣтъ начались мутиляціи пальцевъ на рукахъ и ногахъ, послѣ смерти отца осталась 10, 11-ти лѣтней дѣвочкой.—St. praes. Больная 33 лѣтъ, невысокаго роста, худая, истощенная, жалуется на значительный упадокъ силъ. Типическая первичная нервная форма: лице атрофированное, безжизненное, нѣсколько скошенное въ лѣво; lagophthalmus paralyticus обоихъ глазъ; надуть губъ не можетъ; обоняніе (духи) отсутствуетъ, вкусъ сохранился. На локтяхъ и колѣнахъ рубцы отъ язвъ, развившихся, какъ говоритъ и сама больная, послѣ пузырей, похожихъ на ожоги. Въ верхнихъ конечностяхъ: мышечная атрофія, контрактуры и мутиляціи пальцевъ, рѣзче выраженныя на правой, чѣмъ на лѣвой сторонѣ. На ногахъ, наоборотъ, мутиляціи рѣзче выражены на лѣвой сторонѣ, гдѣ на подошвѣ, у основанія большаго пальца, находится прободающая язва, величиною въ гривенникъ. Полная анастезія и аналгезія тѣла, не исключая и лица.

Кромѣ указанныхъ больныхъ между скорбными листами Н. Л. есть листъ казака Ивана Резюкова, 32 л., поступившаго изъ ст. Солдатской въ Н. Л. въ 1870 года. Діагнозъ elephantiasis правой голени и стопы, а потому больной скоро и выписанъ.

Станица Павловская.

Въ 1777-мъ году населена казаками, жившими на Волгѣ, между Камышинымъ и Царицинымъ и тогда же поступила въ составъ линейнаго казачьяго войска. При первоначальномъ переселеніи въ ней было 158 дворовъ, 803 (410 м., 393 ж.) душъ. Въ 1829 году переселена съ Куры на Малку. Впослѣдствіи станица усилена: въ 1847-мъ году 50 семействами Черниговской, а въ 1848-мъ 50 семьями Харьковской губ.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869-го года: 1427 душъ, изъ этого числа казаковъ 1368 (723 м. 645 ж.), постороннихъ лицъ—59 (22 м., 37 ж.); дворовъ 212. Свѣдѣній за 1889-ый годъ не имѣю.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрасъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Селезневъ ? .	?	М.	—	?	—	
2	Серебряковъ Власъ. .	?	М.	—	?	—	
3	Серебряковъ Автомонъ.	44	Н. Л.	1869—72	1863	1872 ?	

Свѣдѣнія объ Автомонѣ Серебряковѣ (урядникѣ горскаго полка) мы имѣемъ въ скорбномъ листѣ Н. Л. Тамъ мы находимъ указаніе, что, по словамъ больнаго, изъ его родныхъ никто не страдалъ проказою. Больной въ 1872-мъ году, по закрытіи Н. Л., выписанъ и отпущенъ домой. Въ записной моей книжкѣ, по поводу Автомона Серебрякова, отмѣчено: „по указанію старухи (? имя и фамилія разобрать не могъ), которое было повѣрено спросомъ и другихъ лицъ, у Автомона болѣлъ отецъ Власъ и одинъ изъ его родственниковъ Селезневъ. Когда умеръ Автомонъ,—свидѣтельница сказать точно не можетъ, но знаетъ, что, по возвращеніи изъ Наура, онъ содержался въ амбарѣ, отдѣльно отъ своихъ, и умеръ вскорѣ послѣ возвращенія.

Приложенія.

31) Автомонъ Серебряковъ.

Скорбный листъ Н. Л., куда больной, 40 лѣтъ, поступилъ въ мартѣ 1869-го года. (Д-ра Гродновскаго).

Серебряковъ до 1863-го года былъ совершанно здоровъ. Зимою этого года, на походѣ, ознобилъ ноги и руки, вслѣдствіе чего на обѣихъ рукахъ и ногахъ появились пузырки, а затѣмъ упорныя язвы. Позднѣе, вмѣстѣ съ нагноеніемъ изъ правой стопы вышелъ кусочекъ плюсневой кости, а изъ лѣвой руки кусокъ кости 2-ой фаланги мизинца. Съ того времени ломота въ рукахъ и ногахъ не прекращается. Еще позднѣе появилась отечная опухоль въ кистяхъ рукъ и стопахъ, на которыхъ обнаружились язвы, и наконецъ начали появляться твердые бугры на лицѣ.—St. praesens. На лицѣ множество сидящихъ въ толщѣ кожи бугорковъ, отъ горошины до лѣснаго орѣха; особенно много бугорковъ на лбу. На туловищѣ и рукахъ множество пятенъ, красно-бураго цвѣта, неправильнаго очертанія. Кисти обѣихъ рукъ сильно опухшія; кожа на нихъ сухая, кожица шелушится въ видѣ отрубей. На правой ягодицѣ много рубцевъ бѣловатаго цвѣта, неправильнаго очертанія. Обѣ ноги сильно опухли, въ особенности въ стопахъ; на кожѣ ихъ петехіи и буроватыя пятна. На внутреннемъ краѣ тыла лѣвой стопы и на наружной поверхности правой стопы, между пяткой и наружнымъ мыщелкомъ, находятся язвы, неправильнаго очертанія, съ твердыми краями и блѣднымъ дномъ. Ногти на пальцахъ ногъ обезображены.

Въ зѣвѣ краснота и припухлость слизистой оболочки. Голосъ немного хриплый. Половые органы не измѣнены. Общее состояніе вполнѣ удовлетворительное. Теченіе болѣзни. Въ 1869-мъ году отмѣчены: $^{17}/_{VII}$—язва, появившаяся вслѣдствіе ожога (?) на нижней трети лѣваго предплечія; края язвы твердые, почти хрящеватые; на днѣ язвы грязныя, сѣрыя грануляціи; $^{2}/_{VIII}$ язва зажила. 1870-ый годъ: въ мартѣ изъязвленіе бугорковъ, какъ на лицѣ, такъ и на тылѣ кистей рукъ и стопъ. 1871-ый годъ: новыя изъязвленія бугорковъ, по временамъ подживающія и возникающія вновь. 1872-ой годъ: $^{28}/_{V}$, по закрытіи Наурской лечебницы, больной отпущенъ домой, гдѣ, какъ мы указали выше, вскорѣ и умеръ.

Станица Государственная.

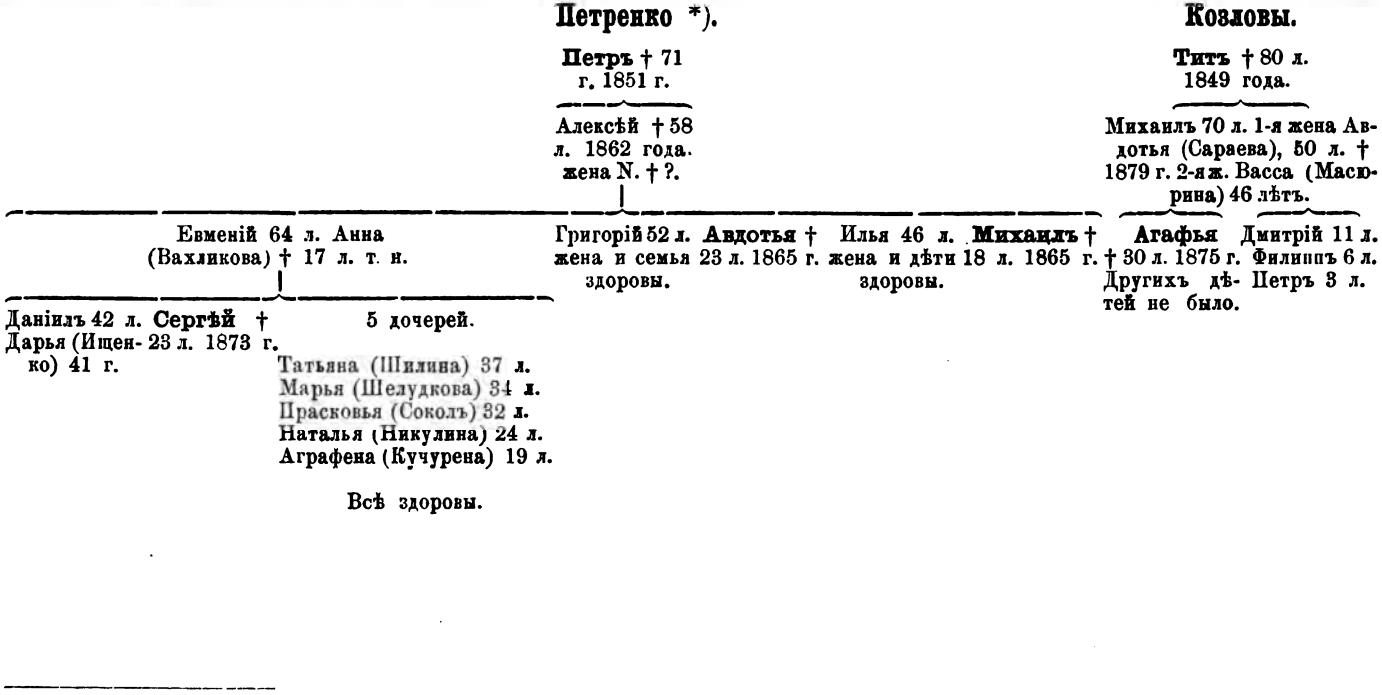
Населена въ 1778-мъ году казенными крестьянами Нижегородской губерніи, въ числѣ 500 ревизскихъ душъ, съ присоединеніемъ къ нимъ 25 семействъ крестьянъ, выселенныхъ изъ Саратовской и Воронежской губерній. Въ 1829-мъ году населеніе Государственной станицы зачислено въ линейное казачье войско. При первоначальномъ поселеніи было 204 двора—984 (498 м., 486 ж.) душъ. Впослѣдствіи станица усилена, а именно: въ 1836-мъ году 300 ревизскими душами изъ Черниговской, а въ 1848-мъ году—50 семействами изъ внутреннихъ губерній Россіи. По мѣстнымъ преданіямъ, станица возникла, будто бы, въ началѣ прошедшаго столѣтія—1705, 1709 годахъ, изъ Нижегородскихъ выходцевъ (и нынѣ существуютъ, по указанію стариковъ, двѣ улицы, населенныя потомками Нижегородцевъ). Послѣднія переселенія—въ 1836 и 1848-мъ годахъ—шли изъ Полтавской, Харьковской и Черниговской губерній. Многіе старожилы помнятъ это время и передаютъ, что ихъ вызывали отъ правительства: „кто хочетъ идти на вольныя земли ?!“ Охотники собирались и шли партіями. Ни донскіе, ни волжскіе казаки въ станицу Государственную не селились. Кто первый занесъ болѣзнь въ Государственную, были ли тамъ больные до 40-хъ годовъ,—мнѣ никто указать не могъ. Несомнѣнно только то, что какихъ либо отдѣльныхъ домиковъ, пріютовъ для прокаженныхъ, какъ это было въ станицахъ Моздокскаго полка, въ Государственной не существовало.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869-го года: 2251 душа, изъ этого числа казаковъ 2186 (1112 м., 1074 ж.), постороннихъ 65 (36 м., 29 ж.); дворовъ 302. Свѣдѣній за 1889-ый годъ я не имѣю, но по справкамъ въ 1891-мъ году въ ст. Государственной считалось 2847 душъ обоего пола.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ П. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Козловъ Титъ	80	М.	—	?	1849 IX	
2	Петренко Петръ . . .	71	М.	—	?	1851 VIII	
3	Строева Марья . . .	23	П. Л.	1864	1858	1864 IV	
4	Петренко Авдотья . .	23	П. Л.	1864—65	1858	1864 V	
5	Петренко Михаилъ .	18	П. Л.	1864—65	1853	1864 VI	
6	Петренко Сергѣй. . .	21	П. Л.	1864—72	1860	1873 X	
7	Козлова Агафья . . .	30	П. Л.	1865—72	1860	1875 VI	
8	Сахаровъ Василій (священникъ) . .	48	М.	—	?	1885 ?	
9	Строевъ Аѳксентій . .	55	М.	—	?	1889 II.	

Такъ какъ указанія Козловскаго, касающіяся родственныхъ отношеній отдѣльныхъ членовъ семьи Петренковыхъ между собою, не совсѣмъ вѣрны, то мы представляемъ свою родословную таблицу, въ которую включили и семью Козлова, хотя вовсе и не родственную Петренкамъ, но въ которой заболѣванія, какъ увидимъ сейчасъ, находятся въ извѣстной связи съ заболѣваніями въ семьѣ Петренко.

Передаемъ, прежде всего, свѣдѣнія сообщенныя намъ крайне почтеннымъ и внушающимъ къ себѣ большое довѣріе старикомъ Евменіемъ Петренко. Петренки, разсказываетъ Евменій, пришли въ Государственную станицу изъ Черниговской губерніи въ слѣдующемъ составѣ: дѣдъ Евменія Петръ, отецъ—Алексѣй съ женою и самъ Евменій, которому тогда было уже 9 лѣтъ. Первый въ семьѣ заболѣлъ старикъ Петръ Петренко. Онъ былъ пріятелемъ Тита Козлова, земляка, пришедшаго съ нимъ вмѣстѣ изъ Черниговской же губерніи. Титъ заболѣлъ проказою, а Петръ видѣлся съ нимъ часто, нюхалъ съ нимъ табакъ изъ одной табакерки и т. д., и самъ заболѣлъ тою же болѣзнью. Послѣ Петра заболѣли его внуки, братъ и сестра Евменія—Михаилъ и Авдотья,—а затѣмъ, позднѣе и сынъ Евменія Сергѣй. Вся семья Петренковъ жила вмѣстѣ. Евменій самъ отвозилъ всѣхъ трехъ больныхъ въ Науръ, а затѣмъ, когда больницу закрыли, ѣздилъ туда за сыномъ, котораго и привезъ домой, но не



*) Возрастъ лицъ, находящихся въ родословной, соотвѣтствуетъ 1891-му году.

держалъ въ семьѣ, а вырылъ землянку, въ которой онъ и жилъ до самой смерти, послѣдовавшей по указанію метрикъ, въ 1873-мъ году.

Указанія Евменія Петренки мы сопоставимъ съ указаніями, имѣющимися по поводу заболѣваній отдѣльныхъ интересующихъ насъ лицъ, въ документахъ Н. Л. и у д-ра Козловскаго.

Михаилъ Петренко. Въ спискѣ Н. Л. обозначено: заболѣлъ въ 1858-мъ году, поступилъ въ Н. Л. въ февралѣ 1864-мъ, умеръ въ 1865, 18-ти лѣтъ. Въ скорбномъ листѣ д-ра Богославскаго: „заболѣлъ болѣе 6-ти лѣтъ“ (слѣдовательно ранѣе 1858-го года); изъ семейства въ той же больницѣ находится старшая родная сестра и сынъ ея роднаго брата, живущаго въ одномъ семействѣ“ (совершенно вѣрно), „на отцѣ и матери этой болѣзни не было, равно какъ и на предкахъ его, насколько онъ знаетъ и слышалъ“ (Михаилу было 3, 4 года, когда умеръ Петръ Петренко!). У Козловскаго: „Михаилъ родной братъ Авдотьи и двоюродный братъ“ (? родной дядя!) „Сергѣя“. „Михаилъ до 5 лѣтъ былъ совершенно здоровъ, въ это время родители замѣтили у него красныя пятна“... и т. д. Другими словами: Михаилъ заболѣлъ черезъ годъ или черезъ два послѣ смерти Петра Петренки.

Авдотья Петренко. Въ спискѣ Н. Л.: заболѣла въ 1858-мъ, поступила въ Л. въ 1864-мъ и умерла въ 1865-мъ году. Въ скорбномъ листѣ: больна 6 лѣтъ, т. е. заболѣла въ 1858-мъ году. Тоже и у Козловскаго (стр. 64).

Сергѣй Петренко. Въ спискѣ Н. Л.: заболѣлъ въ 1860-мъ году, поступилъ въ 1864-мъ, выписанъ по закрытіи лечебницы въ 1872-мъ году. Въ скорб. листѣ то же, только относительно времени заболѣванія сказано: заболѣлъ около Пасхи 1861-го года. У Козловскаго, кромѣ неточности въ указаніяхъ родственныхъ отношеній, по поводу времени заболѣванія: „до 10 лѣтъ былъ здоровъ, въ 1861-мъ году показались бугорки“ и т. д.

Указанія скорбнаго листа, отрицающія заболѣваніе предковъ Михаила и др. Петренокъ, нисколько не дискредитируютъ, понятно, указаній Евменія Петренко: не говоря о томъ, что ребенокъ совершенно не могъ помнить дѣда, онъ могъ, понятно, и не слыхать о его заболѣваніи.

Обращаемся къ семьѣ Козловыхъ.

Титъ Козловъ, также какъ и Петренко, пришелъ 1836-мъ году изъ Черниговской губерніи, вмѣстѣ съ сыномъ Михаиломъ, котораго женилъ на Авдотьѣ Сараевой, сестрѣ Гавріила Сараева, въ Павлодольской станицѣ, который, впрочемъ, судя по имѣющимся у насъ указаніямъ, еще не болѣлъ въ это время проказою. Какъ мы уже сказали, Титъ Козловъ болѣлъ проказою, и Евменій Петренко ясно описываетъ его болѣзнь, указывая на темное, опухшее лицо, сиплый голосъ и т. д. Предположеніе Петренки, что Титъ принесъ свою болѣзнь отъ Сараевыхъ можетъ быть правильно, если въ семьѣ послѣднихъ, кромѣ болѣзни Гавріила, были другія заболѣванія, что очень возможно. Какъ бы то ни было, указанію Петренки на болѣзнь Тита противорѣчитъ, однако, указаніе сына, который утверждаетъ, что отецъ страдалъ ломотою, но лице его было чисто и онъ проказою не болѣлъ. Но свидѣтельство Михаила не заслуживаетъ никакого довѣрія, ибо онъ точно также отрицалъ мнѣ заболѣваніе своей дочери, приводя между прочимъ, въ качествѣ мотива и то, что ее выписали изъ Наурской больницы,—фактъ, совершенно вѣрный, но зависившій отъ того, что въ 1872-мъ году лечебница была закрыта. Тѣмъ не менѣе указанное противорѣчіе заставило меня повѣрить указаніе Петренки и такъ какъ мнѣ не удалось этого сдѣлать лично, то я и словесно и письменно просилъ священника Государственной станицы, почтеннаго отца Н. Л. Малинина, въ присутствіи котораго я допрашивалъ Евменія Петренко, собрать о Титѣ Козловѣ свѣдѣнія отъ другихъ, знавшихъ его лицъ. Вотъ справка, которая была мнѣ любезно доставлена Н. Л. Малининымъ, при письмѣ отъ 3 ноября, 1891 года: „отецъ Михаила Козлова, Титъ, какъ показалъ Яковъ Антоновъ Титовъ, жившій vis à vis Козловыхъ, имѣлъ лице припухшее, съ сине-багровымъ оттѣнкомъ и имѣлъ довольно большія по объему шишки на лицѣ, такъ что отъ опухоли и навѣса вѣкъ глаза его совсѣмъ закрывались и въ такомъ состояніи онъ проболѣлъ лѣтъ 5, 6. Такого рода болѣзнь, добавилъ Я. А. Титовъ, была въ послѣднее время у священника Василія Сахарова“ (несомнѣнно болѣвшаго проказою—см. ниже). „Относительно Тита Козлова буквально разсказалъ тоже, что Евменій Петренко, и поручикъ Аѳанасій Архиповъ Пѣтушинъ“.

О заболѣваніи Агафьи Козловой я лично не могъ добиться отъ ея отца никакихъ свѣдѣній, ни относительно времени ея заболѣванія,

(она осталась послѣ смерти Тита Козлова 4-хъ, 5 лѣтней дѣвочкой), ни относительно ея сношеній съ семьею Петренко, дочь котораго, Авдотья, была ей ровесницей. Въ станицѣ Павлодольской я узналъ отъ Сараевыхъ, что и они бывали у Козловыхъ и даже работали въ Государственной, и Козловы бывали у нихъ въ Павлодольской.

Въ скорбномъ листѣ Н. Л. мы находимъ относительно Агафьи Козловой слѣдующія указанія: „Агафья больна 5 лѣтъ (но въ заголовкѣ листа отмѣчено—больна 9 лѣтъ, т. е. съ 1856 года); по словамъ ея изъ предковъ отца никто этой болѣзни не имѣлъ; со стороны же матери ея—первый, въ 1848-мъ году, заболѣлъ родной братъ матери, казакъ Гавріилъ Сараевъ, который находился въ Горячеводскѣ на пользованіи и тамъ умеръ. По свѣдѣніямъ Козловскаго Агафья заболѣла въ 1860-мъ году. Наконецъ, и въ скорбномъ листѣ, и у Козловскаго тѣлосложеніе Аграфены отмѣчено крѣпкимъ,—указаніе, которое не допускаетъ, замѣтимъ здѣсь, мысли о раннемъ заболѣваніи.

Семейство Строевыхъ.

Представляемъ родословную этого семейства, составленную нами по Козловскому (табл. IV), съ нѣкоторыми поправками и дополненіями. (Возрастъ лицъ соотвѣтствуетъ 1891-му году).

Точно также какъ и Петренки и Козловы, братья Иванъ и Петръ Строевы вышли въ 1836-мъ году вмѣстѣ съ женами, но изъ Полтавской губерніи. Есть свидѣтельскія указанія, что проказою болѣлъ одинъ изъ стариковъ, но выяснить этого мнѣ не удалось. Точныя свѣдѣнія о заболѣваніи въ семьѣ Строевыхъ мы имѣемъ, начиная съ Марьи, поступившей въ Н. Л. вмѣстѣ съ Петренками въ 1864-мъ году и умершей тамъ черезъ $1^1/_2$ мѣсяца въ апрѣлѣ того же года. Изъ указаній въ скорбномъ листѣ видно, что Марья заболѣла около 1857-го года и что изъ ея предковъ никто проказою не страдалъ. Братья Строевы жили одной семьею. Послѣ Марьи заболѣла ея двоюродная сестра Аграфена, выданная въ ст. Солдатской за Попова. По указанію Козловскаго Аграфена заболѣла въ 1861-мъ году, по указанію скорбнаго листа Н. Л., куда Попова поступила въ 1870-мъ году, болѣзнь обнаружилась въ 1862-мъ году. Умерла Аграфена въ Н. Л. въ 1872-мъ году. Въ ст. Солдатской я видѣлъ мужа Аграфены, который сообщилъ мнѣ слѣдующее: отецъ Аграфены проказою не болѣлъ. Сама Аграфена заболѣла на 20-мъ, приблизительно, году заму-

Строевы.

Иванъ † 65 л. въ 1855 г.
Татьяна (Любидина) † ?

Петръ † 62 л. 1855 г.
Авдотья (Мурчина) † ?

Ефросинья 40 л. (за Мещеряковымъ).	**Авксентій** † 50 л. 1889 г. Акулина (Коркасева) 50 л.		Харитинья (за Тучиновымъ).	**Аграфена** (заПоповымъ) † 46 л. 1872 г.	**Марья** † 22 л. 1864 г.
Иванъ. Жена N.	Фролъ 30 л. Мавра 28 л.	Михаилъ 25 л. Настасья 15 л. Дарья 14 л. Анна 24 л.	Дѣтей нѣтъ.	Дѣтей нѣтъ.	Алексѣй переселился съ семьею въ ст. Екатериноградскую.
Потомство здорово.	Никита 8 л. Анисимъ 6 л. Григорій 2 л.	Ребенокъ 1 г.			

жества и болѣла лѣтъ 11. Въ ст. Государственную къ своимъ она ѣздила часто,—разъ 10, а пожалуй и болѣе въ годъ, но гостила тамъ неподолгу. Мужъ не брезгалъ женою, хотя половаго общенія съ нею не имѣлъ. Она много лечилась въ Солдатской и отъ паровъ (киновари?) и декокта ей стало лучше: опухоль прошла и она года два могла работать; но позднѣе простудилась и ей опять стало хуже. Поповъ самъ провожалъ жену въ Науръ; тамъ она предалась сильному пьянству, пьяной даже и умерла. Послѣ того, какъ Аграфена заболѣла, она въ Государственную не ѣздила. Дѣтей у Поповыхъ не было.

Послѣдній въ семьѣ болѣлъ Авксентій Строевъ.

Въ свидѣтельскихъ указаніяхъ, касающихся продолжительности болѣзни Авксентія, существуютъ неразъяснимыя противорѣчія. Жена и сынъ утверждаютъ, что Авксентій болѣлъ лѣтъ 7-мь, другія же лица, и между ними Евменій Петренко, указываютъ, что Строевъ болѣлъ долго—лѣтъ 15, 20. Если двѣ младшія дочери Авксентія (позднѣе дѣтей не было) принадлежатъ ему, то на основаніи того факта, что въ періодѣ развитой проказы больной становится безплоднымъ, слѣдуетъ думать, что болѣзнь достигла указаннаго періода не ранѣе 1877-го года (Авксентій умеръ въ 1889-мъ году, а младшая его дочь родилась въ 1877 году). Вѣрно только то, что Авксентій былъ отдѣленъ: ему саженъ за 100 отъ дома Строевыхъ выстроили хатку, гдѣ онъ и жилъ до смерти, въ теченіи 7-ми лѣтъ.

Наконецъ, къ числу лицъ, болѣвшихъ въ Государственной станицѣ, долженъ быть отнесенъ и священникъ этой станицы Василій Яковлевичъ Сахаровъ.

Отецъ Василій, уроженецъ Владимірской губерніи, Ковровскаго уѣзда, села Биликина, былъ сыномъ священника этого селенія. По окончаніи курса семинаріи въ 1862 году, онъ былъ отправленъ священникомъ въ ст. Варениковскую, а въ 1866 г. перемѣщенъ въ ст. Георгіевскую (около гор. Георгіевска), откуда въ 1873-мъ году перешелъ въ стан. Государственную. Здѣсь онъ оставался до 1884-го года. О болѣзни Сахарова я узналъ въ 1884-мъ году, а именно по поводу слѣдующаго обстоятельства. Когда въ указанномъ году, съ цѣлью изслѣдованія проказы, я пріѣхалъ въ ст. Зольскую, атаманъ станицы, съ нѣсколькими стариками, обратился ко мнѣ съ просьбою осмотрѣть

священника ихъ станицы, Сахарова, недавно переведеннаго къ нимъ изъ Государственной, и сообщить имъ по поводу его болѣзни мое мнѣніе. Просьбу свою они мотивировали тѣмъ, что, подозрѣвая, что священникъ боленъ проказою, ихъ смущаетъ то, что они принимаютъ отъ него Св. Дары, цѣлуютъ его руку и т. д. Выслушавъ это указаніе, я намѣревался осмотрѣть отца Василія, съ цѣлью посовѣтовать ему, если онъ дѣйствительно боленъ проказою, оставить службу и хлопотать передъ эпархіальнымъ начальствомъ о помѣщеніи въ больницу, въ чемъ я могъ и хотѣлъ оказать ему содѣйствіе. Оказалось, что Сахарова въ станицѣ не было: онъ уѣхалъ лечиться въ Пятигорскъ. Пріѣхавъ въ Пятигорскъ, я не нашелъ тамъ Сахарова,—онъ вернулся въ Зольскую. Такимъ образомъ, мнѣ не удалось его видѣть; но позднѣе я узналъ, что въ томъ же году отецъ Василій уѣхалъ въ г. Москву и помѣстился въ дерматологической клиникѣ, гдѣ вскорѣ и умеръ, съ діагнозомъ—lepra. Когда заболѣлъ Сахаровъ,—сказать трудно. Вѣроятнѣй всего тогда, когда служилъ еще въ Георгіевской станицѣ, и очень можетъ быть, какъ высказываютъ нѣкоторыя очень почтенныя лица, заразился отъ больнаго проказою же священника Александрійской станицы Макарова, умершаго въ 1874-мъ году, съ которымъ Сахаровъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ и, въ виду этого, часто бывалъ. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ полныя основанія предполагать, что отецъ Василій пріѣхалъ уже въ Государственную станицу больнымъ: по показанію нѣкоторыхъ жителей станицы онъ съ самаго своего поступленія туда велъ себя какъ-то странно: совершенно замкнулся дома, никого у себя не принималъ, кромѣ лицъ, являвшихся къ нему за требами, и самъ ни у кого не бывалъ и никому не давалъ цѣловать своей руки.

Приложенія.

32) Марья Строева.

Скорбный листъ Н. Л., куда больная, 23 лѣтъ, поступила 3-го февраля 1864-го года.

Заболѣла около 1857 го года. Тѣлосложенія отъ природы золотушнаго. Болѣзнь началась съ ломоты ногъ; потомъ стали появляться темныя пятна, а затѣмъ и бугорки на лицѣ и рукахъ, существующіе и теперь. Года съ три у нея обнаруживаются язвы. Силы больной довольно истощены, но пораженія носа и полости рта и зѣва еще не замѣчается и голосъ чистъ, хотя хриплое дыханіе указываетъ на пораженіе вѣтвей дыхательнаго горла. По

временамъ боли живота и перемежающаяся лихорадка, смѣшаннаго типа, безъ пота. Поносъ. Теченіе. При усиливающемся постепенно, въ теченіи марта и апрѣля, истощеніи, упорныхъ поносахъ, по временамъ—приступахъ лихорадки, больная умерла 23-го апрѣля 1864-го года.

33) Михаилъ Петренко.

Изъ наблюденій д-ра Козловскаго 1864-го года: примѣръ 17-й, стр. 80.

Михаилъ до 5 лѣтъ былъ здоровъ. Въ это время родители замѣтили у него на предплечіяхъ красныя, возвышенныя пятна, которыя мало по малу увеличивались; затѣмъ на лицѣ и другихъ частяхъ тѣла стали показываться новыя пятна, которыя превращались въ бугры и утолщенія кожи. Проказа дѣлала успѣхи и заставила родителей помѣстить Михаила въ 1861-мъ году (въ 1864-мъ, какъ видно и въ спискахъ Н. Л. и изъ указанія Евменія Петренко, который отвозилъ всѣхъ 3-хъ больныхъ одновременно) въ Наурскую лечебницу.—St. praes. Больному 16 лѣтъ. Львиная физіономія, обезображенная бугрями, которые слились и предоставляютъ какъ бы общее вздутіе кожи, изрытое глубокими бороздами. Цвѣтъ кожи мѣдно-красный, темный лоснящійся; отдѣльные бугры имѣютъ бѣлыя верхушки отъ просвѣчивающаго сало-подобнаго содержимаго; бугры сидятъ въ толщѣ кожи, но многіе и подъ кожею. Волосъ на бровяхъ нѣтъ. Носъ провалившійся, шишкообразный; крылья приплюснуты; на лѣвомъ крылѣ и кончикѣ изъязвленія. Рѣсничный край вѣкъ утолщенъ (измѣненія глазъ см. въ текстѣ). На мягкомъ нёбѣ двѣ круглыя язвы, въ окружности которыхъ слизистая оболочка красна, зерниста; у основанія язычка бугорки; uvula унитожена, дужки утолщены. Голосъ тихій и сиплый. На туловищѣ темныя пятна и бляшки. Плечи, предплечія, бедра и голени покрыты сплошными бугорками. На колѣнахъ кожа огрубѣла въ видѣ нароста и покрыта нѣсколькими слоями роговидныхъ пластинокъ на подобіе рыбьей чешуи. На тылѣ стопъ кожа огрубѣла и шелушится. Ногти искривлены и крошатся. На лѣвой голени круглая язва, съ вонючимъ отдѣляемымъ, покрытая струпомъ. На тылѣ кистей рукъ и пальцевъ разсѣянные и скученные бугорки, частью изъязвившіеся, частью представляющіе рубцы. Ногти пальцевъ рукъ цѣлы, но сухи и ломки. Ладони шелушатся. На половыхъ частяхъ никакихъ измѣненій, кромѣ утолщенія кожи верхней части мошонки и свободнаго края верхней плоти. По временамъ сердцебіеніе. Кожа на мѣстахъ, покрытыхъ пятнами, утолщеніями, бугорками, потеряла чувствительность. „Половыя стремленія есть, но осуществить ихъ не можетъ, за недостаткомъ эррекціи". Поллюцій не бываетъ.

Скорбный листъ Н. Л., куда больной, 16 лѣтъ, поступилъ 2 февраля 1864 г. (Богославскій).—St. praes. и анамнезъ см. у Козловскаго. Теченіе. 1864 годъ. Въ іюнѣ отправленъ въ Горячеводскъ, откуда $^{23}/_{VIII}$ возвращенъ безъ облегченія. 1865-ый годъ. Голосъ становится все болѣе и болѣе хриплымъ и дыханіе затруднительнымъ, а за мѣсяцъ до смерти, послѣдовавшей въ іюнѣ, обнаружился постепенно возрастающій упадокъ силъ.

Вскрытіе. Утолщеніе и изъязвленіе слиз. об. гортани. Во внутреннихъ органахъ никакихъ измѣненій.

34) Авдотья Петренко.

Изъ наблюденій д-ра Козловскаго 1864-го г.: примѣръ 10-ый, стр. 64.

Въ дѣтствѣ Авдотья ничѣмъ не страдала. Мѣсячныя появились на 17-мъ году, сопровождались болями въ поясницѣ; онѣ неправильны въ настоящее время. Въ 1858-мъ году, въ теченіи 6 недѣль, страдала премѣжающеюся лихорадкою и въ этомъ же году замѣтила на лѣвомъ предплечіи красныя пятна; ни боли, ни зуда въ нихъ не было. Въ 1859-мъ году пятна и бугристыя возвышенія обнаружились на тылѣ правой кисти, на лицѣ и голеняхъ; десна сдѣлались кровоточивыми, голосъ осипъ. Въ 1859-мъ году искала по-

мощи въ Наурской лечебницѣ (никакихъ свѣдѣній объ этомъ обстоятельствѣ въ документахъ!), но пробыла тамъ недолго и поступила вторично въ 1864-мъ году.—St. praes. Больная 22 лѣтъ, крѣпкаго тѣлосложенія высокаго роста. Лице обезображено бугорками темнаго мѣднаго цвѣта, мѣстами изъязвившимися и покрытыми струпьями. Бугорки скучены и отдѣлены только глубокими бороздками. Волосъ на бровяхъ нѣтъ, рѣсницы рѣдки. Носъ измѣнилъ форму: крылья его обезображены буграми и расширены, перегородка полууничтожена и изъязвлена; основаніе углублено; верхушка приподнята и съуженныя ноздри, въ которыхъ матерія, отдѣляющаяся съ кровью, ссыхается въ пробки,—направлены впередъ. Десна изъязвлены и кровоточатъ. На основаніи языка бугорки величиною въ горошину, таковые же, вмѣстѣ съ рубцами, на нёбѣ, дужкахъ и задней стѣнкѣ зѣва. На туловищѣ и правомъ плечѣ темныя, частью шелушащіяся, частью покрытыя струпьями пятна. На передней поверхности груди и лѣвомъ плечѣ, на предплечіяхъ, бедрахъ и голеняхъ густо сидящія, плоскія возвышенія и пятна, придающія кожѣ видъ тигровый; мѣстами пятна покрыты какъ бы рыбьей луской. На тылѣ кистей и пальцевъ значительно развитые бугры. На тыльной поверхности стопъ и нижней трети голени, также и на ладоняхъ, кожа равномѣрно утолщена и шелушится. Ногти частью трескаются, частью—на ногахъ—совершенно уничтожены. Большія губы отвердѣли, бугристы; слизист. об. не измѣнена; волоса на лобкѣ жидки. Чувствительность кожи уменьшена, а въ нижней трети голени совершенно отсутствуетъ.

Скорбный листъ Н Л., куда больная, 22-хъ лѣтъ, поступила 2-го февраля 1864-го года.

St. praes. и anamn. вкратцѣ тоже, что и у Козловскаго. Теченіе. 1864 годъ. Разстройства въ полости рта и грудныхъ органахъ постепенно усиливались и дыханіе становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. 1865 годъ. $^{17}/_{V}$ умерла.

Вскрытіе. Въ протоколѣ отмѣчены измѣненія въ полости рта и зѣва; въ гортани суженіе, набухлость слизистой оболочки и язвы; въ легкихъ и другихъ органахъ измѣненія отсутствуютъ.

35) Сергѣй Петренко.

Изъ наблюденій д-ра Козловскаго 1864-го г.: примѣръ 3-ый, стр. 50. До 10-ти лѣтняго возраста былъ здоровъ. Въ 1861-мъ году появились сначала мелкіе бугорки на лбу и на лѣвомъ крылѣ носа, а затѣмъ утолщеніе кожи лица и пятна на послѣднемъ; далѣе, такіе же пятна и бугорки на предплечіяхъ, кистяхъ рукъ и голеняхъ, а въ 1862-мъ году—на всемъ тѣлѣ.—St. praes. Больному 12 лѣтъ. Тѣлосложеніе посредственное, ростъ малъ. На лицѣ небольшіе, мѣднаго цвѣта бугорки, самые большіе въ горошину; они сидятъ кучками на лѣвомъ крылѣ носа, на правой щекѣ и на подбородкѣ, на лбу же разсѣяны. Лѣвое крыло носа расширено и приплюснуто. Кожа бровей лишенныхъ волосъ, нависла надъ глазами (глаза см. въ текстѣ). Нёбо и зѣвъ темно-краснаго цвѣта, чувствительность ихъ притуплена. Кожа туловища и плечъ не измѣнена. На предплечіяхъ пятна, то кучками, то одиночныя, то поднятыя надъ уровнемъ кожи (бляшки) и шелушащіяся, то не выдающіяся. Между пятнами,—на локтяхъ, тылѣ предплечій и кистей—крупные и мелкіе бугры; послѣдніе, располагаясь кучками, сливаются между собою и представляются изрытыми бороздками утолщеніями кожи. Пальцы рукъ около суставовъ утолщены; на нихъ также находятся бугры. Нижнія конечности: ягодицы и передняя поверхность бедеръ и голеней также покрыты буграми и струпьями; задняя поверхность бедеръ и икры не измѣнены; кожа тыла стопъ равномѣрно утолщена и, также какъ и подошвы, покрыта отрубевидной шелухою. Вершина мошонки и свободный конецъ

незалупленой крайней плоти утолщены, тверды, красны. Яички не измѣнены. Чувствительность кожи на мѣстахъ, покрытыхъ пятнами, притуплена.

Скорбный листъ Н. Л., куда больной, 12 лѣтъ, прибылъ 2-го февраля 1864-го года.

Anamn. и st. praes. см. у Козловскаго. Теченіе. 1864-ый г. $^{3}/_{VI}$ отправленъ въ Горячеводскъ, откуда вернулся $^{23}/_{VIII}$; общее питаніе улучшилось. 1865-ый годъ не записанъ. 1866-ой годъ. (Д-ръ Градновскій). $^{16}/_{II}$: на лицѣ сыпь, бугристая, темно-красная; на обѣихъ щекахъ бугры изъязвились и покрыты струпьями; на обѣихъ рукахъ такія же бугристыя возвышенія, мѣстами также покрытыя струпьями; на голеняхъ обѣихъ ногъ темно-красныя пятна и рубцы; на нёбѣ лепрозныя язвы и papulae mucosae; общее состояніе довольно порядочное. $^{3}/_{V}$ сыпь на лицѣ увеличивается, струпья то отпадаютъ, то образуются вновь. 1867-ой годъ. $^{3}/_{I}$ высыпаніе на лицѣ продолжается; язвы всѣ зажили, оставивъ плотные, безобразные рубцы. $^{12}/_{VI}$ снова отправленъ въ Горячеводскъ, откуда $^{4}/_{VIII}$ выписанъ безъ всякаго улучшенія (д-ръ Финкельштейнъ). 1868-ой годъ: $^{1}/_{VI}$ на лицѣ около десятка струпьевъ, покрывающихъ язвы; струпья же находятся на концѣ пальцевъ ногъ, возлѣ колѣнъ, локтей и на наружной поверхности рукъ; замѣчена атрофія мускуловъ; голосъ сиплый; съ $1-^{6}/_{IX}$ лихорадка; $^{22}/_{IX}$ констатировано увеличеніе бугорковъ, превышающихъ лѣсной орѣхъ, и образованіе новыхъ язвъ; атрофія мышцъ рукъ и ногъ 1869-ый годъ: усилившіяся изъязвленія на нёбѣ, задней стѣнки глотки и корнѣ языка. Въ 1870 и 71-мъ годахъ по $^{7}/_{VI}$ 1872 г., когда больной отправленъ домой, особыхъ перемѣнъ, кромѣ образованія по временамъ новыхъ язвъ и заживленія старыхъ, не отмѣчено.

36) Агафья Козлова.

Изъ наблюденій д-ра Козловскаго 1864-го года: примѣръ 5, стр. 54.

Регулы обнаружились только два года т. н., теперь въ порядкѣ. Въ началѣ 1860. года больная стала жаловаться на упорный насморкъ: обильное отдѣленіе вонючей слизи, иногда кровотеченіе. Къ концу года показались первые бугры и пятна на лицѣ и конечностяхъ; они чесались, также какъ чешутся являющіеся и теперь.—St. praes. Больной 19 лѣтъ. Тѣлосложеніе крѣпкое. Нѣсколько разсѣянныхъ плоскихъ, небольшихъ бугровъ и пятенъ характернаго цвѣта на лицѣ и конечностяхъ. Больная старается препятствовать развитію ихъ на лицѣ, тщательно закрывая послѣднее платкомъ отъ вѣтра и солнечныхъ лучей. На тылѣ кистей рукъ, которыя не защищены, бугры появляются чаще и сидятъ гуще. Недавно нѣкоторые бугры стали изъязвляться. Носъ приплюснутъ. Волоса на бровяхъ вылезли. Разстройства зѣва значительныя: часть uvulae уничтожена, краснота и бугристость слиз. об. нёба, между буграми плоскія язвы. Десна кровоточивы, рыхлы. На тѣлѣ, кромѣ маленькихъ бугорковъ на шеѣ и правой лопаткѣ, измѣненій нѣтъ.

Скорбный листъ Н. Л., куда больная, 19-ти лѣтъ, поступила 10-го іюля 1865-го года.

Теченіе. 1866-ой годъ (д-ръ Гродновскій): кожа на лицѣ припухшая, красноватая и усѣяна бугорками темно-краснаго цвѣта; особенно сильно развиты бугорки на лицѣ; форма носа измѣнена, вслѣдствіе сидящихъ вокругъ него бугорковъ; голосъ хриплый; на языкѣ и мягкомъ нёбѣ много язвъ неправильнаго очертанія и бѣлые бугорки, похожіе на papulae mucosae; общее состояніе здоровья удовлетворительно. 1867-ой годъ: $^{10}/_{VI}$ отправлена въ Горячеводскъ и выписана оттуда (д-ръ Финкельштейнъ) $^{4}/_{VIII}$ безъ улучшенія. 1868-ой годъ. $^{5}/_{VII}$ пораженіе кожи имѣетъ видъ сплошной гипертрофіи и отдѣльныхъ бугровъ нѣтъ; голосъ очень хриплый. 1869-ый годъ. $^{5}/_{VI}$ язвы на предплечіяхъ и тылѣ ручныхъ кистей; голосъ хриплый. 1870 по 1872 $^{23}/_{V}$ рѣзкихъ перемѣнъ не отмѣчено; съ закрытіемъ лечебницы отпущена домой.

Станицы перваго волжскаго полка.

Городъ Георгіевскъ.

Укрѣпленный пунктъ и станица, заселенная въ 1778 году казаками съ Волги (между Камышинымъ и Царицинымъ). Въ 1802 году сдѣланъ городомъ.

Число жителей. За 1869-ый годъ я свѣдѣній не имѣю, ибо въ вѣдомости, которой я пользовался, находятся только указанія числа жителей въ станицахъ. По свѣдѣніямъ 1889-го года въ Георгіевскѣ значится: 8334 души; изъ этого числа 7813 (4603 м., 3210 ж.) русскихъ, 65 (40 м., 25 ж.) армянъ, 15 (10 м., 5 ж.) грузинъ, 96 татаръ, 3 горцевъ и 342 (328 м., 14 ж.) другихъ національностей.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Криволапова Агафья .	60	М.	—	?	1878 ?	
2	Булдыгина Лукерья . .	60	М.	—	?	1881	
3	Криволаповъ Василій .	24	М.	—	1880	—	Боленъ въ настоящее время.
4	Полинъ Иванъ . . .	20	М.	—	1880	—	Тоже.
5	Боевъ Викентій . . .	30	М.	—	1881	—	Тоже.
6	Боева Лукерья . . .	14	М.	—	1888	—	Тоже.
7	Фамиліи не записано.	?	—	—	?	—	Уклонились отъ изслѣдованія.
8		?	—	—	?	—	

Семья Криволаповыхъ.

Семья состоитъ изъ стариковъ, отца и матери, и сына Василія Криволапова. Старики здоровы и передаютъ, что въ ихъ роду никто и никогда не болѣлъ проказою, а болѣла вторая жена ихъ отца, т. е. сводная бабка Василія,—Агафья, по первому мужу Морозова, на которой старикъ дѣдъ женился въ Александрійской станицѣ, несмотря на то, что о ней ходили слухи, что она больна; взялъ онъ ее потому, что соблазнился на ея деньги. Агафья умерла лѣтъ 13, 14 тому назадъ,

а года черезъ два заболѣлъ Василій. Справки, наведенныя по поводу Агафьи Морозовой въ Лысогорской и Александрійской станицѣ, подтвердили указанія Криволаповыхъ. Въ Лысогорской допрошена была пріемная дочь Агафьи (фамиліи въ записной книжкѣ не разобралъ), которая сообщила слѣдующее: у Агафьи (изъ рода Чегуйскихъ) не было дѣтей отъ Морозова и она, будучи еще за Морозовымъ, взяла къ себѣ свидѣтельницу въ качествѣ пріемной дочери. Вышла она замужъ за Криволапова до переселенія Морозовыхъ въ Лысогорскую станицу, въ 1860-мъ году, но заболѣла еще при покойномъ мужѣ: у нихъ затопило водою пчельникъ и она была долго въ холодной водѣ, послѣ чего у нея по тѣлу „вышли красныя пятна“. Племянникъ Агафьи Ѳедоръ Иноземцевъ подтвердилъ указанія пріемной дочери Агафьи, но отрицалъ, что она была больна до выхода замужъ за Криволапова, а утверждалъ, что она заболѣла уже въ Георгіевскѣ и именно послѣ путешествія въ Іерусалимъ. Въ семьѣ и въ роду ея болѣзни не было (нѣкоторые свидѣтели сообщили мнѣ однако, что проказою чуть-ли не болѣла мать Федора Иноземцева.) Умерла Агафья въ концѣ 1870-ыхъ годовъ (см. также Морозовыхъ въ Лысогорской станицѣ). Василій Криволаповъ хорошо помнитъ бабку. Заболѣлъ онъ года черезъ 2 послѣ ея смерти.

Семья Боевыхъ.

Дѣдъ и отецъ Боевы выходцы изъ Курской губерніи. Переселившись въ Георгіевскъ, отецъ Викентія Боева женился на здѣшней мѣщанкѣ Булдыгиной, отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: одинъ изъ нихъ умеръ; другой Викторъ женатъ и имѣетъ 6 человѣкъ дѣтей, между которыми и дочь Лукерью, и третій Викентій. Первая болѣла въ семьѣ бабка Викентія по матери—Лукерья Булдыгина, заболѣла уже старухою и умерла лѣтъ 10 тому назадъ. Викентій Боевъ въ 1884-мъ году поступилъ въ солдаты, но еще до поступленія у него стали показываться пузыри, похожіе на ожоги, и одинъ изъ нихъ надъ правымъ колѣномъ. Будучи солдатомъ, онъ часто болѣлъ ломотою въ конечностяхъ и по временамъ у него продолжали выходить пузыри, а вмѣстѣ съ ними стали показываться и пятна. Въ 1886-мъ году у него стало пухнуть лице. Онъ легъ въ госпиталь, откуда въ 1887-мъ году его отпустили домой. Вернувшись домой, Викентій поселился съ отцемъ и братомъ, но, когда въ 1888-мъ году болѣзнь уже порядочно изуродовала Викентія, семья брата переѣхала

отъ отца на другую квартиру, гдѣ уже позднѣй заболѣла Лукерья. Викентій въ настоящее время живетъ у отца съ семьею старшаго (умершаго) брата, но въ отдѣльной довольно чистенькой хаткѣ. Лукерья, которую я видѣлъ въ сентябрѣ 1891-го года, считаетъ себя больною годъ. Д-ръ Недзельскій, который указалъ мнѣ на Боевыхъ и съ которымъ мы вмѣстѣ осматривали больныхъ въ сентябрѣ 1891 года, сообщилъ мнѣ въ маѣ 1892 года, что онъ слышалъ, что проказою заболѣла чуть ли и не другая дочь Виктора Боева.

Полинъ Иванъ, 20 лѣтъ.

Иванъ, сынъ Георгіевскаго мѣщанина, родился въ Георгіевскѣ, но проживаетъ уже 4 года въ Пятигорскѣ, гдѣ я его и осматривалъ. Онъ живетъ одинъ съ матерью, занимающейся поденной работою и торговлей на базарѣ. Нѣсколько братьевъ и двѣ сестры живутъ отдѣльно въ различныхъ мѣстахъ. До пріѣзда въ Пятигорскъ, родители и съ ними Иванъ жили на Калаусѣ (Ставропольской губ.), такъ что Иванъ оставилъ Георгіевскъ 8 лѣтъ тому назадъ. Заболѣлъ Иванъ уже 10 лѣтъ, еще въ Георгіевскѣ. Изъ родныхъ Ивана никто не болѣлъ проказою (къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось видѣть матери Ивана). На мой вопросъ: зналъ ли онъ и сносился ли съ кѣмъ нибудь изъ больныхъ до своего заболѣванія,—Иванъ отвѣчалъ, что не помнитъ, ибо былъ тогда мальчикомъ. Изъ существующихъ въ Георгіевскѣ въ настоящее время больныхъ слышалъ о Криволаповыхъ, что и дало мнѣ возможность разъискать послѣднихъ по пріѣздѣ въ Георгіевскъ.

О двухъ больныхъ, которыхъ мнѣ не удалось осмотрѣть сообщилъ мнѣ д-ръ Недзельскій: онъ потребовалъ, чтобы ихъ доставили къ нему, но они скрылись.

Приложенія.

37) Василій Криволаповъ, 24 лѣтъ.

Мои личныя наблюденія (сент. 1891-го года).

Боленъ лѣтъ 10. Болѣзнь обнаружилась пузырями. Первый изъ нихъ явился на щиколкѣ лѣвой стопы. Позднѣе вышли пятна и шишки (см. выше).—St. praes. Регрессивный періодъ: почти всосавшійся узловатый инфильтратъ лица и конечностей, обильные рубцы на лицѣ, конечностяхъ и слизист. обол. мягкаго неба; втянутый носъ; рѣзко выраженныя анестезіи; узловатый инфильтратъ яичекъ.

38) Викентій Боевъ, 30 л.

Мои личныя наблюденія (сент. 1891).

Anamn. смотри выше.—St. praes. Лице, не очень опухшее, буроватаго цвѣта, глубокій, но уже довольно мягкій (кромѣ двухъ бляшекъ на щекахъ) инфильтратъ кожи лица. Носъ утолщенъ, краснаго цвѣта, лоснится; инфильтратъ его твердый; на поверхности сильная воскуляризація; въ переднемъ углѣ наружныхъ отверстій носа—язвы, покрытыя струпьями. Характерный насморкъ. Волосъ на бровяхъ, усахъ и бородѣ нѣтъ. На мягкомъ нёбѣ обильные рубцы; полный дефектъ uvulae; голосъ сиплый. На туловищѣ пятенъ нѣтъ. Epididimis утолщенъ, узловатъ. Верхнія конечности: пятна, не очень обильныя; инфильтратъ и притомъ очень плотный замѣчается въ фіолетовой кожѣ тыла кистей и пальцевъ; кое гдѣ рубцевые слѣды пемфигиозныхъ язвъ; ногти потрескались. Нижнія конечности: инфильтратъ и склерозъ кожи голеней и стопъ; обильные рубцы; утолщеніе пальцевъ ногъ (барабанныя палочки), а на лѣвой сторонѣ мутиляція—полный деффектъ 2 и 3-го пальцевъ. Рѣзко выраженная анестезія конечностей.

39) Лукерья Боева, 14 лѣтъ.

Мои личныя наблюденія (сент. 1891-го года).

Разсказъ о первыхъ явленіяхъ болѣзни крайне безтолковъ. Опухоль лица родители замѣтили съ годъ, до того—насморкъ.—St. praes. Лице нѣсколько опухшее (отечное, но слѣдовъ давленія пальцевъ не оставляетъ), довольно блѣдное. На немъ около 10-ти красно-фіолетовыхъ пятнышекъ, нѣсколько выдающихся надъ поверхностью кожи и при ощупываніи представляющихъ твердую консистенцію узелковъ, около конопляного зерна величиною. Носъ утолщенъ и каналъ его трудно проходимъ для воздуха (сухія корки, частыя кровотеченія). Въ полости рта: яркая краснота мягкаго неба и два плоскихъ, сѣроватыхъ узелка на uvula. Брови цѣлы. Склера инъецирована. Голосъ не измѣненъ. На туловищѣ пятенъ нѣтъ. Конечности: на тылѣ предплечій, а также и голеней, не рѣзко выраженный узловатый инфильтратъ; кисти рукъ и стопы, равно и пальцы на рукахъ и ногахъ, измѣненій не представляютъ. Рубцевыхъ слѣдовъ пузырей pemphigus нигдѣ нѣтъ. Чувствительность вездѣ сохранена. Регулы не появлялись.

40) Иванъ Палинъ, 20 лѣтъ.

Мои наблюденія (сент. 1891-го года).

Болѣзнь обнаружилась, лѣтъ около 10 т. назадъ, двумя красными пятнами на лбу, которыя въ теченіи двухъ лѣтъ не увеличивались (больной принималъ въ это время іодистый калій). Черезъ два года послѣ появленія пятенъ, у него началъ синѣть (но не пухнуть) мизинецъ, сначала на правой, а потомъ на лѣвой ногѣ; затѣмъ, стали пухнуть послѣднія филанги пальцевъ рукъ. На лицѣ въ это время, кромѣ пятенъ, ничего не было, оно стало пухнуть только 4 года тому назадъ. Съ этого же времени начали появляться въ различныхъ мѣстахъ и пузыри, которыхъ онъ почти не замѣчалъ, а проснется напр. утромъ и находитъ обнаженную, какъ послѣ ожоги, кожу. Боли въ конечностяхъ у него были, но связи ихъ съ развитіемъ пузырей онъ не замѣчалъ. Голосъ его сталъ измѣняться одновременно съ опухолью лица. Въ сонъ его не клонитъ, но тяжелые сны обнаружились у него вмѣстѣ съ началомъ болѣзни: то онъ падаетъ съ высоты, то его кто то душитъ.—St. praes. Тѣлосложеніе крѣпкое. Ростъ средній. Цвѣтъ лица грязноватый, фіолетово-

бурый. Опухоль лица ясно выраженная и въ особенности на лбу, на которомъ замѣчаются крупные бугры, отдѣленные узкими, но глубокими морщинками. При ощупаніе въ кожѣ щекъ обнаруживается узловатый инфильтратъ, но повидимому уже частью всосавшійся, такъ какъ кожа, покрывающая щеки представляетъ обильныя мелкія складки. Эти послѣднія замѣчаются и на значительно утолщенныхъ губахъ и на немного приплюснутомъ носу, а также на серожкахъ ушей. На губахъ же и на носу замѣчаются цѣлые пучки змѣевидно расширенныхъ сосудовъ, расположенныхъ на губахъ параллельно другъ къ другу и вертикально къ свободному краю губъ, на носу же въ видѣ радіусовъ, сходящихся къ вершинѣ носа. Характерный лепрозный насморкъ. Волосъ на бровяхъ, усахъ и бородѣ нѣтъ; на послѣднихъ пушекъ, и только кое-гдѣ болѣе толстые, но короткіе волоски, не болѣе 0,5—1 цент. длины. На мягкомъ нёбѣ язвы (въ комнатѣ темно и осмотрѣть полость рта трудно). Голосъ сиплый. На туловищѣ темная, желтовато-бурая, лоснящаяся, сѣтчатая окраска. На окрашенныхъ мѣстахъ, соотвѣтственно сальнымъ железкамъ,—темныя, нѣсколько возвышенныя точки; окрашенныя мѣста кожи то нѣсколько выдаются надъ поверхностью здоровой, находящейся въ промежуткахъ сѣтки кожи, то находятся съ послѣднею на одномъ уровнѣ. Кожа мошонки утолщена и на ней, въ отдѣльныхъ мѣстахъ разсѣяны довольно мягкія и блѣдныя папулы, въ 0,5 цент. въ діаметрѣ. Головка довольно объемистаго ствола представляетъ неравномѣрную консистенцію: мѣстами болѣе мягкую, мѣстами же очень твердую. Объемъ яичекъ не малъ; лѣвое измѣненій не представляетъ; въ правомъ узловатый инфильтратъ epididimis (Иванъ не имѣлъ сношеній съ женщинами, но иногда страдаетъ поллюціями). Верхнія конечности. На плечахъ такая же мраморная сѣтчатая окраска, какъ и на туловищѣ; на тылѣ предплечій атрофирующіяся красно-фіолетовыя папулы. Кожа кистей рукъ и первыхъ двухъ фалангъ утолщена, склерозирована, синевато-фіолетоваго цвѣта. На пальцахъ кое-гдѣ пемфигинозныя язвы, покрытыя струпьями. На локтяхъ рубцы. Ногтей на многихъ пальцахъ нѣтъ, на мѣстѣ ихъ сухая, мелко бугристая поверхность; на среднемъ же пальцѣ лѣвой руки у ложа отдѣлившагося ногтя небольшая сухая язвочка. На нижнихъ конечностяхъ такія же мраморныя пятна, какъ и описанныя выше. На колѣнахъ объемистыя рубцы. Кожа голеней и стопъ красноватаго цвѣта, умеренно инфильтрована и склерозирована; въ отдѣльныхъ мѣстахъ язвы съ рѣзкими, возвышенными, склерозированными краями и блѣднымъ сухимъ днемъ. Анастезіи въ излюбленныхъ мѣстахъ, но неравномѣрныя: участки кожи, совершенно потерявшіе чувствительность, чередуются съ участками, гдѣ послѣдняя только ослаблена.

Станица Подгорная.

Крестьянское селеніе, возникшее въ 1765-мъ году. Откуда вышли переселенцы,—мнѣ неизвѣстно.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869-го года: 2172 душъ, изъ этого числа казаковъ 2116 (1050 м. 1066 ж.), постороннихъ 56 (34 м., 22 ж.). По свѣдѣніямъ 1889 года 2678 душъ (1335 м., 1343 ж.), все русскіе.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Шумакова Анна . . .	?	М.	—	?	?	Въ метрикахъ не найдена.
2	Канаревъ Никифоръ .	30	М.	—	?	1845 III	Въ метрикахъ „отъ чахотки“.
3	Шумаковъ Илья (Иванъ?) Сергѣевъ.	22	М.	—	?	1850 VI	Въ метрикахъ „отъ лихорадки“.
4	Щедриновъ Григорій . (фельдшеръ).	21	М.	—	?	1868 XII	Въ метрикахъ „отъ поноса“.
5	Чечневъ Семенъ . . .	25	М.	—	?	1877 XII	Въ метрикахъ „отъ проказы“.
6	Шумаковъ Ѳома. . . Егоровъ.	22	М.	—	?	1879 III	Тоже.
7	Агаркова Анастасья .	50	М.	—	?	1879 VI	Тоже.
8	Кирпа Василій . . .	50	М.	—	1874	1886 IV	Тоже.
9	Щедринова Авдотья .	23	М.	—	1880	—	Больна въ настоящее время.
10	Щедринова Марѳа . .	20	М.	—	1887	—	Тоже.

Представленный списокъ соотвѣтствуетъ именамъ лицъ, болѣвшихъ проказою, на которыхъ намъ было указано съ разныхъ сторонъ. Родственныхъ и семейныхъ отношеній указанныхъ лицъ между собою мы не изслѣдовали, а потому не можемъ о нихъ сообщить никакихъ свѣдѣній, за исключеніемъ 3-хъ больныхъ, которыхъ видѣли въ 1884-мъ и 1891-мъ годахъ.

Василій Кирпа, выходецъ изъ Полтавской губ., откуда пришелъ на Кавказъ въ 1848 г. Въ семьѣ больныхъ, по его указанію, не было. Вызванный въ 1891-мъ году сынъ его Василій не пришелъ—спрятался.

Семейство Щедриновыхъ.

Родственныя связи Щедриновыхъ представлены на слѣдующей таблицѣ.

Алексѣй † ?

Авдотья (урожд. N.) †

Григорій фельдшеръ † 21 г. 1868 г.

Яковъ † ?
Марѳа (Терехова) † ?

Степанида за Жариковымъ Трофимомъ

Степанъ 25 л. Агафья 24 лѣтъ.

Авдотья 23 л., заб. въ 1880 году.

Марѳа 20 л., заб. 1887 г.

Настасья см. ст. Александрійскую.

Анна 6 м.

Первый въ семьѣ Щедриновыхъ заболѣлъ фельдшеръ Григорій и умеръ ранѣе, чѣмъ родилась Авдотья (эта послѣдняя родилась въ 1868 году, а по справкѣ въ метрикахъ Григорій умеръ тоже въ 1868 г.). Послѣ Григорія заболѣла двоюродная сестра Авдотьи, Настасья, выданная замужъ за Жарикова въ Александрійскую станицу (см. ниже). Какъ передавала мнѣ въ 1884-мъ году сама Авдотья, когда я видѣлъ ее въ 1-ый разъ, она часто гостила у тетки въ Александрійской станицѣ и въ послѣдній разъ, передъ поступленіемъ въ женскій Ставропольскій монастырь, куда ее отдали родные года 4 тому назадъ, пробыла у тетки всю масляницу. Заболѣла Авдотья въ монастырѣ, вскорѣ послѣ того, какъ поступила туда. Изъ монастыря ее тогда взяли родители (? не удалили ли оттуда ?) и въ 1884-мъ году я видѣлъ ее въ семьѣ, не отдѣленною. Въ 1891-мъ году я нашелъ больною и младшую сестру Авдотьи—Марѳу. Эта послѣдняя сообщила, что заболѣла года 4 тому назадъ (см. приложенія). Въ настоящее время обѣ сестры изолированы: у нихъ на дворѣ небольшая, но очень чистенькая хатка и онѣ питаются милостыней и деньгами, которыя имъ плотятъ за чтеніе псалтыря по покойникамъ, что они дѣлаютъ у себя на дому.

Приложенія.

41) Василій Кирпа, 50 лѣтъ.

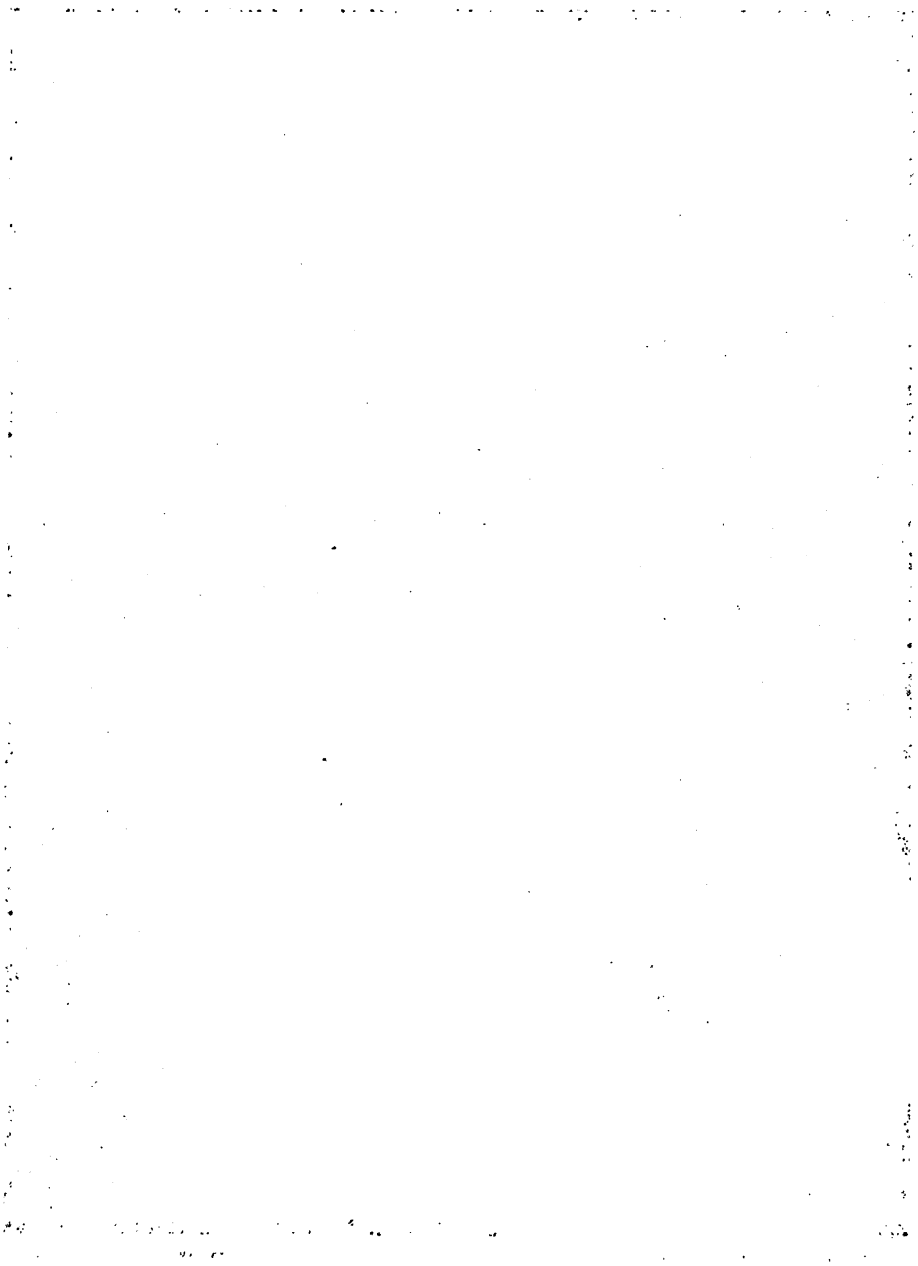
Изъ моихъ наблюденій за 1884-ый годъ. (Проказа на югѣ Россіи стр. 105, № 74).

St. praes.—Чисто узловатая форма: поверхностные узлы на бровяхъ, кругомъ ноздрей и по краямъ губъ; узлы изъязвлены. Язвы на небѣ. Верхн. конечности: атрофическая кожа (всосавшіеся инфильтраты); четки по тракту венъ; атрофія мышцъ кистей рукъ; пемфигинозные рубцы; полная анестезія тыла и неравномѣрная—ладонной поверхности плечъ, предплечій и кистей рукъ. Нижнія конечности: равномѣрный инфильтратъ кожи голени и стопы; ulcus perforans на правой подошвѣ, у основанія большаго пальца; анестезія, начиная съ бедеръ.

42) Авдотья Щедринова, 24 л. Табл. V.

Изъ моихъ наблюденій 1884-го года (l. c. стр. 104, № 73) и 1891-го года.

Въ 1884-мъ году: Anamn. Больна 4 года. Сначала пятна, а потомъ пузыри, сливавшіеся между собою и занимавшіе большое пространство; одновременно съ пузырями—лихорадка.—St. praes. 4 поверхностныхъ узла на лбу, величиной въ чечевицу, нѣсколько узелковъ на бровяхъ и подбородкѣ и 3 на правой щекѣ; кожа между узлами нормальная. Въ носу корки; частыя кровотеченія; форма не измѣнена. На конечностяхъ такіе же узлы какъ и на лицѣ. Анестезія только на тылѣ стопъ.



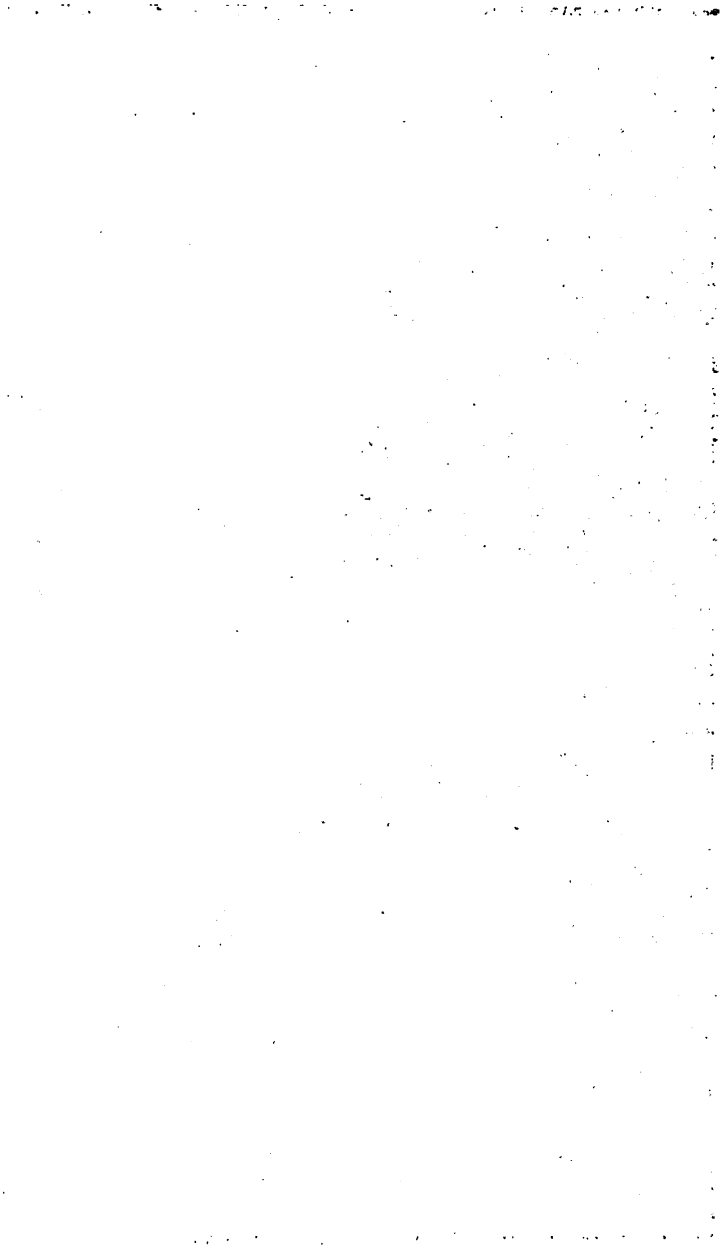
Ст. Подгорная.

узлы какъ и на лицѣ. Анестезія только на тылѣ стопъ.

Фотогр. Проф. Г. Н. Минхъ. *Светопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.*

Авдотья Щедринова, 23 л.

Ст. Подгорная.



Марѳа Щедринова, 20 л.
Ст. Подгорная.

Табл. VI.

Фотогр. Проф. Г. И. Минхъ. Кіевъ. Свѣтопечать С. В. Кульженко.

Марѳа Щедринова, 20 л.

Ст. Подгорная.

1891-ый годъ: все лице покрыто буграми, какъ бы возвышенными желтовато-бурыми пятнами, довольно мягкой консистанціи, съ замѣтными на поверхности расширенными отверстіями сальныхъ железъ, дающими этой поверхности видъ шагрени. Между буграми на лбу, губахъ и подбородкѣ глубокія морщины. Въ толщѣ кожи ощущается узловатый инфильтратъ. Волосъ на бровяхъ нѣтъ. Носъ ввалился. На мягкомъ нёбѣ язвы и рубцы. Голосъ сиплый. На конечностяхъ такіе же бляшки, какъ и на лицѣ; ихъ больше на тылѣ, на ладонной поверхности ихъ мало; начиная съ нижней половины предплечій и ниже колѣнъ бляшки эти сливаются и кожа тыла предплечій и голеней представляетъ сплошное, бурое утолщеніе, пересекаемое въ различныхъ направленіяхъ болѣе или менѣе глубокими морщинками. Кожа тыла кистей рукъ и тыла первыхъ 2-хъ фалангъ также утолщена и морщиниста. На туловищѣ также попадаются бляшки, но довольно рѣдко. Анестезія, слабо выраженная на плечахъ и бедрахъ, ниже локтей и колѣнъ полная. Регулъ нѣтъ.

43) Марѳа Щедринова 20 лѣтъ. Табл. VI

Изъ моихъ наблюденій въ 1891 году.

Больна 4 года. Первыя пятна показались на обѣихъ голеняхъ сзади, а затѣмъ и на лицѣ. Пузырей не было.—St. praes. Инфильтратъ и опухоль лица незначительны. Цѣтъ мало измѣненъ. На лицѣ, въ особенности на подбородкѣ, разсѣяны фіолетово-красные узелки, похожіе на аспе. Волосъ на бровяхъ нѣтъ; кожа ихъ слегка инфильтрована. Носъ представляетъ ясную сѣдловину, начинающуюся съ переносья; края ноздрей краснаго цвѣта, утолщены и склерозированы; въ носу корки, частыя кровотеченія. Въ полости рта измѣненій нѣтъ. На тѣлѣ бурыя пятна, но довольно рѣдкія; соски дѣтски развитыхъ грудей утолщены, тверды. На верхнихъ и нижнихъ конечностяхъ мраморная окраска, причемъ темныя пятна соотвѣтствуютъ глубокимъ узламъ въ толщѣ кожи. Кожа кистей рукъ и стопъ не измѣнена. Анестезія, хотя и неравномѣрная, начиная съ локтей и колѣнъ.

Станица Александрійская.

Составилась изъ казенныхъ крестьянъ, выселенныхъ (откуда ?) на Кавказъ въ 1785-мъ году и перечисленныхъ въ 1835-мъ году въ линейное войско, а именно—въ 1-ый волжскій полкъ.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 2869-го года: 2540 душъ, изъ этого числа казаковъ 2503 (1263 м., 1240 ж.), постороннихъ—37 (25 м., 12 ж.); дворовъ 237. По свѣдѣніямъ 1889 года—3562 души, изъ числа которыхъ только 1 армянинъ, остальныя (1803 м., 1758 ж.) всѣ русскіе.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Селина Авдотья . . .	40?	М.	—	?	1850	По показан. сына Въ метр. не найдено.
2	Матвѣева Агафья . .	35	М.	—	?	1853 IX	Въ метр. „отъ венеричъ.“ КазачкаЛабинской станицы.
3	Ведерникова Агафья . (дѣв.).	22	М.	—	?	1855	Въ метрикахъ „отъ венерической“.
4	Сундіева Степанида .	31	М.	—	?	1857	
5	Филяева Ѳедосья. . .	28	М.	—	?	1859 XI	Тоже.
6	Попова Анна (вдова) .	34	М.	—	?	1860 XI	Тоже.
7	Андросовъ Петръ . .	27	К.	—	1856	1863 IX	Тоже.
8	Павлова Прасковья. .	60	М.	—	?	1867 IX	
9	Яриковъ Ларіонъ . .	45	М.	—	1860	1867 IV	
10	Русановъ Лаврентій .	50	М.	—	?	1869	Въ метрикахъ не найденъ.
11	Андросова Мавра . .	25	К.	—	1852	1869 III	Въ метрикахъ „отъ проказы“.
12	Русанова Аграфена. .	49	М.	—	?	1870 IV	
13	Сусарина Мавра. . .	20	М.	—	?	1873	Въ метрикахъ не найдена.
14	Макаровъ Максимъ. . (священникъ).	54?	М.	—	1861	1874 VII	Въ выпис изъ метр. мною, по ошибкѣ, не выписанъ возрастъ.
15	Сусаринъ Ѳаддей . .	26	М.	—	?	1874 IX	Въ метрикахъ „отъ долговременной болѣзни“.
16	Яриковъ Арефій. . .	35	М.	—	1870	1875 VII	
17	Глѣбова Александра .	30	М.	—	1867	1877 VII	
18	Болотовъ Антонъ . .	16	М.	—	?	1878 IX	
19	Павловъ Филиппъ . .	29	М.	—	1871	1878 IX	
20	Плотникова Дарья . .	65	М.	—	?	1878	Въ метрикахъ не найдена.
21	Сушковъ Косьма. . .	22	М.	—	1869	1879 V	
22	Высоцкая Агафья. . .	52	М.	—	1864	1879 III	
23	Русановъ Василій . .	19	М.	—	?	1881 X	Въ метр. отмѣченъ „отъ проказы“.
24	Павлова Мавра . . .	28	М.	—	?	1882 III	
25	Брянцевъ Иванъ. . .	36	М.	—	1878	1882 V	
26	Сундіевъ Иванъ . . .	18	М.	—	1869	1882 XI	
27	Штанкова Васса. . .	33	М.	—	?	1883 VI	Въ метр.: крестьян. Ставр. г. „отъ прок.“.
28	Столбовскій Федоръ. .	20	М.	—	1870	1883 VIII	

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрасть.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
29	Ракитина Устинья . .	27	М.	—	1875	1884 IV	
30	Яриковъ Филиппъ . .	28	М.	—	?	1884 VII	
31	Кондратьевъ Александ.	63	М.	—	?	1884 V	Въ метр. отмѣчено „отъ проказы".
32	Жарикова Настасья .	27	М.	—	1875	1885 VII	
33	Дорохова Пелагея . .	40	М.	—	1875	1886 VI	
34	Макарова Вѣра . . .	33	М.	—	?	1886 II	
35	Болотовъ Федоръ . .	30	М.	—	1879	1886	? Въ метрикахъ не найденъ.
36	Рѣдькинъ Федоръ . .	18	М.	—	1880	1887 III	
37	Гусева Анна	30	М.	—	1882	1888 X	
38	Сушковъ Тихонъ. . .	45	М	—	?	1889 XI	
39	Гарбуновъ Ефимъ . .	58	М.	—	?	1889 IV	
40	Полька Яковъ. . . .	27	М.	—	1883	1889 IV	
41	Яриковъ Гавріилъ . .	30	М.	—	1879	1890 X	
42	Шумаковъ Иванъ . .	33	М.	—	1882	1890 II	
43	Сушковъ Федоръ. . .	44	М.	—	1874	1891	
44	Агаркова Домна. . .	20	М.	—	1876	—	Больна въ настоящее время.
45	Гуляева Марѳа . . .	32	М.	—	1886	—	Тоже. Случай подозрительный.
46	Монакова Дарья . .	28	М.	—	1881	—	Тоже.
47	Высоцкій Архипъ . .	67	М.	—	1887	—	Тоже.
48	Сушковъ Макаръ . .	27	М.	—	1884	—	Тоже.
49	Глѣбова Прасковья . .	26	М.	—	1872	—	Тоже.
50	Брянцевъ Даніилъ . .	19	М.	—	?	—	Тоже.
51	Яриковъ Даніилъ . .	21	М.	—	?	—	Тоже.
52	Харская Просковья. .	28	М.	—	1878	—	Тоже.
53	Макарова Марья . .	29	М.	—	1876	—	Тоже.
54	Столбовскій Матвѣй .	22	М.	—	1882	—	Тоже.
55	Столбовскій Акимъ . .	16	М.	—	1884	—	Тоже.
56	Шумакова Пелагея. .	14	М.	—	1886	—	Тоже.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
57	Шумакова Анна. . .	7	М.	—	?	—	Больна въ настоящее время.
58	Косыхъ Иванъ . . .	32	М.	—	1873	—	Тоже.
59	Перепелицинъ Федоръ .	65	М.	—	1876	—	Тоже.
60	Жариковъ Василій . .	33	М.	—	?	—	Тоже.
61	Ушакова Пелагея. . .	30	М.	—	?	—	Тоже. Случай подозрительный.
62	Чернева.	—	М.	—	?	—	Тож Сл. подозр.

Съ кѣмъ изъ почтенныхъ сторожилъ Александрійской станицы мнѣ только не приходилось бесѣдовать, и въ 1884-мъ, и въ 1891-мъ годахъ, о проказѣ, всѣ единогласно утверждаютъ, что до 40-хъ годовъ въ ихъ станицы этой болѣзни не было, что первое заболѣваніе, которое они помнятъ было въ семьѣ Селиныхъ, что, наконецъ, съ 60-хъ годовъ, въ особенности послѣ заболѣванія Павловой, болѣзнь стала сильно увеличиваться въ станицѣ. Представленный длинный списокъ больныхъ вполнѣ подтверждаетъ приведенное указаніе сторожилъ.

Обращаясь къ этому списку въ частности, мы видимъ, что первыя заболѣванія, также какъ и въ Наурѣ и нѣкоторыхъ другихъ станицахъ, отмѣчены въ метрикахъ діагнозомъ: умеръ „отъ венерической“. Но мы едва-ли ошиблись, внося 5 человѣкъ съ этимъ діагнозомъ въ нашъ списокъ, ибо, если исторія заболѣваній 3-хъ изъ нихъ нами не изслѣдована (Матвѣевой, Ведерниковой и Поповой), то двое больныхъ, какъ увидимъ скоро, несомнѣнно страдали проказою.

Какъ бы то ни было, останавливаясь на отдѣльныхъ заболѣваніяхъ, мы начнемъ съ перваго изъ нихъ, несомнѣнно принадлежавшаго проказѣ.

Семья Селиныхъ. № 1, 4 и 5 списка.

Въ 40-хъ годахъ семья Платона и Авдотьи Селиныхъ состояла изъ двухъ сыновей—Лукьяна и Ивана—и двухъ дочерей—Степаниды и Ѳедосьи. Въ концѣ 40-хъ годовъ сыновья были женаты, а дочери выданы замужъ: первая—за Неѳеда Сундіева, вторая—за Филяева. Первая въ семьѣ заболѣла Авдотья. Что она болѣла проказою,—утверждаютъ многіе свидѣтели, не отрицаютъ также и ея сыновья,

которые, однако, не могли мнѣ сообщить болѣе подобныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о болѣзни матери, такъ какъ, оправдываются они, все время находились на службѣ и даже о смерти матери узнали изъ писемъ. Авдотья, по указанію Лукьяна Селина, умерла въ 1850-мъ году; онъ это хорошо помнитъ, такъ какъ съ 49-го года былъ отправленъ на службу въ Петербургъ, гдѣ въ 50-мъ году и получилъ письмо, что мать умерла. Указаній на время смерти послѣдней я, однако, не нашелъ ни въ метрической книгѣ за 1849-ый, ни за 50-ый годъ; книги же до 49-го года, къ сожалѣнію сгорѣли вмѣстѣ съ церковью.

Также какъ и болѣзни матери, братья не отрицаютъ и болѣзни сестеръ, но не могли, а можетъ быть и не желали, сообщить мнѣ о нихъ болѣе точныхъ свѣдѣній.

Семьи Андросовыхъ, Высоцкихъ, Сусариныхъ, Дороховыхъ, Агарковыхъ, Гуляевыхъи Рѣдькиныхъ. № 7, 11, 13, 15, 22, 33, 36, 44, 45, 46 и 47.

Первыя заболѣванія въ этихъ семьяхъ обнаружились у Андросовыхъ.

Козловскій въ 1864-мъ году видѣлъ семью Андросовыхъ и указалъ на Петра и Мавру, болѣзнь которой описалъ въ своихъ наблюденіяхъ (см. приложеніе), а также высказалъ подозрѣніе относительно болѣзни ихъ сестры Агафіи Высоцкой. Кромѣ того, Козловскій представилъ родословную Андросовыхъ, которую мы и передаемъ здѣсь съ необходимыми поправками, причемъ лѣта членовъ семьи, кромѣ лицъ умершихъ, относятся въ 1864-мъ году.

Свѣдѣнія о заболѣваніи въ семьѣ Андросовыхъ мы имѣемъ отъ нѣсколькихъ лицъ, близкихъ къ Андросовымъ, а потому хорошо знавшихъ семью, и главнымъ образомъ отъ Егора Высоцкаго (см. ниже), указанія котораго вполнѣ подтверждаются стариками Сусаринымъ и Агарковой.

Первая у Андросовыхъ, передаетъ Егоръ, заболѣла Мавра, которая хотя и умерла позднѣе Петра, но заболѣла много раньше,— еще дѣвочкой, захвативъ болѣзнь, можетъ быть, отъ Селиныхъ, къ которымъ она могла „таскаться“, такъ какъ Андросовы и Селины были сосѣдями. Семейство Андросовыхъ было небогатое и Петръ Андросовъ жилъ въ работникахъ у Алексѣя Высоцкаго, мужа своей родной сестры, Агафьи. Мавра жила съ матерью. Когда послѣдняя умерла (вре-

Андросовы

Михаилъ

Переселенецъ изъ Тамб. губ.

Назаръ † ?
Александра (Норовыхъ) † ?

Пелагея †
1-ый мужъ Русановъ.

2-ой мужъ Черниковъ.

3-й мужъ Шевцовъ.

Петръ 27 † 1863 г. Домна (Литварова) 22 л.

1 реб. законный †
1 реб. незаконный.

Мавра 25 л. † 1869 г.

Агафья 25 л. † 1879 г. за Алексѣемъ Высоцкимъ.

См. семью Высоцкихъ.

Анна 35 л. за Агарковымъ.

См. семью Агарковыхъ.

Анна 21 г. за Жбановымъ.

Екатерина, замужемъ N.

Потомство здорово.

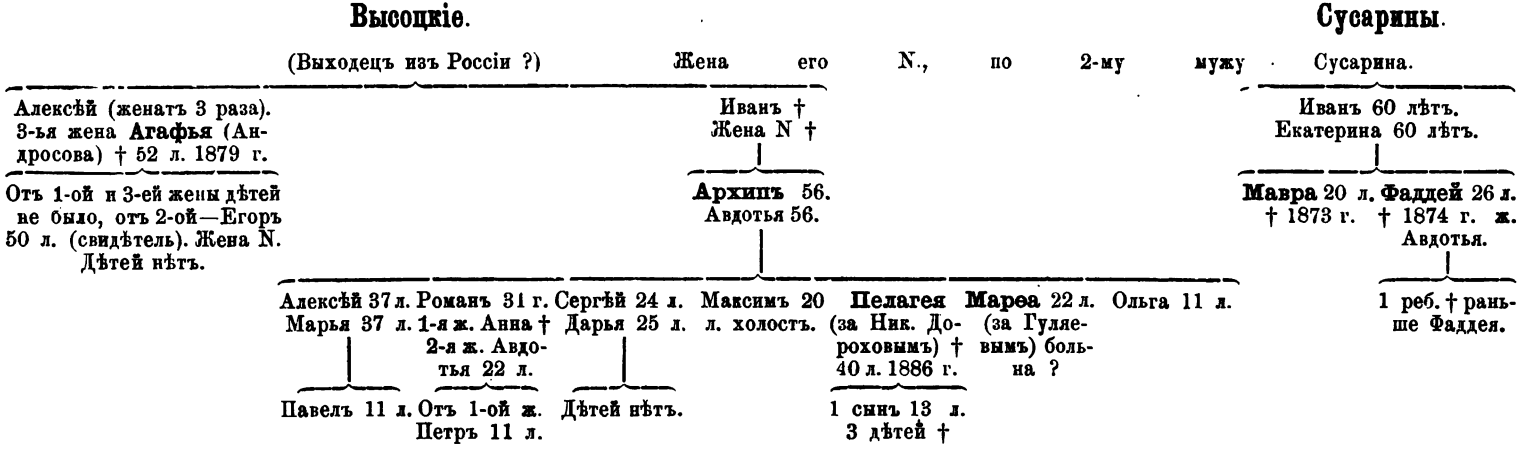
Дѣтей не было.

мени ея смерти свидѣтель точно опредѣлить не можетъ), Агафья Высоцкая взяла сестру къ себѣ. Мавра въ это время была уже больна, но Петръ былъ здоровъ, вскорѣ женился и имѣлъ одного ребенка; онъ заболѣлъ спустя уже нѣкоторое время (какое свидѣтель не упомнитъ) послѣ того, какъ Мавра перебралась жить къ Высоцкимъ. Болѣлъ Петръ не долго, а послѣ него заболѣли Агафья Высоцкая и Сусарины.

Преждѣ чѣмъ перейдемъ къ этимъ послѣднимъ заболѣваніямъ, повѣримъ указанія свидѣтеля, указаніями д-ра Козловскаго, изъ которыхъ нѣкоторыя противорѣчатъ другъ другу; нѣкоторыя же подтверждаютъ. Такъ, съ одной стороны, Козловскій указываетъ, что Александра Андросова, мать Петра и Мавры, послѣ смерти мужа вышла за Столбовскаго и умерла въ 1839 году: первое—вѣрно, Александра дѣйствительно вышла за Столбовскаго и вскорѣ умерла, но второе указаніе невѣрно, ибо дочь Александры—Мавра—родилась только въ 1844-мъ году. Съ другой стороны, указаніе Козловскаго на время заболѣванія Мавры вполнѣ согласуется съ указаніями свидѣтеля относительно послѣдовательности заболѣваній въ семьѣ Андросовыхъ: Мавра, по К., заболѣла въ 1852-мъ году, т. е., по его счету лѣтъ, 6-ти лѣтнимъ ребенкомъ, что обнаруживалось и внѣшними признаками, на которые указываетъ К.: малый ростъ, слабое развитіе и т. д. Принимая въ расчетъ это указаніе и то, что Петръ Андросовъ былъ женатъ и имѣлъ ребенка, слѣдуетъ предположить, что болѣзнь обнаружилась у Петра никакъ не ранѣе 20-ти лѣтняго возраста, т. е. не ранѣе 1856-го года, что также согласуется съ указаніемъ свидѣтеля, что Петръ болѣлъ не долго.

Обращаемся къ дальнѣйшимъ заболѣваніямъ въ семьяхъ Высоцкихъ и Сусариныхъ.

На одномъ дворѣ и даже въ одномъ домѣ съ Алексѣемъ Высоцкимъ (мужемъ Агафьи, сестры Петра и Мавры Андросовыхъ), жили два брата Алексѣя: одинъ—родной—Иванъ Высоцкій, другой—сводный—Иванъ Сусаринъ. Представляемъ ихъ семейныя отношенія въ слѣдующей таблицѣ, въ которую не внесенъ только племянникъ Алексѣя, Иванъ Ивановъ Высоцкій, который уже давно выселился изъ Александрійской станицы. Лѣта членовъ семьи Высоцкаго и Сусариныхъ въ представляемой родословной обозначены согласно стан. сем. 1880 г.


Высоцкіе.
(Выходецъ изъ Россіи ?)
Жена его N., по 2-му мужу Сусарина.
Сусарины.
Алексѣй (женатъ 3 раза). 3-ья жена Агафья (Андросова) † 52 л. 1879 г.
Отъ 1-ой и 3-ей жены дѣтей не было, отъ 2-ой—Егоръ 50 л. (свидѣтель). Жена N. Дѣтей нѣтъ.
Иванъ †
Жена N †
Архипъ 56.
Авдотья 56.
Иванъ 60 лѣтъ.
Екатерина 60 лѣтъ.
Мавра 20 л. † 1873 г.
Фаддей 26 л. † 1874 г. ж. Авдотья.
1 реб. † раньше Фаддея.
Алексѣй 37 л. Марья 37 л.
Романъ 31 г. 1-я ж. Анна † 2-я ж. Авдотья 22 л.
Сергѣй 24 л. Дарья 25 л.
Максимъ 20 л. холостъ.
Пелагея (за Ник. Дороховымъ) † 40 л. 1886 г.
Марѳа 22 л. (за Гуляевымъ) больна ?
Ольга 11 л.
Павелъ 11 л.
Отъ 1-ой ж. Петръ 11 л.
Дѣтей нѣтъ.
1 сынъ 13 л. 3 дѣтей †

Относительно заболѣванія Агафьи Высоцкой мы находимъ у д-ра Козловскаго въ 1864-мъ году слѣдующее указаніе: на стр. 83-й онъ говоритъ: „Агафья Высоцкая носитъ на себѣ оттѣнокъ проказы". Слѣдовательно уже 1864-мъ году у нея уже обнаружились нѣкоторыя подозрительныя явленія. Свидѣтель, Егоръ Высоцкій, передаетъ ясную картину болѣзни мачихи, причемъ дополняетъ, что хотя Агафья и не была отдѣлена, но онъ ея остерегался „и запрещалъ женѣ ея касаться, а тѣмъ болѣе пить съ нею изъ одной чашки кипяченое молоко, которое Агафья часто предлагала ей". (Молоко, какъ мы уже указали, считается въ народѣ однимъ изъ лучшихъ проводниковъ заразы). Агафья, какъ видно изъ метрикъ, умерла въ 1879 году. Мужъ ея умеръ раньше.

Одновременно ли съ Агафьей, или позднѣе ея,—ни Егоръ Высоцкій, ни Иванъ Сусаринъ указать мнѣ не могли,—заболѣли Мавра и Ѳаддей Сусарины (Сусарины жили въ одномъ домѣ съ Высоцкими). Послѣдній былъ женатъ и имѣлъ ребенка, который умеръ раньше отца. Оба свидѣтеля указываютъ, что братъ и сестра Сусарины нисколько не остерегались больныхъ: ѣли и пили съ ними вмѣстѣ изъ одной посуды и т. д. Когда болѣзнь ихъ обнаружилась ясно,—ихъ отдѣлили: „въ это время" (Егоръ Высоцкій) „уже больныхъ стали бояться". Мавра умерла однимъ годомъ раньше Ѳаддея, отмѣченнаго въ метрикахъ, умершимъ въ 1874-мъ году.

Уже позднѣе болѣзнь обнаруживается въ семьѣ роднаго брата Алексѣя, Ивана Высоцкаго, которая жила съ Алексѣемъ на одномъ дворѣ. По показанію Архипа Иванова Высоцкаго, семья его жила съ Алексѣемъ недолго, а именно—пока Архипъ былъ на службѣ, куда онъ поступилъ въ 1846-мъ году и откуда вернулся въ 1857. Сыну его Алексѣю было тогда 14, а Пелагеѣ 12 лѣтъ. Въ 1858-мъ году Архипъ съ семьею ушелъ отъ отца въ другой домъ, далеко отъ Высоцкихъ. Въ семьѣ Архипа первая заболѣла Пелагея, выданная за Никиту Дорохова, которая, по показанію Егора Высоцкаго, часто бывала у Агафьи и начала болѣть чуть ли не дѣвушкою. Сама Пелагея, когда я видѣлъ ее въ 1884-мъ году сообщила мнѣ, что заболѣла 9 лѣтъ тому назадъ, т. е. больна съ 1875-го года, и приписывала болѣзнь побоямъ мужа. Дороховой, когда ея болѣзнь обнаружилась ясно, была выстроена свекоромъ хатка совершенно отдѣльно, въ саду. По отзывамъ и не однихъ Дароховыхъ, но и многихъ другихъ лицъ, Пелагея

устроила, будто-бы, въ саду цѣлый притонъ разврата (см. далѣе). Въ 1886-мъ году Пелагея Дорохова умерла.

Оставляя пока въ сторонѣ другія заболѣванія въ семьѣ Ивана, т. е. Архипа Высоцкаго, мы остановимся еще на одномъ заболѣваніи, обнаружившемся въ семьѣ родственной Агафьѣ Высоцкой, а именно ея родной сестры Агарковой, Анны Назаровой (слѣдоват. урожд. Андросовой, а не Столбовской, какъ отмѣчено въ родословной таблицѣ Козловскаго). Семейство у Агарковыхъ было большое: 4 женатыхъ сына съ дѣтьми, всѣ отдѣленные, и 3 замужнія дочери, тоже живущія отдѣльными семьями, и 1 дочь, дѣвушка Домна. Старики Агарковы, Никифоръ (утонувшій въ 1891-мъ году) и Анна, жили вмѣстѣ съ младшею дочерью Домной, у старшаго сына Михаила, семья котораго состояла изъ жены и дочериТатьяны. Заболѣла проказою Домна. Спрошенная по поводу ея заболѣванія старуха Анна Агаркова сообщила, что Домна заболѣла 7, 8 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1883 или 84-мъ году; что болѣзнь началась упорнымъ насморкомъ; что она не знаетъ, откуда болѣзнь перешла къ Домнѣ; что отъ Агафьи Высоцкой они жили далеко. Нѣсколько иныя показанія были даны сестрою Домны—Василисой, а именно: у нихъ въ домѣ часто бывала Агафья Высоцкая и болѣзнь у Домны обнаружилась уже давно: еще когда она была 6-ти лѣтней дѣвочкой (слѣдовательно въ 1877-мъ году) у ней стали выходить пузыри на ногахъ и она въ нихъ потеряла чувство, а лѣтъ 6 тому назадъ болѣзнь уже выразилась ясно. Домна Агаркова отдѣлена: у нея на дворѣ, довольно чистенькая хатка, которую я видѣлъ, и за больной ухаживаетъ—носитъ ей пищу и т. д.—старуха мать; ни сестра и ея мужъ, ни другіе члены семьи къ ней не ходятъ. Татьяна была осмотрѣна мною и найдена здоровою.

Возвращаемся къ семьѣ Архипа Высоцкаго.

Въ 1891-мъ году ко мнѣ обратилась за совѣтомъ Марѳа Гуляева. Явленія ея болѣзни показались мнѣ крайне подозрительными (см. приложенія) и я навелъ справки относительно ея семьи. Оказалось, что Марѳа Гуляева родная сестра Пелагеи Дороховой (см. родосл. табл.). Это заставило меня снова вызвать и допросить Гуляеву, которая показала, что Дарохова, хотя и была отдѣлена семьею мужа, но часто посѣщала своихъ родныхъ, а также и Гуляеву; что это послѣдняя нерѣдко бывала и сама у нея въ саду. Кромѣ того, изъ дальнѣйшихъ справокъ обнаружилось, что проказою больна и сестра мужа

Гуляевой, Дарья, выданная за Монакова. При осмотрѣ и опросѣ оказалось, что эта послѣдняя страдаетъ ясно выраженной первичной нервной формою проказы (см. приложеніе); что заболѣла она лѣтъ 10 тому назадъ, т. е. въ 1881-мъ году, еще будучи дѣвушкою (она жила тогда вмѣстѣ съ Маѳоой); что Дорохова часто бывала въ семьѣ Гуляевыхъ и она вмѣстѣ съ Маѳоой Гуляевой ходила къ ней въ садъ. Наконецъ, послѣдній изъ числа больныхъ въ семьѣ Архипа Высоцкаго былъ самъ Архипъ. Вызванный для спроса по поводу заболѣваній въ его семьѣ, онъ бросился мнѣ въ глаза уже рѣзко выраженными на лицѣ явленіями болѣзни (см. приложенія). Спрошенный по поводу Дороховой, кромѣ свѣдѣній приведенныхъ выше, онъ сообщилъ, что Пелагея часто бывала у нихъ больная. Архипъ живетъ одинъ съ женою.

Въ заключеніе, мы должны указать еще на одно заболѣваніе, которое можетъ быть поставлено въ связь съ болѣзнью Дороховой, а именно—Федора Рѣдькина. Въ 1884-мъ въ моихъ матерьялахъ по проказѣ записано показаніе Федора: „живетъ недалеко отъ Дороховой, которая зазывала его къ себѣ, ласкала и кормила сухими грушами". Но, кромѣ того, Федоръ указалъ также и на то, что у него былъ товарищъ изъ Лысогорской станицы, Федоръ Гусевъ (позднѣ, по справкамъ, оказалось, что Гусевъ—уличное названіе, а настоящая фамилія Гусева—Столбовскій, см. ниже), который болѣлъ проказою и съ которымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. По свидѣтельству матери, болѣзнь, которая въ 1884-мъ году, когда мы его осматривали, была еще слабо выражена, стала затѣмъ развиваться быстро, его отдѣлили отъ семьи, помѣстивъ въ хатку, гдѣ въ 1887 г. онъ и умеръ внезапно: „пришли и застали мертвымъ" (Настасья Рѣдькина). Семья Рѣдькиныхъ состояла изъ отца (Степана 42 л.), матери (Настасьи 30 л.) и, кромѣ Федора, 2-хъ сыновей (8 лѣтъ и 1 года). Всѣ здоровы.

Семейство Павловыхъ, Сушковыхъ, Гусевыхъ, Глѣбовыхъ, Яшниковой (по 2-му мужу Русановой), Сундіевыхъ, Плотниковой, Жариковыхъ и Брянцевыхъ. №№ 8, 12, 17, 19, 20, 21, 24, 25, 26, 29, 32, 37, 38, 43, 48, 49 и 50 списка.

Отношеніе и составъ семействъ Павловыхъ и Сушковыхъ представлены на слѣдующей таблицѣ. (Возрастъ отдѣльныхъ членовъ отмѣченъ соотвѣтственно станичному семейному списку 1880-го года).

Семьи Павловыхъ и Сушковыхъ жили въ одномъ домѣ и притомъ крайне бѣдно и тѣсно (такъ, наприм., разсказываютъ, что больной Косьма,

за неимѣніемъ мѣста, спалъ подъ кроватью братьевъ). Первая въ семьѣ заболѣла Прасковья Павлова. По всѣмъ свѣдѣніямъ это была женщина очень бойкая, занимавшаяся повитушествомъ. Съ кѣмъ изъ болѣвшихъ до нея она сносилась и когда заболѣла,—неизвѣстно; свидѣтели передаютъ только, что она болѣла долго. Послѣ Прасковьи заболѣли ея внуки: Филиппъ и Мавра Павловы и Косьма и

Павловы.

Савелій † давно
Прасковья Трофимова
† 1867 г. 60 л.

Тимоѳей 49 л., 1-я жена Татьяна † 1880 г., 2-я ж. Софья 26 л. (1891 г.).			Авдотья 51 г. Мужъ ея Андрей Сушковъ † 41 г. въ 1871 г.		
Филиппъ † 29 л. 1878 г.	**Мавра** † 28 л. 1882 г.	**Косьма** † 22 л. 1879 г.	**Федоръ** † 40 л. 1891 г. Зиновія 30 л. Ефимъ 10 л.	**Макаръ** 16 лѣтъ. Болѣнъ въ н. вр.	Три сына здоровыхъ: Василій 19 л. Ермолай 14 л. Петръ 10 л.

Федоръ Сушковы. О первыхъ двухъ, кромѣ несомнѣнныхъ указаній на то, что они болѣли проказою и что Филиппъ былъ даже оффиціально признанъ больнымъ этою болѣзнью въ 1871 году,—мы ничего не знаемъ. О Косьмѣ Сушковѣ имѣемъ свѣдѣнія отъ брата его Федора, а именно, что Косьма былъ боленъ лѣтъ 10, слѣдовательно болѣзнь обнаружилась у него въ 1869-мъ году. Федора Сушкова мы видѣли въ 1884-мъ году и онъ сказался больнымъ тоже около 10 лѣтъ, т. е. съ 1874-го года; но судя потому, что пузыри pemphigus обнаруживались у него еще ранѣе, слѣдуетъ полагать, что онъ заболѣлъ одновременно съ братомъ Косьмою. Наконецъ, въ 1884 же году нами отмѣченъ въ матерьялахъ по проказѣ Макаръ Сушковъ, какъ субъектъ, представляющій нѣкоторыя очень подозрительныя явленія, и мы не ошиблись, такъ какъ, осматривая его въ 1891-мъ году, нашли, что болѣзнь выразилась у него уже довольно ясно. При осмотрѣ Макаръ передалъ намъ, что въ 1884 году онъ былъ принятъ на службу и только въ нынѣшнемъ году зачисленъ, по болѣзни, въ негодные. Изъ остальныхъ членовъ семьи Сушковыхъ мы осматривали и въ 1884-мъ, и въ 1891-мъ единственнаго сына Федора Сушкова, Ефима, причемъ въ записной книжкѣ отмѣтили: „рослый субъектъ, крѣпкаго тѣлосложенія, съ цвѣтущимъ лицемъ“. Спрошенный о своихъ отношеніяхъ къ отцу, Ефимъ сообщилъ, что до смерти матери отецъ былъ отдѣленъ, когда же мать умер-

ла, онъ перешелъ изъ своей хатки жить въ домъ (Сушковы жили уже въ это время отдѣльно отъ Павловыхъ); самъ Ефимъ еще и при матери жилъ постоянно въ работникахъ и рѣдко бывалъ дома, а когда приходилъ, остерегался отца: не ѣлъ съ нимъ изъ одной посуды и т. д.

Въ связи съ болѣзнью Павловой находится заболѣваніе въ семьѣ Гусевыхъ и послѣдующія затѣмъ заболѣванія у Глѣбовыхъ и Ракитиныхъ. Отношенія Гусевыхъ и Глѣбовыхъ представлены на таблицѣ, въ которой лѣта отдѣльныхъ членовъ отмѣчены по семейному списку 1880-го года.

Исторія заболѣваній въ семьѣ Гусевыхъ и Глѣбовыхъ начинается съ болѣзни двоюродной внучки Прасковьи Павловой — Александры Гусевой, жены Степана Глѣбова. Вотъ свѣдѣнія, которыя были мнѣ сообщены послѣднимъ въ 1891-мъ году. Братья Степанъ и Петръ Глѣбовы жили вмѣстѣ. Степанъ въ концѣ 60-хъ годовъ, послѣ женитьбы, служилъ въ Петербургѣ, гдѣ въ 1868 году получилъ увѣдомленіе, что у жены его Александры обнаружилась съ 1867-го года проказа; вслѣдствіе этого, онъ написалъ домой письмо, чтобы жену его удалили въ ея собственную семью т. е. къ Гусевымъ. Въ 1870 году братья раздѣлились. Александра жила уже у матери. Мужъ Александры положительно утверждаетъ, что жена заразилась отъ Павловой, у которой часто бывала, ибо больныхъ тогда не боялись. Вернувшись въ свою семью, Александра, какъ передаетъ ея мать, Марѳа Гусева, не была отдѣлена, а жила вмѣстѣ съ братьями, изъ которыхъ два старшіе, Ѳедотъ и Федоръ, были женаты, послѣдній на Аннѣ Литягиной, у которой въ роду никто не болѣлъ проказою (указаніе повѣренное спросомъ родныхъ Анны). Анну Гусеву я видѣлъ въ 1884-мъ году. Она сообщила, что больна 2-ой годъ, т. е. съ 1882-го года (судя по явленіямъ болѣзни,— невѣрно!), что Александра Глѣбова (Гусева) часто бывала у нихъ (невѣрно! Глѣбова жила въ это время уже въ домѣ матери, слѣдовательно вмѣстѣ съ Анной: незнаю, моя ли это описка, или неправильное указаніе Анны?) и няньчила даже ея дѣтей (Ивана?). Анна Гусева, по указанію матери, была отдѣлена; дѣти ея здоровы (къ сожалѣнію, не осмотрѣны). Прасковью Глѣбову я видѣлъ также въ 1884-мъ году и записалъ ея указанія и указаніе отца: согласно съ показаніемъ Прасковьи, она больна 6 лѣтъ, часто бывала у Александры Гусевой и довольно отчетливо описываетъ ея болѣзнь; по указанію отца, пятна начали показываться у Прасковьи, когда она была еще 6-тилѣтнимъ ребенкомъ, что согласуется и съ указаніемъ Федора Глѣбова,

Гусевы.

Ларіонъ. Авдотья (сестра **Прасковьи Павловой**).

Михаилъ † 1871 года.
Марѳа 57 л.

Ѳедотъ 37 л. Дарья 38 л.
- Иванъ 10 л.
- Прасковья 9.
- Спиридонъ 6.
- Настасья 13.

Федоръ 28 л. **Анна** 30 л. † 1888 г. (ур. Литягина).
- Иванъ 6 л.
- Гавріилъ 2.
- 1 реб. родился въ 1881 г.

Никита 21 г. Ѳедосья 26 л.
- Алексѣй 1 г.

Борисъ 16 л. холостъ.

Александра † 30 лѣтъ 1877 г. ея мужъ

Глѣбовы.

Прохоръ.
Жена N.

Тихонъ 58 л.
Акулина 58 л.

Степанъ 34 г. 2-я жена Матрена 22 лѣтъ.
- Алексѣй 1 г.

Петръ 37 л. Василиса 38 лѣтъ.
- **Прасковья** 14 л.
- Алексѣй 2 л.
- Марья родил. въ 1880 г.

Иванъ 32 л. Татьяна 32 л.
- Настасья 10.
- Степанъ 8.

сообщившаго, что Прасковья заболѣла вскорѣ послѣ того, какъ отдѣлились братья, т. е. вскорѣ послѣ 1870-го года. Въ 1891-мъ году я снова видѣлъ семью Глѣбовыхъ и спрашивалъ отца и мать о болѣзни Прасковьи: подтвердивъ указанія брата Степана, они сообщили, что, когда Александра ушла отъ нихъ, Прасковьѣ было 3, 4 года и больная ее няньчила. Въ 1884-мъ году я осмотрѣлъ брата и сестру Прасковьи: Алексѣя 6 лѣтъ и Марью—4 л. У того и другой я нашелъ подозрительныя пятна, такія же, по указанію отца, какія были и у Прасковьи, когда она была ребенкомъ. Въ 1891-мъ году я снова осматривалъ дѣтей, но подозрѣнія мои повидимому не оправдались.

Что касается Устиньи Ракитиной, которую я также осматривалъ въ 1884-мъ году, то указанія, сдѣланныя мною тогда, а именно, что Ракитина, будучи дѣвушкой, жила въ сосѣдствѣ съ Гусевыми, часто бывала въ ихъ семьѣ и была пріятельницей Александры, я могу только подтвердить, дополнивъ, что Ракитина была изъ семьи Сушковыхъ, однофамильцевъ, но не родственниковъ Сушковымъ, о которыхъ мы говорили раньше. Ракитина, какъ мы указали въ нашихъ матерьялахъ, заболѣла еще дѣвушкою и умерла въ октябрѣ 1884 года.

Далѣе, съ болѣзнью Павловой свидѣтели ставятъ въ тѣсную связь заболѣваніе находившихся и съ нею, и между собою въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ Аграфены Яшниковой и Дарьи Плотниковой.

Аграфена Яшникова, по 2-му мужу Русанова, урожд. Монакова. Свѣдѣнія, которыя я имѣю о семьѣ, слѣдующія. Михѣй Яшниковъ, первый мужъ Аграфены былъ женатъ 3 раза. Имѣлъ ли онъ дѣтей отъ первой жены,—мнѣ неизвѣстно; отъ 2-ой жены у него была дочь, выданная за Жарикова; отъ 3-ей же, наконецъ,—Аграфены, Михѣй имѣлъ 2 сыновей и 4 дочери, которые вмѣстѣ съ женами, мужьями и дѣтьми составляли потомство въ 24 человѣка; одна изъ дочерей Михѣя и Аграфены,—Авдотья,—была выдана за Ивана Сундіева. Михѣй Яшниковъ умеръ въ 1859-мъ году, а вскорѣ послѣ его смерти вдова Аграфена вышла за Ивана Русанова, котораго взяла къ себѣ въ домъ и отъ котораго имѣла единственнаго сына, тоже Ивана, родившагося въ 1861-мъ году. Аграфена была большой пріятельницею Прасковьи Павловой и, согласно съ общей молвою, отъ нея и заразилась, болѣла недолго и умерла въ 1870-мъ году. Яшниковы были люди со средствами, у нихъ былъ домъ въ нѣсколько

комнатъ и Аграфена, больная, жила въ одной изъ нихъ, отдѣльно отъ семьи, состоявшей изъ 2 сыновей, Яшниковыхъ, съ женами и дѣтьми, и сына, Русанова. Всѣ дѣти Яшниковой и ихъ потомство, также какъ и сынъ ея, Иванъ Русановъ, который въ настоящее время женатъ и имѣетъ двухъ дѣтей,—здоровы, кромѣ одного внука Аграфены, Ивана Сундіева. Какъ передаетъ старшій сынъ Аграфены, Тимоѳѣй Яшниковъ, Сундіевы были люди бѣдные и Авдотья Сундіева (урожд. Яшникова), отправляясь на работу, приводила своего сына Ивана къ матери и оставляла на ея попеченіе: онъ заболѣлъ и умеръ въ 1874-мъ году, будучи отдѣленъ отъ остальной семьи.

Плотникова Дарья была пріятельница Прасковьи Павловой и Аграфены Русановой и, когда послѣдняя заболѣла, нисколько ею не брезгала и даже ходила вмѣстѣ съ нею въ баню. Семья Плотниковыхъ была большая: она состояла изъ мужа Дарьи, Никифора, и двухъ женатыхъ сыновей, что составляло, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, 12 душъ. По свидѣтельству мужа и другихъ лицъ, Плотникова, когда заболѣла, выстроила себѣ отдѣльную хатку, въ которой жила зимою, а лѣтомъ помѣщалась въ амбарѣ; она никого къ себѣ не пускала, особенно дѣтей, и сама никуда не показывалась. Время смерти Дарьи я не нашелъ въ метрикахъ; но на основаніи свидѣтельскихъ показаній (мужа и др.) слѣдуетъ думать, что она умерла въ концѣ 70-хъ годовъ.

Въ группу заболѣваній Павловыхъ, Яшниковыхъ и другихъ мы включили и Жариковыхъ, такъ какъ семья Жариковыхъ, въ которой болѣла Настасья, приходится Аграфенѣ Яшниковой (Русановой) сродни. Говоря о послѣдней, мы указали, что у Михѣя Яшникова отъ 2-ой жены была дочь, выданная за Жарикова, а у этого послѣдняго сынъ Трофимъ, женатый на Степанидѣ, урожденной Щедриновой, о которой мы говорили раньше и отмѣтили въ семейной таблицѣ Щедриновыхъ въ Подгорной (см. стр. 97). Въ этой то семьѣ, т. е.—Трофима и Степаниды Жариковыхъ, болѣла ихъ дочь, Настасья. Настасью Жарикову я видѣлъ въ 1884 году. Она передавала, что бывала и у Яшниковыхъ и помнитъ также дядю Григорія въ Подгорной (когда умеръ Григорій, Настасьѣ было 10 лѣтъ); вмѣстѣ съ тѣмъ она указала, что больна лѣтъ 8, 9, т. е. заболѣла около 1875-го года. Спрошенная въ 1891-мъ году, мать Настасьи ничего не могла прибавить къ указаніямъ дочери: она подтвердила, что ѣздила съ Настасьей въ Под-

горную, но не могла дать сколько нибудь точныхъ указаній о времени ея заболѣванія. Настасья была, по свидѣтельству матери, отдѣлена и повидимому сама боялась общенія съ здоровыми (не на основаніи ли опыта Щедриновыхъ?), такъ что, даже работая на продажу чулки, она каждый разъ, кончая пару, просила мать „вымыть ихъ хорошенько". Настасья умерла въ 1885 году, 27 лѣтъ. Семья ея, кромѣ ея самой, состояла изъ отца, матери и 3-хъ сыновей (одному 17, двумъ другимъ, близнецамъ, по 14 л.); двѣ сестры Настасьи замужемъ и здоровы.

Наконецъ, въ связь съ заболѣваніями у Павловыхъ, и на этотъ разъ сына Просковьи, Филиппа, свидѣтели ставятъ заболѣваніе въ семьѣ Брянцевыхъ, свѣдѣнія о которыхъ собраны мною въ 1891 году.

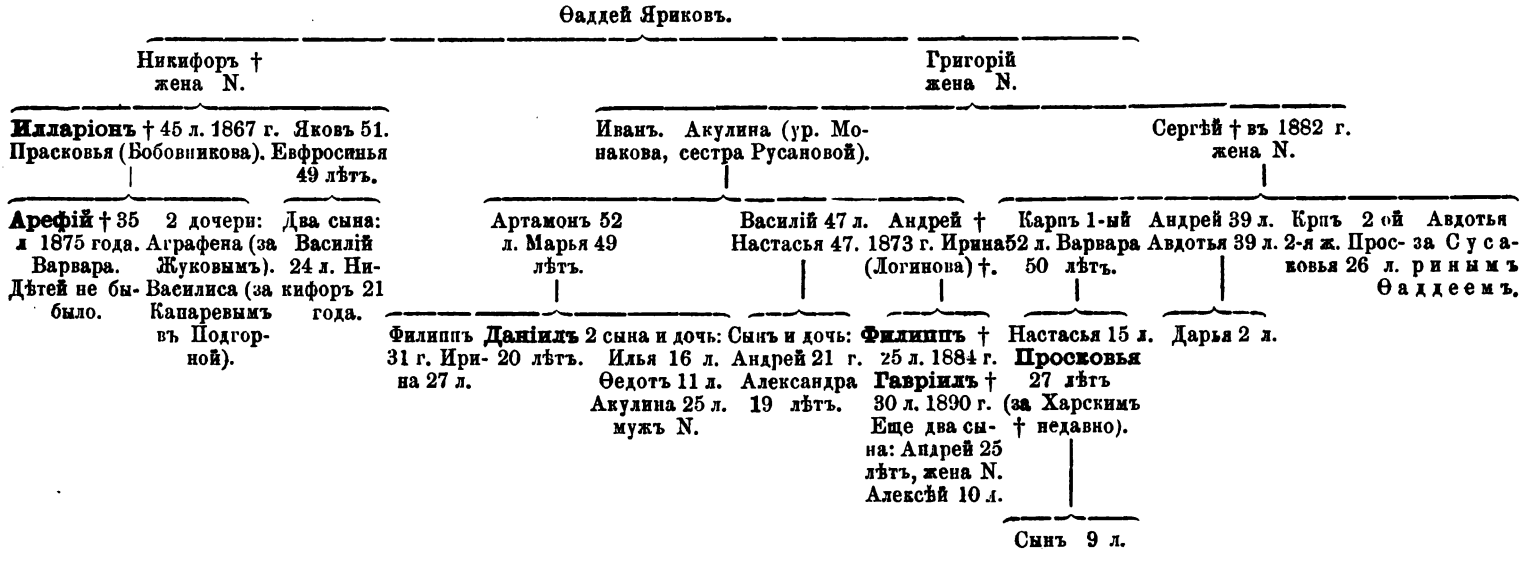
Семья Брянцева состояла въ 1891 году изъ старика дѣда, Якова Филиппова Брянцева, и 3-хъ его внучатъ: Даніила 19 л., Василія 13 и Агафьи 10. Первымъ заболѣлъ въ семьѣ сынъ Якова, Иванъ, болѣлъ недолго и умеръ въ 1882-мъ году. Старикъ Яковъ самымъ положительнымъ образомъ утверждаетъ, что Иванъ заразился отъ Филиппа Павлова, съ которымъ и работалъ, и „таскался" вмѣстѣ; въ роду у Брянцевыхъ никто и никогда не болѣлъ этою болѣзнью, а „Павловыхъ еще никто особенно не остерегался въ это время, такъ какъ болѣзни еще не знали". Не успѣлъ еще умереть Филиппъ, какъ заболѣлъ Иванъ Брянцевъ, а послѣ смерти Ивана заболѣлъ Даніилъ, который боленъ и въ настоящее время (см. приложенія). Жена Ивана, Лукерья, какъ только овдовѣла, вышла за другого мужа, отъ котораго имѣетъ въ настоящее время уже 5 человѣкъ дѣтей. По поводу 2-хъ младшихъ дѣтей Ивана есть слухи, что они незаконныя (результаты ихъ осмотра см. приложенія). Даніилъ Брянцевъ живетъ въ отдѣльной хаткѣ на дворѣ.

Семейство Яриковыхъ. №№ 9, 16, 30, 41, 51 и 52 списка.

Передаемъ родословную этого многочисленнаго семейства. Лѣта членовъ этого семейства соотвѣтствуютъ 1891-мъ году.

Первымъ въ семьѣ Яриковыхъ заболѣлъ Иларіонъ, болѣлъ лѣтъ 7 и умеръ въ одинъ годъ съ Прасковьей Павловой, а именно въ 1867-мъ году. Года черезъ 2 послѣ смерти Иларіона заболѣлъ его сынъ Арефій и умеръ въ 1875-мъ году. Жена, какъ только заболѣлъ Арефій, ушла отъ него, а двѣ сестры жили у родной

Яриковы.


Ѳаддей Яриковъ.
Никифоръ † жена N.
Григорій жена N.
Илларіонъ † 45 л. 1867 г. Прасковья (Бобовникова).
Яковъ 51. Евфросинья 49 лѣтъ.
Иванъ. Акулина (ур. Монакова, сестра Русановой).
Сергѣй † въ 1882 г. жена N.
Арефій † 35 л. 1875 года. Варвара. Дѣтей не было.
2 дочери: Аграфена (за Жуковымъ). Василиса (за Канаревымъ въ Подгорной).
Два сына: Василій 24 л. Никифоръ 21 года.
Артамонъ 52 л. Марья 49 лѣтъ.
Василій 47 л. Настасья 47.
Андрей † 1873 г. Ирина (Логинова) †.
Карпъ 1-ый 52 л. Варвара 50 лѣтъ.
Андрей 39 л. Авдотья 39 л.
Карпъ 2-ой 2-я ж. Прасковья 26 л.
Авдотья Сусаринымъ Ѳаддеемъ.
Филиппъ 31 г. Ирина 27 л.
Даніилъ 20 лѣтъ.
2 сына и дочь: Илья 16 л. Ѳедотъ 11 л. Акулина 25 л. мужъ N.
Сынъ и дочь: Андрей 21 г. Александра 19 лѣтъ.
Филиппъ † 25 л. 1884 г.
Гавріилъ † 30 л. 1890 г. Еще два сына: Андрей 25 лѣтъ, жена N. Алексѣй 10 л.
Настасья 15 л.
Просковья 27 лѣтъ (за Харскимъ † недавно).
Дарья 2 л.
Сынъ 9 л.

тетки и откуда вышли замужъ: одна за Жукова въ Александрійской станицѣ, другая за Канарева, въ Подгорную.

Послѣ семьи Ларіона Ярикова, болѣзнь проникла въ семью Ярикова Андрея и Артамона. Первый заболѣлъ въ семьѣ Андрея Филиппъ. Съ кѣмъ изъ своихъ больныхъ родственниковъ онъ сносился, бывалъ ли у Арефія Ярикова или у Яшниковыхъ,—мнѣ неизвѣстно, но послѣ него заболѣлъ братъ его Гавріилъ, котораго я видѣлъ въ 1884-мъ году. Гавріилъ Яриковъ сообщилъ, что отецъ его болѣлъ какими то язвами, что братъ его Филиппъ болѣлъ тою же болѣзнью, какъ и онъ, и умеръ въ нынѣшнемъ, т. е. 1884-мъ году, что самъ онъ заболѣлъ года 2 т. н., хотя пузыри начали показываться года 4 или лѣтъ 5 т. н. Гавріилъ умеръ въ 1890 году, а въ настоящее время боленъ его двоюродный братъ Даніилъ, изъ семьи Артамона Ярикова (см. ниже также и семью Болотовыхъ). Слѣдуетъ указать, что семейства Артамона и Василія и дѣти умершаго Андрея жили до 1876-го года вмѣстѣ. Даніилу въ это время было, какъ онъ говоритъ, 5 лѣтъ, но онъ хорошо помнитъ, не говоря о Гавріилѣ, и Филиппа, когда они еще жили вмѣстѣ, и часто бывалъ у братьевъ уже послѣ того, какъ они отдѣлились. Точныхъ указаній времени заболѣванія Даніила, котораго я осматривалъ въ 1891-мъ году, я отъ него добиться не могъ.

Наконецъ, въ семьѣ Карпа Сергѣева Ярикова мы въ 1891-мъ году нашли также одно заболѣваніе, а именно дочь Карпа, Прасковью, выданную за Харскаго. Мужъ ея умеръ съ годъ тому назадъ, и она живетъ у отца вмѣстѣ съ своимъ 9-ти лѣтнимъ сыномъ и слѣпою 15-ти лѣтней сестрою, Настасьей. На мой вопросъ о ея сношеніяхъ съ больными,—она отвѣчала, что семьи Андрея Ярикова не посѣщала, также какъ и Сусариныхъ, но бывала часто еще дѣвушкою у Арефія Ярикова и въ семьѣ Якова Польки. Арефій тогда болѣлъ (умеръ въ 1875 г.), Полька еще нѣтъ. Болѣзнь у нея обнаружилась до замужества, лѣтъ 12, 13 тому назадъ, пузырями. Арефій Яриковъ и Полька были близкими сосѣдями семьи ея отца, Карпа Ярикова. Сынъ Прасковьи и ея сестра были осмотрѣны мною (см. приложенія) и оказались здоровыми.

Семья священника Александрійской станицы Макарова. №№ 14, 34 и 53 списка.

Священникъ Максимъ Лукинъ Макаровъ, уроженецъ Саратовской губерніи, служилъ въ станицѣ съ 1846-го года. Когда въ

1884-мъ году я посѣтилъ станицу, семья Макаровыхъ состояла изъ жены, здѣшней уроженки, 4-хъ дочерей и сына: 2 дочери были замужемъ (одна за священникомъ, другая за механикомъ) и жили не въ станицѣ, а сынъ воспитывался въ духовномъ училищѣ въ Владикавказѣ. По указанію жены, отецъ Максимъ, служившій въ станицѣ 28 лѣтъ, заболѣлъ проказою на 15 году своей службы (т. е. въ 1861-мъ году), если считать за начало болѣзни „болячку", которая у него обнаружилась на носу и послѣдовавшій затѣмъ упорный насморкъ. Въ 1874-мъ году отецъ Максимъ умеръ, а спустя два года болѣзнь обнаружилась у младшей дочери Марьи, которую я и осматривалъ въ 1884-мъ году. Слухи ходили уже въ это время, что проказою больна и другая дочь отца Максима, Вѣра, и, чтобы повѣрить ихъ, я хотѣлъ осмотрѣть больную, но она укрылась отъ изслѣдованія; въ 1885-мъ году болѣзнь, однако, развилась у нея на столько ясно, что въ качествѣ ея не оставалось уже ни малѣйшаго сомнѣнія и (въ февралѣ или мартѣ? 1886-го года) Вѣра умерла послѣ 3—4-хъ дневной болѣзни, обнаружившейся желтухою и кровавою рвотою. Сынъ отца Максима, кончивъ курсъ въ семинаріи, умеръ отъ чахотки въ Георгіевскѣ. Когда въ 1884-мъ году я посѣтилъ Макаровыхъ, Марья помѣщалась въ отдѣльной, очень чистенькой комнаткѣ, но сестра Вѣра у нея бывала, также какъ и мать, которая однако по сіе время (я видѣлъ Макаровыхъ и въ 1891-мъ году) здорова.

Семья Столбовскихъ. №№ 27, 54 и 55 списка.

Семья Столбовскихъ, очень не богатая, живетъ то въ Лысогорской, то въ Александрійской станицѣ, гдѣ я и видѣлъ ее въ 1884-мъ году. Она состояла тогда изъ отца (Михаила 43 л.), матери (Меланьи 41 года) и 3-хъ сыновей: Матвѣя 15-ти, Акима 9, Виктора 6 лѣтъ. Былъ еще одинъ сынъ Федоръ, но умеръ отъ проказы въ 1883 году, 20 лѣтъ отъ роду. Изъ родственныхъ связей семьи мнѣ извѣстно только родство Столбовскихъ съ Андросовыми, а именно: Александра Андросова, послѣ смерти мужа, вышла за роднаго дядю (?) Михаила, Столбовскаго. Съ кѣмъ изъ больныхъ сносился Федоръ, — отецъ указать мнѣ не могъ, но сообщилъ, что онъ заболѣлъ еще будучи мальчикомъ 7, 8 лѣтъ. Матвѣя Столбовскаго я осматривалъ въ 1884-мъ году. Болѣзнь его была уже довольно ясно выражена. Имѣя въ виду два послѣдовательныхъ заболѣванія въ семьѣ, я просилъ отца привести мнѣ двухъ другихъ своихъ дѣтей, причемъ у Акима нашелъ

подозрительныя пятна на тѣлѣ, обнаружившіяся, по указанію родителей, мѣсяца 3, 4 тому назадъ. Въ 1891-мъ году я снова видѣлъ Михаила и Акима и констатировалъ измѣненія, описанныя мною (см. приложенія). Дѣти Михаила,—ни Федоръ, ни Михаилъ,—не были отдѣлены.

Семья Шумаковыхъ.

Больнаго прокозою Ивана Шумакова я видѣлъ въ 1884-мъ году. Онъ сообщилъ мнѣ тогда, что ни его отецъ, ни мать и никто изъ родныхъ не болѣлъ прокозою, точно также не было больныхъ и въ родѣ жены; отрицалъ также и всякое близкое общеніе съ прокаженными. Насколько онъ говорилъ правду,—я повѣрить не могъ, но въ 1891-мъ году я нашелъ больною его дочь (отецъ умеръ въ 1890-мъ году), Пелагею, 14-ти лѣтнюю дѣвочку, у которой болѣзнь, по указанію матери, обнаружилась въ 1886-мъ году. Это обстоятельство заставило меня осмотрѣть всю семью. Эта послѣдняя состояла: изъ матери Устиньи, 34 л.; больной—Пелагеи; затѣмъ, Анны 7 лѣтъ, и незаконнорожденнаго сына Семена 3-хъ лѣтъ. При осмотрѣ оказалась больною и дѣвочка Анна; у самой Устиньи и ея младшаго сына подозрительныхъ явленій не было найдено. Къ сожалѣнію, я не навелъ справокъ и не разъяснилъ отношеній между Шумаковыми въ Александрійской и Подгорной станицѣ, гдѣ, какъ видно изъ списка болѣвшихъ, умерли отъ прокозы трое Шумаковыхъ и послѣдній изъ нихъ Ѳома Егоровъ (отецъ Ивана былъ Ларіонъ) въ 1879-мъ году.

Кромѣ разсмотренныхъ нами семейныхъ заболѣваній, мы имѣемъ еще два, о которыхъ наши свѣдѣнія очень ограничены, а именно—заболѣванія въ семьѣ Русановыхъ и Болотовыхъ.

Въ семьѣ Русановыхъ болѣли прокозою двое (№№ 10 и 23 списка): отецъ, Лаврентій, и сынъ, Василій. Оба записаны въ моихъ матерьялахъ за 1884-ый годъ. Жена Лаврентія, Марина, вышедшая послѣ смерти Лаврентія за другого мужа, показала намъ тогда, что мужъ заболѣлъ послѣ простуды (переправлялся черезъ рѣку). Сынъ заболѣлъ послѣ смерти отца, будучи еще 7-ми лѣтнимъ мальчикомъ, и умеръ 19 лѣтъ; еще одинъ сынъ, Степанъ 18 л., и дочь, Степанида 25 л., замужняя—здоровы. Находится ли семья Лаврентія Русанова въ родствѣ съ семьею Русанова Ивана, мужа Аграфены Яшниковой (см. выше),—мнѣ неизвѣстно.

Семья Болотовыхъ, (№№ 18 и 35), также записанная нами въ 1884-мъ году, состояла изъ старшаго брата, Даніила 40 лѣтъ (съ семьею), и двухъ братьевъ, Антона и Ѳедора. Первый заболѣлъ Антонъ и умеръ 16 л. въ 1878 году, а въ 1879-мъ году заболѣлъ Федоръ, котораго я хотѣлъ осмотрѣть, но онъ спрятался. Слѣдуетъ замѣтить, что Федоръ Болотовъ былъ товарищемъ и пріятелемъ Филиппа Ярикова и жилъ подлѣ него.

Намъ остается познакомиться еще съ 9-ю заболѣваніями, являющимися въ семьѣ одиночными; по крайней мѣрѣ, намъ не удалось собрать свѣдѣній о предшествовавшихъ заболѣваніяхъ въ семействахъ этихъ лицъ или добыть точныя указанія о близкихъ сношеніяхъ съ кѣмъ либо изъ болѣвшихъ. Два изъ числа этихъ заболѣваній мы считаемъ только подозрительными. Къ числу этихъ одиночныхъ заболѣваній относятся слѣдующія лица.

Александръ Кондратьевъ (№ 31 списка). Объ этомъ послѣднемъ мы знаемъ только то, что онъ переселился на Кавказъ изъ Воронежской губ. и былъ женатъ на Востриковой, въ семьѣ которой не было больныхъ проказою и которая умерла раньше его. Дѣтей у нихъ не было. Отчего умерла Вострикова и находилась ли она или нѣтъ въ родствѣ съ Востриковыми изъ Галюгаевской станицы,—мнѣ неизвѣстно.

Тихонъ Сушковъ. (№ 38 списка). О немъ мы имѣемъ свѣдѣнія отъ его своднаго брата Ивана и матери послѣдняго, т. е. мачихи Тихона. Они не родственники Сушковымъ, о которыхъ мы говорили выше, передавая свѣдѣнія о Павловыхъ и Ракитиной. Мать Тихона изъ семьи Малаховыхъ въ Лысогорской станицѣ, между членами которой были больные проказою. Самъ Тихонъ былъ „полуумный", жилъ и въ лѣсу и тамъ, и здѣсь; затѣмъ пришелъ къ брату (сводному) Ивану за годъ до смерти и помѣстился у него въ отдѣльной хаткѣ, гдѣ и умеръ въ 1889 году, 45 лѣтъ отъ роду.

Ефимъ Горбуновъ, (№ 39 списка), по указанію—сектантъ, также какъ и Жариковы (Настасья), которыхъ могъ и, пожалуй, долженъ былъ посѣщать. Умеръ въ 1889 году.

Яковъ Полька (№ 40 списка), осмотрѣнъ и записанъ въ мои матерьялы по проказѣ въ 1884-мъ году. Онъ показалъ тогда, что живетъ у тестя, Рубашева, что у этого послѣдняго какое то хроническое страданіе (провалившійся носъ, но лице чистое), что считаетъ себя больнымъ только съ зимы 1884-го года (см. приложенія). Въ

1891-мъ году я узналъ, что онъ умеръ въ 1889 году, 27 лѣтъ отъ роду; что онъ былъ отдѣленъ въ особую хатку, въ которую жена, вышедшая тотчасъ послѣ его смерти за другого мужа, не ходила, да и онъ самъ остерегался общенія съ людьми. Обѣ дочери его въ 1891-мъ году, были осмотрѣны мною (см. приложенія), но Рубашева, какъ и въ 1884-мъ году мнѣ видѣть не удалось. Напомнимъ здѣсь, что Полька жилъ въ сосѣдствѣ съ Арефіемъ Яриковымъ (см. указаніе Прасковьи Харской).

Иванъ Косыхъ (№ 58 списка), также какъ и Полька, осмотрѣнъ и записанъ мною въ 1884-мъ году: онъ явился за совѣтомъ, не подозрѣвая, что боленъ проказою. Въ 1891-мъ году я видѣлъ его опять, болѣзнь была уже рѣзко выражена. Указанія, сообщенныя имъ раньше, я дополню еще слѣдующими. Его родная мать, Авдотья, была родной сестрой жены Илларіона Ярикова, урожд. Бобовникова. Семья его состоитъ изъ жены, Пелагеи (урожд. Иноземцевой), сына 10 лѣтъ (было еще 5 человѣкъ, но они умерли на 1-мъ и 2-мъ году) и двухъ братьевъ, Ивановъ же, между которыми онъ средній. Болѣзнь его началась уже давно: когда ему было лѣтъ 14 (т. е. въ 1873 году), у него показался на локтѣ первый пузырь. Семья Ивана была бѣдна, и онъ съ дѣтства служилъ въ работникахъ; на вопросъ, не было ли въ семействахъ, гдѣ онъ служилъ, больныхъ проказою,—онъ уклончиво отвѣчалъ, что не помнитъ. По другимъ указаніямъ Косыхъ служилъ въ работникахъ у Гусевыхъ и самъ передавалъ знакомымъ, что заразился отъ Александры Глѣбовой (Гусевой).

Ѳедотъ Перепелицинъ (№ 59 списка), уроженецъ Харьковской губ., пришелъ на Кавказъ 10-ти лѣтнимъ мальчикомъ и поселился въ ст. Солдатской, гдѣ жилъ лѣтъ 20, а затѣмъ перебрался въ ст. Александрійскую, гдѣ живетъ теперь около 40 лѣтъ. Считаетъ себя больнымъ 15 лѣтъ и приписываетъ болѣзнь простудѣ. Прокаженныхъ не видалъ (?). Онъ живетъ съ семьею сына Осипа, состоящей изъ мужа жены и трехъ человѣкъ дѣтей (отъ 9 до 3-хъ лѣтъ). Сынъ выстроилъ ему на дворѣ чистенькую хатку, гдѣ старикъ и живетъ, хотя сердится и бранитъ сына и его жену, что они не пускаютъ его въ домъ; другой сынъ, Павелъ, живетъ отдѣльно.

Жена Ѳедота, Агафья, была прежде замужемъ за Ляпинымъ, гдѣ больныхъ проказою, по ея указанію, не было.

Жариковъ Василій (№ 60 списка). Изъ другой семьи Жариковыхъ, отдаленныхъ родственниковъ, если не однофамильцевъ Жариковыхъ, о которыхъ мы говорили выше. Показанія его и о своей болѣзни, и о своихъ отношеніяхъ настолько сбивчивы и безтолковы, что воспользоваться ими не представлялось никакой возможности.

Ушакова Пелагея, (№ 61 списка). На нее указывала станичная молва, какъ на прокаженную, ибо она ходила всегда закрытой, а въ послѣднее время никуда не показывалась. Отецъ и мать вышли изъ Харьковской губ. и принесли Пелагею на рукахъ. Здѣсь она вышла замужъ за Василія Ушакова. При осмотрѣ, многія явленія заставляютъ считать ея болѣзнь подозрительной (см. приложенія).

Чернева (имя? № 62 списка), явилась ко мнѣ за совѣтомъ по поводу сыпи на тѣлѣ и записана, какъ подозрительная, тѣмъ болѣе, что она чуть ли не принадлежитъ къ семьѣ Гуляевой, съ которою и приходила вмѣстѣ.

Приложенія.

44) Мавра Андросова.

Изъ наблюденій д-ра Козловскаго: примѣръ 13, стр. 83. (1864 г.).

Мавра съ дѣтства болѣла, то ломотою, то лихорадкою, то общей слабостью. Мѣсячныя не появлялись. Въ 1852 г. у нея появились первые бугры на лбу и щекахъ, потомъ на конечностяхъ и туловищѣ. Въ слѣдующіе затѣмъ годы обнаружились разстройства зѣва и носа, болѣзнь усилилась и достигла того состоянія, въ которомъ больная находится теперь.—St. praes. Лѣта 18. Ростъ малый. Тѣлосложеніе слабое. Груди не развиты; на половыхъ частяхъ волосъ нѣтъ. По внѣшнему виду соотвѣтствуетъ 11-ти лѣтнему ребенку. Лице обезображено буграми и рубцами. Приплюснутый носъ, утолстѣлыя, отвисшія губы, округленныя глазныхъ щели и нависшія брови напоминаютъ лице обезьяны. На туловищѣ темныя, мѣдно-красныя утолщенія кожи; таковыя же въ большемъ количествѣ на рукахъ и ногахъ, гдѣ изсохшія пластинки кожи складываются на подобіе черепицы. Нѣкоторые бугры изъязвлены, другіе покрыты струпьями. Uvulae нѣтъ; на языкѣ, мягкомъ нёбѣ и задней стѣнкѣ глотки бугры, язвы и рубцы. Ногти искрошены. Голосъ сиплый. Дыханіе затруднено. Пота не бываетъ. Сонъ тяжелый. Умерла въ 1869-мъ году.

45) Пелагея Дорохова.

Изъ моихъ наблюдей (l. c. стр. 117. № 84) 1884 г.

Считаетъ себя больной 9 лѣтъ. Первое пятно на локтѣ, потомъ пятна на лицѣ и на всемъ тѣлѣ. Головныя боли, головокруженія, слабость въ рукахъ. Позднѣе насморкъ съ сухими корками и пузыри (pemphigus).—St. praes. 38 лѣтъ. Чисто-узловатая форма: ясно дифференцированные, поверхностные узлы, сидящіе на нормальной, блѣдной кожѣ.

Домна Агаркова, 20 л.
Ст. Александрійская.

ясно дифференцированные, поверхностные узлы, сидящіе на нормальной, блѣдной кожѣ.

Фотогр. Проф. Г. Н. Минхъ. Автотипія С. В. Кульженко. Кіевъ.

Домна Агаркова, 20 л.

Ст. Александрійская.

Форма носа не измѣнена. На нёбѣ узлы и язвы. Атрофирующіяся папулы на груди и спинѣ. На конечностяхъ: инфильтратъ, частью сплошной (голени), частью узловатый; глубокіе узлы въ кожѣ тыла предплечій и кистей; рубцы на локтяхъ и колѣнахъ; прободающая язва на лѣвой подошвѣ; атрофія мышцъ кистей рукъ и умѣренная контрактура пальцевъ; анестезія безпорядочная въ предплечіяхъ и кистяхъ и сплошная въ стопахъ и голеняхъ. Умерла въ 1886-мъ году.

46) Домна Агаркова. (Табл. VII).

Изъ моихъ наблюденій 1891-го года.

По показанію сестры, Домна больна съ дѣтства: съ 6-ти лѣтняго возраста у нея стали показываться пузыри и нѣмѣть ноги. Затѣмъ стало закладывать носъ. Она лечилась въ Пятигорскѣ, и насморкъ и онѣмѣніе прошли, но затѣмъ опять стало хуже: опухло лице и т. д. Регулъ не было.—St. praes. На опухшемъ, красновато-фіолетовомъ лицѣ обильные и крупные бугры, соотвѣтствующіе узловатому инфильтрату кожи. Волосъ на бровяхъ нѣтъ. Носъ нѣсколько вогнутъ. Характерный насморкъ. Нѣсколько сиплый голосъ. На мягкомъ и твердомъ нёбѣ бѣловатая, возвышенная, зернистая полоска, очень твердой консистенціи, имѣющая видъ трехугольника, вершина котораго находится у рѣзцовъ, а основаніе соотвѣтствуетъ свободному краю нёбной занавѣски; въ центрѣ этой площадки три небольшихъ, но глубокихъ язвочки съ рѣзкими краями и желтоватымъ днемъ. Такая же бѣловатая, твердая, но, наоборотъ, немного углубленная полоска, съ зернистой же поверхностью находится на языкѣ и, начинаясь у его вершины, тянется къ основанію, гдѣ достигаетъ ширины около 2,0 центим. На шеѣ спереди—красное пятно, подъ которымъ прощупывается узловатый инфильтратъ. На груди буроватыя пятна, сливающіяся между собою и образующія узоры; поверхность пятенъ немного выдается надъ уровнемъ кожи и представляетъ сходство съ шагренью: зернистость пятна обусловливается увеличенными и поднимающимися надъ его поверхностью сальными железками. Такіе же узоры находятся и на тылѣ плечъ. Въ кожѣ тыла предплечій и кистей рукъ твердый узловатый инфильтратъ, а мѣстами и поверхностные, атрофирующіеся узлы. На лѣвомъ локтѣ и около него, на тылѣ предплечія, рубцы (о происхожденіи которыхъ и времени образованія Домна намъ ничего сообщить не могла). На бедрахъ спереди такіе же узоры, какъ и на груди; кожа голеней и стопъ красно-фіолетоваго цвѣта, равномѣрно инфильтрована и плотна. Анестезій, повидимому, нѣтъ: локализируетъ прикосновеніе довольно хорошо.

47) Марѳа Гуляева, (ур. Высоцкая).

Изъ моихъ наблюденій 1891 года.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ (4,5) какъ у нея обнаружились боли, сначала блуждающія и не очень сильныя, а за послѣднее время усилившіяся и сосредоточившіяся главнымъ образомъ въ ступнѣ.—St. praes. Больная, 32 лѣтъ худая и блѣдная. Подозрительныя явленія обнаруживаются со стороны лица, которое замѣтно скошено на право. Глаза большіе, но больная закрываетъ ихъ хорошо. Чувствительность нигдѣ не притуплена; пузырей pemphigus не появлялось, нѣтъ и слѣдовъ ихъ на излюбленныхъ мѣстахъ, равно и нѣтъ пятенъ, покрайней мѣрѣ на конечностяхъ. Давленіе на сѣдалищные нервы и плечевое сплетеніе болѣзненны. Послѣ холода тѣло краснѣетъ и въ немъ обнаруживается зудъ.

48) Дарья Монакова, (урожд. Гуляева).

Изъ моихъ наблюденій 1891-го года.

Заболѣла лѣтъ 10 тому назадъ: переходила босая холодную воду и у нея онѣмѣли ноги; затѣмъ на подошвахъ стали показываться трещины, которыя то заживали, то пока

зывались вновь; мало по малу онѣмѣніе стало обнаруживаться и въ верхнихъ конечностяхъ и показались пузыри.—St. praes. Больной 28 лѣтъ. Лице блѣдное, безжизненное; глаза большіе, но вѣки замыкаетъ хорошо; чувствительность въ лицѣ притуплена Во рту никакихъ измѣненій, также какъ и въ полости носа. Пятенъ на тѣлѣ нѣтъ (указаніе больной) На верхнихъ и нижнихъ конечностяхъ обильные рубцы, какъ говоритъ отъ ожоговъ, ибо, ложась на печку, не чувствуетъ жару. Почти повсемѣстная анестезія, а мѣстами аналгезія.

49) Архипъ Высоцкій.

Изъ моихъ наблюденій 1891 года.

На лицѣ пятна стали показываться года 4 т. н.; другихъ свѣдѣній о своей болѣзни сообщить не могъ.—St. praes. Больному 67 лѣтъ. Лице красное. Кожа лба инфильтрована; инфильтратъ равномѣрный, но, перерѣзанный морщинами, обнаруживается въ формѣ бугорковъ. Брови неособенно рѣдки. Носъ представляетъ небольшую сѣдловину. Характерный насморкъ: корки, кровотеченія. Sclera васкуляризована, на ней сосудистые пучки, идущіе отъ внутренняго угла глазъ къ роговицѣ. Въ полости рта измѣненій нѣтъ. Кожа тыла предплечій краснаго цвѣта, утолщена; окраска мѣстами прерывается нормальными, углубленными участками кожи. На правомъ локтѣ двѣ покрытыя струпьями язвы, развившіяся по словамъ больнаго изъ пузырей, послѣ ожога. Анестезіи нѣтъ.

50) Федоръ Рѣдькинъ.

Изъ моихъ наблюденій 1884 года (l. c стр. 119 № 85).

Считаетъ себя больнымъ годъ (опухоль и краснота лица), но пузыри у него начали показываться года 3, 4 т. назадъ и первый пузырь, и за нимъ язва, обнаружился на лѣвой голени.—St praes. Больному 16 лѣтъ. Красное, какъ кумачь, нѣсколько опухшее лице; шелушеніе. Характерный насморкъ безъ измѣненія формы носа. Инъекція сосудовъ sclerae. Отсутствіе измѣненій въ полости рта. На туловищѣ отсутствіе пятенъ. Узелъ на сгопа glandis. Глубокіе, хотя и довольно рѣдкіе узлы въ кожѣ конечностей. Обильные рубцы; язва на лѣвой голени. Анестезія и аналгезія ниже локтей и колѣнъ. Умеръ въ 1887 г.

51) Федоръ Сушковъ.

Изъ моихъ наблюдей 1884-го года (l. c. стр. 107, № 76).

Считаетъ себя больнымъ лѣтъ 10, а именно у него начали выходить косточки на ногѣ, но пузыри на голени были еще раньше. Измѣненія въ лицѣ обнаружились только года 3 тому назадъ.—St. praes. Больному 34 года. Поверхностныя, темно-фіолетовыя узловатыя или зернистыя бляшки, довольно мягкія (регрессивныя явленія) на бровяхъ, скулахъ, носу, губахъ и подбородкѣ; кожа между бляшками нормальна. Носъ ввалился. Leucoma totale праваго глаза, maculae corneae лѣваго. Физіономія сатира. Въ полости рта узловатое утолщеніе дужекъ. Хриплый голосъ. На туловищѣ пятна и глубокіе узлы, нѣкоторые атрофировались. Узловатый инфильтратъ головки ствола и praeputii, а также epididimis. Въ конечностяхъ узловатый инфильтратъ и отдѣльные глубокіе узлы, представляющія явленія атрофіи, а вмѣстѣ и атрофія кожи (бёдра); узлы въ кожѣ ладони. Анестезія и аналгезія тыла конечностей и гиперестезія ладонной и подошвенной поверхностей. Атрофія мышцъ ручной кисти. Мутиляціи пальцевъ стопъ. Обильные рубцы и язвы. Умеръ въ 1891-мъ году

52) Макаръ Сушковъ.

Изъ моихъ наблюденій 1884-го (l. c. стр. 110, № 77) и 1891-го года.

Въ 1884-мъ году. Обратился за совѣтомъ, по поводу глистъ.—St. praes. На локтяхъ и колѣнахъ довольно объемистые рубцы, происхожденіе которыхъ больной приписываетъ ожогѣ, то на печкѣ, то въ полѣ. При изслѣдованіи чувствительности обнаружена безпорядочная анестезія на тылѣ предплечій и кистей рукъ, а также на голени и стопѣ.

Въ 1891-мъ году.—St. praes. Больному 27 лѣтъ. Лицо блѣдное, худое; глаза большіе, но вѣки закрываетъ хорошо. Кромѣ рубцовъ, указанныхъ выше, анестезіи въ настоящее время выражены гораздо рѣзче и равномѣрнѣй. По тѣлу разсѣяны пятна различной величины, представляющія общій характеръ: блѣдные острова отъ 3-хъ до 10 центим. въ діаметрѣ, ограниченные довольно тонкой, мѣстами еле замѣтной свѣтло-розовой каймой, представляющей, также какъ и самыя пятна, неправильныя очертанія острововъ на географическихъ картахъ; кожа въ центрѣ нѣкоторыхъ пятенъ слегка атрофирована, но анестезіи, по крайней мѣрѣ рѣзкой, не представляетъ. Кромѣ указанныхъ явленій, въ лѣвой кисти руки замѣчается атрофія мышцъ.

53) Анна Гусева (урожд. Литягина).

Изъ моихъ наблюденій 1884-го года (l. c. стр. 106, № 75).

Считаетъ себя больной 2-ой годъ. Прежде показалось пятно „какъ бы лишай“ на щекѣ, а потомъ болѣзнь разошлась по лицу, рукамъ и ногамъ.—St. praes. Больной 30 лѣтъ. Лице красновато-бурое. Кожа его равномѣрно утолщена и шагренирована. Брови нависли и даютъ физіономіи серьезное выраженіе. Форма носа не измѣнена, но онъ утолщенъ. Характерный насморкъ. На мягкомъ нёбѣ, около uvulae, двѣ сѣроватыя папулы. На туловищѣ пятенъ нѣтъ. На конечностяхъ пятна и узлы. Равномѣрный инфильтратъ голеней. Пемфигинозные рубцы только на правомъ колѣнѣ и голени. Анестезіи тыла предплечія, голени и стопъ безпорядочная. Умерла въ 1888 году.

54) Прасковья Глѣбова.

Изъ моихъ наблюденій 1884-го (l. c. стр. III, № 79) и 1891-го года.

Считаетъ себя больной лѣтъ 6. Первое пятно показалось на правомъ колѣнѣ и стало расходиться по всей ногѣ, а затѣмъ перешло на другую ногу; на лицо болѣзнь „бросило“ уже позднѣе. По указанію отца первыя пятна стали показываться, когда Прасковьѣ было „какъ ему помнится“ 6 лѣтъ.—St. praes. Больной 18 лѣтъ. Типическая facies leonina. Инфильтратъ равномѣрный, мѣдно-бронзовый; обильныя и глубокія морщины на лбу и губахъ, между которыми кожа выдается въ видѣ бугровъ; отверстія сальныхъ железъ расширены, лице лоснится. Носъ утолщенъ, закупоренъ сухими бурыми корками. Волоса на бровяхъ какъ бы коротко острижены. Слизист. обол. мягкаго и твердаго нёба утолщена. Пятенъ на груди и спинѣ нѣтъ. Mammae атрофичны (не развиты), сосокъ утолщенъ. На конечностяхъ пятна, представляющія сходство съ шагренью: выдающіяся въ видѣ зеренъ увеличенныя сальныя железки. Узловатый инфильтратъ кожи голени. Рубцы на локтяхъ. Анестезія тыла предплечій безпорядочная, въ нижнихъ конечностяхъ, начиная съ половины бедеръ,—болѣе равномѣрная. Регулъ нѣтъ и не было.

Въ 1891-мъ году я опять видѣлъ Прасковью. Инфильтратъ кожи лица сталъ мягче, но цвѣтъ лица потерялъ красный оттѣнокъ, а сдѣлался грязнымъ, бурымъ. Шагренировка пятенъ на конечностяхъ исчезла, вмѣсто нея на буромъ фонѣ кожи замѣчаются темныя точки на гладкой поверхности. Анестезія выражена рѣзче и равномѣрнѣй. Замѣчается

трата. На лѣвомъ локтѣ и на тылѣ предплечій рубцы неправильнаго очертанія. Половые органы не развиты, волосъ на лобкѣ нѣтъ. На бедрахъ такія же пятна, какъ и на пле-

Фотогр. Проф. Г. Н. Минхъ. *Светопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.*

Даніилъ Брянцевъ, 19 л.

Ст. Александрійская.

Автотипія С. В. Кульженко. Кіевъ.

Прасковья Харская, 28 л.

Ст. Александрійская.

чахъ; кожа голеней фіолетоваго цвѣта, инфильтрована узлами. На правой икрѣ поверхностная язва, около 3-хъ цент. въ діаметрѣ, съ краснымъ гладкимъ дномъ (недавно лопнувшій pemphigus). Анестезія безпорядочная предплечій, голеней и стопъ.

Осмотрѣны братъ и сестра Даніила Брянцева: мальчикъ Василій 12 л. и дѣвочка Агафья 10 лѣтъ. У дѣвочки не найдено ничего подозрительнаго; у мальчика круглый рубецъ на ягодицѣ, величиною въ пятакъ; Василій объясняетъ этотъ рубецъ тѣмъ, что натеръ это мѣсто о сѣдло; анестезій нѣтъ.

58) Гавріилъ Яриковъ.

Изъ моихъ наблюденій 1884-го года (стр. 120, № 86).

Считаетъ себя больнымъ 2 года, но пузыри начали являться года 4, или лѣтъ 5 тому назадъ.—St. praes. Больному 25 лѣтъ. Въ красно-багровой кожѣ лица узловатый дов. мягкій (регрессирующій) инфильтратъ. Расширеніе отверстій сальныхъ железъ и comedones. Бляшки около corneae. Язвы на твердомъ и мягкомъ нёбѣ. Носъ ввалился. На груди и спинѣ небольшія бурыя пятна. Узелъ на головкѣ ствола. Отсутствіе измѣненій въ яичкахъ. Пятна на тылѣ предплечій и пятнисто-узловатый инфильтратъ кожи бедеръ и голеней. Утолщеніе значительное n. ulnaris. Безпорядочныя анестезіи. Умеръ въ 1890-мъ году.

59) Даніилъ Яриковъ.

Изъ моихъ наблюденій въ 1891-мъ году.

Когда заболѣлъ,—не знаетъ и вообще всячески уклоняется отъ вопросовъ, касающихся его болѣзни.—St. praes. Больному 21 годъ. Лице нѣсколько одутловатое и красноватое, на холоду, какъ передаютъ его близкіе, синѣетъ (что и было поводомъ къ указанію на болѣзнь Даніила); узловъ нѣтъ; брови рѣдки, вмѣсто усовъ и бороды пушекъ. Рѣзкая васкуляризація и желтоватый оттѣнокъ sclerae, дающій глазамъ больныхъ прокази довольно характерный видъ. Носъ толстоватъ; въ немъ насыхаютъ корочки. Измѣненій въ полости рта нѣтъ; также нѣтъ и пятенъ на груди и спинѣ. На тыльной поверхности предплечій и плечь очень рѣдкія фіолетовыя пятнышки, которыя нѣсколько выдаются надъ поверхностью кожи и при ощупываніи соотвѣтствуютъ лежащимъ въ толщѣ послѣдней узламъ. Стволъ довольно объемистъ. Правое яичко увеличено въ объемѣ, на ощупь твердое; epididimis той и другой стороны утолщенъ, узловатъ. На лѣвомъ колѣнѣ и на задней поверхности голени той же стороны рубцы, которыя Даніилъ объясняетъ: первый—тѣмъ, что упалъ съ лошади, второй—ожогомъ, вслѣдствіе того, что парилъ ногу. Анестезія замѣчается въ ближайшемъ сосѣдствѣ рубцевъ и на тылѣ лѣвой стопы.

60) Прасковья Харская. (Табл. IX).

Изъ моихъ наблюденій 1891 года.

Болѣзнь, по указанію больной, обнаружилась лѣтъ 12, 13 т. наз. пузыремъ на лѣвой голени, а потомъ на локтѣ; затѣмъ, лѣтъ 7 тому назадъ начали появляться пятна на лицѣ и на тѣлѣ.—St. praes. Больная 28-ми лѣтъ. Лице не очень опухшее. Краснота съ фіолетовымъ оттѣнкомъ замѣчается только на лбу и щекахъ. При ощупываніи инфильтратъ кожи узловатый, но довольно мягкій (регрессивныя явленія), выдающійся мѣстами въ видѣ бугровъ (лобъ, гдѣ послѣднихъ больше, щеки). Поверхность кожи имѣетъ видъ мелкой шагрени (рѣзче обозначенныя нормальныя складочки кожи); мѣстами замѣчается васкуляризація. Носъ въ сторонѣ костянаго свода приплюснутъ. Dacriocystitis обѣихъ сторонъ. Склера съ желтоватымъ оттѣнкомъ, инъецирована. На нёбѣ, отъ рѣзцовъ къ свободному

краю занавѣски тянется зернистая полоска; на uvula плоскіе бугорки. Голосъ сиплый. На туловищѣ немного бурыхъ пятенъ. Соски утолщены и склерозированы. На локтяхъ рубцы. Кожа тыла предплечій и кистей инфильтрована. На правой сторонѣ инфильтратъ тверже, на лѣвой мягче (регрессируетъ) и, соотвѣтственно этому, кожа представляетъ обильныя мелкія морщинки. Кожа тыла первыхъ фалангъ пальцевъ красна, инфильтрована. Анастезія не достигаетъ локтей. Кожа голеней и стопъ мало утолщена; наоборотъ, пальцы ногъ значительно утолщены. На лѣвомъ колѣнѣ келлоидъ, покрытый, какъ при psoriasis, серебристыми чешуйками. На передней поверхности лѣвой голени длинный рубецъ (первый pemphigus, появившійся у Харской). Анестезія до колѣнъ.

Осмотрѣны внимательно слѣпая сестра и сынъ Харской. У первой, ослѣпшей послѣ натуральной оспы, слѣды которой видны на лицѣ, не найдено ничего подозрительнаго. У втораго тоже нѣтъ ни рубцовъ, ни пятенъ, но ребенокъ очень плохо развитъ для своихъ лѣтъ и блѣденъ.

61) Марія Макарова. (Табл. X).

Изъ моихъ наблюденій 1884-го года (l. c. стр. 121, № 87) и 1891-го года.

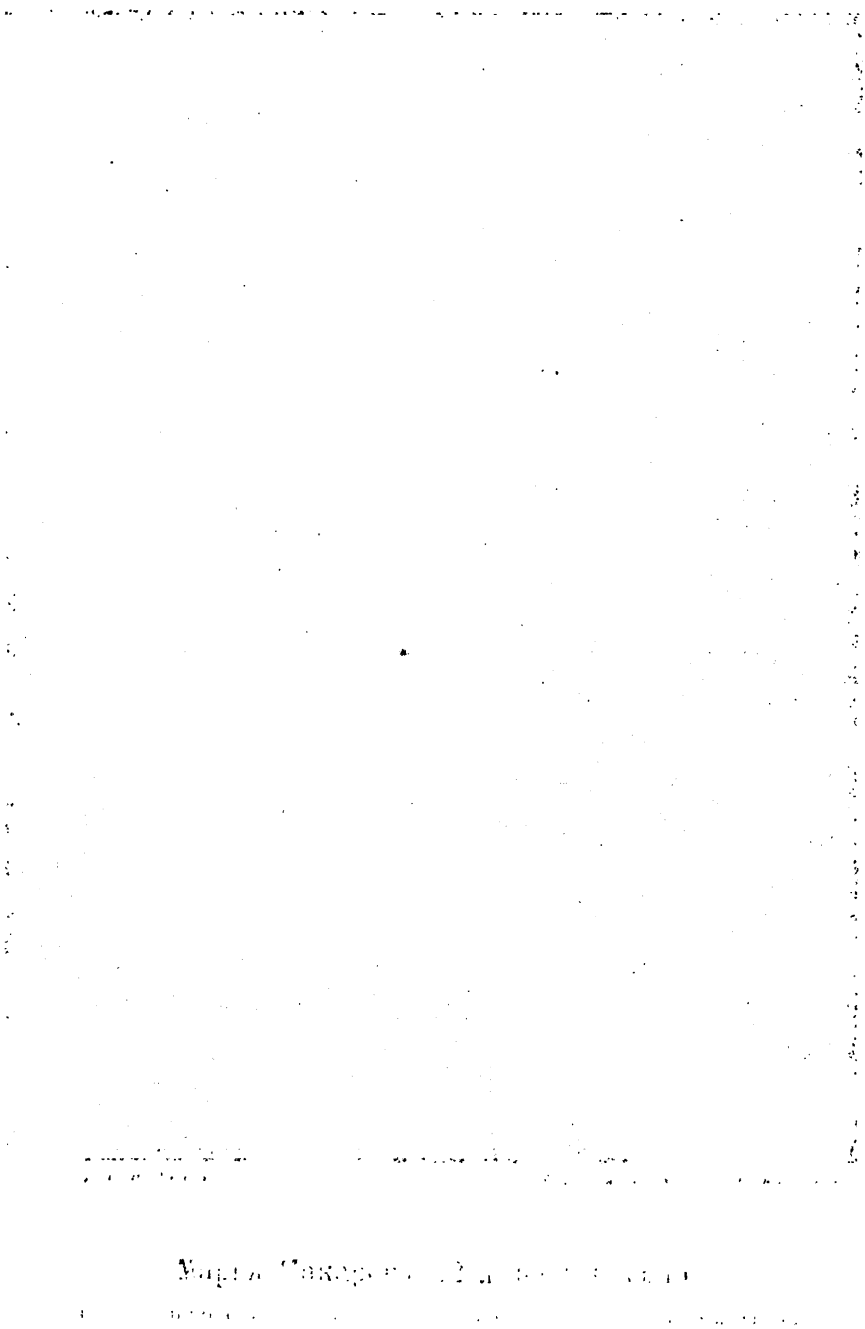
Заболѣла, какъ говоритъ, черезъ 2 года послѣ смерти отца, т. е. въ 1876-мъ году. Болѣзнь началась съ чувства онѣмѣнія въ колѣнахъ, затѣмъ показались пятна: сначала на колѣнахъ, а потомъ и на другихъ мѣстахъ (разсказываетъ о болѣзни и подвергается осмотру очень неохотно). Регулы не являлись. Сидитъ постоянно въ своей комнатѣ, закрытая чернымъ платкомъ.—St. praes. Больной 22 года. Чистая узловатая форма: очень длинные узлы на подбородкѣ и краяхъ носа; на бровяхъ они круглѣй; кожа между узлами очень бѣлая, мягкая; нѣкоторые изъ узловъ изъязвлены и покрыты сухими бурыми струпьями. Цвѣтъ узловъ фіолетово-красный, у основанія ихъ сильная васкуляризація. Форма носа неизмѣнена, но вслѣдстіе насыхающихъ въ немъ корокъ каналъ его непроходимъ. На мягкомъ нёбѣ 3 сѣроватыхъ узелка. (Туловище не осмотрѣно). На тылѣ плечъ и предплечій большое количество плоскихъ узловъ и отдѣльныхъ и сидящихъ группами. Тоже на нижнихъ конечностяхъ. Анестезія безпорядочная.

1891-ый годъ. Въ теченіи 7 лѣтъ, которыя я не видалъ Макаровой, узлы на лицѣ значительно увеличились въ объемѣ и многіе изъ нихъ достигаютъ величины лѣснаго орѣха, а одинъ—на лѣвой брови—равняется величиною почти грецкому орѣху. Поверхность узловъ изъязвлена. Кромѣ того, на лѣвомъ глазу часть склеры и болѣе половины cornea съ внутренней стороны закрыты узломъ, величиною съ лѣсной орѣхъ, затрудняющимъ движеніе вѣкъ и препятствующимъ зрѣнію, такъ какъ узелъ закрываетъ отъ свѣта около $^3/_4$ зрачка. Голосъ не измѣненъ. Въ кистяхъ рукъ—ясная атрофія мышцъ, а на лѣвой сторонѣ контрактура 4-го и 5-го пальцевъ. Анестезія выражена гораздо рѣзче и равномѣрнѣй. Силы больной замѣтно падаютъ.

62) Матвѣй Столбовскій. (Табл. XI).

Изъ моихъ наблюденій за 1884-ый (l. c. стр. 122, № 88) и 1891-ый годъ.

1884-ый годъ. Считаетъ себя больнымъ 2-ой годъ.—St. praes. Больному 15 лѣтъ. Лице гладкое, но въ кожѣ его ощущается инфильтратъ и цвѣтъ ея красноватый. Въ носу насыхаютъ корки и онъ легко кровоточитъ. Въ полости рта измѣненій нѣтъ. Пятенъ на туловищѣ и конечностяхъ также не найдено. На правомъ локтѣ круглый рубецъ, на мѣстѣ бывшаго пузыря; другой пузырь на этихъ дняхъ образовался нѣсколько выше рубца и лопнулъ, оставивъ язву, покрытую сухимъ струпомъ. Анестезій нѣтъ.



Ст. Александрийская.

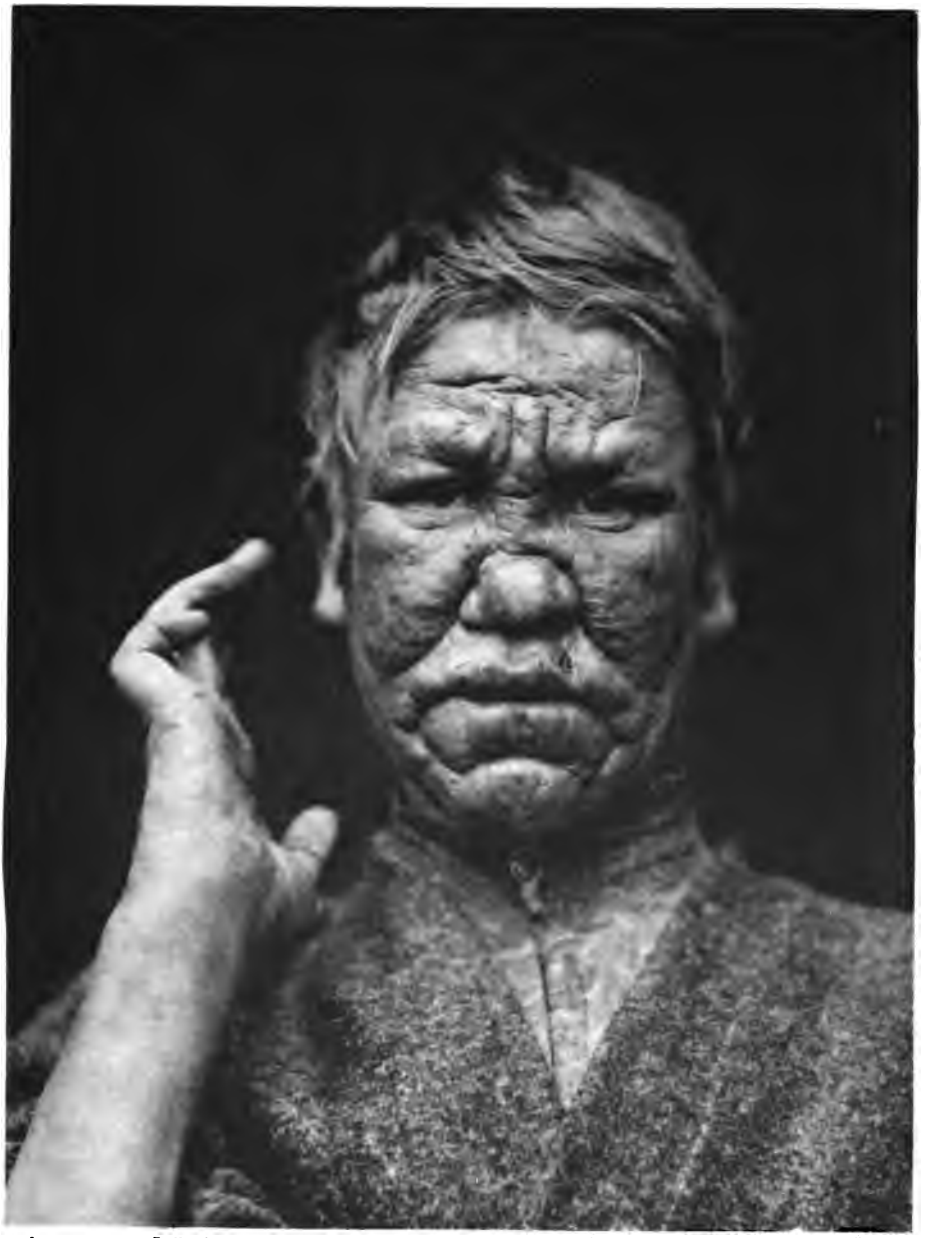
краю занавѣски тянется зернистая полоска; на uvula плоскіе бугорки. Голосъ сильный. На

Фотогр. Проф. Г. Н. Минхъ. *Кіевъ. Сѣтопечать С. В. Кульженко.*

Марья Макарова, 22 л. (въ 1884-мъ г.)

Дочь священника, заразившагося проказою и умершаго въ 1874-мъ году.

Ст. Александрійская.



Фотогр. Проф. Г. Н. Минхъ. *Світопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.*

Матвѣй Столбовскій, 23 л.

Ст. Александрійская.

1891 годъ. Кожа лица утолщена, темнаго, красно-бураго цвѣта; нормальныя морщины кожи значительно углублены; поверхность лица неровная, а представляется бугристой; глубокій узловатый инфильтратъ. Волоса на бровяхъ, усахъ и бородѣ отсутствуютъ, вмѣсто послѣднихъ пушекъ. Носъ ниже костнаго свода перетянутъ глубокой бороздою, въ немъ насыхаютъ корки и онъ часто кровоточитъ. На нёбѣ широкая, возвышенная, твердая, мелко зернистая полоса, начинающаяся отъ рѣзцовъ и достигающая свободнаго края занавѣски, около котораго, съ правой стороны язвочка, съ чечевицу величиною, съ желтымъ дномъ и рѣзкими краями. Голосъ сиплый уже лѣтъ 6. На груди буроватыя пятна съ темными точками, соотвѣтствующими сальнымъ железкамъ. Соски утолщены и тверды. На спинѣ пятенъ нѣтъ. На мошонкѣ блѣдныя папулы, кожа ея инфильтрована. Головка ствола представляетъ неравномѣрную консистенцію: мѣстами прощупываются твердые узлы. Яички объемисты, консистенція ихъ твердая, но не узловатая. На тылѣ плечъ, предплечій, бедеръ такія же пятна, какъ и на груди. Въ кожѣ предплечій и кистей узловатый инфильтратъ, рѣзче выраженный на правой сторонѣ. Кожа ручныхъ пальцевъ не измѣнена, также какъ и ногти. Въ пальцахъ замѣчается контрактура, въ особенности въ мизинцахъ; мышцы кистей слегка атрофированы. На правомъ локтѣ 4 круглыхъ рубца. Кожа голеней и стопъ представляетъ умѣренный, довольно равномѣрный инфильтратъ. На правомъ колѣнѣ рубцы, на лѣвомъ—свѣжая пемфигинозная язва. Анестезія, начиная съ локтей и колѣнъ, рѣзче выраженна въ правомъ предплечіи, чѣмъ въ лѣвомъ.

63) Акимъ Столбовскій.

Изъ моихъ наблюденій за 1884-ый (l. c. стр. 123, № 89) и 1891-ый годъ.

Больной 9 лѣтъ. На тѣлѣ его въ различныхъ мѣстахъ пятна, представляющія различный характеръ: нѣкоторыя изъ нихъ, а именно меньшія, представляются въ видѣ довольно большихъ возвышеній надъ уровнемъ кожи, краснаго цвѣта, слегка шелушащихся; въ пятнахъ нѣсколько большей величины, замѣчается углубленный и болѣе блѣдный центръ; наконецъ, большія пятна представляютъ блѣдный, атрофическій (только въ нѣкоторыхъ) центръ, чувствительность въ которомъ нѣсколько ослаблена, и периферическій красный, папулезный, мало или даже совсѣмъ не шелушащійся валикъ, шириною въ 0,5 центим. Большее количество пятенъ находилось на ягодицахъ и бедрахъ.

Вырѣзанный край одного изъ пятенъ въ поясничной области былъ изслѣдованъ моимъ бывшимъ ассистентомъ, въ настоящее время профессоромъ И. И. Судакевичемъ: лепрозныхъ бациллъ не было найдено, но ткань кожи и подкожной клѣтчатки представляла грануляціонный инфильтратъ, совершенно тождественный съ лепрознымъ. Въ 1891-мъ году я снова видѣлъ Акима. Что прежде всего бросилось мнѣ въ немъ въ глаза, это—его необыкновенно плохое развитіе: онъ походилъ на 10 лѣтняго мальчика, хотя ему было уже 16 лѣтъ; ростъ его малъ, волосы на усахъ и бородѣ, а также на mons pubis представлялись въ формѣ еле замѣтнаго пушка; половые органы дѣтски развиты. Пятна, послѣ помазыванія ихъ, какъ я совѣтовалъ, креозотомъ въ спиртномъ растворѣ, исчезли; на мѣстѣ ихъ образовались бѣлыя острова, какъ-бы вителлигинозныя, а въ тѣхъ пятнахъ, у которыхъ былъ перферическій валикъ, вмѣсто этого послѣдняго существуетъ атрофическая, сморщенная кожа, въ который нормально окрашенныя, расположенныя радіально морщинки, чередуются съ бѣлыми полосками. Чувствительность въ сторонѣ бывшихъ пятенъ значительно ослаблена. Но кромѣ всего сказаннаго, у Акима на правомъ бедрѣ и подъ правымъ же колѣномъ найдены были при осмотрѣ струпья, занимающіе протяженіе мѣднаго пятака и покрывающіе язвы, развившіяся послѣ бывшихъ недавно, какъ говоритъ больной и его отецъ, пузырей, похожихъ на ожоги.

64) Иванъ Шумаковъ.

Изъ моихъ наблюденій 1884-го года (l. c. стр. 115, № 83).

Считаетъ себя больнымъ 2 года. Слабость, головокруженіе, затѣмъ стало пухнуть и краснѣть лице и по тѣлу начали выходить пятна; носъ начало закладывать только съ нынѣшняго лѣта.—St. praes. Больному 28 лѣтъ. Опухоль и равномѣрный инфильтратъ кожи фіолетово-краснаго лица. Рѣдкіе волосы на бровяхъ. Сосудистыя, желтоватыя пучки студенистаго вида у внутренняго угла глазъ и роговицы. Краснота и васкуляризація слиз. об. мягкаго нёба и два сѣрыхъ узелка. Въ носу сухія корки, форма не измѣнена. Мраморный видъ кожи: бурые узоры на блѣдномъ фонѣ нормальной кожи на груди, спинѣ и конечностяхъ. Инфильтратъ—отекъ—предплечій и голеней. Отсутствіе измѣненій въ половыхъ органахъ, а также отсутствіе пемфигинозныхъ рубцовъ и анстезій. Умеръ въ 1890-мъ году.

65) Шумакова Пелагея. (Табл. XII).

Изъ моихъ наблюденій 1891-го года.

Лѣтъ 5 тому назадъ обнаружился пузырь на наружной поверхности правой голени, а затѣмъ стали показываться пятна и начало пухнуть лице.—St. praes. Больной 14 лѣтъ. Лице не очень опухшее, инфильтратъ (отекъ, не оставляющей слѣда при давленіи) особенно рѣзко выраженъ въ бровяхъ, волоса которыхъ довольно рѣдки. Кромѣ того, на лбу, менѣе на щекахъ, но всего болѣе на подбородкѣ разсѣяны довольно поверхностные, фіолетоваго цвѣта, твердые бугорки. Носъ почти не измѣненъ въ формѣ, но слизистая его оболочка суха, покрыта корочками и часто кровоточитъ. Въ полости рта измѣненій нѣтъ. Голосъ чистъ. На груди, въ окружности сосковъ дѣтски развитыхъ грудныхъ железъ, темная шагренировка (сальныя железы). Кожа поясницы окрашена равномѣрно темнымъ цвѣтомъ, съ еще болѣе темными точками, соотвѣтствующими железкамъ. На тылѣ плечъ и предплечій бурыя пятнышки такого же вида, какъ и на груди, но подъ пятнышками прощупываются узлы. Кисти, пальцы и ихъ ногти не измѣнены. На бедрахъ такой же пятнисто-узловатый инфильтратъ, какъ и на плечахъ. Голени и стопы нѣсколько опухли, фіолетоваго цвѣта; мѣстами прощупывается узловатость; на наружной поверхности правой голени находится довольно объемистый рубецъ (1-ый пузырь, появившійся у больной); инфильтратъ кожи здѣсь тверже. Анестезій нѣтъ. Больная не менструировала.

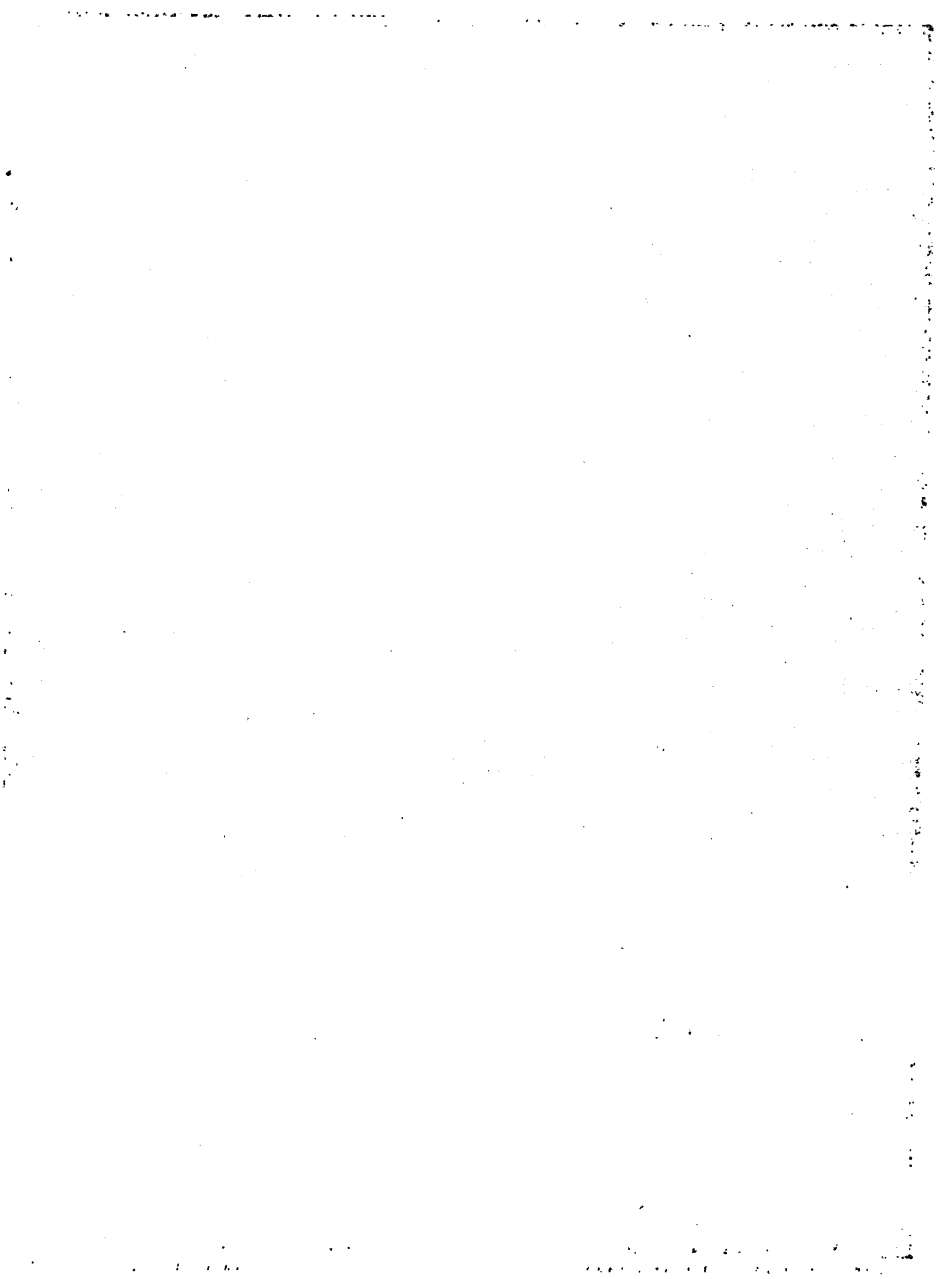
66) Анна Шумакова.

Изъ моихъ наблюденій 1891-го года.

Дѣвочка была осмотрѣна въ виду заболѣванія старшей дочери Шумакова. Когда появились у нея измѣненія, которыя мы сейчасъ опишемъ,—неизвѣстно.—St. praes. Дѣвочка 7 лѣтъ. На лицѣ, туловищѣ и верхнихъ конечностяхъ никакихъ измѣненій не найдено. Въ нижнихъ конечностяхъ рѣзко бросается въ глаза мраморная, фіолетовая окраска бедеръ и верхнихъ половинъ голеней, одинаковая на той и другой сторонѣ. А именно, окраска эта имѣетъ видъ узора или сѣтки, перекладины который, шириною въ палецъ и менѣе, рѣзко выдаются надъ поверхностью углубленныхъ промежутковъ нормальной кожи. Около колѣнъ перекладины сѣтки шире и болѣе возвышены; вверхъ и внизъ они наоборотъ ниже и совершенно сглаживаются съ уровнемъ кожи, такъ что имѣютъ видъ окрашенныхъ на кожѣ полосокъ. Поверхность перекладинъ на выдающихся мѣстахъ представляетъ шагренировку, обусловливаемую утолщеніемъ мелкихъ складокъ кожи и соотвѣтственно этому, большему углубленію нормальныхъ бороздокъ. Железы бедреннаго трехугольника увеличены въ объемѣ.

67) Яковъ Полька.

Изъ моихъ наблюденій 1884-го года (l. c. стр. 125, № 90).



Ст. Александрійская.

64) Иванъ Шумовъ.

Изъ моихъ наблюденій 1884-го года (l. c. стр. 125, № 90).

Фотогр. Проф. Г. Н. Минхъ. *Свѣтопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.*

Пелагея Шумакова, 14 л.

Ст. Александрійская.

Считаетъ себя больнымъ съ зимы нынѣшняго года: послѣ простуды начало закладывать носъ и въ немъ стали насыхать корки; съ весны начало пухнуть лице. Кромѣ того, по временамъ обнаруживались головныя боли и головокруженія —St. praes. Лице буро-красное. Кожа нѣсколько утолщена и инфильтрована. Надъ бровями 2, 3 рѣзко ограниченныхъ узла. Sclera инъецирована. Въ носу, не измѣнившемъ формы, корки. Голосъ нѣсколько гнусливый. Слизист. об. мягкаго нёба толста, красна, васкуляризована. Пятенъ на туловищѣ нѣтъ. Правый epididimis утолщенъ, узловатъ. Узловъ на стволѣ нѣтъ. На верхнихъ и нижнихъ конечностяхъ пятна, подъ которыми прощупываются узлы. На лѣвомъ предплечіи большой (съ крупную фасоль), поверхностный узелъ. Анестезія не сильно выражена и притомъ безпорядочная. Больной умеръ въ 1889 году.

68) Иванъ Косыхъ.

Изъ монхъ наблюденій 1884-го (l. c. стр. 126, № 91) и 1891-го года.

Въ 1884-мъ году явился ко мнѣ за совѣтомъ, не подозрѣвая, что боленъ проказою. Сообщилъ, что боленъ годъ и что болѣзнь началась съ пузырей на правой голени.— St. praes. Больной 25 лѣтъ. Въ лицѣ, кромѣ развѣ блѣдности, никакихъ измѣненій не замѣтно. На локтяхъ рубцы. На тылѣ правой кисти, соотвѣтственно сочлененію съ предплечіемъ, бѣлое пятно, неправильнаго очертанія: по словамъ больнаго здѣсь былъ пузырь. На правой кисти у основанія 4-го и 5-го пальцевъ углубленный рубецъ и въ центрѣ его фистулезное отверстіе, изъ котораго отдѣляется серозная жидкость. Тылъ правой кисти и отдѣльныя точки тыла предплечія представляютъ явную анестезію. Въ лѣвой кисти анестезій нѣтъ. Мышцы предплечій и кистей нѣсколько атрофированы. На колѣнахъ рубцы и свѣжія язвы, развившіяся послѣ пузырей. На наружной сторонѣ правой голени на границѣ верхней и средней трети большой рубецъ—центим. въ 8 длины и 5 ширины. Кромѣ того, на голени нѣсколько рубцовъ меньшей величины. Анестезія, выраженная на правой голени сильнѣе, чѣмъ на лѣвой.

Въ 1891-мъ году Косыхъ дополнилъ свои указанія тѣмъ, что первый пузырь, какъ отъ ожоги, обнаружился у него, когда ему было еще лѣтъ 14 и онъ жилъ въ работникахъ у Чреватенки (больныхъ проказою тамъ не было), т. е. около 1873-го года.—St. praes. Лице умѣренно опухшее. Инфильтратъ кожи равномѣрный, представляющій на лбу, вслѣдствіе перетяжки глубокими морщинами, довольно крупные бугры. Волоса на бровяхъ рѣдки. Носъ по серединѣ представляетъ явную сѣдловину. Характерный насморкъ. На серединѣ мягкаго неба 3 просовидныхъ сѣрыхъ бугорка, изъ которыхъ одинъ изъязвился. На языкѣ у основанія 4 плоскихъ узла, около чечевицы величиною. Голосъ сильный (объясняетъ это тѣмъ, что много пѣлъ на ярморкѣ, бывшей въ Георгіевскѣ). На груди, спинѣ, въ меньшемъ количествѣ на животѣ—пятна, довольно обильныя, величиною отъ двугривеннаго и менѣе. Цвѣтъ пятенъ красновато розовый. Онѣ возвышаются надъ поверхностью, на груди рѣзче, на спинѣ слабѣе. Поверхность ихъ слегка шагренирована (сальныя железки). Такія же пятна находятся на плечахъ, предплечіяхъ и на бедрахъ. На головкѣ ствола, а именно на вѣнчикѣ, рядъ твердыхъ узловъ. Epididimis той и другой стороны утолщенъ, твердъ. Половая функція, какъ утверждаетъ больной, не страдаетъ. Большое количество рубцевыхъ слѣдовъ pemphigus и язвъ на локтяхъ, колѣнахъ, голеняхъ и др. частяхъ тѣла. Чувствительность въ стопахъ, голеняхъ (спереди), равно и на тылѣ лѣваго предплечія притуплена; въ тылѣ праваго предплечія и ручной кисти (кромѣ пальцевъ) полная анестезія и аналгезія. Въ пальцахъ рукъ замѣчается контрактура, ограничивающаяся на лѣвой сторонѣ только мизинцемъ, на правой сторонѣ контрактура всѣхъ пальцевъ, кромѣ большаго; мизинецъ согнутъ подъ прямымъ угломъ. Фистулезное отверстіе закрылось.

69) Федоръ Перепелицинъ.

Изъ моихъ наблюденій 1891-го года.

Все, что можно было узнать отъ болтливаго старика—это то, что болѣзнь началась лѣтъ 15 тому назадъ, причемъ въ теченіи первыхъ 9 лѣтъ все выходили пузыри и только 6 лѣтъ тому назадъ начало портиться лице.—St. praes. Больному 65 лѣтъ. Регресивный періодъ: всасывающіеся и всосавшіеся (атрофія кожи) инфильтраты, какъ въ лицѣ, такъ и въ конечностяхъ. Рубцы на слиз. оболочкахъ. Обильные рубцы и язвы на конечностяхъ. Значительно распространенныя анестезіи.

70) Василій Жариковъ.

Изъ моихъ наблюденій 1891-го года.

Уклоняется отъ всякихъ указаній, касающихся болѣзни.—St. praes. Больному 33 года. Лице кажется нѣсколько опухшимъ; цвѣтъ его темный, буровато-красный; сережки ушей инфильтрованы; во рту и носу никакихъ измѣненій. На правомъ локтѣ два круглыхъ рубца, о происхожденіи которыхъ ничего сообщить не могъ. Подъ внутреннимъ мыщелкомъ праваго плеча увеличенная, болѣзненная железка. Epididimis той и другой стороны утолщенъ, узловатъ. На нижнихъ конечностяхъ, кромѣ мало болѣзненнаго утолщенія праваго колѣна и варикозныхъ венъ обѣихъ голеней (на правой сильнѣе),—никакихъ измѣненій. Анестезій нѣтъ (? больной очень лукавитъ при изслѣдованіи).

71) Пелагея Ушакова.

Изъ моихъ наблюденій 1891-го года.

Разсказъ больной о своей болѣзни крайне сбивчивый и направленъ къ тому, чтобы отрицать, что она больна проказою. Лица знающія ее однако описываютъ, что у нея было опухшее красное лице, что она нѣсколько лѣтъ не выходила иначе, какъ закрывши лице, съ цѣлью спрятать его отъ окружающихъ.—St praes. Больной 30 лѣтъ. Значительное общее исхуданіе и упадокъ силъ. Лице блѣдное, кожа его атрофическая, обвислая; на щекахъ явные слѣды васкуляризаціи (змѣевидныя расширенія сосудовъ). Волосъ на бровяхъ ни слѣда. Нижняя половина носа ниже уровня костянаго свода, какъ будто онъ весь атрофировался; ноздри приплюснуты къ перегородкѣ и носовыя отверстія съужены. На мягкомъ нёбѣ у образный, бѣлый, твердый рубецъ. Пятенъ на конечностяхъ нѣтъ (туловище не осмотрѣно). На локтяхъ рубцы отъ бывшихъ пузырей. Thenar et antithenar атрофированы. Анестезіи нѣтъ: локализируетъ прикосновеніе довольно хорошо. Пальцы не измѣнены. На лѣвомъ колѣнѣ и мыщелкѣ лѣвой стопы такіе же рубцы, какъ и на локтяхъ, и произошли, какъ передаетъ и сама больная, отъ зажившихъ язвъ, развившихся послѣ пузырей, похожихъ на ожоги. Кромѣ общей слабости, жалуется на головную боль, обнаруживающуюся во всякое время и днемъ, и ночью.

72) Чернева (имя ?).

Изъ моихъ наблюденій въ 1891-мъ году.

Явилась ко мнѣ за совѣтомъ и внушила нѣкоторыя подозрѣнія тѣмъ, что она пріятельница Гуляевой и чуть ли не изъ этой же семьи.—St. praes. Папулы, разсѣянныя по всему тѣлу и главнымъ образомъ на верхнихъ конечностяхъ, мѣдно-краснаго цвѣта; больная ощущаетъ въ нихъ зудъ. Кромѣ того, ломота въ рукахъ и ногахъ, но преимущественно ночью. Ни малѣйшихъ слѣдовъ гуммознаго періостита. Лѣчилась, на сколько я помню (въ книжкѣ не записано), сулемою, но безуспѣшно. Я охотно счелъ бы этотъ случай за сифилисъ, если бы два раза не видѣлъ больныхъ съ такими же точно папулами, изъ которыхъ одинъ даже лечился въ спеціальномъ сифилитическомъ отдѣленіи Кириловской больницы въ Кіевѣ, но у которыхъ позднѣе обнаруживались ясные признаки проказы.

Станица Лысогорская.

Составилась въ 1852 г. (?) изъ переселенцевъ Ниже-Подгорной станицы (которая за недостаткомъ земли была упразднена) и изъ переселенцевъ станицы Александрійской, послѣ пожара, уничтожившаго значительную часть станицы.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869 года: 2679 душъ, изъ нихъ—казаковъ 2674 (1365 м., 1309 ж.), постороннихъ 5 (4 м., 1 ж.); дворовъ 287. По свѣдѣніямъ 1889-го года: 2961 (1565 м., 1396 ж.) русскихъ.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Симонова Наталья . .	26	М.	—	?	1854 III	
2	Винокуровъ Карпъ . .	48	М.	—	?	1870 IV	Въ метрик.: „отъ венеріи“.
3	Тиховъ (священникъ) .	40 ?	М.	—	?	1874 ?	
4	Винокуровъ Никита .	23	М.	—	1870	1876	Въ метрик.: „отъ сифилиса“.
5	Русановъ Савелій . .	30	М.	—	?	1877	Умеръ въ Пятигорскомъ госпиталѣ.
6	Вадобшина Мавра . .	50	М.	—	1870	1880 III	
7	Иноземцевъ Дароѳѣй .	50	М.	—	?	1882 I	
8	Величко Михаилъ . .	31	М.	—	?	1883 I	
9	Малахова Наталья . .	65	М.	—	1871	1884 VIII	Въ метрик.: „отъ венерической болѣзни“.
10	Пичинина Ульяна . .	38	М.	—	1875	1885 V	Тоже.
11	Морозовъ Іосифъ . .	25	М.	—	1876	1887 IV	Въ метрик.: „отъ проказы“.
12	Скорнякова Агафья. .	47	М.	—	1878	1890 V	
13	Морозовъ Иванъ. . .	32	М.	—	1876	—	Больна въ настоящее время.
14	Морозовъ Гавріилъ. .	35	М.	—	1866	—	Тоже.
15	Ѳедосовъ Леонтій . .	37	М.	—	1888	—	Тоже.
16	Шутова Домна ? . .	15	М.	—	1889	—	Тоже.

Изъ перечисленныхъ нами больныхъ связь заболѣваній изслѣдована нами не во всѣхъ случаяхъ: такъ, мы ничего не знаемъ объ отношеніи другъ къ другу и къ другимъ больнымъ заболѣваній Симоновой Натальи, Русанова Савелія, Иноземцева Дороѳея, Величко Михаила и священника Тихова. Указаніе на болѣзнь послѣдняго намъ сдѣлано было позднѣе, въ ст. Александрійской и Георгіевскѣ, и мы не могли повѣрить его въ Лысогорской, а также дополнить болѣе подробными свѣдѣніями. Что касается остальныхъ перечисленныхъ нами больныхъ, то едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что они болѣли проказою, такъ какъ, — помимо многихъ свидѣтельскихъ указаній, между которыми наиболѣе заслуживаютъ довѣрія свѣдѣнія, сообщенныя почтеннымъ псаломщикомъ ст. Лысогорской, Прелатовымъ, служащимъ въ станицѣ 37 лѣтъ, т. е. съ 1853 года,—мы имѣемъ и отмѣтку въ метрикахъ, что указанныя лица умерли „отъ венеріи“ или „отъ сифилитической“,—отмѣтку, которую находимъ и относительно больныхъ несомнѣнно страдавшихъ проказою (Малаховой, Пичининой), которую мы констатировали у нихъ сами. Псаломщикъ утверждалъ мнѣ, что первая болѣвшая проказою въ станицѣ была Наталья Симонова.

Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія мы имѣемъ относительно другихъ, позднѣйшихъ заболѣваній, которыя мы можемъ разбить на 3 группы.

1) Семейства Винокуровыхъ, Вадобшиныхъ и Малаховыхъ.

Первый болѣлъ проказою Карпъ Винокуровъ (Перелатовъ и Малаховы). Затѣмъ одновременно почти заболѣли сынъ Карпа, Никита, Мавра Вадобшина и Наталья Малахова. Вадобшина была женою роднаго брата Малаховой (а не родной сестрой послѣдней, какъ ошибочно отмѣчено въ моихъ матерьялахъ); въ родствѣ съ Винокуровыми онѣ не состояли, жили въ близкомъ сосѣдствѣ и нерѣдко посѣщали семью Карпа (указаніе сыновей Натальи Малаховой). Вадобшина жила у одного изъ сыновей въ отдѣльной комнаткѣ, точно также какъ и Малахова, которую я видѣлъ въ 1884-мъ году. Семьи той и другой здоровы.

2) Семьи Пичининой, Скорняковой и Шутовой.

Какъ мы сообщили въ своихъ матерьялахъ по проказѣ (l. c. стр. 132, № 96), у Ульяны Пичининой была сводная сестра, болѣв-

шая проказою въ Георгіевскѣ, гдѣ, по указанію Ульяны, она служила въ нянькахъ (у кого ?—мнѣ не удалось позднѣе узнать). Ульяна бывала у нея и, какъ передаетъ мужъ, гостила, а затѣмъ за годъ до ея смерти заболѣла сама. Мужъ, когда болѣзнь обнаружилась у Ульяны ясно, изолировалъ ее и не пускалъ къ ней дочерей, которыя въ настоящее время здоровы: двѣ уже замужемъ, третья еще дѣвушка. Въ 1884-мъ году я осматривалъ ихъ и нашелъ только у послѣдней поверхностные, разсѣянные по тѣлу рубцы, происхожденіе которыхъ я выяснить не могъ. Хотя Ульяна и была изолирована, но ее тѣмъ не менѣе посѣщали нѣкоторыя лица и между ними ближайшія сосѣдки и родственницы—Скорнякова и Шутова. Агафья Скорнякова была родной сестрой мужа Пичининой и, какъ передавали мнѣ члены семьи Агафьи, ходила къ Ульянѣ часто и „безъ всякой опаски“. Въ настоящее время (1891 г.) въ станицѣ ходяхъ слухи, что больна дочь Агафьи Скорняковой, выданная замужъ за Каребина, а именно, что у нея по временамъ на лицѣ показываются пятна. Видѣть Каребину мнѣ не удалось. Что касается Шутовыхъ, ближайшихъ сосѣдей Пичининыхъ, то они тоже находятся съ послѣдними въ родствѣ, а именно отецъ семейства, Василій Шутовъ, женатъ на родной сестрѣ мужа Ульяны Пичининой, т. е. родной же сестрѣ Агафьи Скорняковой. Въ семьѣ Шутовыхъ заболѣла дочь Василія, Домна (?). Василій сначала не хотѣлъ мнѣ показывать дочери, упорно отрицая, что она больна проказою. Но затѣмъ, послѣ осмотра, обнаружившаго, что Домна несомнѣнно больна проказою, сознался, что дѣвочка бѣгала часто къ Ульянѣ Пичининой, которая была ихъ сосѣдкой и жила въ отдѣльной хаткѣ.

3) Семья Морозовыхъ.

Въ 1884-мъ году я изслѣдовалъ двухъ братьевъ Морозовыхъ—Іосифа и Ивана, и слышалъ, что проказою же боленъ и старшій ихъ братъ Гавріилъ, но видѣть его мнѣ тогда не удалось. Въ 1891-мъ году я осмотрѣлъ Гавріила, причемъ оказалось, что онъ дѣйствительно боленъ и притомъ первичной нервной формою проказы. Вотъ анамнестическія свѣдѣнія, которыя намъ передалъ больной. Ни отецъ, ни мать Гавріила, какъ указывали и его братья, проказою не болѣли, а болѣлъ ихъ родной дядя. Хотя Гавріилу, когда умеръ дядя, было 6, 7 лѣтъ, но онъ его хорошо помнитъ: дядя болѣлъ точно также, какъ боленъ

теперь самъ Гавріилъ (нервною формою?). Заболѣлъ Гавріилъ, когда ему было лѣтъ 10, т. е. года черезъ 3, 4 послѣ смерти дяди, а именно у него начало ломить (болѣть) руки и ноги. Послѣ Гавріила заболѣли его братья, сначала Іосифъ, а затѣмъ Иванъ. Къ крайнему моему сожалѣнію, я, допрашивая Гавріила, не записалъ имени его больнаго дяди, такъ какъ осматривалъ Гавріила ранѣе, чѣмъ узналъ въ г. Георгіевскѣ о болѣзни Криволаповой, по первому мужу Морозовой. Позднѣе, посѣтивъ проѣздомъ Лысогорскую, я не могъ видѣть Гавріила (онъ куда-то выѣхалъ), а узнать изъ справокъ же у другихъ лицъ о томъ, кто изъ дядей Морозовыхъ болѣлъ проказою, а именно не болѣлъ ли послѣднею первый мужъ Криволаповой,—мнѣ не удалось. Все, что я узналъ, это то, что у отца Морозовыхъ, Эмельяна, было 2 брата: Пимонъ и Николай, изъ которыхъ послѣдній былъ первымъ мужемъ Агафьи Криволаповой. Спрошенные по поводу болѣзни Николая Морозова пріемная дочь Агафьи и ея родной племянникъ, Федоръ Иноземцевъ, показали: послѣдній, что Николай не болѣлъ проказою; первая,—не дала опредѣленнаго отвѣта; но если вѣрить въ точность ея указаній, что Агафья вышла замужъ за Криволапова въ 1860-мъ году, съ другой стороны,—вѣрить въ точность указанія Гавріила, что дядя его Николай умеръ, когда Гавріилу было 6, 7 лѣтъ, т. е. въ 1863-мъ году,—то отвѣтъ долженъ быть точно также отрицательный. Вопросъ могли бы, можетъ быть, разъяснить церковныя метрики, но Николая Морозова въ Лысогорскихъ метрикахъ я не нашелъ.

Что касается болѣзни Леонтія Ѳедосова, то мы могли воспользоваться только его личными указаніями, изъ которыхъ видно, что ни его отецъ, ни мать, ни 4 сестры, изъ которыхъ въ настоящее время жива только одна, бывшая замужемъ за Винокуровымъ (какимъ?), проказою не болѣли; что онъ самъ боленъ всего года три (?).

Наконецъ, какъ на подозрительное заболѣваніе станичные слухи указываютъ на явленія, обнаруживающіяся у оспопрививателя станицы, Данилы Недѣляева, у котораго замѣчается, будто бы, краснота и припухлость въ лицѣ.

Приложенія.

73) Малахова Наталья.

Изъ моихъ наблюденій 1884-го года (l. c. p. 128, № 93).

Анамнестическія указанія крайне сбивчивы.—St. praes. Регрессивный періодъ: атрофическая, блѣдная, обвислая кожа на лицѣ (отсутствіе волосъ на бровяхъ); такая же атрофія кожи на туловищѣ и конечностяхъ и слѣды атрофировавшихся узловъ; послѣдніе уцѣлѣли только кое-гдѣ и то только глубокіе; полная анестезія и аналгезія кожи конечностей; прободающая язва правой подошвы; обильные рубцы на тѣлѣ; рѣзкія измѣненія ногтей.

74) Пичинина Ульяна.

Изъ моихъ наблюденій за 1884-ый годъ (l. c. стр. 132, № 96, табл. VIII).

Болѣзнь обнаружилась 9 лѣтъ тому назадъ, послѣ рыбной ловли въ холодной водѣ, тѣмъ, что все тѣло Ульяны покраснѣло. Послѣ кровопусканія и употребленія іода Ульяна нѣсколько лѣтъ была здорова (?); хотя послѣ каждой простуды на тѣлѣ снова показывались красныя пятна. Года 4 тому назадъ (?—несомнѣнно болѣе) у нея надъ переносьемъ вышла шишка, которая росла, а вмѣстѣ съ тѣмъ начало пухнуть лице и насыхать корки въ носу; въ 1881, 82-мъ году у больной провалился носъ и обнаружились язвы во рту; въ 1883-мъ году начали пухнуть руки и ноги.—St. praes. Больной 38 лѣтъ. Мягкій (видимо всасывающійся) инфильтратъ лица, обвислая кожа; носъ глубоко ввалившійся; отсутствіе волосъ на бровяхъ. На нёбѣ зарубцевавшаяся язва, проникающая въ полость носа. На краѣ языка бляшки, частью изъязвившіяся. На шеѣ инфильтратъ шейныхъ лимфатическихъ железъ и окружающей ихъ крѣтчатки. На груди пятна. Крупно узловатый инфильтратъ кожи верхнихъ и пятнисто узловатый—въ нижнихъ конечностяхъ. Пемфигинозные язвы и рубцы. Анестезіи.

75) Іосифъ Морозовъ.

Изъ моихъ наблюденій за 1884-ый годъ (l. c. стр. 129, № 94, табл. VIII).

Заболѣлъ около 1876-го года. Первыя явленія обнаружились въ видѣ бугра на тылѣ лѣваго предплечія, на мѣстѣ сочлененія съ кистью, и во время школьныхъ занятій, когда ему приходилось писать, лице набрякало, въ особенности лобъ надъ глазами и переносьемъ.—St. praes. Больному 23 года. Лице старческое, цвѣтъ его блѣдный желтоватый, инфильтратъ мягкій, узловатый, губы изъязвлены и отверстіе рта сужено рубцами, такъ что больной не можетъ открыть ротъ на столько, чтобы можно было осмотрѣть полость послѣдняго; на языкѣ крупные узлы. На туловищѣ пятенъ нѣтъ. Яички атрофичны. Epididimis утолщенъ и склерозированъ. На конечностяхъ пятна и узловатый инфильтратъ кожи. На тылѣ предплечій возвышенныя, твердыя бляшки (келлоиды на пемфигинозныхъ рубцахъ), покрытыя серебристой чешуею. Анестезія безпорядочная только въ голеняхъ и на тылѣ стопъ.

76) Агафья Скорнякова.

Изъ моихъ наблюденій 1884-го года.

Лѣтъ 6 тому назадъ начала чувствовать общее недомоганіе: слабость, головокруженіе, доходившее до обморока. Лѣтомъ больной дѣлалось лучше, зимою—хуже. Послѣдніе года стала чувствовать онѣмѣніе въ рукахъ и ногахъ.—St. praes. Больной 42 года. Лице буроватаго цвѣта. Инфильтратъ его незначительный,—только въ кожѣ лба и щекъ. Насыханіе корокъ въ носу. Отсутствіе измѣненій въ полости рта. Узорчатыя пятна на

груди. Рубцы на локтяхъ и подъ лѣвымъ колѣномъ. Инфильтратъ кожи тыла предплечій и пятна на послѣднихъ. Гиперестезія тыла предплечій, а также голеней и стопъ (въ прошломъ году чувствовала въ этихъ мѣстахъ онѣмѣніе).

77) Иванъ Морозовъ.

Изъ моихъ наблюденій 1884-го года (l. c. стр. 129, № 94):

Болѣзнь обнаружилась въ 1876-мъ году пузыремъ на лѣвомъ колѣнѣ. Послѣ этого стали болѣть руки и ноги, а въ 1878-мъ году начало сводить пальцы въ рукахъ. Въ 1880-мъ году въ лицѣ обнаружилась опухоль и краснота.—St. praes. Больному 25 лѣтъ. Лицо красное. Инфильтратъ его умѣренный, равномѣрный. На лбу глубокія морщины. Волосъ на бровяхъ мало. Форма носа не измѣнена; на слизистой оболочкѣ перегородки сухія корки. Усовъ и бороды нѣтъ, а только пушекъ. Слизистая оболочка нёба красна, суха, васкуляризована. На груди желтыя папулы. Epididimis той и другой стороны утолщенъ, узловатъ. Темная окраска тыла плечъ. Анестезія и аналгезія тыла предплечій и кистей до первыхъ фалангъ включительно. Гиперестезія ладонной поверхности кистей рукъ. Контрактура пальцевъ, особенно рѣзко выраженная въ 3-мъ—5-мъ пальцахъ правой руки. Пемфигинозные рубцы на локтяхъ и колѣнахъ. Инфильтратъ и склерозъ кожи голеней и стопъ, выраженный сильнѣе на лѣвой сторонѣ. Прободающія язвы подошвы, а именно: двѣ язвы на правой подошвѣ, одна большая (болѣе мѣднаго пятака) у основанія большаго пальца; другая меньшей величины, около мизинца; на лѣвой сторонѣ небольшая язва у основанія большаго пальца. Полная анестезія и аналгезія до колѣнъ.

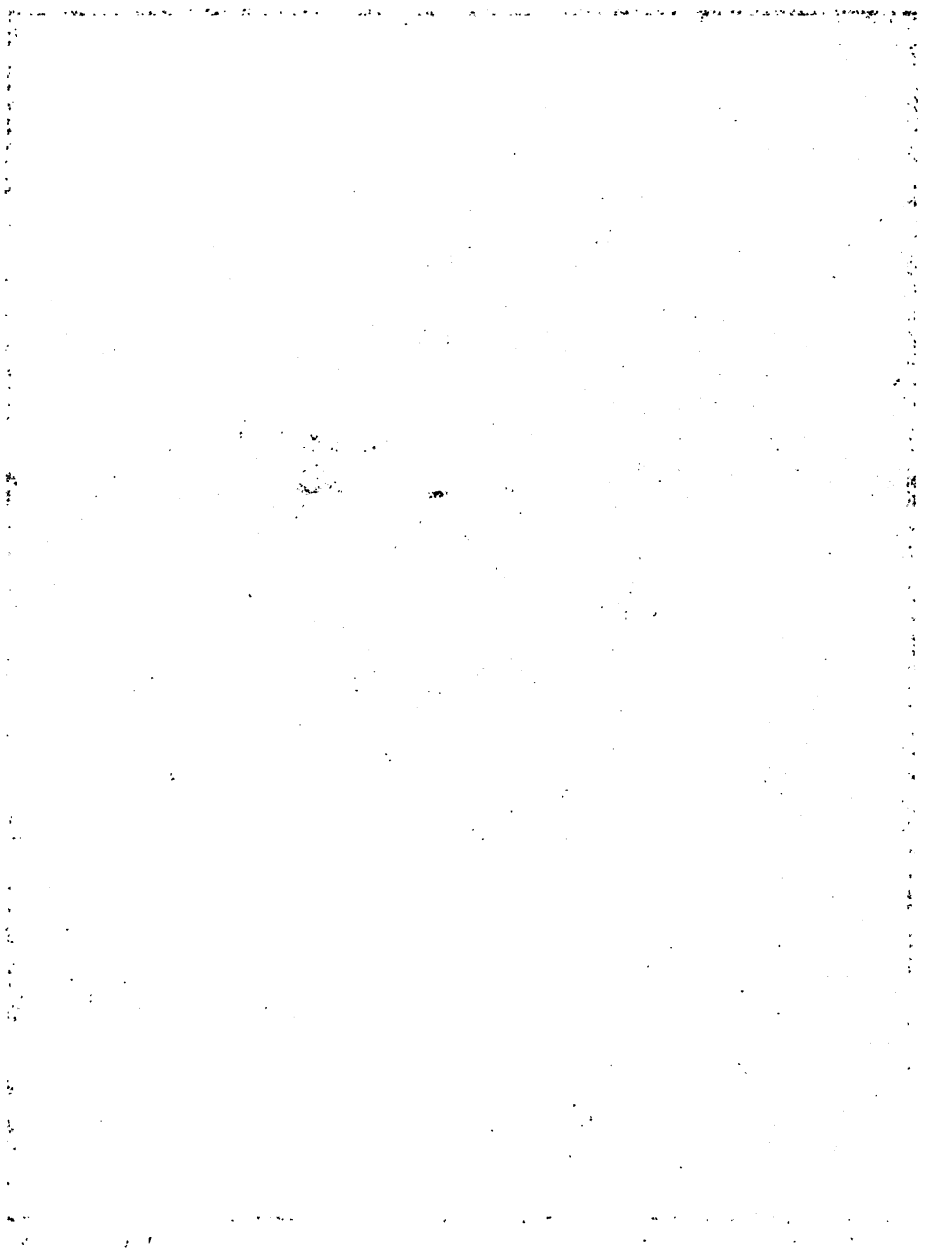
Въ 1891-мъ году я снова видѣлъ Морозова. (См. фотографич. табл. XIII).

St. praes. Больному 34 года. Лицо блѣдное, грязно-сѣроватое. Инфильтрата нѣтъ: кожа мягка, атрофична, усѣяна мелкими морщинками. Губы утолщены, но мягки; также и сережки ушей. Въ кожѣ лица кое-гдѣ замѣчается васкуляризація. Волосъ нѣтъ ни на бровяхъ, ни въ усахъ и бородѣ. На мягкомъ нёбѣ твердая, зернистая, бѣлая, нѣсколько углубленная полоска, шириною около 2 центиметровъ. Таковая же полоска и по серединѣ языка; сосочки на ея протяженіи отсутствуютъ. На груди и поясницѣ, соотвѣтственно бывшимъ папуламъ, лоснящіяся, морщиноватыя, атрофическія мѣста. Тылъ плечъ и предплечій темнаго цвѣта; въ нижней трети предплечій довольно еще твердый узловатый инфильтратъ, сильнѣй выраженный на лѣвой, чѣмъ на правой сторонѣ. Кисти рукъ утолщены. Thenar и antithenar атрофированы. Кожица на ладоняхъ толста, лоснится и шелушится. На правой ладони слѣды нѣсколькихъ высохшихъ пузырей pemphigus. На лѣвой ладони, около локтеваго края кисти и почти параллельно съ этимъ краемъ, находится язва, имѣющая видъ трещины, около 3-хъ центим. длины. Контрактура пальцевъ сильнѣй выражена, чѣмъ была прежде, пальцы и въ особенности мизинцы согнуты почти подъ угломъ въ 90°. Ногти въ значительной степени изуродованы: превратились въ комочки, болѣе похожіе на струпья; мѣстами они совершенно отсутствуютъ, а вмѣсто нихъ покрытая кожицей неровная, мелко-бугристая поверхность, на одномъ изъ пальцевъ даже изъязвленная. Кожа голеней фіолетоваго цвѣта; инфильтратъ умѣренный. Язвы на правой подошвѣ, послѣ самопроизвольнаго удаленія некротической косточки, зажили, и въ большомъ пальцѣ замѣчается деффектъ первой фаланги. На лѣвой подошвѣ язва у основанія большаго пальца увеличилась до размѣровъ мѣднаго пятака. Анестезія и аналгезія распространились на плечи и бедра. Больной постоянно зябнетъ и почти не снимаетъ шубы.

78) Федосовъ Леонъ. (Табл. XIV).

Изъ моихъ наблюденій въ 1891-мъ году.

Считаетъ себя больнымъ 3 года. Болѣзнь началась съ того, что у Леона начало закладывать носъ и въ немъ стали насыхать корки. Затѣмъ, показались узлы и первый



Ст. Лысогорская.

груди. Рубцы на локтяхъ и подъ лѣвымъ колѣномъ. Инфильтратъ кожи тыла предплечій и пятна на послѣднихъ. Гиперестезія тыла предплечій, а также голеней и стопъ (въ про-

Фотогр. Проф. Г. Н. Минхъ. *Фотопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.*

Иванъ Морозовъ, 32 л. (сн. въ 1891-мъ г.)

Ст. Лысогорская.

изъ нихъ на лѣвой щекѣ, а затѣмъ и на всемъ лицѣ; первый узелъ изъязвился и на мѣстѣ его находится рубецъ. Спрошенный по поводу ногъ, которыя у него видимо ампутированы на границѣ верхней и средней трети голени, Федосовъ сообщилъ, что онѣ дѣйствительно были ампутированы во время компаніи 1877—78-го годовъ, а именно, вслѣдствіе того, что онъ отморозилъ ихъ, когда его, больнаго горячкой, перевозили изъ лазарета въ госпиталь въ Гассанъ-Кала.—St. praes. Больному 37 лѣтъ. Лице красное, не очень опухшее. Въ кожѣ бровей, почти лишенныхъ волосъ, надъ переносьемъ, въ окружности ноздрей, въ завиткѣ, на подбородкѣ, менѣе въ щекахъ ощущается узловатый инфильтратъ, причемъ отдѣльные узлы выдаются надъ поверхностью кожи, обусловливая ея неровность (подбородокъ). Форма носа не измѣнена, но въ немъ насыхаютъ корки. На нёбѣ твердая, бѣлая, зернистая полоска, шириною около 2-хъ центим. Голосъ сильный. На туловищѣ (груди и спинѣ) небольшія, красно-бурыя, шагренированныя (выдающіяся сальныя железки) пятна. На тылѣ плечъ пятна эти сливаются и весь тылъ представляетъ равномѣрную, похожую на шагрень поверхность, на которой выдающіяся сальныя желѣзки окрашены нѣсколько темнѣе. На тылѣ предплечій и кистяхъ рукъ находятся поверхностные узлы и узелки, представляющіе всѣ стадіи своего развитія, (см. фотограф. табл. XIV), а именно: начиная съ узелковъ, соотвѣтствующихъ однимъ изъ мелкихъ складокъ кожи, лежащихъ между мелкими бороздками, и кончая узлами, достигающими 1-го центим. въ діаметрѣ; съ другой стороны, начиная съ цвѣтущаго періода, въ которомъ узлы представляютъ красно-фіолетовый цвѣтъ и закругленную или выпуклую поверхность, и кончая регрессивными измѣненіями, причемъ консистенція узловъ становится мягче, цвѣтъ блѣднѣе, принимаетъ желтоватый оттѣнокъ, выпуклость сглаживается и болѣе или менѣе сильно шелушащійся центръ даже углубляется (узелъ на тылѣ предплечія, около лучеваго края) или изъязвляется, покрываясь струпомъ (узлы на локтевомъ краѣ). Epididimis той и другой стороны представляетъ твердыя, узловатыя утолщенія. Анестезіи существуютъ, но безпорядочныя.

79) Шутова Домна (?).

Изъ моихъ наблюденій 1891-го года.

Свѣдѣнія о началѣ болѣзни крайне сбивчивыя. Отецъ утверждаетъ, что дочь больна только другой годъ, и до осмотра утверждалъ, что болѣзнь произошла отъ простуды, вслѣдствіе которой обнаружилась ломота въ рукахъ и ногахъ.—St. praes. На лицѣ небольшія красноватыя пятна, а подъ ними прощупываются твердые узлы. Брови довольно рѣдки. Носъ толстоватъ и по серединѣ его замѣчается небольшая сѣдловина. Въ ушныхъ сережкахъ прощупываются твердые узелки. На нёбѣ нѣсколько сѣрыхъ просовидныхъ бугорковъ. Туловище не осмотрѣно. На верхнихъ и нижнихъ конечностяхъ такія же небольшія, красновато-бурыя пятна, съ лежащими подъ ними узлами, какъ и на лицѣ. Пятна эти сидятъ довольно густо, какъ на тыльной и ладонной поверхностяхъ плечъ и предплечій (кисти не измѣнены), такъ и на бедрахъ и голеняхъ. Чувствительность притуплена только въ отдѣльныхъ точкахъ тыла кистей и предплечій. Дѣвочка жалуется на ломоту—невралгіи въ рукахъ и ногахъ.

Станица Незлобная.

Выселена въ 1860—61-мъ годахъ изъ ст. Урюкской.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869 г: 1654 души; изъ этого числа казаковъ 1648 (841 м., 807 ж.) и 6 (4—2) постороннихъ; дворовъ—260. По свѣдѣніямъ 1889-го года: 1985 (1037 м. и 948 ж.),

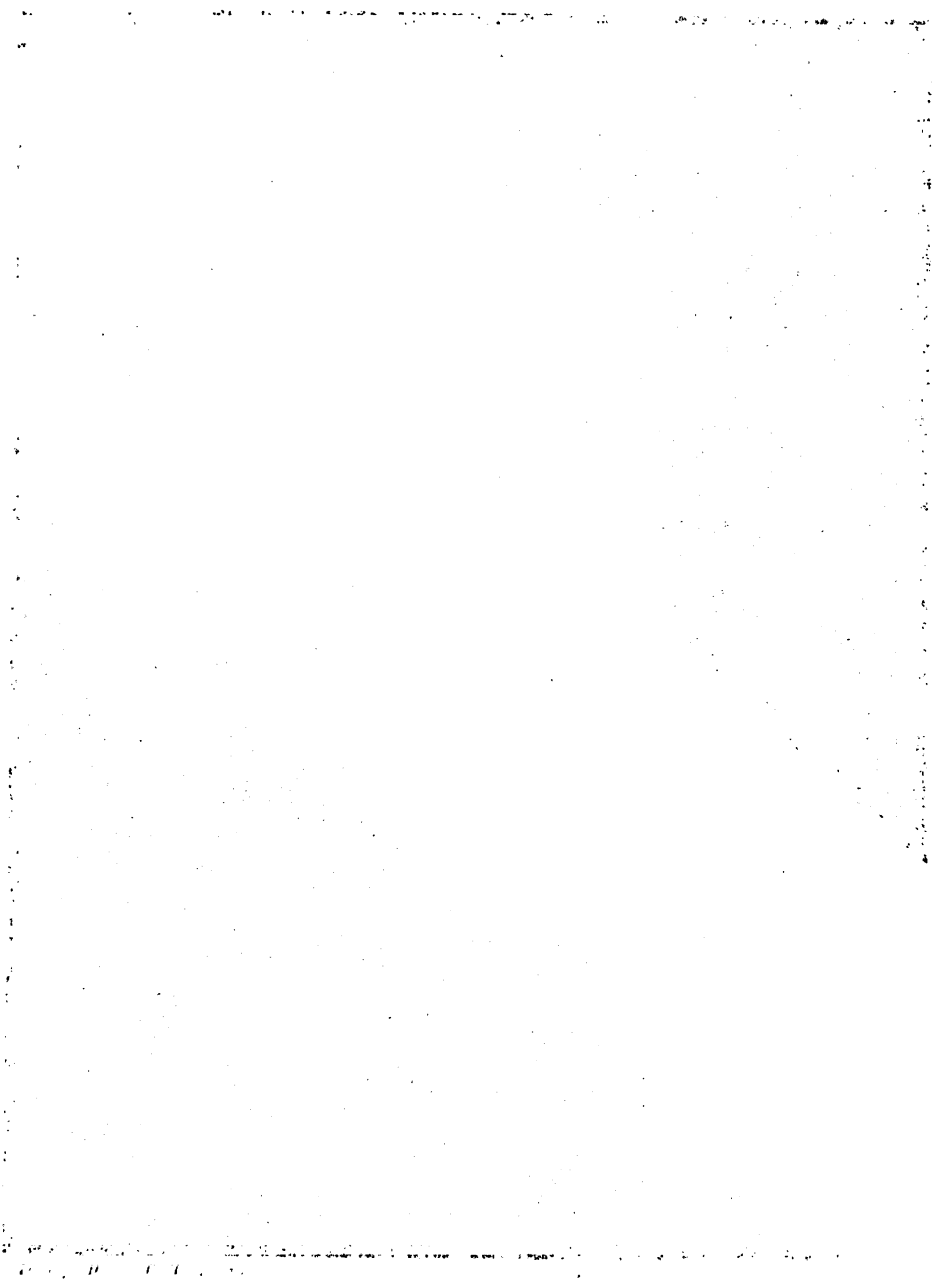
№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Воробьева Авдотья . .	59	М.	—	?	1883 IV	
2	Воробьевъ Дмитрій .	39	М.	—	1878	1890	

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ Андреемъ Воробьевымъ (сыномъ Авдотьи и братомъ болѣвшаго проказою Дмитрія), а также женою Дмитрія—мною записано слѣдующее: Семья Никиты Воробьева (отца Дмитрія), умершаго въ 1871-мъ году, состояла изъ его жены Авдотьи и трехъ сыновей: Дмитрія, Андрея (свидѣтеля) и Феодора. Всѣ дѣти были въ это время уже женаты и жили вмѣстѣ. Послѣ смерти Никиты его жена вышла замужъ за солдата Ельшинкова и вскорѣ заболѣла (если уже не была больна раньше—посторонніе свидѣтели). Затѣмъ (когда?—свидѣтель точно сказать не можетъ, ибо онъ и другіе братья были въ это время на службѣ), Авдотья со вторымъ мужемъ переѣхала въ село Просковѣю, Ставропольской губ., гдѣ и жила нѣсколько лѣтъ, и вернулась незадолго до смерти. Дмитрій, по указанію брата и жены, болѣлъ лѣтъ 12; болѣзнь его началась насморкомъ, послѣ котораго у него провалился носъ, а затѣмъ уже стало краснѣть и пухнуть лицо и показались шишки. Братья, когда заболѣлъ Дмитрій, раздѣлились, и Дмитрій жилъ одинъ съ женою. Эта послѣдняя, хотя и жила съ мужемъ въ одной хатѣ, тѣмъ не менѣе остерегалась его, не ѣла съ нимъ изъ одной посуды и т. д. Послѣ смерти Дмитрія, она вышла за другого мужа.

Станица Зольская.

Возникла изъ переселенцевъ различныхъ губерній послѣ 1810-го года, а въ 1825-мъ жители ея перечислены въ казаки.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869-го года: 2300 душъ, изъ этого числа казаковъ 2275 (1183 м., 1092 ж.), постороннихъ 42 (23 и 19); дворовъ 250. По свѣдѣніямъ 1889-го года: 2932 души (1483 м., 1449 ж.).



Ст. Лысогорская.

Фотогр. Проф. Г. Н. Минхъ. *Кіевъ. Сальтопечать С. В. Кульженко.*

Леонтій Ѳедосовъ, 37 л.

Ст. Лысогорская.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Д.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	? сынъ дьячка . . .	?	М.	—	?	?	
2	Кротовъ Илья . . .	26	М.	—	1873	1881 v	
3	Кротовъ Павелъ . . .	67	М.	—	1882	1891 III	
4	Овчаренко Иванъ . .	29	М.	—	1886	—	Боленъ въ настоящее время.
5	Лѣсная Елена . . .	30	М.	—	1886	—	Тоже.
6	Букинъ Иванъ . . .	21	М.	—	?	—	Тоже.

Семейство Кротовыхъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною у родныхъ Кротовыхъ, первый въ семьѣ заболѣлъ Илья Кротовъ. Будучи еще мальчикомъ, онъ игралъ часто съ сыномъ дьячка, болѣвшимъ проказою. Болѣлъ Илья лѣтъ 7 и умеръ около 1880-го года. Въ семьѣ его остерегались. Только отецъ говорилъ: „все это вздоръ, болѣзнь дѣлается отъ простуды“. Старикъ заболѣлъ года черезъ 2—3 послѣ смерти сына и умеръ въ нынѣшнемъ (1891-мъ) году.

Овчаренко Иванъ.

Овчаренко, уроженецъ Зольской станицы, состоялъ съ 1885-го года учителемъ Эссентукскаго народнаго училища, откуда уволился, когда года два тому назадъ болѣзнь его обнаружилась ясно. Объ Овчаренко я слышалъ еще въ Александрійской станицѣ, а именно, что онъ заболѣлъ, благодаря своимъ сношеніямъ съ Пелагеей Дороховой (умершей въ 1886-мъ году). Пелагея приходилась сестрой жены родного брата Ивана. На предложенный послѣднему по этому поводу вопросъ, онъ отвѣчалъ уклончиво, что видѣлъ Дорохову, но не часто. Въ станицѣ общій говоръ также указываетъ, что Овчаренко заразился въ Александрійской станицѣ. Онъ считаетъ себя больнымъ 5 лѣтъ, т. е. съ 1886-го года.

Елена Лѣсная (урожд. Щепалова).

По указанію самой больной, между ея родными никто не болѣлъ проказой и прокаженныхъ она никогда не видѣла (?). Изъ станицы она никуда не выѣзжала; только лѣтъ 9 тому назадъ, уже будучи 3

года замужемъ, она работала лѣтомъ въ селеніи Карамыкъ, Ставропольской губ. Семья ея (мужъ) не принадлежитъ къ казакамъ (откуда Лѣсной,—у меня не записано). Елена считаетъ себя больной 5 лѣтъ, т. е. съ 1886-го года; у нея двое дѣтей: Марья 6-ти и Антонъ 2-хъ лѣтъ. Указаній больной я повѣрить не могъ.

Иванъ Букинъ.

Свѣдѣній о времени заболѣванія и сношеніяхъ больного, въ виду крайне безтолковыхъ указаній, какъ самаго больного, такъ и его матери, я сообщить не могу.

Приложенія.

80) Овчаренко Иванъ.

Изъ моихъ наблюденій 1892-го года.

Какъ сообщаетъ больной, въ 1886-мъ году онъ замѣтилъ первое пятно на лѣвой пяткѣ; цвѣтъ пятна былъ красноватый, оно слегка зудѣло, а позднѣе онъ сталъ чувствовать въ немъ какъ бы ползанье мурашекъ, а еще позднѣе—онѣмѣніе. Полъ года спустя, послѣ перваго пятна, онъ замѣтилъ таковое же и на правой сторонѣ. Пятна увеличивались въ объемѣ и приняли веретенообразную форму. Затѣмъ, новыя пятна обнаружились сначала на передней поверхности голени, а позднѣе на передней же поверхности бедеръ. Спустя два года, послѣ появленія перваго пятна, у больнаго стали показываться бугорки, какъ бы угри, на лбу и начало пухнуть лице.—St. praes. Больному 29 лѣтъ. Тѣлосложеніе крѣпкое, общее питаніе удовлетворительное, видъ бодрый. Лице довольно темнаго, желтовато-бураго цвѣта, нѣсколько опухшее. Инфильтратъ не очень плотный, но равномѣрный; только въ кожѣ лба и бровей ощущается небольшая узловатость, а на поверхности небольшія папулы. Въ бровяхъ волоса рѣдки только въ наружной половинѣ. Носъ утолщенъ и представляетъ небольшую сѣдловину. На мягкомъ нёбѣ небольшіе, круглые, плоскіе рубцы. На тѣлѣ довольно обильныя желтовато-бурыя пятна. На конечностяхъ папулы, частью атрофирующіяся, частью атрофировавшіяся; инфильтратъ болѣе плотный замѣчается только въ кистяхъ, голеняхъ и обѣихъ стопахъ. Анестезіи ясно выражены въ излюбленныхъ мѣстахъ. Пузырей pemphigus нѣтъ и не было.

81) Елена Лѣсная.

Изъ моихъ наблюденій 1892-го года.

Болѣзнь началась съ пятна. Первое пятно больная замѣтила лѣтъ 5 тому назадъ на лѣвой голени: оно достигало размѣровъ въ мѣдный пятакъ, „было похоже на лишай“ и шелушилось. Второе пятно показалось, затѣмъ, на той же ногѣ выше колѣна, а позднѣе (когда,—больная не могла указать точно) пятна пошли по всему тѣлу, обнаружился насморкъ и стало пухнуть лице. Ранѣе опухоли лица у больной еще обнаружился похожій на ожогъ пузырь на голени.—St. praes. Больной 30 лѣтъ. Лице опухшее, темно-красное. Инфильтратъ довольно плотный, въ кожѣ лба и щекъ равномѣрный, въ подбородкѣ и губахъ узловатый. Кромѣ того, на губахъ, въ отдѣльныхъ мѣстахъ, поверхностные узлы съ рѣзкой васкуляризаціей въ окружности. Носъ утолщенъ, но не ввалился. На мягкомъ и твердомъ нёбѣ узлы и узловатыя бляшки. На тѣлѣ довольно рѣдкія пятна и нѣсколько поверхностныхъ рубцовъ, которые больная объясняетъ ожогами еще въ дѣтствѣ. Въ вер-

хнихъ конечностяхъ узловатый инфильтратъ и довольно поверхностные узлы на тылѣ плечъ, предплечій и кистей рукъ. Въ нижнихъ конечностяхъ плотный узловатый инфильтратъ голеней и стопъ. Анестезіи.

82) Иванъ Букинъ.

Изъ моихъ наблюденій 1892 года

Больному 21 годъ. Узловатый инфильтратъ и поверхности узлы на лицѣ и конечностяхъ, представляющіе регрессивныя явленія.

Ст. Саблинская.

Историческихъ свѣдѣній о возникновеніи Саблинской ст. я не имѣю. На картѣ Ильина она находится въ Ставропольской губ., около границы Терской области. У Козловскаго она значится въ числѣ станицъ 1-го Волжскаго полка. Въ рукописномъ спискѣ станицъ за 1869-й годъ, переданномъ въ мое распоряженіе С. Н. Мыловымъ, отмѣчено, что она основана въ 1709-омъ году. Если это вѣрно, то вѣроятно она принадлежала къ числу раннихъ крестьянскихъ поселеній, перечисленныхъ позднѣе, также какъ и другіе крестьяне, въ казачество.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869-го года: 1873 души, изъ числа которыхъ 1791 (966 м., 825 ж.) казаковъ, 82 (46 м., 36 ж.) постороннихъ; дворовъ 219. Свѣдѣній за 1889-й годъ не имѣю.

Въ Саблинской станицѣ я не былъ и мнѣ извѣстно тамъ только одно заболѣваніе, записанное въ скорбн. листѣ Наурской лечебницы.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Золоторговскій Андрей.	14	Н. Л.	1868—72	1867	?	Въ 1872 года по закрытіи Н. Л. выписанъ домой.

Приложенія.

83) Золоторговскій Андрей.

Изъ скорбнаго листа Н. Л., куда больной поступилъ въ 1868 году 14 апрѣля.

(Д-ръ Гродновскій).

Изъ родныхъ Андрея, на сколько онъ помнитъ (?), никто не болѣлъ проказою. Самъ больной до 1867-го года пользовался хорошимъ здоровьемъ. Болѣзнь началась

ломотою ногъ и разслабленіемъ десенъ (лечился у знахарки окуриваніемъ). Въ началѣ нынѣшняго года больной началъ замѣчать, что кожа на лицѣ, рукахъ и ногахъ его принимаетъ свинцевый оттѣнокъ и въ кожѣ стали появляться бугорки.—St. praes. Все лице усѣяно темно-краснымн бугорками, сидящими въ толщѣ кожи. Facies leonina. На предплечіяхъ и кистяхъ рукъ тоже бугорки, изъ которыхъ нѣкоторые изъязвлены и зарубцевались; рубцы твердые, звѣздообразные. На бедрахъ голеняхъ и стопахъ множество бугорковъ; на стопахъ нѣкоторые изъ нихъ изъязвлены. Обѣ стопы отекшія; кожа на нихъ сухая и шелушится въ видѣ отрубей. Ногти на пальцахъ ногъ сухи и потрескались. На слизистой оболочкѣ носа и рта множество мелкихъ язвъ и бѣловатыхъ возвышеній, похожихъ на слизистыя папулы.—Теченіе. 1868 годъ: количество бугорковъ увеличивается. 1869 годъ: $^{2}/_{VII}$ ломота въ ногахъ; между пальцами ногъ трещины, которыя къ $^{2}/_{VIII}$ зажили. 1870 годъ: $^{1}/_{III}$ бугорки на лицѣ изъязвляются; $^{2}/_{X}$ язвы на лицѣ одни заживаютъ, другія являются вновь. 1871 годъ: бугорки изъязвляются въ бо́льшемъ противу прежняго количествѣ и на лицѣ, и на рукахъ. 1872-ой годъ: бугорки почти сплошь изъязвились; $^{23}/_{V}$ больной, по закрытіи лечебницы, отпущенъ къ роднымъ.

Ст. Марьинская.

Основана въ 1778 году. Населена волжскими казаками (см. вступленіе).

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869-го года: 2611 душъ, изъ этого числа казаковъ 2594 (1348 м., 1246 ж.) души,—постороннихъ 17 (14 м., 3 ж.); дворовъ 301. Свѣдѣній за 1889-й годъ не имѣю.

Представляя цифры больныхъ въ отдѣльныхъ станицахъ, Козловскій отмѣтилъ въ ст. Марьинской 1 больного. По нашимъ справкамъ въ станицѣ и въ 1884-мъ, и въ 1892-мъ году больныхъ проказою тамъ не оказалось.

Станицы втораго волжскаго полка.

Стан. Горячеводская.

Станица составилась изъ 200 семействъ волжскихъ казаковъ, переселенныхъ въ 1825-мъ году изъ ст. Георгіевской, куда они были поселены съ Волги.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869-го года: 2332 души; изъ нихъ казаковъ 2255 (1172 м., 1348 ж.), постороннихъ 79 (62 м., 17 ж.).

Въ станицѣ мнѣ извѣстно только одно заболѣваніе.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Наконечнова Анна . .	70	М.	—	1881	—	Больна въ настоящее время.

Наконечнова родилась на „старой линіи“, не далеко отъ Ростова на Дону. Мужъ, уроженецъ Харьковской губ. и уѣзда, умеръ лѣтъ 25 тому назадъ. Анна, послѣ смерти мужа все больше служила въ работницахъ въ разныхъ мѣстахъ. Заболѣла она лѣтъ 10 тому назадъ, когда служила въ Пятигорскѣ у Окуловскихъ. Больныхъ проказою между родными не было. Семья ея состоитъ изъ 3 сыновей, они всѣ женаты и живутъ въ Горячеводскѣ отдѣльно другъ отъ друга. Анна живетъ то у одного, то у другого, по очереди. Сынъ и его жена, у которыхъ она живетъ въ настоящее время, сообщили мнѣ, что они остерегаются больной и стараются кормить ее изъ отдѣльной посуды, но она очень зла и капризна и постоянно дѣлаетъ сцены сыну и невѣсткѣ за то, что они ею брезгаютъ. Мать очень боится за своихъ малолѣтокъ, которые часто вертятся около бабки.

Приложенія.

84) Анна Наконечнова.

Изъ моихъ наблюденій 1891-го года.

Болѣзнь обнаружилась пятнами, которыя лѣтъ 10 тому назадъ высыпали внезапно по тѣлу. Затѣмъ стало пухнуть лице и руки.—*St. praes.* Узловатый инфильтратъ кожи не очень опухшаго лица и твердые поверхностные узлы на бровяхъ и подбородкѣ. Носъ приплюснутъ. На мягкомъ нёбѣ язвы съ бѣлымъ зернистымъ днемъ и возвышенными, рѣзкими, очень твердыми краями. Голосъ сиплый. Туловище не осмотрѣно. Въ кожѣ конечностей узловатый инфильтратъ излюбленныхъ мѣстъ и анестезіи.

Стан. Ессентукская.

Станица составилась первоначально изъ 235 семействъ, поселенныхъ въ 1825-мъ году у Ессентукскаго поста изъ волжскихъ казаковъ, жившихъ между Камышинымъ и Царицынымъ и водворенныхъ въ 1778-мъ году на Кавказѣ, въ ст. Александровскую на Тумузлукѣ (Ставропольской губ.). Къ казакамъ присоединились позднѣе переселенцы изъ разныхъ губерній Россіи.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869-го года: 4120 душѣ, изъ числа которыхъ 3897 (1988 м., 1903 ж.) казаковъ и 223 (101 м., 122 ж.) постороннихъ; дворовъ 507. Свѣдѣній за 1889-й годъ не имѣю.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Уварова Аграфена . .	37	М.	—	?	1854	
2	Уварова Татьяна . .	22	Н. Л.	1867—68	1858	1868 II	
3	Уваровъ Иванъ . . .	20	Н. Л.	1867—69	1860	1869 IV	
4	Подкотилинъ Ефимъ .	39	М.	—	?	1875 II	Умеръ въ Наурѣ.
5	Свинцевъ ? .	?	М.	—	?	1889	
6	Ханыкинъ Петръ . .	27	М.	—	1882	1891 I	
7	Ханыкинъ Трофимъ .	72	М.	—	1890	—	Боленъ въ настоящее время.

Говоря о Соколовыхъ и Сараевыхъ, мы коснулись и семейства Уваровыхъ (см. Павлодольскую станицу). Мы представили тамъ-же родословную таблицу Козловскаго (стр. 65), въ которой указаны отношенія Уваровыхъ къ семьѣ Соколовыхъ, а именно кровная связь между тѣми и другими семействами. Мы поставили на видъ съ своей стороны, что эта кровная связь не имѣетъ никакого отношенія къ заболѣванію Настасьи Соколовой, такъ какъ этому заболѣванію предшествовала болѣзнь матери Настасьи, которая съ Уваровыми не находилась ни въ какомъ родствѣ. Обращаемся къ семьѣ Уваровыхъ. Въ родословной Козловскаго, представленной нами, мы находимъ нѣкоторыя неточности и пробѣлы. Что касается первыхъ, то изъ справки въ исповѣдной росписи Ессентукской церкви за 1853-й годъ, доставленной намъ почтеннымъ священникомъ, отцемъ Дмитріемъ (Макаровъ-Карагачевъ), семья Уваровыхъ представляется намъ въ слѣдующемъ составѣ: Ѳедосья Тарасова Уварова, 57 лѣтъ; Пасынокъ ея Филимонъ (а не Ханемонъ) Васильевъ (а не Ивановъ), 37 л.; жена его Агрипина Иванова, 36 л.; дѣти ихъ: Татьяна 7 л., Иванъ 4 л., Михаилъ 2 л.

Что касается порядка и преемственности заболѣваній, то у Козловскаго отмѣчены больными проказою только Татьяна и Иванъ, на которыхъ Козловскій только указалъ (стр. 39), но не помѣстилъ въ своихъ

примѣрахъ. При изслѣдованіи же оказалось, что въ семьѣ Уваровыхъ были и другія заболѣванія. А имено:

Въ скорбномъ листѣ Н. Л. Татьяны Уваровой (см. приложеніе) д-ромъ Гродновскимъ между прочимъ отмѣчено: „родная мать Татьяны Уваровой умерла отъ проказы въ 1854-мъ году". Тоже указаніе сдѣлано и въ скорбномъ листѣ Ивана.

Спрошенный, по указанію священника, одинъ изъ Ессентукскихъ старожилъ, 82-хлѣтній старикъ Подкотильниковъ сообщилъ о семействѣ Уваровыхъ слѣдующее. Отецъ Филимона Уварова Василій былъ женатъ три раза и его первыя двѣ жены болѣли „крымкою". Первая его жена заболѣла еще тогда, когда Василій жилъ въ Александровской ст. (Ставропольской губ.), изъ которой переселился съ другими въ Ессентукскую ст. въ 1825-мъ году. Жена Филимона Агрипина Иванова также болѣла проказою и чуть ли не болѣла и вторая жена. Семью Уваровыхъ боялись въ станицѣ, никто ея не посѣщалъ и общество хотѣло даже составить приговоръ о выселеніи Уваровыхъ изъ станицы. Сынъ Михаилъ здоровъ и женатъ на 2-й женѣ.

Свѣдѣній о Ефимѣ Подкотилинѣ и Свинцовѣ я подробныхъ не имѣю. Первый найденъ мною случайно въ моихъ выпискахъ изъ Наурскихъ метрикъ, гдѣ значится: „станицы Ессентукской казакъ, Ефимъ Подкотилинъ, 39 лѣтъ, умеръ 2 февраля 1875-го года, „отъ проказы"; въ спискахъ Н. Л. его нѣтъ. На Свинцова указывали мнѣ, какъ на болѣвшаго проказою, нѣсколько Ессентукскихъ обывателей и подтвердилъ священникъ. Семьи его мнѣ видѣть не удалось.

Изъ семьи Ханыкиныхъ я видѣлъ больного старика Трофима, который и сообщилъ мнѣ, что этою же болѣзнью былъ боленъ и его сынъ Петръ.

Приложенія.

85) Татьяна Уварова.

Изъ скорбнаго листа Н. Л., куда больная поступила 8 ноября 1867-го года. Заболѣла въ 1857-мъ году. Д-ръ Гродновскій.

Лѣтъ 10 тому назадъ у больной появилась на лбу сыпь, которая затѣмъ распространилась по всему лицу, рукамъ и ногамъ. Родная мать Татьяны умерла отъ проказы въ 1854 году. 4 года тому назадъ появилась боль при глотаніи и осиплость голоса. Больная слаба, жалуется на очень сильную боль въ груди. Мѣсячныхъ очищеній не имѣла и не имѣетъ и теперь.—St. praes. Кожа на лицѣ утолщена, грязносѣраго цвѣта и усѣяна бугорками различной величины. Носъ завалившійся, на краяхъ его

большіе бугорки. На предплечіяхъ и кистяхъ обѣихъ рукъ кожа усѣяна темно-красными бугорками, изъ которыхъ нѣкоторые, также какъ и на лицѣ, изъязвлены. Ногти потрескались, отдѣляются полосками. На обѣихъ голеняхъ кожа красная, припухшая, усѣянная красноватыми твердыми бугорками, а на тылѣ стопы—изъязвленіями; кожа сухая, шелушится въ видѣ отрубей. Голосъ хриплый. На нёбѣ, въ зѣвѣ и на миндалевидныхъ железахъ глубокія изъязвленія.—Теченіе. До января 1868-го года у больной особенныхъ перемѣнъ не отмѣчено, но въ концѣ января у больной записаны: одышка, боль въ гортани, слабость; лихорадки нѣтъ. Затѣмъ, въ началѣ февраля слабость все болѣе и болѣе увеличивается и $^{9}/_{II}$ больная умерла.

Вскрытіе 12 февраля. Приводимъ обстоятельный протоколъ вскрытія in extenso.

Все тѣло блѣдное. Бугорки на лицѣ сгладились и оно не такъ обезображено, какъ было при жизни. Бугорки теперь представляются бѣлыми, блестящими. На разрѣзѣ оказывается, что они тверды, бѣловаты, сидятъ въ толщѣ общихъ покрововъ, покрыты сверху истонченнымъ слоемъ кожицы и блестятъ на разрѣзѣ, какъ жиръ. Рубцы на мѣстахъ изъязвившихся бугорковъ плотны, бѣлаго цвѣта. Клѣтчато-жирный подкожный слой утолщенъ; жиръ твердый, бѣлый, похожъ на сало животныхъ. Грудная полость. Легкія: блѣдно-сѣраго цвѣта, эмфизематозны; въ нижнихъ доляхъ застой крови. Сердце: увеличено въ объемѣ, плотно; мускулатура его вдвое толще нормальнаго и полости тоже увеличены; заслонки и отверстія не представляютъ патологическихъ измѣненій; на наружной поверхности сердца значительное отложеніе жира. Брюшная полость. Печень: увеличена въ объемѣ, плотнѣе нормальной, съ наружи усѣяна многочисленными бѣлыми точками; въ разрѣзѣ вещество печени плотное, красновато-бураго цвѣта; бѣлыя точки разсѣяны во множествѣ во всей печени. Происхожденіе ихъ, я полагаю, слѣдуетъ приписать усиленному развитію соединительной ткани. Въ желудкѣ: утолщеніе и разрыхленіе слизистой оболочки и развитіе значительныхъ складокъ. Селезенка, почки и мочевой пузырь не представляютъ рѣзкихъ патолого-анатомическихъ измѣненій. Матка въ рудиментарномъ состояніи; величина ея съ небольшое голубиное яйцо; мышица ея блѣдна; въ обоихъ яичникахъ найдено нѣсколько коллоидныхъ кистъ, величиною въ горошину Полость рта и носа: на мягкомъ нёбѣ множество язвъ, проникающихъ до костей, но нёбныя кости не поражены; на мѣстѣ многихъ язвъ рубцы; на слизистой оболочкѣ носа язвы; кости носа поражены костоѣдою. Гортань: просвѣтъ ея съуженъ такъ, что трудно провести гусиное перо средней толщины; на разрѣзѣ найдено: слизистая оболочка утолщена и по мѣстамъ усѣяна мелкими язвами, проникающими до мышцъ; кромѣ того,—рубцы, которыми и обусловливается съуженіе гортанной щели; голосовыя связки отечны. На корнѣ языка множество бѣлыхъ, твердыхъ опухолей, отъ чечевичнаго зерна до горошины; опухоли эти повидимому состоятъ изъ утолщеннаго эпителія. Волосъ нѣтъ ни на вѣкахъ, ни на бровяхъ, ни на наружныхъ половыхъ частяхъ. Д-ръ Гродновскій.

Мы подчеркнули указанія Д-ра Гродновскаго относительно измѣненій печени, такъ какъ, насколько намъ извѣстно, это первое указаніе въ литературѣ на довольно оригинальный видъ, который представляетъ печень въ нѣкоторыхъ случаяхъ при проказѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы наблюдали такую-же печень у одного прокажен-

наго (Алексѣенко). Она вся была усѣяна бѣловато-желтыми точками, и полосками, видимо соотвѣтствовавшими промежуткамъ между дольками, т. е. интерлобулярной ткани. Препаратъ я передалъ для гистологическаго изслѣдованія д-ру Савченко (тогда еще студенту), который нашелъ измѣненія, совершенно соотвѣтствующія предположенію Гродновскаго, а именно: рѣзко выраженный интерстиціальный процессъ съ мелко-клѣточной инфильтраціей по ходу v. portae; со стороны паренхиматозныхъ элементовъ были констатированы бурая атрофія и жировое перерожденіе печеночныхъ клѣтокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при бактеріологическомъ изслѣдованіи найдено было громадное скопленіе лепрозныхъ бактерій въ мѣстахъ, соотвѣтствующихъ мелко-клѣточнымъ инфильтратамъ,—скопленіе, которому и слѣдуетъ приписать оригинальный бѣло-желтоватый цвѣтъ междудольчатой ткани. Меньшей величины очаги бактерій встрѣчались внутри долекъ, при чемъ Савченко наблюдалъ эти бактеріи только въ звѣздчатыхъ клѣтахъ (Sternzellen) стромы долекъ, но никогда въ клѣткахъ печеночнаго эпителія и въ желчныхъ протокахъ.

86) Иванъ Уваровъ.

Изъ скорбнаго листа Н. Л., куда больной поступилъ 8 ноября 1867-го года.

(Д-ръ Гродновскій).

Восемь лѣтъ тому назадъ у больнаго появилась бугристая сыпь на лицѣ, рукахъ и ногахъ, а позднѣе, черезъ 3 года, обнаружилась хриплость голоса и изъязвленіе въ глоткѣ. Родная мать его умерла отъ проказы, отецъ же и другой братъ здоровы.—St. praes. Лице имѣетъ характерное выраженіе—facies leonina; старообразно до нельзя; вся кожа утолщена, красна и испещрена глубокими морщинками. Форма носа измѣнена: переносица углублена, а края ноздрей расширились. Все мягкое нёбо усѣяно язвами; на языкѣ, миндалевидныхъ железахъ и въ зѣвѣ также много язвъ съ сѣроватымъ днемъ. На плечахъ, предплечіяхъ и тылѣ кистей темно-красные бугорки. Кожа на всемъ тѣлѣ сухая, шелушится въ видѣ отрубей. Обѣ ноги опухшія, кожа на нихъ красноватаго цвѣта, суха; ногти на рукахъ и ногахъ повреждены. Теченіе 1868-ой годъ: въ маѣ отмѣчены язвы (pemphigus ?) на концахъ пальцевъ ногъ и на локтяхъ и язва на носу. 1869-ый годъ: съ марта началъ обнаруживаться упадокъ силъ, который прогрессивно возрасталъ; 30-го апрѣля больной умеръ.

Ст. Желѣзноводская.

Возникла изъ переселенцевъ различныхъ губерній, зачисленыхъ въ казаки.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869-го года: 244 души, изъ этого числа казаковъ 241 (120 м., 121 ж,), постороннихъ 3 души; дворовъ 30. Свѣдѣній за 1889-й годъ не имѣю.

Козловскій, передавая цифровыя данныя о больныхъ въ различныхъ станицахъ, въ Желѣзноводскѣ отмѣтилъ 2-хъ больнымъ (1 м. и 1 ж.). Кто эти больные, намъ неизвѣстно, такъ какъ имя ихъ не обозначено.

Первый владикавказскій полкъ.

Сюда принадлежали станицы: Пришибская, Котляревская, Александровская, Николаевская, Ардонская, Архонтская, и Змѣйская. Изъ указанныхъ станицъ мы имѣемъ свѣдѣнія о больныхъ проказою только въ ст. Пришибской и Котляревской. Указанныхъ станицъ мы сами не посѣщали.

Въ ст. Пришибской (1164 души; 189 дворовъ) Козловскимъ (стр. 39) отмѣчена 1 больная. Лукерья Фролова (казачка, перешедшая въ купеческое сословіе), 32 лѣтъ, заболѣла въ 1860-мъ году. Болѣе подробныхъ свѣдѣній о больной и болѣзни Козловскій не даетъ.

Въ ст. Котляревской (844 души, 144 двора), по указанію атамана Пятигорскаго отдѣла К. А. Ризенкампфа, есть одинъ больной, который призывался въ 1888 г. для отбыванія воинской повинности, но, благодаря проказѣ, не былъ принятъ; больной этотъ крестьянинъ Рязанской губ., Ряжскаго уѣзда, деревни Новонаселеннаго Рога, Гурій Ивановъ Минаевъ. Осмотрѣть его мнѣ не удалось, такъ какъ въ указанной станицѣ я не былъ.

Второй владикавказскій полкъ.

Сюда принадлежали станицы: Сунжинская, Тарская, Акіюртовская, Галашевская, Фельдмаршалская, Ассинская. По справкамъ, наведеннымъ мною относительно этихъ станицъ и въ областномъ медицинскомъ управленіи, и у казаковъ, знающихъ эти станицы, прокаженныхъ въ этихъ послѣднихъ нѣтъ и не было.

Станицы втораго Сунжинскаго полка.

Сюда принадлежали станицы: Умаханъ-Юртовская, Джанклинская, Горячеводская, Петропавловская, Грозненская, Алханъ-Юртовская, Заканъ-Юртовская и Самашинская.

Ст. Умаханъ-Юртовская.

Основана въ 1860-мъ году; также какъ и въ другихъ станицахъ сунженской линіи, въ составъ ея вошли частью переселенцы изъ станицъ моздокскаго полка, частью переселенцы изъ различныхъ мѣстъ Россіи.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869-го года: 1426, изъ этого числа казаковъ 1416 (755 м., 661 ж.), постороннихъ 10 (7 и 3); дворовъ 239. По свѣдѣніямъ 1889 года: 1640 (825 м., 815 ж.), все русскіе.

Самому въ Умаханъ-Юртовской станицѣ мнѣ быть не удалось, а потому я не знаю есть ли тамъ въ настоящее время больные проказою. Свѣдѣнія о болѣвшихъ тамъ прежде взяты мною частью у Козловскаго, частью изъ документовъ Наурской лечебницы. Изъ числа страдавшихъ проказою одна—Александра Сафонова—помѣщена нами въ спискѣ больныхъ Ищерской станицы.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Чернова Прасковья. .	39	Н. Л.	1863—69	1859	1869 г	
2	Арбузова Ирина . . .	43	К.	—	1850	?	К. видѣлъ больную въ 1864-мъ году.

Какъ видно изъ родословной К., представленной нами на стр. 33, Прасковья Чернова происходила изъ рода Негодновыхъ, въ которомъ больныхъ проказою было много, а имено изъ близкихъ ея родныхъ болѣли: родная ея бабка Негоднова, урожд. Челукаева, и двѣ родныхъ тетки Елена и Агафья Негодновы, умершія дѣвушками. Въ какомъ порядкѣ болѣли Негодновы и когда умерла послѣдняя изъ нихъ, мы, къ сожалѣнію не знаемъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что Чернова заболѣла еще въ Ищерской станицѣ, какъ видно изъ того, что Умаханъ-Юртовская станица основалась только въ 1860-мъ году, а также изъ указаній, имѣющихся въ скорбномъ листѣ Наурской лечебницы, гдѣ также значится, что Чернова заболѣла въ 1859 году и что въ то время, когда болѣли ея родные, она жила въ Ищерской станицѣ. Чернова поступила въ Н. Л. въ 1869 г. 39 лѣтъ.

Свѣдѣнія объ Иринѣ Арбузовой (урожд. Саломатиной) мы имѣемъ только у Козловскаго. Изъ родословной К. Хрѣновыхъ, въ Мекенской станицѣ (стр. 29), мы видѣли, что у Ирины болѣли двоюродный дядя и двѣ тетки, изъ которыхъ одна, Дарья Саломатина, была замужемъ за ея роднымъ дядей „по отцу", умерла въ 1856-мъ году въ Наурѣ (стр. 30). Объ отношеніяхъ Ирины къ своимъ роднымъ мнѣ ничего неизвѣстно. Точно также неизвѣстно, гдѣ она заболѣла; во всякомъ случаѣ не въ Умаханъ-Юртѣ, ибо болѣзнь началась въ 1850-мъ году. Ирина Арбузова въ 1864-мъ году была осмотрѣна д-ромъ Козловскимъ въ Стодеревской станицѣ, но по моимъ справкамъ слѣдовъ ея въ этой послѣдней не оказалось. Священникъ станицы письменно сообщилъ мнѣ только слѣдующее: „Ирина Арбузова была старообрядка, переселилась на Супжу въ стан. Умаханъ-Юртовскую, въ какомъ году,—никто не помнитъ, и были ли у нея дѣти,—тоже никто не знаетъ".

Приложенія.

87) Прасковья Чернова.

Изъ наблюденій д-ра Козловскаго въ 1864-мъ году: прим. 9-ый, стр. 62.

Отецъ проказою не болѣлъ, умеръ 88 лѣтъ; мать, 90 лѣтъ, жива и здорова, происходитъ отъ Негодновыхъ. Въ дѣтствѣ Прасковья была здорова. На 10-мъ году болѣла легкой натуральной оспой. Съ 14 лѣтъ ежемѣсячно страдала болями въ поясницѣ, но регулы обнаружились только на 18-мъ году, съ очень сильной общей ломотою и головными болями. На 19-мъ году вышла замужъ и имѣла дочь, которая и теперь здорова. Затѣмъ родила еще 2-хъ дѣтей, которыя умерли грудными. Вѣсною 1859-го года на лѣвомъ предплечіи обнаружилась сыпь, похожая на лишай, а въ концѣ года—бугорки, которые позже появились и на лицѣ. Еще позднѣе тѣ же лишаи, переходящіе въ бугорки обнаружились и на другомъ предплечіи, на тылѣ кистей и около локтевыхъ суставовъ. Во рту и носу замѣчены язвы. Въ 1863-мъ году больная поступила въ лечебницу.—St. praes. Больной 33 года. На лицѣ бугорки: на лбу они разсѣяны, на подбородкѣ и крыльяхъ носа они крупнѣе, сидятъ гуще и съуживаютъ отверстіе носа, хрящи и кости котораго цѣлы. Брови вылезли. На языкѣ бугорки, образовавшіеся изъ papillae valatae. На миндалинахъ язвы; дужки утолщены, язычекъ бугристый. Голосъ потерялъ звучность (Въ скорби. листѣ Н. Л. въ октябрѣ 1863 отмѣчено, что голосъ чистъ и въ глоткѣ еще никакихъ измѣненій не замѣтно). На туловищѣ, бедрахъ и плечахъ кое-гдѣ разсѣяны маленькія, возвышенныя, мѣдно-красныя пятна; а ниже локтей и колѣнъ—бугорки, сидящіе и около сочлененій пальцевъ рукъ мѣшающіе свободѣ движенія. Нѣкоторые бугорки изъязвлены. Ногти начали крошиться. На наружныхъ половыхъ частяхъ нѣтъ ни бугровъ ни утолщеній, только малыя губы кажутся нѣсколько толстыми; также нѣтъ измѣненій во влагалищѣ и рыльцѣ матки; бѣлей нѣтъ. Волоса на лобкѣ сохранились. Общее состояніе

удовлетворительное.—Теченіе (по скорбн. л. Н. Л.). 1863-ій годъ: съ 10—19/IX лихорадка (хининъ). 1894-ый годъ: въ мартѣ отмѣчено, что съ наступленіемъ весны высыпаніе усиливается. 1865-ый годъ: ничего не отмѣчено. 1866 г. (Д-ръ Градновскій): 14/II все лице усѣяно туберкулами мѣдно-краснаго цвѣта, изъязвленными и покрытыми струпьями; бугорки и язвы на нёбѣ, uvula уничтожена; бугорки на конечностяхъ тоже изъязвлены; общая слабость; 1/IV упадокъ силъ; 8—12/VI лихорадка (хининъ). 1867-ой годъ: 2/II язвы на кистяхъ рукъ и лѣвой голени; 3/V язвы заживаютъ; 10/VI отправлена въ Горячеводское госпитальное отдѣленіе; 10/VIII возвратилась оттуда безъ улучшенія. 1868-ой годъ: 1/V число бугорковъ не увеличивается, а старые переходятъ въ изъязвленіе; 15/V на всѣхъ пальцахъ рукъ появились язвы; 20/VI язвы на рукахъ зажили, исключая язвъ на локтяхъ; 5/XII ночью у больной появилась сильная одышка и общая слабость, лихорадки нѣтъ, при изслѣдованіи—свистящіе хрипы въ задне-нижнихъ доляхъ; кашля нѣтъ. 1869-ый годъ: 2/I больная очень ослабѣла, аппетитъ плохъ, лихорадки нѣтъ, одышка немного менѣе, кашля нѣтъ; 16/I слабость все увеличивается, лихорадки нѣтъ, больная почти ничего не ѣстъ; 24/I больная черезвычайно слаба; въ ночь на 25/I умерла.

38) Ирина Арбузова.

Изъ наблюденій д-ра Козловскаго въ 1864-мъ году: 21 примѣръ, стр. 86.

Отъ 1-го мужа (Зацѣпина) родила сына, который умеръ грудным, отъ 2-го не рожала. Въ дѣтствѣ была здорова; дѣвушкой слыла замѣчательной красавицею, но часто страдала головными болями, которыя вызывали въ лицѣ жаръ, чему больная и приписываетъ замѣчаемое у нея развитіе мелчайшихъ сосудовъ на лицѣ (? М.). Мѣсячныя обнаружились на 16-мъ году. Проказа обнаружилась въ 1850-мъ году опухолью указательнаго пальца правой руки, образованіемъ нарыва и отпаденіемъ ногтеваго сустава. Потомъ незамѣтно развилась контрактура 4-го и 5-го пальцевъ лѣвой руки; затѣмъ постепенно поражались другіе пальцы рукъ и ногъ, а около 1858-го года обнаружились на лицѣ и предплечіяхъ утолщенія, которыя изъязвились и исчезли.—St. praes. Больной 43 года Тѣлосложеніе слабое. На тѣлѣ нигдѣ ни узловъ, ни пятенъ; только въ правой скуловой области находится возвышеніе мѣдно-краснаго цвѣта, плоское, величиною въ гривенникъ. Носъ сохранилъ форму, но внутри его находятся язвы (? М.). Въ правой рукѣ: движеніе въ запястьи затруднено, большой палецъ сведенъ и анкилозированъ въ ногтевомъ суставѣ; на указательномъ пальцѣ 1-ая фаланга отсутствуетъ и крошечный ноготь сидитъ на 2-ой; тоже и въ среднемъ пальцѣ; 4-ый и 5-ый палецъ сведены и суставы ихъ анкилозированы; кромѣ того на кисти язвы и безобразные рубцы. Въ лѣвой рукѣ: большой палецъ цѣлъ; на указательномъ отсутствіе послѣдней фаланги, а головка 2-ой торчитъ изъ открытой язвы; три остальныхъ пальца приведены къ ладони. Правая нога нѣсколько сведена въ колѣнномъ суставѣ; гибкость голено-стопнаго сочлененія уменьшена и стопа направлена внутрь. Полный параличъ движенія и чувства въ этой стопѣ. На подошвенной сторонѣ большаго пальца прободающая язва; 4-ый палецъ лишенъ ногтевой фаланги, въ остальныхъ, вмѣсто ногтей, замѣчаются сухіе струпики. Почти тоже пораженіе находится и въ пальцахъ лѣвой стопы. На голеняхъ рубцы, утолщенія кожи и язвы, покрытыя сухими струпьями. Паховыя желѣзы сильно увеличены. Больная жалуется на головныя боли и иногда ломоту конечностей. Мѣсячныя отдѣленія правильны, но сопровождаются иногда болями поясницы, сердцебіеніемъ и одышкою. „Она до сихъ поръ наслаждается супружескими удовольствіями и пользуется непритворной любовью мужа“.

Грозный.

Крѣпость основана въ 1818-мъ году, станица въ 1839-мъ.

Число жителей въ послѣдней по свѣдѣніямъ 1864-го года: 1321 души, изъ которыхъ казаковъ 1262 (640 м., 622 ж.), постороннихъ 65 (35 м., 30 ж.); дворовъ 250. За 1889-ой годъ свѣдѣній не имѣю.

Свѣдѣнія наши о больныхъ проказою ограничиваются только однимъ случаемъ, извѣстнымъ намъ изъ указаній въ спискѣ Н. Л., а также у д-ра Козловскаго. Наши личныя справки дали отрицательные результаты,—больныхъ не оказалось.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Кокарева Марина . .	27	Н. Л.	1860—61	1857	?	Отмѣчена выздоровѣвшей въ 1861-мъ году.

Скорбнаго листа Кокаревой при документахъ Н. Л. не оказалось, а потому мы не могли бы ничего сказать объ этомъ заболѣваніи, но въ спискѣ больныхъ, которыхъ видѣлъ д-ръ Козловскій въ 1864 году (стр. 39), между прочими отмѣчена и Марина Кокарева 33 лѣтъ, заболѣла въ 1858-мъ году. Хотя К. и не даетъ намъ описанія болѣзни Кокаревой, но основываясь на томъ, что онъ внесъ ее въ свой списокъ больныхъ, слѣдуетъ думать, что выздоровленіе Марины было только кажущееся, т. е. не выздоровленіе, а улучшеніе, которое иногда наблюдается въ теченіи болѣзни. Слѣдовъ Кокаревой въ Грозномъ я разыскать не могъ, также какъ указаній на время ея смерти.

Ст. Алханъ-Юртовская.

Возникла въ 1839-мъ году изъ тѣхъ же элементовъ, изъ которыхъ составились и другія станицы сунжинской линіи. Населена почти исключительно старообрядцами.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869-го года: 2487 душъ, изъ числа которыхъ 2469 (1246 м., 1223 ж.) казаковъ и 18 (7 м.,

11 ж.) постороннихъ; дворовъ 439. По свѣдѣніямъ 1889-го года: 3952 (1907 м., 2045 ж.).

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Гладилина Татьяна. .	28	М.	—	1880	1891	
2	Зазнобовъ Олимпій . .	21	М.	—	1879	—	Боленъ въ настоящее время.

Въ 1891-мъ году мы нашли въ Алханъ-Юртѣ только одного больнаго Олимпія Зазнобова. Отецъ Олимпія сообщилъ мнѣ слѣдующее: дѣдъ, бабка и 3 сына, между которыми отецъ Олимпія, переселились на Кавказъ изъ З. В. Донскаго (ст. Малодольской на Медвѣдицѣ), а именно: они помѣстились сначала въ ст. Слѣпцовской, въ 1845 году, но въ 1851-мъ переселились въ Алханъ-Юртъ, гдѣ отецъ Олимпія и женился на Маврѣ Безпаловой (родители которой вышли изъ тѣхъ же мѣстъ Донской области), жившей въ семьѣ урядника Краснова въ Слѣпцовкѣ (справки о семьѣ Мавры въ этой послѣдней станицѣ я, къ сожалѣнію, собрать не могъ). Родные и отца и матери Олимпія не болѣли проказою. Въ самомъ Алханъ-Юртѣ болѣла только Ѳекла Бычкова, которая умерла уже давно, (см. Ищерскую ст.) и Гладилина. Послѣдняя жила на хуторѣ, верстахъ въ 25 отъ станицы и умерла лѣтъ 7 т. назадъ. На мой вопросъ Олимпію, видѣлъ ли онъ такихъ же больныхъ, какъ онъ,—Олимпій отвѣчалъ „можетъ быть видѣлъ, но не помню“.

Обстоятельныя свѣдѣнія о Татьянѣ Гладилиной сообщилъ мнѣ почтенный товарищъ д-ръ Вертеповъ въ ст. Михайловской, который видѣлъ больную въ 1888-мъ году. Изъ письма Вертепова мы передаемъ здѣсь существенныя указанія. „Татьяна Гладилина, урожд. Люлицина, умерла отъ проказы 28 л. въ 1891-мъ году. Дѣвушкой она была здорова и вышла замужъ на 15—16-мъ году. Болѣзнь обнаружилась на 2-мъ году замужества, во время первой беременности (въ серединѣ ея) синимы пятнами, появлявшимися у нея на лицѣ только на холодѣ; затѣмъ, на тѣхъ же мѣстахъ позднѣе стали рости бугры сине-багроваго цвѣта, которые и были найдены мною на всемъ тѣлѣ,

не исключая наружныхъ половыхъ частей. Отъ мужа она имѣла 4-хъ дѣтей, изъ которыхъ 3 старшихъ умерли дѣтьми и остался въ живыхъ только младшій, которому въ настоящее время 7 лѣтъ (родился слѣдоват. въ 1885-мъ году). Когда мужъ узналъ, что жена больна проказою, то, остерегаясь ея, сталъ хлопотать, чтобы ее помѣстили въ больницу, о томъ же хлопотали и жители станицы, мотивируя свою просьбу опасностью этой болѣзни для населенія". Д-ръ Вертеповъ осмотрѣлъ Гладилина и нашелъ его совершенно здоровымъ. При осмотрѣ Гладилинъ сообщилъ, что проказою болѣла бабка жены, по матери, Богатырева, изъ Наура. По справкѣ, наведенной о Богатыревыхъ въ Наурѣ черезъ д-ра Румянцева видно: что въ Наурѣ жили когда-то 4 семейства Богатыревыхъ, не родственныхъ между собою; изъ указанныхъ семействъ одно, состоявшее только изъ мужа и жены, не существуетъ (умерли насильственной смертью); другое,—въ которомъ нѣтъ лица, которое бы было выдано замужъ въ Алханъ-Юртъ; наконецъ, 2 семейства были выселены по жребію въ Алханъ-Юртъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и о нихъ въ Наурѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Очень возможно, что болѣла проказою (если вѣрно указаніе Гладилина) какая либо Богатырева изъ семействъ, присланныхъ въ Алханъ-Юртъ, хотя по свѣдѣніямъ, собраннымъ д-ромъ Вертеповымъ отъ Люлициныхъ, дѣдъ Гладилиной по матери живетъ въ Наурѣ (?), а бабка умерла отъ неизвѣстной причины. Не та ли это больная, на которую указывали Зазнобовы, называя ее Гладилиной?

Приложенія.

89) Олимпій Зазнобовъ.

Изъ моихъ наблюденій 1891-го года.

По указанію матери Олимпія, этотъ послѣдній заболѣлъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 12 тому назадъ. Сначала у него на переносьѣ вышли 3 шишки, какъ бы чирьи; они провалились, оставивъ послѣ себя рубцы. Мѣста, гдѣ находились эти шишки, позднѣе на холоду всегда синѣли. Лѣтъ 7, 8 т. наз. у Олимпія стали показываться пятна на тѣлѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ жаловаться на ломоту въ рукахъ и ногахъ, которая настолько усилилась, что онъ могъ только сидѣть неподвижно; ноги при этомъ до колѣнъ опухли и покраснѣли. Позднѣе опухоль стала опадать и кожа покрылась какъ бы чешуею. Больнаго мать повезла въ Грозную, гдѣ доктора сказали, что это рожа, и хотѣли оставить его въ больницѣ, но сынъ просилъ мать увезти его. Послѣ этого года два у Олимпія ничего не

было и его этимъ временемъ женили. Но вскорѣ послѣ женитьбы у него начало пухнуть и краснѣть лице. Жена, какъ только болѣзнь открылась, бросила Олимпія и вышла за другого мужа (Зазнобовы старообрядцы).—St. praes. Бурое, довольно темное лице, похожее на лице 50—60 лѣтняго старика, усѣяно буграми, отдѣленными другъ отъ друга узкими и глубокими морщинами. Инфильтратъ кожи при ощупываніи узловатый. Носъ цѣлъ, утолщенъ. Волосъ на бровяхъ нѣтъ; на усахъ и бородѣ только пушекъ. На груди и спинѣ темныя, сливающіяся между собою пятна; поверхность кожи на окрашенныхъ мѣстахъ лоснится и представляется морщинистой (атрофія); кое гдѣ попадаются нормальные острова блѣдной кожи. Верхнія конечности: на тылѣ плечь и предплечій такая же темная, бурая окраска, какъ и на туловищѣ; въ нижней трети тыла предплечій попадаются узлы, подвижные, твердые, четкообразные, видимо расположенные по тракту венъ; на тылѣ кистей и пальцевъ (1 и 2-й фалангъ) темно фіолетовый, твердый инфильтратъ, выдающійся мѣстами на поверхности въ формѣ узловъ. Указательный палецъ правой руки, вслѣдствіе мутиляціи, надо полагать, головки пястной кости, отведенъ въ сторону, къ большому пальцу. Анестезія тыла кистей и предплечій; въ ладонныхъ поверхностяхъ чувствительность сохранена. Слѣдовъ пузырей pemphigus и язвъ нѣтъ. Нижнія конечности: твердый инфильтратъ кожи нижней трети голеней и стопъ. Анестезія. Въ подошвахъ, наоборотъ, гиперестезія: больной ходить разутымъ не можетъ, ибо чувствуетъ при этомъ сильную боль.

Ст. Заканъ Юртъ.

Поселена въ 1863-мъ году.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869 года: 1661 душа, изъ этого числа казаковъ 1640 (822 м., 818 ж.), постороннихъ 21 (10 м., 11 ж.); дворовъ 280. По свѣдѣніямъ 1889 года: 2224 (1141 м., 1083 ж.), все русскіе.

Приводя цифры количества больныхъ проказою въ станицахъ, Козловскій отмѣтилъ въ ст. Заканъ-Юртовской 1 больную, а въ спискѣ больныхъ, которыхъ наблюдалъ самъ, указалъ на Прасковью Степанову, 32 л., заболѣвшую въ 1858 году. По справкамъ, наведеннымъ нами на мѣстѣ, таковой больной въ станицѣ не было, а по указанію нѣкоторыхъ лицъ, Степанова болѣла въ Самашинской станицѣ, гдѣ я дѣйствительно и нашелъ Степанову, но не Прасковью, а Акулину.

Ст. Самашинская.

Основана въ 1851-мъ году.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869-го года: 1730 душъ, изъ числа которыхъ казаковъ 1708 (819 м., 829 ж.), постороннихъ 22 (11 м., 11 ж.); дворовъ 340. По свѣдѣніямъ 1889-го года: 1758 (898 м., 560 ж.).

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Ѳедоровъ Василій . .	26	Н. Л.	1861 -66	1856	1866 IV	
2	Степанова Акулина. .	25	К.	—	1864	1872 VI	
3	Колесникова Зиновія .	50	Н. Л.	1860—61	?	1873 II	
4	Бурлакова Анисья . .	28	М.	—	1874	1886 IX	

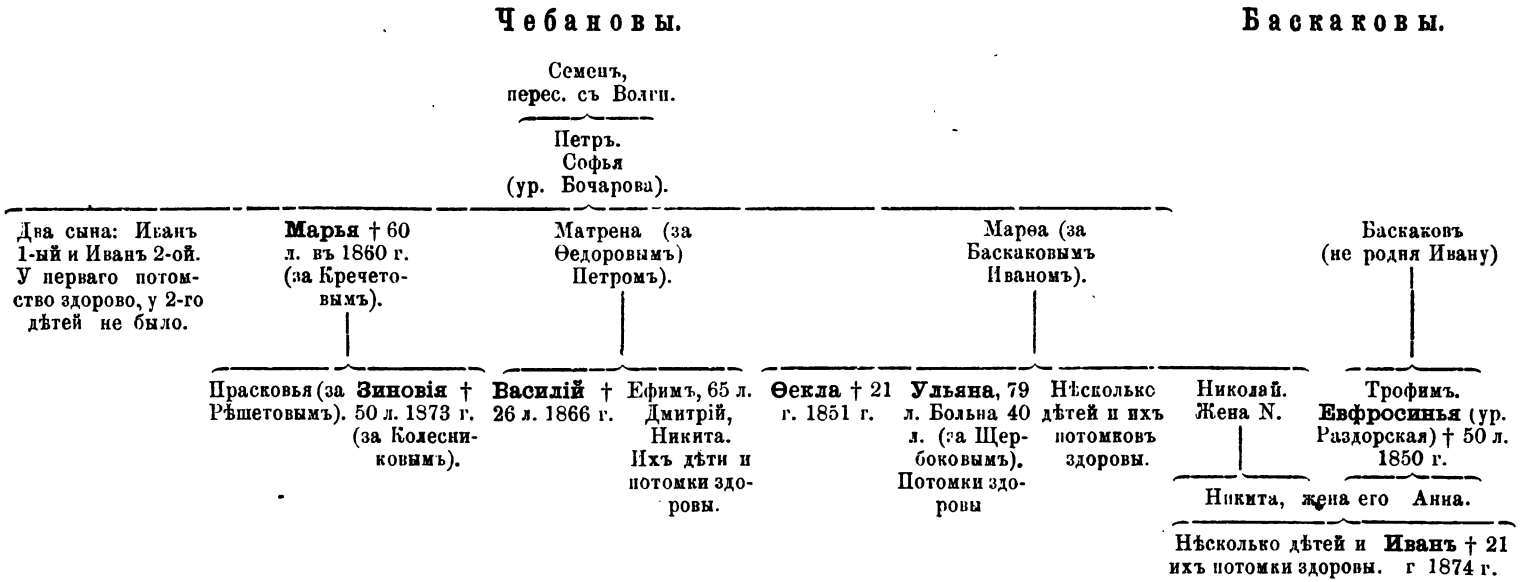
Василій Ѳедоровъ и Зиновія Колесникова.

Оба эти заболѣванія, какъ связанныя между собою близкимъ родствомъ, мы находимъ въ родословной таблицѣ Козловскаго (см. его табл. I), представленной нами въ нѣсколько сокращенномъ и исправленномъ видѣ. А именно: мы не внесли въ нашу таблицу семействъ Гончаровыхъ, Рѣшетовыхъ и Раздорскихъ, какъ не находящихся съ интересующими насъ здѣсь семействами или ни въ какомъ, или очень отдаленномъ родствѣ. О больныхъ въ первыхъ двухъ семействахъ мы уже говорили (см. ст. Ищерскую стр. 40), о Раздорскихъ же скажемъ ниже.

Поправки, которыя мы должны были внести въ родословную Козловскаго, касаются трехъ сестеръ, урожденныхъ Чебановыхъ. У Козловскаго значится: во 1-хъ, что Ѳедоровъ Петръ, незаконнорожденный сынъ Марьи (Кречетовой), слѣдовательно больной сынъ Петра, Василій, приходится внукомъ Марьи и племянникомъ Зиновіи; во 2-хъ, что Матрена Чебанова замужемъ за Иваномъ Баскаковымъ, и наконецъ, въ 3-хъ, что Марѳа Чебанова (фамилія мужа не отмѣчена) и ея многочисленные потомки здоровы.

Передаемъ свѣдѣнія, которыя мы могли лично собрать о 3-хъ сестрахъ Чебановыхъ, а именно со словъ старика Ефима Петрова Ѳедорова, роднаго брата болѣвшаго Василія.

По указанію Ефима, у Петра Чебанова, кромѣ сыновей, которые также какъ и ихъ потомки не болѣли, были 3 дочери: Марья, выданная за Кречетова; Матрена, которая была за Ѳедоровымъ Петромъ, и Марѳа—за Баскаковымъ. Всѣ три семьи жили, когда болѣла Кречетова, въ Ищерской станицѣ, при чемъ Ѳедоровы жили на одномъ дворѣ съ Марьей Кречетовой и Ефимъ хорошо помнитъ Марью больною. Въ концѣ 50-хъ годовъ братья Ѳедоровы переселились въ


Чебановы.
Баскаковы.
Семенъ, перес. съ Волги.
Петръ.
Софья (ур. Бочарова).
Два сына: Иванъ 1-ный и Иванъ 2-ой. У перваго потомство здорово, у 2-го дѣтей не было.
Марья † 60 л. въ 1860 г. (за Кречетовымъ).
Матрена (за Ѳедоровымъ) Петромъ).
Марѳа (за Баскаковымъ Иваномъ).
Баскаковъ (не родня Ивану)
Прасковья (за Рѣшетовымъ).
Зиновія † 50 л. 1873 г. (за Колесниковымъ).
Василій † 26 л. 1866 г.
Ефимъ, 65 л. Дмитрій, Никита. Ихъ дѣти и потомки здоровы.
Ѳекла † 21 г. 1851 г.
Ульяна, 79 л. Больна 40 л. (за Щербоковымъ). Потомки здоровы
Нѣсколько дѣтей и ихъ потомковъ здоровы.
Николай. Жена N.
Никита, жена его Анна.
Нѣсколько дѣтей и ихъ потомки здоровы.
Трофимъ. Евфросинья (ур. Раздорская) † 50 л. 1850 г.
Иванъ † 21 г 1874 г.

ст. Самашинскую, гдѣ Василій и заболѣлъ. Относительно дочери Марьи Кречетовой, Зиновіи, Ефимъ точныхъ свѣдѣній мнѣ сообщить не могъ; она вмѣстѣ съ мужемъ тоже переѣхала въ Самашинскую, но раньше-ли, позже-ли Ѳедоровыхъ,—Ефимъ не помнитъ. Основываясь на указаніяхъ Козловскаго (см. приложенія), можно думать, что Зиновія заболѣла, если не раньше, то одновременно съ матерью (эта послѣдняя заболѣла въ 1849 г. и умерла въ 1860—см. ст. Ищерскую, стр. 41), а именно въ 1846 г., и нѣсколько позднѣе Ѳеклы Баскаковой, заболѣвшей въ 1845 (см. Науръ, стр. 23). По свѣдѣніямъ же Н. Л., наоборотъ, Зиновія заболѣла гораздо позднѣе матери, а именно въ 1859 г.

Повѣряя указанія Ефима, мы находимъ въ скорбномъ листѣ Н. Л. по поводу родителей Петра Ѳедорова, отца Василія, слѣдующее указаніе: „касательно предковъ, больной (Василій) объявилъ, что мать его, урожденная Чебанова, и отецъ ея, а его дѣдъ, былъ переселенецъ съ береговъ Волги; происхожденія отца своего онъ не знаетъ, такъ какъ отецъ его былъ изъ незаконнорожденныхъ и приписанъ былъ къ Чебановымъ во дворъ при женитьбѣ; родились же отецъ и мать оба въ ст. Ищерской и проказою не болѣли". Въ семейныхъ станичныхъ спискахъ 1827-го года мы находимъ семейства всѣхъ трехъ сестеръ Чебановыхъ и между ними и Ѳедоровой, причемъ составъ ея семьи, за № 47, записанъ: „отставной казакъ Петръ Семеновъ Чебановъ 74 л., жена его Софья Осипова; при нихъ зять, служащій казакъ Петръ Денисовъ Ѳедоровъ 26 л., у него жена Матрена Петрова 28 л., у нихъ дѣти Василій 7 л. (не тотъ, который болѣлъ), Ефимъ 1 г. въ настоящее время свидѣтель), Евфросинія 6 и Аксинья 2 л. Марьѣ Кречетовой въ томъ же спискѣ, за № 34, значится: 29 лѣтъ, а слѣдовательно она никакъ не могла быть матерью Петра Ѳедорова.

Акулина Степанова и Анисья Бурлакова.

Относительно Степановой мы не находимъ у Козловскаго никакихъ свѣдѣній, а только указаніе (стр. 39 въ спискѣ личныхъ наблюденій), что она заболѣла въ 1858 году, причемъ она отмѣчена больной въ Заканъ-Юртовской станицѣ. Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ и сообщаемъ здѣсь, основываются на указаніяхъ отца и братьевъ мужа Акулины, а также—казачки Кеселевой изъ Слѣпцовской станицѣ.

Семья Василія Степанова состояла изъ нѣсколькихъ семействъ его сыновей (двухъ Ивановъ, Тараса, Герасима и Федора; два послѣдніе служатъ фельдшерами). Старшій сынъ Иванъ былъ женатъ на Акулинѣ, взятой изъ семьи Никиты Раздорскаго, брата

Григорія, дочь котораго Евфросинья (какъ видно въ родословной, представленной выше) была замужемъ за Трофимомъ Баскаковымъ и болѣла проказою, отъ которой и умерла въ Слѣпцовской станицѣ въ 1859 году (см. далѣе). Отъ кого заразилась Акулина и съ кѣмъ изъ больныхъ проказою она имѣла сношенія,—семья Степановыхъ не знаетъ: Степановы жили недалеко, черезъ 2 дома, отъ Зиновьи Колесиковой, которая въ то время, когда заболѣла Акулина, была уже сильно изуродована, но посѣщала ли Акулина Зиновію свидѣтелямъ неизвѣстно. Заболѣла Акулина вскорѣ послѣ того, какъ вышла замужъ. Мужа въ это время не было въ станицѣ, онъ былъ на службѣ въ Закавказьѣ и вернулся только (кажется!) въ 1868-мъ году. Акулина лежала тогда въ Грозненскомъ госпиталѣ, гдѣ и увидалась съ мужемъ. По ея просьбѣ, онъ взялъ ее изъ госпиталя домой и она отъ него забеременѣла и родила дочь. Когда она вернулась изъ госпиталя, то ее держали отдѣльно, въ банѣ, но потомъ выгнали и оттуда (Кеселева) и она ушла къ своимъ роднымъ, т. е. къ отцу, Никитѣ Раздорскому, у котораго жила также отдѣльно. Но и здѣсь ее гнали, и она возвращалась въ семью мужа, а оттуда опять къ отцу, до тѣхъ поръ, пока ей не вырыли отдѣльную землянку, гдѣ она и умерла, какъ ходили слухи,—неестественной смертью, такъ какъ ее нашли мертвою въ землянкѣ, одѣтою въ чистое бѣлье и въ новомъ платьѣ, которое она припасла себѣ на случай смерти. Дочь Акулины Степановой взяла къ себѣ изъ состраданія казачка Кеселева (которая жила прежде въ Самашинской станицѣ, а потомъ переѣхала въ Слѣпцовскую, гдѣ я ее и розыскалъ). Кеселева имѣла своего ребенка и кормила грудью такимъ образомъ обоихъ, а когда ея собственный ребенокъ заболѣлъ и умеръ, она оставила у себя дѣвочку Степановой, которая жила у нея до 7 лѣтъ и умерла „совершенно чистой". Киселева, какъ разсказываетъ, избѣгала встрѣчаться съ Акулиной Степановой, но проходя мимо дома Раздорскихъ, иногда видѣла ее сидящею на завалинкѣ и тогда Акулина ее останавливала, желая поласкать ребенка, но этотъ послѣдній ея пугался, отворачивался отъ нея и плакалъ.

Въ то время, когда болѣла Акулина, у Раздорскихъ жила въ нянькахъ при дѣтяхъ 12—13-ти лѣтняя сирота Анисья Черкасова изъ Луковской станицы. Достигнувъ 16 лѣтняго возраста, она вышла замужъ за Бурлакова, но вскорѣ послѣ замужества заболѣла проказою, а именно, какъ указываетъ мужъ уже на другой годъ. Степановы и нѣкоторые другіе свидѣтели утверждаютъ, что Анисья была уже больна, выходя замужъ.

Приложенія.

90) Василій Ѳедоровъ.

Изъ наблюденій д-ра Козловскаго въ 1864-мъ году: примѣръ 15, стр. 77.

Сталъ жаловаться въ 1854-мъ году на періодическія, наступающія неправильно головныя боли и на ломоту конечностей, сопровождающуюся опухолью суставовъ. Къ концу сказаннаго года, послѣ жесточайшихъ болей, выступили на обоихъ голенно-стопныхъ суставахъ пятна и плоскіе бугры мѣдно-краснаго цвѣта. На 19-мъ году, т. е. въ 1860-мъ, Василій женился, имѣлъ дочь, которая вскорѣ послѣ рожденія и умерла; болѣе дѣтей не имѣлъ, хотя до сихъ поръ живетъ съ женою. 3 года тому назадъ носъ измѣнилъ свою форму, а черезъ годъ произошли разстройства зѣва.—St praes. Больному 23 года. На всемъ лицѣ бугры и утолщенія темнаго, мѣдно-краснаго цвѣта, между ними рябины натуральной оспы. Волосъ на бровяхъ нѣтъ; „вѣки утолщены и мышцы ихъ потеряли сократительность“ (lagophthalmus ? авт.). Носъ приплюснутъ. На слизистой оболочкѣ припухшихъ губъ двѣ язвы съ сальнымъ дномъ. Десны кровоточивы; зубы шатаются. Языкъ у основанія покрытъ бугристыми, безчувственными возвышеніями; нёбо и задняя стѣнка глотки изъязвлены и бугристы; дуги утолщены; слизистая оболочка зѣва темно-богровая, нечувствительная, переноситъ прикосновеніе шпаделя и даетъ возможность видѣть утолщенный надгортанникъ. На туловищѣ и бедрахъ кое-гдѣ возвышенныя пятна. Предплечія, ягодицы, голени усѣяны пятнами, утолщеніями, узлами и бугорками, которые шелушатся или покрыты струпьями, либо представляютъ рубцовыя сморщиванія кожи. Кожа тыльной поверхности кистей рукъ и стопъ истончена, морщиниста и суха. Послѣ каждаго приступа ломоты, существующей и теперь, усиливается выступленіе пятенъ и бугровъ. Колѣна и локти покрыты чешуевидными утолщеніями кожицы, на нихъ же бѣловатые рубцы—слѣды бывшихъ изъязвленныхъ бугорковъ (?—не pemphigus ли скорѣе ?). Ногти въ послѣднее время на рукахъ искривились и потрескались, на ногахъ же совершенно искрошились. На половыхъ частяхъ никакихъ измѣненій; половыя отправленія возможны, но похотливость не усилена. Жалуется на ломоту конечностей, общую слабость, усталость и одышку. Протяженіе тупаго тона сердца увеличено, звуки притуплены (водянка околосердія).

Теченіе болѣзни.

Скорбный листъ Н. Л., куда больная поступила 6 авг. 1865 г. (наблюд. д-ра Богословскаго, а позднѣе Градновскаго).

Начало болѣзни въ 1856-мъ году. Ломота въ рукахъ и ногахъ, сопровождавшаяся позднѣе изъязвленіями въ различныхъ мѣстахъ этихъ конечностей (pemphigus ? авт.). Въ 1859-мъ году, послѣ акта совокупленія, у него обнаружились „прыщики (бугорки) красные, твердые, круглые на головкѣ члена“. Въ 1861-мъ году, когда онъ былъ уже два года женатъ, и, по словамъ больнаго, кромѣ жены ни съ кѣмъ не имѣлъ сношеній, у него открылась шанкрозная язва, залеченная однимъ какимъ то солдатомъ также наружными средствами. Послѣ этого вскорѣ оказалось у него пораженіе носовой полости, а потомъ открылось въ 1864-мъ году пораженіе шейныхъ железъ съ сильною ихъ опухолью, перешедшею вездѣ въ изъязвленіе; тогда онъ лечился въ Грозненскомъ военномъ госпиталѣ. Теперь эти изъязвленія, имѣющія форму золотушныхъ язвъ почти всѣ у него зажили. Форма носа отъ поврежденія костей теперь измѣнилась, у него и голосъ хриплый съ выговоромъ въ носъ. Цвѣтъ кожи у него на тѣлѣ вездѣ натуральный, и самая кожа вездѣ

гладкая, безъ всякихъ характерныхъ измѣненій, замѣчаемыхъ у прокаженныхъ; равно и ногти на пальцахъ рукъ и ногъ вездѣ цѣлы и неиспорчены". (Странное противорѣчіе съ указаніями д-ръ Козловскаго!).

1866-ой годъ (д-ръ Гродновскій). $^{13}/_{II}$. У больнаго была сыпь бугристая на лицѣ и ногахъ. Теперь лице чисто, только кое-гдѣ остались блѣдные рубцы, какъ слѣды бывшей сыпи. Носъ спавшійся отъ бывшей костоѣды носовыхъ костей; на слизистой оболочкѣ носа есть язвы; выговоръ словъ хриплый, носовой. На нёбныхъ занавѣскахъ, твердомъ нёбѣ множество язвъ различной величины, б. ч. кругловатой формы, съ сальнымъ нечистымъ дномъ. Uvula не существуетъ. По временамъ бываетъ у него кашель, но общее состояніе здоровья удовлетворительно. На ногахъ язвы на лѣвой голени. $^{29}/_{III}$. Больной жалуется на общую слабость. $^{30}/_{III}$ у больнаго было довольно сильное кровотеченіе изъ носа, остановленное холодными примочками. Больной сдѣлался слабъ такъ, что не встаетъ съ постели, но ни начто не жалуется. $^{1}/_{IV}$ больной, кромѣ общей слабости ни начто не жалуется; пульсъ малъ; въ 4 часа ночи больной умеръ.

Аутопсія. Въ правомъ легкомъ миліарные бугорки. Въ полости зѣва изъязвленія, уничтожившія язычекъ и миндалевидныя желѣзы; въ гортани язвы, произведшія съуженіе дыхательнаго горла. Въ полости лѣвой плевры найденъ гной въ небольшомъ количествѣ. При изслѣдованіи найдено, что гной исходитъ изъ нарыва, образовавшагося въ лѣвой сторонѣ шеи въ шейныхъ железкахъ; оттуда гной проложилъ себѣ путь in mediastinum anterius, а въ полость плевры попалъ уже при вскрытіи. Въ другихъ органахъ измѣненій не найдено.

91) Зиновія Колесникова.

Въ документахъ Наурской лечебницы мы находимъ только указаніе: больна съ 1859 года, поступила въ лечебницу 12 ок. 1860, выздоровѣла 21-го ноября 1861-го года.

Наблюденіе д-ра Козловскаго за 1864-ый годъ: примѣръ 23, стр. 92. „Lepra squamosa" (auctorum).

Въ дѣтствѣ была здорова. Мѣсячныя появились на 14-мъ году были болѣзненны и неправильны, какъ и теперь. На 18-мъ году вышла зажужъ и родила 3-хъ дѣтей, которые умерли грудными. 1846 г., т. е. вскорѣ послѣ замужества, почуствовала ломоту конечностей, которая длилась по 1850 г. Одновременно съ этимъ появилась на предплечіяхъ и голеняхъ сыпь, въ видѣ пятенъ темно-краснаго цвѣта. Эти пятна увеличивались въ числѣ и окружности, не возвышались, не утолщались и не затвердѣвали, но постоянно покрывались отрубевиднымъ налетомъ. Между тѣмъ въ глоткѣ показалась темная краснота, а въ носу изъязвленія.

St. praes. Больная 36 лѣтъ, слабаго тѣлосложенія, средняго роста. Выраженіе лица болѣзненное. Цвѣтъ кожи не измѣненъ; ни сыпи, ни бугристостей нѣтъ. Носъ расплюснутъ. Кожа бровей нѣсколько утолщена и лишена волосъ, которые давно вылезли. На рукахъ, ногахъ туловищѣ находятся едва замѣтныя, бурыя, нерѣзко ограниченныя пятна, которыя шелушатся, посыпаны какъ бы мукою, тоже на ладоняхъ и подошвахъ. На голеняхъ кожа уплотнѣна и утолщена (слоновыя ступни). На тылѣ предплечій, кистей и пальцевъ, а также на гребняхъ голеней обильные рубцы. Ломота по временамъ и теперь безпокоитъ больную. Уже 12 лѣтъ проказа у этой больной не идетъ впередъ, но и не уступаетъ никакому леченію.

Станицы перваго сунжинскаго полка.

Ст. Слѣпцовская.

Поселена въ 1845-мъ году.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869-го года: 2877 душъ, изъ числа которыхъ 2775 (1433 м., 1342 ж.) казаковъ и 102 (62 м., 40 ж.) постороннихъ, дворовъ 405. По свѣдѣніямъ 1889-го года: 3601 душа, 3570 (1884 м., 1766 ж.) русскихъ, 9 (5 и 4) грузинъ, 12 (7 и 5) армянъ, 4 (1 и 3) татаръ и 6 (2 и 4) другихъ національностей.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Баскакова Ефросинья .	50	К.	—	?	1859 III	
2	Патапова Анисья . .	38	Н. Л.	1867—68	1858	1868 V	
3	Баскаковъ Иванъ . .	21	К.	- -	1860	1874 XII	

Баскаковы: Евфросинья (урожд. Раздорская) и Иванъ. Указанія на семью Баскаковыхъ мы имѣемъ только у Козловскаго, а именно въ родословной, представленной нами (стр. 159), а относительно Ивана,—личныя наблюденіями К. (см. приложенія), гдѣ онъ указываетъ, что Иванъ унаслѣдовалъ болѣзнь отъ бабки, и обращаетъ вниманіе и на кровную родственную связь между семействами Баскаковыхъ, Кречетовыхъ и Чебановыхъ (не имѣющую, замѣтимъ, мѣста по отношенію къ Евфросиньѣ, урожд. Раздорской). Наши личныя свѣдѣнія о болѣзни бабки и внука Баскаковыхъ почерпнуты изъ разсказа старухи Маоы Лопатиной, которая ухаживала за обоими больными.

Относительно болѣзни Евфросиньи, Лопатина передаетъ, что лицо ея не было изуродовано, что она не могла закрывать глазъ, что пальцы ея были „скрючены“; были ли у нея мутиляціи членовъ,—Маоа не помнитъ. Судя по приведеннымъ указаніямъ свидѣтельницы, можно бы было думать, что Баскакова страдала нервной формою проказы. Отъ кого и когда заразилась Евфросинья,—Лапатина сообщить не могла, но утверждаетъ, что больная жила совершенно отдѣльно отъ

семьи на дворѣ и что дочь ее Анна ею „брезгала," строго запрещала дѣтямъ ходить къ бабкѣ. Ивану Баскакову было лѣтъ 7, когда умерла Евфросинья; несмотря на запрещеніе матери, онъ все таки бѣгалъ къ бабкѣ, за что не разъ подвергался наказанію. Заболѣлъ Иванъ вскорѣ послѣ смерти Евфросиньи и болѣзнь его началась съ насморка; затѣмъ онъ началъ гнусить и у него приплюснуло носъ; уже позднѣе у него стали показываться пятна на тѣлѣ и бугры на лицѣ. Иванъ былъ отдѣленъ въ баню и мать къ нему никогда не ходила; онъ былъ въ страшномъ забросѣ и только свидѣтельница время отъ времени заходила къ нему, перемѣняла и мыла его бѣлье и т. д. О смерти Ивана узнали случайно, а именно его нашли мертвымъ и свидѣтельница его хоронила.

Свѣдѣнія объ Анисьѣ Потаповой мы имѣемъ только изъ скорбнаго листа Н. Л., а именно въ этомъ послѣднемъ отмѣчено: „Больная родилась въ селеніи Солдатскомъ на Кумѣ (Ставропольской губ.); откуда ея предки, она не знаетъ; проказою болѣла ея родная мать и умерла въ селеніи Солдатскомъ 15 л. тому назадъ; по выходѣ замужъ (когда?), Анисья переселилась въ ст. Слѣпцовскую, гдѣ и заболѣла 9 лѣтъ тому назадъ. Мужъ ея и дѣти здоровы". Потапова записана поступившей въ Н. Л. изъ станицы Терской; когда и какимъ образомъ она туда попала,—неизвѣстно.

Приложенія.

92) Иванъ Баскаковъ.

Изъ наблюденій д-ра Козловскаго въ 1864-мъ году: прим. 1-ый, стр. 47.

Иванъ заболѣлъ весною 1863-го года, если не принимать въ расчетъ пятнистыхъ окрашиваній кожи, которыя замѣчались съ самаго ранняго дѣтства. Первое возвышеніе кожи мать Ивана замѣтила у него надъ правой бровью; затѣмъ новые бугры, сначала едва замѣтные, появились на обѣихъ щекахъ; далѣе, небольшое возвышеніе показалось на лѣвой бровной дугѣ.—S t. p r a e s. Иванъ Баскаковъ нѣжнаго сложенія, небольшаго по своимъ лѣтамъ роста. Лице блѣдное, болѣзненное. Соотвѣтственно скуламъ замѣчаются мѣдно-красныя возвышенія, сидящія въ толщѣ кожи. Такія же возвышенія на подбородкѣ и надбровныхъ дугахъ, волоса на которыхъ жидки. Носъ у основанія нѣсколько расширенъ. Слизистая оболочка языка и нёба здорова; на язычкѣ, дужкахъ и задней стѣнкѣ зѣва замѣтно темное окрашиваніе. По туловищу разсѣяны пятна темнаго цвѣта, сливающіяся между собою и мѣстами оставляющія острова бѣлой кожи; пятна не возвышены и не шелушатся.

93) Аксинья Потапова.

Скорбный листъ Н. Л., куда больная поступила 2 мая 1867 г.

Болѣзнь началась съ того, что Аксинья замѣтила, что лице ея краснѣетъ и пухнетъ, а черезъ нѣсколько времени стали появляться на лицѣ и рукахъ твердые бугорки красно-

ватаго цвѣта.—St. praes. Лице опухшее, усѣяно бугорками, изъ которыхъ нѣкоторые изъязвились и покрыты струпьями. На предплечіяхъ и кистяхъ обѣихъ рукъ много язвъ, покрытыхъ струпьями или оставившихъ глубокіе безобразные рубцы. На голеняхъ обѣихъ ногъ язвы, вслѣдствіе распаденія бугорковъ. Носъ вналъ, такъ что носовыя отверстія имѣютъ видъ линейныхъ ращелинъ. На нёбѣ много язвъ и между ними бѣловатые бугорки. Ногти на лѣвомъ мизинцѣ и на правомъ большомъ пальцѣ обезображены. Голосъ хриплый, неясный. Мѣсячныя правильны.—Теченіе. $^{12}/_{VI}$ отправлена въ Горячеводскъ (д-ръ Финкельштейнъ). $^{10}/_{VIII}$ вернулась безъ перемѣны. 1868-ой годъ. $^{30}/_{IV}$ жалуется на боль въ груди, кашель. $^{1}/_{V}$ бугорки исчезаютъ, превращаются въ язвы. $^{3}/_{V}$ лѣвая половина груди значительно больше, звукъ тупой, нижняя доля легкихъ не проходима для воздуха. $^{15}/_{V}$ поносъ. $^{21}/_{V}$ лихорадка, затрудненное дыханіе, боль въ лѣвой половинѣ груди. $^{25}/_{V}$ умерла.

Вскрытіе. Кромѣ описанія измѣненій на кожѣ, представлявшихся въ формѣ рубцовъ и на лицѣ и конечностяхъ, отмѣчены: костоѣда головокъ среднихъ фалангъ; затѣмъ, въ полости носа—отсутствіе сошника, раковинъ и поврежденіе рѣшетчатой кости. Во внутреннихъ органахъ: суженіе гортани; увеличеніе въ объемѣ gl. thyreoideae; въ полости лѣвой плевры серозно—фибринозный экссудатъ. Печень тверда. Селезенка бѣлаго цвѣта, расплывается.

Ст. Терская.

Поселена въ 1867-мъ году.

Число жителей. По свѣдѣніямъ 1869-го года: 1672 души, изъ этого числа 1639 (851 м., 788 м.) казаковъ и 33 (23 м., 10 ж.) постороннихъ; дворовъ 278. По свѣдѣніямъ 1889-го года, 2109 (1056 м., 1053 ж.), все русскіе.

№	ИМЯ и ФАМИЛІЯ.	Возрастъ.	Кому принадлежитъ указаніе.	Время пребыванія въ Н. Л.	Вр. заболѣванія.	Вр. смерти.	Особыя замѣчанія.
1	Ермиловъ Попенъ . .	27	М.	—	1882	—	Боленъ въ настоящее время.

Ермилова я видѣлъ въ 1891-мъ году. Изъ указаній его, очень безтолковыхъ, видно только, что изъ его родныхъ болѣлъ его дядя Ѳедоръ Черновъ, служившій работникомъ на одномъ изъ хуторовъ Голюгаевской станицы и умершій лѣтъ 15, 20 тому назадъ; далѣе,—что самъ Попенъ заболѣлъ лѣтъ 9, 10, что первыя явленія обнаружились у него пятнами на предплечіяхъ, нѣсколько выше кистей, а затѣмъ на голеняхъ. Въ настоящее время болѣзнь у Ермилова выражена рѣзко въ формѣ равномѣрнаго инфильтрата кожи лица и конечностей, съ явно выраженной анестезіей на излюбленныхъ мѣстахъ.

Другихъ больныхъ, по указанію станичныхъ властей, въ Терской ст. нѣтъ.

Урусбіевское общество.

Свѣдѣнія о существованіи проказы въ Урусбіевскомъ обществѣ (въ верховьяхъ Баксана) мы имѣемъ у Козловскаго, а именно: онъ указываетъ (стр. 15), что „окружному врачу, лекарю Дроздовскому, удалось наблюдать уже 11 случаевъ этой болѣзни“, и далѣе (стр. 27), что „проказа у туземцевъ Терской области встрѣчается только въ одномъ Урусбіевскомъ обществѣ“. По предположенію Козловскаго, основанному на исторіи Кавказа, „у Ельбруса должны были остаться нѣкоторыя племена восточныхъ народовъ; и весьма вѣроятно, что проказа въ Урусбіевскомъ обществѣ обязана имъ своимъ происхожденіемъ“. Но возможно и то, продолжаетъ К., что проказа проникла въ Кабарду, благодаря сношеніямъ Кабардинцевъ съ западомъ (т. е. съ западной Европой?), а можетъ статься и тому, что эта болѣзнь прошла туда, благодаря русскимъ осѣдлостямъ, на что, по мнѣнію К., указываетъ самое названіе общества (У р у с ъ-біевское).

Мы слышали о проказѣ въ Урусбіевскомъ обществѣ въ Карачаѣ и хотѣли туда проникнуть для изслѣдованія, но, къ сожалѣнію, въ 1884-мъ году, когда я думалъ предпринять поѣздку по Баксану, разливомъ послѣдняго снесло всѣ мосты и попортило дороги. Такимъ образомъ лично убѣдиться въ существованіи проказы въ Урусбіевскомъ обществѣ, и спеціально въ настоящее время, намъ не удалось.

Что касается предположеній Козловскаго объ источникѣ развитія проказы въ Урусбіевскомъ обществѣ, то мы съ своей стороны можемъ высказатся на этотъ счетъ гораздо опредѣленнѣе и указать на прямую связь, существующую между проказою, наблюдающеюся въ этомъ обществѣ и проказою, существующею въ Карачаѣ. Карачай, какъ извѣстно, находится на сѣверо-западномъ склонѣ Эльбруса, въ треугольникѣ, образуемомъ сліяніемъ нѣсколькихъ рѣкъ (Учкулана, Хурзука и Тиберды), образующихъ р. Кубань. Проказа развита между Карачаевцами въ значительныхъ размѣрахъ и существуетъ тамъ уже съ давняго времени. На мои распросы, касающіеся распространенія болѣзни, многіе изъ Карачаевцевъ сообщили мнѣ, что проказа существуетъ и въ нѣкоторыхъ аулахъ по Баксану, которые также населены Карачевцами и въ которыхъ встрѣчаются тѣже фамиліи, какъ и у нихъ; далѣе мнѣ сообщили, что между Карачаемъ и Урусбіевскимъ обществомъ существуютъ постоянныя сношенія, что они нерѣдко роднятся между собою, и дѣйствительно, во время моего пребыванія въ Карачаѣ пріі-

ѣхалъ съ Баксана свадебный поѣздъ съ женихомъ, который бралъ за себя Карачаевку. Тѣсная связь обоихъ обществъ подтверждается и сохранившимися историческими преданіями о возникновеніи Карачая, представляющими огромный интересъ въ вопросѣ объ источникѣ развитія проказы на югѣ Россіи вообще, а именно—вполнѣ оправдывающими названіе „крымка“, которое носила болѣзнь и въ прошломъ столѣтіи и на Уралѣ, и въ Астраханской губ., и носитъ отчасти и теперь на всемъ югѣ Россіи.

Учитель Карачаевскаго горскаго училища М. Алейниковъ сообщаетъ въ крайне почтенномъ сборникѣ матерьяловъ для описанія мѣстности и племенъ Кавказа [1]) слѣдующее преданіе о Карачаѣ.

Родоначальникомъ Карачаевцевъ считается Карча. Нѣкогда, съ небольшимъ своимъ племенемъ онъ вышелъ изъ Крыма и послѣ долгихъ скитаній поселился въ верховьяхъ рѣки Баксана и нѣсколько лѣтъ прожилъ незамѣченнымъ своими сосѣдями, живущими ниже по Баксану же, Кабардинцами. Однажды Карча вздумалъ строить мостъ и щепки отъ моста приплыли къ Кабардинцамъ, которые, благодаря этому, узнали о существованіи Карачаевцевъ. Началась борьба, которая кончилась тѣмъ, что Карачаевцы должны были перемѣститься на верховья Кубани, гдѣ живутъ и теперь. Но затѣмъ Кабардинцы и Карачаевцы помирились, а именно дочь Карчи вышла за Шамхала и по смерти Карчи власть его перешла къ его зятю, почему и потомство стало называться князьями Крымъ—Шамхаловыми. Когда совершилось указанное переселеніе Карачаевцевъ изъ Крыма на Кавкавъ,—Алейниковъ не указываетъ. По сообщенію уѣздн. начальника, Петрова, переселеніе, по Карачаевскимъ преданіямъ, послѣдовало лѣтъ 200, 400 тому назадъ.

Считаю умѣстнымъ указать здѣсь фактъ, передаваемый почтеннымъ д-ромъ Пантюховымъ, а именно, что проказа существуетъ также и у другихъ ближайшихъ сосѣдей Карачаевцевъ, именно по ту сторону Эльбруса т. е. на южномъ его склонѣ, въ Сванетіи. Въ какомъ отношеніи находится развитіе проказы въ этой послѣдней горской области къ проказѣ въ Карачаѣ,—мнѣ неизвѣстно. Все, что я знаю, это то, что между Карачаемъ и Сванетіей существуютъ горныя проходы при помощи которыхъ сосѣди сообщаются между собою.

---

[1]) Сб. мат. и т. д. Вып. 3-ей, II, стр. 164. 1883-го года.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

СТАРЫЕ ПОЭТЫ ВЪ НОВЫХЪ РУССКИХЪ ПЕРЕВОДАХЪ.

Дантъ, Боккаччьо, Аріостъ, Сервантесъ, Байронъ.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

съ точки зрѣнія ученія о поэзіи какъ выраженіи вселенскаго Логоса.

Γίγνεσθε δὲ ποιηταὶ λόγου, καὶ μὴ μόνον ἀκροαταί, παραλογιζόμενοι ἑαυτούς.

Jac. I, 22.

Greift nur hinein ins volle Menschenleben.
Goethes Faust.

Данте Алигіери, Божественная комедія. Адъ, Чистилище, Рай. Переводъ стихами съ итальянскаго *А. П. Федорова*, съ объяснительными примѣчаніями, вступленіями и біографическимъ очеркомъ Данте. Спб. 1893—1894.—*Данте Алигьери*, Божественная Комедія. Адъ. Переводъ *П. Каншина*. Спб. 1894.—*Джіованни Боккаччьо*, Декамеронъ. Переводъ *Александра Веселовскаго*, съ этюдомъ о Боккаччьо. Москва, 1891—1892.—*Аріостъ*, Неистовый Роландъ. Переводъ подъ редакціей *В. Р. Зотова*, со статьей его о значеніи этого творенія. Спб. 1891.—*Лудовикъ Аріосто*, Неистовый Роландъ. Переводъ *Сергія Уварова*, въ „Пантеонѣ Литературы" за 1891 г.—*Мигуэль. Сервантесъ Сааведра*. Донъ Кихотъ Ламанчскій. Переводъ съ испанскаго *В. Карелина*, исправленный и дополненный В. Зотовымъ съ приложеніемъ критическаго этюда В. Карелина „Донъ-Кихотизмъ и Демонизмъ". Изданіе 4-е, иллюстрированное. Спб. 1893.—*Байронъ*, Донъ Жуанъ. Переводъ *П. А. Козлова*. Изданіе 2, съ предисловіемъ В. П. Буренина и примѣчаніями П. И. Вейнберга. Спб. 1889.

I.

Въ послѣднее время, больше чѣмъ когда либо, среди лицъ, причастныхъ русской литературѣ, замѣтно стремленіе обогащать ее переводами великихъ поэтовъ. Стремленіе это заслуживаетъ вниманія всѣхъ образованныхъ людей, особенно филологовъ.

И у насъ, какъ давно уже на Западѣ, взглядъ на поэтическія произведенія какъ на плодъ праздной фантазіи, цѣнный лишь для

утоленія скуки, начинаетъ уступать другому, что эти произведенія такіе же факторы и показатели культуры, какъ остальныя проявленія духовной жизни—философія, наука, искусство, направленіе политической дѣятельности. Послѣдній взглядъ находитъ оправданіе не только въ психологической истинѣ, что нашъ духовный организмъ нераздѣленъ и что поэтому всѣ его обнаруженія неразрывно связаны, но и въ фактической невозможности ихъ обособить. Всѣмъ, напримѣръ, извѣстно, что длинный рядъ научныхъ истинъ былъ намѣченъ и подготовленъ философіей (которая въ послѣднее время пыталась даже стать чисто научной) и что всѣ великія поэтическія произведенія—носители той или другой философской идеи. Не менѣе извѣстно и то, что умственныя движенія вмѣстѣ отражаютъ и обусловливаютъ общественную жизнь. И если это взаимодѣйствіе рѣзко бросается въ глаза лишь въ періоды усиленныхъ броженій—напримѣръ, въ такъ называемыя эпохи Возрожденія, Реформаціи, во время революціонныхъ вѣяній и бурь второй половины прошлаго и первой половины нынѣшняго вѣка, то существуетъ оно непрерывно и при болѣе спокойномъ теченіи жизни, и для внимательнаго взора открывается не только тамъ, гдѣ обнаруженіе общественнаго настроенія не встрѣчаетъ внѣшнихъ препятствій, но и тамъ, гдѣ на мысль наложено ярмо. Общепризнана, напримѣръ, (чтобы не говорить о древнемъ мірѣ) тѣсная связь всего средневѣкового искусства съ религіозными идеалами и романтическаго движенія съ реакціей послѣреволюціоннаго періода. Точно также несомнѣнна въ XVII в. во Франціи связь между абсолютизмомъ и этикетомъ двора и классицизмомъ [1]), въ XVIII в. между распущенностью высшаго общества и распущенностью въ литературѣ, или въ современной Франціи между демократической окраской ея натуралистическаго романа и ея государственной и научной жизнью. Въ примѣръ широкаго нравственнаго воздѣйствія литературныхъ произведеній достаточно напомнить о воздѣйствіи рыцарскаго романа на общественное настроеніе въ Испаніи въ исходѣ XVI и началѣ XVII в., составлявшее злобу дня того времени, и о плодотворной агитаціи современнаго французскаго театра и романа въ духѣ извѣстныхъ реформъ (напр. въ вопросѣ о разводѣ).

---

[1]) Étudiez la cour et connoissez la ville;
L'une et l'autre est toujours en modèles fertile.
Boileau, L'art poétique, Ch. III, p. 325 (éd. Charpentier.).

Поэтому знакомство съ выдающимися литературными памятниками столь же важно, какъ съ главнѣйшими политическими событіями и научными и философскими теченіями, а незнакомство съ ними простительно тѣмъ менѣе, чѣмъ они привлекательнѣе по формѣ и общедоступнѣе по содержанію.

Важное для всѣхъ вообще, оно для филологовъ необходимо. Филологъ по значенію своего имени тотъ, кто любитъ Логосъ. Слово это своей необъятной исторіей свидѣтельствуетъ о необъятности своего содержанія. Въ противоположность господствующему у насъ взгляду на филологовъ какъ рыцарей буквоѣдства, никогда оно не означало слова въ его грамматической обособленности, но уже на раннихъ проблескахъ греческаго сознанія—связную разумную рѣчь, за тѣмъ—разумъ вселенскій и человѣческій со всѣми формами ихъ обнаруженій (законъ, мысль, смыслъ, сужденіе, опредѣленіе, доводъ и т. д.) и наконецъ—воплотившееся Слово, которое просвѣщаетъ всякаго приходящаго въ этотъ міръ и свѣтитъ непонимающей его тьмѣ [1]). Поэтому въ широкомъ смыслѣ филологъ—любитель всякаго вообще разума. Но этотъ широкій смыслъ ограничивается тѣмъ, что все разумное нами постигается *нашимъ* разумомъ и что главная форма обнаруженія послѣдняго есть слово. Филологъ поэтому тотъ, кто любитъ человѣческій разумъ, поскольку онъ обнаруживается въ словѣ. Отсюда изъ филологіи исключается изученіе всего того, что служитъ выраженіемъ нечеловѣческаго разума и не въ человѣческомъ словѣ, то есть, во первыхъ, природы и тѣхъ наукъ, которыя считаются точной передачей ея законовъ, и во вторыхъ—богословія, поскольку его даннымъ приписывается божественное происхожденіе. Но нашъ разумъ неразрывно связанъ съ остальными нашими духовными способностями и обнаруживается не въ одномъ только словѣ, но во всѣхъ вообще формахъ нашей духовной жизни. Поэтому вѣдѣнію филологіи подлежатъ всѣ вообще обнаруженія нашей разумной жизни во всѣхъ ея формахъ. Филологъ изучаетъ политическую исторію, какъ проявленіе этой жизни во внѣшнихъ событіяхъ; литературу, какъ ея выраженіе въ творческомъ словѣ; искусство какъ ея воспроизведеніе въ подражаніяхъ и символахъ; философію какъ попытку нашего разума постиг-

[1]) Классическая монографія по этому вопросу—M. Heinze, die Lehre vom Logos in der griechischen Philosophie, Oldenb. 1872.

нуть себя и свое постиженіе природы и жизни; языки какъ непосредственное творческое обнаруженіе мысли и средство выражать ея содержаніе и т. д. Но чѣмъ бы филологъ ни занимался, онъ, по самому значенію своего имени, всюду долженъ искать смысла. Не былъ бы, напримѣръ, филологомъ тотъ, кто поставилъ бы себѣ задачей усвоить хронологическую послѣдовательность событій, не входя въ ихъ смыслъ, или біографію писателей и содержаніе ихъ произведеній, не заботясь объ идеяхъ этихъ послѣднихъ, или различные стили искусства, не постигая ихъ значенія, или же грамматику и лексику, не вникая въ духъ языка и т. д.

Но какимъ образомъ можетъ быть открытъ смыслъ каждаго изъ этихъ обнаруженій? Изъ органическаго единства нашего духа ясно, что этотъ смыслъ раскрывается не столько каждой отдѣльной отраслью, сколько всей совокупностью духовной жизни, обусловливающей данную отрасль какъ свою часть. Оттого невозможно, напримѣръ, надлежащее пониманіе ни политической исторіи безъ исторіи религіи, литературы и философіи, ни исторіи литературы безъ политической, философской и религіозной, ни исторіи философіи внѣ связи съ политической, литературной и религіозной, ни исторіи искусства безъ политической, религіозной, философской, литературной; невозможно изучить осмысленно и языкъ, не зная общихъ для всѣхъ людей психологіи и логики и общей исторіи того народа, которому принадлежитъ изучаемый языкъ

Такимъ образомъ филологическое образованіе по своему идеалу есть энциклопедическое въ области духовной жизни. Съ вершины такого образованія открывается не только общій смыслъ всей филологической дѣятельности, но и всѣхъ ея спеціальностей. Знать смыслъ своихъ спеціальностей для филологовъ тѣмъ необходимѣе, что постиженіе смысла исконная и неотъемлемая потребность нашего разума, повсюду ищущаго смысла, а филологи, по самому своему имени,— любители разума. Безъ яснаго сознанія смысла спеціальность вырождается въ педанство, въ духовной области не только больше чѣмъ гдѣ либо нелѣпое, но и вредное, такъ какъ, прикрываясь именемъ науки, для него впрочемъ непонятнымъ, вымещаетъ свое скудомысліе противоборствомъ во имя спеціальности всякому широкому кругозору и всякому могучему захвату мысли.

Но ни въ чемъ духовная жизнь не отражается съ такою полнотою и разносторонностью, какъ въ твореніяхъ великихъ поэтовъ. Одинъ

изъ нихъ великолѣпно сравнилъ душу поэта съ соборнымъ колоколомъ [1]). Вылившій его художникъ начерталъ на немъ божественный глаголъ, а прохожіе оставили по себѣ безчисленныя надписи, свидѣтельство ихъ ничтожества, злобы, страстей. Не щадятъ эти надписи и божественнаго глагола, и покрываетъ его ржавчина. Но подъ этимъ издѣвательствомъ преходящаго надъ вѣчнымъ живъ божественный глаголъ. И едва призоветъ святой Духъ колоколъ къ благовѣсту, задрожитъ онъ всѣмъ своимъ металломъ, и потекутъ звуки одинаково изъ божественнаго глагола и изъ человѣческихъ надписей, и всѣ сольются въ общую гармонію, гдѣ объединено все, что́ есть на землѣ божественнаго и человѣческаго [2]). И отзывчивъ этотъ колоколъ: откликается онъ на всякое вѣяніе, и даже тогда, когда не замѣтно никакого дуновенія, въ его мрачномъ сводѣ гудятъ неясные звуки. И всѣ задумываются при звукахъ этой великой отзывчивой души, какъ задумываются при глухомъ шумѣ бушующаго моря. Внимаетъ имъ и углубленный въ мысли мудрецъ, и мечтающая у фонтана дѣва, и радостное дитя, и безутѣшная вдова, и поселянинъ за сохой, и купецъ за прилавкомъ, и вся равнодушная улица, и въ чуткой душѣ словно рой пчелъ толпятся мысли.

Оспаривать глубокую истину этого прекраснаго сравненія могъ

---

[1]) V. Hugo, Chants du crepuscule, A Louis B.

[2]) Alors, non seulement ce que sur leur surface
Reste du Verbe saint que chaque jour efface,
Mais tout ce que grava dans leur bronze souillé
Le passant imbécile avec son clou rouillé
L'ironie et l'affront, les mots qui perdent l'âme,
La couronne tronquée et devenue infâme,
Tout puisant vie et souffle en leurs vibrations,
Tout se transfigurant dans leurs commotions,
Mêlera, sans troubler l'ensemble séraphique,
Un chant plaintif et tendre à leur voix magnifique!
Oui, le blasphème inscrit sur le divin métal
Dans ce concert sacré perdra son cri fatal;
Chaque mot qui renie et chaque mot qui doute
Dans ce torrent d'amour exprimera sa goutte:
Et, pour faire éclater l'hymne pur et serein,
Rien ne sera souillure et tout sera l'airain!

Изъ русскихъ поэтовъ о поэтической отзывчивости говорятъ Пушкинъ въ „Эхо“ и Баратынскій въ „На смерть Гете“.

бы лишь тотъ, кто не вникалъ и неспособенъ вникать въ созданія великихъ поэтовъ. Но кто умѣетъ понимать какъ слѣдуетъ эти созданія, тотъ безъ труда согласится, что въ этой отзывчивости одна изъ главныхъ причинъ ихъ захватывающаго всесторонняго интереса. Интересъ этотъ еще болѣе увеличивается ихъ высокимъ спекулятивнымъ значеніемъ. Несомнѣнно то, что полная истина можетъ быть вообще познана лишь полнотою духа, и потому совершенная поэзія, какъ самое полное обнаруженіе духовной жизни, должна быть признана совершенной формой постиженія истины. Она въ этомъ значеніи выше не только исторіи, что̀ замѣтилъ уже Аристотель [1]), но и философіи, если подъ послѣдней подразумѣвать отвлеченно-разсудочную дѣятельность. Но въ высшихъ обнаруженіяхъ поэзія и философія совпадаютъ: всякій великій философъ—поэтъ, и всякій великій поэтъ—философъ [2]).

Только предубѣжденная мысль можетъ считать телескопомъ истины ту или другую замкнутую теорію. Для мысли не предубѣжденной вѣрное зеркало вселенной, по выраженію Шопенгауэра, „чистый субъектъ познанія [3])“. Но такимъ зеркаломъ можетъ быть лишь вся душа, во всей ея нераздѣльной цѣльности. Смотрѣть на вселенную нѣкоторыми сторонами души все равно, что смотрѣть на свое лицо въ разбитое зеркало. Но въ общемъ теченіи жизни душа не можетъ хранить необходимаго для познанія истины равновѣсія. Различными воздѣйствіями она рвется и терзается, живетъ больше то одной, то другой стороной своего существа. Только созерцаніе красоты устанавливаетъ въ ней строй и порядокъ. Красота есть то, что̀ равномѣрно, непосредственно или посредствомъ ассоціацій, удовлетворяетъ умъ и чувство. Нашъ умъ (то есть наша воля, руководимая удовольствіями ума) стремится къ единству, чувство (то есть наша воля, руководимая удовольствіями чувства) къ разнообразію; умъ удовлетворяется при переходѣ отъ разнообразія къ единству; чувство, напротивъ, при переходѣ отъ единства къ разнообразію (пріятныхъ состояній). Нѣтъ ни ума безъ отношенія къ чувствамъ, ни чувствъ безъ

---

[1]) Poët. 9, нач.: διὸ καὶ φιλοσοφώτερον καὶ σπουδαιότερον ποίησις ἱστορίας ἐστίν. ἡ μὲν γὰρ ποίησις μᾶλλον τὰ καθόλου, ἡ δ' ἱστορία τὰ καθ'ἕκαστον λέγει.

[2]) Таковъ былъ взглядъ Платона. См. мой „Платонъ, какъ историческій свидѣтель“ и пр. стр. 71.

[3]) Die Welt als Wille und Vorstellung, I, 207, f. II, 419, f. (4-te Aufl.).

отношенія къ уму. Совершенная красота возможна лишь въ томъ случаѣ, когда умъ и чувства удовлетворены вполнѣ и одинаково, то есть когда между ними существуетъ полная гармонія, или когда при сознаніи явленія мы испытываемъ чистое и полное, охватывающее все наше духовное существо, удовольствіе. Такое удовольствіе предполагаетъ сознаніе единства въ разнообразіи или идеи въ явленіи. Поэтому только въ сознаніи красоты душа способна постичь цѣльную и полную истину; только въ немъ она, говоря словами Платона, „выникаетъ изъ бываніа въ бытіе“ [1]). Это сознаніе, очевидно, должно служить и высшей мѣрой истины.

Удовлетвореніе есть субъективная сторона того, что́ объективно называется благомъ (созерцаніе красоты даетъ намъ „блаженство“). Мы цѣнимъ наши знанія лишь тогда, „когда (по вѣрному замѣчанію Платона) признаемъ ихъ хорошими, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ разсматриваемъ какъ негодныя пріобрѣтенія [2])“. Истина такимъ образомъ постигается чрезъ красоту и ею измѣряется. Истина, красота, благо—три обозначенія одной и той же объективной сущности, сообразно съ тремя точками зрѣнія на нее—теоретической, эстетической, нравственной. Красота и благо, какъ и всѣ остальныя понятія, по своему существу должны быть истинными, такъ какъ иначе не были бы красотой и благомъ; истина и благо должны насъ удовлетворять вполнѣ, т. е. быть прекрасными, такъ какъ иначе они не были бы истиной и благомъ. Но хотя всѣ стороны нашего сознанія въ основаніи едины, какъ и ихъ объекты, тѣмъ не менѣе только въ эстетическомъ обнаруженіи сознаніе бываетъ цѣльнымъ и полнымъ. Обнаруженіе эстетическаго сознанія есть поэтическое творчество; поэтому только въ поэтическомъ творчествѣ раскрывается цѣльная и полная истина.

Говорить о раздорѣ между поэзіей, наукой и нравственностью можно лишь относительно частныхъ обнаруженій этихъ сторонъ сознанія. Научный прогрессъ предполагаетъ творческую дѣятельность [3]), а безъ нея наука превращается въ рутину; всякая система—сознаніе стройности, гармоніи, единства въ разнообразіи, т. е формальныя условія красоты. Наука, какъ выраженіе истины, не можетъ противо-

---

[1]) De Rep. 525, B.

[2]) Тамъ же, 504, A.

[3]) Tyndall, Fragments of Science, Lond. 1871, въ особомъ этюдѣ доказываетъ важное значеніе воображенія въ научномъ изслѣдованіи.

рѣчить нравственности, за исключеніемъ лишь нравственности не научной, а потому и не истинной. Каждый поэтическій вымыселъ долженъ не только удовлетворять логическимъ требованіямъ, но и имѣть опору въ дѣйствительности, такъ какъ иначе становится безсодержательнымъ и нелѣпымъ. Безнравственное, взятое само по себѣ, внушаетъ отвращеніе и потому въ поэзіи можетъ служить лишь для противопоставленія нравственному и для его оттѣненія.

Геніальныя созданія поэзіи всегда объединяютъ въ себѣ современное имъ нравственное и научное міровоззрѣніе. Сервантесъ уподобляетъ поэзію „нѣжной, милой и прелестной дѣвушкѣ, которую стараются наряжать и обогащать нѣсколько другихъ красавицъ, то есть разнаго рода науки, такъ какъ поэзія пользуется всѣми ими и въ свою очередь возвеличиваетъ ихъ“ [1]). По Шиллеру „творческое искусство обнимаетъ своими тихими побѣдами необъятное царство духа. Все, что добываютъ изобрѣтатели въ области знанія, они открываютъ и добываютъ для художниковъ“ [2]). Въ эстетическомъ воспитаніи онъ видитъ подготовленіе къ нравственному [3]). Гёте считаетъ высшимъ даромъ „покровъ поэзіи изъ рукъ истины“ [4]).

Всѣ эти отзывы поэтовъ о поэзіи не самопревышеніе, но выраженіе факта. Про всякое геніальное поэтическое произведеніе, сколь бы ни было далеко отъ современности его содержаніе, можно сказать словами именитаго французскаго критика, что „оно торжественно и точно выбиваетъ часъ, въ который мы живемъ“ [5]). Каждый поэтъ (поясняетъ другой критикъ) „держится въ своей средѣ незримыми корнями, подобно растенію на клокѣ почвы, изъ которой принимаетъ въ себя сокъ. Поэтому художникъ обрисовываетъ... въ своемъ твореніи

---

[1]) Don Quixote, II, 16.

[2]) Die Künstler.

[3]) Briefe über die ästhetische Erziehung.

[4]) Lyrische Gedichte, Zueignung.

[5]) Lemaitre, Les Contemporains, 2 ser., 12 éd., p. 18, о поэмѣ Леконтъ де Лиля Qaïn, стоящей, на первый взглядъ, внѣ всякаго отношенія къ современности. „Voyez la rentrée des Géants dans leur ville: la vie de l'homme dans les rudes civilisations primitives vous apparait dans un éclair. On songe au V-e livre de Lucréce; puis on se dit qu'il y a là autre chose encore qu' une intuition de poète, que la science contemporaine, l'archéologie, l'anthropologie, ont seules rendu possibles de pareilles résurrections, et que, de toutes façons, un tel poème sonne glorieusement l'heure exacte où nous sommes“.

кое что и изъ своей среды, часть той великой современной души, одна изъ мыслей которой есть онъ самъ, кое что изъ широкаго сердца современности, котораго біенія отзываются въ немъ. Отсюда слѣдуетъ, что если бы поэзія какого либо поэта стояла безусловно внѣ всякаго времени и всякой эпохи, она была бы мертворожденной, простой диковиной для школы, пригодной для развлеченія ученыхъ, но не способной служить живой пищей для живыхъ людей" [1]).

Въ силу своей универсальной отзывчивости, руководимой чувствомъ красоты, геніальные поэты „возвышаютъ единичное до всеобщей святыни, гдѣ оно звучитъ въ великолѣпныхъ аккордахъ".

Das Einzelne zur allgemeiner Weihe,
Wo es in herrlichen Akkorden schlägt. (Goethe, Faust, Vorspiel).

Это значеніе поэзіи коренится въ томъ, что она—высшее проявленіе вселенскаго въ насъ начала. Не признать этого мы не можемъ, какъ не можемъ не признать того, что наша жизнь неразъемлемая часть вселенской. Каждое живое существо сознаетъ себя обособленнымъ; но каждое изъ нихъ и всѣ они вмѣстѣ столь же мало могутъ быть уединены отъ общей жизни земли, какъ эта жизнь отъ вселенской. Въ общемъ строѣ вселенной наша планета—уничтожающаяся величина, а въ общемъ строѣ нашей планеты уничтожающаяся величина всѣ обитающія ее живыя существа. Выйти изъ круга земного бытія не въ силахъ ни одно изъ нихъ: если и возможно до извѣстной границы преодолѣть земное притяженіе, то въ концѣ оно неминуемо возвращаетъ землѣ ея собственность [2]). О нашей обособленности отъ общей среды можно говорить лишь по сравненію; мы обособленнѣе другихъ существъ, подобно тому какъ, напримѣръ, амфибіи обособленнѣе рыбъ, птицы обособленнѣе амфибій, или, какъ песчинки на берегу моря

[1]) Bourget, Nouveaux essais de psychologie contemporaine, 4 éd., Paris, 1886, p. 85. Свидѣтельствомъ того, какъ опасно для поэта отрѣшаться отъ всякой вообще фактической почвы, могутъ служить нѣкоторыя стихотворенія Шелли, наиболѣе типичный образецъ которыхъ „The Witch of Atlas",—блестящій всею роскошью образовъ и красокъ, но подобный причудливому сновидѣнію.

[2]) Подробное развитіе и объясненіе этой мысли въ трудахъ Фехнера: Büchlein vom Leben nach dem Tode, 3-te Aufl. Leipz. 1887; Nanna, Leipz. 1848; Ueber das höchste Gut, Leipz. 1846; Send-Avesta, Leipz. 1857; Professor Schleiden und der Mond, Leipz. 1856; Ueber die Seelefnrage, Leipz. 1873; Die drei Motive und Gründe des Glaubens, Leipz. 1863; Die Tagesansicht gegenüber der Nachtansicht, Leipz. 1879.

обособленнѣе лежащихъ подъ слоемъ земли. Слѣдуетъ однако помнить, что для расчленяющей мысли обособленъ не только человѣкъ, но и все въ мірѣ: вся вселенная для такой мысли есть лишь совокупность различныхъ веществъ, сложенныхъ въ свою очередь изъ первичныхъ элементовъ. Наша самоподвижность не можетъ служить противопоказаніемъ: во вселенной нѣтъ нигдѣ безусловнаго покоя, какъ нѣтъ нигдѣ и безусловно правильнаго движенія [1]). То, что намъ кажется наиболѣе произвольнымъ нашимъ движеніемъ, есть по своей физической природѣ лишь движеніе по линіи наименьшаго сопротивленія съ ничтожными отъ нея отклоненіями, на подобіе отклоненія свѣтилъ небесныхъ отъ ихъ орбитъ. Но всякое расчлененіе предполагаетъ единство, все абстрактное предполагаетъ конкретное. Жизнь вселенной едина по существу и дробится лишь въ познающемъ духѣ живыхъ существъ.

Но что́ такое духъ, существуетъ ли онъ какъ отличное отъ вещества начало, и если существуетъ, то каковъ по своей исконной природѣ, единъ или дробенъ?

Подъ духомъ подразумѣвается совокупность тѣхъ состояній, извѣстныхъ подъ именемъ *внутреннихъ*, которыя, въ противоположность веществу или *внѣшней* реальности, не могутъ быть ни взвѣшены, ни смѣрены никакой внѣшней единицей. Существованіе этихъ состояній, а слѣдовательно и духа, сознается нами съ такою непобѣдимою ясностью и отчетливостью, что скорѣе можетъ быть поставленъ вопросъ о бытіи внѣшняго міра, чѣмъ внутренняго, такъ какъ о бытіи перваго мы заключаемъ изъ противопоставленія однихъ нашихъ духовныхъ состояній другимъ—постоянныхъ и страдательныхъ преходящимъ и дѣятельнымъ, какъ объективныхъ субъективнымъ [2]). Поэтому не было недостатка въ попыткахъ (Беркли, Фихте, въ настоящее время Ройсъ [3]) объяснить все вообще мірозданіе какъ результатъ творческой дѣятельности чисто духовнаго *я*, нашего или вселенскаго, объективирующаго свою мысль какъ матерію. Но всѣ эти попытки, не смотря на кажущуюся логическую стройность, уничтожаются, помимо всего другого, не только

---

[1]) Истина эта съ особою наглядностью выяснена изъ новѣйшихъ въ популярномъ очеркѣ Macé, Philosophie de poche, Paris, 1893.

[2]) См. вполнѣ убѣдительный анализъ у Спенсера, Principles of Psychology, vol. II, part. VII, ch. XVI—XVIII.

[3]) The Spirit of modern Philosophy, Boston and New-York, 1893.

тѣмъ, что превращаютъ внѣшній міръ въ иллюзію (противъ чего съ точки зрѣнія подобныхъ теорій можно спорить), но главное тѣмъ, что ихъ основной принципъ, единое себѣ тожественное и безразличное *я*, не постижимъ для нашего сознанія, всегда опирающагося на различіе и требующаго поэтому на ряду съ единымъ, тожественнымъ и неизмѣннымъ, какъ ихъ необходимое дополненіе, многое, иное и измѣнчивое, или иначе—вмѣстѣ съ самобытіемъ инобытіе, то есть на ряду съ духомъ матерію. Поэтому мы должны признать послѣднюю какъ реальный фактъ, какова бы ни была его исконная природа.

Вопросъ объ отношеніи духовнаго міра къ вещественному сводится къ вопросу о происхожденіи перваго. На этотъ вопросъ мыслимы только четыре отвѣта: 1) мы не знаемъ и не можемъ знать; 2) произошелъ изъ ничего; 3) порожденъ міромъ физическимъ; 4) есть проявленіе вселенскаго духовнаго начала.

Первый отвѣтъ былъ бы произволенъ, такъ какъ объемъ и границы нашего знанія не опредѣлены и не измѣрены и не могутъ быть опредѣлены и измѣрены. Всѣ теоріи, ставящія себѣ подобную задачу, несостоятельны уже потому, что на дѣлѣ пользуются тою самою возможностью познанія, которая, по предположенію, должна еще быть доказана, и что отстаиваемое ими, какъ главный аргументъ, различеніе объектовъ на непознаваемыя сущности и познаваемыя явленія точно также кроетъ въ себѣ противорѣчіе. Сущности суть только внутренняя природа явленій, явленія суть только обнаруженія этой природы, такъ что безъ сущностей немыслимы явленія, а безъ явленій—сущности, и потому, если познаваемы первыя, то познаваемы и послѣднія, при томъ, за отсутствіемъ всякихъ доводовъ противъ, въ одинаковой мѣрѣ, такъ какъ взглядъ, будто вещи по себѣ существуютъ не такъ, какъ являются, не можетъ быть доказанъ [1]).

Второе предположеніе очевидная несообразность, такъ какъ нѣтъ болѣе несомнѣнной истины чѣмъ та, что изъ ничего не можетъ произойти что либо. „Абсолютное творчество“ есть нѣчто для нашего ума абсолютно невмѣстимое.

Не болѣе состоятельно и третье предположеніе. Главная опора для него—ученіе физики объ единствѣ силъ. Достаточно однако вник-

---

[1]) См. ниже стр. 15.

нуть въ это ученіе, что бы понять, что предположеніе о превратимости физическихъ силъ въ духовныя и на оборотъ не только не можетъ служить основаніемъ для какихъ либо выводовъ, но что даже самый вопросъ о такомъ превращеніи нелѣпъ. Теорія единства физическихъ силъ построена на предположеніи эквивалентности ихъ энергіи, а это послѣднее—на предполагаемой возможности выразить всякую вообще энергію въ однихъ и тѣхъ же терминахъ массы и движенія. Но сознаніе, служащее главнымъ отличительнымъ свойствомъ духа, очевидно, не имѣетъ ничего общаго ни съ движеніемъ, ни съ массой. Вслѣдствіе того, что я сознаю, во внѣшней мнѣ дѣйствительности не происходитъ никакого движенія, а производимыя въ моемъ сознаніи воспріятіемъ внѣшняго движенія качественныя перемѣны не могутъ быть выражены никакой соразмѣрной этому движенію единицей. Молекулярныя движенія, происходящія въ моемъ мозгу при воспріятіи, все равно, будемъ ли мы ихъ считать причиною, или слѣдствіемъ сознанія, принадлежатъ внѣшнему міру; поэтому, если бы и можно было ихъ измѣрить единицами массы и движенія, то эта мѣра выражала бы отношеніе лишь между двумя событіями во внѣшней дѣйствительности, а не между этой дѣйствительностью и сознаніемъ. Единственный терминъ, которымъ можно установить соотношеніе между физическими и духовными процессами, есть терминъ времени, такъ какъ все вообще происходитъ во времени; но время опредѣляетъ только длительность состояній сознанія, а не ихъ качество. Послѣднее можетъ быть выражено исключительно непосредственнымъ свидѣтельствомъ сознанія.

Но не есть ли (какъ склонны утверждать нѣкоторые [1]) духовная жизнь слѣдствіе не механическихъ, а химическихъ процессовъ? Не появляется ли сознаніе точно такъ-же, какъ вода изъ соединенія водорода съ кислородомъ, или какъ синій цвѣтъ отъ соединенія іода съ крахмаломъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ можно только отрицательно. Химическіе процессы суть либо чисто матеріальные, и тогда взятыя изъ химіи аналогіи неумѣстны по только что объясненнымъ причинамъ, либо предполагаютъ помимо матеріальнаго начала еще другое; но такимъ началомъ можетъ быть только духовное, такъ какъ матеріей и ду-

[1] Изъ новѣйшихъ этотъ взглядъ поставленъ на видъ у Williams, A review of the Systems of Ethics, founded on the theory of Evolution, Lond., 1893, pp. 319—320.

хомъ исчерпывается вся дѣйствительность. Это духовное начало и подразумѣвается всякій разъ, когда для объясненія явленій ссылаются на „законы природы". Законъ природы есть необходимое единство, обусловливающее собою безконечный рядъ однородныхъ явленій. Но такимъ единствомъ предполагается, какъ его основаніе, духовное бытіе, такъ какъ тѣлесное бытіе по своей природѣ дробно и измѣнчиво. Позитивное опредѣленіе закона, какъ постояннаго отношенія между явленіями, либо указываетъ своимъ терминомъ „постоянное" на это начало, либо становится простымъ словоистолкованіемъ и перестаетъ быть философскимъ опредѣленіемъ, для котораго коренной вопросъ не въ формулѣ, а въ реальности ея основаній.

Точно также не проливаетъ свѣта на происхожденіе сознанія и другой доводъ разсматриваемаго предположенія—связь между нервной организаціей и духовной дѣятельностью. Эта связь уполномочиваетъ лишь къ выводу, что нервная организація тамъ, гдѣ существуетъ, есть необходимое орудіе сознанія, но нисколько не свидѣтельствуетъ о томъ, что она его причина. Утверждать на основаніи зависимости духовной жизни отъ тѣлесной, что вторая причина первой, значитъ не различать между причиной и условіемъ. Механизмомъ машины обусловлено ея движеніе, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ причина этого движенія.

Остается поэтому единственно допустимымъ четвертое предположеніе. Всѣ мы—часть вселенной; поэтому все, что̀ въ насъ, должно быть въ общей нашей матери. Какъ наше тѣло сложено изъ тѣхъ же веществъ, изъ какихъ все остальное въ мірѣ, точно также и наша душа со всѣмъ ея содержаніемъ должна находить ссотвѣтствіе въ духовномъ началѣ вселенной.

Существованіе послѣдняго явствуетъ и изъ безспорнаго факта цѣлесообразности или закономѣрности, то есть того, что каждое явленіе выполняетъ опредѣленный законъ или извѣстную идею, и что поэтому вселенная есть упорядоченное цѣлое (κόσμος). Эта цѣлесообразность можетъ быть дѣломъ только разумнаго, а потому и духовнаго начала.

Невозможность объяснить міровой порядокъ случайнымъ возникновеніемъ была уже много вѣковъ назадъ съ полною очевидностью доказана Стоиками извѣстной притчей объ алфавитахъ. Вообразимъ (говоритъ эта притча), что существуютъ въ безчисленномъ количествѣ всѣ буквы алфавита—золотыя и вообще какія угодно, двигающіяся непре-

станно, но какъ попало. Возможно ли думать, что, ударяясь о землю, онѣ способны напечатать на ней какую нибудь поэму или даже одинъ стихъ поэмы? На этотъ вопросъ, никто не отвѣтитъ утвердительно. Во сколько же разъ нелѣпѣе думать, что благоустроенный міръ или, вѣрнѣе, безчисленное множество благоустроенныхъ міровъ могутъ быть слѣдствіемъ случайнаго столкновенія атомовъ, лишенныхъ къ тому же всякихъ качествъ? Если такимъ путемъ образуются міры, то отчего также не воздвигаются портики, храмы, дома, города, построеніе которыхъ много легче? [1]).

Несостоятельность этой притчи до сихъ поръ еще никѣмъ не была доказана. Единственное возраженіе на нее—ссылка на теорію вѣроятности—есть asylum ignorantiae. Теорія вѣроятности отказывается дать въ этомъ случаѣ какой либо удовлетворительный отвѣтъ [2]), не говоря уже о томъ, что сама опирается на закономѣрность.

Такимъ образомъ мы должны признать матерію и духъ двумя изначальными опредѣленіями вселенскаго существа. Существо, совмѣщающее въ себѣ изначально такія опредѣленія, есть существо живое. Живое вселенское существо по своему понятію едино и нераздѣльно, такъ какъ есть все и наполняетъ собою все. Поэтому множество мыслимо во вселенной лишь какъ органическая система, гдѣ каждый членъ существуетъ для цѣлаго и цѣлое для каждаго члена. Отсюда слѣдуетъ, что вселенная—одно тѣло и одинъ духъ.

Бытіе единаго вселенскаго духовнаго начала можетъ быть доказано и гносеологически—изъ анализа нашего познанія. Знать значитъ сознавать соотвѣтствіе между нашею мыслью и ея объектомъ. Подъ послѣднимъ можно понимать либо только наше представленіе, либо вмѣстѣ и его реальное основаніе. Въ первомъ случаѣ мы необходимо должны допустить, что весь міръ есть порожденіе нашего *я*, такъ какъ признаніе какой бы то ни было внѣшней причины нашихъ представленій есть уже признаніе соотвѣтствующей имъ реальности. Но считать міръ порожденіемъ своего *я* мы не можемъ потому, что сознаемъ съ полной раздѣльностью, отчетливостью, ясностью и очевидностью различіе между нашими представленіями и ихъ объектами: мы, напримѣръ, съ непобѣ-

---

[1]) Cicero, De Deor. nat. II, 37, 93—94.

[2]) Объ этомъ у Pfaff, Schöpfungsgeschichte, 3-te Aufl., Heidelb. 1881.

димой увѣренностью знаемъ, что звѣздное небо существуетъ и тогда, когда мы его и не представляемъ. Поэтому подъ объектомъ въ актѣ знанія слѣдуетъ подразумѣвать (за исключеніемъ лишь самопознанія, т. е. знанія своихъ духовныхъ состояній) реальное основаніе нашихъ представленій. Если такъ, то этимъ актомъ предполагается сознаніе, обнимающее какъ нашу мысль объ объектѣ, такъ и самый реальный объектъ; но такимъ сознаніемъ можетъ быть лишь вселенское, по отношенію къ которому наше сознаніе есть частное обнаруженіе [1]).

Допускать принципіальное несоотвѣтствіе между нашими представленіями и ихъ реальными основаніями значило бы допускать во вселенскомъ разумѣ неразуміе, такъ какъ разумъ обнаруживаетъ себя прежде всего въ актахъ познанія. Скептицизмъ, правда, отстаиваетъ себя тѣмъ, что различнымъ живымъ существамъ въ различныхъ состояніяхъ дѣйствительность представляется различно, что чувства обманываютъ, умозаключенія недостовѣрны и проч., и что поэтому ни о чемъ нельзя утверждать ничего достовѣрнаго. Но доводъ этотъ безсиленъ доказать отсутствіе соотвѣтствія между субъективной и объективной необходимостью. Если придавать ему безусловное значеніе, то онъ рушитъ возможность всякаго вообще знанія и потому уничтожаетъ самъ себя. Какъ скоро я говорю о недостовѣрности всякаго вообще знанія, я тѣмъ самымъ отрицаю и достовѣрность знанія о томъ, что нѣтъ достовѣрнаго знанія. Если же придавать скептическому доводу условное значеніе, то онъ имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что познавательной дѣятельности свойственны колебанія. Но колебанія неразрывны съ жизнью и нисколько не нарушаютъ закономѣрности. Какъ свѣтила небесныя, при всѣхъ своихъ возмущеніяхъ, періодическихъ и вѣковыхъ, закономѣрно совершаютъ бѣгъ свой; какъ органическіе законы, не смотря на частныя исключенія, въ общемъ воплощаютъ растительные и животные типы: такъ и разумъ нашъ, не взирая на всѣ отступленія отъ истины, долженъ выполнять предположенную для него цѣль—постиженіе истины.

На существованіе всеединаго духовнаго начала указываетъ и фактъ взаимопониманія. Послѣднее объясняется тѣмъ, что законы ду-

---

[1]) Подобная этой (но не тожественная) мысль въ трудахъ Royce, The Religious Aspect of Philosophy, Boston, 1887, и Spirit of modern Philosophy, Bost. and New-York, 1893.

ховной дѣятельности у всѣхъ насъ одни и тѣже. Но тожество предполагаетъ безразличіе, а безразличіе—единство. Какъ въ реальномъ мірѣ нѣтъ иного тожества, кромѣ проявляемаго изъ міра духовнаго, такъ въ мірѣ духовномъ нѣтъ иного обособленія, кромѣ проявляемаго въ формахъ міра внѣшняго. По своей внутренней природѣ всѣ духовныя существа—одно существо; по своей внѣшней природѣ они существа различныя. Безъ единаго духовнаго начала взаимопониманіе столь же мало возможно, какъ матеріальное общеніе безъ единой матеріальной среды. Но единое духовное начало для всего живаго есть вселенское духовное начало [1]).

Неразрывная связь между міровою и единичною жизнью можетъ быть косвенно доказана и тѣмъ, что только на почвѣ признанія этой связи возможно примиреніе всѣхъ нравственныхъ противорѣчій: какъ основнаго между свободой и необходимостью, такъ и всѣхъ вообще разнорѣчивыхъ обоснованій нравственности. Свобода съ необходимостью примиряются тѣмъ, что безусловно свободное вселенское существо добровольно налагаетъ на себя цѣпь причинъ и слѣдствій въ своихъ внѣшнихъ обнаруженіяхъ, но блюдетъ свою свободу въ своей духовной природѣ. Поэтому мы свободны въ своихъ рѣшеніяхъ, но подчинены закону причинности въ своихъ дѣйствіяхъ. Всѣ разнорѣчивыя нравственныя теоріи примиряются потому, что какъ скоро я признаю свое *я* по существу тожественнымъ съ *я* другихъ живыхъ существъ и съ міровой сущностью, такъ исчезаетъ всякая разница между этикой себялюбія, долга, слѣдованія законамъ природы. Любя себя, я люблю и весь міръ; любя весь міръ, я люблю и себя. Слѣдуя велѣніямъ долга, я повинуюсь велѣніямъ того Я, которое даетъ законы не только мнѣ, но и всему міру. Одинъ изъ этихъ законовъ тотъ, что я долженъ любить все живое:

Qui videt, ut cunctis animantibus insidet idem
Rex et, dum pereunt, haud perit—ille videt!
Nolet enim, sese dum cernit in omnibus ipsum,
Ipse nocere sibi: quo via summa patet [2]).

---

[1]) Подобную же мысль намѣчаетъ, между прочимъ, Фехнеръ въ Tagesansicht gegenüber der Nachtansicht.

[2]) Cri-Bhagavad-Gîtâsu, 27—28 (По Deussen'y, Die Elemente d. Metaphysik, 2-te Aufl. Leipz. 1890, p. 2). „Кто видитъ, что во всѣхъ живыхъ существахъ пребываетъ одинъ и тотъ же царь, безсмертный въ смертныхъ, тотъ видитъ истину: усматривая себя во всемъ, онъ не желаетъ самъ себѣ вредить и такимъ образомъ идетъ по пути высшей правды".

Наконецъ, только съ точки зрѣнія ученія о всеединствѣ получаетъ философскій смыслъ и значеніе и поэтическая дѣятельность. Съ такой точки зрѣнія, эта дѣятельность есть субъективное (то есть духовное) выраженіе того же самаго творческаго начала, которое объективно (то есть во внѣшней дѣйствительности) обнаруживаетъ себя въ „созиданіи живой ризы божества“ [1]). Спокойное сіяніе звѣзднаго неба, немолчный шумъ океана, роскошь и благоуханіе цвѣтовъ и пр.—вся эта объективная поэзія находитъ полное соотвѣтствіе въ поэзіи субъективной, какъ находитъ въ ней полное соотвѣтствіе и обратная сторона объективной поэзіи—все дурное, уродливое, отвратительное, вредное и пр. Обѣ поэзіи взаимно себя пополняютъ: что намѣчено въ одной, осуществляется въ другой, и наоборотъ. Та и другая полноту своего бытія проявляетъ только въ типахъ. Изъ безчисленнаго множества особей лишь немногія вполнѣ реализуютъ положенный въ нихъ идеалъ; точно также изъ безчисленнаго множества поэтическихъ произведеній только нѣкоторыя выражаютъ въ полнотѣ и совершенствѣ созидающія ихъ идеи. И если въ субъективной поэзіи бываютъ созданія, затемняющія дѣйствительность своей красотой, то и въ наличной дѣйствительности, по сознанію самихъ поэтовъ, встрѣчаются такія, которыя далеко превосходятъ самыя прекрасныя созданія субъективной поэзіи [2]). Всѣ подобныя созданія всякой вообще поэзіи суть обнаруженія одного и того же вселенскаго генія—одни въ объективномъ, другіе въ субъективномъ мірѣ. Всякій типъ, представляя собою безконечный рядъ особей, кроетъ въ себѣ безконечное содержаніе, но геніальныя созданія субъективной поэзіи глубже реальныхъ, какъ нестѣсненныя внѣшними условіями непосредственныя обнаруженія Логоса, въ лонѣ котораго поэтическая мысль усматриваетъ „ссбраннымъ и связаннымъ любовью въ одну книгу то, что разбросано во вселенной“:

---

[1]) Слова Духа въ „Фаустѣ“,

[2]) Yet there are things whose strong reality
Outshines our fairy-land; in shape and hues
More beautiful than our fantastic sky,
And the strange constellations which the Muse
O'er her wild universe is skilful to diffuse.

(Byron, Childe Harolds Pilgrimage, IV, 6).

Nel suo profondo vidi che s'interna
Legato con amore in uno volume,
Ciò che per l'Universo si squaderna. (Dante, Parad. XXXIII, 85–87).

Творческая дѣятельность есть высшее обнаруженіе всякой вообще дѣятельности. Словомъ творецъ мы одинаково обозначаемъ Бога и поэта. И такъ какъ поэзія есть проявленіе высшаго вселенскаго начала, то она высшее обнаруженіе въ насъ этого начала. Это высшее обнаруженіе по самой своей природѣ раскрываетъ нашему сознанію всю безконечную широту нашего бытія, стѣсненнаго въ наличной дѣйствительности пространствомъ и временемъ. Поэтическія созданія нематеріальны и потому безсмертны; они озаряютъ насъ лучемъ высшаго существованія, возвращая намъ то, что у насъ отнято нашею обособленностью. Въ этомъ желаніи жить болѣе широкою жизнью и лежитъ главное метафизическое побужденіе къ поэтической дѣятельности. Уничтожающаяся величина въ общемъ строѣ мірозданія, я своей поэтической мечтой обнимаю и вмѣщаю въ себѣ всю вселенную, и, переживая ея безконечную жизнь, сознаю въ себѣ безконечное.

Такъ поясняетъ значеніе поэзіи одинъ изъ наиболѣе глубокомысленныхъ поэтовъ, Байронъ, въ великолѣпныхъ, но мало оцѣненныхъ стихахъ:

The beings of the mind are not of clay;
Essentially immortal, they create
And multiply in us a brighter ray
And more beloved existence: that which Fate
Prohibits to dull life, in this our state
Of mortal bondage, by these spirits supplied,
First exiles, then replaces what we hate;
Watering the heart whose early flowers have died,
And with a fresher growth replenishing the void [1])

Или въ другомъ мѣстѣ:

T'is to create, and in creating live
A being more intense, that we endow
With form our fancy, gaining as we give
The life we image, even as I do now.
What am I ? Nothing: but not so art thou,

---

[1]) „Созданія духа не тлѣнны: безсмертныя по своей природѣ, они творятъ и умножаютъ въ насъ болѣе свѣтлый лучъ и болѣе отрадное существованіе; то, что̀ судьба возбраняетъ тупой жизни въ этомъ нашемъ состояніи смертнаго рабства, доставляется этими геніями, и сначала изгоняетъ, а затѣмъ замѣщаетъ ненавистное намъ, орошая сердце, котораго ранніе цвѣты поблекли, и наполняя пустоту свѣжею растительностью".

Soul of my thought! with whom I traverse earth,
Invisible but gazing, as I glow
Mix'd with thy spirit, blended with thy birth,
And feeling still with thee in my crush'd feelings dearth [1]).
(Childe Harolds Pilgrimage, IV, 6; III 6).

Совершенно тѣ же чувства внушаетъ и объективная поэзія, заявляя и въ этомъ свое сродство съ поэзіей субъективной. Созерцаніе природы точно также заставляетъ поэта переживать болѣе широкую жизнь и сознавать свое единство во вселенной:

Then stirs the feeling infinite, so felt
In solitude, where we are least alone;
A truth, which through our being then doth melt
And purifies from self: it is a tone,
The soul and source of music, which makes known
Eternal harmony, and sheds a charm,
Like to the fabled Cytherea's zone,
Binding all things with beauty;—'twould disarm
The spectre Death, had he substantial power to harm [2]).

Или еще лучше:

There is a pleasure in the pathless woods,
There is a rapture on the lonely shore,
There is society, where none intrudes,
By the deep Sea, and music in its roar:
I love not Man the less, but Nature more,
From these our interviews, in which I steal
From all I may be, or have been before,
To mingle with the Universe, and feel
What I can ne'er express, yet can not all conceal [3]). (Тамъ же, III, 90; IV, 178).

---

[1]) „Мы облекаемъ нашу мечту въ форму для того, чтобы творить и въ творчествѣ, жить болѣе напряженнымъ существомъ, обогащаясь тѣмъ, что́ сами даемъ, воображаемою жизнью какъ и я теперь. Что такое я? Ничто. Но не такова ты, душа моей мысли. Съ тобою я проношусь надъ землею. Ты не зрима, но видишь, какъ я горю, проникнутый твоимъ духомъ, смѣшанный съ твоимъ порожденіемъ, и какъ я еще чувствую вмѣстѣ съ тобою, хотя поблекли и оскудѣли мои чувства".

[2]) „Тогда пробуждается безконечное чувство, сознаваемое въ пустынѣ, гдѣ мы всего менѣе одиноки. Истина тогда проникаетъ 'наше бытіе и очищаетъ насъ отъ нашего *я*. Это—звукъ, душа и источникъ музыки, который открываетъ намъ вѣчную гармонію и разливаетъ очарованія на подобіе сказочнаго пояса Цитеры, связывая всѣ вещи красотой. Она могла бы обезоружить призракъ смерти, еслибы онъ обладалъ дѣйствительною силою вредить".

[3]) „Есть прелесть въ дремучихъ лѣсахъ; есть восхищеніе въ пустынномъ берегу; есть общество тамъ, куда никто не вторгается, у глубокаго моря, и музыка 'въ его шумѣ. Я люблю человѣка, но больше,—природу за тѣ свиданія съ нею, въ которыхъ я убѣгаю отъ всего, чѣмъ бываю или былъ прежде, чтобы слиться со вселенной и чувствовать то, чего я никогда не могу выразить, но не могу и скрыть вполнѣ". Такъ же III, 85.

Красота, какъ идеалъ высшей творческой дѣятельности, есть высшій идеалъ. Оттого всякій истинный поэтъ боготворитъ красоту. Культъ красоты есть поэтическая религія. Къ поэту въ полной мѣрѣ примѣнимо то, что̀ Платонъ говоритъ о посвященномъ въ таинства иного бытія философѣ, что если бы онъ не опасался прослыть безумнымъ, то благоговѣйно бы склонился предъ красотой и сталъ приносить ей жертвы [1]). Такое поклоненіе поэтъ не признаетъ идолопоклонствомъ, такъ какъ во всякой красотѣ, какъ природной, такъ и воплощенной въ произведеніяхъ искусства, усматриваетъ лучъ небесъ, само „преображенное небо“ [2]). Но никакая единичная красота не осуществляетъ идеала красоты вполнѣ. Этотъ идеалъ—вся совокупность міровыхъ идей, объединенныхъ въ божественномъ Логосѣ—томъ умопостигаемомъ αὐτοζῶον, воплощеніе котораго въ зримой вселенной привело въ восторгъ самого „Отца и Творца всѣхъ“ [3])—и отражается во всемъ „морѣ красоты“. Оттого поэтъ въ ненасытной жаждѣ красоты переходитъ отъ одной красоты къ другой, что бы увидѣть всю восхитительную роскошь этого моря [4]). Это море безбрежно и любовь къ нему безгранична. То, что̀ называется непостоянствомъ, съ поэтической точки зрѣнія есть лишь восхищеніе щедростью, съ которою природа надѣляетъ красотой своихъ любимцевъ, и коренится прежде всего „въ идеальныхъ, универсальныхъ, небесныхъ, платоническихъ свойствахъ“ нашего духа [5]). И если въ безграничной любви ко всему

---

[1]) Phaedr. 251, A.

[2]) One noble stroke with a whole life may glow,
Or deify the canvass till it shine
With beauty so surpassing all below,
That they who kneel to idols so divine
Break no commandment, for high heaven is there
Transfused transfigurated. (Byron, Prophecy of Dante, c. IV).

[3]) Plato, Tim. 37, C.

[4]) Plato, Symp. 210, A—E.

[5]) . . . . . That which
Men call inconstancy is nothing more
Than admiration due where nature's rich
Profusion with young beauty covers o'er
Some favour'd object; and as in the niche
A lovely statue we almost adore,
This sort of adoration of the real
Is but a heightening ot the „beau ideal“.

прекрасному повседневное міровоззрѣніе находитъ предлогъ къ ревности и раздору, то міровоззрѣніе поэтическое усматриваетъ въ ней залогъ къ высшему единенію въ высшей любви. Все это превосходно выражено однимъ изъ нашихъ поэтовъ въ глубокомысленномъ стихотвореніи, одномъ изъ лучшихъ во всей вообще литературѣ, русской и иностранной:

Слеза дрожитъ въ твоемъ ревнивомъ взорѣ—
О, не грусти, ты все мнѣ дорога!
Но я любить могу лишь на просторѣ—
Мою любовь, широкую какъ море,
Вмѣстить не могутъ жизни берега.

Когда Глагола творческая сила
Толпы міровъ воззвала изъ ночи,
Любовь ихъ всѣ, какъ солнце, озарила.
И лишь на землю, къ намъ, ея свѣтила
Нисходятъ порознь рѣдкіе лучи.

И порознь ихъ отыскивая жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты;
Намъ вѣстью лѣсъ о ней шумитъ отрадной,
О ней потокъ гремитъ струею хладной,
И говорятъ, качаясь, цвѣты.

И любимъ мы любовью раздробленной
И тихій шопотъ вербы надъ ручьемъ,
И милой дѣвы взоръ на насъ склоненный,
И звѣздный блескъ, и всѣ красы вселенной,
И ничего мы вмѣстѣ не сольемъ.

Но не грусти, земное минетъ горе,
Пожди еще—неволя не долга—
Въ одну любовь мы всѣ сольемся вскорѣ,
Въ одну любовь, широкую какъ море,
Что́ не вмѣстятъ земные берега. (Гр. А. Толстой).

Но пока мы не слились въ такой любви, связующими узами служатъ всѣ великія созданія духа во всѣхъ проявленіяхъ его дѣятель-

---

Pis the perception of the beautiful,
A fine extension of the faculties,
Platonic, universal, wonderful,
Drawn from the stars, and filter'd through the skies,
Without which life would be extremely dull;
In short, it is the use of our own eyes,
With one or two small senses added, just
To hint that flesh is form'd of fiery dust. (Byron, Don Juan, II, 211—212).

Какъ повсюду въ „Донъ Жуанѣ", и здѣсь искреннее убѣжденіе смѣшано съ ироніей.

ности—философіи, наукѣ, искусствѣ, техникѣ. Впереди всѣхъ въ проповѣди единенія идетъ философія, издавна призывающая всѣхъ людей къ братскому единенію, такъ какъ всѣ мы члены единаго вселенскаго тѣла, одушевлены однимъ вселенскимъ духомъ, граждане одной и той же вселенной[1]). Она же ставитъ на видъ, что если тѣло нашей планеты для особыхъ разрядовъ жизни отводитъ и ревниво оберегаетъ особые поясы, то въ царствѣ духа нѣтъ никакихъ разрядовъ и никакой исключительности. Гдѣ бы на духовной нивѣ ни было посѣяно сѣмя, оно, какъ скоро дастъ приплодъ, разносится по всей землѣ и становится достояніемъ всѣхъ, такъ какъ побѣдоноснымъ шествіемъ культуры сметаются всѣ невоспріимчивые къ ней элементы. На связующее начало духа указываютъ и всѣ наиболѣе важныя открытія и изобрѣтенія, всегда способствующія сближенію людей. Компасъ далъ возможность пролагать кратчайшіе пути по всей „розѣ вѣтровъ“, одинаково на сушѣ и морѣ. Желѣзныя дороги связываютъ государства въ одну тѣсную сѣть. Телеграфы и телефоны уничтожаютъ при передачѣ мысли всякое разстояніе. Раньше печатный станокъ сдѣлалъ произведенія слова доступными для всѣхъ, способныхъ ему внимать. Нѣтъ ни одного сколько нибудь полезнаго изобрѣтенія, которое бы рано или поздно не вошло во всеобщій обиходъ. Если не существуетъ политическаго всемірнаго союза, то существуетъ почтовый всемірный союзъ, и отъ времени до времени устраиваются всемірныя выставки. Научныя открытія точно также собственность всѣхъ и каждаго. Можно различно освѣщать научные законы (въ этомъ и состоитъ индивидуальность въ наукѣ), но самые законы для всѣхъ остаются одними и тѣми же. Никакого ни личнаго, ни національнаго разногласія не можетъ быть, напримѣръ, въ томъ, что всѣ тѣла притягиваются между собою съ силою, прямо пропорціональной ихъ массамъ и обратно пропорціональной квадратамъ разстояній, что скорость обратно пропорціональна квадратамъ разстояній, что количество матеріи при всѣхъ ея измѣненіяхъ остается неизмѣннымъ и т. д. Философія и искусство, особенно поэзія, какъ наиболѣе яркія и полныя обнаруженія жизни, носятъ всегда личную и національную окраску. Но въ каждомъ геніальномъ созданіи подъ личнымъ и національнымъ всегда кроется общечеловѣческое. Поэтому всѣ геніальныя созданія

[1]) Ранними представителями этого ученія были, какъ извѣстно, Стоики.

мысли и творчества переведены на всѣ культурные языки. Для каждаго народа его литература служитъ мощнымъ подспорьемъ національнаго единенія. Въ высоко культурныхъ странахъ выдающіяся произведенія поэзіи печатаются въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и читаются милліонами. Всѣ читатели ихъ переживаютъ сходныя чувства, мысли, волненія и потому духовно объединяются. Скольбы ни казалось поверхностнымъ чтеніе, въ мірѣ духа не пропадетъ даромъ ни одно сѣмя, а въ умахъ чуткихъ и воспріимчивыхъ выростаетъ обильной жатвой. Для многихъ главное воспитательное средство и главная духовная пища—чтеніе газетъ и журналовъ; важнѣйшіе изъ нихъ объединяютъ вокругъ себя тысячи тысячъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Но чѣмъ свободнѣе печать, тѣмъ больше служитъ она интересамъ всеобщимъ, а не однимъ только національнымъ. Въ каждомъ государствѣ на ряду съ элементами центростремительными, узко національными, охранительными, существуютъ элементы центробѣжные, свободолюбивые, ратующіе во имя общечеловѣческихъ идеаловъ. Живительная струя вносится въ общественное сознаніе этими послѣдними, такъ какъ жизнь есть не застой, но движеніе, притомъ не назадъ, а впередъ. Они ведутъ борьбу противъ всякой національной обособленности, но національности не отрицаютъ. Они понимаютъ, что живое единство можетъ быть только органическимъ и потому не стѣсняютъ движенія членовъ организма. Они знаютъ, что сколько бы общественный организмъ ни былъ разъединенъ противоположными мнѣніями, въ минуту опасности онъ срастается и бьется общею жизнью, какъ отъ живой воды срастаются и бьются жизнью разсѣченные члены сказочныхъ великановъ. Но имъ было бы желательно, что бы всѣ народы по физическому и духовному богатству были насколько возможно однимъ великаномъ, которому бы не грозила никакая опасность, и средство къ порожденію такого великана видятъ въ свободолюбивой литературѣ, противодѣйствующей всякому угнетенію и всякой исключительности, всегда вроющихъ въ себѣ задатки недовольства и раздора, и признающей частное лишь во имя общаго. Только такая литература служитъ выраженіемъ Логоса, такъ какъ его царство, по ученію самого Логоса, есть царство свѣта, истины, свободы, всеобщности, тогда какъ мракъ, ложь, рабство и исключительность есть царство окружающей Логосъ тьмы [1]). И только къ произведеніямъ такой литературы

[1]) Hausrath, Neutestamentliche Zeitgeschichte, Heidelb. 1874, III, pp. 565—625.

примѣнимо замѣчаніе поэта, что „слова суть вещи и что и малая капля чернилъ, падающая, подобно росѣ, на мысль, производитъ то, что̀ заставляетъ мыслить тысячи, быть можетъ, милліоны людей“ [1]) и способно пережить тысячелѣтія. Порожденія тьмы не даютъ мысли никакой пищи: они пропадаютъ во тьмѣ, скрываясь въ ней отъ побѣдоносныхъ лучей Логоса.

Остается сказать о значеніи поэзіи, какъ средствѣ для разумнаго отдыха. Трагизмъ нашей жизни состоитъ между прочимъ въ томъ, что не смотря на ея кратковременность и общій людямъ страхъ смерти, у большинства остается столько свободнаго времени, что его приходится „убивать“. Для тѣхъ, у кого „сердце пусто, празденъ умъ“ отъ природы или же кто добровольно желаетъ опорожнить то и другое, существуютъ общеизвѣстные безсмысленные способы такого убійства. Но кто намѣренъ пользоваться досугомъ для разумныхъ удовольствій (διαγωγή Аристотеля), тотъ либо занимается искусствами или, что̀ обыкновеннѣе, чтеніемъ. Хотя на существованіе имѣетъ равное право всякая книга, лишь бы была осмысленна и не имѣла̀ цѣли вредить ближнему, однако не всякое чтеніе одинаково плодотворно какъ средство для разумнаго отдыха. Наиболѣе привлекаетъ всѣхъ вообще текущая художественная литература, плѣняющая своей новизной. У насъ этотъ интересъ особенно силенъ къ иностранной литературѣ, такъ какъ въ сознаніи своей отсталости мы жадно бросаемся на то, въ чемъ думаемъ идти въ уровень съ западной культурой. Но произведенія текущей литературы обыкновенно плодъ спѣшной работы и потому занимаютъ мысль по большей части только во время самаго чтенія. Не то созданія великихъ геніевъ: они „проводятъ въ душѣ глубокую борозду, изъ которой выростаютъ благородные помыслы [2])“. Какая, напримѣръ, продолжительная работа мысли нужна для того, чтобы постигнуть основную идею Божественной Комедіи, Донъ-Кихота, Гамлета, Фауста, Донъ-Жуана. Подобнаго рода помыслы, какъ выраженія Логоса, всегда благородны. И какое плодотворное поле для взаимообщенія могли бы доставить такіе помыслы, если бы пренебреженіе къ доблести Логоса

---

[1]) Byron, Don Juan., III, 88.

[2]) Aeschyl. Sept. ap. Theb., 550—551.

не заставляло людей даже во взаимообщеніи искать времяпрепровожденія, достойнаго безсловесныхъ.

Хотя у насъ великихъ геніевъ прошлаго читаютъ вообще меньше, чѣмъ на Западѣ, тѣмъ не менѣе спросъ на ихъ творенія значителенъ, какъ объ этомъ между прочимъ свидѣтельствуютъ неоднократныя изданія переводовъ этихъ твореній. Если такихъ переводовъ на нашемъ языкѣ сравнительно мало и они не всегда одинаково полны и хороши, то вина не столько въ равнодушіи читателей, сколько въ недостаткѣ переводчиковъ. У насъ немногіе знаютъ основательно иностранные языки, изъ знающихъ немногіе изучаютъ иностранныя литературы, изъ изучающихъ немногіе сознаютъ великое культурное значеніе поэтическихъ произведеній, а изъ сознающихъ немногіе рѣшаются испробовать свои силы на ихъ переводѣ.

Объ этой сдержанности не всегда слѣдуетъ жалѣть, такъ какъ для передачи поэтическаго генія нужно обладать не только широкимъ образованіемъ, но и поэтическимъ талантомъ. Безъ этихъ условій передача становится пародіей, незаслуженно позорящей генія. Но если не всякій даже изъ филологически подготовленныхъ въ правѣ брать на себя трудъ перевода, то долгъ каждаго, ревнующаго о Логосѣ, способствовать по мѣрѣ силъ прославленію его твореній и противодѣйствовать ихъ поруганію. Принимая на себя трудъ обсудить съ точки зрѣнія всеобщаго Логоса поставленные въ заголовкѣ переводы, я желаю исполнить этотъ долгъ.

II

Остановлюсь прежде всего на переводахъ Данта, перваго по старшинству и величію [1]). О значеніи его „Комедіи“, которое надо пред-

---

[1]) Какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующихъ отдѣлахъ, ограничусь ссылками лишь на руководящіе труды, въ которыхъ можно найти развитіе и подтвержденіе сказаннаго мною въ текстѣ. Главной опорой во всемъ, касающемся итальянской литературы, мнѣ служила Storia della Letteratura italiana di Adolfo Gaspary, trad. dal tedesco da Zingarelli e Rossi, Torino, 1887—1891, гдѣ въ приложеніяхъ указана главнѣйшая литература по каждому отдѣлу. О Дантѣ сверхъ того я пользовался (кромѣ отмѣченныхъ ниже трудовъ) главнымъ образомъ: Berthier, La Divina Comedia, Frib., 1892—1894 (изд. продолжается). Scartazzini, La Divina Commedia di Dante Alighieri, I—IV, Leipz., 1874—1890 и новымъ edizione minore, Milano, 1893. Того же автора Dante in Germania, Milano, 1881—1883; Dante Handbuch, Leipz., 1892. Bartoli, Dalle opere di Dante Alighieri, Divina Commedia, 2 vol. Fir., 1887—1889. Poletto, Dizonario Dantesco, Siena, 1885—1888. Alcuni studi etc. come append., Siena, 1892.

полагать общеизвѣстнымъ, достаточно здѣсь напомнить, что она—самое раннее, самое полное, самое художественное выраженіе католическаго генія; что она отражаетъ все средневѣковое міропониманіе съ его религіей, философіей, этикой, наукой и искусствомъ, и есть какъ бы его энциклопедія; что она имѣетъ глубокій нравственный смыслъ, изображая мистическое освобожденіе души отъ земныхъ страстей и скорбей и ея восхожденіе къ блаженному созерцанію Божества по руководству разума и чрезъ очищеніе себя добровольнымъ смиреніемъ [1]); что она геніально завершаетъ необозримую литературу хожденій по мукамъ и райскимъ блаженствамъ, теряющуюся въ глубинѣ вѣковъ и общую всѣмъ великимъ народамъ [2]); что своимъ мистицизмомъ она первенствуетъ надъ всѣми сродными построеніями религіозной и философской мысли, а своими поэтическими красотами не уступаетъ величайшимъ созданіямъ древней греческой и римской поэзіи; что при эпической формѣ она совмѣщаетъ въ себѣ всѣ роды поэтическаго творчества, одинаково эпосъ, лирику, трагедію, комедію и сатиру, во всѣхъ ихъ оттѣнкахъ; что мистической глубиной, необъятнымъ содержаніемъ, аллегоріями она предлагаетъ пытливой мысли нескончаемый рядъ вопросовъ: и о мистическомъ міропониманіи, и о происхожденіи и значеніи аллегорической поэзіи, и о культѣ женщинъ, и о личныхъ идеалахъ Данта, и объ его отношеніяхъ къ предшественникамъ и современникамъ, и т. д. и т. д.

Вслѣдствіе такого ея значенія вокругъ нея за пятьсотъ лѣтъ образовалась необозримая литература, исчислить которую отказываются даже спеціальныя руководства [3]). „Комедія“ переведена на всѣ культурные языки; на нѣкоторые по десяти и даже болѣе разъ.

---

[1]) По философіи „Божественной Комедіи“ до сихъ поръ руководящими остаются Ozanam, Dante et la philosophie catholique au XIII siècle, 4 éd, Paris, 1859. Dante Alighieri und die göttliche Komödie, Leipz. 1869. Die Idee der göttlichen Komödie, Leipz. 1871. Изъ новѣйшихъ: Prada, L'idea religiosa e civile di Dante, Mil., 1889. De Leonardis, L'uno eterno e l'eterno amore di Dante etc. Gen., I—III, 1890—1893. Jannucci, Teologia estetica e sociale della Divina Commedia, Nap., 1893. По психологіи Simmel, Dantes Psychologie, Zeitschr. für Völkerpsychologie, 5 B., p. 18 f. 240 f. Mestica, La psicologia nella Divina Commedia, Fir., 1893.

[2]) Ozanam, Études sur les sources poètiques de la Divine Comèdie, Oeuvres, t. 5. 3 éd., Par., 1889, pp. 351—469. D'Ancona, I precursori di Dante, Fir., 1874.

[3]) Съ недавняго времени издается спеціальный ежемѣсячный журналъ: Rivista critica e bibliografica della letteratura Dantesca, l'editore Battei di Parma, diretta da G. L. Passerini. (Giornale storico della letteratura italiana, vol. XXI, fasc I, p. 183, 1893).

Количествомъ переводовъ мы не отстали отъ другихъ. У насъ кромѣ переводовъ г. Федорова и г. Каншина есть еще нѣсколько: *Д. Мина* переводъ „Ада“, размѣромъ подлинника, въ 1853 г., *Д. Минаева*, переводъ всѣхъ трехъ частей поэмы стихами, частью риѳмованными, частью бѣлыми, въ 1874—1877 г.; *Петрова*, переводъ „Ада“ терцинами, въ 1871 г., 3-е изд. 1875; *Ванъ-Дима*, прозаическій переводъ „Ада“, 1841—1844; *Зарудная*, изложеніе „Ада“, 1887. Кромѣ того переводы отдѣльныхъ частей поэмы: *Норова*, Отрывокъ изъ III пѣсни „Ада“, въ „Сынѣ Отечества“, 1823, № 30; „Предсказанія Данта“, изъ XVII пѣсни „Рая“, въ „Литературныхъ Листахъ“, 1824, № 4; „гр. Уголино“, въ „Новой Литературѣ“, 1825, кн. 12; *Орлова*, эпизодъ о Франческѣ и Паоло въ „Вѣстникѣ Европы“ 1875, № 8; *Вейнберга*, отрывокъ изъ III пѣсни „Ада“, тамъ же, № 5; первая пѣснь „Чистилища“ въ переводѣ *Мина* въ Русскомъ Вѣстникѣ“, 1865, LIX; первыя девять пѣсней „Чистилища“ въ переводѣ *М. Г.*, въ „Пантеонѣ Литературы“, 1889, IV—V (прозой) и въ переводѣ *Саломона* въ „Русскомъ Обозрѣніи“ 1892 (бѣлыми стихами [1]).

Изъ этихъ переводовъ сдѣланный Миномъ остается, несмотря на неизбѣжные недостатки, образцовымъ. Переводчикъ вполнѣ оправдалъ свое замѣчаніе, что „русскій языкъ способенъ къ воспроизведенію всего великаго“. Если въ иныхъ мѣстахъ переводъ уступаетъ подлиннику, то въ большинствѣ идетъ съ нимъ вровень. Богатство языка, чуткость къ художественнымъ красотамъ, господство надъ стихотворной формой, которыми обладалъ Минъ, придаютъ его переводу значеніе высоко художественнаго *русскаго* произведенія и заставляютъ разсматривать жалобы другихъ переводчиковъ на невозможность русскимъ языкомъ передать красоты итальянскаго подлинника какъ на сознаніе собственной немощи переводчиковъ, принимающихъ на себя непосильный трудъ.

Г. Федоровъ, пожелавшій насъ осчастливить новымъ стихотворнымъ переводомъ великаго творенія Данта, принадлежитъ къ этимъ послѣднимъ. Русскій языкъ, по его мнѣнію, не пригоденъ для передачи „образовъ и картинъ Божественной Комедіи“. „Эти образы и картины (поясняетъ г. Федоровъ) набросаны смѣлою, даровитою рукою, блещутъ оригинальностью, глубиною философской и теологической мысли, высоко

[1]) Указанія эти взяты изъ статьи академика Веселовскаго въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона и нѣсколько измѣнены и дополнены.

поэтичны и ярки, то полны лирическаго религіознаго экстаза, то ѣдкой сатиры, то нарисованы съ детальною подробностью, то только едва очерчены и неуловимы, какъ дымчатый силуэтъ... Русскій языкъ (въ указанномъ смыслѣ) совершенно несроденъ съ итальянскимъ языкомъ, тѣмъ болѣе въ XIII в." [1]).

При такомъ взглядѣ на русскій языкъ возможно же ожидать отъ перевода г. Федорова какихъ либо достоинствъ?

Но и другое заявленіе г. Федорова заставляетъ усумниться въ ихъ возможности.

„Мы не думаемъ (говоритъ онъ), что бы переводъ, а тѣмъ болѣе переводъ стихотворный, имѣлъ бы значеніе для ученыхъ спеціалистовъ, а потому, само собою разумѣется, мы имѣемъ въ виду дать хорошій литературный матеріалъ для интеллигентнаго читателя, ищущаго въ чтеніи не одной забавы. А такъ какъ переводъ стихотворный, хотя и теряетъ передъ прозаическимъ свое значеніе въ глазахъ ученыхъ, за то во всякомъ случаѣ выигрываетъ съ точки зрѣнія художественной, то мы и предпочитаемъ сдѣлать переводъ стихами" [2]).

При малой пригодности русскаго языка для поэтическихъ красотъ художественный выигрышъ, о которомъ говоритъ г. Федоровъ, долженъ быть ничтоженъ, а заявленіе, что предлагаемый переводъ не можетъ имѣть значенія для ученыхъ, внушаетъ недовѣріе къ точности перевода, вопреки завѣренію переводчика о стараніи „не только ни на шагъ не отступать отъ подлинника, но даже, по возможности, сохранить его духъ, всѣ его характерности и оттѣнки" [3]).

Не въ пользу переводчика говоритъ и противопоставленіе „ученыхъ спеціалистовъ интеллигентнымъ читателямъ". Почему „ученые спеціалисты" должны быть равнодушны къ художественнымъ достоинствамъ перевода, а „интеллигентные читатели"—къ его научнымъ качествамъ?

Несостоятельность такого разграниченія, повидимому, сознаетъ самъ г. Федоровъ. По крайней мѣрѣ онъ считаетъ нужнымъ трижды поставить на видъ, что его переводъ сдѣланъ „по итальянскому изданію La Commedia divina di Dante Alighieri, Milano, Dalla Società

---

[1]) „Чистилище", стр. 8.

[2]) „Адъ", стр. IV.

[3]) Тамъ же, стр. V.

Tipografica dei Classici Italiani, 1804", которое казалось ему „наиболѣе удобнымъ" [1]).

Эта оговорка, излишняя для „интеллигентныхъ читателей", которые предполагаются неучеными, не можетъ удовлетворить и „ученыхъ спеціалистовъ", такъ какъ послѣднимъ извѣстно, что съ 1804 года критика Дантова текста сдѣлала кое какіе успѣхи, и потому они въ правѣ потребовать отъ переводчика отчета, почему онъ переводилъ съ этого изданія, а не съ другого, болѣе новаго, напр. изданія Витте, Бланка, Фратичелли, Франчезіа, Форези, Кампи, Скартаццини и пр. и пр.

Но это—единственная уступка, которую г. Федоровъ дѣлаетъ „ученымъ спеціалистамъ" въ первой части своего труда. Равнодушіе къ „спеціальной учености" онъ засвидѣтельствовалъ уже въ „біографическомъ очеркѣ Данте Алгіери", приложенномъ къ „Аду" въ качествѣ введенія съ цѣлью пояснить читателю тѣ мѣста поэмы, гдѣ поэтъ говоритъ о себѣ самомъ, о Беатриче, о своихъ друзьяхъ и лицахъ ему современныхъ" [2]). Г. Федоровъ здѣсь вовсе не справляется съ результатами критики и потому выдаетъ за истину не только сомнительное, но даже прямо вымышленное. Такъ, напримѣръ, онъ безъ всякихъ оговорокъ заявляетъ, что „по отцу Данте происходилъ отъ древняго знатнаго рода" [3]), что Беатриче была дочерью Фолько Портинари, что эта его привязанность ничуть не мѣшала ему въ тоже время ухаживать за какою то Джентуккою въ Луккѣ и за многими другими женщинами,—хотя ничего изъ этого нельзя считать достовѣрнымъ. Еще хуже „біографическія свѣдѣнія" о Дантовой женѣ, будто „она была сварлива и вполнѣ недостойна своего мужа, и если Данте можно сравнить съ Сократомъ..., то его жену слѣдуетъ назвать Ксантиппою, такъ какъ она вполнѣ походила своимъ характеромъ на эту классическую супругу" [4]). Вся эта характеристика, при полномъ отсутствіи въ источникахъ опредѣленныхъ свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ жены Данта, не болѣе какъ празднословіе, тѣмъ болѣе жалкое, что не имѣетъ къ поэмѣ никакого отношенія. Точно также безъ всякой критики повѣствуетъ г. Федоровъ и о жизни Данта по изгнаніи изъ Флоренціи.

---

[1]) Тамъ же, стр. VI. Стр. 240. „Чистилище", стр. 4.

[2]) „Адъ", стр. V.

[3]) Тамъ же, стр. VII.

[4]) Тамъ же, стр. X.

Еще менѣе „спеціальны“ свѣдѣнія переводчика о литературной дѣятельности поэта.

„Свои идеи, свой, такъ сказать, взглядъ на вещи, Данте (поучаетъ г. Федоровъ) выразилъ во многихъ своихъ прозаическихъ, юридически-философскихъ сочиненіяхъ“. Но существуетъ только *одно* прозаическое юридическое сочиненіе Данта — De Monarchia!

Нежеланіе г. Федорова справляться съ „спеціальной ученостью“ не мѣшаетъ однако ему щеголять „ученостью общей“.

Образцомъ можетъ служить хотя бы разсужденіе, почему Дантъ не сдѣлался пессимистомъ. Причина въ томъ, что „время Шопенгауера еще не наступало. Въ XIII вѣкѣ было еще много утѣшительныхъ соціологическихъ идей, и Данте создаетъ на основаніи философскихъ и юридическихъ положеній свое собственное міросозерцаніе; правда, его теоріи носятъ теологическій характеръ и порядкомъ таки проникнуты мистицизмомъ, но это своего рода долгъ эпохѣ, такъ сказать, та незначительная дань своему времени, которой не избѣгнулъ еще ни одинъ великій мыслитель, ни одинъ творецъ безсмертныхъ идей, которыя сами по себѣ, въ своихъ основахъ, не имѣютъ и тѣни того, что зовется „духомъ времени“ [1]).

„Интеллигентный читатель“ не можетъ не поинтересоваться, какое отношеніе между XIII вѣкомъ и Шопенгауэромъ, и какія именно были въ XIII в. „утѣшительныя соціологическія идеи“, которыхъ не было въ вѣкъ Шопенгауэра; не можетъ не задуматься и надъ противопоставленіемъ философскихъ и юридическихъ положеній теологическому характеру и мистицизму; не можетъ, наконецъ, не знать, что безсмертныя идеи, не имѣющія „сами въ себѣ, въ своихъ основахъ, и тѣни того, что̀ зовется духомъ времени“, должны быть вѣчны и неизмѣнны и, слѣдовательно, не могутъ имѣть „творцовъ“.

Еще лучше замѣчаніе г. Федорова, что любовь Данта, какъ идеальная, „есть прямая противоположность Гетовой вѣчной женственности (Das Ewig Weibliche) и не имѣла ничего общаго съ земной страстью“ [2]).

Кажется, уже одно слово „вѣчная“ должно было бы воздержать г. Федорова отъ такого противоположенія, тѣмъ болѣе что въ обще-

---

[1]) Тамъ же, стр. XI.

[2]) Тамъ же, стр. IX.

извѣстномъ Дюнтцеровомъ комментаріи къ „Фаусту“ прямо сказано, что „Das Ewig Weibliche“ есть идеалъ женственности, который существуетъ отъ вѣчности на небѣ и отъ котораго на землѣ есть лишь отблескъ“ [1]). Не „прямо противоположна“, а прямо аналогична Гетева вѣчная женственность любви Данта.

Вмѣсто всей этой призрачной учености было бы лучше, если бы переводчикъ счелъ, напримѣръ, нужнымъ пояснить читателю, почему Дантова поэма названа „Комедіей“, и что эпитетъ „божественная“ прибавленъ не Дантомъ. Но объ этомъ г. Федоровъ не говоритъ ни слова.

Если г. Федоровъ не знакомъ съ пріемами „ученаго спеціалиста“, то ему отлично извѣстно, что требуется отъ переводчика художественнаго произведенія.

„Поэтъ мыслитъ образами и картинами (говоритъ г. Федоровъ); то и другое составляетъ отличительную и существенную часть всякаго поэтическаго произведенія, и ихъ красота, вѣрность и обстоятельность служатъ мѣриломъ достоинства сочиненія. Эти образы и картины поэтъ выражаетъ не только словами, но и самою разстановкою словъ и размѣромъ или ритмомъ стиха. Поэтому не только перемѣна разстановки словъ, но даже перемѣна ударенія въ стихѣ, видоизмѣняетъ образъ, который онъ рисуетъ... Задача переводчика состоитъ въ томъ, что бы сохранить образы и картины подлинника, передать его содержаніе, его духъ, его поэтическія красоты. Такимъ долженъ былъ бы быть переводъ идеальный, но условія языка, творчества и поэтическаго дара ставятъ извѣстныя границы и позволяютъ достигать желаемаго не вполнѣ, но лишь по мѣрѣ возможности, насколько, главнымъ образомъ, языки подлинника и перевода представляютъ собою средства... для выраженія извѣстныхъ понятій. Съ этой точки зрѣнія переводъ художественнаго произведенія то же, что копія съ картины, гдѣ копировщикъ схватываетъ образы подлинника и воспроизводитъ ихъ своею кистью. Но, конечно, въ художественной картинѣ, въ противоположность чертежу, нельзя копировать штрихъ за штрихомъ или мазокъ кисти за мазкомъ; тоже самое въ переводѣ поэтическаго произведенія,

---

[1]) Въ критическомъ изданіи Goethes Werke v. Kürschner, XII, 2, p. 293. Также у Harnack, Goethe in der Epoche seiner Vollendung, Leipz 1887, p.p. 245—246. Цитаты у Н. П. Дашкевича, Романтика Круглаго Стола въ литературахъ и жизни Запада, I, стр. 64, Кіевъ 1890. У него же указана и аналогія между Das Ewig Weibliche и Дантовой любовью.

въ противоположность прозаическому, нельзя переводить (хотя бы даже это и было возможно) слово за словомъ, фразу за фразой; нѣтъ, тутъ нужно уловить образъ подлинника и *воспроизвести* его сообразно условіямъ языка, стараясь сохранить всѣ краски и даже малѣйшіе оттѣнки подлинника, насколько будетъ это возможно [1])".

„Поэтому субъективный элементъ... получаетъ видное значеніе въ переводѣ поэтическомъ. Переводчикъ поэта сообщаетъ своему переводу значительную долю своего поэтическаго вдохновенія [2])".

Всѣ эти замѣчанія г. Федорова вполнѣ вѣрны и вмѣстѣ съ его заявленіемъ, что онъ старался сдѣлать свой переводъ „во первыхъ настолько близкимъ къ подлиннику, на сколько это позволяютъ условія дѣла, во вторыхъ придать переводу дѣйствительно художественную обработку, какъ по содержанію, такъ и по внѣшней формѣ стиха", отъ котораго онъ требовалъ „прежде всего звучности и ясности" [3]), могутъ служить отличной руководительной нитью при оцѣнкѣ перевода какъ со стороны его объективныхъ, такъ и субъективныхъ качествъ.

Начнемъ съ размѣра, имѣющаго, какъ признаетъ и г. Федоровъ, громадное значеніе для стиха, такъ какъ то, что можетъ быть хорошо выражено однимъ размѣромъ, не можетъ быть передано другимъ. Взаимоотношеніе между содержаніемъ и формой здѣсь, какъ и всюду, тайна генія и не можетъ быть подведено ни подъ какую отвлеченную схему. Но именно потому тутъ и не допустимъ со стороны переводчика произволъ. Даже и тогда, когда стихосложеніе одного языка не соотвѣтствуетъ стихосложенію другого (напр. греческая и латинская версификація—нашей), переводчикъ долженъ выбирать наиболѣе подходящій изъ свойственныхъ языку размѣровъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ форма стиха перевода должна быть, по возможности (т. е. насколько позволяютъ условія языка), близка къ оригиналу.

Что́ же дѣлаетъ г. Федоровъ? Вмѣсто неполнаго шестистопнаго ямба, которымъ писалъ Дантъ [4]), онъ переводитъ трехстопнымъ амфи-

---

[1]) Чистилище, стр. 6—7.

[2]) Рай, стр. 9.

[3]) Тамъ же, стр. 5.

[4]) Теорія итальянской версификаціи не можетъ считаться установленной. Итальянцы называютъ свое стихосложеніе силлабическимъ, но достаточно прочитать любое изъ ихъ стихотвореній, что бы убѣдиться, что тоническій принципъ преобладаетъ надъ силлабичес-

брахіемъ. Такое отступленіе можетъ быть оправдано тѣмъ менѣе, что переводъ ямбомъ ничуть не затруднителенъ, такъ какъ этотъ размѣръ вполнѣ соотвѣтствуетъ духу нашего языка, о чемъ свидѣтельствуетъ большинство ямбическихъ стихотвореній у каждаго изъ нашихъ поэтовъ. Но выборъ трехстопнаго амфибрахія въ данномъ случаѣ особенно неудаченъ по двумъ причинамъ. Во первыхъ, русскія слова вообще многосложнѣе итальянскихъ, а языкъ Данта необыкновенно сжатый. Возможно ли при такихъ условіяхъ восьмью и девятью слогами (трехстопный амфибрахій) передать то, что у Данта выражено одиннадцатью (шестистопный неполный ямбъ)? Во вторыхъ, амфибрахій, какъ видно уже изъ его схемы, выражаетъ спокойное теченіе стиха однообразной волной и оттого въ длинной поэмѣ долженъ быть утомителенъ. Именно потому до сихъ поръ не существовало ни одной значительной по величинѣ поэмы, которая была бы написана этимъ размѣромъ. „Божественная Комедія“ въ переводѣ г. Федорова—первый опытъ въ этомъ родѣ, тѣмъ болѣе несчастливый, что изъ всѣхъ употребительныхъ въ русскомъ языкѣ амфибрахическихъ размѣровъ трехстопный амфибрахій—самый вялый.

Насколько перемѣна размѣра измѣняетъ впечатлѣніе, не трудно убѣдиться, сопоставивъ переводъ г. Федорова съ переводомъ Мина:

Пройдя полъ-пути своей жизни,
Въ минуту унынья, вступилъ
Я въ дѣвственный лѣсъ и, дороги
Ища тамъ, я долго бродилъ.
И лѣсъ тотъ громадный и дикій,
Заглохшій меня ужасалъ,
Сильнѣе, чѣмъ мысль о смерти
Когда я объ немъ вспоминалъ.

кимъ. Итальянская версификація стоитъ въ тѣсной связи съ латинской, и какъ въ латинскихъ стихахъ стихотворное удареніе не всегда соотвѣтствуетъ грамматическому, точно также и въ итальянскихъ. По замѣчанію Вестфаля (Allegemeine Metrik der indogermanischen und semitischen Völker, Berl. 1893, pp. 302—306), всѣ вообще романскіе народы полагаютъ въ основаніе стихотворной акцентуаціи музыкальное произношеніе, т. е. по голосу или мелодіи. Объ итальянской версификаціи Casini, Sulle forme metriche italiane, Firenze, 1884. Fraccaroli, D'una teoria razionale di metrica italiana, Torino, 1887. Ferrari, Antologia della lirica moderna italiana, con notizie metriche, Fir., 1891. Muraffi, Piccolo manuale di metrica italiana, 2 ed., Tor., 1892.

Такъ переводитъ г. Федоровъ. Послушаемъ теперь Мина:

Въ срединѣ нашей жизненной дороги,
Объятый сномъ, я въ темный лѣсъ вступилъ,
Путь истинный утративъ въ часъ тревоги.
Ахъ! Тяжело сказать, какъ страшенъ былъ
Сей лѣсъ, столь дикій, столь густой и лютый,
Что въ мысляхъ онъ мой страхъ возобновилъ
И смерть лишь малымъ горше этой смуты!

Можно ли не замѣтить, что тогда какъ стихъ Мина идетъ впередъ бодро и мужественно, стихъ г. Федорова едва тащится, словно переваливаясь съ ноги на ногу, и что то, что̀ Минъ, согласно съ подлинникомъ, перевелъ семью стихами, г. Федоровъ вынужденъ былъ передать восьмью? Особенно неудобны эти вялость и растягиваніе въ мѣстахъ сильныхъ и страстныхъ, которыми такъ изобилуетъ поэма Данта.

Правда, и Минъ нѣсколько измѣняетъ размѣръ подлинника, чередуя шестистопный неполный ямбъ съ пятистопнымъ, но это отклоненіе вполнѣ оправдывается тѣмъ, что на итальянскомъ языкѣ, въ противоположность русскому, мало словъ съ удареніемъ на концѣ, и что поэтому неуклонное соблюденіе неполнаго шестистопнаго ямба, звучное для итальянскаго уха, было бы непріятно для русскаго.

Отступая отъ Данта въ выборѣ размѣра, г. Федоровъ счелъ не лишнимъ подражать оригиналу формой строфъ. У Данта строфы расположены терцинами, то есть трехчленными ритмическими періодами, построенными такъ, что нечетные стихи каждой послѣдующей строфы риѳмуются съ четнымъ предыдущей по формулѣ *ABA*, *BCB*, *CDC*, *DED*, *EFE* и т. д. Такое построеніе, подсказанное мистической вѣрой въ Троицу, придаетъ въ тоже время поэмѣ своеобразный отпечатокъ ритмической связности, особенно подходящій къ изображенію непрерывнаго видѣнія, составляющаго содержаніе „Комедіи“. Поэтому нельзя не одобрить г. Федорова, что онъ, подобно другимъ переводчикамъ, вознамѣрился не отступать отъ подлинника въ формѣ строфъ. Но отъ намѣренія у него, какъ всегда, далеко до исполненія. О терцинахъ г. Федорова можно говорить лишь въ томъ смыслѣ, что онъ каждые три стиха отдѣляетъ отъ послѣдующихъ трехъ стиховъ промежуткомъ, и что у него иногда четные стихи риѳмуются съ нечетными. Вообще же переводъ сдѣланъ бѣлыми стихами. Конечно, риѳмовать терцинами не легко; но что такое сочетаніе риѳмъ на

русскомъ языкѣ вполнѣ возможно, доказательствомъ служитъ переводъ Мина.

Со всѣми этими отклоненіями можно было бы примириться, если бы стихъ былъ выдержанъ, звученъ и плавенъ, литературно обработанъ, передавалъ главныя красоты подлинника. Но ни одному изъ этихъ требованій переводъ г. Федорова не удовлетворяетъ.

Что переводчикъ не считалъ нужнымъ стѣсняться размѣромъ, легко убѣдиться чуть ли не на каждой страницѣ. Въ примѣръ достаточно пока привести хотя бы предпослѣдній стихъ въ выписанномъ выше отрывкѣ. Иногда г. Федоровъ вдругъ начинаетъ писать хореемъ или дактилемъ [1]), а то, какъ сейчасъ увидимъ, и различными размѣрами вмѣстѣ. Особенно богаты такими неправильностями „Чистилище“ и „Рай“, при томъ послѣдній больше перваго. Вообще, по отдѣлкѣ стиха у г. Федорова части поэмы слѣдуютъ въ порядкѣ обратномъ содержанію: въ „Аду“ стихъ сравнительно райскій, а въ „Раю“— совершенно адскій; „Чистилище“ служитъ какъ бы подготовленіемъ отъ „райскаго“ стиха къ „адскому“.

Въ образецъ звучности и плавности можно привести такіе „перлы“, которые оставятъ позади себя классика въ этомъ отношеніи—блаженной памяти Тредіаковскаго, напримѣръ:

Были-бъ ничтожны всѣ средства.
Если бъ Сынъ Божій-бы Самъ
Не воплотился бъ, пойми-же. (Рай, стр. 72).

Или:

„Тринакрія,—что межъ Пахино
И Пелоро затмилась, заливъ,

Гдѣ Эрусъ—еще подождала-бъ
Тогда-бы себѣ королей
Моихъ, отъ Рудольфа и Карла,

Если бъ правленіе въ ней,
Дурное, Полермо „умри-же!“
Не заставило-бъ только кричать.

И если-бъ мой братъ-бъ то предвидѣлъ,
Онъ, что-бы лишь въ ней не страдать,
Алчную скупость-бы бросилъ

---

[1]) Напр. Чистилище, XIV, XV, XVII, XVIII, XXI.

И слуги ему-бы нужны,
Что̀ знали бъ заботы иныя,
Не только, чтобъ были полны
Сребромъ сундуки". (Тамъ же, стр. 77—78).

Или:

Широкъ долженъ былъ-бы быть чанъ тотъ. (Тамъ же, стр. 84).

Или:

Отцы поступали тѣхъ, такъ,
Кто, только вакантнымъ являлось
Епископство, тотчасъ ужъ какъ
Жирѣли на этомъ. (Тамъ же, стр. 136).

Изучалъ ли г. Федоровъ Тредіаковскаго? Возможно: по крайней мѣрѣ онъ сходится съ нимъ не только въ своеобразной звучности и плавности стиха, но и въ любви уснащать русскія слова ударе́ніями, пестрящими особенно „райскіе стихи". Напримѣръ, бре́га, сте́пеняхъ, те́мна, гла́сы, созда́лъ, со́здалъ, зва́лась, во́оружить, освѣ́тить, ровно́, нера́вныя, было́, аргу́ментъ, то́ржествовала, дли́нною, снѣ́гъ, не́мощно, блѣдно́ и пр. пр. „Рай", стр. 32, 42, 64, 65, 73, 83, 105, 113, 127, 176, 192, 196, 234, 254, 256 и т. д. „Чистилище" нѣсколько почище отъ этихъ ударе́ній, но и въ немъ примѣровъ сколько угодно: внемли́те, да́но, поту́пилъ, кара́, было́, тѣ́ней, впе́рилъ и пр. и пр. Стр. 34, 42, 53, 55, 61 и т. д. За то „Адъ" въ нихъ почти безгрѣшенъ.

Жаль только что г. Федоровъ, подражая въ остальномъ Тредіаковскому, не проникся духомъ высокой научной честности, которымъ былъ одушевленъ этотъ несчастный труженникъ, къ прискорбію болѣе извѣстный своею радостью „получать Всемилостивѣйшія оплеушины" [1].

Приведенные выше примѣры взяты на удачу, „гдѣ откроется", и ихъ можно привести сколько угодно. Они могутъ служить вмѣстѣ и образцами литературной обработки. Въ выписанныхъ отрывкахъ г. Федоровъ, говоря словами Пушкина [2], „пускаетъ" на *бъ*; въ другихъ случаяхъ на *вѣдь*. Напримѣръ:

Я плоть вѣдь имѣлъ; невозможно
Понять это тутъ на землѣ,
Чтобъ тѣло одно вѣдь могло-бы

---

[1]) Собраніе сочиненій извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей. Избранныя сочиненія В. К. Тредіаковскаго, изданіе П. Перевлѣсскаго. Москва, 1849. Стр. XVII и пр. Въ сродствѣ стиховъ г. Федорова и Тредіаковскаго не трудно увѣриться, раскрывъ любую страницу послѣдняго.

[2]) „Домикъ въ Коломнѣ:"

Что̀? Перестать, или пустить на *не*?

Другое вмѣстить лишь въ себѣ.
Желанье должно-бъ въ насъ зажечься
Узрѣть то, гдѣ видно вѣдь намъ,
Какъ съ Богомъ въ едино ужъ наша
Природа сливается тамъ... (Тамъ же, стр. 34).

Стилистика г. Федорова очень простая: ставить по требованію стиха или риѳмы (если только можно вообще говорить о риѳмахъ у г. Федорова) различныя „паразитическія" слова въ родѣ *бы*, *вѣдь*, *же*, *ужъ*, *лишь*, *тогда*, *когда*, *всегда* и т. д., не обращая вниманія на то, нарушаютъ они смыслъ, или нѣтъ. Приводить образцы нѣтъ нужды: они въ изобиліи разсѣяны по всѣмъ тремъ частямъ перевода. Оттого этотъ переводъ буквально кишитъ безсмыслицами. Легко ли, напримѣръ, понять хотя бы только что приведенные отрывки?

Но безсмыслицами г. Федоровъ нисколько не стѣсняется. „Нѣтъ надобности говорить (поясняетъ онъ[1]), что стихотворная форма изложенія одна изъ труднѣйшихъ задачъ передать мысль достаточно ясно и понятно, но въ этомъ отношеніи поэтъ едва ли заслуживаетъ упрека, тѣмъ болѣе, что въ вѣкъ, когда Данте писалъ свой „Адъ", итальянскій языкъ и поэзія были далеки отъ совершенства"[1]). Русскій языкъ, какъ мы уже знаемъ[2]), по г. Федорову еще дальше отъ совершенства. Чего же требовать отъ русскаго стиха?

Очевидно, что при такихъ взглядахъ и пріемахъ невозможно передать какъ слѣдуетъ подлинникъ. Необходимо однако замѣтить, что г. Федоровъ не вездѣ одинаково небреженъ. Но тамъ, гдѣ видно его стараніе, не видно пониманія духа и красотъ подлинника. Возьмемъ для примѣра знаменитый эпизодъ о Паоло и Франческѣ, „Адъ", V, 69—140 у г. Федорова, (ст. 73—142 въ оригиналѣ)

— „Поэтъ"! я сказалъ, мнѣ бъ хотѣлось
Два слова сказать вотъ хоть тѣмъ,
Что вмѣстѣ порхаютъ легко такъ
Какъ бы невѣсомы совсѣмъ".

И онъ отвѣчалъ: „это можно;
Когда они къ намъ подойдутъ,
Ты силой любви подзови ихъ
И вѣрь мнѣ, они не уйдутъ".
Когда они, вѣтромъ влекомы,
Поближе ко мнѣ подошли,
Я крикнулъ: „о скорбные духи,
Про чувства скажите свои".
Какъ тихо, любовью томимы,

[1]) Адъ стр. 240.
[2]) Выше, стр. 27—28.

Летятъ иногда голубки,
Летятъ, лишь едва опираясь,
На чудныя крылья свои,—

Такъ тѣни двѣ къ намъ подлетѣли
Изъ кучи Дидоны тогда,
На вихрь не глядя свирѣпый.

Изъ нихъ мнѣ сказала одна:
— „О милыя души живыя,
Рискнувшія насъ посѣтить,

Окрасившихъ воздухъ весь кровью,
Мы бъ стали всечастно молить
За васъ Самодержца вселенной,

Коль были бъ друзьями Его.
Родилась я въ тихой Равеннѣ,
Гдѣ къ морю стремится ужъ По.

Мой другъ полюбилъ меня страстно,
Увлекшись моей красотой;
Любовь заразительна; тотчасъ

Она овладѣла и мной;
И души теперь даже наши
Разстаться не могутъ, какъ зришь.

Убійцу же ждетъ мѣсто „Каинъ“,
Которое послѣ узришь“.
И взоръ я потупилъ, недвижимъ;

Учитель спросилъ: „ты о чемъ
Задумался“? Я же отвѣтилъ:
„Я думаю только о томъ,

Какъ много чувствъ нѣжныхъ и страстныхъ
Способны на вѣки сгубить“!
Потомъ, обращаясь къ духамъ,

Имъ началъ я такъ говорить:
— „Франческа, во мнѣ возбуждаютъ
Унынiе скорби твои!

Но ты разъясни, какъ пришла ты
Къ сознанью взаимной любви“?
Она отвѣчала мнѣ кротко:

— „Нѣтъ муки ужаснѣе той,
Какъ вспомнить минуты блаженства
Въ часъ пытки мучительной, злой!

Но если съ участьемъ желаешь,
Узнать ты источники бѣдъ,
Хоть плача, тебѣ разскажу я.

Читали мы книгу, поэтъ,
Какъ пылкій герой Ланчелотто
Способенъ безумно любить.

Сначала заставила книга
Стыдливо насъ взоръ опустить,
Но послѣ, едва лишь прочли мы

Герой какъ Жиневру лобзалъ,
Онъ обнялъ меня горячо такъ
И страстно тогда цѣловалъ...

О, проклята книга такая
О, проклятъ и авторъ ея!..
Въ тотъ день мы уже не читали,

О книгѣ забыли тогда....
Пока говорила Франческа
Другой духъ такъ страшно рыдалъ,

Что я отъ участья и скорби
Какъ трупъ бездыханный, упалъ.

Прочитавъ этотъ разсказъ, всякій, незнакомый съ нимъ ни изъ подлинника, ни изъ хорошаго перевода, невольно спроситъ: Что́ же въ немъ особеннаго? Содержаніе, кажется, самое пошлое. *Онъ* и *она* читали романъ и, когда дошли до того мѣста, гдѣ герой цѣлуетъ героиню, стали цѣловаться. Потомъ ихъ убили; потомъ они попали въ адъ. Вотъ и все. За что́ же прославлять Данта? А между тѣмъ у Данта этотъ эпизодъ полонъ высокихъ красотъ, изобличающихъ всю силу его генія. Но здѣсь я предоставлю слово талантливому историку итальянской литературы, Гаспари, такъ какъ едва ли можно сказать въ этомъ случаѣ что̀ нибудь лучшее.

„По совѣту Виргилія Дантъ умоляетъ обѣ души связующей ихъ любовью, и онѣ слѣдуютъ любовному призыву

Какъ, на призывъ желанья, голубки
Летятъ къ гнѣзду на сладостное лоно,
Простерши крылья, нѣжны и легки [1]).

Это нѣжное сравненіе заимствовано изъ Энеиды, но одушевленное у Данта болѣе теплою жизнью, служитъ подготовленіемъ къ трогательной сценѣ. Уже та черта, что они тотчасъ же повинуются воззванію, обращенному къ ихъ любви, обрисовываетъ намъ обѣ фитуры, и еще болѣе дѣлаютъ это первыя слова отвѣта. Франческа—душа нѣжная и кроткая; сочувствіе, которое ей свидѣтельствуетъ незнакомецъ, ее глубоко трогаетъ въ ея горѣ; въ благодарность она желала бы за него молить Царя вселенной; но она въ аду, ея мольбы не имѣютъ доступа къ небесамъ. Тѣмъ не менѣе она удовлетворяетъ его желаніе отвѣтомъ. Она даетъ ему узнать, кто они, указывая на мѣсто своего рожденія, и еще лучше даетъ ему узнать это тѣмъ, что привело ихъ въ преисподнюю,—ихъ безграничной, безпримѣрной любовью. Въ шести стихахъ заключена почти вся исторія ихъ чувства. Каждая терцина начинается словомъ любовь, каждая рисуетъ передъ нами ея возрастающую силу, показываетъ намъ, какъ она возникаетъ въ сердцѣ мущины, увидавшаго прекрасную женщину, какъ загорается въ сердцѣ женщины, видящей, что ее любятъ, какъ становится ихъ общей судьбой и ведетъ ихъ вмѣстѣ къ смерти. Дантъ, услышавъ это, уже не могъ болѣе сомнѣваться, кто эти два существа, надъ судьбой которыхъ любовь возымѣла такую силу, и его второй вопросъ начинается именемъ Франчески, хотя она себя и не назвала по имени. Но предварительно онъ погружается въ глубокое молчаніе и поникаетъ головой, такъ что его вождь спрашиваетъ у него, о чемъ онъ думаетъ. Немногія слова, которыя онъ слышалъ отъ Франчески, заставляютъ его думать обо всѣхъ тѣхъ чувствахъ, радостяхъ и скорбяхъ, которыя въ нихъ кроются, и съ усиленнымъ интересомъ онъ снова обращается къ ней:

Своей судьбы угрозы
И горестный, Франческа, твой разсказъ
Въ очахъ рождаетъ состраданья слезы.

---

[1]) Какъ здѣсь, такъ и ниже, переводъ Мина.

Но объясни, томленья въ сладкій часъ,
Чрезъ *что* и *какъ* неясныя влеченья
Уразумѣть страсть научила васъ?

Дантъ съ крайней деликатностью выражаетъ этотъ свой вопросъ, который былъ бы неумѣстенъ, если бы былъ вызванъ любопытствомъ, а не сочувствіемъ. Но Франческа тотчасъ же усматриваетъ это послѣднее и потому готова отвѣчать, хотя воспоминаніе ей больно:

Скажу какъ тотъ, кто вѣсть печали
И говоритъ, и долженъ самъ рыдать.

Часто сопоставляли это мѣсто съ весьма сходнымъ на первый взглядъ мѣстомъ въ началѣ разсказа Уголино („Адъ", XXXIII, 4) съ цѣлью показать, съ какимъ великимъ мастерствомъ Дантъ умѣетъ очерчивать различные характеры уже чисто внѣшнимъ образомъ, посредствомъ звука стиха. Здѣсь въ словахъ Франчески все нѣжно и гармонично, въ словахъ Уголино—черство и жестко; здѣсь—все любовь, тамъ—все злоба и презрѣніе. Какъ для Уголино, такъ и для Франчески больно говорить о прошломъ; но Франческа говоритъ потому, что видитъ расположеніе Данта, Уголино потому, что желаетъ отомстить своему врагу. Франческа едва упоминаетъ о своемъ врагѣ, намекаетъ только отдаленно и самымъ трогательнымъ образомъ на свою насильственную смерть: Каина ожидаетъ того, кто убилъ ее и Паоло, вотъ все, она даже убійцу не называетъ, не думаетъ о немъ, она не ненавидитъ, но любитъ, она разсказываетъ объ ихъ любви, объ ихъ радости, о счастливомъ времени, такъ какъ она была счастлива, хотя и согрѣшила. Они читали однажды о любви Ланчелотто; они были одни и ничего не подозрѣвали; ихъ глаза встрѣчались неоднократно, въ ихъ лицахъ гасъ румянецъ:

Но лишь однимъ разсказъ насъ побѣдилъ.

Страсть существуетъ, но еще скрытно дремлетъ въ сердцѣ, и затѣмъ, увидавъ себя какъ бы въ зеркалѣ, себя узнаетъ, приходитъ къ сознанію самой себя, и вдругъ прорывается съ силой:

Когда прочли, какъ поцѣлуй сердечный
Былъ приманенъ улыбкою къ устамъ,
И тотъ, съ кѣмъ я ужъ не разстанусь вѣчно,
Затрепетавъ, къ моимъ приникнулъ самъ...
Въ тотъ день мы дальше не читали тамъ.

Въ то время, когда она говоритъ это, другая душа, Паоло, сопровождаетъ ея слова молчаливымъ рыданьемъ. Поэтъ заставляетъ говорить ее одну, такъ какъ оплакиваніе несчастной любви трогательнѣе въ устахъ женщины. Краткій разсказъ оканчивается катастрофой страсти; все остальное пройдено молчаніемъ; возбужденному воображенію предоставляется свободное поле, и Дантъ, душа страстная, знакомая съ бурями сердца, такъ сильно сочувствуетъ обоимъ, что

Палъ безъ чувствъ, какъ падаетъ мертвецъ.

И эту сцену нужно себѣ представить въ адской обстановкѣ, среди мрачнаго тумана, среди урагана, который кругомъ бьетъ и реветъ—контрастъ, еще болѣе усиливающій ея дѣйствіе. Это—романъ любви въ своей величайшей простотѣ, но со всѣми элементами страсти, производящими глубокое впечатлѣніе. Господствующее чувство, неизмѣримая любовь, выражено въ краткихъ, но краснорѣчивыхъ чертахъ. Ту и другую душу умоляютъ ихъ любовью, и онѣ приходятъ; ихъ любовь продолжается неизмѣнно даже среди жестокихъ мученій: „я и здѣсь не разлюбила", говоритъ Франческа. Онѣ вмѣстѣ носятся вѣтромъ, соединенныя въ наказаніи, какъ прежде въ счастіи; ихъ любовь была ихъ грѣхомъ; для осужденнаго грѣхъ продолжается вѣчно, и такимъ образомъ ихъ любовь вѣчна, это ихъ вина; и однако среди этого звучитъ какъ утѣшеніе:

Съ нимъ я ужъ не разстанусь вѣчно [1])".

Ничего этого г. Федоровъ не понялъ. Франческа у него не любитъ только, но и проклинаетъ:

О, проклята книга такая,
О, проклятъ и авторъ ея!

Никакихъ проклятій у Данта нѣтъ. У него Франческа говоритъ лишь, что „Галеоттомъ была книга и тотъ, кто ее написалъ", то есть книга и ея авторъ были такими же посредниками любви между Паоло и Франческой, какъ Галеотто (одинъ изъ героевъ романа Lancelot du Lac [2]) между Ланчелоттомъ и Джиневрой. Какъ Франческа должна была смотрѣть на Галеотто, Дантъ не указываетъ ни однимъ словомъ; но заставлять ее проклинать книгу и ея автора нельзя уже потому, что

---

[1]) Gaspary, Storia della Letteratura italiana, vol. I, pp. 273—276.

[2]) „Si leggeva in francese, come anche oggi si farebbe". Berthier, ad l.

ея чтеніе она называетъ первымъ корнемъ своей любви (la prima radice del nostro amor), а любовь счастливымъ временемъ (tempo felice). Въ нѣкоторое извиненіе г. Федорову можно было бы сослаться на то, что не всѣмъ переводчикамъ и толкователямъ Данта посчастливилось уловить истинный смыслъ разсматриваемаго эпизода; что, напримѣръ, вообще столь чуткій Минъ неудачно прибавилъ эпитетъ „гнусный“:

былъ авторъ книги гнусной,

и что даже такой глубокій знатокъ Данта какъ Скартаццини дѣлаетъ по поводу чувствъ Франчески неумѣстное замѣчаніе, будто она и Паоло скорбѣли о томъ, что не успѣли передъ смертью раскаяться [1]). Но иное дѣло поставить неудачный эпитетъ или неумѣстное замѣчаніе и иное—добавлять отъ себя ничѣмъ не оправдываемыя проклятья.

И помимо этого сколько г. Федоровъ (говоря его собственными словами) сдѣлалъ другихъ неуклюжихъ „мазковъ“, безобразящихъ великолѣпную картину Данта. Въ ст. 71 неудачно „порхаютъ“, такъ какъ съ глаголомъ этимъ связано понятіе легкаго свободнаго движенія, между тѣмъ у Данта тѣни носятся неодолимой силой урагана. Въ ст. 72 неумѣстенъ эпитетъ „невѣсомы“, какъ слово спеціальное, употребительное только въ физикѣ, химіи и метафизикѣ, да и то исключительно лишь въ ученіи объ атомахъ и эѳирѣ. Въ поэтической рѣчи оно столь же мало удобно, какъ, напр., „недѣлимое“. Въ ст. 73 выраженіе „это можно“ ничего не говорящее, въ поэтическомъ языкѣ непригодное. Въ ст. 76 слова „и вѣрь мнѣ“ лишнія, нарушающія сжатость картины. Въ ст. 79 „я крикнулъ“ безцвѣтныя слова вмѣсто образныхъ „mossi la voce“, прекрасно переданныхъ Миномъ „я поднялъ гласъ“. Ст. 80 „Про чувства скажите свои“—обращеніе, свидѣтельствующее только о любопытствѣ, а не о состраданіи, тогда какъ Дантъ намѣренно употребляетъ неопредѣленное venite a noi parlar съ цѣлью показать, что нѣжная и любвеобильная душа Франчески въ этой неопредѣленной просьбѣ усматриваетъ только состраданіе. Ст. 81—83. Прекрасное сравненіе съ голубками изуродовано у г. Федорова его собственными прибавками, что томимые любовью голубки „иногда“ летятъ „тихо“, „летятъ, лишь едва опираясь на

[1]) Inf. p. 43 ed. magg., p. 40 ed. min.

чудныя крылья свои". У Данта сравненіе сдѣлано безъ всякаго ограниченія, въ данномъ случаѣ излишняго, такъ какъ для поэтическаго образа здѣсь все равно, всегда ли такъ летаютъ голуби, или иногда; голуби въ подлинникѣ летятъ не „тихо, едва опираясь на крылья", но во весь размахъ сильныхъ крылъ (con l'ali alzate e ferme), и совершенно ясно, что только такой быстрый и стремительный полетъ примѣнимъ къ Паоло и Франческѣ, влекомымъ ураганомъ и силой любви, а никакъ не медленное движеніе голубковъ. Да и почему голубки должны „летѣть, летѣть" медленно? У Данта сказано, что они dal disio chiamate.... al dolce nido vengon, т. е. призываемые желаніемъ стремятся къ милому имъ гнѣзду, но какая же птица, „призываемая желаніемъ", движется тихо, да еще къ „милому гнѣзду"? Но г. Федоровъ „милое гнѣздо" счелъ нужнымъ выпустить, а пробѣлъ заполнилъ измышленіемъ, что голубки опираются на „чудныя крылья свои" —прибавка не только излишняя, но и безсмысленная, потому что что же чуднаго въ крыльяхъ голубей? Ст. 86 „Изъ кучи Дидоны тогда"—своего рода перлъ. Кажется, не много нужно поэтическаго смысла, что бы понимать, что такія низменныя или, говоря языкомъ Ломоносова, подлыя слова, какъ „куча", въ патетическихъ эпизодахъ употреблять нельзя. Непоэтическое вообще, понятіе „куча", для русскаго „интеллигента" въ возвышенной рѣчи тѣмъ болѣе невыносимо, что невольно заставляетъ вспомнить извѣстныя всѣмъ и каждому слова басни Крылова:

Навозну кучу разгребая,
Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно.

Увы! изъ своего рода „жемчужинъ" состоитъ вся „куча" стиховъ г. Федорова, и если ее стоитъ „разгребать", то лишь для доказательства того, какъ мало онъ взвѣсилъ свои силы, взявшись за переводъ Данта. Само собою разумѣется, у Данта нѣтъ рѣчи ни о какой „кучѣ"; такъ г. Федоровъ переводитъ schiera, т. е. рядъ, отрядъ, толпа, сонмъ и т. д. Ст. 86 „На вихрь не глядя свирѣпый" — опять измышленіе г. Федорова и опять неумѣстное, такъ какъ, по Данту, тѣни всецѣло во власти свирѣпаго вихря (см. ст. 31—33 оригинала). Въ подлинникѣ сказано просто: venendo per aer maligno, или какъ прекрасно переводитъ Минъ,

Сквозь мракъ тлетворный къ намъ примчались вновь.

Сверхъ того, въ стихѣ нѣтъ размѣра. Характерныя для Данта слова:

Si forte fù l'affetuoso grido

т. е.

Такъ силенъ зовъ сердечнаго былъ стона

г. Федоровъ вовсе оставляетъ безъ перевода. Ст. 88—опять собственная прибавка г. Федорова въ ущербъ сжатости картины. Ст. 89 „О, милыя души живыя" передаетъ неудачно O animal grazioso e benigno, гдѣ удареніе очевидно не на animal, а на grazioso e benigno. Минъ переводитъ этотъ стихъ если не буквально, то во всякомъ случаѣ согласно съ духомъ подлинника: „О существо, постигшее любовь". Ст. 90 „рискнувшія"—измышленіе переводчика, ненужное и сверхъ того неудачное, такъ какъ слово „рисковать" низменное. У Данта здѣсь картина: Che visitando vai per l'aer perso, т. е. ты, который идешь насъ посѣтить чрезъ кромѣшный (собств. темнопурпуровый) мракъ. Ст. 91 вмѣсто безсмысленнаго „Окрасившихъ воздухъ весь кровью" у Данта noi che tingemmo il mondo di sanguigno, т. е. мы, которые обагрили землю кровью. Ст. 92 „всечастно" безграмотная добавка г. Федорова. Ст. 94 вмѣсто нелѣпаго „Коль были бъ друзьями Его" (т. е. Бога) въ подлинникѣ Se fosse amico il re dell' Universo, т. е. если бы къ намъ былъ милостивъ Царь вселенной. Стихи

per la tua pace
Poichè hai pietà del nostro mal perverso,
Di quel che udire e che parlar ti piace,
Noi udiremo e parleremo a vui
Mentre che il vento, come fa, si tace,

т. е. въ близкомъ переводѣ Мина:

послать тебѣ покой
За грусть о нашей скорби неутѣшной.
Что скажешь намъ? Что хочешь знать? открой.
Все выскажемъ и выслушаемъ вскорѣ,
Пока замолкъ на время вѣтра вой,

г. Федоровъ оставляетъ безъ перевода, хотя первые два важны для характеристики Франчески, а послѣдній необходимъ для объясненія того, какъ могъ среди урагана происходить разговоръ между Дантомъ и тѣнями. Ст. 95 „Родилась я въ тихой Равеннѣ"—добавка г. Федорова. У Данта мѣсто рожденія Франчески обозначено неопредѣленно, такъ какъ на вопросъ, кто она и откуда, должна, по мысли поэта, отвѣчать ея несчастная любовь. Ст. 96 „Гдѣ къ морю стремится ужъ По". „Ужъ" вставлено для размѣра и не имѣетъ смысла, потому что

По вездѣ стремится къ морю. У Данта родина Франчески обозначена слѣдующими словами въ прекрасномъ переводѣ Мина:

Лежитъ страна, гдѣ я жила на горе,
У взморья, тамъ, гдѣ мира колыбель
Находитъ По со спутниками въ морѣ.

Ст. 97—103. Прелесть дальнѣйшихъ словъ Франчески, которыя г. Федоровъ пытается передать въ этихъ стихахъ, состоитъ, кромѣ безпредѣльной кротости и нѣжности, въ томъ, что слово любовь не сходитъ у нея съ устъ, такъ что имъ начинается каждая терцина:

Любовь, сердецъ прекрасныхъ связь и цѣль,
Моей красой его обворожила,
И я, лишась ея, грущу досель.
Любовь любимому любить судила
И такъ меня съ нимъ страстью увлекла,
Что, видишь, я и здѣсь не разлюбила.
Любовь къ одной насъ смерти привела;
Того, кѣмъ мы убиты, ждутъ въ Каинѣ!

Ничего этого г. Федоровъ не передалъ, и стихи его въ этомъ превосходномъ мѣстѣ, какъ легко замѣтитъ всякій, если возможно, еще болѣе дубовые, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ знаменитаго эпизода.

Безъ труда можно было бы разрыть подобнымъ образомъ всю „кучу“ стиховъ г. Федорова въ этомъ эпизодѣ, но мы ограничимся указаніемъ еще на одинъ „перлъ“, внесенный переводчикомъ. Въ ст. 124 Франческа именуетъ Данта поэтомъ, какъ будто онъ былъ ей представленъ Виргиліемъ или раньше знакомъ съ нею, хотя Дантъ совершенно ясно даетъ замѣтить, что они другъ друга не знали, заставляя ее называть Данта o animal (т. е. живое существо), а его узнавать, кто она, исключительно изъ ея разсказа.

А между тѣмъ, если безукоризненная передача разсматриваемаго эпизода на русскій языкъ едва ли возможна, то передача очень хорошая возможна вполнѣ. Доказательствомъ служитъ не одинъ только переводъ Мина, въ данномъ случаѣ впрочемъ не безупречный, но и переводъ г. Александра Орлова, который слѣдуетъ привести въ обличеніе и назиданіе переводчикамъ, подобнымъ г. Федорову:

И сказалъ я: поэтъ, мои взоры влекутся
Къ той четѣ неразлучныхъ и скорбныхъ тѣней,
Что, какъ вѣтеръ безплотны, по вѣтру несутся....
И поэтъ отвѣчалъ: ты узнаешь о ней,

Злополучной любовью, что̀ ихъ погубила,
Заклинай ихъ,—и будетъ по просьбѣ твоей.
И едва сила вихря ихъ къ намъ обратила,
Я воскликнулъ: о скорбныя тѣни, сюда!
Прилетайте повѣдать о томъ, что̀ вамъ мило,
Если вамъ не отказано въ этомъ! Тогда—
Словно голуби, нѣжной заботой томимы
О завѣтныхъ утѣхахъ родного гнѣзда,
Быстрокрылые, мчатся подъ кровъ свой родимый,—
Такъ онѣ, встрепенувшись, покинули строй
Безотрадныхъ тѣней, ураганомъ гонимый:
Такъ могучъ былъ призывъ мой. Мы здѣсь, предъ тобой,
Чья благая душа такъ полна сожалѣньемъ
Къ намъ, омывшимъ грѣхи свои кровью живой!
Если бъ небо отвѣтило нашимъ моленьямъ,
Мы молили бъ его тебѣ миръ даровать
За твое состраданіе къ нашимъ мученьямъ.
Что желаешь, скажи намъ,—тебѣ отвѣчать
Не замедлимъ мы, волю твою исполняя,
Пока вѣтеръ утихнувшій будетъ молчать.
Родилась я на взморьѣ, гдѣ По, ниспадая,
Въ лонѣ моря находитъ желанный покой,
Своихъ спутниковъ быстрыхъ съ собой увлекая.
О любовь, сердца нѣжнаго пламень родной!
Она Паоло сердце глубоко плѣнила
Моей юной, моею убитой красой.
О любовь! равнодушьемъ она запретила
Намъ платить за нее: я была ей вѣрна,
И—ты видишь, и здѣсь я люблю, какъ любила.
О любовь! насъ обоихъ сгубила она:
Ждетъ Каина того, чьей злодѣйской рукою
Наша жизнь молодая на смерть предана!
Такъ повѣдала тѣнь. Я поникъ головою,
Состраданія полный, и долго молчалъ,
Пока дивный поэтъ не спросилъ: что съ тобою?
О, мнѣ тяжко, учитель,—ему я сказалъ:
Сколько сладостныхъ грезъ, сколько пылкихъ желаній
Привели ихъ сюда!—И потомъ продолжалъ,
Обратясь къ этимъ жертвамъ преступныхъ мечтаній:
О Франческа, я плачу, и скорбной душой
Преклоняюсь предъ силой твоихъ я страданій.
Но припомни то время изъ жизни былой,
Время первыхъ и сладостныхъ вздоховъ желанья...
Какъ отъ нихъ вы до страсти дошли роковой?
И она мнѣ въ отвѣтъ: нѣтъ сильнѣе страданья
(Твой сопутникъ ученый то долженъ понять)
Какъ въ несчастьѣ о счастіи воспоминанье.

Но когда ты такъ сильно желаешь узнать,
Какъ впервые любовь наши души плѣнила,
Свой разсказъ со слезами я стану мѣшать.
Мы однажды вдвоемъ,—время праздное было,—
О любви Ланчелотта читали разсказъ.
Мы сидѣли одни, намъ ничто не грозило.
О любви мы читали тогда, и не разъ
Наши взоры сливались, сердца замирали,
И румянецъ въ лицѣ загорался и гасъ.
Но одно насъ сгубило: когда прочитали,
Какъ лобзаньемъ съ устъ милой улыбку онъ снялъ,—
Тотъ, съ кѣмъ я неразлучна и въ мірѣ печали,
Самъ, дрожа весь, къ устамъ моимъ жадно припалъ....
Галеотто былъ авторъ той повѣсти грѣшной ...
Дальше мы не читали... Такъ призракъ вѣщалъ,
А другой, весь внимая ему, безутѣшный,
Такъ ужасно рыдалъ, удрученный тоской,
Что я обмеръ при видѣ той муки кромѣшной,
И безъ чувства на землю упалъ, чуть живой.

Этотъ переводъ, какъ не трудно видѣть, рѣзко уклоняется отъ подлинника только въ одномъ—въ замѣнѣ ямбическаго размѣра анапестическимъ. Но въ данномъ случаѣ эта замѣна вполнѣ умѣстна для изображенія порывистаго вихря и тревожнаго состоянія поэта и обличаетъ въ г. Орловѣ тонкое поэтическое чувство. За то стихъ переведенъ въ стихъ и терцины выдержаны вездѣ. Но что всего важнѣе, г. Орловъ въ полной мѣрѣ сохранилъ настроеніе оригинала, которое не нарушается ни нѣкоторою шероховатостью стиха, ни даже и нѣсколькими ненужными эпитетами и вставками переводчика: „злополучной любовью“, „злодѣйской рукою“, „жертвамъ преступныхъ мечтаній“, „Паоло сердце“ и пр. Невольно поэтому думается, что онъ пережилъ чувство, выраженое Франческой въ словахъ nessun maggior dolore etc. (v. 121—123), поставленныхъ къ переводу эпиграфомъ. Оттого анапесты у г. Орлова не только живописуютъ порывы урагана, но и рыдаютъ. Возможно, что этотъ удачный переводъ—плодъ случайнаго вдохновенія переводчика —

ποιητὴν δ'ἄρα
Ἔρως διδάσκει κἂν ἄμουσος ᾖ τὸ πρίν (Eurip. fr. 666 Dind.)—

и что его поэтическихъ силъ не хватило-бы для одинаково хорошей передачи всей поэмы Данта. Но вдохновеніе необходимо для всякаго хорошаго перевода, такъ какъ поэтическая сила переводчика измѣряется прежде всего способностью испытывать состоянія, изображае-

мыя поэтомъ. Разумѣется, должное вдохновеніе бываетъ не всегда, и порой приходится выжидать соотвѣтствующаго „наитія“. Именно потому хорошій переводъ выдающихся поэтическихъ произведеній требуетъ не только упорнаго труда, но и продолжительнаго времени. Г. Федоровъ, какъ увидимъ, если и потратилъ на переводъ много труда, то очень мало времени.

Другіе эпизоды „Ада“ переведены имъ такъ же плохо, если только не хуже. Что бы не быть голословнымъ, возьму для примѣра „что откроется“—начало XXVII пѣсни:

Огонь понемногу стихая,
Умолкъ и вершиной повелъ.—
Спросивъ разрѣшенья поэта,

Онъ медленно дальше побрелъ.
Тогда, шедшій сзади, другой ужъ
Огонь и ревѣлъ и стоналъ,

Какъ быкъ сицилійскій Перилла,
Онъ грозно и громко рычалъ.—
Какъ въ томъ заключенный художникъ,

Кричалъ такъ, какъ будто бы самъ,
Отлитый изъ мѣди огромный
Быкъ могъ воззывать къ небесамъ,—

Такъ точно и въ пламени грѣшникъ
Такъ сильно, ужасно стоналъ,
Какъ будто бы пламень свирѣпый

Съ нимъ вмѣстѣ тогда завывалъ!
Но только разверзлась верхушка
И выходъ открыла словамъ,

„О ты, удались же, ломбардецъ“!—
Такъ ясно послышалось намъ.—

Теперь послушаемъ почти дословный переводъ Мина:

Ужъ пламень смолкъ и, выпрямясь, отвѣта
Не издавалъ и отлетѣлъ отъ насъ
Съ соизволенья сладкаго поэта.
Тогда другой, во слѣдъ за нимъ явясь,
Меня заставилъ устремиться взоромъ
Къ его вершинѣ, издававшей гласъ.
Какъ сицилійскій мѣдный быкъ, въ которомъ
Его творецъ впервые поднялъ вой
(Былъ онъ казненъ правдивымъ приговоромъ!),—
Ревѣлъ такъ сильно стономъ муки злой,
Что истуканъ, хоть вылитъ изъ металла,
Казалось, весь проникнутъ былъ тоской:
Такъ скорбь души, пока не обрѣтала
Рѣчамъ своимъ пути изъ тайника,
Въ трескъ пламени свой говоръ превращала.
Когда же съ воплемъ прорвалась тоска
Сквозь остріе, вдругъ огнь заколыхался,
Волнуемый движеньемъ языка,
И началъ: и т. д.

Не восхитительную ли по рельефности, выразительности и отчетливости картину рисуетъ здѣсь Дантъ? Вмѣсто нея г. Федоровъ

даетъ что то смутное, безформенное и блѣдное въ родѣ оттиска съ сбитаго и стертаго клише. И какъ не кстати это „грозное и громкое рычаніе“ грѣшника, плодъ собственной фантазіи г. Федорова!

Другой примѣръ, взятый на удачу, пѣснь XXXIII—знаменитый разсказъ объ Уголино. Какъ вездѣ, и здѣсь можно было бы г. Федорова изобличить чуть не на каждомъ словѣ. Но мы укажемъ лишь на одинъ промахъ, который даже отъ слабаго поэтическаго зрѣнія г. Федорова могъ ускользнуть единственно потому, что, вопреки своему заявленію, онъ „копировалъ“ Данта, не вникнувъ и не вчитавшись въ него, а просто „мазокъ за мазкомъ“.

Ст. 10—13 Уголино говоритъ у г. Федорова Данту:

Хотя и не знаю, кто ты,
Но думаю ты, флорентіецъ,
Спустившійся къ намъ съ высоты.

Переводъ, какъ всюду, плохъ, но мысль передана вѣрно: Уголино не знаетъ, кто съ нимъ говоритъ (Io non so chi tu sie). Не смотря на это, отъ того же Уголино въ 40—41 ст. мы слышимъ:

О, если ты, Данте, не плачешь,
То значитъ жестокъ ты и самъ.

Такимъ образомъ Дантъ оказывается хорошо извѣстнымъ грѣшнику. Это упоминаніе имени Данта тѣмъ менѣе извинительно, что въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ это имя дѣйствительно встрѣчается (Чист. XXX, 55), поэтъ оговаривается, что въ этомъ случаѣ оно заносится въ поэму „по необходимости“ (62—63):

Quando mi volsi al suon del nome mio,
Che di necessità qui si rigistra.

Это мѣсто „Чистилища“ г. Федоровъ счелъ за благоразумное выпустить [1]). Взамѣнъ того въ XXIX пѣснѣ „Ада“ Капоккіо (переименованный г. Федоровымъ въ Каспоккіо) называетъ Данта по фамиліи, Алигіери, добавляя, изъ одного стариннаго комментарія (грѣшникъ, видно, былъ знакомъ съ Дантовой литературой), что онъ съ нимъ учился [2]),—подобно тому какъ раньше называетъ его поэтомъ Фран-

[1]) „Чистилище“ стр. 242.

[2]) „Адъ“, стр. 202. Комментарій можно видѣть въ обоихъ изданіяхъ Скартаццини.

ческа, узнавшая объ его поэтическихъ занятіяхъ, вѣроятно, изъ „Божественной Комедіи".

И какими деревянными стихами укоряетъ у г. Федорова Уголино Данта въ жестокости. Минъ, какъ въ большинствѣ случаевъ, и здѣсь даетъ превосходный переводъ:

Жестокъ же ты, когда ужъ мысль о томъ,
Что мнѣ грозило, въ скорбь тебя не вводитъ.
Не плачешь здѣсь—ты плакалъ ли о комъ?

Мы отказываемся странствовать вмѣстѣ съ г. Федоровымъ по Дантовымъ „Чистилищу" и „Раю". Стихи въ нихъ, особенно въ послѣднемъ, такого рода, что къ чтенію ихъ можно было бы принуждать въ наказаніе, какъ въ былое время принуждали въ наказаніе читать стихи Тредіаковскаго. Съ образцами „райской" поэзіи г. Федорова мы уже знакомы. Для тѣхъ, кто бы пожелалъ прослѣдить во всей полнотѣ контрастъ между геніемъ Данта и поэтической немощью г. Федорова, мы рекомендовали бы свѣрить съ „копіей" оригиналъ молитвы св. Бернарда (въ началѣ послѣдней пѣсни „Рая"), не представляющей для перевода никакихъ затрудненій. У Данта эта молитва льется торжественно и плавно, какъ звуки органа, и уносится къ небесамъ свободно и легко, подобно кадильному дыму [1]); у г. Федорова она едва тащится по землѣ, искалѣченная и изуродованная стихами безъ размѣра и обремененная грубыми и безобразными ошибками (напр. il sommo piacer—г. Федоровъ переводитъ „Царица радостей", тогда какъ Дантъ говоритъ о лицезрѣніи Бога).

Въ предисловіяхъ къ „Чистилищу" и „Раю" г. Федоровъ изъ переводчика-поэта (какъ онъ себя называетъ [2]), превращается въ богослова.

Вмѣсто того, что бы выяснить идею „Чистилища" изъ самой поэмы, г. Федоровъ пускается въ полемическую оцѣнку католическихъ догматовъ сравнительно съ православными, желая показать „насколько поэтъ уклонился отъ здраваго пониманія загробной жизни и насколько его теорія несогласна съ вѣроученіями Православной церкви, основанными строго логично и послѣдовательно, какъ на краеугольныхъ, евангельскихъ, догматахъ Христіанства, такъ и вообще на данныхъ

---

[1]) Общій тонъ этой молитвы до нѣкоторой степени переданъ въ поэтическомъ пересказѣ Минаева, впрочемъ довольно плохомъ

[2]) „Рай", стр. 8.

св. Писанія“ [1]). Для вящей убѣдительности онъ не стѣсняется награждать Римско-Католическую церковь укорами въ „ослѣпленіи хитросплетеніями“, въ „ложности и полной несообразности“ ея принципа о покаяніи „съ основами Христіанства“ [2]) въ „чрезмѣрномъ честолюбіи и гордомъ зазнаваніи, не знающемъ границъ своему дерзкому поползновенію“ [3]).

Такъ г. Федоровъ наставляетъ въ правилахъ вѣры русскихъ „интеллигентовъ“. Но если бы онъ самъ къ нимъ принадлежалъ, то понялъ бы, что его религіозное рвеніе въ данномъ случаѣ по крайней мѣрѣ неумѣстно и что задоръ въ вопросахъ религіи менѣе чѣмъ всякій другой соотвѣтствуетъ духу истиннаго просвѣщенія, которое только одно и можетъ быть желательно для „интеллигентовъ“.

Впрочемъ, г. Федоровъ хочетъ быть справедливымъ и къ католикамъ. Дантъ заблуждался въ догматахъ, „за то въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ, хотя и не лишенныхъ теологической подкладки, но свободныхъ отъ предвзятыхъ принциповъ католицизма, преимущественно во взглядахъ на основы морали и свободу воли, онъ досягаетъ неизмѣримой высоты, на нѣсколько столѣтій опережаетъ своимъ геніемъ современную эпоху и долженъ быть поставленъ наравнѣ съ Кантомъ, Гегелемъ и даже Шопенгауеромъ“ [4]).

Жаль только что на дѣлѣ Дантъ въ этомъ случаѣ не опережаетъ своихъ современниковъ, а идетъ съ ними въ ровень, и не можетъ быть сопоставленъ ни съ однимъ изъ названныхъ философовъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не признавалъ свободы воли въ томъ смыслѣ, въ какомъ признавалъ ее Дантъ, и ни одинъ не выводитъ нравственности изъ тѣхъ основаній, изъ которыхъ выведена она у Данта. Нельзя также не пожалѣть, что г. Федоровъ обосновываетъ свое предпочтеніе Шопенгауэра предъ Кантомъ и Гегелемъ исключительно союзомъ „даже“: если бы онъ вошелъ въ подробности, то, вѣроятно, далъ бы освѣщеніе, вполнѣ достойное его „общей учености“.

Въ предисловіи къ „Раю“ г. Федоровъ излагаетъ „взгляды на формы вѣчнаго блаженства“, согласно съ ученіемъ „христіанства,

---

[1]) „Чистилище“, стр. 18
[2]) Тамъ же, стр. 19, 23.
[3]) Тамъ же, стр. 23.
[4]) Тамъ же, стр. 25.

этой, такъ сказать, религіи изъ религій, основанной на строго-послѣдовательныхъ положеніяхъ Божественнаго Откровенія“ [1]) и по отношенію къ которой міровоззрѣнія всѣхъ другихъ религій суть лишь отклоненія отъ этого Откровенія [2]). Однако и христіанская „теологическая истина“, по г. Федорову, не есть еще „истина во всей ея наготѣ: какъ говоритъ Христосъ, есть понятія недоступныя не только человѣку, удрученному плотью, но и безплотнымъ ангеламъ; это положеніе не только можетъ быть принято вѣрой, свойственной истинному христіанину, но и весьма понятно для разума, ибо онъ не удовлетворяется истиною, вытекающею изъ Св. Писанія и Св. Преданія и ищетъ для своего познанія дальнѣйшаго развитія этой истины“ [3]).

Сообразно съ этимъ, г. Федоровъ предлагаетъ собственное „развитіе“ истины о раѣ. Мы не станемъ въ него входить (т. е. не въ рай, а въ „развитіе“), такъ какъ оно къ Данту не относится. Замѣтимъ лишь, что оно намъ кажется болѣе дѣльнымъ, чѣмъ „развитіе“ въ „Чистилищѣ“, между прочимъ и потому, что г. Федоровъ въ немъ ссылается не на малодоступныхъ для него Канта, Гегеля и Шопенгауэра, а на общедоступнаго философа Козьму Пруткова [4]).

Введеніе къ „Раю“ г. Федоровъ заканчиваетъ прекрасной тирадой, отлично характеризующей общій тонъ „Рая“ и могущей служить мѣрой для оцѣнки предлагаемой переводчикомъ „копіи“:

„Съ первыхъ строкъ своей небесной эпопеи, вознося благодареніе генію поэзіи, Данте какъ бы расправляетъ, и безъ того широкораспростертыя, мощныя поэтическія крылья и паритъ въ высоту; и что за картины, что за образы, что за дивные звуки исторгаетъ его вдохновенная лира! Въ стройныхъ, мелодичныхъ аккордахъ несется его хваленіе Царю Царей, сливаясь съ пѣніемъ серафимовъ, по мѣрѣ того, какъ поэтъ подымается по небеснымъ сферамъ, и вотъ оно становится все звучнѣе, все богаче сладостью и поэтическою мощью и наконецъ обрывается, обрывается сразу, мгновенно, чуть ли не на полусловѣ, обрывается передъ Престоломъ Всевышняго, безсильное воспѣть Того, Котораго нельзя обрисовать ни словами, ни звуками, ни

---

[1]) „Рай“, стр. 13.
[2]) Тамъ же, стр. 14.
[3]) Тамъ же, стр. 14—15.
[4]) Тамъ же, стр. 19.

красками, передъ Которымъ все недостойно, все слишкомъ низменно, все безцвѣтно, все мертво![1])".

И вотъ какъ великолѣпно передаетъ г. Федоровъ замираніе великолѣпныхъ Дантовыхъ аккордовъ:

Но крылья мои не могли бы
Къ тому-бы меня вознести,
Коль духъ мой здѣсь Дивнымъ столь Свѣтомъ

Ни былъ сраженъ, Что́ мои
Желанья насытилъ столь щедро
Но силы вѣдь мало моей,

Чтобъ могъ я все это представить,
Вмѣстить даже въ мысли своей.
Но желанье и воля мои ужъ

Направлены прямо тогда
Любовью, Что́ солнце вѣдь движетъ
И прочія звѣзды всегда [2]).

Послѣдніе два стиха, которыми у г. Федорова умираетъ поэма Данта,—„копія" съ знаменитаго

L'Amor che muove il sole e l'altre stelle.

Г. Федорову, повидимому, неизвѣстно, что у Данта каждая изъ трехъ частей заканчивается словомъ stelle (звѣзды), и что это однообразное окончаніе имѣло въ глазахъ поэта глубокій художественный и нравственный смыслъ указанія, на всѣхъ стадіяхъ пути къ блаженству, на звѣздную высь какъ руководительное начало жизни. Такого пониманія не видно у г. Федорова ни изъ перевода, ни изъ примѣчаній, которыми онъ довольно усердно уснащаетъ всѣ три части.

Примѣчанія эти, по заявленію переводчика, стоили ему „по крайней мѣрѣ столько же, если не больше, времени и труда, чѣмъ самый переводъ текста" [3]). Объ ихъ происхожденіи мы имѣемъ разнорѣчивыя свѣдѣнія. Изъ предисловія къ примѣчаніямъ „Ада" можно думать, что г. Федоровъ заимствовалъ свой комментарій изъ того изданія, съ котораго переводилъ. Такъ, повидимому, слѣдуетъ понимать фразу, что „въ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ пѣснямъ „Ада" читатели найдутъ всѣ необходимыя объясненія событій и именъ истори-

[1]) Тамъ же, стр. 22–23.
[2]) Тамъ же, стр. 258.
[3]) Тамъ же, стр. 7.

ческихъ лицъ, взятыхъ нами изъ итальянскаго подлинника „La Divina Commedia etc. Milano, anno 1804 [1])", гдѣ вмѣсто „взятыхъ" надо вѣроятно читать „взятыя", такъ какъ иначе фраза становится безсмысленной. Но изъ предисловія къ „Раю" мы узнаемъ, что „эти комментаріи разбросаны въ десяткахъ книгъ и составляютъ цѣлую литературу", для ознакомленія съ которой потребовалось затратить не только „массу труда и энергіи", но даже пришлось сдѣлать и „денежныя издержки" [2]). Въ „Чистилищѣ" г. Федоровъ, перечисляетъ „наиболѣе извѣстныхъ толкователей какъ новѣйшихъ, такъ и старыхъ", которыми онъ пользовался—„Гранье (т. е. Гранжье), Клерфонъ, Ландино, Веллтелло, Волпи, Вентури, Ломбарди и пр. Изъ этихъ толкователей первые четыре жили въ XVI в., а послѣдніе три въ XVIII. Новѣйшіе комментаторы скрываются подъ „и пр.". Знакомъ ли г. Федоровъ съ ними? Быть можетъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ ему было попусту тратиться на старыя и порою никуда негодныя изданія (напр. Гранжье и Клерфона), когда всѣ старыя сколько нибудь дѣльныя примѣчанія воспроизведены въ новѣйшихъ изданіяхъ (Скартаццини, Кампи)? Во всякомъ случаѣ г. Федоровъ большой консерваторъ, такъ какъ вѣяніе новой критики вовсе отсутствуетъ въ его комментаріи. Или за такое вѣяніе мы должны признать собственныя поясненія г. Федорова,—что напримѣръ il sol tace (Inf. I, 60)—„странное" выраженіе [3]) (поэтическаго образа г. Федоровъ не замѣчаетъ); или что lo bel pianeta che ad amar conforta (Purg. I, 19) значитъ—луна [4]), тогда какъ изъ текста совершенно ясно, что Дантъ подразумѣваетъ Венеру, въ чемъ согласны всѣ комментаторы, такъ какъ не могутъ не быть въ этомъ несогласны; или что во второй половинѣ второй пѣсни „Рая" излагается „мистическая и крайне туманная теорія". (къ которой это замѣчаніе служитъ у г. Федорова единственнымъ „комментаріемъ"? [5]). И сколько бы можно было указать другихъ подобныхъ наивностей и промаховъ, свидѣтельствующихъ съ полною очевидностью, что г. Федоровъ не обладаетъ ни широкимъ и основательнымъ общимъ образованіемъ, ни „спеціальнымъ" знаніемъ Данта.

---

[1]) „Адъ", стр. 240.
[2]) „Рай", стр. 7.
[3]) „Адъ", стр. 243.
[4]) „Чистилище", стр. 271.
[5]) „Рай", стр. 267.

Отсутствіе этихъ качествъ не могло не отразиться печально на переводѣ г. Федорова. Но главная причина слабости его работы не въ этомъ, а въ томъ, что хотя онъ „владѣетъ перомъ“ (въ буквальномъ смыслѣ этого слова), у него нѣтъ ни литературнаго, ни тѣмъ болѣе поэтическаго дара, необходимыхъ для перевода такой поэмы, какъ Дантова. У Данта обдумано и взвѣшено каждое слово, на всякую подробность онъ налагаетъ „узду искусства“ (lo fren dell' arte, Purg. XXXIII, 141). У г. Федорова есть только искусство писать дурные стихи, и онъ грѣшитъ прежде всего тѣмъ, что не налагаетъ узды на свое желаніе быть поэтомъ. Можетъ ли живописецъ, умѣющій только рисовать фигуры на вывѣскахъ, „скопировать“ мадонну Рафаэля? Если онъ и нарисуетъ „мадонну“, то развѣ въ смыслѣ „прекрасной дамы“ на вывѣскѣ: „здѣсь завиваютъ“. Но что, если такой живописецъ, копируя, будетъ прибавлять „изъ собственнаго богатства“? Тогда вмѣсто мадонны выйдетъ, пожалуй, уродъ. Г. Федоровъ не живописецъ, а „писатель“; но вѣдь и между „писателями“ бываетъ такая же разница, какъ и между „живописцами“.

Есть и еще причина, лишившая работу г. Федорова и тѣхъ скромныхъ качествъ, которыми она могла бы обладать при другихъ условіяхъ—ея спѣшность. По словамъ г. Федорова, эта работа „поглотила въ теченіи двухъ лѣтъ всѣ его занятія“ [1]). При этомъ на комментарій у него ушло не меньше, но даже „больше времени и труда, чѣмъ на самый переводъ текста“ [2]). Стало быть, собственно переводъ сдѣланъ имъ приблизительно въ одинъ годъ. Для 14,221 стиховъ, изъ которыхъ состоитъ поэма, да при томъ одна изъ самыхъ трудныхъ, если только не самая трудная для пониманія и перевода, года слишкомъ мало. Гнѣдичъ употребилъ на переводъ Иліады, поэмы несравненно болѣе легкой, „нѣсколько лѣтъ жизни“. Точно также нѣсколько лѣтъ работалъ надъ переводомъ (съ нѣмецкаго) „Одиссеи“ Жуковскій. Что бы написать въ годъ болѣе четырнадцати тысячъ стиховъ, пусть и переводныхъ и не возводя ихъ въ „перлы созданія“, нужно имѣть громадный стихотворный талантъ. Имѣетъ-ли его г. Федоровъ? По его мнѣнію, да. Хотя изъ приличія онъ и проситъ читателя благосклонно

---

[1]) „Рай“, стр. 8.

[2]) Тамъ же, стр. 7.

отнестись къ его труду [1]), „несовершенному и слабому, какъ всякое созданіе человѣка“, [2]) и обращается къ Данту съ мольбой „да проститъ онъ ему, если онъ не достаточно поэтически очертилъ въ своей передачѣ его чудные заманчивые образы“, однако онъ оправдываетъ свою „смѣлую попытку передать одну изъ величайшихъ поэмъ классической литературы“ лишь тѣмъ, что „что же дѣлать, если сила Данта, этого колосса поэзіи, мощность его поэтическаго дара недосягаемо велика“, и что „исполнить переводъ великой поэмы въ совершенствѣ—вещь невозможная, трудъ невѣроятный, про которой мы можемъ сказать словами одного изъ нашихъ родныхъ поэтовъ, что онъ не по плечу никому?“ [3]); онъ не колеблясь сопоставляетъ свой переводъ съ поэтическимъ переводомъ Минаева, разнящимся отъ его перевода, можно подумать, лишь тѣмъ, что первый снабженъ роскошными рисунками Доре и стоитъ въ отдѣльной продажѣ 40 руб., тогда какъ переводъ г. Федорова, не смотря на „необходимую изящность книги“, стоитъ всего 4 р. 50 к. [4]); и что всего лучше, г. Федоровъ не безъ самодовольства заявляетъ, что „оканчивая теперь переводъ Божественной Комедіи“, онъ „въ правѣ смотрѣть на него отчасти, какъ на плодъ собственнаго вдохновенія великою итальянскою поэмою“ [5]). Какъ будто всѣ созданія человѣческія равны по качеству; какъ будто всѣ плечи одинаково сильны для подъема всякихъ тяжестей; какъ будто достоинства перевода г. Федорова, „хотя и несовершеннаго, какъ все человѣческое“, сами собою предполагаются, такъ что этотъ переводъ во всякомъ случаѣ можетъ быть сопоставленъ съ Минаевскимъ! Если же г. Федоровъ лелѣетъ свое вдохновеніе, то вѣдь всякому свое дорого, всякій любитъ свое. Это общечеловѣческое свойство прекрасно отмѣчено Писаніемъ (въ немъ г. Федоровъ не совсѣмъ несвѣдущъ) въ великолѣпномъ изреченіи, которое выписывать не станемъ, но которое пусть каждый хранитъ въ душѣ неизмѣнно: Prov. XXVI, 11, или 2 Petr. 22.

Достоинства перевода г. Федорова увеличиваются, по его мнѣнію, дешевизною—всего 4 р. 50 к. за всѣ три части, при томъ „безъ

---

[1]) „Рай“, стр. 8.

[2]) „Чистилище“, стр. 8.

[3]) Тамъ же, стр. 9—10.

[4]) Тамъ же, стр. 3—5.

[5]) Тамъ же, стр. 9.

ущерба изящности, и только, такъ сказать, совершенномъ игнорированіи чисто художественной стороны дѣла“ [1]). Дешево, пожалуйте,— тѣмъ болѣе, что первая часть перевода „самымъ блестящимъ образомъ оправдала ожиданія и надежды“ [2]) переводчика: „книга, отпечатанная въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, быстро разошлась въ продажѣ“, и переводчикомъ „получено множество сочувственныхъ отзывовъ, какъ въ печати, такъ и отъ читателей“; и этотъ „успѣхъ книги придалъ ему смѣлости“, и онъ „не пожалѣлъ трудовъ“ и даже „денежныхъ издержекъ, что бы выпустить въ свѣтъ въ возможно скоромъ времени продолженіе перевода“ [3]).

Такъ подторговываетъ г. Федоровъ свой переводъ „священной поэмы“, на которую у Данта „наложили руку небо и земля“—

Il poema sacro
Al quale ha posto mano e cielo e terra (Parad XXV, 1—2)—

а у г. Федорова одна только земля, при томъ безплодная для всякой растительности, кромѣ сорной.

Изъ только что приведенной рекламы г. Федорова видно, что его переводомъ доволенъ не только онъ самъ, но и „критика, въ большинствѣ случаевъ благопріятная и даже лестная“ [4]). И это вполнѣ правдоподобно. Есть ли въ самомъ дѣлѣ что нибудь нелѣпѣе современной русской критики? Гдѣ можно найти столько невѣжества и небрежности, соединенныхъ съ такимъ задоромъ и авторитетностью, какъ въ современной русской критикѣ? Какая другая критика расточаетъ съ такой развязностью одинаково хулы и похвалы, не только безъ достаточнаго знакомства съ подлежащимъ вопросомъ, но даже и безъ достаточнаго знакомства съ критикуемыми книгами? Невольно припоминается здѣсь случай вполнѣ удостовѣренный. Одинъ ученый критикъ, носящій почтенное имя, написалъ о книгѣ другого ученаго въ спеціальномъ журналѣ рецензію, въ которой, воздавая похвалы большимъ научнымъ заслугамъ автора, его эрудиціи, умственной силѣ и т. д., счелъ необходимымъ „подлить горечи въ медъ“ и на ряду съ похвалами указывалъ, что одно у автора совершенно излишне, а другое не доказано. И

---

[1]) „Рай“, стр. 4—5.
[2]) Тамъ же, стр. 4.
[3]) „Чистилище“, стр. 3—4, „Рай“, стр. 4—5.
[4]) „Рай“, стр. 8.

когда авторъ, встрѣтившись съ рецензентомъ, выразилъ по поводу этихъ укоровъ свое недоумѣніе (похвалъ онъ, конечно, не оспаривалъ и нисколько имъ не удивлялся), такъ какъ, по его словамъ, необходимость того, что́ кажется рецензенту излишнимъ, подробно разъяснена въ первыхъ главахъ книги, а нужныя доказательства, на отсутствіе которыхъ указывалъ рецензентъ, составляютъ содержаніе всей второй ея половины, и попросилъ, съ цѣлью обличить рецензента неоспоримыми доводами, книгу, по которой написана рецензія, то эта книга оказалась разрѣзанной только въ серединѣ! Такъ поступаютъ почтенные, взаимно себя уважающіе люди. Чего же ждать отъ критиковъ, ищущихъ пищи для тѣла и души только въ борзости своего пера? А между тѣмъ для громаднаго большинства въ Россіи печатное слово—своего рода скрижаль!

Пусть послужитъ только что сказанное мнѣ извиненіемъ, что я о книгѣ г. Федорова говорю больше, чѣмъ сколько она заслуживаетъ. Говорю же о ней потому, что она кажется мнѣ поруганіемъ надъ великимъ твореніемъ Данта, поруганіемъ надъ русскимъ языкомъ, поруганіемъ надъ русской наукой, поруганіемъ надъ русскимъ интеллигентомъ, которому г. Федоровъ вмѣсто хлѣба даетъ мякину.

Да проститъ мнѣ (скажу патетическимъ слогомъ г. Федорова) „переводчикъ—поэтъ“, если къ его „копіи“ я отношусь не съ такимъ сочувствіемъ, какъ другіе. Но что́ можетъ значить одинъ несочувственный отзывъ „въ массѣ благопріятныхъ и даже лестныхъ?“ Во всякомъ случаѣ для г. Федорова не можетъ быть безполезенъ отзывъ одного изъ „интеллигентовъ“, для которыхъ онъ переводилъ Данта. Пусть только онъ не подумаетъ, что съ нимъ въ данномъ случаѣ говоритъ „ученый спеціалистъ“. Авторъ настоящей рецензіи ни въ какомъ случаѣ не можетъ считать себя „ученымъ спеціалистомъ“ по Данту: онъ простой „интеллигентъ“, любящій въ свободное время читать поэтовъ, желающій, чтобы и другіе дѣлали то же, и считающій не лишнимъ предупредить этихъ другихъ, чтобы они не читали „поэтической копіи“ г. Федорова.

Для передачи Данта стихами размѣромъ подлинника необходимо выдающееся поэтическое дарованіе. Нашъ извѣстный знатокъ западноевропейскихъ поэтовъ и переводчикъ П. И. Вейнбергъ, въ замѣчательныхъ поэтическихъ дарованіяхъ котораго какъ переводчика никто не

усумнится, прямо заявляетъ, что какъ сличеніе русскихъ стихотворныхъ переводовъ Данта (Мина, Минаева, Петрова) съ подлинникомъ, такъ и собственный опытъ переводчика, убѣдили его, „что съ точностью передать произведеніе Данта русскимъ *рифмованнымъ* стихомъ невозможно—если подъ точностью, какъ это и слѣдуетъ, понимать не только вѣрность духу подлинника, но и сохраненіе всѣхъ внѣшнихъ особенностей, т. е. тѣ условія, безъ которыхъ добросовѣстный переводчикъ не имѣетъ права относиться къ такому классическому произведенію, какъ Божественная Комедія“ [1]). Это мнѣніе, при всей его авторитетности, нѣсколько преувеличено, такъ какъ опровергается переводомъ Мина, который почему то признается г. Вейнбергомъ не удовлетворительнымъ, хотя предлагаемый самимъ г. Вейнбергомъ образецъ передачи бѣлыми стихами начала III пѣсни „Ада“ далеко уступаетъ переводу Мина. Во всякомъ случаѣ оно должно служить вѣскимъ предостереженіемъ для всѣхъ тѣхъ, кто готовъ взяться за стихотворный переводъ Данта, не взвѣсивъ своихъ поэтическихъ дарованій со всей необходимой въ этомъ случаѣ строгостью. Если у заурядnаго любителя „Божественной Комедіи“ явится неотразимое желаніе ее переводить, то пусть переводитъ лучше прозой.

Однако и прозой передать Данта не всѣмъ подъ силу. Доказательствомъ служитъ хотя бы передѣлка, „Ада“ Каншинымъ. Мы называемъ ее передѣлкой, а не переводомъ, какъ она названа самимъ авторомъ, такъ какъ можно ли считать переводомъ такую передачу, которая отклоняется отъ подлинника на каждомъ шагу, при томъ безъ всякихъ другихъ основаній, кромѣ произвола пересказчика? Входить въ сколько нибудь подробную оцѣнку этой передѣлки нѣтъ нужды: на столько она ничтожна. Въ ней не только нѣтъ никакихъ достоинствъ, но даже нѣтъ и любопытныхъ недостатковъ, какъ у г. Федорова: такъ въ ней все одинаково безцвѣтно и пошло. Предъ ней даже „копія“ г. Федорова своего рода величина. Каншинъ начинаетъ грубо извращать „Адъ“ уже съ 8 стиха и продолжаетъ это извращеніе только съ рѣдкими передышками до конца. Даже нѣсколькихъ примѣровъ этихъ извращеній приводить не стоитъ.

Если передача Каншина совершенный хламъ, то предисловіе имѣетъ нѣкоторую цѣну. Знакомства съ новой критикой въ немъ

---

[1]) „Вѣстн. Евр.“ 1875, № 5, стр. 114.

видно немного больше, чѣмъ въ трудѣ г. Федорова; но общій тонъ поэмы переданъ очень не дурно. Немногія примѣчанія, помѣщенныя Каншинымъ въ концѣ каждой пѣсни, по большей части такъ же ничтожны, какъ и текстъ.

III.

Переводъ „Декамерона“ Боккаччьо [1]) сдѣланъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ и потому было бы излишне говорить что нибудь о научныхъ достоинствахъ перевода. Иное дѣло художественная сторона. Вслѣдствіе того, что „переводчикъ задался цѣлью возможно точно передать фразу подлинника, на сколько то позволили средства русскаго языка и сноровка переводчика—не художника стиля, не избѣгая нѣкоторыхъ шероховатостей, накопленія эпитетовъ, длинно вьющейся фразы“, переводъ читается не всегда легко, и если въ немъ удалось внѣшнимъ образомъ „уловить манеру Боккаччьо, въ которой заключается не послѣднее обаяніе для тѣхъ, кто читаетъ его въ подлинникѣ“ [2]), то для лицъ, незнакомыхъ съ подлинникомъ и привыкшихъ къ тому же читать бѣгло, своеобразная стилистика русскаго текста, хотя и не нарушающая ни въ чемъ правильности языка, не можетъ не заслонять художественности содержанія. Но переводъ, несомнѣнно, предлагается не столько для тѣхъ, кто ищетъ услады, сколько для тѣхъ, кто желаетъ научиться.

Знакомство съ „Декамерономъ“ далеко не маловажно. Помимо того, что онъ вѣрно отражаетъ современную Боккаччьо эпоху и дополняетъ „человѣческой комедіей“ „Комедію Божественную“, и что его печать лежитъ на всемъ развитіи позднѣйшей художественной повѣсти [3]), и помимо его художественныхъ достоинствъ, въ немъ ясно намѣченъ поворотъ отъ господства условности къ природѣ, отъ преклоненія предъ авторитетомъ къ свободѣ личности, и что̀ всего важнѣе—онъ служитъ какъ бы прологомъ къ великой драмѣ *Écrasez l'infame*, которой главное дѣйствіе сосредоточилось во второй половинѣ прошлаго

---

[1]) Кромѣ Гаспари, Körting, Boccaccio's Leben und Werke, Leipz. 1880. М. С. Корелинъ, Ранній итальянскій, гуманизмъ М. 1892. А. Н. Веселовскій, Боккаччьо, его среда и сверстники, Спб. 1893.

[2]) „Декамеронъ“, стр. XIII.

[3]) А. Н. Веселовскій, „Боккаччьо“, стр. 544.

и началѣ нынѣшняго вѣковъ, развитіе еще продолжается, а развязка теряется въ неясномъ туманѣ будущаго.

Впрочемъ, распространяться о культурномъ значеніи Боккаччьо было бы здѣсь тѣмъ излишнѣе, что на русскомъ языкѣ есть двѣ превосходныя работы, освѣщающія этотъ вопросъ: *М. С. Корелина*, Ранній итальянскій гуманизмъ, М. 1892 и *А. Н. Веселовскаго*, Боккаччьо, его среда и сверстники, Спб. 1893. (Пока вышелъ первый томъ).

Для насъ, русскихъ, переводъ „Декамерона“ пріобрѣтаетъ особую важность какъ свидѣтельство о значительной побѣдѣ Логоса надъ окружающей его тьмой за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Побѣда эта станетъ особенно очевидной, если вспомнимъ, сколькими съ теперешней точки зрѣнія совершенно безсмысленными ампутаціями былъ изуродованъ „Адъ“ Мина. Теперь Боккаччьо изъ двухъ объемистыхъ томовъ русскаго „Декамерона“ какъ бы посмѣивается надъ подобной ни къ чему не нужной хирургіей.

Торжество, правда, нѣсколько уменьшается тѣмъ, что на ряду съ общедоступнымъ „Декамерономъ“ съ „незначительными пропусками“ существуетъ „Декамеронъ“ для избранныхъ „съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ нецензурныхъ мѣстъ“, продажу котораго издатель можетъ производить не иначе какъ по удостовѣренію каждый разъ академикомъ Веселовскимъ „о правоспособности лица, желающаго купить“ [1]). Но этотъ фактъ заслуживаетъ вниманія лишь съ принципіальной точки зрѣнія, а относительно перевода не имѣетъ сколько нибудь важнаго значенія, такъ какъ пропуски не многочисленны и не измѣняютъ общаго характера „Декамерона“.

Насколько работа академика Веселовскаго отрадна ревнителямъ о Логосѣ, настолько она непріятна окружающей Логосъ тьмѣ. Изъ нѣдръ ея послышались вопросы, „почему такъ нуженъ для насъ Боккаччьо [2])“ и выраженія надежды, что А. Н. Веселовскій выпуститъ о Боккаччьо „только два, а не нѣсколько томовъ“ [3]). Это значитъ: мы въ духовной области довлѣемъ себѣ, отъ иностранцевъ можемъ здѣсь брать одно лишь назидательное. Не рисуйте намъ швей-

---

[1]) Письмо акад. Веселовскаго въ „Нов. Врем“, № 6426.

[2]) „Новое Время“, № 6424 (отзывъ „Пет. Газ.“).

[3]) Тамъ же, № 6421 (рец. А. С.).

царскихъ видовъ, изображайте русскую природу! Къ чему намъ ночь въ Венеціи, когда у насъ есть ночь на Днѣпрѣ? И что намъ за дѣло до Южнаго Креста, когда можемъ любоваться нашей Сѣверной Медвѣдицей? Какъ будто благо, истина, красота,—единыя въ своемъ первоисточникѣ и дробныя лишь въ обнаруженіяхъ жизни, науки, искусства,—не общее достояніе всѣхъ, подобно тому какъ одинаково для всѣхъ посылаетъ животворящіе лучи свои солнце, и какъ будто взаимообщеніе народовъ во всѣхъ областяхъ духа и жизни не необходимое условіе культурнаго развитія. Но тѣ, кто предлагаютъ подобные вопросы и выражаютъ подобныя надежды, „во тьмѣ ходятъ и не вѣдаютъ, что творятъ“.

Свой переводъ академикъ Веселовскій предваряетъ краткимъ введеніемъ, въ которомъ, кромѣ указаній на извѣстныя уже намъ правила, руководившія имъ при переводѣ, даетъ справку о русскихъ переводахъ и передѣлкахъ „Декамерона“ и оправдываетъ это знаменитое твореніе отъ взводимыхъ противъ него обвиненій въ безнравственности.

„Въ торжественной оправѣ стиля (говоритъ академикъ Веселовскій) рядомъ съ новеллами героическаго характера откровенныя картинки быта выглядываютъ наивно, вызывая веселье и смѣхъ заявленіемъ извѣстнаго, иногда нескромнаго факта, не пряча его, но и не анализуя любовно, всего менѣе зазывая воображеніе за тотъ флёръ, который предательски набрасываетъ на него неумытный протоколизмъ современнаго французскаго романа. Сравненіе съ нимъ сниметъ съ „Декамерона“ роковую репутацію безнравственности, репутацію, сложившуюся отчасти вслѣдствіе смѣшенія нравственнаго съ пристойнымъ. Въ первомъ отношеніи мы не далеко ушли отъ „Декамерона“: тѣ же необойденные вопросы и та же неясность рѣшеній волнуютъ и насъ, только усиленные накопившимся матерьяломъ рефлексіи. Въ смыслѣ пристойности мы усовершенствовали декорумъ до ханжества, все окутывающаго и все позволяющаго разглядѣть. Въ этомъ Боккаччьо неповиненъ, онъ не бередитъ воображенія; здоровый протоколистъ жизни, онъ даетъ одинаковое мѣсто на солнцѣ и движеніямъ чувственности и проявленіямъ той человѣчности, въ которой полагалъ источникъ истиннаго благородства. Онъ ждетъ себѣ и читателей съ такою же широтой жизненнаго взгляда“ [1]).

[1]) „Декамеронъ“, стр. XIII—XIV.

Это свое мнѣніе академикъ Веселовскій подкрѣпляетъ ссылкой на Кардуччи, ставящаго на видъ, что у Боккаччьо „лишь въ очень немногихъ новеллахъ царитъ голая чувственность“, что изъ за нея мы не должны забывать свѣтлыхъ сторонъ Декамерона — „беззавѣтную любовь бѣдной Лизы и принцессы Гисмонды, благородную щедрость Федериго дельи Альбериги, состязаніе въ великодушіи Тито и Джизиппо, неземныя страданія Гризельды, пастушки, до муки испытанной супругомъ маркизомъ, Гризельды, образу которой не въ состояніи противопоставить подобнаго вся поэзія рыцарства“; что „чувственность болѣе грубая господствовала и раньше въ народной пѣснѣ, вызванная ханжествомъ рыцарской мистики и крайностями аскетизма“; что, наконецъ, „Боккаччьо не расточаетъ своимъ читателямъ медленный ядъ сладострастія, сконцентрированный размышленіемъ, не опьяняетъ ихъ горячимъ паромъ сентиментальной чувственности, не совращаетъ ихъ, заставляя искать блаженства въ недугѣ разслабленныхъ мечтаній, изнѣженности и женоподобіи. Боккаччьо былъ поэтъ здоровый, и появленіе порнографіи въ литературѣ было дѣломъ другихъ временъ и другихъ писателей“ [1]).

Эти послѣднія слова, которыми Кардуччи, подобно академику Веселовскому, мѣтитъ, несомнѣнно, въ французскій романъ, по своей неопредѣленности не могутъ служить доводомъ ни за, ни противъ Боккаччьо. Но замѣчанія А. Н. Веселовскаго *о современномъ* французскомъ романѣ не могутъ не породить недоразумѣнія, о какомъ собственно романѣ ведетъ онъ рѣчь, и почему протоколизмъ этого романа „неумытный“, (т. е. неподкупный, нелицепріятный), а протоколизмъ Боккаччьо „здоровый“. Если подъ современнымъ французскимъ романомъ подразумѣвать произведенія въ духѣ фельетоновъ *Gil Blas* или же въ духѣ романовъ Бело, Монтепэна, Монтегю и пр., то нельзя не согласиться, что „Декамеронъ“ выше ихъ въ нравственномъ отношеніи. Но если взять крупныхъ представителей современнаго французскаго романа, въ особенности трехъ свѣтилъ реализма и натурализма.—Э. Зола, А. Додэ, Гюи-де-Мопассана, которые только одни и могутъ быть названы „неумытными протоколистами“, то преимущество едва ли будетъ на сторонѣ Боккаччьо.

---

[1]) Тамъ же, стр. XV.

Въ своей оцѣнкѣ этого поэта именитый ученый, повидимому, несетъ дань не только тому субъективизму, который заставляетъ его „подсказывать Боккаччьо свои мысли вслѣдствіе долгаго общенія съ нимъ“ [1]) и считать, по слову Платона, „любимое истинно прекраснымъ“ въ ущербъ многому другому, но и тому, который внушается современностью, рѣдко безпристрастной къ ея представителямъ. Будущее однако несомнѣнно оцѣнитъ въ полной мѣрѣ великое культурное значеніе современнаго романа во Франціи, отдастъ должное его смѣлымъ и плодотворнымъ усиліямъ ввести демократизмъ въ литературу, его свободолюбивой борьбѣ противъ всякой условности, исключительности и всякихъ предразсудковъ, его стремленіямъ представить человѣка въ его истинной природѣ, его чуткости ко всѣмъ просвѣтительнымъ идеямъ, завѣщаннымъ великими движеніями прошлаго и нынѣшняго вѣковъ. И сколько любви къ угнетеннымъ, обездоленнымъ, слабымъ, ко всѣмъ любящимъ и незаслуженно нелюбимымъ отмѣтитъ будущее въ современномъ французскомъ романѣ, особенно у трехъ яркихъ свѣтилъ реализма и натурализма. Не оставитъ оно незамѣченной ихъ сильную, порою огненную, напоминающую ветхозавѣтныхъ пророковъ, проповѣдь въ обличеніе всякаго разврата и всякой скверны. Оно признаетъ, что они не меньше, но больше чѣмъ Боккаччьо, были выразителями человѣчности въ полномъ смыслѣ этого слова, и ни про одного изъ нихъ не скажетъ, будто они „усовершенствовали декорумъ до ханжества, все окутывающаго и все позволяющаго разглядѣть“, потому что они ничего не окутываютъ и все даютъ разглядѣть, и въ этомъ увидитъ одну изъ ихъ великихъ заслугъ и одно изъ ихъ великихъ достоинствъ.

Воздерживаюсь отъ сколько нибудь обстоятельныхъ доказательствъ, въ данномъ случаѣ мало умѣстныхъ [2]). Но что бы не оставаться вовсе

---

[1]) „Боккаччьо“, Введеніе, стр. X.

[2]) Интересующихся различными направленіями въ современной французской литературѣ и различными мнѣніями о нихъ отсылаю къ статьямъ и рецензіямъ въ Zeitschrift für (neu)französische Sprache und Litteratur, особенно Delay, B. II, pp. 491 ff. III, 385 ff.; Pons, тамъ же III, 121 ff., 514 ff.; Heller X, 308 ff.; Van ten Brink VI, 297 ff. XIII, 341 ff.; Sachs, XV, 24 ff.; Koschwitz, XV, 73 ff., а равно къ общеизвѣстнымъ: Pontmartin, Souvenirs d'un vieux critique, I—VI, Paris 1876—1881; Goncourt, Journal des Goncourt, I—VI, Paris, 1887—1892; Lemaitre, Les Contemporains, I—V, Paris 1889—1892; Hennequin, Quelques écrivains franaçis, Paris 1890; Huret, Enquête sur l'Évolution litteraire, Paris 1891 (2 éd.); A. France, La vie litteraire, I—IV, Paris, 1892; Gille,

голословнымъ по крайней мѣрѣ въ главномъ—въ вопросѣ о нравственномъ значеніи современнаго французскаго романа, позволю себѣ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія сослаться (подобно тому какъ академикъ Веселовскій съ тою же цѣлью ссылается на мнѣніе Кардуччи) на вполнѣ вѣрныя замѣчанія Эдуарда Рода о главномъ „неумытномъ протоколистѣ" нашего времени, Э. Зола, котораго совершенно основательно считаютъ виднѣйшимъ представителемъ современнаго романа во Франціи, но совершенно неосновательно—Вельзевуломъ разврата, и дополню эти замѣчанія своими о другихъ романистахъ.

„По большей части (говоритъ этотъ критикъ) романистъ, кажется, ненавидитъ и презираетъ тѣ существа, которыя создалъ и которыхъ гнусности и пороки разсказываетъ съ сатирической грубостью. Чувствуется, что онъ раздраженъ противъ нихъ, противъ ихъ плоти, которой распутство онъ обнажаетъ, противъ ихъ сердца, которое онъ наполнилъ похотями. Развѣ это не аскетъ, страстный врагъ порока, разоблачаетъ кровосмѣсительное любодѣяніе Рене (*La Curée*), описываетъ пламеннымъ стилемъ духовныя муки невѣрнаго своимъ обѣтамъ священника и агонію его трогательной соучастницы (*La Faute de l'abbé Mouret*), показываетъ намъ Купо, валяющагося въ своей мерзости (*L'Assomoir*), или Шанто, воющаго отъ боли подъ приступами подагры, которая наказываетъ его сластолюбіе, пожирая его суставы (*La Joie de vivre*)? И что за картина потрясающихъ несчастій, скопившихся вокругъ Нана: „Подобно тѣмъ стариннымъ чудовищамъ, которыхъ ужасныя владѣнія были покрыты костями, она попирала ногами черепа... Ея дѣло разрушенія и смерти было совершено, муха, прилетѣвшая съ навоза предмѣстьевъ и принесшая съ собою ферментъ общественнаго растлѣнія, отравила этихъ людей только тѣмъ, что

Batailles litteraires, I—V, Paris, 1889—1894; Doumic, Portraits d'écrivains, Paris 1892; Gidel, Histoire de la litterature française depuis 1815 jusqu'a nos jours, 2-me partie, Paris, 1891; Pelissier, Essais de la litterature contemporaine, Paris, 1892 и Le Mouvement litteraire au XIX siècle, 3-me éd., Paris, 1893; Brunetière, Le Roman naturaliste, nouv. éd. Paris, 1893; Éd. Rod, Les idées morales du temps present, Paris 1892; Cherbuliez, l'Art et la Nature, Paris, 1892; David-Sauvageot, Le Naturalisme et realisme, Paris, 1891; Klincksieck, Zur Entwicklungsgeschichte des Realismus im französischen Roman des 19 Jahrhunderts, Marb., 1891; и наконецъ къ литературнымъ рецензіямъ, монографіямъ и хроникамъ въ Revue bleue, Nouvelle Revue, Revue des deux Mondes, Magazin für die Litteratur des Auslandes и пр.

садилась на нихъ....“ (*Nana*). И какой гнѣвъ противъ тѣхъ самыхъ легкаго поведенія дѣвицъ, которыхъ онъ любитъ изображать въ ихъ наготѣ! Прочтите послѣ „Нана“ статью, озаглавленную *Comment elles poussent*. И что за описанія трагизма, въ который страсть къ наживѣ повергаетъ безумно любящихъ деньги! Замѣтьте, что этотъ моралистъ, этотъ аскетъ, въ тоже время поэтъ, влюбленный въ жизнь, обожающій ее въ ея проявленіяхъ и въ ея источникахъ, и въ этомъ противорѣчіи вы быть можетъ найдете объясненіе его вкуса къ жестокимъ и сладострастнымъ картинамъ, которыя столь несправедливо приписывали низкимъ разсчетамъ спекулянта“ [1]).

Но развѣ не тотъ же самый „отвращающій отъ всякой скверны“ духъ царитъ въ большинствѣ произведеній А. Додэ, Гюи де Мопассана, или изъ представителей другого направленія, напримѣръ, у Буржэ (*Mensonges*), Гервьэ (*Flirt*, *Peints par eux mêmes*)? Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ духъ не вѣетъ, современные „протоколисты“ даютъ (выражаясь словами акад. Веселовскаго) „одинаковое мѣсто на солнцѣ и движеніямъ чувственности и проявленіямъ той человѣчности, въ которыхъ видятъ источникъ истиннаго благородства“. Только предубѣжденный взглядъ можетъ видѣть у нихъ одни отрицательные типы. Въ благородныхъ фигурахъ нѣтъ недостатка даже у Э. Зола „кровопійцы и кровосмѣсителя“ (какъ его называютъ нѣкоторые). Такихъ фигуръ у него цѣлый рядъ. Напр., Сильверъ, Міетта (*La Fortune de Rougon*), Флоранъ (*Ventre de Paris*), Жанберна (*La Faute de l'abbé Mouret*), Гуже (*L'Assomoir*), Жоссеранъ отецъ (*Pot Boille*), Полина (*Joie de Vivre*), Магэ отецъ и мать, семья Грегуаръ (*Germinal*), Дениса (*Bonheur des Dames*), Жанъ (*Germinal*, *Terre*, *Debâcle*), Анжелика (*Le Rêve*), Каролина (*L'Argent*), Паскаль (*La Fortune de Rougons*, *La Faute de l'abbé Mouret*, *Le docteur Pascal*). Точно также у А. Додэ: Жакъ, Цецилія, Риваль, Велизарій (*Jack*), Фредерика, Розенъ отецъ, Меро (*Rois en exil*), Дивонна (*Sappho*), Рислеръ, Дезирэ (*Fromont jeune etc.*), Эбсенъ мать (*Evangéliste*), Поль де Жери, семья Жоайезъ, Мараннъ (*Nabab*), Режисъ де Фаганъ (*Rose et Ninette*). У Мопассана *Bel Ami*, *Une Vie*, *La Femme de Paul* и пр. могутъ служить лучшимъ свидѣтельствомъ того, какъ спокойныя, чисто объективныя картины не-

[1]) Les idées morales etc., pp. 88—89.

приглядной дѣйствительности способны внушать къ ней отвращеніе больше всякой страстной сатиры, *Pierre et Jean*—однимъ изъ назидательнѣйшихъ примѣровъ, въ какой глубокій трагизмъ способна повергнуть недозволенная, хотя сама по себѣ невинная любовь, *Une partie de Campagne*—превосходнымъ образцомъ выраженія „здоровой чувственности", а разсказы въ родѣ *Boule de Suif*, *Une fille de ferme*, *La Clair de la Lune*, *Bonheur*, *Miss Harriett*—еще болѣе превосходными образцами „проявленія человѣчности". Послѣдній изъ нихъ, *Miss Harriett*, чистая жемчужина и одинъ стоитъ всѣхъ „проявленій человѣчности" у Боккаччьо.

Еще меньше можно усматривать „предательскія" намѣренія у остальныхъ крупныхъ представителей современнаго французскаго романа—Мало, Терріе, Кларети, Шербюлье, Эркманна-Шатріана, Гонкура, Фабра, Галеви, Лоти, Рамо, Поля Маргерита, Онэ. Ихъ можно обвинять скорѣе во всемъ другомъ, чѣмъ въ зазываніи воображенія за флёръ нескромныхъ фактовъ. Съ этимъ согласится всякій, кто ихъ читалъ. Послѣдній изъ нихъ, наиболѣе читаемый [1]), проповѣдуетъ даже самую пошлую, порой до тошноты приторную нравственность. И въ этой нравственной проповѣди онъ далеко не одинокъ. Въ особенности съ недавняго времени нравственные идеалы становятся во французскомъ романѣ господствующими надъ всѣми другими, не исключая художественныхъ. „По мѣрѣ того, какъ мнѣ доставляютъ въ большомъ числѣ новые романы (пишетъ одинъ изъ критиковъ), я еще болѣе поражаюсь тѣми перемѣнами, которыя раньше отмѣтилъ въ стремленіяхъ нашихъ романистовъ. Послѣ психологіи, теперь готова наводнить французскій романъ мораль. Она проникаетъ въ него всѣми способами и во всѣхъ формахъ, но всегда въ концѣ занимаетъ въ немъ наилучшее мѣсто. Изъ двадцати романовъ, которые я имѣлъ случай прочесть за эти два мѣсяца, нѣтъ даже пяти, которые бы не были romans à thèse и не ставили бы себѣ болѣе или менѣе прямой цѣлью поучать насъ нашимъ обязанностямъ" [2]).

Въ укоръ современному французскому роману академикъ Веселовскій ставитъ „накопившійся матеріалъ рефлексіи", „усовершенствованный до ханжеста декорумъ", бередящій воображеніе, и любовный

[1]) По находящимся у меня экземплярамъ, къ 1889 г. Le Maître des Forges выдержалъ 274 изданія, Serge Panin—158, La Comtesse Sarah—176, Lise Fleuron—112 и т. д. и т. д.

[2]) Wyzewa въ Revue bleue, 17 mars 1894, p. 344.

анализъ нескромныхъ фактовъ. Но первый въ большемъ объемѣ, чѣмъ у Баккаччьо, встрѣчается лишь у Буржэ и вопроса о нравственности не предрѣшаетъ. О второмъ въ буквальномъ смыслѣ можно говорить—только у Фелльэ. Такой „декорумъ", несомнѣнно, печаленъ; но и непринужденные разсказы въ родѣ, напримѣръ, того, какъ „загоняютъ чорта въ адъ" („Декам". III, 10), съ нравственной точки зрѣнія едва ли могутъ быть одобрены. Подобная голая чувственность, безспорно, болѣе здорова, чѣмъ „сантиментальная", о которой говоритъ Кардуччи. Но современный романъ не чуждается изображать эту послѣднюю потому, что она повседневное явленіе. Объ ея распространенности свидѣтельствуетъ, между прочимъ, то, что почти вся лирическая поэзія новаго времени, за исключеніемъ развѣ лирики Гете и немногихъ другихъ поэтовъ,—сантиментальная, такъ что, порицая сантиментальную чувственность, придется отвергнуть всѣхъ новѣйшихъ лириковъ съ Гейне во главѣ. Сантиментальность порождена сложными условіями, между прочимъ и „аскетизмомъ". Отвѣтственность за нее падаетъ на эти условія, а не на представителей современнаго романа. Какъ „протоколисты", они не менѣе здоровы, чѣмъ Боккаччьо. Если же описываемые ими современные люди живутъ не такъ, какъ жили и чувствовали современники Боккаччьо, и если сами они несутъ на себѣ печать вѣка, то это не ихъ вина. Вопросъ о томъ, какіе поэтическіе идеалы лучше, прежніе или теперешніе, всякій можетъ рѣшать по своему, но едва ли кому нибудь въ настоящее время захотѣлось бы иначе какъ въ шутку (подобно Вольтеру по прочтеніи извѣстной книги Руссо) возвратиться къ тому состоянію, когда „ходили на четверенькахъ". Теперь не принято „загонять чорта въ адъ" у всѣхъ на глазахъ, поэтому современный романъ и окутываетъ такой „загонъ" флеромъ. Впрочемъ, трехъ главнѣйшихъ представителей этого романа едва ли кто обвинитъ въ потворствѣ „сантиментальной чувственности" и рефлексіи; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ имъ ставили въ главный укоръ то, что вмѣсто человѣка они намъ изображаютъ звѣря. Но звѣрь не знаетъ ни сантиментальности, ни рефлексіи.

За избытокъ послѣдней скорѣе можно обвинять Боккаччьо, чѣмъ главныхъ представителей современнаго романа. Рефлексіей вѣетъ ото всего „Декамерона". „Боккаччьо (говоритъ академикъ Веселовскій) любитъ резонировать: герои его новеллъ, особенно торжественныхъ, то и дѣло разсуждаютъ объ общихъ вопросахъ, сыпятъ софизмами,

произносятъ адвокатскія рѣчи, нерѣдко выходя изъ роли, намѣченной ихъ характеромъ; за нихъ разсуждаетъ Боккаччьо. Для разскащиковъ Декамерона каждая новелла становится предметомъ бесѣды, новеллы складываются въ группы, смотря по тому, какое общее, житейское или философское положеніе онѣ выясняютъ: вопросы любви и нравственности, религіи и церковной практики, тайны провидѣнія или загадочное водительство судьбы. За „человѣческой комедіей" Декамерона чувствуется серьозный субстратъ идей, исканіе міросозерцанія" [1]). „Что наставительному элементу своей книги Боккаччьо придавалъ не послѣднее значеніе—въ этомъ нельзя сомнѣваться", слышимъ мы далѣе отъ акад. Веселовскаго. Для этого наставительнаго элемента онъ „пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ: не только рѣчи его героевъ, иногда развитыя въ цѣляхъ реторизма, полны назиданій и общихъ сужденій, но сами собесѣдники морализуютъ по поводу разсказываемаго ими, обсуждаютъ чужія повѣсти, начинаютъ свои новеллы постановкой какой нибудь житейской истины, сѣтуютъ или смѣются надъ приключеніями, хвалятъ или порицаютъ, и эти сужденія опредѣляютъ настроеніе слѣдующаго разскащика; между новеллами протягивается, не смотря на ихъ иногда случайный подборъ, живая идеальная связь" [2]). Если, напримѣръ, одна изъ дамъ „Декамерона", считающая своего мужа не достаточно „охочимъ до того, до чего охочи всѣ мущины", собирается завести себѣ любовника и при этомъ оправдывается въ длинномъ разсужденіи, между прочимъ, тѣмъ, что она „нарушитъ лишь законы, тогда какъ мужъ нарушаетъ законы и природу" (День V, Нов. X), то очевидно мы имѣемъ дѣло съ рефлексіей, при томъ едва ли высокаго нравственнаго свойства. Во всякомъ случаѣ эта рефлексія ничѣмъ не лучше той, какой питаютъ насъ въ сходныхъ случаяхъ современные писатели романовъ—напримѣръ, хотя бы Марсель Прево въ своемъ извѣстномъ романѣ *Automne d'une femme*. Даже рефлексію Дюма-сына въ сравненіи съ только что приведенной изъ Боккаччьо нельзя не признать душеспасительной.

Нельзя также сказать, что бы Боккаччьо не „бередилъ воображенія". Въ доказательство достаточно сослаться, кромѣ новеллы о „за-

---

[1]) „Боккаччьо", стр. 3.

[2]) Тамъ же, стр. 519.

гонѣ чорта въ адъ", хотя бы на X новеллу VIII дня, въ которой со всѣми подробностями изображено, какъ Салабаэтто мылся въ банѣ съ Янкофьорой, какъ она его умащала и пр. Этотъ разсказъ во всемъ напоминаетъ одинъ изъ наиболѣе сладострастныхъ у Зола, какъ „ce fut Maxime qui deshabilla Renée", (La Curée, pp. 197—202), и ни въ чемъ ему не уступаетъ. Если подобные разсказы „не бередятъ воображенія", то едва ли его можетъ разбередить что либо.

Обиліе у Боккаччьо нескромныхъ сценъ и обстоятельность, съ которою онъ ихъ описываетъ, свидѣтельствуютъ очевидно, что, если онъ ихъ не „анализуетъ любовно", то во всякомъ случаѣ любовно о нихъ разсказываетъ. Но любовный анализъ нескромныхъ фактовъ ничѣмъ не хуже любовнаго о нихъ разсказа. Впрочемъ, изъ выдающихся представителей современнаго романа никто не „анализуетъ любовно" такіе факты. У Буржэ встрѣчаются нескромные анализы, однако не изъ любви къ нескромнымъ фактамъ, а изъ желанія представить ихъ разлагающее дѣйствіе, напр. въ *Mensonges*.

Нужно, правда, согласиться, что новеллы „Декамерона" вообще говорятъ воображенію менѣе сильно, чѣмъ романы современныхъ „протоколистовъ", но это объясняется тѣмъ, что, въ противоположность роману, онѣ носятъ эпизодическій характеръ и потому даютъ воображенію лишь кратковременную пищу. Точно также мало бередятъ воображеніе и новеллы современныхъ французскихъ „conteurs". Убѣдиться можно на любомъ изъ нихъ, не исключая и самыхъ смѣлыхъ, Катюлла Мандеса и Гюи де Мопассана. Трудно, напримѣръ, представить себѣ что нибудь болѣе непристойное чѣмъ *Raccommodeur des cruches* перваго [1]) и *Patronne* второго [2]), и однако эти разсказы, если и растравляютъ воображеніе, то ничѣмъ не больше новеллъ „Декамерона". Въ особенности Гюи де Мопассанъ по объективности изложенія стоитъ никакъ не ниже Боккаччьо, но пожалуй даже выше. „Ни одинъ писатель (правильно замѣчаетъ Леметръ) не оправдываетъ лучше Мопассана различія между скоромностью. (grivoiserie) всегда низкою и дешевою, и чувственностью, которая можетъ быть

---

[1]) Въ сборникѣ La jupe courte. (По тону разсказъ напоминаетъ Les bijoux indiscrets Дидро).

[2]) Въ сборникѣ Soeurs Rondoli.

поэтической и прекрасной. Скоромность подразумѣваетъ сознаніе погрѣшности противъ чувства стыда; но Мопассанъ, кажется, вообще столь же совершенно не знакомъ съ этой доблестью, какъ фавнъ, живущій среди дремучихъ лѣсовъ“ [1]). Разумѣется, и короткіе разсказы могутъ „опьянять парами сладострастія“, но такой цѣли не было у Боккаччьо, нѣтъ и у современныхъ „протоколистовъ“. И нельзя не удивляться великой нравственной силѣ тѣхъ изъ нихъ, которые въ такихъ соблазнительныхъ по содержанію и сравнительно крупныхъ по объему произведеніяхъ какъ *Germinie Lacerteux*, *Fille Elisa*, *Nana*, *Sappho*, *Maison Tellier* и пр. сумѣли такъ мало отравлять читателя „медленнымъ ядомъ сладострастія“. Тамъ, гдѣ они по необходимости подносятъ этотъ ядъ, они оговариваются, что изображаемый ими порокъ порожденъ растлѣвающей средою, на которой „онъ выросъ словно на навозѣ, изобилующемъ двусмысленными соками [2])“. Между тѣмъ академикъ Веселовскій для оправданія нескромностей Боккаччьо во всемъ „Декамеронѣ“ нашелъ только то, что „готовясь разсказать одну нѣсколько вольную новеллу (Дек. V, 10), Діонео, присяжный забавникъ въ обществѣ „Декамерона“, предупреждаетъ о томъ дамъ: новелла доставитъ вамъ удовольствіе, говоритъ онъ, „а вы, слушая ее, поступите съ нею, какъ обыкновенно дѣлаете, входя въ садъ, гдѣ, протянувъ нѣжную ручку, срываете розу, оставляя шипы; что вы и сдѣлаете, предоставивъ дрянного человѣка, въ недобрый часъ, его безчестью, весело смѣясь любовнымъ шашнямъ его жены, а гдѣ надо, ощущая состраданіе къ чужому горю“.—Діонео—это самъ Боккаччьо“ [3]).

Едва ли нужно пояснять, что этотъ доводъ только кажущійся и что если имъ можно оправдывать Боккаччьо, то ничто не мѣшаетъ подобнымъ же образомъ оправдывать и современный романъ,—не въ лицѣ его главныхъ представителей, ни въ какихъ оправданіяхъ не нуждающихся, но въ лицѣ главнымъ образомъ тѣхъ авторовъ, которые ставятъ своей задачей разводить для услажденія милыхъ дамъ „сады любовныхъ шашней“, гдѣ „прелестныя ручки“ могутъ научиться срывать однѣ розы, забывая о шипахъ.

---

[1]) Lemaitre, Les Contemporains, 5-me serie, 3 ed., Paris 1892, p. 4.

[2]) Zola, La Curée, p. 203. Подобныхъ оговорокъ можно выписать изъ романовъ Зола сколько угодно.

[3]) „Декамеронъ“, стр. XIV.

Не болѣе убѣдительны и доводы Кардуччи, что Боккаччьо не единственный непристойный писатель; что литература даже болѣе непристойная была какъ до него, такъ и послѣ него; что, впрочемъ, онъ разсказываетъ не однѣ только непристойности, такъ какъ изъ *ста* новеллъ въ *пяти* удѣляетъ мѣсто благороднымъ движеніямъ сердца. Съ такой точки зрѣнія должны быть оправданы наихудшіе изъ современныхъ порнографическихъ романовъ, такъ какъ на ряду съ ними существуютъ и добродѣтельные, и такъ какъ они во всякомъ случаѣ уступаютъ въ непристойности знаменитымъ *Ragionamenti di Pietro Aretino*, которыя въ свою очередь уступаютъ комедіямъ Аристофана, уступающимъ опять чему нибудь и т. д. Подобные доводы можно приводить лишь въ видѣ логическаго „курьеза", возражать на нихъ не зачѣмъ.

Такимъ образомъ сдѣланное А. Н. Веселовскимъ противопоставленіе, повидимому, не оправдывается современнымъ французскимъ романомъ. Предложенная почтеннымъ академикомъ характеристика относится скорѣе къ роману второй имперіи, чѣмъ къ современному. Этотъ послѣдній заслуживаетъ нашего сочувствія не только не меньше, чѣмъ „Декамеронъ", но даже, пожалуй, больше, такъ какъ ближе къ намъ. Но предпочтеніе старыхъ памятниковъ творчества новымъ крѣпко держится въ обычаѣ большинства крупныхъ представителей науки. Для извиненія недостатковъ первыхъ всегда готовъ длинный рядъ доводовъ, тогда какъ достоинства вторыхъ не только часто остаются незамѣченными, но даже порой вмѣняются въ недостатки. Когда дѣло идетъ объ Аристофанѣ, Боккаччьо, Раблэ и пр., то рисуемыя ими непристойныя картины не могутъ не быть непосредственнымъ отраженіемъ дѣйствительности и вызываютъ если не восторгъ, то по крайней мѣрѣ снисходительную улыбку. Но было бы удивительно, если бы подобныя же картины у современнаго автора не были „предательскими" и не вызывали негодованія. Древніе одинаково хороши и нагіе, и во флерѣ, и въ какой угодно одеждѣ: они всегда здоровы, изящны и „пластичны"; новые не должны выступать ни нагими, такъ какъ это неприлично, ни во флерѣ, такъ какъ онъ бередитъ воображеніе, а исключительно въ тѣхъ одѣяніяхъ, которыя каждый разъ нравятся критику. И такъ какъ на чужой вкусъ своей одеждой угодить трудно, то критика при оцѣнкѣ современныхъ поэтовъ чаще сходится въ порицаніи, чѣмъ въ одобреніи. Древній поэтъ, сколь бы ничтоженъ

ни былъ, непремѣнно изучается со всею тщательностью,—сокровище все, завѣщанное намъ древностью,—напротивъ, изъ новыхъ нерѣдко даже громадные таланты проходятъ едва замѣченные ученымъ міромъ. Въ ихъ творенія если представители науки и заглядываютъ, то по большей части предубѣжденнымъ взоромъ. Вообще же обычай предоставляетъ изучать современность скорѣе диллетантамъ, чѣмъ спеціалистамъ [1]). Но первые рѣдко могутъ быть надлежащими цѣнителями по недостатку исторической подготовки: вторые, на оборотъ, часто такъ углубляются въ прошлое, что съ его точки зрѣнія разсматриваютъ и настоящее. Между тѣмъ явленія жизни во всей ихъ полнотѣ могутъ быть постигнуты лишь тогда, когда мы прошлое освѣщаемъ изъ настоящаго, а настоящее изъ прошлаго, такъ какъ всякое явленіе неизмѣнно есть слѣдствіе ряда предшествующихъ и, если не ничтожно, полагаетъ собою рядъ послѣдующихъ. Поэтому какъ современность находитъ полное истолкованіе лишь изъ всей предшествующей ей исторіи, такъ и наоборотъ, древность получаетъ истинный смыслъ только въ свѣтѣ всей развившейся на ея почвѣ исторіи, при чемъ то, что́ кажется внѣ исторической связи ничтожнымъ и безсмысленнымъ, оказывается порою необходимымъ и полнымъ смысла въ общей связности.

Защиту Боккаччьо академикомъ А. Н. Веселовскимъ нельзя не привѣтствовать, если ее разсматривать какъ протестъ противъ узости „блюстителей конфессіональной нравственности [2])“. Вообще же переносить обсужденіе поэтическихъ произведеній на нравственную почву значитъ становиться на скользкій путь, на которомъ противъ укоровъ устоитъ весьма рѣдкое произведеніе искусства. Это прекрасно разъяснено

---

[1]) Какъ характерное свидѣтельство равнодушія крупныхъ представителей науки къ современности можно привести слѣдующій примѣръ, показавшійся бы невѣроятнымъ, если бы не былъ удостовѣренъ самимъ ученымъ, къ которому относится. Извѣстный философъ Мишлэ, профессоръ Берлинскаго университета и Академикъ, въ 1882 году публично заявилъ, что до того времени не зналъ даже о существованіи Спенсера: Ich sage *ungealmt*, weil ich zu meiner Schande bekennen muss, dass ich bis zum Beginne dieses Jahres gar keine Ahnung von Spencers Existenz hatte. Philos. Vorträge, her. v. d. philos. Gesellschaft zu Berl., № F., 2 H., Halle, 1882, p. 4. А между тѣмъ имя Спенсера извѣстно всякому школьнику, и этотъ философъ, какъ откровенно сознался Мишлэ—очень крупная величина, заслуживающая внимательнаго изученія.

[2]) „Боккаччьо“, стр. 532.

у академика Веселовскаго въ томъ мѣстѣ его этюда о Боккаччьо, гдѣ онъ сопоставляетъ взглядъ послѣдняго на „Декамеронъ“ со взглядами Овидія на „Ars amatoria“ [1]) „Для чистаго сердца все чисто, говоритъ Овидій, утверждаетъ и Боккаччьо, тѣмъ спокойнѣе, что онъ принялъ къ тому и кое какія мѣры: нѣтъ столь неприличнаго разсказа, увѣряетъ онъ насъ, который, если передавать его въ подобающихъ выраженіяхъ не былъ бы подъ стать всякому; и мнѣ кажется, я исполнилъ это какъ слѣдуетъ“ [2]).

Съ этимъ нельзя не согласиться.

Добавимъ, что низменное въ поэзіи столь же необходимо, какъ и возвышенное. Оно необходимо какъ одинъ изъ откликовъ нашей мысли, витающей не на однихъ лишь небесахъ, но чаще по земной юдоли, а

Надъ вольной мыслью Богу неугодны
Насиліе и гнетъ.
Она, рожденная свободной,
Въ оковахъ не умретъ. (А. Толстой, Іоаннъ Дамаскинъ).

Оно—отзвукъ тѣхъ нечестивыхъ надписей на поэтическомъ колоколѣ, о которомъ говоритъ геніальный поэтъ, и этотъ отзвукъ не только не нарушаетъ общей поэтической симфоніи, а наоборотъ, ее обусловливаетъ, какъ обусловливаютъ музыкальную симфонію вмѣстѣ съ высокими и низкія ноты.

Оцѣнка этюда А. Н. Веселовскаго о Боккаччьо принадлежитъ спеціалистамъ. Простые же „любители Слова“ могутъ быть только признательны почтенному ученому за то, что онъ подарилъ русской литературѣ книгу богатую и увлекательную по содержанію, мастерскую по изложенію, блестящую ясностью мысли и широтою взгляда—одинъ изъ лучшихъ образцовъ того, какимъ можетъ проявлять себя въ русской литературѣ Логосъ.

IV

„Неистовый Орландъ“ Аріоста [3]) важенъ прежде всего какъ наиболѣе полное воплощеніе поэтическаго идеала эпохи „Возрожденія“.

---

[1]) Тамъ же, стр. 537—538.

[2]) Тамъ же, стр. 538.

[3]) Кромѣ Гаспари соотвѣтствующіе отдѣлы у Ginguené, Histoire litteraire d'Italie, Paris, 1811—1835 (IV, pp. 343—521); Ruth, Geschichte der italienischer Poesie, Leipz.,

Идеалъ этотъ—изображеніе жизни во всей ея широтѣ и полнотѣ, по руководству всего того, что даетъ дѣйствительность, подсказываетъ фантазія, внушаетъ мысль, а человѣка—въ пышномъ разцвѣтѣ его физическихъ и духовныхъ силъ, проявляемыхъ безъ стѣсненія внѣшними условіями, среди столь же великолѣпной природы, точно также не ограниченной никакими узкими предѣлами, но развивающейся свободно и безъ удержу въ той очаровательной области, гдѣ искусство имѣетъ цѣль въ себѣ самомъ какъ чистый культъ красоты [1]).

Этотъ идеалъ осуществленъ въ „Неистовомъ Орландѣ“ со всѣмъ богатствомъ фантазіи, завѣщаннымъ неисчерпаемыми литературными преданіями и въ большинствѣ случаевъ съ законченнымъ совершенствомъ формы. „Аріостъ (говоритъ Піо Райна) беретъ отовсюду, гдѣ только можетъ: на Востокѣ и Западѣ, у прозаиковъ и поэтовъ. Но пользуясь всевозможными образцами, онъ руководствуется одной главной мыслью: сохранить и увеличить ихъ красоту, исправить ихъ недостатки, дать каждой вещи блестящую одежду“ [2]). Поэтъ развертываетъ чисто сказочныя картины, но всѣ фигуры въ нихъ очерчены такъ рельефно и живо, что невольно очаровываютъ и кажутся дѣйствительностью, подобно тому, какъ въ поэмѣ рыцари принимаютъ за дѣйствительность призраки, навѣянные на нихъ волшебниками и волшебницами. Разнообразіе этихъ картинъ поразительное: тутъ и шумное море, и тихіе пруды, и дремучіе лѣса, и очаровательные сады, и чудовища, и красавицы, и богатыри, и карлы, и борзые кони, и гиппогрифы, и адъ, и рай, и путешествіе на луну, и битвы, и любовныя исторіи, то трогательныя, то смѣшныя,—всего такъ много, что трудно перечислить. И вся эта роскошь льется въ звучныхъ и легкихъ октавахъ, то старательно выточенныхъ, то небрежно болтливыхъ, то спокойно величавыхъ, то грустныхъ, то добродушно насмѣшливыхъ.

1844—1847 (II, 230—304); Canello, Storia della Letteratura italiana nel secolo XVI, Milano, 1880, pp. 54—65, 105—125; D'Ancona e Bacci, Manuale della Letteratura italiana, Fir., 1892, II, pp. 252—282; Н. П. Дашкевичъ, Романтика Круглаго Стола въ литературахъ и жизни Запада, Кіевъ, 1891, I, 79 89, 293—300. Schuchardt, Romantisches und Keltisches, Berl. 1886, pp. 74—83. Изъ спеціальныхъ трудовъ Pio Rajna, Le Fonti dell Orlando furioso, Fir. 1876; Scrocca, Saggio critico sull' Orlando Furioso, Napoli, 1889; Уваровъ, Лудовикъ Аріосто, Введеніе, I—LXXXI, въ „Пантеонѣ Литературы“, іюнь 1891.

[1]) Gaspary, II, 2, p. 89.

[2]) P. Rajna, p. 527.

Въ плавности, ясности, непринужденности языка одна изъ главныхъ прелестей поэмы.

Но пусть характеристику поэта дастъ лучше К. Н. Батюшковъ, цѣнившій и понимавшій Аріоста и какъ любитель, и какъ знатокъ, и какъ поэтъ:

„Великіе писатели образуютъ языкъ (говоритъ онъ); они даютъ ему нѣкоторое направленіе, они оставляютъ на немъ неизгладимую печать своего генія; но обратно языкъ имѣетъ вліяніе на писателей. Трудность выражать свободно нѣкоторыя дѣйствія природы, всѣ оттѣнки ея, всѣ измѣненія, останавливаетъ нерѣдко перо искусное и опытное. Аріостъ, напримѣръ, выражается свободно, описываетъ вѣрно все, что ни видитъ (а взоръ сего чудеснаго Протея обнимаетъ все мірозданіе); онъ описываетъ сельскую природу съ удивительною точностію, благовонные луга и рощи, прохладные ключи и пещеры полуденной Франціи, лѣса, гдѣ Медоръ, утомленный нѣгою, почиваетъ на сладостномъ лонѣ Анжелики, роскошные чертоги Альцины, гдѣ волшебница сіяетъ между нимфами (si come è bello il sol più d'ogni stella!); все живетъ, все дышетъ подъ его перомъ. Переходя изъ тона въ тонъ, отъ картины къ картинѣ, онъ изображаетъ звукъ оружія, трескъ щитовъ, свистъ пращей, преломленіе копій, нетерпѣливость коней, жаждущихъ боя, единоборство рыцарей и неимовѣрные подвиги мужества и храбрости или брань стихій и природу, всегда прелестную даже въ самыхъ ужасахъ (bello è l'orrore)! Онъ разсказываетъ, и разсказъ его имѣетъ живость необыкновенную. Всѣ выраженія его вѣрны и съ строгою точностью прозы передаютъ читателю блестящія мысли поэта. Онъ шутитъ, и шутки его, легкія, веселыя, игривыя и часто незлобныя, растворены аттическимъ остроуміемъ. Часто онъ предается движенію души своей и удивляетъ васъ, какъ ораторъ, порывами и силою мужественнаго краснорѣчія. Онъ трогаетъ, убѣждаетъ, онъ невольно исторгаетъ у васъ слезы; самъ плачетъ съ вами и смѣется надъ вами и надъ собою, или увлекаетъ васъ въ міръ неизвѣстный, созданный его музою, заставляетъ странствовать изъ края въ край, подниматься на воздухъ: онъ вступаетъ съ вами въ царство луны, гдѣ находитъ все утраченное подъ луною и все, что мы видимъ на земноводномъ шарѣ, но все въ новомъ премѣнномъ видѣ; снова спускается на землю и снова описываетъ знакомыя страны и человѣка, и страсти его. Вы безъ малѣйшаго усилія слѣдуете за чародѣемъ, вы удивляетесь поэту,

и въ сладостномъ восторгѣ восклицаете: какой умъ, какое дарованіе! А я прибавлю: Какой языкъ!" [1]).

Каждая изъ картинъ въ „Неистовомъ Орландѣ" имѣетъ сама въ себѣ цѣну и значеніе. Но связано ли это пестрое разнообразіе въ органическое цѣлое одной общей идеей, чувствомъ, настроеніемъ? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ различно. Одни усматриваютъ цѣль поэмы въ прославленіи дома д'Есте; другіе въ изображеніи столкновенія между христіанствомъ и язычествомъ, Западомъ и Востокомъ; третьи въ „политическомъ урокѣ", направленномъ главнымъ образомъ къ объединенію Италіи, что изнѣженность и любовныя похожденія препятствуютъ совершенію великихъ подвиговъ [2]). Иные отказываются уловить какое либо внутреннее единство, но ищутъ центральнаго дѣйствія и усматриваютъ его въ войнѣ между Аграмантомъ и Карломъ Великимъ, составляющей „какъ бы стволъ поэмы, закрытый по большей части вѣтвями и листьями" [3]). Нѣкоторые вовсе отрицаютъ существованіе какого либо руководящаго замысла, за исключеніемъ развѣ желанія представить рыцарскій міръ во всей его полнотѣ и разнообразіи. Одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ видитъ въ поэмѣ сатиру на рыцарство и весь человѣческій родъ, въ которой поэтъ, безъ удержу и мѣры, смѣется одинаково надо всѣмъ: „надъ Евангелистомъ и Астольфомъ, надъ Изабеллой и Дораличе, надъ Мелиссой и пустынникомъ, соблазняющимъ Анджелику; надъ рыцарями и монахами, надъ всѣми людьми и Богомъ, надъ преданіями, религіей, поэзіей, любовью, добродѣтелью, силою, даже надъ самимъ собою, такъ какъ, хотя льститъ д'Есте, называетъ поэтовъ продажными, а ихъ похвалы лживыми". Какъ сатира на рыцарство и весь человѣческій родъ, „Неистовый Орландъ" можетъ быть сопоставленъ съ „Донъ Кихотомъ" Сервантеса и „Донъ Жуаномъ" Байрона [4]).

Истина, повидимому, въ срединѣ между двумя послѣдними мнѣніями. Важный культурный моментъ (или „философская идея") поэмы

---

[1]) Сочиненія К. Н. Батюшкова, изд. П. Н Батюшковымъ, II, стр. 149—150 (Спб. 1885).

[2]) Canello, pp. 106—111. Н. П. Дашкевичъ, стр. 84, ссылается на перечень мнѣній о смыслѣ поэмы Ариоста у Fr. Dini, Della ragione della lettere, II, pp 288 sg., котораго у меня не было въ рукахъ.

[3]) Pio Rajna, p. 35.

[4]) Scrocca, pp. 69—70.

Аріоста именно въ универсальности и неограниченномъ произволѣ фантазіи, не желающей подчинять своихъ пестрыхъ образовъ никакому замкнутому плану, никакому разъ на всегда опредѣленному чувству или настроенію, и въ неустойчивости и шаткости міровоззрѣнія.

Подобно всѣмъ выдающимся поэтическимъ произведеніямъ, „Неистовый Орландъ“ отражаетъ въ себѣ вмѣстѣ автора и эпоху. Въ своей частной жизни поэтъ больше всего любилъ независимость. Согласно съ этимъ, онъ по произволу располагаетъ и своими поэтическими образами и, не желая отдаваться всецѣло никакому, перелетаетъ съ одного на другой, какъ пчела съ цвѣтка на цвѣтокъ [1]). Богатство фантазіи всегда предполагаетъ впечатлительность и потому отзывчивость. Одно изъ наиболѣе любопытныхъ свойствъ Аріоста то, что онъ (говоря словами Рута) „съ готовностью и охотно предоставляетъ себя воздѣйствіямъ своего времени и передаетъ ихъ вѣрно“. Броженіе эпохи „сказывается главнымъ образомъ въ безпокойствѣ, господствующемъ въ поэмѣ и сообщающемся читателю. Въ необозримой массѣ приключеній нѣтъ ни одного опорнаго пункта, никакой руководительной нити, никакого указанія, которое бы дѣлало наглядным цѣлое какъ такое, общую идею поэмы... Прочное, устойчивое, законченное поэтомъ отброшено, и все мелькаетъ въ непрестанномъ движеніи среди новаго ослѣпительнаго свѣта, не озаряющаго что либо выработанное, но свѣтящаго еще вырабатываемому [2])“.

По Канелло, поэма служитъ вмѣстѣ отображеніемъ современной Аріосту политической жизни Италіи и всей Европы.

„Поэтическая композиція Аріоста (говоритъ этотъ авторъ) составлена изъ поэмы, романа и повѣстей; она не имѣетъ въ цѣломъ никакого истиннаго внутренняго единства; равнымъ образомъ нѣтъ въ ней тѣсной и явной связи между частями, которая бы составляла поэму въ собственномъ смыслѣ; она кажется капризнымъ сборомъ приключеній, прицѣпленныхъ одни къ другимъ; ея развитіе неясно и пестро; она легкомысленна съ виду и серьезна, даже трагична въ основаніи. Точно

---

[1]) Gaspary, p. 87. Это замѣтилъ уже Монтэнь: Cettuy cy (говоритъ онъ объ Аріостѣ) (on le veoit) voleter et saulteler de conte en conte, comme de branche en branche, ne se fiant à ses ailes que pour une bien courte traverse, et prendre pied à chasque bout de champ, de peur que l'haleine et la force luy faille: Excursusque breves tentat (Ess. II, ch. 10).

[2]) Ruth, II pp. 297—298.

также и политическій составъ Италіи и Европы хотя и получаетъ въ лицѣ Карла V главу для своего великаго единства, но это единство непрочное какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ государствахъ, которыя отъ него зависятъ: новое великое государство съ королевскимъ базисомъ въ Испаніи, съ императорскимъ базисомъ въ Германіи, со смѣшаннымъ базисомъ въ Италіи, остается на вѣсу, неувѣренное въ своей природѣ, въ томъ, какой характеръ въ немъ преобладаетъ, германскій или неаполитанскій; оно все, повидимому, раздроблено и раздѣлено между полусвободными государствами и правительствами, могущими и желающими отпасть отъ великаго тѣла при первомъ удобномъ случаѣ, подобно эпизодамъ. Это тѣло имѣетъ странный видъ и на первый взглядъ представляется фантастическимъ созданіемъ чрезмѣрно могучаго и капризнаго человѣка, который словно забавлялся разрушать и созидать политическій порядокъ Европы, подобно тому какъ Аріостъ свободно разлагалъ и складывалъ легендарный европейскій матеріалъ“ [1]).

Разница между обѣими композиціями однако та, что тогда какъ Карлъ V руководствовался опредѣленными политическими цѣлями, о цѣли „Неистоваго Орланда“ можно только спорить. Впрочемъ, Канелло видитъ эту цѣль въ указанномъ выше „политическомъ урокѣ“.

---

[1]) Canello, pp. 123—124.

Observations faites à l'Observatoire Météorologique de l'Université de Kiew,

publiées par le professeur P. BROUNOF.

Novembre 1893.

НАБЛЮДЕНІЯ

Метеорологической Обсерваторіи Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ,

издаваемыя профессоромъ П. И. БРОУНОВЫМЪ.

Ноябрь 1893.

Широта сѣв.
Latitude nord. 50°27′.

Долгота вост. отъ Гринвича
Longitude à l'Est de Grenwich 30°30′.

Высота барометра надъ ур. моря
Hauteur du baromètre au niveau de la mer 183^{m}.1.

Высота термометровъ надъ ур. моря
Hauteur des thermomètres au niveau de la mer. 178^{m}. 9.

Высота термометровъ надъ поверхностью земли
Elévation des thermomètres au dessus du sol 3^{m}. 5.

Высота дождемѣра надъ пов. земли
Elévation du pluviomètre au dessus du sol 2^{m}. 0.

Высота анемометра надъ пов. земли
Elévation de l'anémomètre au dessus du sol 31^{m}. 6.

Высота воды въ эвапорометрѣ надъ поверхностью земли
Elévation de la surface de l'eau dans l'évapor. au dessus du sol 3^{m}. 5.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
(В. І. Завадзкаго). Б.-Васильковская ул., д. № 29—31.
1894.

Сокращенныя обозначенія явленій:

● = Дождь.
✳ = Снѣгъ.
△ = Крупа.
○ = Ледяной дождь.
▲ = Градъ.
≡ = Туманъ.
⌓ = Роса.
⊔ = Иней.

V = Изморозь.
∽ = Гололедица
← = Ледяныя иглы.
✢ = Метель.
↙ = Сильный вѣтеръ.
⚡ = Гроза.
< = Молнія безъ грома или зарница.

⛆ = Сѣверное сіяніе.
⌒ = Радуга.
⊕ = Кругъ около солнца.
⦶ = Вѣнецъ ок. солнца.
|-| = Столбы ок. солнца.
⊖ = Кругъ ок. луны.
ω = Вѣнецъ ок. луны.
∞ = Сухой туманъ.

Примѣчанія: 24-го въ 1^hр и въ 9^hр приборы въ клѣткѣ покрыты влагой.

Числа мѣсяца даны по новому стилю.
Toutes les dates sont données d'après le nouveau style.

15 ноября, сейчасъ же послѣ наблюденій въ 1^{h}р., были перемѣщены въ саду Обсерваторіи на другое мѣсто, болѣе удобное для отсчетовъ, впрочемъ очень близкое къ прежнему, почвенные термометры въ эбонитовыхъ трубкахъ на глубинахъ 0.1m. (№ 190*) и 0.2m. (№ 190), пріобрѣтенные въ Главной Физической Обсерваторіи (см. „Наблюденія Метеоролог. Обсерв.," мартъ 1892). Въ одинъ рядъ съ ними были помѣщены новые почвенные термометры въ такихъ же трубкахъ, пріобрѣтенные также въ Главной Физической Обсерваторіи, для глубинъ: 0.4m. (№ 295*), 0.8m. (№ 769), 1.6m. (№ 769*) и 3.2m. (№ 295).

Поправки этихъ термометровъ слѣдующія:

	Отъ	До	Попр.
№ 295*	— 20°—	+ 30°	0.0
№ 769	—20.0—	— 3.4	+0.1
	— 3.3—	+ 8.2	0.0
	+ 8.3—	+30.0	—0.1
№ 769*	—20.0—	—10.0	+0.2
	— 9.9—	— 3.4	+0.1
	— 3.3	+ 5.6	0.0
	+ 5.7	+30.0	—0.1
№ 295	—10.0	+30.0	0.0

Въ теченіе остальной половины ноября отсчеты производились какъ по старымъ термометрамъ (въ деревянныхъ трубкахъ, на тѣхъ же глубинахъ) такъ и по новымъ, при чемъ результаты получались вполнѣ согласные между собою. Исключеніе представляетъ термометръ на глубинѣ 1.6m., котораго поправка, сравнительно съ прошлогодней, измѣнилась больше, чѣмъ на два градуса. Такое быстрое измѣ-

неніе поправки было замѣчено нами уже въ маѣ 1893 (см. іюньскую книжку „Наблюденій“) и, начиная съ этого мѣсяца, мы перестали помѣщать въ таблицахъ данныя, относящіяся къ этой глубинѣ.

Полное согласіе показаній остальныхъ почвенныхъ термометровъ указываетъ на надежность данныхъ, полученныхъ помощью нихъ за прошлые года. Къ сожалѣнію почвенныя условія сада Обсерваторіи не вполнѣ благопріятны для изслѣдованія тепловыхъ свойствъ почвы: скважины, сдѣланныя для термометровъ на глубинахъ 0.1m. и 0.2m., находятся въ растительномъ слоѣ, для остальныхъ—въ буромъ и сѣромъ валунномъ промытомъ суглинкѣ (морена) *); эти слои водопроницаемы, почему къ термометрамъ имѣетъ доступъ атмосферная вода.

Буреніе было произведено безвозмездно техникомъ г. Пашковскимъ, которому пріятнымъ долгомъ считаю выразить здѣсь искреннюю признательность.

---

14 ноября въ 9^hр., вслѣдствіе значительно испарившагося льда чашки эвапорометра, послѣдняя была замѣнена другой съ замороженной водой. 16-го въ 1^hр., во время оттепели, было замѣчено, что чашка давала течь, почему она немедленно была замѣнена прежней. Въ виду того, что 15-го вечеромъ температура воздуха также была выше нуля, показанія эвапорометра за 14-е, 15-е и 16-е числа являются сомнительными.

Нижеслѣдующая обычная сравнительная таблица показаній анемометра и бѣлаго флюгера за ноябрь относится лишь къ 1^hр., такъ какъ, вслѣдствіе темноты, въ 7^hа и 9^hр отсчеты по флюгеру сомнительны.

---

*) Эти свѣдѣнія сообщены проф. К. М. Феофилактовымъ, изслѣдовавшимъ образцы почвы, добытые при буреніи.

Числа мѣсяца	1 часъ дня			
	Анемометръ	Флюгеръ съ доскою	Разность направленій	Отношеніе скоростей
1	S_3	SSW_2	22°.5	1.5
2	S_4	SSW_2	22°.5	1.3
3	W_4	NW_3	45°	1.3
4	W_7	WNW_5	22°.5	1.4
5	WNW_6	WNW_4	0	1.5
6	SE_7	SSE_4	22°.5	1.8
7	N_6	N_3	0	2.0
8	NE_6	NE_4	0	1.5
9	NNE_6	NNE_4	0	1.5
10	E_1	E_1	0	1.0
11	W_3	SW_2	45°	1.5
12	NW_5	NNW_3	22°.5	1.7
13	NW_3	NNW_3	22°.5	1.0
14	SW_4	SW_1	0	4.0
15	SW_7	SW_7	0	1.0
16	SW_5	SW_3	0	1.7
17	SE_7	SE_3	0	2.3
18	$SE?$	SE_5	0	?
19	SE_{10}	SE_5	0	2.0
20	SE_{10}	SE_7	0	1.4
21	WNW_{12}	WNW_{12}	0	1.0
22	NW_8	NW_5	0	1.6
23	S_5	SSW_2	22°.5	1.7
24	NW_1	NNE_1	67°.5	1.0
25	W_7	W_3	0	2.3
26	W_7	W_3	0	2.3
27	SW_6	SW_3	0	2.0
28	WNW_5	NW_3	22°,5	1.7
29	W_7	W_3	0	2.3
30	W_4	NNW_3	22°.5	1.3

Отношеніе скоростей за ноябрь оказывается равнымъ 1.7.

18 ноября въ 7^ha и 9^hp. анемометръ, вслѣдствіе гололедицы, не дѣйствовалъ.

Наблюденія и обработка ихъ въ ноябрѣ произведены А. П. Василевскимъ, обработка записей термографа Ришара—Я. И. Красовскимъ.

Общій обзоръ погоды въ Кіевѣ въ октябрѣ 1893 г. (Aperçu général de l'état de l'atmosphère à Kiew durant le mois de novembre 1893).

Ноябрь представляетъ собою какъ бы продолженіе второй половины октября: большая облачность, большое количество осадковъ и значительныя колебанія температуры при преобладающихъ и чередующихся между собою SE и W вѣтрахъ—вотъ характерныя особенности этого мѣсяца.

Всего осадковъ въ ноябрѣ выпало 77.2 mm.

Колебанія температуры происходили вблизи точки замерзанія: ночью она опускалась ниже ея, днемъ—поднималась выше. Переходовъ черезъ нуль внизъ было необыкновенно много—19 и столько же вверхъ. Это относится къ воздуху, на поверхности же почвы ихъ было еще больше—23.

Такое состояніе атмосферы въ ноябрѣ объясняется частымъ чередованіемъ областей слабаго и высокаго атмосфернаго давленія, проходившихъ надъ Кіевомъ.

Отклоненія температуры воздуха въ Кіевѣ въ ноябрѣ 1893 года отъ многолѣтней средней были:

1	2	3	4	5	6	7	8
+3.9	+3.5	+0.6	+2.8	+3.6	+3.9	+0.5	—2.7
9	10	11	12	13	14	15	16
—5.3	—7.2	—6.4	—3.5	—1.7	—1.2	—2.5	—0.6
17	18	19	20	21	22	23	24
—1.2	—0.3	+7.5	+10.5	+1.5	+0.2	—1.1	—0.4
25	26	27	28	29	30	31	
—2.4	+0.8	+1.2	—4.1	+1.7	+5.9		

Среднее отклоненіе за мѣсяцъ: $+0^0.3$.

Температура почвы на всѣхъ глубинахъ, кромѣ поверхностнаго слоя, все время оставалась выше нуля; исключеніе представляетъ глубина 0.1 м., на которой она въ концѣ мѣсяца колебалась вверхъ и внизъ отъ нуля, слѣдуя колебаніямъ въ поверхностномъ слоѣ.

Снѣжный покровъ. (Couche de neige.). Первый снѣгъ выпалъ 7 ноября; онъ пролежалъ до 19-го; въ концѣ мѣсяца снѣжный покровъ снова покрылъ землю, но толщина его, какъ и въ первый разъ, была незначительна.

Въ слѣдующей таблицѣ даны для ноября 1893 г.: общее состояніе снѣжнаго покрова въ окрестности по 10-бальной системѣ и толщина его, въ сантиметрахъ, по рейкѣ, установленной въ саду Обсерваторіи.

Число мѣсяца Date	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Общ. сост. сн. покр. Etat général de la couche de neige	не было							2	9	8	7	6	1	1	1
Толщина снѣга Profondeur de la couche de neige	—	—	—	—	—	—	—	0	8	8	7	8	5	0	0

Число мѣсяца Date	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
Общ. сост. сн. покр. Etat général de la couche de neige	слѣды снѣга	2	не было			слѣды		не было	10	10	9	8	8	слѣды	
Толщина снѣга Profondeur de la couche de neige	0	0	0	—	—	—	0	—	—	5	4	4	2	2	0

Цифра 0 означаетъ, что толщина снѣга была меньше 1 сант., а черта указываетъ на отсутствіе снѣга у рейки.

Ноябрь **Кіевъ** **1893**
Novembre **Kiew**

Число. Date.	Барометръ. Baromètre. 700 +				Температура воздуха. Température de l'air.						Абсол. влажность. Humid. absol.			
	7	1	9	Средн. Moyen.	7	1	9	Средн. Moyen.	Max.	Min.	7	1	9	Средн. Moyen.
1	48.0	47.4	46.0	47.1	5.9	8.4	6.1	6.8	8.7	5.2	7.0	7.2	6.8	7.0
2	44.1	42.8	39.4	42.1	4.9	8.1	8.3	7.1	8.3	4.7	6.5	7.6	7.8	7.3
3	37.6	37.1	38.5	37.7	3.9	5.9	2.2	4.0	8.6	2.2	6.0	5.5	5.2	5.6
4	39.6	42.0	39.0	40.2	2.4	6.1	7.6	5.4	7.6	1.5	5.2	4.3	5.5	5.0
5	40.8	44.7	48.0	44.5	8.8	8.4	0.5	5.9	9.4	0.5	5.5	4.0	3.7	4.4
6	47.9	45.1	41.8	44.9	2.2	8.5	6.7	5.8	9.3	—0.2	4.3	5.7	6.8	5.6
7	40.0	41.4	44.7	42.0	6.3	0.5	0.3	2.4	7.1	0.2	6.7	4.8	4.4	5.3
8	47.2	47.2	46.9	47.1	—0.3	—0.1	—1.4	—0.6	0 4	—1.5	3.8	3.5	3.6	3.6
9	47.7	49.9	53.9	50.5	—2.1	—1.4	—4.0	—2.5	—0.7	—4.0	3.9	3.6	2.9	3.5
10	54.9	53.9	52.3	53.7	—9.1	—0.6	—1.9	—3.9	—0.2	—9.3	2.1	3.1	2.8	2.7
11	51.1	51.3	50.4	50.9	—2.7	—1.8	—6.3	—3.6	—0.8	—6.5	3.0	2.6	2.4	2.7
12	48.2	49.6	52.6	50.1	—2.9	0.7	—2.2	—1.5	1.7	—6.9	3.5	4.0	3.8	3.8
13	54.7	56.4	57.1	56.1	—0.4	2.3	—0.6	—0.4	2.9	—3.2	4.5	4.8	4.1	4.5
14	55.8	55.0	53.7	54.8	0.3	0.7	—1.3	—0.1	1.2	—1.5	3.8	4.1	3.6	3.8
15	50.4	49.1	48.0	49.2	—1.8	—1.1	0.3	—0.9	0.5	—2.1	3.6	3.8	4.4	3.9
16	46.4	46.7	47.8	47.0	0.1	0.6	0.1	0.3	1.0	—0.1	4.2	4.3	4.2	4.2
17	49.0	49.9	49.0	49.3	0.1	0.2	—0.5	—0.1	0.4	—0.5	4.6	4.6	4.0	4.4
18	44.8	41.6	39.4	41.9	—0.7	0.4	2.1	0.6	2.3	—1.0	4.0	4.6	5.2	4.6
19	35.3	35.1	35.6	35.3	5.3	7.9	9.7	7.6	9.7	2.1	6.7	7.6	8.9	7.4
20	34.2	32.6	33.7	33.5	9.8	12.9	8.1	10.3	13.7	7.7	8.4	8.9	6.2	7.5
21	33.5	33.6	37.8	35.0	5.0	3.5	—4.8	1.2	8.5	—4.7	5.9	4.8	2.4	4.4
22	41.2	43.9	46.7	43.9	—0.7	1.4	—0.3	0.1	2.8	—5.7	3.5	2.9	3.6	3.3
23	47.3	45.1	45.2	45.9	—3.4	1.9	—1.3	—0.9	2.9	—3.6	3.0	3.4	3.8	3.4
24	42.1	40.7	40.0	40.9	0.2	0.6	0.0	0.3	1.0	—2.0	4.2	4.8	4.6	4.5
25	43.6	45.0	43.7	44.1	—1.4	—1.6	—4.7	—2.6	0.0	—4 7	4.0	3.3	2.7	3.3
26	40.7	40.3	40.6	40.5	—2.8	1.3	—0.7	—0.7	2.2	—4.6	3.3	3.5	3.4	3.4
27	39.5	38.6	38.3	38.8	—1.8	0.5	2.2	0.3	2.2	—2.7	4.0	4.3	4.2	4.2
28	48.6	51.0	45.7	48.4	— 7.0	—3.3	—3.2	—4.5	2.5	—7.4	1.9	2.2	2.9	2.3
29	43.2	42.3	40.3	41.9	—0.1	1.6	4.3	1.9	4.5	—3.2	3.8	4.5	5.9	4.7
30	43.8	45.4	46.4	45.2	5.8	6.4	5.2	5.8	6.6	2.7	6.9	6.6	5.8	6.4
Средн. Moyen.	44.7	44.8	44.8	44.8	0.8	2.6	1.0	1.5	4.1	—1.6	4.6	4.6	4.5	4 6

Ноябрь **Киевъ** **1893**
Novembre **Kiew**

Число. Date.	Относит. влажн. Humid. relat.				Напр. и сила в. Dir. et vitesse du vent.			Напр. об. Dir. des nuages.	Облачность. Nébulosité.		
	7	1	9	Средн. Moyen.	7	1	9	1	7	1	9
1	100	88	97	95	SE_3	S_3	SE_3	?	10 S	10 S	10 S
2	100	94	96	97	SW_2	S_4	S_6	?	5 Ccu; S	10 S	10 CuS
3	98	79	96	91	WNW_5	W_4	W_5	?	10 S	10^{m} S; Cu	5 S
4	94	62	70	75	WNW_6	W_7	WSW_{10}	WNW	8 CuS;Cu	7 CCu; Cu	10 S
5	66	50	78	65	WNW_6	WNW_6	S_1	$\frac{NW}{W}$	9 CuS	4 CCu; CS	2 S
6	80	69	93	81	SSE_3	SE_7	S_5	WSW	10 CuS	5 C; CS	8 CuS; S
7	94	100	94	96	N_3	N_6	N_5	?	10 CuS	10^{2} N	8 CuS
8	85	77	86	83	NE_5	NE_6	E_4	?	9 CuS	10 CuS	10 S
9	99	88	87	91	N_5	NNE_6	NNW_4	?	10 N	10 S	0
10	94	71	71	79	NW_2	E_1	ESE_2	?	1 CS; S	10 S	10 S
11	81	64	85	77	0	W_3	WNW_4	?	10 S	10 S	0
12	96	83	98	92	WNW_6	NW_5	NW_4	N	10 S	9 CuS	0 S
13	99	87	93	93	WNW_4	NW_3	W_3	?	10 S	10 CuS	0 S
14	81	84	86	84	W_5	SW_4	SW_6	?	10 CuS	10 S	10 S
15	90	90	94	91	SSW_6	SW_7	SE_2	?	10 S	10 S	10 S
16	91	90	90	90	S_4	SW_5	S_3	?	10 S	10 S	10 S
17	100	97	89	95	SE_6	SE_7	ESE_8	SE	10 N	10 N	10 N
18	92	96	96	95	SE_5	SE_5	SE_{10}	?	10 N	10 N	10 N
19	100	96	99	98	SE_7	SE_{10}	SE_7	?	10 N	10 N	10 N
20	94	81	77	84	SE_6	SE_{10}	SW_{13}	SE	10 CuS	10 N;CuS	10 N;CuS
21	90	82	77	83	SW_7	WNW_{12}	NW_8	WNW	8 CuS	10 CuS	8 C; CS
22	81	58	79	73	NW_7	NW_8	W_6	NW	10 CuS	9 Cu; CuS	10 CuS
23	86	64	90	80	W_2	S_5	SE_2	SW	0	10CS;CuS	8 CS;CuS
24	90	100	100	97	E_3	NW_1	N_4	?	10 S;CuS	10 S	10 N
25	97	81	85	88	WNW_4	W_7	WSW_5	?	10 S	2 Cu; CuS	0
26	90	68	79	79	WSW_8	W_7	SW_6	?	4 CS;CuS	5 CS; S	10 CuS;S
27	100	90	79	90	SW_4	SW_6	W_9	SW	10 S	9 CuS; S	10 S
28	71	60	79	70	NW_9	WNW_5	WSW_{10}	—	1 Cu; CuS	0	10 S
29	82	87	95	88	W_8	W_7	WNW_7	?	5 Cu;CuS	10 S	10^{2}S;CuS
30	100	91	87	93	NW_6	W_4	WNW_5	NW	10 N	10 S; CuS	10 S
Средн. Moyen.	91	81	88	86	4.1	5.1	5.1		8.3	8.7	8.0

Ноябрь **Киевъ** **1893**
Novembre **Kiew**

Число. Date.	Осадки Précip. en mm. 7	Кол. испар. Evap. 7	Актинометръ. Actinomètre. Черн. Noir. (1 ч.)	Разн. Diff. (1 ч.)	Солнце. Soleil. (1 ч.)	Температура на поверхн. почвы. Temp. à la surface de la terre. 7	1	9	Средн. Moyen.	Max.	Min.
1	0.0	0.1	10.7	1.2	0	5.6	8.6	6.0	6.7	9.1	3.0
2	2.8	0.2	9.2	0.5	0	4.0	7.9	7.4	6.4	8.2	2.5
3	2.8	0.1	11.5	3.0	1	5.5	8.3	3.1	5.6	8.8	2.0
4	0.7	1.1	17.0	6.2	1	2.5	7.2	5.3	5.0	8.4	0.7
5	—	0.7	31.4	11.9	1	6.4	7.5	0.6	4.8	9.3	−1.4
6	0.0	0.4	18.7	4.3	1	2.1	7.7	6.0	5.3	8.6	−2.7
7	10.6	0.3	0.9	0.4	0	5.3	0.6	0.6	2.2	6.1	−0.5
8	3.5	0.7	1.6	0.7	0	0.1	1.4	−0.1	0.5	2.7	−1.5
9	1.1	0.2	1.2	1.1	0	0.2	0.0	−7.2	−2.3	0.2	−8.2
10	—	0.2	5.8	3.3	0	−11.4	0.2	−1.2	−4.1	0.7	−14.8
11	—	0.2	2.7	2.1	0	−2.0	−0.1	−7.8	−3.3	−0.1	−10.0
12	0.6	0.2	5.0	1.6	0	−2.1	0.9	−4.6	−1.9	4.0	−9.0
13	—	0.1	8.3	3.1	0	−0.2	0.2	−2.4	−0.8	0.5	−7.5
14	—	?	2.9	1.0	0	0.0	0.3	−0.3	0.0	0.4	−3.8
15	—	?	0.6	0.4	0	−0.7	−0.1	−0.1	−0.3	0.0	−2.4
16	0.2	?	1.6	0.5	0	0.0	0.2	0.0	0.1	0.3	−1.0
17	1.3	0.5	1.6	1.0	0	0.0	0.1	0 0	0.0	0.2	−1.2
18	34.3	0.0	2.1	0.9	0	0.0	0.1	1.2	0.4	1.7	−1.4
19	4.8	0.2	9.4	0.9	0	4.0	6.9	7.9	6.3	7.9	0.7
20	0.7	0.6	13.4	0.3	0	7.8	11.0	6.9	8.6	12.3	6.5
21	0.9	0.9	5.4	1.2	0	3.9	4.5	−0.3	2.7	6.8	−3.2
22	—	0.6	12.5	4.4	1	−0.5	0.8	−0.1	0.1	2.3	−4.9
23	0.8	0.3	6.9	2.2	0	−0.4	0.3	−1.3	−0.5	1.3	−4.0
24	9.5	0.0	2.0	0.6	0	−0.1	0.2	0.0	0.0	0.2	−3.3
25	—	0.3	20.9	11.0	2	−1.2	−0.1	−8.3	−3.2	0.4	−9.4
26	—	0.6	15.6	5.7	1	−4.9	0.2	−2.1	−2.3	0.3	−9.8
27	—	0.7	9.6	4.9	1	−2.0	0.2	0.0	−0.6	0.2	−7.0
28	0.5	0.3	20.4	11.4	2	−3.5	−0.9	−3.6	−2.7	0.0	−9.7
29	2.1	0.1	3.2	0.7	0	−3.0	0.2	0.9	−0.6	0.9	−4.3
30	0.0	0.4	7.9	1.0	0	1.1	2.8	3.1	2.3	3.2	−0.4
Средн. Moyen.	2.6	0.4?	8.7	2.9	0.4	0.6	2.6	0.3	1.1	3.5	−3.5

Ноябрь **Kiевъ** **1893**
Novembre **Kiew**

Число. Date.	Температура почвы на глубинѣ: Température de la terre à la profondeur de: 0.00m. 7	1	9	Средн. Moyen.	0.10m. 7	1	9	Средн. Moyen.	0.20m. 7	1	9	Средн. Moyen.
1	5.6	8.6	6.1	6.8	5.8	6.8	6.5	6.4	5.9	6.2	6.6	6.2
2	4.1	7.9	7.4	6.5	6.0	6.9	7.2	6.7	5.5	6.6	7.0	6.4
3	5.7	8.5	3.2	5.8	6.9	7.2	6.1	6.7	7.2	7.1	6.9	7.1
4	2.7	7.4	5.3	5.1	5.1	5.9	5.9	5.6	6.1	6.0	6.2	6.1
5	6.3	7.6	0.8	4.9	6.5	6.6	4.6	5.9	6.5	6.6	6.1	6.4
6	2.1	7.6	6.0	5.2	4.0	5.5	6.0	5.2	4.9	5.3	6.0	5.4
7	5.4	0.2	0.7	2.1	5.7	4.9	4.1	4.9	5.9	5.9	5.0	5.6
8	0.0	1.6	—0.1	0.5	3.5	3.4	3.0	3.3	4.4	4.3	4.0	4.2
9	0.2	—0.8	—7.3	—2.6	2.8	3.0	2.8	2.9	3.7	3.7	3.6	3.7
10	—12.2	0.1	—1.8	—4.6	0.7	2.7	2.4	1.9	3.3	3.1	3.1	3.2
11	—2.0	—0.3	—7.3	—3.2	2.4	2.9	2.1	2.5	3.0	3.0	2.8	2.9
12	—1.8	0.1	—3.5	—1.7	1.8	2.4	1.8	2.0	2.6	2.6	2.5	2 6
13	—0.2	0.1	—2.5	—0.9	1.9	2.3	0.2	1.5	2.4	2.5	1.7	2.2
14	—0.1	0.4	—0.3	0.0	0.4	0.5	0.4	0.4	1.6	1.8	1.7	1.7
15	—0.4	—0.1	—0.1	—0.2	0.4	0.3	0.3	0.3	1.3	1.4	1.4	1.4
16	0.0	0.3	0.3	0.2	0.4	0.5	0.6	0.5	1.5	1.6	1.7	1.6
17	0.3	0.3	0.2	0.3	0.8	0.9	0.6	0.8	1.8	1.7	1.4	1.6
18	0.2	0.3	1.3	0.6	0.5	0.6	1.1	0.7	1.3	1.3	1.5	1.4
19	4.4	7.3	7.9	6.5	3.1	5.3	6.4	4.9	2.9	4.4	5.2	4.2
20	8.3	10.9	7.0	8.7	7.0	8.8	7.6	7.8	6.2	7.4	7.4	7.0
21	3.9	5.3	—2.8	2.1	4.9	5.1	1.9	4.0	5.5	5.3	3.7	4.8
22	—1.1	3.6	0.0	0.8	0.7	1.6	0.4	0.9	2.1	2.1	1.7	2.0
23	—0.1	0.4	—1.8	—0.5	—0.1	1.0	—0.4	0.2	1.2	1.5	1.1	1.3
24	—0.2	0.5	0.0	0.1	0.0	0.3	0.2	0.2	1.0	1.1	1.0	1.0
25	1.2	0.7	—7.8	—2.8	0.0	0.5	0.6	0.4	0.9	1.1	0.7	0.9
26	—3.3	0.2	—2.2	—1.8	—0.5	0.8	0.0	0.1	0.8	1.1	0.9	0.9
27	—2.0	0.1	0.0	—0.6	0.0	0.6	0.5	0.4	0.8	1.1	1.1	1.0
28	—7.6	—2.7	—3.3	—4.5	—0.6	—0.7	—1.5	—0.9	0.5	0.6	0.2	0.4
29	—2.2	0.1	0.1	—0.7	—0.5	0.3	0.7	0.2	0.4	0.5	0.6	0.5
30	1.2	2.8	3.1	2.4	1.2	0.5	1.3	1.0	0.8	0.9	0.9	0.9
Средн. Moyen.	0.5	2.6	0.3	**1.2**	2.4	2.9	2.4	**2.6**	3.1	3.3	3.1	**3.2**

Ноябрь **Киевъ** **1893**
Novembre **Kiew**

Число. Date.	Температура почвы на глубинѣ: Températ. de la terre à la profondeur de: 0.40m. 7	1	9	Средн. Moyen.	0.80m. 1	1.60m. 1	3.20m. 1	Примѣчанія. Remarques.
1	6.1	6.4	6.8	6.4	7.6		11.0	≡ n, 1, a; ●° p.
2	6.8	6.8	7.1	6.9	7.8		-	≡", ⏃ n, 1; ◉° a, p.
3	7.4	7 3	7.3	7.3	7.9		10.9	◉ n, p.
4	6.7	6.5	6.6	6.6	7.9		—	● n, p.
5	6.8	6.8	6.7	6.8	7.9		10.8	⊔", ⏃ p, 3.
6	5 7	5.8	6.2	5.9	7.7		—	●° p.
7	6.3	6.3	5.8	6.1	7.5		10.7	△, ●, ✳ a, 2; ✳², ◉ p; ᔕ° p, 3.
8	5.1	4.9	4.8	4.9	7.2		—	—
9	4.4	4.3	4.2	4.3	6.9		10.6	✳ n, 1, a.
10	3.7	3.7	3.4	3.6	6.5		—	⊔ n, 1.
11	3.5	3.4	3.2	3.4	6.1		10.5	⊔ p, 3.
12	3.0	3.0	3.0	3.0	5.9		—	⊔ p, 3.
13	2.8	2.9	3.0	2.9	5.7		10.4	✳ n; ≡ a; ⊔ n, p, 3; Ѡ p.
14	2.8	2.8	2.8	2.8	5.5		—	—
15	2.8	2.5	2.5	2.6	5.2		10.3	—
16	2.5	2.7	2.5	2.6	5.0		—	— ᔕn,1,a,2,p,3.
17	2.6	2.7	2.7	2.7	5.0		10.2	≡n,1;●°n,1,a,2,p;✳°a,2,p;✳p,3;△p;
18	2.6	2.5	2.5	2.5	4.8		—	✳°n,1;✳a;●1,a,2,p;◉°3;ᔕn,1,a,2;
19	2.9	3.4	4.2	3.5	4.7		10.0	◉n,1,a,2,p;◉°3;≡p,3 ᔕ°p.
20	5.0	5.6	6.2	5.6	5.1		—	◉° n, a, 2; ◉ p, 3.
21	6.0	5.7	5 1	5.6	5.7		9.8	◉° n, a; ✳ p; Ѡ 3.
22	4.1	3.6	3.3	3.7	5 7		—	✳° n.
23	3.0	2.7	2.6	2.8	5.3		9.7	⊔" n, 1, p, 3; ⏀ 3.
24	2.4	2.2	2.3	2.3	4.9		—	✳ n,p,3;◉°a;●p;≡⁶n,1;≡²a,2;≡p
25	2.1	2.2	2.2	2.2	4.5		9.4	✳ n.
26	2.1	2.0	2.0	2.0	4.2		—	⊔° n, 1.
27	2.0	2.0	1.9	2.0	4.1		9.3	≡ n, 1, a.
28	1.9	1.8	1.7	1.8	4.0		—	🌧 n, p, 3.
29	1.5	1.6	1.5	1.5	3.9		9.2	🌧 n; ✳ n, p; ● p.
30	1.6	1.5	1.9	1.7	3.7		—	● n; ◉° 1, a.
Средн. Moyen.	3.9	3.9	3.9	3.9	5.8		10.2	

Ноябрь
Novembre

Кіевъ
Kiew

1893

Вѣтры. Vents.	Число. Nomb.	Сумма скор. Somme des vit.	Средн. скор. Vitesse moyen.
0	1	—	—
N	5	23	4.6
NNE	1	6	6.0
NE	2	11	5.5
ENE	—	—	—
E	3	8	2.7
ESE	2	10	5.0
SE	14	88	6.1
SSE	2	5	2.5
S	8	31	3.9
SSW	1	6	6.0
SW	10	60	6.0
WSW	4	33	8.3
W	14	77	5.5
WNW	12	70	5.8
NW	10	53	5.3
NNW	1	4	4.0

Температура. Température.	Maximum.	13.7
	День. Date.	20
	Minimum.	— 9.3
	День. Date.	10
Барометръ. Baromètre.	Maximum.	57.1
	День. Date.	13
	Minimum.	32.6
	День. Date.	20
Отн. влаж. Humid. relat.	Minimum.	50
	День. Date.	5
Осадки. Précipitation.	Maximum въ сутки. „ en 24 heures.	34.3
	День. Date.	18
Число дней съ: Nombre de jours avec:	Осадками. Précipitation.	17
	✳	10
	●	14
	△	1
	≡	7
	⩍	2
	⊔	7
	↙	2
	Ясн. неб. Ciel clair.	—
	Пасм. небо. Ciel couvert.	19
	Темпер. воздуха Temp. de l'air Max. $\leq 0^\circ$	3
	Темпер. возд. Temp. de l'air Min. $\leq 0^\circ$	21
	Темп. пов. почвы Temp. de la surf. de la terre Max. $\leq 0^\circ$	1
	Темп. пов. почвы Temp. de la surf. de la terre Min. $\leq 0^\circ$	24

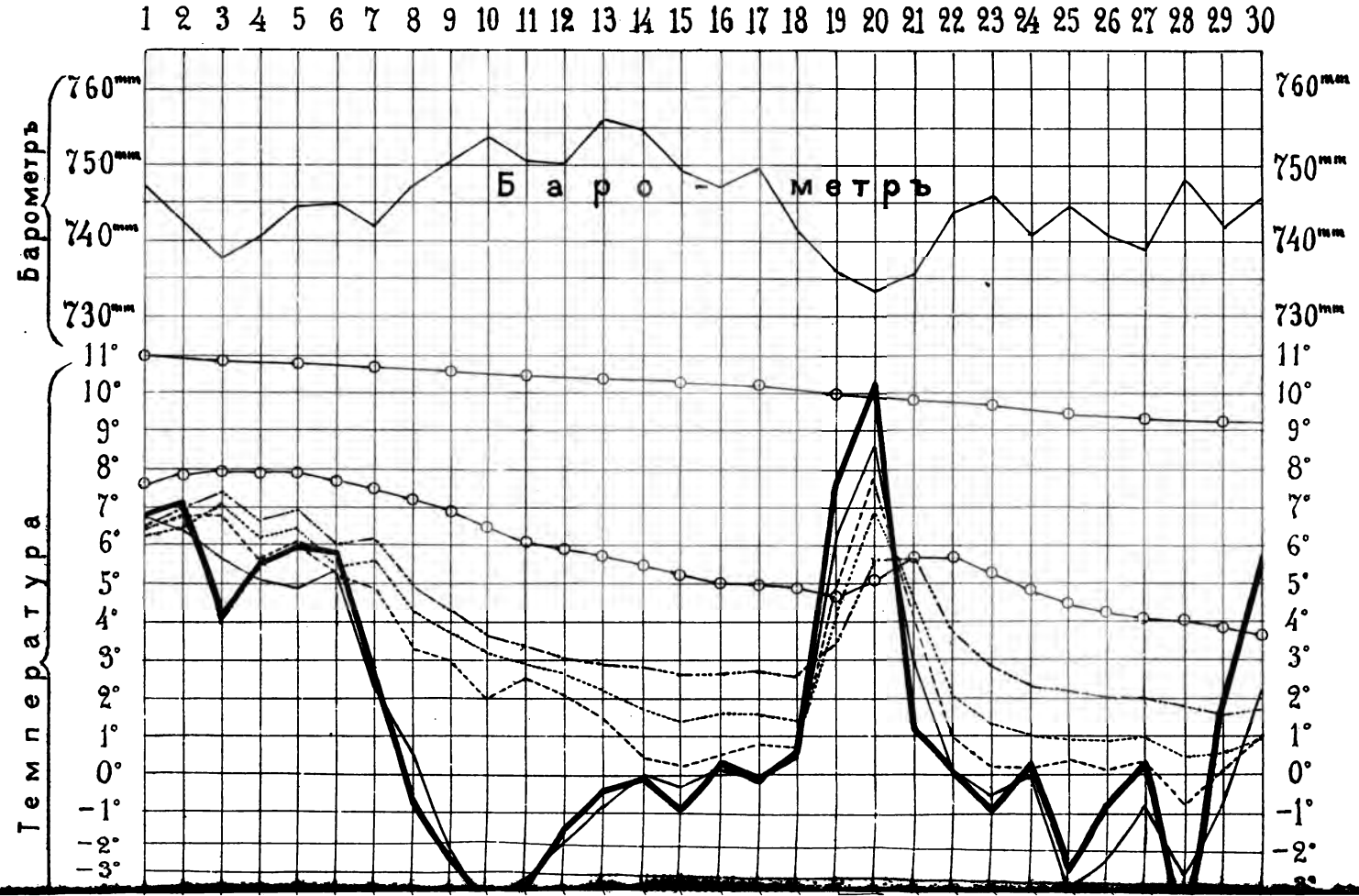
Термограф

Число. Date	1h	2h	3h	4h
1	5.2	5.2	5.2	5.2
2	6.0	6.0	5.7	5.7
3	8.0	8.0	7.9	6.3
4	2.3	2.3	2.5	2.2
5	9.0	8 8	8.6	8.5
6	0.4	0.4	0.4	0.9
7	5.6	5.4	5.4	5.3
8	0.2	0.2	−0.2	−0.4
9	−1.5	−1.5	−1.7	−1.8
10	−7.3	−7.7	−7.9	−8.2
11	−2.5	−2.7	− 2 8	−2.9
12	−6.3	−5.9	−5.0	−4.7
13	−2.2	−2.0	−1.7	−1.6
14	0.3	0.4	0.4	0.4
15	−1.3	−1.5	−1.7	−1.7
16	0.4	0.7	0.9	0.8
17	0.0	0.0	0.0	0.1
18	−0.6	−0.7	−0.8	−0.7
19	2 3	2.8	3.2	3.4
20	9.4	9.1	9.1	9.2
21	7.0	6.4	6.0	5.9
22	−4.8	−3.5	−2.8	−2.0
23	−1.6	−2.0	−2.7	−2.9
24	−1.5	−1.3	−1.2	−0.7
25	−1.5	−1.5	−1.5	−1.5
26	−3.7	−3.6	−3.5	−3.6
27	0.3	0.1	−0.6	−1.1
28	−2.0	−2.4	− 2.6	−3.2
29	−1.9	−1.6	−0.9	−0.5
30	3.1	4.0	4.9	3.9
Средн. Moyen	0.69	0.73	0.75	0.67

7h	8h	9h	10
5.6	5.8	6.0	6
8.0	8.0	7.9	7
2.8	2.6	2.4	2
5.5	6.3	7.1	8
2.9	2.2	1.6	1
7.2	7.0	6.6	6
0.4	0.3	0.3	0
-1.1	--1.2	—1.4	—1
-2.8	—3.6	—3.8	—4
-2.0	—2.0	—1.8	—1
-5.7	—6.0	—6.1	—6
-1.2	—1.8	—2.3	—2
-0.6	—0.5	0.1	— 0
-0 7	—0.8	—0.9	—0
0.2	0.3	0.4	0
0.4	0.4	0.3	0
-0.4	—0.4	—0.5	—0
1.8	2.1	2.1	2
8.3	8.5	9.3	9
8.3	8.2	8.0	7
-1.6	—2.3	—4.3	—4
0.3	0.2	0.1	0
-0.7	—0.8	—0.9	—0
-0.1	—0.2	—0.5	—0
-2.6	—2.9	—4.3	—4
0.1	0.0	—0.1	0
1.6	2.1	2.2	2
-4.0	—3.9	— 3.0	—2
2.8	3.1	4 0	4
4.4	4.4	5.0	5
1.24	1.17	1.12	1.0

Абсолютная влажность
Осадки
на поверхности почвы.
глубинѣ 0.1m
0.2m
0.4m
0.8m
3.2m
Абсолютная влаж- ность
Осадки:
снѣгъ
дождь
8mm
7mm
6mm
5mm
4mm
3mm
2mm
35mm
30mm
25mm
20mm
15mm
10mm
5mm
0mm
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30

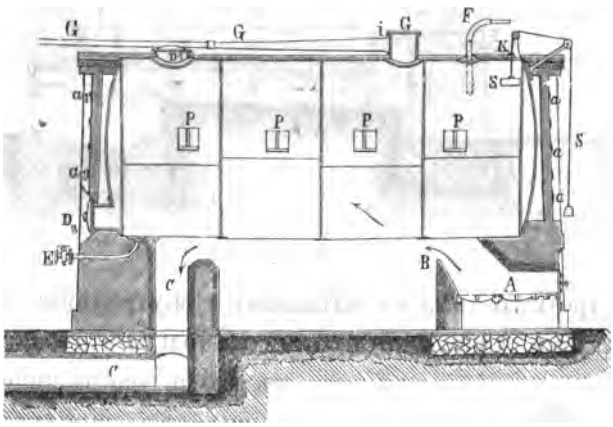
Ноябрь 1893 г.



ванія котла. Колпакъ *A* снабженъ трубкой для впусканія нефти, равно какъ по всей своей длинѣ надставкой *B*, въ которой на равныхъ разстояніяхъ помѣщены 35 трубокъ (діаметръ 65 мм.) для отвода паровъ къ холодильникамъ.

Лежачіе цилиндрическіе котлы напоминаютъ по своему внѣшнему виду паровики, весьма разнообразны по своему устройству и обмуровкѣ и могутъ быть раздѣлены: 1) на котлы съ нагрѣваніемъ снизу, 2) на котлы, нагрѣваемые снизу и съ боковъ, и 3) на котлы съ внѣшнимъ и внутреннимъ нагрѣваніемъ.

Котелъ перваго типа представленъ на фиг. 84. *A*—топка, *B*—порогъ, *C*—дымовой каналъ, D_1 и D_2—рабочія отверстія, *E*—вентиль

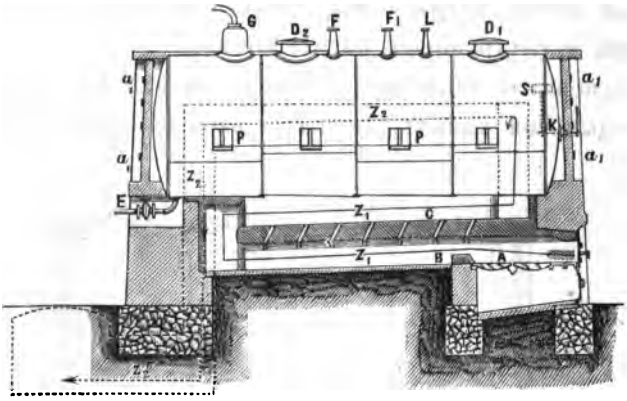


Ф. 84.

для спусканія, *F*—трубка для впусканія нефти, *G*—шлемъ для отвода продуктовъ перегонки, *S*—поплавокъ, показывающій уровень нефти въ котлѣ. Такъ какъ котлы, для уменьшенія расходовъ и для безопасности отъ огня, помѣщаютъ обыкновенно на открытомъ воздухѣ, то для предохраненія ихъ отъ охлажденія (въ особенности въ случаѣ дождя или снѣга) ихъ обмуровываютъ почти цѣликомъ.

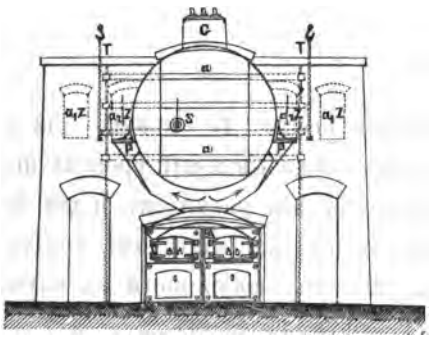
Главный недостатокъ описаннаго типа котловъ—легкость прогоранія вслѣдствіе непосредственнаго дѣйствія пламени на стѣнки котла. Этотъ недостатокъ устраненъ въ котлахъ, нагрѣваемыхъ снизу и съ боковъ. Котелъ подобнаго типа представленъ на фиг. 85 и 86. Пламя изъ топки *A* проходитъ надъ порогомъ *B*, идетъ затѣмъ по каналу Z_1, подъ сѣтчатымъ сводомъ *C* (чѣмъ предохраняется непосредственное соприкосновеніе пламени съ стѣнками котла), затѣмъ надъ нимъ

вдоль дна котла подымается по вертикальнымъ каналамъ Z_2a въ продольный каналъ Z_2 и оттуда, обогрѣвъ стѣнки котла, въ трубу. Когда содержимое въ котлѣ уменьшится до половины, и дальнѣйшее нагрѣваніе стѣнокъ котла могло бы повлечь за собою перегораніе ихъ, закрываютъ заслонку P, препятствующую дымогарнымъ газамъ входъ въ каналы Z_2a, и они поступаютъ непосредственно въ трубу, обогрѣвъ дно котла.



Ф. 85.

Котлы третьяго типа съ внѣшнимъ и внутреннимъ нагрѣваніемъ устроены такъ же, какъ и котлы втораго только-что описаннаго типа, съ тою только разницей, что дымогарные газы, пройдя подъ и надъ сѣтчатымъ сводомъ, направляются въ трубки (дымовые ходы), помѣщенныя внутри самого котла (какъ въ описанныхъ уже вагонныхъ котлахъ), и затѣмъ уже отводятся въ трубу. Котлы эти утилизируютъ теплоту пламенныхъ газовъ совершеннѣе другихъ системъ котловъ, но представляютъ опасность вслѣдствіе возможности прогоранія внутреннихъ дымогарныхъ трубокъ. Для еще большаго сбереженія тепла и для ускоренія перегонки, стали (въ Баку) употреблять перегонные аппараты съ непрерывнымъ дѣйствіемъ, въ первый разъ предложенные *Van Syckles* (Пенсильванія) въ 1877 г.

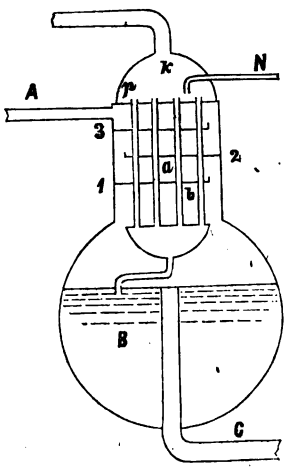


Ф. 86.

Представителями этихъ аппаратовъ могутъ служить аппараты *Нобеля*, *Инчика* и *Шухова*.

Аппаратъ *Нобеля* (1882) состоитъ обыкновенно изъ лежачихъ цилиндрическихъ кубовъ (длина 6 м., діам. 2,4 м., вмѣстим. 18 000—20 000 кгр.) съ нагрѣваніемъ снизу и съ боковъ. Кубы расположены террасообразно, такъ что содержимое верхняго куба можетъ стекать въ слѣдующій нижній. Они снабжены шлемомъ, черезъ который продукты перегонки отправляются въ холодильники. Каждый котелъ снабженъ трубкой для отвода остатковъ изъ котла. Остатки эти съ температурой 300° впускаются въ змѣевики большихъ подогрѣвателей, въ которыхъ нефть передъ перегонкой нагрѣвается до 110—130°, чѣмъ утилизируется теплота нефтяныхъ остатковъ. Улетучивающіяся при этомъ подогрѣваніи нефти легкія масла отводятъ изъ подогрѣвателей къ холодильникамъ. Подогрѣтая нефть перекачивается въ баки, изъ которыхъ поступаетъ въ перегонные кубы. Въ первыхъ 4-хъ кубахъ (бензинныхъ) отгоняется легкое масло (0,780—0,783), въ остальныхъ (керосинныхъ)—болѣе тяжелый погонъ (0,786—0,860). Погоны изъ отдѣльныхъ котловъ собираются отдѣльно и отправляются въ особенное помѣщеніе, гдѣ приготовляютъ требуемые виды масла, смѣшивая погоны по ихъ удѣльному вѣсу.

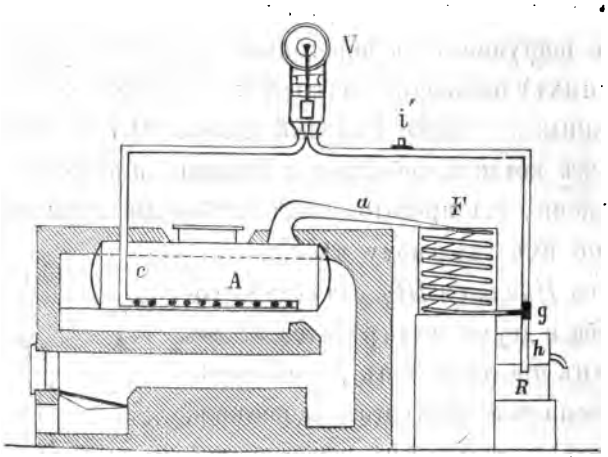
Аппаратъ *Инчика* и *Шухова* (1888) состоитъ изъ куба и двухъ подогрѣвателей, изъ которыхъ одинъ предназначенъ для подогрѣванія нефти теплотой продуктовъ перегонки, а другой — для подогрѣванія перегоняемой нефти теплотою остатковъ. Первый изъ этихъ подогрѣвателей имѣетъ спеціальное устройство. Схема одного изъ измѣненій нагрѣвателя представлена на фиг. 87. *B*—кубъ, *C*—труба для удаленія остатковъ, *A*—труба, отводящая продукты перегонки къ холодильникамъ, *a* — подогрѣватель. Нефть, предварительно нагрѣтая отходящими остатками, стекаетъ въ кубъ по внутреннимъ поверхностямъ трубокъ *b*, а пары изъ куба окружаютъ эти трубки съ наружной ихъ стороны. Внутри нагрѣвателя *a*, въ которомъ помѣщены трубки *b*, паръ движется зигзатомъ, постепенно охлаждаясь по пути. Пары, которые могутъ образоваться изъ нефти внутри трубокъ *b*, собираются въ верхней части нагрѣвателя и изъ нея направляются къ холодильнику по тру-



Ф. 87.

бѣ *E*. Притеканіе нефти въ аппаратъ и удаленіе остатковъ изъ куба происходитъ непрерывно.

Для увеличенія выручки и для ускоренія перегонки было предложено производить ее подъ уменьшеннымъ давленіемъ въ струѣ перегрѣтаго пара и наконецъ (*Г. Алексѣевъ*, 1885) въ струѣ легкихъ углеродистыхъ водородовъ, образующихся при самой перегонкѣ нефти. Этотъ послѣдній способъ перегонки примѣнимъ какъ къ простымъ, такъ и непрерывнодѣйствующимъ аппаратамъ. Фиг. 88 представляетъ продольный разрѣзъ устройства простаго аппарата. *A*—кубъ, изъ котораго пары перегона вмѣстѣ съ легкими углеводородами направляются по трубкѣ *a* въ холодильникъ *F*. Къ нижнему концу змѣевика



Ф. 88.

прикрѣпленъ тройникъ *g*, отъ котораго одна трубка *h* идетъ внизъ къ пріемнику *R* и конецъ ея погружается въ жидкость дюйма на два или на три; по этой трубкѣ стекаетъ сгущенный въ холодильникѣ погонъ. Другая трубка *i* идетъ отъ тройника къ газовому насосу или нагнетательному вентилятору *V*, дѣйствіемъ котораго легкіе углеводороды нагнетаются обратно въ котелъ *A* по трубкѣ *c*, лежащей на днѣ котла и снабженной мелкими отверстіями, черезъ которыя легкіе углеводороды входятъ въ перегоняемую жидкость. Затѣмъ вмѣстѣ съ парами они опять поступаютъ въ холодильникъ *F*, накачиваются насосомъ *V* въ кубъ *A* и т. д.

Всѣ эти усовершенствованные приборы не получили пока широкаго примѣненія при перегонкѣ сырой нефти, которую гонятъ обыкновенно въ вышеописанныхъ кубахъ съ періодической работой. Изъ

непрерывнодѣйствующихъ аппаратовъ самый совершенный и раціональный есть аппаратъ Нобеля, примѣняемый на керосиновыхъ заводахъ товарищества братьевъ Нобель.

Нагрѣваніе перегонныхъ кубовъ производится исключительно нефтью или вѣрнѣе остатками, сожигая ихъ въ форсункахъ (стр. 163).

Охлажденіе перегоняющихся продуктовъ производятъ или пропуская ихъ по длиннымъ трубамъ, охлаждаемымъ воздухомъ (рѣдко), или же (всего чаще) черезъ мѣдные или желѣзные змѣевики, охлаждаемые водою, или соединяя оба способа охлажденія вмѣстѣ. Самой употребительной формы змѣевики—спиральные; на многихъ заводахъ употребляютъ холодильники съ прямыми трубками, помѣщенными въ длинные ящики, наполненные водой.

Перегонку сырой нефти на различныхъ заводахъ производятъ различно; обыкновенно же изъ нефти отгоняютъ два продукта: а) легкое нефтяное масло или сырой бензинъ и b) освѣтительное масло (керосинъ). Въ рѣдкихъ случаяхъ въ нефтяныхъ кубахъ ведутъ перегонку далѣе для полученія смазочныхъ маселъ; въ большей части случаевъ они остаются въ остаткахъ (мазутѣ), которые выпускаются изъ куба и перерабатываются затѣмъ отдѣльно. Когда слѣдуетъ прекратить собираніе бензина и начать собираніе керосина—нельзя дать какихъ нибудь опредѣленныхъ указаній; все зависитъ отъ качества нефти, отъ мѣстныхъ условій, отъ законоположеній относительно температуры вспышки допускаемаго въ продажу керосина, отъ требованій рынка и т. д., при чемъ каждый заводъ старается вести перегонку такъ, чтобы получить возможно большее количество керосина, удовлетворяющаго мѣстнымъ требованіямъ. Вообще говоря погоны, переходящіе между 140—300° и имѣющіе удѣльный вѣсъ отъ 0,750 до 0,850, собираются какъ керосинъ.

Полученные при перегонкѣ сырой нефти легкое масло, керосинъ и остатки перерабатываются затѣмъ отдѣльно.

Переработка легкаго масла состоитъ главнымъ образомъ въ дробной перегонкѣ съ цѣлью получить изъ масла продукты съ опредѣленнымъ удѣльнымъ вѣсомъ и точкой кипѣнія, всего болѣе пригодные для той или другой цѣли. Эту перегонку производятъ или въ вертикальныхъ, или горизонтальныхъ кубахъ, нагрѣваемыхъ или только глухимъ паромъ (130—140°), или же голымъ огнемъ (слабо) и глухимъ паромъ. Нерѣдко снабжаютъ эти перегонные аппараты

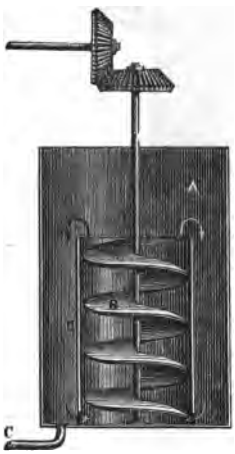
ректификаторами и дефлегматорами (стр. 173, 174) на подобіе тѣхъ, которые употребляются на винокуренныхъ заводахъ.

Число отгоновъ, при этомъ отдѣляемыхъ, весьма различно на различныхъ заводахъ и зависитъ отъ качества перерабатываемаго легкаго нефтянаго масла и требованій рынка, на который продукты эти поступаютъ подъ самыми разнообразными названіями.

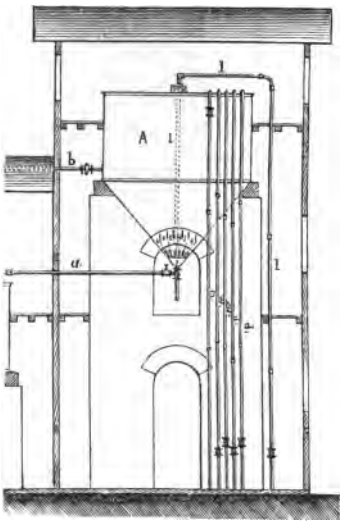
Послѣ отгонки полученные продукты или непосредственно поступаютъ въ продажу, или же подвергаются рафинированію (очисткѣ) съ цѣлью отнять у нихъ (въ особенности у нефтянаго эфира, газолина и бензина) непріятный запахъ. Эта очистка состоитъ въ послѣдовательномъ взбалтываніи названныхъ продуктовъ съ сѣрною кислотою ($^1/_4$—$^1/_2$% по вѣсу масла), слабыми растворами ѣдкаго натра и въ промываніи водою. Чтобы маскировать непріятный запахъ названныхъ продуктовъ, не прибѣгая къ химическому очищенію, къ масламъ прибавляютъ (душатъ ихъ) летучія масла съ пріятнымъ запахомъ.

Переработка керосиннаго погона. До начала 60-хъ годовъ погонъ этотъ въ видѣ болѣе или менѣе темноокрашенной жидкости непосредственно употреблялся для освѣщенія. Затѣмъ для устраненія этой окраски, зависящей отчасти отъ присутствія солей желѣза, образующихся при дѣйствіи кислотъ, содержащихся въ нефти, на желѣзные сосуды, предложено было обработывать керосинъ растворами щелочей, а также известью. Но масло, очищенное подобнымъ образомъ, давало сильный нагаръ на свѣтильнѣ, а потому было предложено удалять щелочи соляною кислотою, но и послѣ подобной обработки и промывки водой масло горѣло дурно, и только въ серединѣ 60-хъ годовъ *Эйхлеру* въ Баку удалось придумать способъ вполнѣ достигающій цѣли — именно обработку керосина крѣпкой сѣрной кислотой (66° Б.) и затѣмъ растворомъ ѣдкаго натра. Способъ этотъ есть единственный нынѣ употребляемый. Первый изъ названныхъ реактивовъ (сѣрная кислота) удаляетъ изъ сыраго керосина ароматическіе углеводороды (образуя растворимыя сульфокислоты), непредѣльные углеродистые водороды ряда этилена (образуя сочетанныя соединенія), смолистые продукты (растворенiемъ) и, наконецъ, нѣкоторыя кислородныя и другія соединенія, обусловливающія побуреніе масла на воздухѣ (окисленіемъ). При этомъ дѣйствіи сѣрной кислоты на нефть часть кислоты переходитъ въ двуокись сѣры. Обработка растворомъ ѣдкаго натра имѣетъ цѣлью удалить изъ маселъ сѣрную

кислоту, равно какъ и нѣкоторые кислородные и смолистые продукты, не удаленные сѣрною кислотою. Для того, чтобы обработка сѣрною кислотою и щелочами достигла цѣли, необходимо приводить очищаемое масло въ возможно тѣсное прикосновеніе съ названными реактивами, что не легко, такъ какъ удѣльный вѣсъ перваго значительно меньше послѣднихъ. Для надлежащаго перемѣшиванія маселъ съ реактивами придуманы, поэтому, приборы очень разнообразныхъ устройствъ, которые могутъ быть раздѣлены на два типа. Въ одномъ типѣ приборовъ перемѣшиваніе производится механическими мѣшалками, въ другомъ — струею воздуха, прогоняемаго черезъ обрабатываемую смѣсь.



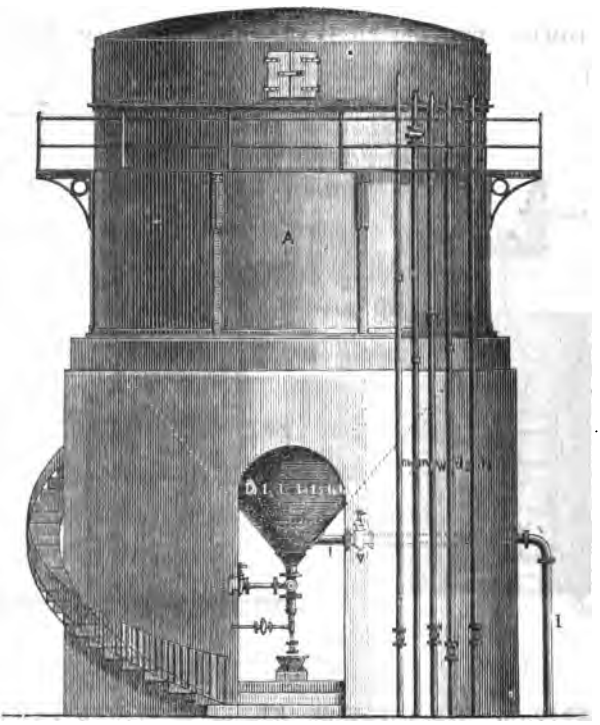
Ф. 89.



Ф. 90.

Изъ мѣшалокъ, относящихся къ первому типу, весьма удобна мѣшалка, представленная на фиг. 89. Она состоитъ изъ цилиндрическаго сосуда, выложеннаго свинцовыми листами, въ которомъ вставленъ второй меньшій цилиндръ *B*, внутри котораго вращается архимедовъ винтъ. Коль скоро аппаратъ наполнится очищаемымъ масломъ, приводятъ мѣшалку въ движеніе и впускаютъ реактивъ тонкою струею въ цилиндръ *B*. Винтъ подымаетъ масло и реактивъ вверхъ, вслѣдствіе чего они переливаются черезъ верхній край цилиндра *B* въ цилиндръ *A*, изъ котораго они снизу вновь попадаютъ въ цилиндръ *B* черезъ отверстія, находящіяся въ нижнемъ его краѣ. При этомъ передвиженіи масло съ реактивомъ очень тщательно перемѣшивается.

Для большаго производства болѣе пригодны воздушныя мѣшалки, при употребленіи которыхъ можно за разъ подвергать очищенію до 200 000 кгр. масла. Мѣшалки эти состоятъ изъ желѣзнаго вертикальнаго цилиндра съ коническимъ дномъ, выложеннаго внутри свинцомъ, на днѣ котораго расположены приспособленія для вдуванія воздуха черезъ очищаемое масло въ видѣ мелкихъ пузырьковъ. Одинъ изъ подобныхъ аппаратовъ представленъ на фиг. 90. *A*—цилиндрическій сосудъ съ коническимъ дномъ, *i*—трубка, приводящая воздухъ



Ф. 91.

и оканчивающаяся въ чанѣ брызгалкой, снабженной большимъ числомъ отверстій, *b*—трубка для спусканія очищеннаго масла, *a*—для спусканія остатковъ, *v*—тройникъ, *zz*—трубки, служащія для привода въ чанъ нефти и реактивовъ. Воздухъ, нагнетаемый въ трубку *i* мелкими пузырьками, проходитъ черезъ смѣсь масла и керосина и перемѣшиваетъ ихъ постоянно.

Фиг. 91 представляетъ внѣшній видъ подобнаго же аппарата, въ которомъ трубка, приводящая воздухъ, входитъ въ цилиндръ снизу. Высота аппарата, включая конусъ, 6—9 м., діаметръ—3—$4^1/_2$ м. Въ

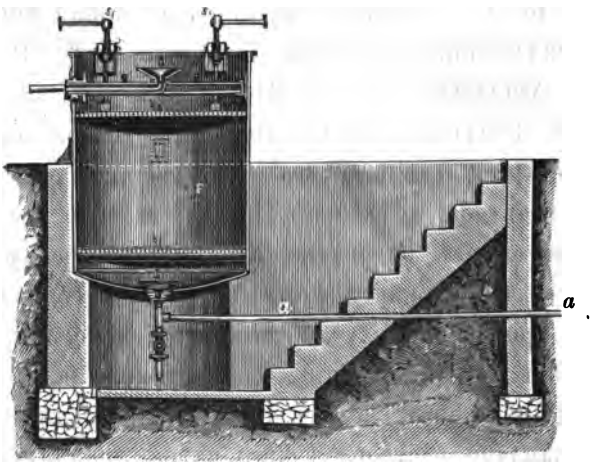
такомъ аппаратѣ очищаютъ за разъ 60 000—200 000 кгр. Трубы d_1, d_2, w, m_1 и m_2 служатъ для привода въ аппаратъ керосина, кислоты, щелока и воды.

Очищеніе керосина названными реактивами въ описанныхъ приборахъ производятъ слѣдующимъ образомъ: керосинъ вливаютъ въ приборъ и приводятъ въ движеніе мѣшалку или нагнетаютъ воздухъ. Коль скоро керосинъ прійдетъ въ сильное движеніе, впускаютъ тонкою струею сѣрную кислоту въ нѣсколько пріемовъ изъ свинцоваго сосуда, помѣщеннаго нѣсколько выше прибора. Количество употребляемой кислоты зависитъ отъ качества очищаемаго масла и степени очистки и опредѣляется изъ опыта. Въ Баку обыкновенно употребляютъ отъ $^1/_2$ до $1^1/_2$% крѣпкой англійской сѣрной кислоты (66°Б.), при чемъ для надлежащаго очищенія нужно не менѣе 1% (*Дорошенко*, 1889—91), въ Америкѣ—отъ 2 до $3^1/_2$%, даже 4% въ Галиціи—2—4% (Schestopal, 1891) и т. д. Для керосина, содержащаго много постороннихъ примѣсей (галиційскаго), употребляютъ иногда, для уменьшенія объема реактива, вмѣсто англійской, сѣрную кислоту дымящуюся, дѣйствующую болѣе энергично, а потому употребляемую въ меньшихъ количествахъ. Сѣрная кислота не должна содержать азотной, такъ какъ въ противномъ случаѣ получится керосинъ, окрашенный въ желтый цвѣтъ. Перемѣшиваніе съ поперемѣннымъ отстаиваніемъ продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока взятая проба, послѣ взбалтыванія съ нѣсколькими каплями раствора ѣдкаго натра, не станетъ образовать молочной эмульсіи и не будетъ имѣть ни малѣйшаго желтаго оттѣнка. Когда обработка сѣрною кислотой окончена, смѣси даютъ отстояться, при чемъ на поверхности черной тягучей жидкости собирается керосинъ, совершенно прозрачный и окрашенный въ розовый цвѣтъ.

Керосинъ, очищенный сѣрной кислотой, или непосредственно послѣ отстаиванія, или послѣ предварительнаго промыванія водой въ томъ же очистительномъ приборѣ, или лучше въ другомъ подобномъ же, обрабатываютъ растворомъ ѣдкаго натра крѣпостью въ Баку 30—40° Бомэ (удѣльный вѣсъ 1,261—1,375, 19—26% Na_2O), въ Америкѣ 12°Б. (удѣльный вѣсъ 1,090, 8% Na_2O), а на европейскихъ заводахъ удѣльнаго вѣса 1,41 (29% Na_2O), при чемъ на 100 ч. керосина берутъ около $^1/_3$ ч. ѣдкаго натра. При смѣшеніи керосина съ растворомъ ѣдкаго натра немедленно образуется бѣлая муть, которая при дальнѣйшемъ перемѣшиваніи собирается въ отдѣль-

ныя хлопья, плавающія въ прозрачной и безцвѣтной жидкости. Послѣ этого очищеніе ѣдкимъ натромъ считается оконченнымъ, жидкости даютъ отстояться, и отстоявшійся керосинъ промываютъ слабымъ растворомъ сѣрной кислоты (6—8°Б.) и затѣмъ водой. Послѣ промыванія и отстаиванія керосинъ поступаетъ въ продажу.

Такъ какъ полное отдѣленіе воды и полное просвѣтленіе керосина требуетъ много времени, то для ускоренія отдѣляютъ отъ него послѣдніе слѣды воды, фильтруя его черезъ матеріалы, отымающіе воду, для чего преимущественно употребляютъ древесныя опилки и поваренную соль. Фильтръ, употребляющійся для этой цѣли, представленъ на фиг. 92. F — желѣзный цилиндръ, b_1 и b_2 — два продыравленныхъ деревянныхъ ложныхъ дна. На первомъ, укрѣпленномъ неподвижно и покрытомъ холстомъ, помѣщенъ фильтрующій матеріалъ (перемежающіеся слои опилокъ и поваренной соли, толщиною 50 см. каждый), прижимаемый вторымъ ложнымъ днемъ. Очищаемый керосинъ, приводимый въ фильтръ трубою a, проходитъ черезъ фильтрующій слой и вытекаетъ черезъ воронку A изъ фильтра.



Ф. 92.

Въ Америкѣ иногда подвергаютъ керосинъ послѣ обработки сѣрной кислотой и ѣдкимъ натромъ еще *солнечному освѣтленію*, состоящему въ томъ, что керосинъ заставляютъ течь тонкимъ слоемъ по наклонной плоскости, покрытой стекляннымъ фонаремъ, снабженнымъ цѣлымъ рядомъ открытыхъ оконъ. Этимъ пріемомъ отбѣливаютъ и провѣтриваютъ керосинъ, равно какъ и дѣлаютъ прозрачнымъ, безъ фильтрованія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится переработывать нефть, содержащую много сѣрнистыхъ соединеній (нефть штата Огіо, канадская нефть), которыя не удаляются изъ маселъ обыкновеннымъ способомъ очищенія (сѣрной кислотой и ѣдкимъ натромъ) и которыя сообщаютъ этимъ масламъ непріятный запахъ и нежелательныя свойства, нефть или продукты изъ нея получаемыя обезсѣриваютъ металлическими окислами (Frasch, 1888). Это обезсѣриваніе производятъ двумя способами. По первому способу, цилиндрическій лежачій перегонный кубъ (емкостью въ 200 000 кгр. нефти) снабжаютъ мѣшалкой, прибавляютъ къ перегоняемой нефти 3,4% (по вѣсу нефти) смѣси изъ 75 ч. окиси мѣди, 10 ч. окиси свинца и 15 ч. окиси желѣза, предварительно размѣшанныхъ въ нефти, и ведутъ перегонку, при постоянномъ движеніи мѣшалки, обыкновеннымъ образомъ. По второму способу, пары изъ перегоннаго куба пропускаютъ черезъ два горизонтально поставленные цилиндра, до половины наполненные указанною смѣсью окисей металловъ, постоянно перемѣшиваемыхъ при помощи металлическихъ счетокъ, вращающихся въ цилиндрахъ. При работѣ тѣмъ или другимъ способомъ металлическіе окислы отымаютъ у нефти или ея погоновъ сѣру и непріятный запахъ, превращаясь въ сѣрнистыя соединенія. Когда содержаніе сѣры въ очистительной смѣси достигнетъ 14—16%, ее отдѣляютъ отъ нефти, обжигаютъ въ вращающихся печахъ и вновь употребляютъ въ дѣло. Полученные указаннымъ путемъ продукты перегонки нефти (керосинъ и т. д.) очищаютъ затѣмъ обыкновеннымъ путемъ сѣрною кислотою и ѣдкимъ натромъ. Описанные способы примѣняются въ большихъ размѣрахъ въ Америкѣ при переработкѣ на керосинъ и другіе продукты нефти штата Огіо, которая, до примѣненія описаннаго способа, могла быть употребляема только какъ топливо, благодаря значительному содержанію сѣры (0,75%).

Переработка нефтяныхъ остатковъ (мазута). Главная масса нефтяныхъ остатковъ употребляется непосредственно какъ топливо, далѣе, какъ смазочное средство на желѣзныхъ дорогахъ, какъ матеріалъ для полученія свѣтильнаго газа и ароматическихъ углеродистыхъ водородовъ (*Лютній*, 1877) и для другихъ цѣлей. Относительно небольшое количество мазута переработывается на смазочныя масла, получившія широкое примѣненіе. Для этой послѣдней цѣли всего болѣе пригодны остатки бакинской нефти, благодаря ихъ значительной вязкости, вы-

сокой температурѣ, при которой они выдѣляютъ воспламеняющіеся газы (температура вспышки), и низкой температурѣ ихъ застыванія. Изъ остатковъ нефти, богатой твердыми углеводородами (американская, галиційская и др.), добываютъ еще парафинъ и вазелинъ.

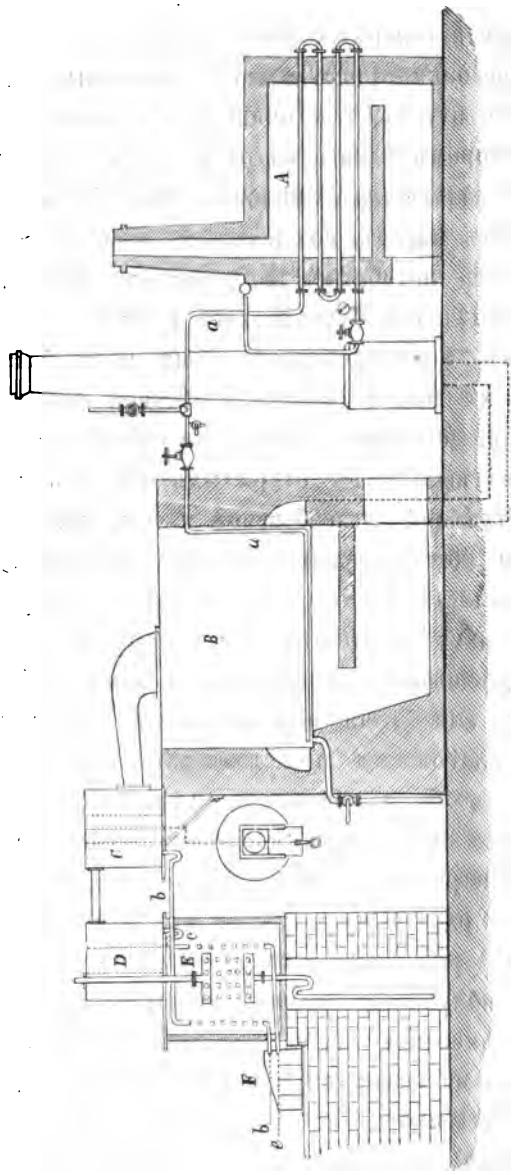
При переработкѣ остатковъ на смазочныя масла подогрѣтые остатки подвергаютъ дробной перегонкѣ и затѣмъ полученные перегоны очищаютъ сѣрной кислотой и растворомъ ѣдкаго натра.

Въ Америкѣ остатки перегоняютъ въ такихъ же котлахъ, какіе употребляются тамъ для перегонки сырой нефти, только меньшихъ размѣровъ и болѣе низкихъ, чтобы облегчить перегонку и предохранить перегонъ отъ продолжительнаго прикосновенія съ сильно нагрѣтыми стѣнками куба.

Въ Баку и на другихъ европейскихъ заводахъ перегонку остатковъ производятъ въ лежачихъ цилиндрическихъ котлахъ, нагрѣваемыхъ голымъ огнемъ, въ струѣ перегрѣтаго пара съ температурой отъ 150 до 300°, смотря по порціи отгоняемаго масла. Аппаратъ подобнаго рода представленъ на фиг. 93. *A*—аппаратъ, служащій для приготовленія перегрѣтаго пара и состоящій изъ топки, въ которой помѣщены желѣзныя или чугунныя трубки, по которымъ пропускаютъ паръ изъ паровика, *B*—кубъ, *C* и *D*—дефлегматоры, *E*—холодильникъ. По трубкѣ *a* перегрѣтый паръ идетъ въ кубъ, гдѣ онъ выходитъ черезъ цѣлый рядъ мелкихъ отверстій въ перегоняемую нефть. Черезъ трубки *b* и *c* флегма стекаетъ въ холодильникъ, а оттуда въ соотвѣтствующіе пріемники. Въ Баку для облегченія перегонки, въ особенности очень тяжелыхъ маселъ, ведутъ ее также подъ уменьшеннымъ давленіемъ.

Число погоновъ, собираемыхъ при перегонкѣ остатковъ, зависитъ отъ свойства самихъ остатковъ и отъ требованій рынка. У насъ въ Баку собираютъ отдѣльно обыкновенно три порціи: порцію съ удѣльнымъ вѣсомъ между 0,850—0,885 (промежуточное масло), порцію съ удѣльнымъ вѣсомъ 0,885—0,905 (веретенное или легкое смазочное масло) и порцію съ удѣльнымъ вѣсомъ 0,905—0,925 (машинное масло, или тяжелое смазочное масло). Перегонку прекращаютъ, когда перегонъ пріметъ темно-красно-бурый цвѣтъ или при охлажденіи (до 6—8°) станетъ выдѣлять на своей поверхности твердыя пленки парафина. Остатокъ въ кубѣ представляетъ вязкую и липкую массу чернаго цвѣта, которая, въ смѣси съ промежуточнымъ масломъ, служитъ въ Баку топливомъ.

Полученные при перегонкѣ нефтяныхъ остатковъ погоны затѣмъ подвергаются химическому очищенію сѣрной кислотой (66°Б.) и растворомъ ѣдкаго натра подобнымъ же образомъ, какъ и керосинъ, съ



Ф. 93.

тою только разницей, что въ приборѣ, служащемъ для очищенія смазочныхъ маселъ, помѣщаютъ приспособленіе для нагрѣванія маселъ глухимъ паромъ во время очистки сѣрной кислотой до 30°, а ѣдкимъ натромъ—до 35—40°, а во время отстаиванія—до 60°.

Количество сѣрной кислоты, необходимое для очищенія, опредѣляется изъ опыта и колеблется, смотря по свойству очищаемаго масла, между 4—12%. Растворъ ѣдкаго натра берутъ въ 33° Бомэ, считая въ 100 ч. очищаемаго масла $1^1/_2$—10 ч. ѣдкаго натра. Масло послѣ очистки и промыванія нерѣдко фильтруютъ.

Кромѣ перегонки приготовляютъ смазочныя масла низшаго качества холоднымъ путемъ, т. е. очищаютъ остатки обработкой сѣрной кислотой и растворомъ ѣдкаго натра и затѣмъ пускаютъ въ продажу подъ названіемъ *вальволина* (Vulcanöle, Westvirginaöl) и т. д.

Изъ тяжелыхъ маселъ, содержащихъ много ***парафина***, **этотъ** послѣдній добываютъ подобнымъ же образомъ, какъ и изъ тяжелыхъ маселъ, получаемыхъ изъ буроугольной смолы.

Въ Америкѣ, а въ настоящее время и въ Австріи, изъ остатковъ, полученныхъ послѣ отгонки извѣстной части болѣе летучихъ маселъ изъ нефти, добываютъ, какъ уже сказано, *вазелинъ*. Для этой цѣли остатки сгущаютъ въ открытыхъ котлахъ и когда они пріобрѣтутъ видъ тяжелой мазеобразной массы, нагрѣваютъ (80°) глухимъ паромъ и обработываютъ крѣпкой сѣрной кислотою (66°Б.) для удаленія смолистыхъ веществъ; затѣмъ, послѣ отдѣленія отъ кислотъ и смолъ, массу обработываютъ растворомъ ѣдкаго натра, промываютъ, обезцвѣчиваютъ животнымъ углемъ и фильтруютъ. При этомъ получается или бѣлая, или желтоватая масса консистенціи коровьяго масла, плавящаяся при температурѣ 30 — 45°, съ удѣльн. вѣсомъ 0,850 — 0,895 и состоящая (по изслѣдованіямъ Engler'a и Böhm'a, 1886) изъ смѣси жидкихъ углеродистыхъ водородовъ и твердыхъ (аморфнаго парафина), имѣющихъ почти одинъ и тотъ же элементарный составъ и одну и ту же точку кипѣнія (240—340°), а удѣльный вѣсъ *большій* удѣльнаго вѣса ихъ смѣси — вазелина. При перегонкѣ вазелина получается отгонъ, который при охлажденіи застываетъ въ кристаллическую массу, что повидимому указываетъ на переходъ аморфнаго парафина въ кристаллическій.

Кромѣ естественнаго вазелина въ продажѣ встрѣчается *искусственный*, который получается растворѐніемъ парафина (изъ буроугольнаго дегтя) или церезина въ тяжелыхъ нефтяныхъ маслахъ. Этотъ „искусственный“ вазелинъ отъ „естественнаго“, получаемаго непосредственно изъ нефтяныхъ остатковъ, отличается тѣмъ, что послѣ расплавленія онъ застываетъ въ зернистую массу, между тѣмъ какъ

естественный при тѣхъ условіяхъ переходитъ опять въ аморфное мазеобразное состояніе. Кромѣ того вязкость искусственнаго вазелина значительно разнится отъ вязкости естественнаго.

Регенерація сѣрной кислоты и ѣдкаго натра, служившихъ для очистки нефтяныхъ маселъ. Хотя для очистки керосина и смазочныхъ маселъ употребляются, какъ мы видѣли, незначительныя количества сѣрной кислоты и ѣдкаго натра, тѣмъ не менѣе при громадности производства отбросы ихъ составляютъ большое обремененіе для заводовъ и чувствительную потерю тамъ, гдѣ (напр. въ Баку) названные реактивы обходятся дорого. Въ виду этого предложено много способовъ для утилизаціи этихъ отбросовъ.

Сѣрная кислота, служившая для очистки нефтяныхъ маселъ, представляетъ болѣе или менѣе темную смолистую жидкость съ непріятнымъ острымъ запахомъ, зависящимъ главнымъ образомъ отъ присутствія сѣрнистой кислоты. Для обратнаго полученія сѣрной кислоты изъ этой жидкости, ее разводятъ 2—4 объемами воды, отдѣляютъ отъ выдѣлившихся при этомъ смолистыхъ продуктовъ, сгущаютъ въ свинцовыхъ сковородахъ до 60° Бомэ и употребляютъ для второстепенныхъ цѣлей. Если регенерація сѣрной кислоты происходитъ внѣ керосиннаго завода, въ такомъ случаѣ ее или нейтрализуютъ ѣдкимъ натромъ, служившимъ для очищенія керосина, и переработываютъ на сульфатъ, или примѣшиваютъ къ камерной кислотѣ (см. производство сѣрной кислоты), идущей для производства искусственныхъ удобреній.

Щелокъ, служившій для очищенія нефтяныхъ маселъ, обыкновенно сильно окрашенный, гораздо легче употребить съ пользой, а именно: онъ служитъ для приготовленія простыхъ сортовъ мыла, а также для полученія ѣдкаго натра. Для этой послѣдней цѣли щелокъ выпариваютъ, прокаливаютъ и изъ полученной соды (содержащей 80—85% угленатріевой соли) готовятъ при помощи извести растворъ ѣдкаго натра, служащій вновь для очищенія маселъ. Изъ 100 ч. ѣдкаго натра, употребляемаго для очищенія нефтяныхъ маселъ, получается обратно 65—70 ч.

Какъ сказано выше, перегонкой сырой нефти, легкихъ нефтяныхъ маселъ и нефтяныхъ остатковъ приготовляютъ масла различныхъ

свойствъ и различныхъ наименованій, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Эти масла характеризуются: 1) удѣльнымъ вѣсомъ, 2) температурой, между которой они перегоняются, и количествомъ (по объему или по вѣсу) погоновъ, ими даваемыхъ въ предѣлахъ опредѣленныхъ температуръ, 3) температурой, при которой они выдѣляютъ газы, которые въ смѣси съ воздухомъ даютъ взрывъ при поднесеніи пламени (температура вспышки), 4) температурой, при которой, при поднесеніи зажженнаго тѣла къ маслу, оно воспламеняется и продолжаетъ горѣть (температура воспламененія), 5) вязкостью и 6) цвѣтомъ.

Важнѣйшіе изъ этихъ продуктовъ слѣдующіе:

1) *Циможенъ* представляетъ самую летучую часть нефти, которую получаютъ, нагнетая насосомъ часть перегона, не сгустившуюся въ холодильникѣ, въ закрытые цилиндры. Это—очень подвижная жидкость, закипающая при 0°, и могущая служить для полученія искусственнаго льда.

2) *Риголенъ* получается охлажденіемъ первой порціи перегонки охлаждающею смѣсью изъ льда и соли. Очень летучая жидкость, кипящая при + 18°, съ удѣльнымъ вѣсомъ 0,60 — 0,625. Вдыханіе паровъ его производитъ анестезію подобно хлороформу.

Циможенъ и риголенъ рѣдко въ настоящее время приготовляютъ, такъ какъ ихъ употребленіе для полученія льда и въ медицинѣ почти что прекратилось.

3) *Легкія нефтяныя масла.* Подъ этимъ названіемъ разумѣютъ части нефти, удѣльный вѣсъ которыхъ колеблется между 0,600—0,750, а температура кипѣнія—отъ 40 до 150°. Сюда относятся очень многочисленныя по названію, но очень сходныя по своимъ свойствамъ масла, а именно: *нефтяной эфиръ* (температура кипѣнія 40 — 70°, удѣльный вѣсъ 0,650 — 0,660), *газолинъ* (температура кипѣнія 70 — 90°, удѣльн. вѣсъ 0,660 — 0,690), *бензинъ* или нафта *C* (температура кипѣнія 80 — 110°, удѣльн. вѣсъ 0,690—0,700), *лигроинъ* или нафта *B* (температура кипѣнія 120 — 135°, удѣльн. вѣсъ 0,710—0,730), *нафта A* (температура кипѣнія 130—150°, удѣльн. вѣсъ 0,730—0,750). Примѣненіе этихъ легкихъ нефтяныхъ маселъ очень разнообразно. Они употребляются для извлеченія жировъ изъ сѣмянъ, шерсти, костей, для чистки машинъ и различныхъ тканей (бензинъ), для извлеченія различныхъ органическихъ веществъ изъ растворовъ (нефтяной эфиръ), для растворенія каучука (нефтяной эфиръ), какъ суррогатъ

терпентиннаго масла для полученія красокъ и лаковъ (нафта *A*), какъ освѣтительный матеріалъ (лигроинъ), какъ топливо (бензинъ), для карбонаціи воздуха и свѣтильнаго газа и наконецъ, въ новѣйшее время, для приведенія въ дѣйствіе такъ называемыхъ нефтяныхъ и керосинныхъ двигателей, получающихъ все большее и большее примѣненіе.

4) *Керосинъ*. Подъ этимъ названіемъ, какъ сказано уже выше, подразумѣваютъ обыкновенно ту часть нефти, которая перегоняется между 140—300° и имѣетъ удѣльный вѣсъ 0,750—0,850. Керосинъ употребляется какъ освѣтительный матеріалъ, получившій въ короткое время всеобщее употребленіе, благодаря яркости пламени, дешевизнѣ и простотѣ устройства лампъ, служащихъ для его сожиганія. Въ настоящее время заводы готовятъ нѣсколько сортовъ керосина, съ различнымъ удѣльнымъ вѣсомъ и температурой вспышки, обозначая ихъ самыми разнообразными названіями. У насъ въ Баку производятся главнымъ образомъ два сорта керосина: а) *Обыкновенный керосинъ*— главный продуктъ переработки нефти съ удѣльн. вѣсомъ 0,821—0,830 (для заграничнаго вывоза 0,825). Температура вспышки не ниже 28° и не выше 45° (по Абелю-Пенскому). Цвѣтъ $2^1/_2$ марки[1]). b) *Тяжелый керосинъ* (бокуоль). Удѣльный вѣсъ 0,835—0,865—0,870 (хорошій—имѣетъ удѣльн. вѣсъ 0,835 — 0,840). Температура вспышки не ниже 45°Ц. Цвѣтъ $2^1/_2$ марки.

Американскій керосинъ имѣетъ обыкновенно удѣльн. вѣсъ 0,795—0,840.

5) *Солярное* (газовое, промежуточное) *масло*, удѣльный вѣсъ 0,86—0,88. Примѣнялось главнымъ образомъ для добыванія свѣтильнаго газа и для отопленія; въ настоящее время его стали перерабатывать на тяжелый керосинъ (пиронафтъ, бокуоль).

6) *Смазочныя масла*, удѣльный вѣсъ 0,88—0,950. Они химически индифферентны и представляютъ безопасный и вмѣстѣ съ тѣмъ дешевый смазочный матеріалъ для колесъ и различныхъ частей машинъ. Между смазочными маслами отличаютъ двѣ главныя группы:

---

[1]) Для опредѣленія цвѣта керосина въ Америкѣ, въ Лондонѣ, а также въ большей части случаевъ въ Баку пользуются колориметромъ *Вильсона*, въ которомъ цвѣтъ керосина опредѣляется по цвѣту шести нормальныхъ стеколъ, соотвѣтствующихъ шести маркамъ, принятымъ на рынкѣ: Water white—марка 1-я, Superfine white - марка 2-я, Prime white—марка 3-я, Standard white—марка 4-я, Goodmerchantable—марка 5-я, Not Goodmerchantable—марка 6-я.

масла для цилиндровъ и *машинныя масла*; первыя представляютъ смазочныя масла съ самой высокой точкой кипѣнія, вторыя—отгонъ между солярнымъ масломъ и масломъ для цилиндровъ. Масла для цилиндровъ имѣютъ спеціальное назначеніе, между тѣмъ какъ машинныя масла примѣняются для смазки различныхъ механизмовъ, а потому и готовятся съ различными свойствами, всего болѣе удовлетворяющими данному назначенію. Обыкновенно отличаютъ машинное масло въ тѣсномъ смыслѣ слова и верстенное. Вотъ свойства этихъ маселъ по изслѣдованію *Кюнклера* (Künkler, 1889):

	Удѣльный вѣсъ.	Температура вспышки.	Вязкость (Вода=1).
Масло для цилиндровъ.			
Русское	0,911—0,923	188—238°	2,07—2,88 при 100°
Американское	0,886—0,889	280—283°	4,17—4 82 при 100°
Машинное.			
Русское	0,893—0,920	138—197°	—
Американское	0,884—0,920	187 - 206°	—
Машинное свѣтлое.			
Русское	0,903—0,909	—	5,86—6,34 при 50°
Американское	0,920	—	4,23 при 50°
Машинное темное.			
Русское	0,900—0,920	—	—
Американское	0,884	—	—
Веретенное.			
Русское	0,893—0,895	—	3,15—3,44 при 50°
Американское	0,908—0,911	—	3,13—3,32 при 50°

7) *Парафинъ*, котораго нѣкоторые виды нефти (напр. Бирманская, Пенсильванская) содержатъ въ болѣе или менѣе значительныхъ количествахъ, употребляется главнымъ образомъ для приготовленія свѣчъ.

8) *Вазелинъ*, получаемый изъ нефтяныхъ остатковъ, какъ сказано выше, употребляется въ медицинѣ, парфюмерномъ искусствѣ и въ менѣе чистомъ видѣ для смазки машинъ вмѣсто животнаго сала.

Что касается выручки перечисленныхъ продуктовъ изъ нефти, то привести какія нибудь опредѣленныя числа рѣшительно невозможно, въ виду крайняго разнообразія въ составѣ нефти и продуктовъ, носящихъ одно и то же названіе. Вышеприведенныя данныя (стр. 250) даютъ нѣкоторое понятіе о количествѣ легкихъ неф-

тяныхъ маселъ, керосина и остатковъ, получающихся изъ важнѣйшихъ видовъ нефти; что касается выручки смазочныхъ маселъ изъ остатковъ, то она колеблется между 38—54% по вѣсу остатковъ.

Изъ 100 ч. бакинской нефти получается примѣрно:

	Проценты.		Удѣльный вѣсъ.	Температура вспышки.
Бензина	1	4	0,725	— 10° Ц.
Газолина	3		0,775	+ 10°
Керосина	27		0,822	+ 25°
Солярнаго масла	12		0,870	+100°
Веретеннаго	10	32	0,890	+150°
Смазочнаго	17		0,905	+175°
Цилиндроваго	5		0,915	+200°
Вазелина	1		—	—
Смолы	14		—	—
Потери	10		—	—

Изъ всѣхъ продуктовъ, добываемыхъ изъ нефти, самое большее примѣненіе имѣетъ керосинъ, а потому въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится переработывать нефть, содержащую мало керосина (ганноверская, также бакинская и друг.), и остатки, представляющіе малую цѣнность, очень важно имѣть способъ для увеличенія выручки освѣтительныхъ маселъ. Попытокъ въ этомъ направленіи было сдѣлано не мало, и онѣ основаны на способности тяжелыхъ углеводородовъ разлагаться при извѣстной температурѣ на болѣе легкіе. Это разложеніе можетъ быть достигнуто: 1) производя перегонку въ высокихъ (высота въ 2 — $2^1/_2$ раза болѣе ширины) цилиндрическихъ желѣзныхъ или чугунныхъ котлахъ, нагрѣваемыхъ голымъ огнемъ, при томъ такъ, что дымогарные газы обхватываютъ всю боковую и нижнюю поверхность котла; при этомъ перегоняющіеся продукты приходятъ въ соприкосновеніе съ сильно нагрѣтыми стѣнками котла и разлагаются (Crackingprocess[1]); 2) разлагая пары тяжелыхъ углеродистыхъ водородовъ послѣ выхода ихъ изъ куба въ спеціальныхъ нагрѣвателяхъ (Vohl, 1865; *Рагозинъ*, 1889—91); 3) возвышая температуру кипѣнія въ самомъ кубѣ, увеличивая въ немъ давленіе до 3—4 атмосферъ, т. е. производя перегонку подъ усиленнымъ давленіемъ (Thrope и Young, 1871; Krey, 1885). Crackingprocess при-

[1]) Англійское слово „Crack“ значитъ колоть, расщеплять. Crackingprocess былъ открытъ совершенно случайно въ Америкѣ въ $186^1/_2$ гг.

мѣняется въ Америкѣ, способы *Krey'a* и *Рагозина* испытаны въ заводскихъ размѣрахъ, хотя не получили еще широкаго примѣненія. Способъ *Krey'a* примѣненъ для полученія освѣтительныхъ маселъ изъ парафиноваго масла, получаемаго при переработкѣ буроугольной смолы (стр. 237).

Способы сожиганія освѣтительныхъ матеріаловъ.

Разсмотрѣнные выше твердые освѣтительные матеріалы сжигаются для полученія свѣта въ видѣ *свѣчъ*, жидкіе — въ такъ называемыхъ *лампахъ*, а потому намъ приходится теперь познакомиться со способами приготовленія первыхъ и съ устройствомъ вторыхъ.

Свѣчное производство.

Каждая свѣча состоитъ изъ свѣтильни (фитиля), окруженной твердымъ освѣтительнымъ матеріаломъ. При горѣніи подобной свѣчи, матеріалъ, изъ котораго она состоитъ, сначала плавится, впитывается свѣтильнею, затѣмъ впитанные свѣтильнею матеріалы превращаются въ газообразныя тѣла, которыя наконецъ сгораютъ. Для того, чтобы процессъ этотъ происходилъ правильно и свѣча горѣла ровнымъ и свѣтлымъ пламенемъ, необходимо правильное соотношеніе между объемомъ и свойствомъ свѣтильни и свѣчнымъ матеріаломъ. Если, напр., свѣчнаго вещества плавится болѣе того, сколько можетъ въ то же время впитать свѣтильня, то свѣча отекаетъ, если же свѣтильня впитала бы освѣтительнаго матеріала болѣе того, сколько можетъ сгорѣть, то свѣча начнетъ коптить; если капилярные каналы въ свѣтильнѣ засорятся, то просачиваніе жира затрудняется, и пламя тускнѣетъ.

Матеріаломъ для приготовленія свѣтильни служитъ исключительно хлопчатая бумага, и многочисленными опытами доказана непригодность для этой цѣли другихъ растительныхъ волоконъ. Въ настоящее время употребляютъ два рода свѣтиленъ: *крученыя* и *плетеныя*, изъ которыхъ первыя служатъ обыкновенно для сальныхъ свѣчъ и иногда для восковыхъ свѣчъ, вторыя — для стеариновыхъ, парафиновыхъ, восковыхъ и спермацетовыхъ свѣчъ. Толщина и число нитокъ, изъ которыхъ состоитъ свѣтильня, равно какъ и плотность скручиванія и

плетенія ея, зависятъ отъ поперечника самой свѣчи, равно какъ и отъ матеріала, изъ котораго изготовлена свѣча. Понятно, что толщина, число нитокъ и густота (плотность) пряжи обусловливаютъ число и величину промежутковъ, находящихся въ свѣтильнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—количество освѣтительнаго матеріала, подымаемое свѣтильней въ опредѣленную единицу времени. Это отношеніе опредѣлено опытомъ.

Свѣтильни для сальныхъ свѣчъ дѣлаются толще свѣтиленъ другихъ свѣчъ. Чаще всего для нихъ употребляются свѣтильни крученыя, хотя на нѣкоторыхъ заводахъ употребляютъ слабо-плетеныя свѣтильни. Пряжа, которая берется для этой цѣли, должна быть не сильно скручена, а именно для свѣтиленъ плетеныхъ употребляютъ № 16, а для крученыхъ—№ 8—12. Такъ на одномъ очень извѣстномъ заводѣ:

Для сальныхъ свѣчъ:	8	на фунтъ	(плет.	свѣтил.)	берутъ	42
	7	„	„	„	„	45
	6	„	„	„	„	50
	5	„	„	„	„	55
	4	„	„	„	„	60

нитей № 16. Эти свѣтильни плетутся не туго.

Для стеариновыхъ свѣчъ употребляютъ всегда плетеныя свѣтильни, но только пряжа берется гораздо тоньше и плетется гораздо плотнѣе. Самый тонкій нумеръ пряжи, который употребляется для приготовленія этихъ свѣтиленъ, есть № 40[1]).

4	свѣчи	на	фунтъ	требуютъ	свѣтильню	изъ	108	нитокъ.
5	„	„	„	„	„	„	96	„
6	„	„	„	„	„	„	87	„
8	„	„	„	„	„	„	63	„

---

[1]) Чтобы понять значеніе №№, нужно замѣтить слѣдующее: пряжа поступаетъ въ торговлю въ моткахъ. Мотовила, на которыхъ она готовится, имѣютъ въ окружности $1^1/_2$ ярда или 54 англійскихъ дюйма; 80 нитокъ образуютъ одну связку, которыя въ числѣ семи идутъ на одинъ спускъ, такъ что въ одномъ спускѣ заключается нить длиною въ 54×560 англ. дюймовъ, что составитъ 2 520 англ. футовъ. Число такихъ спусковъ на фунтъ опредѣляетъ нумеръ пряжи: № 16 или 40 значитъ, что на одинъ фунтъ приходится 16 или 40 спусковъ. Это англійское обозначеніе степени тонкости пряжи принято въ Германіи, Бельгіи, Швеціи, Америкѣ и другихъ странахъ. Во Франціи и Австріи принята другая система нумерованія. Нумеръ пряжи одинаковой тонкости по австрійскому обозначенію получится, если нумеръ англійскій раздѣлимъ на 1,22; для полученія французскаго нумера нужно англійскій раздѣлить на 1,18.

Спермацетовыя и парафиновыя свѣчи требуютъ также плетеной свѣтильни, но изъ пряжи еще болѣе тонкой, чѣмъ для свѣчъ стеариновыхъ.

Для восковыхъ свѣчъ употребляютъ совершенно такую же свѣтильню, какъ для стеариновыхъ, какъ въ отношеніи тонкости нитей, такъ и въ отношеніи толщины свѣтильни. Нѣкоторые заводчики употребляютъ для восковыхъ свѣчъ крученыя свѣтильни.

Передъ употребленіемъ, свѣтильни *подготовляютъ* съ цѣлью устранить образованіе нагара и вообще облегчить правильный подъемъ сжигаемаго матеріала по свѣтильнѣ, а слѣдовательно и горѣніе свѣчи. Для этой цѣли было предложено пропитывать свѣтильни растворами очень различныхъ соединеній—сѣрною кислотою, бурою, солями висмута, нашатыря, фосфорноаммоніевой солью и т. д. Лучшимъ растворомъ для названной цѣли считаютъ жидкость, состоящую изъ

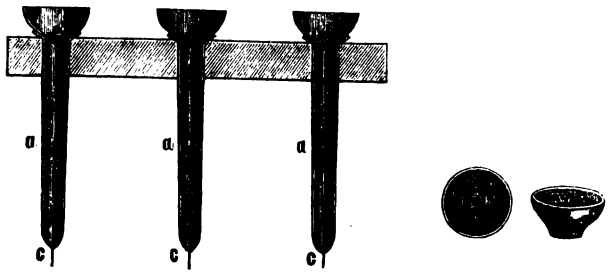
24,4 кгр. воды
70 грм. ангидрида борной кислоты ($Bo_2 O_3$)
10 грм. спирта (крѣпкаго)

и нѣсколькихъ капель сѣрной кислоты. Спиртъ прибавляютъ въ смѣси для болѣе равномѣрнаго распредѣленія борной кислоты по волокнамъ свѣтильни. Подготовленныя свѣтильни употребляютъ преимущественно при приготовленіи стеариновыхъ и парафиновыхъ свѣчъ. Для сальныхъ свѣчъ свѣтильни не подготовляются.

Сальныя свѣчи. Для приданія салу формы свѣчи употребляютъ два способа. Первый, еще до нынѣ примѣняемый на небольшихъ заводахъ, состоитъ въ томъ, что свѣтильни перегибаютъ пополамъ и развѣшиваютъ числомъ 16—18 на деревянной палочкѣ (батожекъ) длиною 76,25 см. и погружаютъ въ расплавленное сало. Когда свѣтильни пропитались саломъ, ихъ обтягиваютъ, даютъ салу на нихъ остыть и снова погружаютъ въ сало. Это обмакиваніе повторяютъ нѣсколько разъ, пока свѣчи не пріобрѣтутъ желаемой толщины. Такія свѣчи называются *маканными*.

Описанный способъ требуетъ много ручной работы и большаго искусства со стороны рабочаго, а потому въ настоящее время на хорошихъ заводахъ употребляютъ второй способъ, который состоитъ *въ отливаніи свѣчъ въ формахъ*. Формы, служащія для этой цѣли (фиг. 94), изготовляются изъ сплава, состоящаго изъ 2 ч. олова и 1 ч. свинца, и почти цилиндрическія внутри: діаметръ верхняго конца формы всего

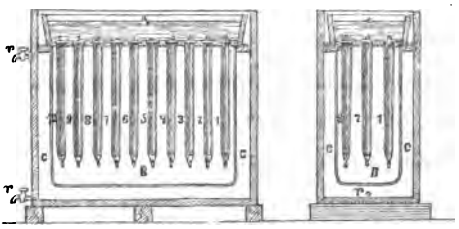
на 2,5 миллиметр. болѣе діаметра нижняго конца. Нижній конецъ заостренъ, и въ вершинѣ его находится отверстіе, черезъ которое проходитъ свѣтильня, закрывая его. На верху формы придѣлана еще воронка, въ узкой части которой помѣщается перекладина, въ серединѣ имѣющая отверстіе для укрѣпленія свѣтильни такимъ образомъ, чтобы удержать свѣтильню въ положеніи соотвѣтствующемъ оси формы.



Ф. 94.

Нѣсколько такихъ формъ устанавливаютъ на столѣ съ цѣлымъ рядомъ отверстій для помѣщенія формъ и наполняютъ саломъ, имѣющимъ температуру близкую той, при которой сало застываетъ. Когда форма остынетъ, свѣча вынимается изъ нея безъ затрудненій, если внутренность формы ровна и гладка. При наливаніи сала нужно наблюдать, чтобы сало, стекая въ форму, оставляло воздуху свободный выходъ изъ формы, въ противномъ случаѣ при застываніи воздухъ останется въ салѣ, образуя ноздреватости.

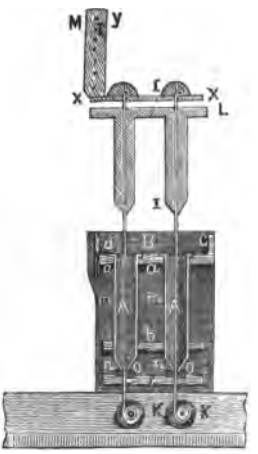
Стеариновыя свѣчи приготовляются исключительно литьемъ, и для этой цѣли служатъ формы, подобныя тѣмъ, какія употребляются при отливаніи сальныхъ свѣчъ. Формы передъ наполненіемъ ихъ стеариномъ должны быть нагрѣты, такъ какъ стеаринъ быстро остываетъ, и свѣчи не имѣли бы ровной поверхности. Это нагрѣваніе производится въ жестяномъ ящикѣ съ двойными стѣнками, въ промежутокъ между которыми пускается водяной паръ (фиг. 95). Формы нагрѣваютъ до 50—60° и вливаютъ въ нихъ стеаринъ при температурѣ близкой его застыванія (40°). Не употребляя указанной предосторожности, стеаринъ въ формахъ легко кристаллизуется, и получаются свѣчи неровнаго и не-



Ф. 95.

красиваго вида. Для предупрежденія кристаллизаціи стеарина въ формахъ было предложено прибавлять къ нему незначительное количество мышьяковистаго ангидрида (употребленіе котораго вредно), а въ болѣе новое время—нѣкоторое количество воска (2—6%) или парафина (до 20%). Послѣ отливанія даютъ формамъ стоять два часа и тогда свѣчи вынимаютъ; такимъ образомъ каждая форма можетъ быть употреблена 3 раза въ сутки.

Съ цѣлью сбереженія времени устроены аппараты для непрерывнаго производства свѣчъ такимъ образомъ, что свѣтильня, намотанная на шпульку, протягивается черезъ форму и только тогда отрѣзывается, когда уже свѣчи отлиты и вынуты изъ формъ. Идея



Ф. 96.

Ф. 97.

аппарата, въ первый разъ предложеннаго въ концѣ сороковыхъ годовъ, будетъ понятна изъ слѣдующаго: *AA*—формы (фиг. 96), которыя ввинчены въ четырехугольный ящикъ *B*, одна изъ стѣнокъ котораго *d* можетъ откидываться внизъ. *KK*—шпульки со свѣтильнею; эта послѣдняя проходитъ черезъ нижнее отверстіе формы, закрывая его, и укрѣпляется въ верхней части ея въ надлежащемъ положеніи особыми щипчиками (фиг. 97). Формы нагрѣваютъ до опредѣленной температуры, наполняютъ стеариномъ и затѣмъ охлаждаютъ. Для нагрѣванія и охлажденія форма помѣщается въ ящикъ, въ который попеременно можетъ быть впускаемъ водяной паръ, или холодная вода, или вдуваемъ воздухъ вентиляторомъ. Когда стеаринъ, помѣщенный въ форму, остылъ, открываютъ щипчики и стѣнку *d* ящика *B*, подкладываютъ металлическую пластинку подъ слой стеарина, на-

ходящагося въ ящикѣ *B*, и подымаютъ отлитыя свѣчи вверхъ, при чемъ одновременно въ форму втягиваютъ новый кусокъ свѣтильни, который укрѣпляютъ въ верхней части формы щипчиками, отрѣзываютъ готовую свѣчку отъ свѣтильни, нагрѣваютъ форму и вновь ее наполняютъ стеариномъ и т. д. Въ одинъ ящикъ помѣщаютъ большое число формъ (не менѣе 16), при чемъ всѣ манипуляціи очень облегчены и производятся автоматически. Приборы, основанные на вышеуказанномъ принципѣ, достигли значительнаго совершенства и употребляются на всѣхъ большихъ стеариновыхъ заводахъ.

Когда свѣчи вынуты изъ формъ, длину ихъ выравниваютъ посредствомъ круглой пилы. Приготовленныя свѣчи иногда выставляютъ на открытый воздухъ; тутъ отъ дѣйствія влаги и свѣта онѣ выбѣливаются. Послѣ этого ихъ полируютъ суконками, смоченными спиртомъ. Обрѣзываніе и полированіе могутъ быть произведены ручнымъ способомъ, хотя въ настоящее время употребляютъ для этихъ операцій машины, ускоряющія работу.

Парафиновыя свѣчи. Для приготовленія парафиновыхъ свѣчъ употребляютъ парафинъ съ точкой плавленія 45—65°, къ которому обыкновенно прибавляютъ нѣкоторое количество стеарина, съ цѣлью возвысить точку плавленія смѣси. Количество прибавляемаго стеарина очень различно (колеблется отъ 3 до 15%) и зависитъ отъ качества перерабатываемаго парафина и точки плавленія, которую долженъ имѣть изготовляемый продуктъ. Чѣмъ ниже точка плавленія перерабатываемаго парафина и чѣмъ выше точка плавленія, которую желаютъ придать полученнымъ свѣчамъ, тѣмъ больше слѣдуетъ прибавлять стеарина. Такъ какъ съ другой стороны для удешевленія стоимости стеариновыхъ свѣчъ въ стеаринъ, служащій для ихъ приготовленія, нерѣдко прибавляютъ отъ 10 до 20% парафина, то въ настоящее время въ торговлѣ (въ особенности за границей) рѣдко встрѣчаются свѣчи, изготовленныя изъ чистаго стеарина или чистаго парафина, и такъ называемыя „парафиновыя“ и „стеариновыя“ свѣчи состоятъ изъ разнообразной смѣси парафина и стеарина.

Парафиновыя свѣчи приготовляются исключительно литьемъ и, чтобы облегчить отливаніе ихъ, парафинъ передъ вливаніемъ въ формы нагрѣваютъ до 60°, а самыя формы до 70°. Послѣ наполненія формъ оставляютъ ихъ нѣсколько минутъ стоять и затѣмъ погружаютъ въ воду. Это быстрое охлажденіе парафина препятствуетъ его

кристаллизаціи и сообщаетъ просвѣчиваніе свѣчамъ, которыя легко вынимаются изъ формъ.

Спермацетовыя свѣчи приготовляются обыкновенно литьемъ, подобно стеариновымъ и парафиновымъ.

Восковыя свѣчи. Воскъ переработывается на свѣчи тремя различными способами—обливаніемъ, сученіемъ и литьемъ.

Обливаніе воскомъ свѣтильни состоитъ въ томъ, что работникъ лѣвою рукою держитъ надъ чашкою свѣтильню, а правою изъ ковша (казана) обливаетъ ее расплавленнымъ воскомъ, при чемъ свѣтильню постоянно вертитъ вокругъ ея оси. Когда на свѣтильнѣ осѣло достаточное количество воска, тогда свѣчи прокатываютъ, что производятъ на мраморной или гладкой доскѣ изъ твердаго дерева, при чемъ подливается немного воды. Магель, которымъ катаютъ, состоитъ изъ гладкой дощечки, снабженной рукояткой и имѣющей 30 см. длины и 19 см. ширины. Послѣ прокатыванія свѣчи внизу обрѣзываютъ и верхніе концы ихъ заостряютъ. Этимъ путемъ приготовляются обыкновенно небольшія свѣчи.

Для приготовленія же большихъ свѣчъ (церковныхъ) употребляется другой способъ, а именно, *сученіе*. Этотъ способъ состоитъ въ слѣдующемъ: берутъ свѣтильню значительной длины и растягиваютъ ее въ горизонтальномъ направленіи между двумя крючками, вбитыми въ стѣну. Куски воска кладутъ въ котелъ, наполненный горячей водою и когда онъ нѣсколько размякнетъ, разминаютъ въ рукахъ или въ особенномъ приборѣ. Куски размягченнаго такимъ образомъ воска снова кладутъ въ теплую воду и когда они сдѣлаются еще мягче, ихъ вынимаютъ изъ воды и отжимаютъ отъ воды между слоями чистаго полотна. Кускомъ такимъ образомъ подготовленнаго воска наващиваютъ свѣтильню, а потомъ облѣпляютъ имъ свѣтильню равномѣрно со всѣхъ сторонъ. Обсучивъ всю свѣтильню, снимаютъ ее, прокатываютъ на столѣ, разрѣзываютъ на свѣчи требуемой длины и очищаютъ одинъ изъ концовъ полученныхъ кусковъ, чтобы обнажить свѣтильню для горѣнія.

Литье восковыхъ свѣчъ отличается отъ литья стеариновыхъ и сальныхъ тѣмъ, что проходящая черезъ форму свѣтильня первоначально обливается воскомъ, съ цѣлью предупредить образованіе пустотъ вокругъ свѣтильни. Кромѣ того воскъ гораздо труднѣе вынимается изъ формъ, чѣмъ стеаринъ и сало, а потому, при употребленіи

металлическихъ формъ, послѣднія, когда воскъ въ нихъ застынетъ, погружаются въ горячую воду передъ вынимaніемъ свѣчъ.

Такъ называемыя *восковыя веревки*, или *вакситоки*, приготовляются такимъ образомъ, что пропускаютъ свѣтильню, намотанную на барабанъ, черезъ расплавленный воскъ, помѣщенный въ плоскомъ мѣдномъ сосудѣ, затѣмъ черезъ отверстіе, сдѣланное къ пластинкѣ и, наконецъ, послѣ остыванія воска, наматывается свѣтильня на другой барабанъ. Когда вся свѣтильня прошла черезъ расплавленный воскъ, переносятъ пластинку съ отверстія на другую сторону сосуда съ расплавленнымъ воскомъ и затѣмъ производятъ операцію въ противоположномъ направленіи, повторяя это протягиваніе свѣтильни черезъ расплавленный воскъ до тѣхъ поръ, пока не получится восковая веревка требуемаго діаметра.

Для обвертыванія восковыхъ свѣчъ употребляютъ проклеенную бумагу и сколь возможно гладкую, такъ какъ при употребленіи непроклеенной бумаги къ свѣчамъ пристали бы волоконца бумаги, которыя причинили бы оплываніе свѣчъ.

Восковыя свѣчи нерѣдко украшаютъ гравюрами, позолотой, цвѣтными рисунками, а также окрашиваютъ ихъ въ различные цвѣта.

Гравюры дѣлаются на свѣчахъ прикладываніемъ къ нимъ, когда онѣ еще не вполнѣ остыли, дощечки изъ твердаго дерева или металлическаго штемпеля, на которыхъ вырѣзаны (барельефомъ) желаемые рисунки. Передъ наложеніемъ, дощечки или штемпеля тщательно смазываются масломъ во избѣжаніе прилипанія формъ къ воску.

Позолоту восковыхъ свѣчъ производятъ слѣдующимъ образомъ: еще нѣсколько мягкій воскъ покрываютъ листовымъ или книжнымъ золотомъ и при помощи хлопчатой бумаги прижимаютъ къ тѣмъ частямъ свѣчи, которыя желаютъ позолотить. Если хотятъ, чтобы какая нибудь гравюра или штемпель были бы вызолочены, на мягкій еще воскъ накладываютъ листовое или книжное золото, прижимая его рукою, и затѣмъ кладутъ соотвѣтствующую доску или штемпель, предварительно смоченные водою, чтобы они не пристали къ золоту. Понятно, что послѣ все лишнее золото и воскъ снимаютъ.

Для сплошнаго *окрашиванія* всей или части свѣчи погружаютъ свѣчу или часть ея въ расплавленный воскъ, предварительно окрашенный, и немедленно опять вынимаютъ, тогда свѣча или часть ея покрывается тонкимъ слоемъ окрашеннаго воска и принимаетъ соотвѣтственный цвѣтъ.

Для приготовленія окрашеннаго воска могутъ быть употребляемы только такія тѣла, которыя при горѣніи свѣчи не образуютъ летучихъ продуктовъ, дурно вліяющихъ на здоровье. Для окрашиванія въ красный цвѣтъ можно употреблять карминъ или вытяжку изъ бразильскаго дерева съ примѣсью квасцовъ; для желтаго—куркуму; для оранжеваго и бураго—орлеанъ; синяго—индиго; зеленаго—сковая или пузырная зелень. Въ настоящее время вмѣсто красокъ растительнаго происхожденія съ успѣхомъ могутъ быть употребляемы различныя смоляныя краски.

Если желаютъ покрыть свѣчи разноцвѣтнымъ рисункомъ, то для этой цѣли употребляютъ тѣ же самыя краски, которыми пользуются для миніатюрныхъ масляныхъ картинъ, только ихъ растираютъ не жирными маслами, а растворомъ чистаго выбѣленнаго воска въ терпентинномъ маслѣ. Растертыя такимъ образомъ краски наводятъ затѣмъ кистью.

Приборы для сожиганія освѣтительныхъ маселъ (лампы).

Сжиганіе жидкихъ освѣтительныхъ матеріаловъ производится въ лампахъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ каждая лампа состоитъ изъ резервуара, въ которомъ помѣщенъ освѣтительный матеріалъ, изъ свѣтильни, погруженной въ резервуаръ и подымающей освѣтительный матеріалъ до пламени, и стекла, служащаго для усиленія притока воздуха. Въ рѣдкихъ случаяхъ въ лампѣ отсутствуетъ стекло или свѣтильня. Для правильнаго горѣнія лампы необходимы тѣ же условія, какія необходимы для правильнаго горѣнія свѣчи,—необходимо именно, чтобы свѣтильня подымала опредѣленное количество освѣтительнаго матеріала, соотвѣтствующее притоку воздуха къ пламени, и чтобы затѣмъ количество подымаемаго освѣтительнаго матеріала было бы одно и то же въ каждую единицу времени, такъ какъ въ противномъ случаѣ сила свѣта лампы будетъ мѣняться.

Разсмотримъ ближе названныя составныя части лампъ, отъ которыхъ зависитъ характеръ и пригодность этихъ послѣднихъ къ сожиганію различнаго рода освѣтительныхъ матеріаловъ.

Свѣтильни бываютъ *круглыя*, *плоскія* и *цилиндрическія*, пустыя внутри (кольцеобразныя). Круглыя свѣтильни состоятъ изъ нѣсколькихъ параллельно сложенныхъ хлопчато-бумажныхъ нитей, иногда немного скрученныхъ. Въ этихъ свѣтильняхъ подъемъ масла, вслѣдствіе капилярности, происходитъ во всей ихъ толщинѣ; достигнувъ вершины, масло разлагается, и отъ вершины вверхъ подымается толстый столбъ газовъ, который приходитъ въ соприкосновеніе съ воздухомъ только на поверхности, внутри же части сгораютъ очень несовершенно. Въ виду этого круглыя свѣтильни, въ особенности значительнаго діаметра, даютъ тусклое и коптящее пламя. Для устраненія этого несоотвѣтствія между притокомъ масла и притокомъ кислорода къ пламени, стали дѣлать плоскія свѣтильни, при употребленіи которыхъ получается пламя, поверхность соприкосновенія котораго съ воздухомъ значительно больше. Но устраняя неудобства съ одной стороны, плоскія свѣтильни представляютъ другаго рода невыгоду: большое соприкосновеніе такой свѣтильни съ воздухомъ значительно понижаетъ температуру горѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаетъ раскаливаніе частичекъ угля, отъ котораго зависитъ яркость пламени; уменьшаются и самые размѣры пламени, именно на концахъ, такъ что пламя при такихъ свѣтильняхъ не подымается ровно кверху, а съуживается съ концовъ; сверхъ того въ практическомъ отношеніи плоскія свѣтильни имѣютъ тотъ недостатокъ, что свѣтъ отъ нихъ не распространяется равномѣрно во всѣ стороны, а главнымъ образомъ на двѣ стороны. Наилучшимъ образомъ удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ цилиндрическія свѣтильни, которыя въ первый разъ введены въ употребленіе швейцарскимъ физикомъ *Аргандомъ* (Argand, 1783). Поверхность соприкосновенія воздуха съ свѣтильнею въ круглыхъ свѣтильняхъ та же, какъ и въ плоскихъ, но такъ какъ пламя, даваемое круглыми свѣтильнями, имѣетъ видъ кольца, то оно вездѣ получаетъ одинаковое количество воздуха и потому вездѣ ровно. Чѣмъ больше хотятъ получить свѣта, тѣмъ большій діаметръ придаютъ свѣтильнѣ; однако, если брать въ разсчетъ количество сгораемаго масла, то выходитъ, что свѣтильни съ большимъ діаметромъ расходуютъ болѣе масла на ту же единицу свѣта, чѣмъ меньшія, такъ какъ въ свѣтильнѣ съ большимъ діаметромъ значительный столбъ воздуха проходитъ внутри его, вовсе не участвуя въ горѣніи, и только понижаетъ температуру пламени. Уменьшеніе діаметра свѣтильни также имѣетъ границы, такъ

какъ при слишкомъ маломъ діаметрѣ количество воздуха, притекающее внутрь пламени, слишкомъ мало. Такъ какъ существуетъ прямая зависимость между діаметромъ свѣтильни, удѣльнымъ вѣсомъ и другими свойствами освѣтительнаго матеріала, то наивыгоднѣйшій размѣръ свѣтильни долженъ быть опредѣленъ изъ непосредственнаго опыта для каждаго освѣтительнаго матеріала.

Для полученія сильныхъ источниковъ свѣта соединяютъ нѣсколько цилиндрическихъ свѣтиленъ, вставляя одну въ другую и оставляя между ними кольцевые промежутки, достаточные для притока воздуха. Такія сложныя свѣтильни примѣняются къ маячнымъ огнямъ.

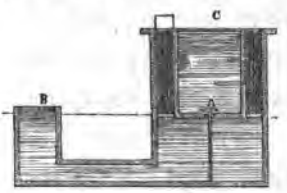
Свѣтильню помѣщаютъ обыкновенно въ металлическую оправу, которая снабжена приспособленіями для подыманія свѣтильни.

Стекло въ лампахъ имѣетъ то же назначеніе, что и труба въ печи: оно служитъ для усиленія и регулированія притока воздуха къ пламени. Чѣмъ выше и у́же стекло, тѣмъ движеніе воздуха быстрѣе и тѣмъ слѣдовательно горѣніе живѣе и пламя больше. Для каждаго размѣра свѣтильни и освѣтительнаго матеріала существуетъ, конечно, опредѣленный наивыгоднѣйшій размѣръ стекла. Обыкновенно стекла въ лампахъ обнимаютъ пламя и начинаются ниже его, при чемъ нижняя часть стекла или расширена (при плоскихъ свѣтильняхъ), или снабжена съуженіемъ (пережимомъ) у пламени (круглыя свѣтильни). Это сжатіе (пережимъ) заставляетъ струю воздуха направляться внутрь пламени, отчего увеличивается яркость этого послѣдняго. Положеніе этого съуженія по отношенію къ пламени имѣетъ большое вліяніе на горѣніе: чѣмъ это съуженіе ближе къ нижнему концу пламени, тѣмъ пламя будетъ ярче и короче. Если это съуженіе подымать выше и выше, то этимъ ослабляется притокъ воздуха къ пламени и оно вытягивается и утрачиваетъ яркость. Между тѣмъ и другимъ положеніемъ съуженія стекла есть наивыгоднѣйшая середина, и потому въ хорошихъ лампахъ (по предложенію Carcel'я) кольцо, поддерживающее стекло, дѣлается подвижнымъ. Діаметръ пережима дѣлается равнымъ внѣшнему діаметру свѣтильни или на 1—2 мм. шире. Въ лампахъ съ плоской свѣтильней, въ которыхъ употребляются грушевидныя стекла, для направленія струи воздуха къ пламени служитъ особенный колпачекъ; въ лампахъ съ кольцеобразной свѣтильней и стекломъ безъ пережима эта цѣль достигается кнопкою (см. ниже). Высота стекла колеблется между 200—260 миллим.

Резервуары лампъ дѣлаются или металлическіе, или фарфоровые, или стеклянные, прозрачные и непрозрачные, при чемъ стеклянные прозрачные резервуары всего болѣе удобны, такъ какъ въ нихъ всего легче наблюдать за уровнемъ масла въ лампѣ и за чистотой какъ резервуара, такъ и масла.

Относительно положенія резервуара и зависящаго отъ того притока масла къ пламени, всѣ лампы могутъ быть подведены подъ слѣдующіе типы: 1) лампы, въ которыхъ горизонтъ масла въ резервуарѣ находится приблизительно на одной высотѣ съ горизонтомъ масла въ свѣтильнѣ, 2) лампы, въ которыхъ резервуаръ расположенъ выше горѣлки, 3) лампы, въ которыхъ резервуаръ ниже горѣлки.

Къ первому типу относятся самыя обыкновенныя лампы (ночники, античныя лампы, а также имѣющія въ настоящее время широкое примѣненіе керосиновыя лампы), въ которыхъ подыманіе освѣтительнаго матеріала къ пламени производится только капилярностью свѣтильни, слѣдовательно съ пониженіемъ горизонта масла въ резервуарѣ необходимо будетъ подыматься его меньше къ пламени и яркость этого послѣдняго будетъ уменьшаться по мѣрѣ сгоранія масла. Это неудобство въ описываемой системѣ лампъ стараются уменьшить тѣмъ, что резервуаръ лампы дѣлаютъ по возможности широкимъ и неглубокимъ.



Ф. 99.

Въ лампахъ втораго типа резервуаръ помѣщается выше горизонта масла въ горѣлкѣ, что даетъ возможность сдѣлать горизонтъ постояннымъ. Достигаютъ такого результата посредствомъ маріоттоваго сосуда, примѣненнаго къ лампамъ извѣстнымъ химикомъ *Прустомъ* (Proust, около 1780 г.). На фиг. 99 резервуаръ съ масломъ представляетъ цилиндрическій сосудъ, въ который вставленъ другой цилиндрическій сосудъ *C* въ опрокинутомъ положеніи; трубка, идущая отъ нижней части резервуара, сообщается съ горѣлкой. Сосудъ *C* имѣетъ внизу отверстіе *A*, закрытое клапаномъ, который открывается, какъ скоро цилиндръ *C* опрокинутъ въ резервуаръ. Когда лампу нужно наполнить масломъ цилиндръ *A* вынимаютъ изъ резервуара, наполняютъ масломъ и въ опрокинутомъ положеніи опускаютъ опять въ этотъ послѣдній. Сначала клапанъ, закрывающій нижнее отверстіе, мѣшаетъ маслу выливаться, но лишь только стержень клапана коснется дна

резервуара, — клапанъ открывается, и масло будетъ выливаться до тѣхъ поръ, пока горизонтъ его въ резервуарѣ не достигнетъ отверстія опрокинутаго цилиндра и не закроетъ его; тогда воздухъ не можетъ проходить въ верхнюю часть надъ масломъ и вытеканіе его изъ *C* прекращается. Въ горѣлкѣ *B* масло будетъ стоять на одномъ горизонтѣ съ отверстіемъ клапана, и по мѣрѣ сгоранія масла горизонтъ его въ горѣлкѣ и резервуарѣ будетъ понижаться; какъ скоро онъ станетъ ниже отверстія *A*, то въ цилиндръ черезъ это отверстіе вступитъ внѣшній воздухъ и вытѣснитъ изъ *C* соотвѣтствующій объемъ масла,—тогда опять горизонтъ въ резервуарѣ и въ горѣлкѣ приметъ прежнюю высоту. Такимъ образомъ въ этихъ лампахъ горизонтъ масла въ горѣлкахъ хотя и измѣняется, но измѣняется очень незначительно. Лампы описаннаго типа при хорошемъ устройствѣ доставляютъ пламя съ постоянной силою свѣта, даже при сжиганіи тяжелыхъ маселъ, но въ нихъ резервуаръ находится сбоку, отчего свѣтъ не распространяется равномѣрно во всѣ стороны, чѣмъ ограничивается ихъ употребленіе.

Въ лампахъ третьяго типа, резервуары которыхъ помѣщены ниже горѣлки, освѣтительный матеріалъ доставляется къ пламени посторонними постоянно дѣйствующими силами, а именно: или упругостью сжатаго воздуха, какъ въ героновомъ фонтанѣ (аэростатическія лампы), или на началѣ сообщающихся сосудовъ столбомъ жидкости, удѣльный вѣсъ которой больше удѣльнаго вѣса освѣтительнаго матеріала (гидростатическія лампы), или наконецъ упругостью стальной пружины (механическія лампы).

Изъ всѣхъ этихъ видовъ лампъ самой совершенной и удобной оказалась механическая лампа съ модераторомъ, изобрѣтенная часовыхъ дѣлъ мастеромъ *Карселемъ* (1800) и доведенная до полнаго совершенства *Франшо* (Franchot, 1854). Въ этой лампѣ (фиг. 100) резервуаръ помѣщается въ нижней части подставки, а въ верхнюю часть резервуара входитъ поршень, діаметръ котораго равенъ діаметру резервуара. Поршень движется очень медленно и въ одинъ ходъ опорожняетъ сосудъ съ масломъ. Онъ приводится въ движеніе крѣпкой стальной пружиной въ родѣ мебельныхъ. Пружину заводятъ или сжимаютъ тѣмъ, что посредствомъ ключа и шестерни поднимаютъ зубчатый стержень и съ нимъ поршень. Сжатая пружина стремится принять прежнее положеніе—раздвинуться, поршень опускается и за-

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1894 г. Годъ 6-й.

Продолжается подписка на

„ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ,“

издаваемое Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,

подъ редакціей секретаря отдѣла Н. А. Янчука,

при участіи гг. членовъ Общества и другихъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ.

Изданіе посвящено всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи, причемъ ближайшими предметами статей и изслѣдованій служатъ слѣдующіе вопросы:

1. Вѣрованія, обычаи, обряды. 2. Народная словесность, языкъ. 3. Народная музыка, живопись и другія искусства. 4. Народная медицина. 5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д. 6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ. 7. Историческая и доисторическая этнографія. 8. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ этнографовъ.

Обширный Библіографическій Отдѣлъ изданія заключаетъ въ себѣ:

1) Отзывы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, по скольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи. 2) Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ провинціальныхъ періодическихъ изданій съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала. 3) Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Въ отдѣлѣ „Смѣси“ сообщаются мелкіе этнографическіе матеріалы.

Наконецъ, въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учрежденій, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности даются также приложенія: портреты этнографовъ, образцы народной музыки, и т. п.

„Этнографическое Обозрѣніе“ выходитъ 4-мя книжками въ годъ (около 15 листовъ каждая) въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ.

Цѣна годомому изданію безъ перес. 4 р. 50 к.. съ перес. 5 р., заграницу 6 р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и вышедшія, продаются въ складѣ при канцеляріи Общества и въ книжныхъ магазинахъ по 1 р. 50 к. съ перес.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (Москва, Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина (Москва и Петерб.), Н. П. Карбасникова (Москва, Петерб. и Варшава), А. А. Карцева (Москва), Н. И. Мамонтова (Москва) и А. Ланга (Москва).

Адресъ Редакціи: Москва, Политехническій Музей.

—

Распоряженіемъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія изданія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи рекомендованы для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднеучебныхъ заведеній.

1—2

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1894 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежняя: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, нужныя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его учрежденій.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонніхъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по предметамъ.
5. Программы, конспекты, библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ ученыя ея отдѣлы.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Упомянутыя статьи распредѣляются на двѣ части—(1—оффиціальную: протоколы, отчеты и т. п. 2) — неоффиціальную (смѣшаннаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій университетской литературы (русской и иностранной), и *научной хроники* заключающей въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, существующихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* помѣщаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1894 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, а съ пересылкой **семь рублей.** Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.